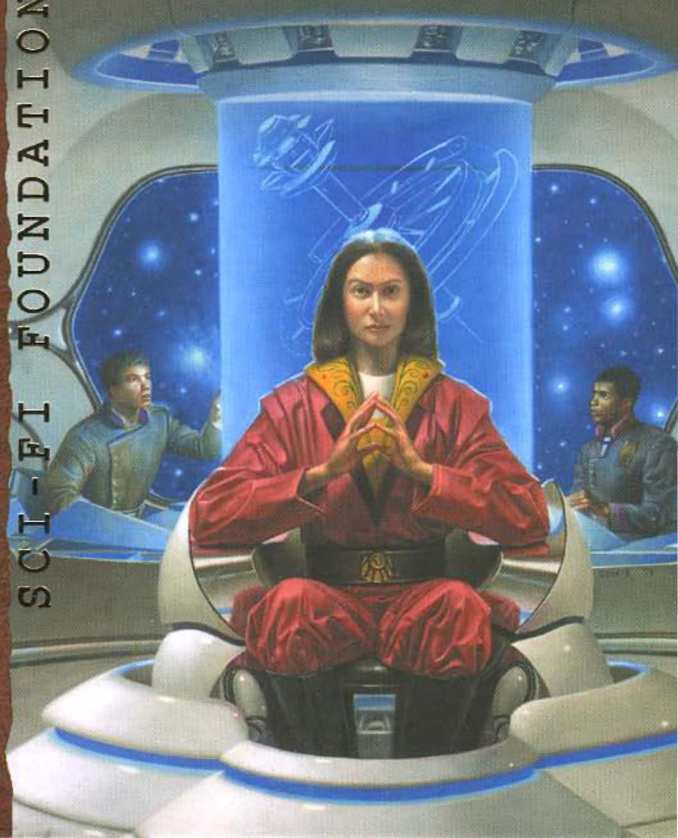
Весь

ХАЙНЛАЙН

ВНЕ ВСЯКИХ СОМНЕНИЙ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

SCI-FI FOUNDATION



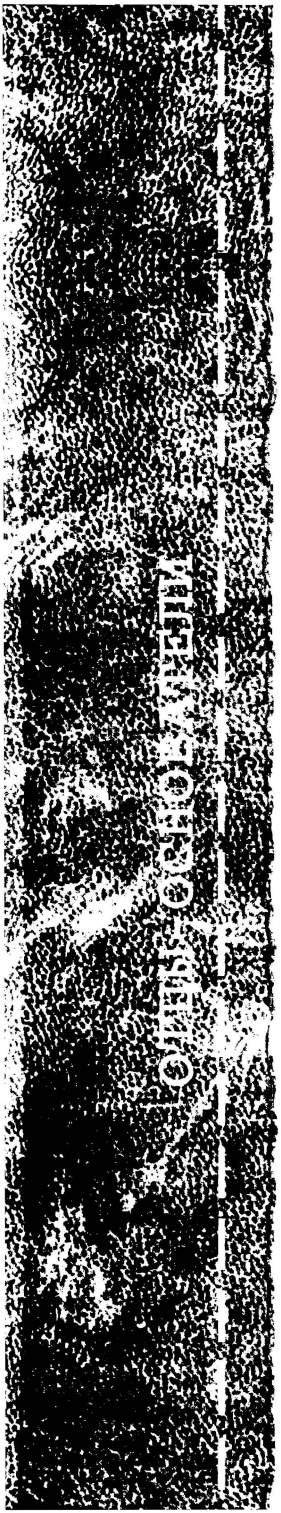
Весь

ХАЙНЛАЙН

Весь

ХАЙНЛАЙН

КУКЛОВОДЫ
ПАСЫНКИ ВСЕЛЕННОЙ
ДОРОГА ДОБЛЕСТИ
ГРАЖДАНИН ГАЛАКТИКИ
ТУННЕЛЬ В НЕБЕ
ЧУЖАК В СТРАНЕ ЧУЖОЙ
СВОБОДНОЕ ВЛАДЕНИЕ ФАРНХЭМА
КОТ, ПРОХОДЯЩИЙ СКВОЗЬ СТЕНЫ
УГРОЗА С ЗЕМЛИ
ЧИСЛО ЗВЕРЯ
ВНЕ ВСЯКИХ СОМНЕНИЙ



Роберт

ХАЙНЛАЙН

ВНЕ ВСЯКИХ СОМНЕНИЙ

Москва
ЭКСМО
Санкт-Петербург
TERRA FANTASTICA
2007

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Х 16

Robert A. Heinlein

STORIES

© 1941 ... 1980 by Robert A. Heinlein

Составитель и автор комментариев *А. Ермолаев*

Оформление художника *А. Саукова*

Серия основана в 2003 году

Хайнлайн Р.

Х 16 Вне всяких сомнений: Фантастические повести и рассказы / Роберт Хайнлайн; [пер. с англ.; сост. и автор коммент. А. Ермолаев; ил. Я. Ашмариной]. – М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2007. – 832 с.: ил. – (Отцы-основатели. Весь Хайнлайн).

ISBN 5-7921-0742-6 (TF)
ISBN 978-5-699-24451-5 (Эксмо)

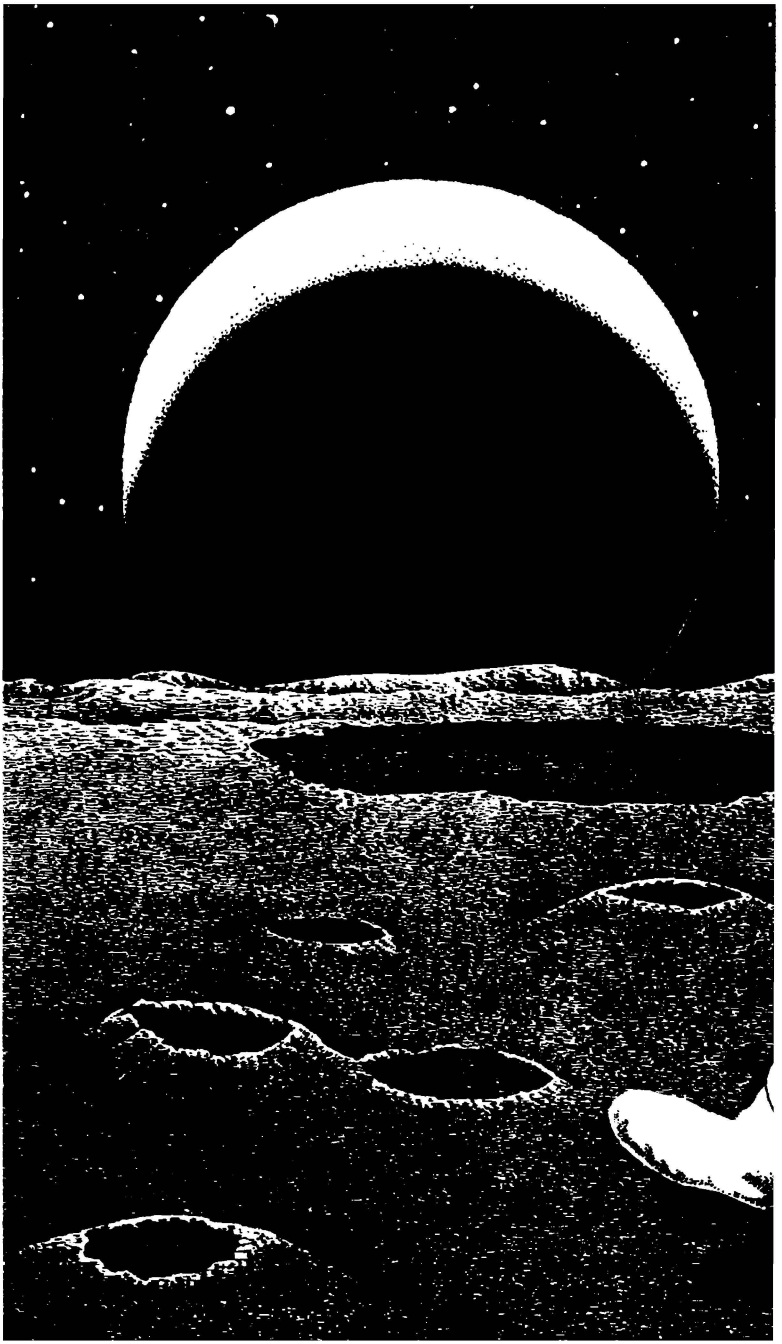
В очередной том собрания сочинений Роберта Хайнлайна вошли его блестящие рассказы и повести, созданные в разные годы. Великий Мастер фантастики обращается в них к своим излюбленным темам – покорение звездного пространства и невероятное в повседневной жизни простых американцев.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© **Перевод. П. Вязников, В. Гольдич, И. Гурова, А. Етоев, И. Зивьева, Б. Иванов, В. Ковалевский, В. Ларионов, М. Левин, И. Оганесова, М. Пчелинцев, Д. Старков, Т. Тихонова, С. Трофимов, Н. Штуцер, 2007**
© **Иллюстрации. Я. Ашмарина, 2007**
© **TERRA FANTASTICA, 2007**
© **Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2007**

ISBN 5-7921-0742-6
ISBN 978-5-699-24451-5

ВНЕ ВСЯКИХ СОМНЕНИЙ



НЕПРИЯТНАЯ ПРОФЕССИЯ ДЖОНАТАНА ХОГА

Бесстрашно отгоните
Надежд самообман,
С достоинством примите
Тот жребий, что нам дан:
Отжив, смежим мы веки,
Чтоб не восстать вовеки,
Все, как ни вьются, реки —
Вольются в океан.

*А. И. Суинберн**

I

— Это что, кровь?

Джонатан Хог нервно облизнул пересохшие губы и подался вперед, пытаясь прочитать, что написано на лежащем перед врачом листке бумаги.

Доктор Потбери пододвинул бумажку к себе и взглянул на Хога поверх очков.

© М. Пчелинцев, перевод

* Перевод М. Донского.

— А почему вы, собственно, думаете, что у вас под ногтями кровь? Есть какая-нибудь причина?

— Нет. То есть... Ну, в общем, нет. Но ведь это все-таки кровь, так ведь?

— Нет,— с каким-то нажимом сказал Потбери.— Нет, это не кровь.

Хог знал, что должен почувствовать облегчение. Но облегчения не было. Было внезапное осознание: все это время он судорожно цеплялся за страшную догадку, считая коричневатую грязь под своими ногтями засохшей кровью, с единственной целью — не думать о чем-то другом, еще более невыносимом.

Хога слегка затошнило. Но все равно он обязан узнать...

— А что это, доктор? Скажите мне.

Потбери медленно смерил его взглядом.

— Вы пришли ко мне с вполне конкретным вопросом. Я на него ответил. Вы не спрашивали меня, что это за субстанция, вы просили определить, кровь это или нет. Это не кровь.

— Но... Вы издеваетесь надо мной. Покажите мне анализ.

Приподнявшись со стула, Хог протянул руку к лежащей перед врачом бумаге.

Потбери взял листок, аккуратно разорвал его пополам, сложил половинки и снова разорвал их. И снова.

— Да какого черта!

— Поищите себе другого врача,— сказал Потбери.— О гонораре можете не беспокоиться. Убирайтесь. И чтобы ноги вашей здесь больше не было.

Оказавшись на улице, Хог направился к станции надземки. Грубость врача буквально потрясла его. Грубость пугала его — точно так же, как некоторых пугают змеи, высота или тесные помещения. Дурные манеры, даже не направленные на него лично, а только проявленные при нем, вызывали у Хога тошноту, чувство беспомощности и крайний стыд.

А уж если мишенью грубости становился он сам, единственным спасением было бегство.

Поставив ногу на нижнюю ступеньку лестницы, ведущей к эстакаде, он замялся. Даже при самых лучших обстоятельствах поездка в надземке была суровым испытанием — толчея, давка, жуткая грязь и каждую секунду — шанс нарваться на чью-либо грубость, сейчас ему этого просто не выдержать. Хог подозревал, что, услышав, как вагоны визжат на повороте, он завизжит и сам.

Он развернулся и тут же был вынужден остановиться, оказавшись нос к носу с каким-то человеком, направлявшимся к лестнице.

— Поосторожней, приятель,— сказал человек, проходя мимо отпрыгнувшего в сторону Хога.

— Извините,— пробормотал Хог, но человек был уже далеко.

Фраза, произнесенная прохожим, звучала резковато, но отнюдь не грубо, так что случай не должен был обеспокоить Хога, однако обеспокоил. Его вывели из равновесия одежда, лицо, даже сам запах этого человека. Хог прекрасно понимал, что поношенный комбинезон и кожаная куртка — совсем не повод для упрека, равно как и слегка запачканное лицо с полосами засохшего трудового пота. Козырек фуражки встречного украшала овальная кокарда с номером и какими-то буквами. Хог решил, что этот человек — водитель грузовика, или механик, или сборщик — словом, представитель одной из тех квалифицированных профессий, благодаря которым бесперебойно крутятся колесики и шестеренки нашей цивилизации. Скорее всего, добропорядочный семьянин, любящий отец и хороший кормилец, а самые большие его отклонения от добродетели — лишняя кружка пива да склонность поднимать на гривенник, имея на руках две пары.

А то, что Хог позволяет себе брезгливо относиться к такой внешности и предпочитает белую рубашку, приличное пальто и перчатки,— это просто каприз, другого слова и не подберешь. И все же, исходи от этого человека запах лосьона для бритья, а не пота, случайная встреча не оставила бы такого неприятного впечатления.

Все это Хог сказал себе, а заодно назвал себя глупым и слабонервным. И все же — неужели такое грубое, зверское лицо может быть маской, за которой скрываются теплота и чувствительность? С этой-то бесформенной картошкой вместо носа, с этими свинячьими глазками?

Ладно, все это ерунда, он поедет домой на такси и не будет ни на кого смотреть. Вот как раз и стоянка — чуть впереди, перед деликатесной лавкой.

— Куда едем?

Дверца такси была распахнута, в голосе шофера звучала безликая, безразличная настойчивость.

Хог поймал его взгляд, чуть поколебался и передумал. Опять это скотство — глаза, лишенные глубины, кожа, обезображенная черными головками угрей и крупными порами.

— М-м-м... извините, пожалуйста. Я кое-что забыл.

Хог отвернулся от машины и тут же снова был вынужден резко остановиться — кто-то вцепился ему в талию, как оказалось — маленький мальчик на роликовых коньках. Восстановив равновесие, Хог придал своему лицу выражение отеческой доброты, которое использовал при общении с детьми.

— Ну, ну, малыш.

Взяв мальчика за плечо, он осторожно отодрал его от себя.

— *Морис!*

Голос прозвучал над самым ухом, визгливый и бессмысленный. Кричала женщина, высокая и пухлая, только что появившаяся в дверях деликатесной лавки. Схватив мальчика за другое плечо, она рванула его в сторону, одновременно замахиваясь свободной рукой — с очевидной целью врезать ему по уху. Хог начал было защищать мальчика, но осекся, увидев, с каким выражением смотрит на него женщина. Почувствовав настроение матери, мальчишка пнул Хога ногой.

Стальные ролики ободрали голень. Было очень больно. Хог пошел прочь, куда попало, лишь бы уйти. Слегка прихрамывая из-за пострадавшей ноги, он свернул в первый же пе-

реулок, уши и затылок Хога горели от стыда, словно он вправду обидел этого щенка, на чем и был постыдно пойман.

Переулок оказался не лучше улицы. Его не окаймляли витрины магазинов, над ним не висел стальной желоб надземки, зато здесь сплошной стеной стояли жилые дома, четырехэтажные, перенаселенные чуть ли не как ночлежки.

Поэты воспевают прекрасное и невинное детство. Только вряд ли их восторги относятся к обитателям такого вот переулка, да еще увиденным глазами Хога. Мальчишки напоминали ему крысят — злобные, пустые, не по годам ушлые. Девчонки — ничем не лучше. У восьми-девятилетних, неоформившихся и костлявых, все ясно написано на сморщенных личиках — сплетницы, мелкие злобные душонки, рожденные для каверз и глупой болтовни. Их чуть более старшие сестрички, едва вышедшие из детского возраста, но уже насквозь пропитанные трущобным духом, заняты, похоже, единственной мыслью — как бы произвести впечатление своими столь недавно обретенными женскими прелестями; объектом этих стараний являлся, естественно, не Хог, а прыщавые юнцы, околачивавшиеся вокруг драгстора.

Даже младенцы в колясках... Хог любил разыгрывать роль доброго дядюшки, считая, что ему нравятся маленькие дети. Только не эти. Обмотанные соплями, вонючие, жалкие, непрерывно визжащие...

Маленькая гостиница напоминала тысячи ей подобных, явно третьеразрядная и без малейших претензий на что-либо большее. Неоновая вывеска «Отель Манчестер», а ниже — помельче: «Комнаты для постоянных и временных жильцов». Вестибюль шириной всего в половину здания, длинный, узкий и плохо освещенный. Такое заведение не замечаешь, если только не ищешь его специально. В таких местах останавливаются коммивояжеры, вынужденные экономить командировочные, а постоянно живут одинокие люди, которым не по карману что-либо лучшее. Единственный лифт представлял собой клетку из железных прутьев, кое-как заляпанную золотой краской. Пол вестибюля кафельный, по

углам — латунные плевательницы. Конторка портье, две чахлые пальмы в бочках и восемь кожаных кресел. Одинокие, ничейные старики, у которых, кажется, даже и прошлого никогда не было, сидят в этих креслах, живут в номерах где-то наверху. В этих номерах их и находят время от времени — качающимися на люстре, в петле из собственного галстука.

* * *

Хог не собирался заходить в «Манчестер», просто по тротуару неслась стайка детей, и ему пришлось попятиться, чтобы не быть сбитым с ног. Видимо, какая-то игра, до ушей донесся конец пронзительно выкрикиваемой считалки: «...летела мина из Берлина, по-немецки говорила, пендель в жопу, в глаз кулак, кто последний, тот дурак».

— Вы кого-нибудь ищете, сэр? Или желаете снять комнату?

Хог удивленно повернулся. Комната? Больше всего хотелось оказаться в собственной, такой уютной квартире, но в данный момент комната, любая комната, лишь бы в ней можно было запереться, отгородиться дверью от внешнего мира, тоже казалась чуть не пределом мечтаний.

— Да, мне нужна комната.

Развернув регистрационную книгу, портье пододвинул ее к Хогу.

— С ванной или без? С ванной — пять пятьдесят, без — три с полтиной.

— С ванной.

Портье смотрел, как Хог расписывается в книге и отсчитывает деньги, но потянулся за ключом, только получив пять долларов пятьдесят центов.

— Рады иметь вас своим гостем. Билл! Проводи мистера Хога в четыреста двенадцатый.

Единственный рассыльный, скучавший в вестибюле, проводил Хога в ту самую золоченую клетку и искоса окинул взглядом с головы до ног, не упустив из внимания дорогой плащ и полное отсутствие вещей. В номере он чуть-чуть при-

открыл окно, включил в ванной свет и в ожидании замер у двери.

— Может, ищете кого-нибудь? — поинтересовался он.— Помощь нужна?

Хог сунул ему чаевые.

— Уматывай,— неожиданно грубо сказал он.

Похабная ухмылка исчезла с лица рассыльного.

— Как знаете,— пожал он плечами.

В комнате находилась двуспальная кровать, комод с зеркалом, стул и кресло. Над кроватью висела окантованная гравюра, изображавшая, если верить надписи, «Колизей в лунном свете». Но дверь запиралась не только на замок, но и на засов, а окно выходило не на улицу, а в узкий проулок. Хог опустился в кресло. Продавленное сиденье сейчас его не волновало.

Он снял перчатки и посмотрел на свои ногти. Абсолютно чистые. А может, все это просто галлюцинация? Может, он и не ходил к доктору Потбери? Если у человека однажды была потеря памяти, это может в любой момент повториться, да и галлюцинации — тоже.

Верно, но не могло же все это ему просто примерещиться, слишком уж ярки воспоминания. Или могло? Он начал перебирать события в памяти.

* * *

Сегодня среда, у него был выходной, как и всегда по средам. Вчера он вернулся с работы обычным путем и в обычное время. Он начал одеваться к ужину — несколько рассеянно, так как одновременно решал, куда пойти. Попробовать этот новый итальянский ресторанчик, который так расхваливает чета Робертсонов? А может, надежнее будет положиться на неизменно аппетитный гуляш, приготовленный шеф-поваром «Будапешта»?

Решение остановиться на последнем, более безопасном варианте было уже почти принято, когда зазвонил телефон. Хог чуть не прозевал этот звонок из-за воды, шумевшей в раковине.

Услышав что-то вроде звонка, он закрыл кран. Ну, так и есть — телефон.

Звонила миссис Поумрой Джеймсон, одна из тех немногих, в гости к кому он любил ходить, очаровательная женщина, а заодно еще и обладательница повара, который умеет готовить прозрачные супы, не напоминающие по вкусу воду, оставшуюся после мытья посуды. И соусы. Так что проблема решилась сама собой.

— Меня неожиданно подвели в самый последний момент, и мне просто необходим еще один мужчина за столом. Вы свободны? И вы согласитесь мне помочь? Согласны? Мистер Хог, вы просто душка.

Хог очень обрадовался, нимало не обижаясь, что его позвали в последнюю секунду вместо кого-то другого, нельзя же, в конце концов, ожидать, что тебя будут приглашать на каждый маленький ужин. Он был в восторге от возможности оказать услугу Эдит Поумрой. Она подавала к рыбе незамысловатое, но вполне пристойное белое вино и никогда не опускалась до распространенного сейчас вульгарного обычая подавать шампанское когда попало. Прекрасная хозяйка, и Хогу льстило, что она так легко обратилась за помощью именно к нему. Значит, она чувствовала, что, даже не запланированный заранее, он хорошо впишется в компанию гостей.

Вот с такими мыслями в голове, вспоминал Хог, он и одевался. Наверное, за всеми этими волнениями, да еще с телефонным звонком, прервавшим привычные процедуры, он и забыл почистить ногти.

Да, так оно, скорее всего, и произошло. Уж конечно, ему негде было испачкать ногти — да еще таким жутким образом — по пути к Поумроям, к тому же он был в перчатках.

И кто бы там увидел эти ногти, он бы и сам ничего не заметил, если бы не золовка миссис Поумрой — женщина, которой Хог всегда старался по возможности избегать. С недопускающей сомнения уверенностью, считающейся почему-то современной, она провозгласила, что род занятий человека оставляет на нем безошибочные следы.

— Возьмите, например, моего мужа — ну кем он может быть, как не адвокатом? Или вы, доктор Фиттс, всегда словно у постели больного.

— Надеюсь, не тогда, когда я на званом ужине?

— Но полностью от этого вам никогда не избавиться.

— Пока что вы ничего нам не доказали. Вы же знаете, кто мы такие.

После чего эта до крайности неприятная женщина окинула взглядом сидящих за столом и уставилась в конце концов на Хога.

— Пусть меня проверит мистер Хог. Я не знаю, чем он занимается. Никто не знает.

— Ну что ты придумываешь, Юлия.

Увидев, что уговоры бесполезны, миссис Поумрой повернулась к своему соседу слева.

— В этом году Юлия занялась психологией,— улыбнулась она.

Левый ее сосед, Садкинс, или Снаггинс, или нет, Стаббинс, так вот, этот Стаббинс спросил:

— А каков род занятий мистера Хога?

— Это — маленькая тайна. Он никогда не разговаривает в обществе о работе.

— Да нет,— вмешался Хог.— Я просто не считаю...

— Только не говорите,— остановила его эта женщина.— Я сейчас определю сама. Какое-то из профессиональных занятий. Я так и вижу вас с портфелем.

Он и не собирался ничего ей говорить. Некоторые предметы годятся для обсуждения за столом, некоторые — нет. Но она продолжала:

— Возможно, вы занимаетесь финансами. А может, торгуете картинами или книгами. Похожи вы и на писателя. Покажите мне ваши руки.

Несколько обескураженный такой просьбой, Хог положил, однако, руки на стол без малейших опасений.

Женщина прямо бросилась на него.

— Ну вот, все ясно. Вы химик.

* * *

Все повернули головы. И все увидели темные каемки под его ногтями. Наступившую на мгновение тишину нарушил ее муж.

— Что за ерунда, Юлия. Ногти можно испачкать десятками различных способов. Возможно, Хог балуется фотографией или гравирует по металлу. Твоя догадка не пройдет без доказательств ни в одном суде.

— Вот, полюбуйтесь, как рассуждают адвокаты! А я уверена, что не ошибаюсь. Ведь правда, мистер Хог?

Все это время он неотрывно смотрел на свои ногти. Появиться на званом ужине с грязными ногтями — уже одного этого было достаточно для расстройства.

Но Хог к тому же не имел ни малейшего представления, где он мог испачкать ногти. На работе? Вероятно, да, но только чем он занимался на работе?

Он не знал.

— Так скажите, мистер Хог, ведь я права, верно ведь?

С большим трудом отведя глаза от этих жутких каемок, Хог еле слышно пробормотал: «Прошу извинить меня» и встал из-за стола. В ванной он, поборов беспричинное отвращение, вытащил перочинный нож и выскреб из-под ногтей липкую красновато-коричневую грязь. Непонятная субстанция пристала к лезвию, он вытер его бумажной салфеткой, чуть помедлил, сложил салфетку и сунул ее в жилетный карман. А затем взял щетку и несколько раз тщательно вымыл руки.

Хог не мог уже вспомнить, в какой именно момент появилась у него уверенность, что это вещество — кровь, человеческая кровь.

Он сумел найти котелок, плащ, перчатки и трость, не обращаясь за помощью к горничной, и, ни с кем не прощаясь, торопливо покинул дом гостеприимной хозяйки.

Обдумывая это происшествие сейчас, в тишине убогого гостиничного номера, Хог понял, что первый его страх был вызван инстинктивным отвращением при виде темно-крас-

ной грязи под ногтями. И лишь потом он осознал, что не понимает, где мог испачкать ногти, не понимает потому, что не помнит, где был сегодня. Или вчера. Или в любой из предыдущих дней. Он не знал, какая у него профессия.

Это было нелепо, чудовищно — и очень пугало.

Ужинать Хог не стал, чтобы не покидать жалкую, но зато спокойную комнатушку; около десяти часов он наполнил ванну довольно горячей — какая уж текла из крана — водой и лег в нее. Купание немного успокоило, судорожно мелькавшие мысли пришли хоть в какой-то порядок. «Во всяком случае,— утешал себя Хог,— если я не способен вспомнить род своих занятий, то, уж конечно, не смогу к ним вернуться. И, значит, не рискую снова обнаружить у себя под ногтями эту мерзость».

Хог вылез из ванны, вытерся, лег и, несмотря на непривычную кровать, сумел в конце концов уснуть.

Проснулся он от какого-то страшного сна, хотя не сразу это понял, настолько убогая безвкусица комнаты согласовывалась со сном. Когда он осознал, где и почему находится, даже кошмарный сон показался предпочтительнее реальности. Правда, вспомнить, что именно снилось, Хог уже не мог. На часах обычное время его утреннего подъема; позвонив коридорному, Хог заказал завтрак в номер.

К тому времени, как из расположенного за углом ресторанчика принесли завтрак, он уже оделся и был полон нетерпеливого желания отправиться домой. Выпив две чашки безвкусного кофе и поковыряв еду, Хог покинул гостиницу.

Войдя в свою квартиру, он повесил плащ и шляпу, снял перчатки и привычно направился в ванную. Здесь он тщательно вычистил ногти левой руки и как раз взялся за правую, когда сообразил, чем занимается.

Ногти левой его руки были белыми и чистыми, а правой — темными и грязными. Изо всех сил стараясь сдерживаться, Хог выпрямился, взял с туалетного столика свои часы, затем пошел в спальню и проверил их по висящим там электрическим часам. И те и другие показывали десять минут седьмого — обычное время, когда он возвращается домой *вечером*.

Возможно, он и забыл свою профессию, но вот она-то о нем не забыла.

II

Ночной телефон фирмы «Рэндалл и Крэг, конфиденциальные расследования» располагался не в конторе, а на квартире — это было удобнее, так как Рэндалл женился на Крэг еще на заре их делового сотрудничества. Младший партнер только что положила грязные после ужина тарелки в раковину и теперь пыталась принять решение: нужна ли ей «книга месяца», рекомендованная клубом, когда раздался телефонный звонок и пришлось брать трубку.

— Да? — спросила она не очень довольным голосом и добавила через несколько секунд: — Да.

Старший партнер приостановил свое занятие, а занятием этим было весьма сложное научное исследование, связанное с оружием, баллистикой и некоторыми крайне эзотерическими аспектами аэродинамики,— говоря конкретно, он отрабатывал бросок дарта из-под руки, причем мишенью служило прикрепленное к доске для резки хлеба цветное изображение самой модной сейчас в обществе девицы. Один дарт воткнулся красотке прямо в левый глаз, теперь шли попытки придать лицу симметрию.

— Да,— снова сказала Крэг, жена Рэндалла.

— А ты попробуй сказать «нет»,— посоветовал ей муж.

— Заткнись и дай карандаш,— ответила она, прикрыв микрофон рукой, а затем перегнулась через столик и сняла с крюка висевший на стене блокнот.

— Да, говорите.

Получив от супруга карандаш, она изобразила на бумаге несколько крючков и загогулин, которыми пользуются стенографистки вместо нормальных человеческих букв.

— Не думаю,— сказала она после некоторой паузы.— В такое время мистера Рэндалла обычно нет. Он предпочитает

принимать клиентов в нормальные рабочие часы. Мистер Крэг? Нет, мистер Крэг не сможет вам помочь. Да, уверена. Даже так? Подождите секунду, не вешайте трубку, я попробую узнать.

Рэндалл совершил еще одно покушение на очаровательную девушку. Дарт воткнулся в ножку радиолы.

— Так что там?

— Звонит какой-то тип, которому просто не терпится увидеться с тобой, и прямо сегодня. По фамилии Хог, Джонатан Хог. Заявляет, что ему физически невозможно посетить тебя днем. Сперва не хотел говорить, что у него за дело, а когда попробовал — наплел нечто несусветное.

— Джентльмен или жлоб?

— Джентльмен.

— С деньгами?

— Похоже. Эта сторона его вроде не беспокоит. Возьми-ка ты это дело, Тэдди. Пятнадцатое апреля на носу.

— О'кей. Дай мне его.

Отмахнувшись от мужа, она снова заговорила в трубку.

— К счастью, я сумела все-таки найти мистера Рэндалла. Через несколько секунд он сможет с вами поговорить. Подождите, пожалуйста.

Прервав разговор, она аккуратно отсчитала по часам тридцать секунд, а затем сказала:

— Мистер Рэндалл на проводе. Говорите, мистер Хог,— и сунула трубку мужу.

— Говорит Эдвард Рэндалл. В чем у вас дело, мистер Хог?

Выслушав Хога, Рэндалл заключил:

— Мистер Хог, думаю, вам все-таки лучше зайти сюда утром. В конце концов, мы ведь тоже люди и должны когда-то отдыхать, во всяком случае, я — должен... Хочу сразу предупредить вас, мистер Хог, когда солнце опускается, цены у меня поднимаются... Ну, дайте немного подумать. Я как раз собирался идти домой. По правде говоря, я только что позвонил своей жене, и она ждет меня, а вы же знаете, что такое женщины. Но если бы вы согласились зайти ко мне домой

минут через двадцать, то есть в... э-э... восемь семнадцать, мы могли бы поговорить. Хорошо. У вас есть под рукой карандаш? Пишите адрес...

Рэндалл положил трубку на рычаг.

— Ну, и кем же буду я на этот раз? Женой, партнером или секретаршей?

— А ты сама как думаешь? Ведь это ты с ним говорила.

— Лучше, пожалуй, женой, а то голос у него малость чопорный.

— Женой так женой.

— И я переоденусь в платье. А ты, Мозговой Центр, убрал бы куда-нибудь эти свои цацки.

— Может, не стоит? Хороший штрих, такая, знаешь ли, небольшая невинная эксцентричность.

— Давай тогда выложим еще трубочный табак в ковровом шлепанце. Или сигареты «Реджи».

Она выключила верхний свет, а затем поставила стол и торшеры таким образом, чтобы кресло, в которое сядет посетитель, было хорошо освещено.

Не удостоив ответом гнусный выпад младшего партнера, старший партнер детективного агентства собрал дарты, взял хлебную доску, задержавшись на мгновение, чтобы послюнить палец и потереть им царапину на радиоле, закинул все это хозяйство на кухню и прикрыл дверь. В мягком, приглушенном свете комната, из которой больше не открывался вид на кухню, выглядела строго и почти богато.

* * *

— Добрый вечер, сэр. Дорогая, это мистер Хог. Мистер Хог... миссис Рэндалл.

— Добрый вечер, мадам.

Рэндалл помог гостю снять плащ, попутно удостове-рившись, что тот не вооружен или, если вооружен, носит пистолет не под мышкой, не на бедре, а в каком-то более скрытном месте. Рэндалл не страдал болезненной подозрительностью, он просто был прагматичным пессимистом.

— Садитесь, пожалуйста, мистер Хог. Сигарету?

— Нет, спасибо.

Рэндалл помолчал. Он сидел и разглядывал посетителя — не грубо, спокойно, но в то же время — внимательно. Костюм английский или от братьев Брукс. И, уж во всяком случае, не дешевка от Харта, Шаффнера и Маркса. Галстук такого качества, что в пору называть его краватом,— и притом скромный что твоя монашенка. Да, тут можно содрать гонорар и побольше. Этот коротышка нервничает, никак не может сесть в кресле свободно. Возможно, его сковывает присутствие Синти. Тем лучше, пусть немного дойдет на медленном огне, а потом отставим в сторону.

— Вы только не стесняйтесь миссис Рэндалл,— сказал он в конце концов.— Все, что можно доверить мне, можно доверить и ей.

— О... о, да. Да, конечно.

Не поднимаясь с кресла, Хог поклонился всем корпусом, от талии.

— Я счастлив, что в нашей беседе будет участвовать миссис Рэндалл.

На этом он замолчал, не собираясь вроде говорить о своих проблемах.

— Ну так что, мистер Хог,— сказал наконец Рэндалл, утомившись игрой в молчанку,— вы, кажется, хотели о чем-то со мной посоветоваться, я верно вас понял?

— Н-ну, да.

— Тогда, возможно, вы расскажете мне, что у вас за дело?

— Да, конечно. Это... То есть... Понимаете, мистер Рэндалл, вся эта история просто нелепа.

— Так обычно и бывает. Но вы продолжайте. Неприятности с женщиной? Или кто-нибудь вас шантажирует?

— Нет, нет! Ровно ничего похожего, все гораздо сложнее. Но я боюсь.

— Чего?

— Я не знаю,— быстро ответил Хог и добавил, судорожно переведя дыхание: — Мне нужно, чтобы вы это узнали.

— Подождите немного, мистер Хог,— недоумевающе остановил его Рэндалл.— Я что-то ничего не понимаю. Вы говорите, что боитесь чего-то и хотите, чтобы я выяснил, чего именно вы боитесь. Но ведь я не психоаналитик. Я детектив. Чем конкретно может помочь вам в вашем деле детектив?

Хог молчал, вид у него был совершенно несчастный.

— Я хочу, чтобы вы узнали, чем я занимаюсь днем,— выпалил он наконец.

Рэндалл снова внимательно оглядел своего клиента.

— Так, значит, вы хотите, чтобы я узнал, чем вы занимаетесь днем?

— Да. Да, именно так.

— М-м-м. А не проще ли будет, если вы сами расскажете мне это?

— О, но я не могу этого рассказать.

— Почему?

— Потому, что не знаю.

Рэндалла начало охватывать раздражение.

— Мистер Хог,— сказал он.— За игру в загадки я обычно беру по двойному тарифу. Если я сейчас не услышу, чем вы занимаетесь днем, это будет вполне определенно указывать на недостаток у вас ко мне доверия, а в таком случае мне будет крайне затруднительно оказать вам какую бы то ни было помощь. Давайте начистоту. Чем вы занимаетесь днем, и как это связано с вашим делом? И вообще, в чем состоит ваше дело?

Мистер Хог встал.

— Мне надо было с самого начала понимать, что я не смогу ничего объяснить,— сказал он убитым голосом, скорее самому себе, чем Рэндаллу.— Извините, пожалуйста, что я вас побеспокоил. Я...

— Подождите, мистер Хог,— впервые вмешалась Синтия Крэг Рэндалл.— Мне кажется, вы двое просто не понимаете друг друга. Ведь вы имеете в виду, если я верно понимаю, что самым буквальным образом *не знаете*, чем именно занимаетесь в дневное время?

— Да,— благодарно повернулся к ней Хог.— Да, именно так.

— И вы хотите, чтобы мы это узнали? Проследили за вами, выяснили, куда вы ходите, а потом рассказали вам, что вы там делали?

— Да,— энергично кивнул головой Хог.— Именно это я и пытался сказать.

Рэндалл перевел взгляд с Хога на жену, а затем опять на Хога.

— Давайте сформулируем все поточнее,— медленно сказал он.— Значит, вы действительно не знаете, чем занимаетесь в дневное время, и хотите, чтобы я это узнал. Сколько времени продолжается такая ситуация?

— Я... я не знаю.

— Хорошо, ну а что же вы знаете?

* * *

С некоторыми понуканиями Хог сумел все-таки рассказать свою историю. Из своего прошлого он помнил только последние пять лет, начиная с Дюбюка, с санатория Святого Георгия. Необратимая амнезия — но эта болезнь больше его не беспокоила, он считал себя полностью вылечившимся. При выписке они, то есть администрация санатория, подыскали ему работу.

— Какую работу?

Этого Хог не знал. По всей видимости, это была та же самая должность, которую он занимал и сейчас, теперешняя его работа. Выписывая Хога из санатория, врачи настоятельно рекомендовали ему никогда не беспокоиться о служебных делах, никогда не брать работу на дом — не только в буквальном смысле слова, но даже в мыслях.

— Видите ли,— объяснил Хог,— они исходят из теории, что амнезия вызывается беспокойством и переутомлением. Доктор Рено подчеркивал — мне это очень хорошо запомнилось,— что я не должен в свободное время говорить о работе, не должен о ней даже думать. Возвращаясь вечером домой, я должен забывать о делах и думать о более приятных материях. Именно так я и старался поступать.

— Хм-м-м. И, похоже, добились успеха, такого успеха, что даже с трудом верится. Послушайте, а не пользовались ли они при лечении гипнозом?

— Не знаю, просто не знаю.

— Наверное, пользовались. А как думаешь ты, Син? Ведь все согласуется.

— Да, согласуется,— кивнула Синтия.— Постгипнотическое внушение. Пять лет такой жизни — и он просто не может после работы думать о ней, не может, как бы ни старался. Только странная какая-то это терапия.

Рэндалл был вполне удовлетворен. Психология — это по ее части. Строит ли Синтия свои заключения на основе науки (формальная подготовка у нее вполне приличная) или берет готовыми откуда-то из подсознания — этого он не знал, да, собственно, и знать не хотел. Главное — она всегда права.

— Но у меня есть еще один вопрос,— добавил он.— Целых пять лет вы живете себе, не имея представления, где ваша работа и что вы там делаете. Отчего же вдруг такой интерес и озабоченность?

Хогу пришлось рассказать про разговор за столом, странное вещество под ногтями и про непонятное поведение врача.

— И я боюсь,— закончил он несчастным голосом.— Сперва я думал, это кровь. А теперь я знаю, что это — нечто худшее.

— Почему? — недоуменно поглядел на него Рэндалл.

Хог нервно облизал губы.

— Потому, что...

Он беспомощно смолк.

— Но ведь вы поможете мне, правда?

Рэндалл встал.

— Это не по моей части,— сказал он.— Совершенно ясно, что вам действительно нужна помощь, но помощь психиатра, а не детектива. В амнезии я ничего не понимаю.

— Но я хочу именно детектива. Я хочу, чтобы вы проследили за мной и выяснили, чем я занимаюсь.

Рэндалл открыл было рот, чтобы отказаться, но его остановила Синтия.

— Мы сумеем помочь вам, мистер Хог, я в этом уверена. Пожалуй, вам и вправду стоит обратиться к психиатру...

— Нет, ни в коем случае.

— ...но если вы хотите, чтобы за вами проследили, это можно организовать.

— Не нравится мне это,— повернулся к жене Рэндалл.— Мы ему не нужны.

— Я оплачу ваши хлопоты.

Хог положил перчатки на столик, полез в карман пиджака и начал отсчитывать купюры.

— У меня тут только пять сотен,— озабоченно посмотрел он на Рэндалла.— Хватит этого?

— Сойдет,— ответила вместо мужа Синтия.

— В качестве задатка,— уточнил Рэндалл. Взяв деньги, он небрежно сунул их в карман.

— А, кстати,— добавил он,— если вы не знаете, чем занимаетесь на работе, и все ваше прошлое ограничивается больницей, откуда же у вас деньги?

Вопрос был задан без нажима, словно между прочим.

— О, мне платят каждое воскресенье. Двести долларов наличными.

Когда Хог ушел, Рэндалл отдал деньги жене.

— Какие красивые фантики,— сказала она, разгладив и аккуратно сложив купюры.— Тедди, а чего это ты прямо из кожи вон лез, чтобы испортить такую голевую ситуацию?

— Я хотел испортить? Да ничего подобного, я просто вздувал цену. Старая методика «видеть-тебя-не-могу-обними-меня-покрепче».

— Так я и думала. Только ты чуть не перестарался.

— Ни в коем разе. Я знал, что всегда могу положиться на тебя. Что уж ты-то не выпустишь клиента из дома, пока тот не выложит все до последнего цента.

Синтия весело улыбнулась.

— Хороший ты все-таки человек, Тедди. И у нас с тобой очень много общего. Мы оба любим деньги. Ну и на сколько ты поверил этой истории?

— Ни на грош.

— Вот и я тоже. Очень неприятный тип, плюгавый и какой-то жутковатый. Интересно, что это он такое задумал.

— Не знаю, но намерен выяснить.

— Ты что, собираешься сам за ним следить?

— А почему бы и нет? Зачем платить десятку в день какому-нибудь отставному полицейскому, который обязательно сделает все сикось-накось?

— Мне как-то все это не по душе, Тедди. С чего это он платит такую кучу денег,— Синтия махнула рукой в сторону аккуратно сложенных купюр,— за удовольствие поводить тебя за нос?

— Вот это я и узнаю.

— Только поосторожнее. Не забывай про «Союз рыжих».

— Союз... а, опять Шерлок Холмс. Пора бы тебе и повзрослеть, Син.

— А я взрослая. Чего и вам желаю. Этот коротышка вызывает у меня *ужас*.

Синтия вышла, чтобы спрятать деньги. Вернувшись в комнату, она обнаружила своего мужа рядом с креслом, в котором только что сидел Хог. Стоя на коленях, Рэндалл сосредоточенно работал распылителем. Он поднял на нее глаза.

— Син...

— Да, Мозговой Центр?

— «Ты не трогала это кресло?

— Конечно, нет. Я только протерла́ его ручки перед приходом этого типа — все как обычно.

— Я не про это, я про после его ухо́да. Ты не помнишь, он снимал перчатки?

— Подожди-ка секунду. Да. Я уверена, что снимал. Я помню, как посмотрела на его ногти, когда он нам про них вешал лапшу на уши.

— Вот и я тоже, просто хотелось проверить, не спятил ли я. Ты погляди на эту поверхность.

Синтия осмотрела полированные подлокотники кресла, покрытые сейчас тонким слоем серого порошка. Девственно-гладкая поверхность, ни одного отпечатка пальца.

— Наверное, он до них не дотрагивался... Да нет же, *дотрагивался*. Я сама это *видела*. Сказав «но я боюсь», он прямо вцепился в ручки. Я помню, как побелели костяшки его пальцев.

— Может, коллодий?

— Не говори глупостей. Тут же вообще ни пятнышка. Ты пожимал ему руку. Так что, был у него коллодий на ладонях?

— Не думаю. Я должен был бы заметить. Человек Без Отпечатков Пальцев. Давай будем считать его призраком и забудем о нем.

— Призраки не платят наличными за то, чтобы за ними пустили хвост.

— Нет, не платят. По крайней мере, я о таком не слыхал.

Поднявшись на ноги, Рэндалл направился к телефону и набрал номер междугородной связи.

— Мне нужна медицинская служба Дюбюка, э-э...

Прикрыв микрофон ладонью, он окликнул жену:

— Слушай, лапа, а в каком штате этот чертов Дюбюк?

По прошествии сорока пяти минут и нескольких телефонных разговоров трубка была с силой брошена на рычаг.

— Всё один к одному,— объявил Рэндалл.— В Дюбюке нет санатория Святого Георгия. Нет, не было и, скорее всего, никогда не будет. Ну, и доктора Рено, естественно, тоже нет.

III

— Вон он!

Синтия Крэг Рэндалл больно толкнула своего мужа локтем. Тот продолжал держать перед лицом «Трибюн», делая вид, что газета очень его заинтересовала.

— Сам вижу,— тихо ответил он.— Возьми себя в руки. Можно подумать, ты никогда раньше ни за кем не следила. Главное тут — не суетиться.

— Тедди, я прошу тебя, будь осторожен.

— Непременно.

Глядя поверх газеты, он проследил, как Джонатан Хог спускается по ступенькам. Квартира коротышки располагалась в Готем-билдинге, здании весьма фешенебельном. Выйдя из-под козырька парадного входа, загадочный клиент свернул налево. Было ровно без семи минут девять утра.

Рэндалл встал, аккуратно, не спеша, свернул газету, положил ее на скамейку автобусной остановки — своего наблюдательного пункта, а затем повернулся к расположенному рядом драгстору и опустил монетку в щель автомата, торгующего жевательной резинкой. Зеркало, укрепленное на лицевой стороне автомата, давало ему прекрасный вид на Хога, неторопливо шествующего по противоположной стороне улицы. Столь же неторопливо Рэндалл двинулся следом, но — по своей стороне.

Синтия продолжала сидеть на скамейке и только тогда, когда муж удалился на полквартала, встала и пошла за ним.

На следующем углу Хог вошел в автобус. Воспользовавшись задержкой автобуса у светофора, Рэндалл перебежал улицу на красный свет и успел к автобусу в тот самый момент, когда тот трогался с места. Хог поднялся на открытый второй этаж машины. Рэндалл уселся внизу.

Синтия подбежала слишком поздно, однако успела разглядеть номер автобуса. Остановив первое же свободное такси, она сказала этот номер водителю, и они пустились в погоню. Увидеть автобус удалось только через двенадцать кварталов, а еще через три квартала красный светофор позволил шоферу такси встать рядом с автобусом. Синтия рассмотрела внутри своего мужа, больше ей ничего и не надо было. Остаток поездки она посвятила тому, чтобы все время иметь в кулаке точную сумму по счетчику плюс четвертак чаевых.

Увидев, что Хог и Рэндалл выходят, она попросила шофера притормозить. Такси свернуло к бровке тротуара в нескольких ярдах от автобусной остановки. К несчастью, Хог шел как раз в ее направлении, и Синтия не смогла выйти сразу. Она отсчитала шоферу точную сумму, одновременно краем глаза —

того глаза, который у хорошего сыщика расположен на затылке,— приглядывая за мужем и Хогом. Таксист стал посматривать на свою пассажирку с явным любопытством.

— А вы бегаете за бабами?

Неожиданный вопрос немного ошарашил его.

— Нет, мадам. Я человек семейный.

— А вот мой муж — бегает,— бесстыдно соврала она полным горечи голосом.— Возьмите.

Тот самый четвертак перешел наконец в руки таксиста.

Теперь объекты ее внимания уже удалились на несколько ярдов. Выйдя из машины, Синтия пересекла тротуар, остановилась в ожидании перед витриной какого-то магазина. К своему крайнему удивлению, она увидела, как Хог обернулся и заговорил с Рэндаллом. Было далеко, и слов она не расслышала.

Синтия замялась в нерешительности — подходить к ним или нет. Все шло не так, как намечалось, и это настораживало, но Рэндалл не выказывал никаких признаков озабоченности. Он спокойно выслушал Хога, после чего они вместе поднялись по ступенькам административного здания, перед которым и происходил их разговор.

Теперь Синтия двигалась быстро. Как и должно быть в такое время, вестибюль кишел людьми. Шесть расположенных в ряд лифтов работали безостановочно. Перед самым ее носом захлопнулись двери лифта номер два, а третий как раз начал заполняться. В третьем их не было, Синтия встала рядом с табачным киоском и быстро огляделась.

В вестибюле их не было. Не было их и, как она быстро в том убедилась, в парикмахерской, примыкавшей к вестибюлю. Скорее всего, они успели попасть во второй лифт. Синтия начала наблюдать за его указателем. Впрочем, толку от этого занятия было чуть: лифт останавливался почти на каждом этаже.

Когда второй лифт снова открыл двери, она вошла в него не первой, не последней, а в толпе. Этаж называть она не стала, а подождала, пока выйдет последний из пассажиров.

Лифтер недоуменно поднял брови.

— Этаж, пожалуйста.

Синтия продемонстрировала ему долларовую бумажку.

— Мне нужно с вами поговорить.

Лифтер закрыл двери, обеспечив предполагаемому разговору подобающую конфиденциальность.

— Только быстро,— сказал он, с тревогой глядя на истерически мигающие лампочки вызова.

— В последний раз к вам вошли двое мужчин, вместе.

Быстро и очень живо Синтия описала лифтеру своего мужа и Хога.

— Я хочу знать, на каком этаже они вышли.

— Не знаю,— покачал головой лифтер.— Сейчас ведь час пик, в таком сумасшедшем доме разве запомнишь.

Синтия добавила к первой бумажке вторую.

— Думайте. Скорее всего, они вошли последними. Возможно, им приходилось выходить на остановках, чтобы выпустить других. А этаж, вероятно, называл тот, который пониже.

Лифтер снова покачал головой.

— Ничего я не вспомню, даже за пятерку. При такой толкучке, появись тут хоть леди Годива вместе со своей кобылой, я и их не замечу. Ну так что, выйдете здесь или везти вас вниз?

— Вниз,— Синтия сунула ему одну из бумажек.— И на том спасибо.

Лифтер взглянул на доллар, пожал плечами и сунул его в карман.

* * *

Теперь оставалось только одно: занять позицию в вестибюле и ждать. Именно так и сделала кипящая негодованием Синтия. Это же надо, думала она, попалась как маленькая на самый старый из способов избавления от «хвоста». Гордо именовать себя сыщицей и попасться на трюк с административным зданием! Их небось давно здесь нет, а Тедди ломает голо-

ву, куда могла подеваться его надежная напарница. Может быть, как раз сейчас ему нужна помощь.

Ей бы лучше вязанием заняться. Или вышивать крестиком. Вот же черт!

Синтия купила в табачном киоске бутылку пепси-колы и, все так же стоя, неторопливо ее выпила. Она как раз думала, сможет ли — из соображений маскировки — поглотить еще одну бутылку этой бурды, когда появился Рэндалл.

И только теперь, когда Синтию охватило огромное, всепоглощающее облегчение, она осознала, в каком страхе провела эти минуты. Однако выходить из роли она не стала и безразлично отвернулась, зная, что муж узнает ее по затылку не хуже, чем по лицу.

Он не подошел к ней и не заговорил, поэтому Синтия продолжала наблюдение. Хога нигде не было видно. Прозевала она его, что ли?

Выйдя из здания, Рэндалл дошел до угла, задумчиво посмотрел на стоянку такси, а затем вскочил в только что остановившийся автобус. Она вошла следом, но не сразу, а пропустив перед собой нескольких человек. Автобус тронулся. Хог на этой остановке не садился, и Синтия решила, что нет никакого риска в нарушении условленной процедуры.

Рэндалл поднял глаза на появившуюся рядом с ним жену.

— Син! Я уже думал, что потерял тебя.

— Почти так оно и было,— призналась она.— Но ты расскажи, как там дела?

— Подожди, в конторе все узнаешь.

Ждать она не хотела, однако смирилась. Автобус подвез партнеров фирмы «Рэндалл и Крэг» прямо к зданию, в котором располагалась их контора, да и езды той было всего шесть остановок. Открыв дверь крошечного помещения, Рэндалл сразу направился к телефону. Аппарат, установленный в их конторе, был подключен к коммутатору круглосуточной секретарской службы.

— Были звонки? — спросил он и добавил, помедлив несколько секунд: — О'кей. Пришлите записи. Можете особенно не спешить.

Положив трубку, он повернулся к жене.

— Ну что ж, крошка, это самые легкие пять сотен, какие мы когда-нибудь зашибали.

— Ты выяснил, чем он там занимается?

— Конечно.

— Ну и чем же?

— А ты угадай.

Синтия смерила мужа взглядом.

— А по соплям не хочешь?

— Ладно, ладно, стихни. Тебе бы в жизнь не угадать, хотя все это крайне просто. Он работает ювелиром — шлифует драгоценные камни. И ты знаешь, что это было у него под ногтями, из-за чего он так всполошился?

— Ну?

— Ровно ничего страшного, да и вообще интересного. Красная полировочная паста. А он, со своим больным воображением, решил, что это — засохшая кровь. Вот так мы и отхватили полкуска.

— Мм-м-м. Похоже, что так и есть. А работает он, как я понимаю, где-то в этом корпусе «Акме».

— Комната тысяча триста десять. Или, скорее, квартира тысяча триста десять. А ты почему отстала?

Синтия немного замялась. Ей не хотелось сознаваться в своей неловкости, однако привычка — они с мужем всегда и все говорили друг другу прямо — оказалась сильнее.

— Я немного растерялась, когда Хог заговорил с тобой у входа в «Акме», и пропустила ваш лифт.

— Ясненько. Ну что ж, я... Погоди! Что это ты такое мелешь? Хог заговорил со мной?

— Ну да.

— Но он же со мной не говорил. Он меня даже не видел. О чем это ты?

— О чем это я? О чем это ты! Буквально за минуту до того, как вы с ним вошли в здание, Хог остановился, обернулся и заговорил с тобой. Вы стояли там — и трепались, что несколько сбило меня с толку. А затем вы с ним вошли в вестибюль, чуть ли не под ручку.

Несколько секунд, показавшихся Синтии очень долгими, Рэндалл сидел, молчал и как-то странно смотрел на нее. В конце концов она не выдержала:

— Ну что ты уставился на меня, словно недоумок какой. Что там случилось?

— А теперь, Син,— медленно заговорил Рэндалл,— послушай, как все было. Я вышел из автобуса после Хога и проследовал за ним в вестибюль «Акме». В лифт я вошел по старой методике — дыша ему прямо в затылок, а затем, когда он повернулся к двери кабины, быстро передвинулся и снова встал у него за спиной. Когда Хог вышел, я немного задержался в дверях, то ли выходя, то ли нет и задавая лифтеру дурацкие вопросы, Хог тем временем отошел на приличное расстояние. Когда я свернул за угол коридора, он как раз исчезал в двери тысяча триста десять. Он ни разу не заговорил со мной, он даже ни разу не видел моего лица — я в этом абсолютно уверен.

Синтин заметно побледнела, но сказала только:

— Валяй дальше.

— Когда туда входишь, там справа длинная такая стеклянная перегородка, а изнутри впритык к ней стоят верстаки, или рабочие столы, или как их еще там. Можешь смотреть через стекло и наблюдать за работой ювелиров — хорошо придумано, отличная реклама. Хог нырнул направо и к тому времени, как я пошел по проходу, оказался уже по ту сторону стекла, без пиджака, в рабочем халате и с этой самой увеличительной хреновиной в глазу. Я прошел мимо — он так и не поднял глаза,— к столу дежурного и попросил вызвать управляющего. Через какое-то время появился маленький тощий мужик, похожий на воробья, и я спросил, работает ли здесь человек по имени Джонатан Хог. Управляющий сказал «да» и спросил, не хочу ли я с ним поговорить. Я ответил, что нет необходимости, я всего лишь следователь страховой компании. Он захотел узнать, в чем дело, нет ли каких неприятностей, но я его успокоил, сказал, что Хог просто хочет застраховать свою жизнь и нам надо знать, как долго он здесь работает. Пять лет, сказал управляющий и добавил, что Хог у них — один из самых надежных и умелых работников. Я сказал, вот и

прекрасно, и поинтересовался, потянет ли Хог страховой полис на десять тысяч. Он ответил «конечно» и сообщил, что они всегда рады, когда их работники вкладывают деньги в такое надежное дело, как страховой полис. Так я, собственно, и думал, когда вешал ему всю эту лапшу... По пути к двери я остановился напротив стола Хога и посмотрел на него через стекло. Через некоторое время он поднял голову, взглянул на меня и вернулся к своей работе. Я уверен, что он меня не узнал: на его лице ничего не отразилось. Клинический случай полной шазо, шизо... как это произносится?

— Шизофрения. Полное расщепление личности. Но послушай, Тедди...

— Да?

— И все-таки ты говорил с ним. Я же видела собственными глазами.

— Тише, киска, тише, не кипятись. Ты просто считаешь, что видела, а в действительности смотрела на каких-то совершенно других мужиков. А как далеко ты стояла?

— Не настолько далеко. Я находилась перед обувным магазином Бичема, после него идет «Chez Louis», а там и вход в «Акме». Ты стоял спиной к газетному киоску, лицом практически ко мне. Хог был ко мне спиной, но ошибиться было невозможно, когда вы с ним повернулись и направились в «Акме», я увидела его в профиль.

На лице Рэндалла выразилось отчаяние.

— Да не говорил я с ним. И шел не вместе с ним, а сзади, незаметно.

— Знаете, Эдвард Рэндалл, не надо мне рассказывать сказки. Верно, я потеряла вас с Хогом, но это еще не дает вам права измываться надо мной и выставлять меня дурочкой.

Рэндалл был женат слишком давно и удачно, чтобы не обращать внимания на явные признаки опасности. Он встал, подошел к Синтии и обнял ее за плечи.

— Слушай, маленькая,— голос его звучал ласково и серьезно.— Я не устраиваю никаких шуток. Что-то у нас здесь перепуталось, но я рассказываю тебе все совершенно прямо, так, как я это помню.

Синтия всмотрелась в глаза Рэндаллу, а затем неожиданно чмокнула его.

— Ну ладно. Мы оба правы, хотя это и невозможно. Пошли.

— «Пошли»? Куда?

— На место преступления. Если не разобраться в этой истории, я, пожалуй, никогда больше не сумею заснуть.

Здание «Акме» оказалось, слава тебе господи, на том же месте, что и раньше. Равно как и обувной магазин «Chez Louis», и газетный киоск. Рэндалл встал на то место, где утром стояла его жена, и согласился, что с такого расстояния ошибиться можно было только в мертвецки пьяном виде. Однако он был по-прежнему уверен и в своей версии.

— А ты не опрокинула, случаем, по дороге пару стопарей? — спросил он с надеждой в голосе.

— Ни в коем разе.

— Ну, и что же будем теперь делать?

— Не знаю. Да нет, слушай, я придумала! Ведь мы же покончили с Хогом, верно? Ты его выследил, а больше ничего не требовалось.

— Ну да... а что?

— Проводи меня туда, где он работает. Я хочу спросить у его дневной личности, говорил он с тобой, выйдя из автобуса, или нет.

Рэндалл пожал плечами.

— Хорошо, лапа. Делай как знаешь.

Зайдя в вестибюль, они направились к свободному лифту. Щелкнул стартер, лифтер захлопнул двери и провозгласил свое обычное: «Этажи, пожалуйста».

Шестой, третий и девятый. Рэндалл подождал, пока обслужат других пассажиров, и только потом сказал: «Тринадцатый».

Лифтер недоуменно обернулся.

— Могу отвезти тебя, парень, на двенадцатый и на четырнадцатый, а пополам дели их сам.

— Чего?

— Нету у нас тринадцатого. А если бы был — никто не стал бы снимать там помещение.

— Что-то ты ошибаешься. Я был на тринадцатом сегодня утром.

По взгляду, которым лифтер одарил Рэндалла, было видно, что он с трудом сдерживается.

— Смотрите сами.

Секунда быстрого подъема, затем остановка.

— Двенадцатый.

Дальше кабина пошла медленнее. Число 12 уползло из поля зрения, а затем сменилось другим.

— Четырнадцатый. Ну, и какой выберете?

— Извините,— несколько неуверенно выговорил Рэндалл.— Какая-то глупая ошибка. Я действительно был здесь утром и думал, что запомнил этаж.

— А может, восемнадцатый? — попытался прийти ему на помощь лифтер.— Восьмерку часто путают с тройкой. А кого вы ищете?

— «Детеридж и компания», это ювелирная фирма.

— Только не в нашем корпусе,— покачал головой лифтер.— Здесь нет никаких ювелиров и никаких Детериджей.

— Вы уверены?

Вместо ответа лифтер опустил кабину на десятый этаж.

— Попробуйте узнать в десять-ноль-один. Там администрация корпуса.

Нет, у них нет съемщиков по фамилии Детеридж. Нет, у них нет ни ювелиров, ни даже торговцев ювелирными изделиями. Возможно, джентльмен перепутал, и ему нужен корпус «Апекс», а не «Акме»? Рэндалл поблагодарил администратора и удалился, порядком ошарашенный.

* * *

Все это время Синтия хранила полное молчание. Теперь она заговорила.

— Слушай, Тэдди...

— Да? Что тебе?

— Мы можем подняться на самый верх и обследовать все здание, этаж за этажом.

— Чего ради? Будь здесь эта фирма, в конторе здания знали бы об этом.

— А может, они знают, но не говорят. Во всей этой истории есть что-то очень сомнительное. В таком здании можно спрятать целый этаж, замаскировав его дверь под гладкую стену.

— Да нет, глупости. Просто у меня поехала крыша, вот и все. Отвела бы ты меня к психиатру.

— Никакие это не глупости, и головой ты пока не повредился. Чем отсчитывается высота в лифте? Этажами. Замаскируй этаж, чтобы его не было видно, и никто не догадается, что он вообще существует. Возможно, мы вышли на что-то очень крупное.

Синтия и сама не больно-то верила своим доводам, но понимала, что ее мужу необходимо сейчас чем-нибудь заняться.

Рэндалл начал было спорить, но затем сдержался.

— А как же лестницы? Уж с лестницы-то этаж не пропустишь.

— Не знаю, может, и с лестницами устроен какой-нибудь фокус. Вот мы и постараемся это выяснить. Пошли.

Однако никаких фокусов не было и в помине. Между двенадцатым и четырнадцатым этажами они насчитали восемнадцать ступенек — ровно столько же, как и между любыми двумя соседними этажами. Они прошли все здание сверху донизу и прочитали надпись на матовом стекле каждой двери. На это потребовалось довольно много времени. Синтия наотрез отвергла предложенный мужем вариант — разделиться и каждому осматривать по половине этажа. Она не хотела ни на секунду терять его из виду.

И нигде ни тринадцатого этажа, ни двери с надписью «Детеридж и компания». И никаких ювелирных фирм, хотя бы и с другим названием. Даже простое чтение названий фирм на дверях требовало уйму времени; чтобы зайти под тем или иным предлогом в каждую фирму, не хватило бы и суток.

Рэндалл смотрел на дверь с надписью «Прайд, Гринвей, Гамильтон, Стейнболт, Картер и Гринвей, адвокаты».

— За это время,— задумчиво сказал он,— надпись на двери могли и поменять.

— Только уж не на этой,— указала на адвокатскую контору Синтия.— Да и вообще, если это было декорацией, они могли изменить все подчистую, до неузнаваемости.

Однако, несмотря на уверенный тон, она смотрела на невинно выглядевшую надпись с растущим сомнением. При всей своей доступности административное здание — место удивительно скрытное. Звукоизолирующие стены, плотные жалюзи и ничего не говорящие названия фирм. В таком месте может произойти что угодно, в самом буквальном смысле — что угодно. И никто не узнает. И никто не поинтересуется. Никто даже ничего и не заметит. Никаких полицейских, обходящих свой участок; соседи, расстояние до которых — толщина стенки, могли бы с тем же успехом находиться на Луне, даже уборщица не зайдет, если съемщик этого не хочет. Администрация заинтересуется арендатором в одном-единственном случае: если тот не внесет арендную плату в срок. Можете совершать любые преступления по своему вкусу и набивать шкафы широким ассортиментом трупов.

Синтия зябко поежилась.

— Пошли дальше, Тедди. Надо спешить.

Осмотрев остаток здания быстро, как только могли, они вернулись в вестибюль. Вид человеческих лиц и солнечный свет несколько успокоили Синтию, хотя загадочной фирмы так нигде и не было. Остановившись на ступеньке, Рэндалл растерянно огляделся.

— Как ты думаешь, а может, мы и вправду были в другом здании? — спросил он с сомнением в голосе.

— Ни в коем разе. Видишь этот табачный киоск? Я знаю каждое мушиное пятнышко на его витрине.

— Тогда где же решение?

— Решением будет ланч. Пошли.

— О'кей, только я, пожалуй, перейду на жидкую диету.

Синтия кое-как заставила мужа закусить третью дозу виски тарелкой гуляша из говяжьей тушенки. Выпив в довершение две чашки кофе, он оказался трезвым как стеклышко и еще более несчастным, чем прежде.

— Син...

— Да, Тэдди?

— Так что же это со мной случилось?

— Я думаю,— медленно ответила Синтия,— что мы стали жертвами великолепного, высокопрофессионального гипноза.

— Вот и я так думаю теперь. Или это, или у меня и вправду крыша поехала. Так что пусть будет гипноз. Хотелось бы только знать: для чего это все?

Синтия рассеянно водила вилкой по тарелке.

— А вот я не уверена, что мне хочется знать. Знаешь, Тэдди, что мне хочется сделать?

— Что?

— Отослать мистеру Хогу эти пять сотен с запиской, что мы не можем ему помочь и поэтому возвращаем деньги.

Рэндалл явно был поражен.

— Вернуть? Деньги? Силы небесные!

По лицу Синтии можно было подумать, что ее поймали на совершенно непристойном предложении, однако она не отступала.

— Знаю, знаю. И все равно мне хотелось бы так сделать. Мы можем заработать на хлеб разводными делами и поисками беглых должников, так что совсем не обязательно связываться с сомнительными историями.

— Ты рассуждаешь так, словно пять сотен — это ерунда, вроде чаевых официанту.

— Нет, я так не рассуждаю. Просто мне кажется, что не стоит рисковать шеей или здравым рассудком даже ради такой суммы. Слушай, Тедди, кто-то изо всех сил старается загнать нас в угол. Прежде всего я хочу узнать, зачем ему это.

— Вот и я хочу узнать, зачем. Именно поэтому мне и не хочется бросать это дело. Какого черта, я не привык, чтобы со мной играли такие шутки. Мне это не нравится.

— Что ты скажешь мистеру Хогу?

Рэндалл поворошил рукой волосы, и без того, впрочем, взъерошенные.

— Не знаю. Может, ты с ним поговоришь? Наплети там чего-нибудь.

— Прекрасная мысль. Просто великолепная мысль. Я скажу, что ты сломал ногу, но к завтрашнему дню обязательно поправишься.

— Не надо так, Син. Я же знаю, что ты справишься.

— Хорошо. Только ты обещай мне одну вещь.

— Какую вещь?

— Во время этого расследования мы все и всегда делаем вместе.

— Так мы же всегда так.

— Я имею в виду — буквально вместе. Я не хочу терять тебя из виду ни на секунду.

— Послушай, Син, это же может оказаться неудобным.

— Обещай.

— Хорошо, хорошо. Обещаю.

— Вот так-то лучше.

Теперь Синтия немного успокоилась и выглядела почти умиротворенной.

— Не вернуться ли нам в контору?

— Ну ее к черту. Пошли лучше в кино, на тройной сеанс.

* * *

Фильмы не доставили Рэндаллу удовольствия, а ведь программа состояла из сплошных вестернов, предмета нежной его любви. Но сейчас отважный герой казался таким же бандитом, как и главный злодей, а таинственные всадники в масках не вызывали приступа энтузиазма, а просто пугали. Из головы не шел тринадцатый этаж здания «Акме», длинная стеклянная перегородка и склонившиеся над своим трудом мастера, маленький иссохший управляющий «Детериджа и компании». Кой бес — неужели можно загипнотизировать че-

ловека так, что он во все поверит и будет вспоминать такие подробности?

Синтия почти не смотрела на экран. Все ее внимание занимали окружавшие их люди. Она поймала себя на том, что осторожно изучает их лица каждый раз, когда в зале зажигается свет. Если, даже развлекаясь, эти люди выглядят подобным образом, на что же они похожи в несчастье? В лучшем случае, на лицах читалась героическая решимость ни на что не жаловаться, исключений почти не было. Неудовлетворенность, зловещие следы перенесенной физической боли, одиночество, разочарование, тупая озлобленность — всего этого было в достатке, и очень, очень редко мелькали веселые лица. Даже Тедди, одним из главных достоинств которого была неискоренимая жизнерадостность, выглядел крайне кисло, и, надо признать, не без причин. Интересно, а какие причины сделали несчастными всех остальных?

Синтия вспомнила картину — она где-то ее видела,— называвшуюся «Подземка». Художник изобразил дверь вагона подземки и толпу, вываливающуюся на перрон. Одновременно другая толпа пытается прорваться внутрь вагона. Было видно, что все они — и входящие, и выходящие — очень спешат, но удовольствия от этого не получают. Красота отсутствовала в картине напрочь, было ясно, что единственная цель, двигавшая кистью художника,— едкая критика современного образа жизни.

Синтия почувствовала большое облегчение, когда фильмы окончились и они с Рэндаллом сменили тесноту зала на относительную свободу улицы. Рэндалл остановил такси и дал шоферу свой адрес.

— Тедди...

— Да?

— Ты не обратил внимания, какие были лица у людей, сидевших в кино?

— Да нет, я как-то не смотрел. А что?

— Ни про одного из этих людей не скажешь, что жизнь доставляет ему удовольствие.

— А может, она и не доставляет ему удовольствия.

— Но почему не доставляет? Слушай, ведь мы-то живем весело, правда?

— Это уж точно.

— Мы всегда жили весело. Даже когда у нас не было ни гроша и мы только пытались организовать свое дело — даже и тогда нам было весело. Мы ложились в постель улыбаясь и вставали счастливыми. У нас с тобой и до сих пор так. В чем тут дело?

Рэндалл улыбнулся, в первый раз после неудачных розысков тринадцатого этажа, и ущипнул жену.

— А дело в том, лапа, что мне весело с тобой.

— Благодарствую. И вам того же самого по тому же месту. Знаешь, когда я была маленькой, у меня появилась странная мысль.

— Чего ты замолчала? Колись.

— У меня самой было счастья — целый вагон. Но вот я стала подрастать и замечать, что у мамы его нет. И у папы тоже. Мои учителя, да и почти все окружающие взрослые,— все они не были счастливыми. Вот мне и влезло в голову, что я тоже вырасту и узнаю что-то такое, после чего никогда больше не буду счастливой. Ты же знаешь, как принято говорить с детьми: «Ты еще маленькая и ничего не понимаешь», или: «Вот подрастешь, тогда и поймешь». Я задавалась вопросом, что же это за секрет такой они от меня скрывают; иногда я подслушивала за дверью и пыталась это выяснить.

— Прирожденный сыщик.

— Чушь. Но я отлично видела: в чем бы там ни состоял этот секрет, он не дает взрослым счастья, наоборот, он делает их печальными. Вот я и стала молиться, чтобы никогда не узнать этого секрета.— Синтия слегка пожала плечами.— Наверное, я так его и не узнала.

— И я тоже,— хмыкнул Рэндалл.— Я — профессиональный Питер Пэн. И это ничуть не хуже, чем иметь здравый смысл.

— А ты не смейся, Тедди.

Маленькая, обтянутая перчаткой рука легла на запястье Рэндалла.

— Вот это и пугает меня в истории с Хогом: я боюсь, что, продолжая ею заниматься, мы и вправду узнаем то, что знают взрослые. И навсегда перестанем смеяться.

Рэндалл хотел рассмеяться, но затем повернулся к жене и пристально на нее посмотрел.

— Ты это что, серьезно?

Кончиками пальцев он слегка приподнял ее подбородок.

— Тебе все-таки нужно хоть чуть повзрослеть. А обоим нам нужен обед — и хорошая выпивка.

IV

После обеда, едва Синтия начала собираться с мыслями, что же в самом деле сказать мистеру Хогу, как эти нелегкие раздумья прервал входной звонок. Подойдя к двери, она взяла трубку домофона.

— Да?

Буквально через долю секунды она повернулась к мужу и беззвучно, одними губами проговорила:

— Это мистер Хог.

Брови Рэндалла приподнялись. Предостерегающим жестом приложив палец к губам, он с преувеличенной осторожностью, на цыпочках, двинулся к спальне.

Синтия понимающе кивнула.

— Секунду, пожалуйста. Вот так.. так вроде лучше. У нас тут что-то аппарат барахлит. Кто это, повторите, пожалуйста. А... мистер Хог. Заходите, мистер Хог.

Нажав на кнопку электрического замка, она открыла дверь подъезда.

Было видно, что Хог чем-то очень возбужден. Прямо с порога он начал быстро, нервно сыпать словами.

— Хотелось бы надеяться, что вы не сочтете мое вторжение бестактным, но я попал в такую неприятную ситуацию, что просто не мог ждать вашего сообщения.

Сесть Синтия ему не предложила.

— К сожалению, я должна вас разочаровать.

В ее приветливом голосе слышались нотки искреннего сочувствия.

— Мистер Рэндалл еще не вернулся.

— О!

Огорченный Хог выглядел настолько жалким, что на мгновение Синтия и вправду почувствовала к нему симпатию, однако, вспомнив, через что прошел сегодня ее муж, она снова заледенела.

— А вы не знаете,— продолжал непрошеный гость,— когда он будет дома?

— Трудно сказать. Жена детектива, мистер Хог, быстро отвыкает смотреть на часы и ждать мужа.

— Да, понимаю. Ну что, тогда, пожалуй, я не стану больше обременять вас своим присутствием. Но мне очень нужно с ним поговорить.

— Я передам ему. А вы хотели сообщить что-нибудь конкретное? Какие-нибудь новые данные?

— Нет.

Было видно, что Хог в нерешительности.

— Пожалуй, нет... все это выглядит исключительно глупо!

— Что выглядит глупо, мистер Хог?

— Да как вам сказать...— Хог с надеждой посмотрел ей в глаза.— Миссис Рэндалл, а вот вы верите в одержимость?

— Одержимость?

— Одержимость человеческих душ — дьяволом.

— Знаете, я как-то об этом никогда не задумывалась.

Сейчас Синтия отвечала осторожно, тщательно подбирая слова. Интересно, слышит ли все это Тедди? И как быстро прибежит он на крик?

Путающимися пальцами Хог делал что-то непонятное со своей рубашкой. Вот он расстегнул верхнюю пуговицу, пахнуло чем-то едким, неприятным, затем в руках у него оказалось что-то странное, что-то висевшее под рубашкой на шнурке.

Только сделав над собой большое усилие, Синтия вгляделась в непонятную вещь и поняла, к величайшему своему облегчению, что это — просто ожерелье из головок чеснока.

— Зачем вы это носите?

— Очень глупо, правда? — обреченно признал Хог.— Никогда бы не поверил, что поддамся таким дурацким суевериям, но сейчас это как-то успокаивает. У меня появилось совершенно жуткое ощущение, что за мной следят...

— Естественно. Ведь мы... то есть мистер Рэндалл следил за вами по вашей же просьбе...

— Я не про это. Человек в зеркале...

Хог не закончил фразу.

— Человек в зеркале?

— Понимаете, когда смотришь в зеркало, отражение всегда смотрит на тебя, но это естественно и ничуть не беспокоит. А тут — нечто совсем иное, неприятное, словно кто-то пытается добраться до меня и только ждет удобного случая. Вы, наверное, считаете меня сумасшедшим? — несколько неожиданно закончил он.

Синтия слушала гостя вполуха, ее внимание привлекла рука, сжимавшая чесночное ожерелье. Кончики пальцев Хога были испещрены дугами, петлями и завитками точно так же, как и у любого другого человека, и никакого коллодия на них нет, это уж точно. Неплохо бы получить отпечатки пальцев странного клиента.

— Нет, я не считаю вас сумасшедшим.

Сейчас ее голос звучал успокаивающе, словно при разговоре с капризным ребенком.

— Только вы слишком много тревожитесь. Расслабьтесь, успокойтесь. Вы не хотели бы что-нибудь выпить?

— Стакан воды, если это вас не затруднит.

* * *

Хоть вода, хоть виски, главное — стакан. Выйдя на кухню, Синтия взяла с полки высокий стакан с гладкой, без каких-либо узоров поверхностью. Аккуратно протерев стакан, она с той же аккуратностью — чтобы не замочить стенки снаружи — налила в него воду, положила лед и отнесла гостю, осторожно держа за донышко.

Однако замыслу ее не суждено было осуществиться. Хог стоял перед зеркалом, судя по всему,— поправляя галстук и вообще приводя себя в порядок после возвращения на место чесночного ожерелья. Когда гость повернулся к вошедшей в комнату хозяйке дома, оказалось, что он — намеренно или ненамеренно — уже надел перчатки.

В надежде, что он снова их снимет, Синтия предложила Хогу присесть, но тот вежливо отказался.

— Нет, нет, я и так отнял у вас слишком много времени.

Выпив полстакана воды, он поблагодарил ее, попрощался и удалился.

— Ушел он? — появился в двери Рэндалл.

— Да, ушел,— повернулась Синтия.— Знаешь, Тедди, делал бы ты сам свою грязную работу. У меня от него мурашки по всему телу. Я же чуть не заорала, хотела уже звать тебя на помощь.

— Спокойнее, мать, спокойнее.

— Все это очень хорошо, но только лучше бы нам никогда его не видеть.

Подойдя к окну, Синтия распахнула его настежь.

— Слишком поздно, мы уже влезли в это дело с головой.

Глаза Рэндалла остановились на стакане.

— Слушай, ты что, взяла его отпечатки?

— Ничего не вышло, наверное, он прочитал мои мысли.

— Жаль.

— Ну, и что же ты намерен делать дальше?

— Есть у меня одна мысль, но надо еще подумать. А что это он такое наплел про чертей и человека в зеркале, который за ним следит?

— Он говорил совсем не так.

— Наверное, я и есть тот самый человек. Сегодня утром я следил за ним при помощи зеркала.

— Он говорил не буквально, а в переносном смысле. Психует он, дергается.

Синтия резко повернулась, ей почудилось сзади какое-то движение. Однако там все было спокойно, мебель, стена — и больше ничего. Наверное, просто отражение в зеркале.

— Вот и я начинаю дергаться,— добавила она.— А что касается чертей, то какие мне еще черти после него самого. Знаешь, чего бы я хотела?

— Чего?

— Хорошую дозу чего-нибудь покрепче и лечь пораньше.

— Мысль здравая.

Выйдя на кухню, Рэндалл начал смешивать заказанное женой лекарство.

— А бутерброд надо?

* * *

Когда Рэндалл пришел в себя, он обнаружил, что стоит, одетый в пижаму, в гостиной перед висящим рядом с входной дверью зеркалом. Его отражение — нет, какое там отражение, изображение в зеркале было вполне пристойно облачено в несколько консервативного вида костюм, приличествующий серьезному деловому человеку,— изображение обратилось к нему.

— Эдвард Рэндалл.

— А?

— Эдвард Рэндалл, вас вызывают. Вот, возьмитесь за мою руку. Пододвиньте стул, тогда пролезть будет совсем легко, сами увидите.

Почему-то такой способ действий показался вполне естественным, более того — единственно возможным. Рэндалл поставил перед зеркалом стул, взял предложенную ему руку и пролез сквозь зеркало. На другой стороне под зеркалом оказалась раковина, с ее помощью Рэндалл легко опустился на пол. Он и его спутник находились в маленькой, выложенной белым кафелем туалетной комнате — такие часто встречаются в конторах.

— Быстрее,— поторопил его спутник.— Все остальные уже собрались.

— Кто вы такой?

— Моя фамилия Фиппс,— слегка поклонился Рэндаллу его компаньон.— Сюда, пожалуйста.

Открыв дверь туалета, он несильно подтолкнул Рэндалла. Зал, в котором они оказались, явно предназначался для заседаний совета некой фирмы. В настоящий момент как раз и происходило одно из таких заседаний: за длинным столом сидело около дюжины людей. Все эти люди смотрели на Рэндалла.

— Але гоп, мистер Рэндалл!

Еще один толчок — на этот раз не такой уж нежный — и он сидит в самом центре полированного стола. Сквозь тонкую ткань пижамы явственно ощущался холод гладкой, жесткой столешницы.

Не в силах совладать с охватившим его ознобом, Рэндалл покрепче закутался в пижамную куртку.

— Кончайте эти штучки,— сказал он.— Дайте мне слезть отсюда. Попытавшись встать, он сразу убедился, что не способен даже на такое несложное действие.

Сзади кто-то невидимый коротко хохотнул.

— Не слишком-то он упитан,— сказал кто-то издевательским голосом.

— Для данного дела это неважно,— ответил другой голос.

Рэндалл начал узнавать ситуацию. Без штанов на Мичиганском бульваре — так, кажется, это было в последний раз. А сколько раз он попадал в детство, в школу, и не только в раздетом виде, но еще и с неприготовленными уроками. А для полного комплекта — безнадежно опаздывал к началу занятий. Ну что ж, тогда понятно, что надо делать: закрыть глаза, натянуть на себя одеяло, а потом проснуться в уюте и безопасности собственной постели. Он закрыл глаза.

— Прятаться бессмысленно, мистер Рэндалл. Все равно мы вас видим, так что напрасная трата времени.

Рэндалл открыл глаза.

— Что вы тут придумали? — спросил он с яростью в голосе.— Где я? Зачем вы меня сюда притащили? Что тут происходит?

* * *

Заседание возглавлял сидевший напротив Рэндалла человек весьма внушительной внешности. Его высокий — не

меньше ста восьмидесяти пяти сантиметров — рост дополнялся широкими плечами и крепким телосложением. Толстый слой жира обильно облегал этот огромный костяк. Однако кисти рук его были тонкими, изящными и великолепно ухоженными, а черты лица, и так не очень крупные, казались еще миниатюрнее в обрамлении жирных щек и многочисленных складок на шее. Маленькие глазки весело щурились, рот непрестанно складывался в улыбку. Кроме того, он обладал забавной привычкой выпячивать плотно сложенные губы.

— Не все сразу, не все сразу, мистер Рэндалл,— весело ответил председательствующий.— На один ваш вопрос могу ответить: это тринадцатый этаж здания «Акме», да вы же помните.

Он слегка хохотнул, словно при понятной им обоим шутке.

— Что здесь происходит? Здесь происходит собрание совета управляющих фирмы «Детеридж и компания», а я ваш, сэр, покорный слуга,— тут он сумел, оставаясь сидеть и несмотря на огромное свое брюхо, изобразить нечто вроде поклона,— возглавляет этот совет и носит имя Р. Джефферсон Стоулз.

— Но...

— Пожалуйста, мистер Рэндалл. Сперва я должен представить вам всех присутствующих. Направо от меня мистер Таунсенд.

— Рад познакомиться, мистер Рэндалл.

— Рад познакомиться,— автоматически ответил Рэндалл.— Послушайте, все это заходит слишком...

— Затем мистер Грэйвзбай, мистер Уэллс, мистер Йокам, мистер Принтам, мистер Джоунс. С мистером Фиппсом вы уже знакомы, он наш секретарь. Далее сидят мистер Райфснайдер и мистер Снайдер — они не состоят в родстве. Последние — мистер Паркер и мистер Круз. Должен с сожалением сообщить вам, что мистер Потифар не смог сегодня явиться на собрание, однако кворум у нас есть.

Рэндалл еще раз попробовал встать, однако крышка стола оказалась прямо-таки невероятно скользкой.

— А мне по фигу,— с ненавистью сказал он,— кворум у вас тут или бандитская разборка. Отпустите меня.

— Ну, ну, мистер Рэндалл. Неужели вы не хотите получить ответы на свои вопросы?

— Не настолько. Да какого черта, дайте мне...

— Однако на эти вопросы необходимо ответить. Совершенно необходимо. Это — деловое совещание, а обсуждаемой деловой проблемой являетесь именно вы.

— Я?

— Да, вы. Вы представляете собой, как бы это выразиться, не очень значительный раздел повестки дня, однако и по этому разделу нужна полная ясность. Нам не нравится ваша деятельность, мистер Рэндалл. Вы должны ее прекратить.

Прежде чем Рэндалл успел ответить, Стоулз остановил его жестом руки.

— Не нужно никакой поспешности, мистер Рэндалл. Выслушайте меня. Я совсем не имел в виду всю вашу деятельность. Нам совершенно безразлично, сколько блондинок вы подсунете в гостиничные номера для дальнейшего использования в качестве послушных свидетельниц на бракоразводных процессах. В равной степени нас не интересует, ко скольким телефонным линиям вы подключитесь и сколько писем вскроете. Нас занимает одна-единственная часть вашей деятельности. Я имею в виду мистера Хога.

Последнее слово прозвучало как плевок.

Все присутствующие как-то неловко зашевелились, Рэндалл почувствовал это совершенно отчетливо.

— Так что же насчет мистера Хога? — спросил он вызывающе.

Шевеление повторилось. Стоулз больше не улыбался и даже не изображал улыбку.

— Давайте,— сказал он,— начиная с этого момента, употреблять термин «ваш клиент». Все очень просто, мистер Рэндалл. У нас имеются свои планы в отношении мистера... в отношении вашего клиента. Вы должны прекратить всякие с ним отношения — забыть о нем, никогда с ним не встречаться.

Сейчас взгляд Стоулза стал тяжелым, но Рэндалл не дрогнул и не отвел глаз.

— В жизни своей не динамил клиентов и впредь не собираюсь. Да я скорее в аду вас увижу.

— Готов согласиться,— выпятил губы Стоулз,— что не исключена и такая возможность, однако вряд ли вам или мне хочется рассматривать ее иначе, чем излишне живописную метафору. Попробуем быть разумными. Ведь вы, насколько мне известно, разумный человек, а я и мои собратья — тоже существа разумные. Поэтому я не стану пытаться вас уговорить, подкупить или принудить, я просто расскажу вам некую историю, из которой вы сами все поймете.

— Я не хочу слушать никаких историй. Я ухожу.

— Уходите? Сильно сомневаюсь. И вы будете слушать!

Стоулз ткнул пальцем в сторону Рэндалла. Рэндалл попробовал что-нибудь ответить, однако оказалось, что теперь он не может даже этого.

«Это,— подумал сыщик,— самый дурацкий изо всех моих бесштанных снов. Ведь знал же, что не надо наедаться перед сном».

* * *

— Вначале,— провозгласил Стоулз,— была Птица.

Неожиданно он закрыл лицо ладонями, все остальные присутствующие сделали то же самое.

Птица. Рэндалл неожиданно увидел, что скрывается за таким простым словом, когда его произносит этот отвратительный толстяк,— не мягкий пушистый цыпленок, а хищная птица, мощная и прожорливая... немигающие глаза, тускловато-серые, как снятое молоко, и пристальные... налитые кровью сережки... но особенно отчетливо он увидел лапы, огромные птичьи лапы, костлявые, когтистые, покрытые желтыми чешуйками и какой-то отвратительной грязью. Ужасные и непристойные...

Стоулз убрал ладони от лица.

— Птица была одинока. Ее огромные крылья мерно взбивали бескрайние глубины пространства, где не на чем было остановить взгляд. Но в Ее глубинах была Сила, и Сила была

Жизнью. Она посмотрела на север, где не было севера, и Она посмотрела на юг, где не было юга. Она посмотрела на восток и запад, вверх и вниз. А затем из ничего и из Своей Воли Она свила Гнездо.

Гнездо было широким, глубоким и крепким. В это гнездо Она положила сто яиц. Она сидела в гнезде десять тысяч лет, высиживая яйца и размышляя,. Когда время приспело, Она покинула гнездо и повесила вокруг него светильники, дабы птенцы могли видеть. Она смотрела, и Она ждала.

Из каждого яйца вылупились сто Сынов Птицы — общим числом в десять тысяч. Но столь широким и столь глубоким было это гнездо, что места хватило всем, и с избытком — каждому по царству, и каждый был царь — царь надо всеми существами, которые ползают и плавают, летают и бегают на четырех ногах, над существами, родившимися в щелях и закоулках гнезда, рожденными из тепла и ожидания.

Мудра и жестока была Птица, мудры и жестоки были Сыны Птицы. Два раза по десять тысяч лет они сражались и царствовали, и Птица была довольна. Затем некоторые из них решили, что они столь же мудры и столь же могущественны, как Сама Птица. Из ткани гнезда они сотворили тварей, подобных себе самим, и дохнули им в ноздри, дабы иметь своих сыновей, которые станут служить им и сражаться за них. Но сыновья Сынов не были мудрыми, не были сильными и жестокими, а были глупыми, слабыми и мягкотелыми. Птица не была довольна.

Она низринула Своих Сынов и позволила, чтобы их сковали глупые и мягкотелые... Перестаньте крутиться, мистер Рэндалл! Я знаю, что это слишком огромно для вашего маленького умишка, однако, вы уж мне поверьте, сейчас вам просто необходимо задуматься над вещами, которые длиннее вашего носа и шире вашего рта.

Глупые и слабые не могли сдержать Сынов Птицы, поэтому Птица поместила среди них, в разных местах, других, более сильных, более умных и более жестоких, дабы хитростью своей, жестокостью своей и обманом они не дали Сынам выр-

ваться на свободу. Потом Птица удалилась, довольная, и стала ждать и смотреть, как игра играет сама себя.

Эта игра играется. А посему мы не можем позволить вам общаться с вашим клиентом, равно как и помогать ему каким-либо образом. Теперь вы видите сами, не правда ли?

— А ни хрена я не вижу,— закричал Рэндалл, почувствовавший вдруг, что снова может говорить. И к чертовой матери всю вашу гопу! Эта шутка зашла слишком далеко.

— Неразумный, слабый и глупый,— вздохнул Стоулз.— Покажите ему, мистер Фиппс.

Фиппс встал, положил на стол портфель, открыл его, вытащил оттуда какой-то предмет и сунул его Рэндаллу под нос. Предмет оказался зеркалом.

— Посмотрите, пожалуйста, сюда, мистер Рэндалл,— вежливо попросил он.

Рэндалл посмотрел на свое отражение в зеркале.

— О чем вы думаете, мистер Рэндалл?

Отражение потускнело и исчезло, теперь он смотрел в собственную спальню, но со странной точки зрения, словно немного сверху. В спальне было темно, однако он вполне мог различить голову своей жены, лежащую на подушке. Вторая подушка — его собственная — пустовала.

Синтия пошевелилась, повернулась и негромко вздохнула. Приоткрытые губы слегка улыбались, наверно, ей снилось что-то хорошее.

— Видите, мистер Рэндалл? — прервал молчание Стоулз.— Ведь вы не хотите, чтобы с ней что-нибудь случилось, верно?

— Послушай, ты, грязный ублюдок...

— Спокойнее, мистер Рэндалл, спокойнее. Так вот, мы не хотим от вас ничего особенного. Просто не забывайте о своих интересах и об ее интересах.

Стоулз отвернулся от Рэндалла, словно от чего-то безмерно скучного.

— Удалите его, мистер Фиппс.

— Идемте, мистер Рэндалл.

И снова Рэндалл ощутил унизительный толчок сзади, а затем оказалось, что он летит по воздуху, а все окружающее кувыркается, вертится, рассыпается на мелкие куски...

Совершенно проснувшийся, он лежал в своей собственной постели на спине, покрытый холодным, липким потом.

Синтия пошевелилась и села.

— Что с тобой, Тедди? — спросила она сонно.— Ты так страшно кричал.

— Ерунда. Сон какой-нибудь, наверное. Прости, что я тебя разбудил.

— Ничего. Желудок не в порядке?

— Да, есть немного.

— Выпей соды.

— Сейчас.

Рэндалл встал, вышел на кухню, разболтал щепотку соды в воде и выпил. Теперь, полностью проснувшись, он чувствовал неприятное жжение во рту, сода немного помогла.

Когда он вернулся в спальню, Синтия уже спала. Он тихо скользнул под одеяло. Не просыпаясь, она прижалась к мужу, согревая его своим телом. Вскоре заснул и он.

* * *

— Ла-диди-да! Все не беда!

Оборвав песню на полуслове, Рэндалл слегка ослабил заглушавший нормальный разговор душ.

— Доброе утро, красавица!

Появившаяся в дверях ванной Синтия терла рукой один глаз и сонно глядела на мужа другим.

— Всем людям, поющим на голодный желудок, доброе утро.

— А чего мне не петь? Сегодня прекрасный день, я прекрасно выспался. И я сочинил новую прекрасную душевую песню. Ты только послушай.

— Могу и обойтись.

— Эта песня,— продолжал Рэндалл, нимало не возмутившись,— посвящается Юноше, Который Вознамерился Питаться Червями Из Огорода.

— Какая гадость!

— Никакая это не гадость. Слушай.

Включив душ посильнее, он объяснил:

— Для достижения максимального эффекта необходим аккомпанемент льющейся воды. Куплет первый:

Я червей призову, и они приползут.
Не желаю в грязи я копаться.
Мне пускай создадут и комфорт, и уют,
Раз уж должен я дрянью питаться.

Он сделал паузу, ожидая, видимо, аплодисментов, а затем объявил:

— Припев.

Ла-диди-да! Все не беда!
Я червяков приглашаю сюда!
Они вкусны весьма с витамином А.
Я люблю червяков, я от них без ума!

Тут он снова помолчал и объявил:

— Второй куплет. Только второй куплет я еще не сочинил. Повторить первый?

— Спасибо, не надо. Лучше вылезай скорее и дай мне возможность помыться.

— Тебе не понравилось,— укоризненно сказал Рэндалл.

— Я этого не говорила.

— Настоящее искусство редко получает признание,— скорбно возгласил он, однако из душа вышел.

К тому времени как Синтия умылась, кофе был уже готов. Рэндалл церемонно вручил ей стакан апельсинового сока.

— Тедди, ты просто душка. И что же ты намерен выцыганить у меня всем этим подлизыванием?

— Тебя самое. Правда — попозже. А ведь я не только очарователен, но и умен.

— Правда?

— Ага. Слушай, я придумал, что делать с общим нашим другом Хогом.

— Хог? О господи.

— Осторожнее, разольешь.

Забрав у жены стакан, он поставил его на стол.

— Успокойся, киска. Что это с тобой?

— Не знаю, Тедди. Просто у меня ощущение, словно мы вооружились детским пугачом и пытаемся при его помощи победить самого главного шпиона.

— Не надо было мне начинать деловые разговоре до завтрака. Выпей ты кофе, может, полегчает.

— Хорошо. А тоста мне не надо. Так что же у тебя там за блестящая идея?

— Все очень просто,— объяснил Рэндалл, хрустя поджаренным хлебом.— Вчера мы старались не попасться Хогу на глаза, чтобы он часом не вернулся в вечернюю свою личность. Так?

— Вот-вот.

— Ну, а сегодня нам этого совсем не потребуется. Мы можем прицепиться к нему, как пиявки, идти за ним по пятам. Если это как-нибудь помешает дневной половине его личности — ну и что? Ведь мы можем сами показать ему дорогу в «Акме». А там привычка приведет его туда, куда он ходит всегда. Ну как, все верно?

— Не знаю, Тедди. Возможно. Люди, перенесшие амнезию, ведут себя иногда очень странно. Он может просто прийти в смятение, утратить ориентацию.

— Так ты думаешь, не получится?

— Может, получится, может, и нет. Но пока в твой план входит быть всюду и все время вместе со мной, я согласна попробовать, хотя лучше бы бросить это дело.

Рэндалл словно не обратил внимания на поставленное женой условие.

— Вот и отлично. Сейчас я позвоню этому старому сычу и скажу, что мы зайдем за ним прямо в его квартиру.

Потянувшись через стол, он подвинул к себе телефон и позвонил Хогу.

— Ну точно, он с приветом,— сказал Рэндалл после короткого разговора с клиентом.— Сперва он вообще меня не узнал. Затем вроде как в его голове что-то щелкнуло, и дальше все пошло нормально. Ты готова, Син?

— Одну секунду.

Тихо насвистывая какой-то мотив, он встал и направился в гостиную.

* * *

Неожиданно свист прекратился, Рэндалл чуть не бегом вернулся на кухню.

— Син...

— Что там такое, Тедди?

— Пойди, пожалуйста, сюда.

Встревоженная выражением на лице мужа, Синтия торопливо встала и прошла в гостиную. Рэндалл указывал на стул, поставленный прямо под висящим рядом со входной дверью зеркалом.

— Как он попал сюда, Син?

— Стул? Да это я поставила его сюда, чтобы поправить зеркало, вечером, когда ложилась спать. Ну, и забыла его там, наверное.

— Мм-м-м... ну, наверное, так и было. Странно только, что я не заметил его, когда гасил свет.

— А почему это тебя так встревожило? Ты испугался, что к нам в квартиру ночью кто-то залез?

— Да. Да, конечно, так я и решил.

Однако выражение тревоги не покинуло лица Рэндалла.

Недоуменно поглядев на него, Синтия прошла в спальню. Здесь она взяла свою сумочку, быстро просмотрела ее содержимое, а затем выдвинула маленький потайной ящик комода.

— Если кто-нибудь и вправду залез к нам, он немногим разжился. Посмотри свой бумажник. Все на месте? А твои часы?

— Все в порядке,— ответил Рэндалл через несколько секунд.— Наверное, ты и вправду забыла там стул, а я его не заметил. Так ты готова?

— Сию секунду.

Больше Рэндалл об этом не говорил, размышляя про себя, какая же каша может получиться из нескольких застрявших в подсознании воспоминаний в сочетании с плотным ужином. Наверное, он все-таки заметил этот стул, когда гасил свет,— отсюда и появление стула в кошмаре. Поставив, таким образом, все на место, он начал обдумывать грядущую операцию.

V

Хог ждал их.

— Заходите, пожалуйста. Добро пожаловать, мадам, в мое скромное прибежище. Вы не откажетесь присесть? У вас найдется время на чашку чая? Боюсь,— на его лице появилась смущенная улыбка,— что кофе в этом доме нет.

— Времени достаточно,— успокоил гостеприимного хозяина Рэндалл.— Вчера вы вышли из дому в восемь пятьдесят три, а сейчас еще только восемь тридцать пять. Думаю, лучше всего будет выйти в то же самое время.

— Вот и чудесно.

Хог исчез из комнаты и сразу же вернулся с чайным подносом, каковой и водрузил на стол рядом с Синтией.

— Вы разольете, миссис Рэндалл? Это китайский чай,— добавил он.— Моя собственная смесь.

— С удовольствием.

Сейчас, утром, в этом человеке нет ровно ничего зловещего,— вынуждена была признать Синтия. Просто маленький, суетливый холостяк, обладатель усталых морщинок около глаз и — прямо-таки великолепной квартиры. На стенах кар-

тины, хорошие, хотя понять, насколько хорошие,— на это Синтии не хватало знаний. Во всяком случае, похожи на оригинальные работы. «И картин этих не слишком много,— отметила она с одобрением.— А то такие вот склонные к искусству холостяки зачастую любят загромождать свои квартиры почище иной старой девы».

Вот уж про квартиру мистера Хога такого не скажешь. Во всем воздушное изящество, словно в вальсах Брамса. Синтии хотелось спросить, где он взял такие драпировки.

Хог с поклоном принял у нее чашку, нежно обхватил ее ладонью и, прежде чем сделать глоток, вдохнул аромат. Затем он повернулся к Рэндаллу.

— Боюсь, сэр, что у нас сегодня ровно ничего не получится.

— Не исключено. Но почему вы так думаете?

— Понимаете ли, я сейчас нахожусь в полной растерянности, что мне делать дальше? Ваш телефонный звонок... Когда вы мне позвонили, я готовил себе чай — ведь у меня нет служанки... правду говоря, по утрам я словно в тумане — ну, вы понимаете, рассеянный, делаю все, что полагается делать, встав с постели, умываюсь и все прочее, а мысли мои где-то в другом месте. Когда вы позвонили, я был немного ошарашен и только через несколько секунд вспомнил, кто вы такой и какие дела у нас друг с другом. Разговор с вами в некотором роде прочистил мою голову, я, если можно так сказать, осознал, кто я такой, однако теперь...— он беспомощно пожал плечами.— Теперь у меня нет ни малейшего представления, что же я должен делать дальше.

Рэндалл кивнул.

— Я не упускал из виду и такого варианта. Не могу назвать себя большим психологом, но мне казалось возможным, что переход от вечернего Я к дневному происходит у вас как раз при выходе из квартиры, и любое нарушение привычного распорядка может совсем выбить вас из колеи.

— Тогда почему же...

— Сейчас это не имеет значения. Видите ли, мы следили за вами вчера и знаем, куда вы ходите.

— Вы *знаете*? Расскажите мне, сэр! Расскажите, пожалуйста.

— Не так быстро. В самую последнюю минуту мы вас потеряли. Теперь я хочу сделать следующее: мы проводим вас по тому же самому пути, вплоть до того места, где вчера вас потеряли. Я надеюсь, что, начиная оттуда, вами начнет руководить привычка, а мы будем следовать по пятам.

— Вы сказали «мы». Разве миссис Рэндалл помогает вам в работе?

* * *

Рэндалл замялся, запоздало сообразив, что, как ни крути, придется признаться клиенту в неполной своей искренности. Синтия бросилась ему на помощь.

— Обычно мы такого не делаем, мистер Хог, но этот случай совершенно исключительный. Вам ведь вряд ли понравится вторжение в вашу жизнь обычного наемного оперативника, так что Рэндалл решил заняться этим делом лично, привлекая при необходимости на помощь меня.

— О, даже так. Это крайне любезно с вашей стороны.

— Спасибо, но это совсем не стоит вашей благодарности.

— Нет, что вы, я крайне тронут. Но только... э-э... не знаю, достаточно ли я вам заплатил. Насколько я понимаю, услуги руководителя фирмы должны оплачиваться несколько выше?

Хог смотрел на Синтию; Рэндалл настойчиво подавал жене сигналы «Скажи «да»», но та делала вид, что не замечает его лихорадочной безмолвной жестикуляции.

— Суммы, заплаченной вами, мистер Хог, вполне достаточно. Если возникнет необходимость дополнительных расходов, мы сможем обсудить это позднее.

— Да, конечно.

Хог задумчиво подергал себя за нижнюю губу.

— Я в высшей степени признателен вам за такую предусмотрительность, за то, что вы не стали знакомить с моими личными делами никого со стороны. Но я бы хотел...

С неожиданной резкостью он повернулся к Рэндаллу.

— Скажите, а как вы поступите, если моя дневная жизнь окажется — ну, скажем, шокирующей?

Было видно, с каким трудом дался ему этот вопрос.

— Все останется строго между нами.

— А предположим, обнаружится не просто скандальное мое поведение, а что-либо гораздо худшее. Что-нибудь преступное. Скотское.

Отвечал Рэндалл, тщательно подбирая слова.

— У меня есть лицензия, выданная штатом Иллинойс. Согласно этой лицензии, я обязан сознавать себя чем-то вроде внештатного работника полиции — в ограниченном смысле. Конечно же, я не могу и не стану покрывать серьезное преступление. Однако в мои обязанности не входит сдавать своих клиентов властям за всякие мелкие грешки. Уверяю вас, мой клиент должен совершить очень серьезный проступок, чтобы у меня возникло желание способствовать его аресту.

— Но вы не можете заверить меня, что ни при каких обстоятельствах не сделаете этого?

— Нет.

Хог закрыл глаза и некоторое время молчал. Когда он заговорил, голос его был едва слышен.

— Но вы ведь не узнали ничего такого — пока?

Рэндалл покачал головой.

— Тогда, возможно, разумнее будет бросить все это дело прямо сейчас. Некоторые вещи лучше не знать.

Взволнованность Хога, его беспомощность в сочетании с благоприятным впечатлением, которое производила эта изящная, аккуратная квартира, вызвали у Синтии прилив сочувствия, о котором она и помыслить не могла вчера вечером.

— Ну зачем вы так нервничаете, мистер Хог,— наклонилась она к нему.— Ведь у вас нет никаких оснований думать, что вы делаете что-либо плохое, верно?

— Да, оснований у меня нет. Никаких оснований, кроме неотвязного предчувствия.

— Но почему?

— Миссис Рэндалл, а бывало у вас так, что вы услышите за спиной какие-то звуки и боитесь повернуться? Случалось вам когда-нибудь проснуться посреди ночи и лежать с плотно зажмуренными глазами, чтобы только не узнать, что именно прервало ваш сон? Есть такие разновидности зла, которые проявляют полную свою силу лишь тогда, когда их существование осознано и признано, когда им смотрят в глаза... И вот здесь есть нечто, чему я не в силах посмотреть в глаза,— обреченно добавил он.— Мне показалось, что у меня есть такие силы, но я ошибался.

— Оставьте,— попробовала успокоить его Синтия.— Реальные факты почти всегда оказываются лучше наших страхов.

— Вы уверены в этом? Почему им не быть значительно хуже наших страхов?

— Потому, что так не бывает, они лучше.

Синтия смолкла, осознав вдруг, что расхожее мнение, которое она преподносит с таким апломбом,— всего лишь бодренькая утешительная ложь, из тех, какими взрослые успокаивают детей. Она вспомнила свою мать, та легла в больницу, опасаясь аппендицита,— и друзья, и все любящее семейство единодушно считали это обычной мнительностью,— и умерла там. От рака.

Нет, факты и вправду бывают значительно хуже самых страшных страхов.

И все равно она не могла согласиться с Хогом.

— Но даже если мы предположим наихудшее. Предположим, что вы действительно занимаетесь чем-то преступным во время своих провалов памяти. Ни один суд этого государства не признает вас ответственным.

Хог бросил на Синтию взгляд, полный ужаса.

— Нет, скорее всего, они не признают меня вменяемым. Но знаете, что они тогда сделают? Вы же знаете это, правда? Вы представляете себе, что делают с сумасшедшими преступниками?

— Конечно, знаю,— уверенно ответила Синтия.— С ними обращаются ровно так же, как со всеми прочими пациентами

психиатрической клиники, ни о какой дискриминации нет и речи. Я видела это собственными глазами, когда работала в государственной лечебнице.

— Хорошо, вы это видели, но воспринимали все глазами постороннего. А вы можете представить себе, как все это выглядит с другой стороны? Вас заворачивали когда-нибудь в мокрые простыни? К вашей кровати ставили охранника? Вас кормили принудительно? Вы знаете, что это такое, когда ключ поворачивается в скважине при каждом вашем движении? Когда хочешь спрятаться от непрестанно наблюдающих глаз — и не можешь?

Хог встал и начал нервно мерить комнату шагами.

— Но и это не самое плохое. Хуже всего соседи по палате. Вы что, думаете, что человек, у которого иногда отказывает память, не способен различить признаки сумасшествия у окружающих? У некоторых из них изо рта непрерывно текут слюни, другие ведут себя настолько по-скотски, что этого не передать словами. И все они говорят, говорят, говорят. Вы можете представить себе, как лежите на кровати, прикрученные к ней простыней, а рядом кто-то — да где там «кто-то», что-то непрерывно повторяет: «Маленькая птичка взлетела, а потом улетела; маленькая птичка взлетела, а потом улетела; маленькая птичка взлетела, а потом улетела...»

— Мистер Хог!

Рэндалл встал и встряхнул Хога за плечо.

— Мистер Хог, держите себя в руках! Нельзя так себя вести.

Хог растерянно смолк. Он перевел взгляд с Синтии на Рэндалла, потом обратно, и на его лице появилось пристыженное выражение.

— Ничего, мистер Хог, все в порядке,— сухо сказала Синтия. Однако прежнее отвращение вернулось.

— А я бы не сказал, что все в порядке,— возразил Рэндалл.— Думаю, сейчас самый подходящий случай кое в чем разобраться. Последнее время происходит много такого, чего я не понимаю, и мне кажется, мистер Хог, что вы должны прямо и откровенно ответить на несколько вопросов.

— Конечно, отвечу, мистер Рэндалл, если только сумею,— Хог искренне недоумевал.— Неужели вам кажется, что я чего-то недоговариваю?

— Я в этом абсолютно уверен. Во-первых, вы находились в лечебнице для психически невменяемых преступников. Когда это было?

— Что вы, такого не было никогда. Во всяком случае, я не *думаю,* чтобы такое было. Я не помню ничего подобного.

— А чем же можно тогда объяснить истерическую болтовню, которая так и сыпалась из вас последние пять минут? Вы что, придумывали все это?

— О, нет! Это... Это было... это связано с санаторием Святого Георгия. Это не имеет ни малейшего отношения к... к лечебнице подобного рода.

— Санаторий Святого Георгия, говорите? К этому мы еще вернемся. Мистер Хог, расскажите мне, пожалуйста, что именно произошло вчера?

— Вчера? Днем? Но, мистер Рэндалл, вы же *знаете,* что я не могу рассказать, что происходит со мной днем.

— А вот я думаю — можете. Там творилось черт знает что, какое-то непонятное мошенничество, и вы находились в самом центре происходящего. Когда вы остановили меня перед зданием «Акме», *что вы мне тогда сказали?*

— «Акме»? Я ничего не знаю про «Акме». Я что, был там?

— Были, были, нечего строить невинные глазки, и не только были, но и еще сыграли со мной какую-то подлую шутку — накачали наркотиками, или загипнотизировали, или еще что.

Хог растерянно перевел взгляд с горящего возмущением Рэндалла на Синтию. Однако ее лицо оставалось бесстрастным, с этой стороны помощи ожидать не приходилось. В отчаянии он повернулся к Рэндаллу.

— Поверьте, мистер Рэндалл, я просто не понимаю, о чем вы говорите. Возможно, я заходил в «Акме». Но если я даже и был там и делал что-то в отношении вас, мне это неизвестно.

Слова Хога звучали так серьезно, с такой торжественной искренностью, что Рэндалл заколебался, несмотря на всю

свою убежденность. И все же... какого черта, ведь *кто-то* провел его за нос. Можно попробовать подойти к делу с другой стороны.

— Мистер Хог, если вы и вправду настолько искренни со мной, как это можно заключить из ваших слов, у вас, конечно, не появится никаких возражений против того, что я собираюсь сейчас сделать.

Рэндалл вынул из кармана серебряный портсигар, открыл его и протер зеркально-гладкую внутреннюю поверхность крышки носовым платком.

— Пожалуйста, мистер Хог.

— Что вам нужно?

— Мне нужны отпечатки ваших пальцев.

Ошеломленный Хог несколько раз судорожно сглотнул.

— Зачем вам мои отпечатки? — еле слышно спросил он.

— А в чем, собственно, дело? Если вы не замешаны ни в чем дурном, эта процедура никак не может повредить вам.

— Вы хотите сдать меня в полицию?

— У меня нет к тому никаких оснований. У меня вообще нет на вас никакого материала. Ну, так давайте снимем пальчики.

— Нет!

Рэндалл встал, шагнул к Хогу и угрожающе навис над ним.

— А как вам понравится, если я переломаю вам руки? — спросил он, уже не сдерживая охватившую его ярость.

Искоса взглянув на сыщика, Хог испуганно съежился, однако, похоже, остался тверд в своем нежелании дать отпечатки пальцев. Отвернув лицо к стене, он крепко прижал ладони к груди.

Рэндалл почувствовал прикосновение к своей руке.

— Хватит, Тедди. Пошли отсюда.

Хог поднял глаза.

— Да,— сказал он.— Уходите. И никогда не возвращайтесь.

— Пойдем, Тедди.

— Сейчас, потерпи минуту. Я еще не совсем покончил с мистером Хогом.

Хог посмотрел на Рэндалла, было видно, что это потребовало от него большого усилия.

— Мистер Хог, вы уже дважды упоминали санаторий Святого Георгия как свою *alma mater*. Так вот, я хочу, чтобы вы знали, что я знаю, что такого места не существует в природе.

И снова Хог, если судить по его виду, искренне изумился.

— Но ведь этот санаторий существует,— настаивал он.— Ведь я же пробыл там целых... Во всяком случае, мне сказали, что он так называется,— добавил он уже с сомнением в голосе.

Презрительно фыркнув, Рэндалл повернулся к двери.

— Пошли, Синтия.

* * *

В кабине лифта Синтия повернулась к мужу.

— Чего это ты сорвался с цепи?

— А того,— со злостью ответил Рэндалл,— что не люблю такие штучки. Когда мешают противники, это куда ни шло, но когда тебя дурит твой же собственный клиент, это уже не лезет ни в какие ворота. Он вывалил перед нами целую кучу вранья, он мешал нашей работе, он организовал какую-то подлую махинацию в этой истории с «Акме». Мне не нравится, когда клиенты откалывают такие номера. Я не собираюсь с этим мириться. Деньги мне нужны, но не настолько.

— Ну что ж,— вздохнула Синтия.— Я лично с радостью готова вернуть ему эти деньги. И просто счастлива, что со всем этим покончено.

— Как это — «вернуть ему эти деньги»? Я не намерен возвращать ему никаких денег, я хочу их заработать.

Кабина лифта слегка дернулась, остановившись на первом этаже, но Синтия не прикоснулась к двери.

— Тедди! Что это ты еще придумал?

— Хог поручил мне выяснить, что он делает. Какого черта, вот я и выясню это — с его помощью или без оной.

Было видно, что Рэндалл ждет ответа, но Синтия молчала.

— А тебе,— добавил он с вызовом, но уже не так уверенно,— совсем не обязательно в этом участвовать.

— Если ты продолжишь расследование, я тоже не останусь в стороне. Вспомни, что ты мне обещал.

— А что я обещал? — с невинным видом вопросил Рэндалл.

— Ты прекрасно все помнишь.

— Но послушай, Син, я собираюсь просто пооколачиваться здесь, пока он не выйдет из дому, а потом проследить за ним. На это может уйти целый день. Он может решить и вообще никуда сегодня не ходить.

— Вот и прекрасно. А я буду ждать вместе с тобой.

— Но кому-то ведь надо приглядеть за конторой.

— Вот и пригляди за конторой,— предложила Синтия.— А я буду вести наблюдение за Хогом.

— Но это же просто смешно. Ты...

Кабина лифта поползла вверх.

— Ну вот. Кто-то вызывает лифт.

От ткнул пальцем в кнопку «стоп», а затем — в кнопку первого этажа. На этот раз они не стали задерживаться в кабине.

Рядом с входной дверью дома располагалось небольшое помещение — нечто вроде холла или комнаты ожидания, туда Рэндалл и направил Синтию.

— Нам нужно решить этот вопрос...— начал он.

— Он давно решен.

— О'кей, твоя взяла. Теперь выберем какую-нибудь точку.

— А почему не прямо здесь? Мы сядем здесь, и он не сможет выйти, не попав нам на глаза.

— О'кей.

Лифт поехал вверх почти сразу, как они из него вышли. Теперь характерное звяканье возвестило о его возвращении на первый этаж.

— Ну, лапа, принимай низкий старт.

Согласно кивнув, Синтия отодвинулась поглубже в тень. С того места, где стоял Рэндалл, он видел отражение двери лифта в украшавшем холл зеркале.

— Это Хог? — прошептала Синтия.

— Нет,— так же тихо ответил ей муж.— Этот мужик крупнее. Он похож на...

Осекшись, Рэндалл схватил Синтию за руку.

Сквозь открытую дверь холла они увидели фигуру Джонатана Хога. Никуда не поворачиваясь, не заметив наблюдавших за ним сыщиков, он прошел прямо на улицу. Когда входная дверь захлопнулась, рука Рэндалла немного расслабилась.

— Чуть не прошляпил,— признал он с облегчением в голосе.

— А что случилось?

— Не знаю. Паршивое зеркало. Искажение. Ну — ноги в руки.

Выйдя из двери, они увидели, как объект их охоты спустился на тротуар и, как и днем раньше, свернул налево.

Рэндалл остановился в нерешительности.

— Он может увидеть нас, но этим стоит, пожалуй, рискнуть. Я не хочу его потерять.

— А может, поехать за ним в такси? Тогда, если он опять поедет на автобусе, мы окажемся в лучшем положении, не надо будет прыгать вслед за ним.

Даже себе самой Синтия не хотела признаться, что старается держаться подальше от Хога.

— Нет, он может и не сесть на автобус. Пошли.

* * *

Преследовать Хога не составило особого труда: он шел по улице в быстром, но не выматывающем темпе. Подойдя к той же, что и вчера, автобусной остановке, он купил газету и сел на скамейку. Рэндалл и Синтия прошли у него за спиной и укрылись за входной дверью магазина.

Когда подошел автобус, Хог, как и прежде, поднялся на второй ярус; они тоже сели в этот автобус, но остались внизу.

— Похоже, он едет туда же, что и вчера,— заметил Рэндалл.— Сегодня мы прищучим его, маленькая.

Синтия не ответила.

Когда автобус приблизился к «Акме», они были наготове и напряженно ждали появления Хога, но тот все не спускался. Резко дернувшись, автобус поехал дальше, Синтия и Рэндалл разочарованно сели.

— Как ты думаешь, что это он еще придумал? — беспокойно спросил Рэндалл.— Думаешь, он увидел нас?

— А может, он стряхнул нас с «хвоста»?

В голосе Синтии звучала плохо скрываемая надежда.

— Как? Спрыгнув с верхушки автобуса? Ну-ну!

— Не совсем, но почти так. Если у светофора рядом с нами встал какой-нибудь другой автобус, Хог легко мог туда перебраться. Один раз какой-то человек проделал такое у меня на глазах. А в задней части автобуса это можно сделать почти незаметно.

Рэндалл на секунду задумался.

— Я почти уверен, что ни один автобус не останавливался рядом с нашим. Но все равно Хог мог перебраться на крышу какого-нибудь грузовика, хотя одному Богу известно, как он потом слезет.

После этого разговора сыщик утратил последние остатки спокойствия.

— А знаешь, я подойду к лестнице и попробую заглянуть наверх.

— И встретишься с ним нос к носу? Ты прямо как ребенок.

Несколько кварталов неохотно уступивший Рэндалл просидел молча.

— А вот и наш угол,— заметил он.

Синтия кивнула; она не хуже мужа видела, что автобус подъезжает к их конторе, точнее — к ближайшей от нее остановке. Пришлось вынимать косметичку и пудрить нос — в восьмой раз за одну эту поездку. Маленькое зеркальце вполне сносно играло роль перископа для наблюдения за выходящими через заднюю дверь пассажирами.

— Вот он, Тедди!

Рэндалл мгновенно вскочил на ноги и бросился по проходу, размахивая при этом руками, чтобы привлечь внимание

кондуктора. Вид у кондуктора был недовольный, однако он просигналил водителю задержаться.

— Чего не следишь за остановками? — пробурчал он.

— Прости, друг, я не здешний. Пошли, Син.

Человек, которого они преследовали, как раз входил в дверь того самого здания, где располагалась их контора. Рэндалл остановился.

— Странно мне все это, лапа.

— Ну, и что будем делать?

— Пойдем за ним.

До здания они добрались почти бегом, но в вестибюле Хога уже не было. Мидуэй-Коптон — здание не очень большое и не из роскошных, иначе арендная плата была бы им не по карману. В нем всего два лифта, один из которых, пустой, стоял внизу, а второй, судя по указателю, только что тронулся вверх.

Рэндалл подошел к открытой кабине, но входить туда не стал.

— Джимми,— сказал он.— Сколько пассажиров сейчас в том лифте?

— Двое,— не задумываясь, ответил лифтер.

— Точно?

— Да. Я трепался с Бертом до самого момента, когда он закрыл двери. Мистер Гаррисон и какой-то еще тип. А что?

Рэндалл сунул ему четвертак.

— Да так,— неопределенно ответил он, не сводя глаз с медленно поворачивающейся стрелки указателя.— А на какой этаж поехал мистер Гаррисон?

— Седьмой.

Стрелка как раз остановилась на семерке.

— Отлично.

Стрелка двинулась снова, миновала восьмерку, девятку и остановилась на числе десять.

Рэндалл впихнул Синтию в кабину.

— Наш этаж, Джимми,— чуть не выкрикнул он.— И побыстрее.

На пульте рядом с четверкой настойчиво мигала сигнальная лампочка «вверх». Джимми потянулся было к кнопкам, но Рэндалл схватил его за руку.

— Ничего с ними не случится, подождут немного.

Лифтер пожал плечами, но возражать не стал. Коридор десятого этажа оказался пустым. Мгновенно оценив обстановку, Рэндалл повернулся к Синтии.

— Пробегись быстренько по другому крылу, Син,— сказал он и быстро двинулся направо, к их конторе.

* * *

Синтия, вообще-то говоря, от своей прогулки не ожидала никаких результатов. Она находилась в полной уверенности, что Хог приехал сюда из-за их конторы. Однако привычка во время операций беспрекословно выполнять указания мужа взяла свое, если Тедди хочет проверить и второй коридор, она, конечно же, так и сделает. В плане этаж представлял собой нечто вроде заглавного «Н», причем лифты располагались в перекладине буквы. Синтия свернула налево. Никого. Развернувшись, она посмотрела в противоположную сторону — опять пустой номер. И тут у нее появилась мысль, что Хог мог выйти на пожарную лестницу — вероятность ничтожная, но и исключать ее тоже нельзя. В действительности пожарная лестница находилась в том направлении, куда она посмотрела сначала, в задней части здания, но Синтию обманула привычка — в том крыле, где располагалась их контора, все, конечно же, было зеркально вывернуто по сравнению с этим крылом.

Сделав три или четыре шага по коридору, выходящему на улицу, она осознала свою ошибку: впереди виднелось открытое окно, за которым не было никакой пожарной лестницы. Негромко выругав себя за свою глупость, Синтия повернулась.

И увидела в нескольких шагах от себя Хога.

И тогда эта профессионалка крайне непрофессионально взвизгнула.

— А, миссис Рэндалл,— зловеще улыбнулся Хог.

Синтия ничего не ответила, она просто не могла придумать, что тут можно сказать. В ее сумочке лежал пистолет тридцать второго калибра, появилось страшное желание выхватить его и начать стрелять. Когда-то она работала «приманкой» в полицейской наркобригаде и получила две благодарности за хладнокровную отвагу в опасных ситуациях; сейчас она не замечала у себя ни хладнокровия, ни отваги.

Хог сделал шаг в ее сторону.

— Вы ведь хотели найти меня здесь, не правда ли?

Синтия отступила на шаг.

— Нет! — еле слышно выдохнула она.— Нет!

— Но ведь я знаю, что хотели. Вы думали, что я в вашей конторе, однако я предпочел встретиться не с вашим мужем, а с вами. Здесь.

Сейчас коридор был глухим и безлюдным, не слышались даже обычные в таких местах перестуки пишущих машинок и обрывки разговоров. Словно огромные бельма, слепо таращились матовые стеклянные двери. Едва долетавший сюда, на десятый этаж, уличный шум был сейчас единственным звуком, если не считать немногих слов, которыми обменивались Хог и Синтия.

Хог подошел ближе.

— Вы ведь хотели снять у меня отпечатки пальцев, верно? Вы хотели проверить их и узнать про меня всякие вещи. Вы и ваш всюду лезущий со своим длинным носом муженек.

— Отойдите от меня!

Хог продолжал улыбаться.

— Ну что вы. Вы ведь хотели получить отпечатки моих пальцев? Ну, так вы их получите.

Вытянув вперед руки с широко растопыренными пальцами, он потянулся к Синтии. В ужасе она отпрянула от этих страшных, готовых вцепиться в нее рук. И сейчас Хог не казался маленьким, он стал выше, шире — даже крупнее, чем Тедди. Его глаза смотрели на нее сверху вниз.

Каблук пятившейся Синтии во что-то уперся, она поняла, что дошла до самого конца коридора — до тупика.

Руки приближались.

— Тедди! — закричала она.— Тедди!

* * *

Склонившийся над ней Тедди шлепал ее по щекам.

— Прекрати,— возмущенно сказала Синтия.— Больно ведь.

Рэндалл вздохнул с облегчением.

— Ну, маленькая, уж я тут перепсиховал. Ты же была в отключке, не знаю сколько времени.

Только сейчас вспомнив все происшедшее, Синтия в ужасе застонала.

— И ты знаешь, где я тебя подобрал? Здесь! — Он указал на место прямо под раскрытым окном.— Упади ты не так удачно, тебя бы сейчас соскребали с асфальта. А что случилось? Захотела посмотреть вниз, и головка закружилась?

— Ты поймал его?

— Вот это понимаю — профессионал,— с восхищением посмотрел на жену Рэндалл.— Нет, хотя почти поймал. Я увидел его в противоположном конце коридора и немного помедлил, хотелось посмотреть, что это он задумал. Если бы ты не закричала, я бы его точно...

— Если бы я *не закричала?*

— Ну да. Он остановился перед дверью нашей конторы, дверь хотел вскрыть, наверное, а тут вдруг...

— Кто остановился?

— Как кто? — недоуменно посмотрел на жену Рэндалл.— Да Хог же, конечно... Синти! Встряхнись! Никак ты собираешься снова шлепаться в обморок?

Синтия набрала в легкие воздух и медленно выдохнула.

— Со мной все в порядке,— мрачно сказала она.— Сейчас. Когда ты рядом. Доведи меня до конторы.

— Может, отнести тебя?

— Нет, только дай руку.

Осторожно подняв жену на ноги, Рэндалл начал отряхивать ее платье.

— Брось, не до того,— отмахнулась от него Синтия. Однако сама она задержалась, чтобы попытаться — безо всякого успеха — послюнявленным пальцем остановить длинную «стрелку» на чулке.

Открыв дверь конторы, Рэндалл осторожно усадил Синтию в кресло и протер ей лицо мокрым полотенцем.

— Ну как, лучше?

— Да я вообще в порядке — физически. Нужно только кое-что выяснить. Так, значит, Хог пытался забраться в нашу контору?

— Ага. Вовремя мы врезали этот хитрый замок.

— И как раз в это время я закричала?

— Ну да.

Синтия задумчиво побарабанила пальцами по ручке кресла.

— В чем дело, Син?

— Ни в чем. Все нормально, кроме одного обстоятельства: я закричала потому, что Хог пытался меня задушить.

Рэндаллу потребовалось довольно много времени, чтобы хоть что-нибудь сказать, да и после раздумий его вопрос не блистал глубокомыслием.

— А?

— Да, милый, я понимаю. Вот так оно все и есть, хотя это — сумасшедший дом какой-то. Хог опять сыграл с нами эту шутку, не знаю уж, как ему такое удается. Только я могу поклясться на чем угодно, что он пытался меня задушить. Точнее, что я так думала.

Синтия подробно изложила мужу все случившееся.

— Ну, и что же теперь получается? — закончила она свой рассказ.

— Хотел бы я знать,— ответил Рэндалл.— Очень хотел бы. Если бы не вчерашняя история в «Акме», я бы сказал, что у тебя закружилась голова, ты упала в обморок и очнулась не-

много не в себе. Но теперь я и не знаю, кто из нас свихнулся. Ведь я был абсолютно уверен, что вижу его.

— А может, у нас обоих крыша поехала? Стоило бы нам вместе показаться хорошему психиатру.

— У обоих? А может, все-таки у одного кого-нибудь? Разве бывает, чтобы два человека свихнулись одним и тем же образом?

— Бывает. Это случается, хотя и редко. Folie à deux.

— Фоли аду?

— Инфекционное сумасшествие. Это когда слабости двоих людей совпадают и они усиливают сумасшествие друг друга.

Синтия вспомнила истории болезни, которые когда-то изучала: обычно один из членов такой психованной парочки играл доминирующую роль, а другой — подчиненную, но сейчас не хотелось упоминать об этом. Она имела собственное мнение о том, кто доминирует в их семье, однако из соображений стратегических держала это мнение при себе.

* * *

— А может,— сказал Рэндалл после долгого молчания,— нам просто нужно хорошенько отдохнуть? Съездить на Мексиканский залив, поваляться на солнышке?

— А вот *эта*,— охотно поддержала его Синтия,— мысль отличная, вне зависимости от чего бы то ни было. Я никогда не понимала, откуда берутся охотники жить в таком мерзком, грязном, уродливом месте, как Чикаго.

— Сколько у нас денег?

— После оплаты всех счетов и налогов останется сотен восемь. Ну, и пять сотен Хога, если ты хочешь считать и их тоже.

— Думаю, мы их заработали,— мрачно сказал Рэндалл.— *Послушай!* А у нас и вправду есть эти деньги? А вдруг это тоже было надувательством?

— Ты хочешь сказать, никакого мистера Хога никогда и не было, а сейчас придет сестричка и принесет нам вкусный обед?

— Мм-м-м... ну, что-то в этом роде. Так есть у тебя эти деньги?

— Я *думаю,* что есть. Подожди секунду.

Открыв сперва сумочку, а затем — закрытое на «молнию» отделение этой сумочки, Синтия проверила наличность.

— Здесь они, как миленькие. Красивые такие зелененькие бумажки. Поехали в отпуск, Тедди. Да и вообще, чего мы сидим в этом Чикаго?

— А того, что здесь для нас есть работа. Кушать-то надо или нет? Кстати, спсихел я или нет, но стоит узнать, кто за это время звонил.

Рэндалл потянулся было к телефону, но тут его взгляд упал на пишущую машинку. На секунду Рэндалл замер и смолк.

— Подойди сюда,— сказал он наконец каким-то чужим, напряженным голосом.— Погляди.

Синтия вскочила на ноги, подошла к мужу и заглянула через его плечо. В пишущую машинку был вставлен их собственный фирменный бланк, на котором чернела одна-единственная строчка:

ЛЮБОПЫТНОМУ НОС ПРИЩЕМИЛИ.

Синтия почувствовала болезненный спазм где-то в нижней части желудка. Она стояла и молчала.

— Син, это ты напечатала?

— Нет.

— Ты уверена?

— Да.

Синтия потянулась, чтобы вынуть лист из машинки, но Рэндалл остановил ее руку.

— Не трогай. Отпечатки.

— Ладно. Но только есть у меня предчувствие,— добавила она,— что на этом ты не найдешь вообще никаких отпечатков.

— Может, и нет.

И все-таки Рэндалл сделал попытку. Вынув из нижнего ящика стола свою технику, он опылил и бумагу, и машинку — одинаково безрезультатно. Не было даже отпечатков пальцев

Синтии, которые могли бы запутать дело; отличаясь образцовой аккуратностью, она ежедневно протирала машинку перед уходом домой.

— Сдается, ты видел, как он *выходит* из конторы, а не входит в нее,— заметила Синтия, наблюдая за бесплодными стараниями мужа.

— Чего? Как это?

— Вскрыл, наверное, замок.

— Только не этот. Ты забываешь, что этот замок — одно из высших достижений мистера Йейла. Сломать его, очень постаравшись, можно, но вскрыть — никогда.

Синтия не ответила, она просто не знала, что и ответить. Рэндалл посмотрел на машинку с таким выражением, словно хотел спросить у нее, что же произошло в этой комнате, затем выпрямился, собрал свое хозяйство и засунул его в ящик.

— Что-то есть мерзкое во всей этой истории,— сказал он, начиная нервно расхаживать по слишком тесной для такого занятия комнате.

Синтия вынула из своего стола тряпочку, стерла порошок с машинки, села и стала молча смотреть на взволнованного мужа. Беспокойство, отражавшееся на ее лице, не было беспокойством за себя, однако назвать его полностью материнским тоже было нельзя. Она беспокоилась за них обоих, за всю семью.

— Син,— резко остановился Рэндалл.— Этому нужно положить конец.

— Вот и прекрасно,— согласилась Синтия.— Давай положим этому конец.

— Каким образом?

— Уедем в отпуск.

Рэндалл покачал головой.

— Я не могу сбежать от этой истории. Я должен знать.

— А вот я бы предпочла ничего не знать,— вздохнула Синтия.— Мы встретились с чем-то слишком огромным, бороться нам просто не под силу — так что же постыдного будет в бегстве?

— Что это с тобой, Син? — недоуменно посмотрел на нее Рэндалл.— Раньше ты никогда не трусила.

— Да,— медленно произнесла она.— Я никогда не трусила. Но у меня никогда и причин к тому не было. Погляди на меня, Тедди,— ведь ты знаешь, что я не из «женственных» женщин. Мне совсем не надо, чтобы ты ввязывался в драку, когда в ресторане ко мне пристает какой-нибудь балбес. Я не начинаю визжать при виде крови и не требую, чтобы ты исключил из своего лексикона выражения, не достойные моих нежных девичьих ушек. А что касается работы — разве я тебя хоть раз подводила? Я имею в виду — из-за трусости. Подводила?

— Кой черт, конечно, нет. А я этого и не говорю.

— Но здесь — совсем другое дело. Несколько минут назад — ведь у меня в сумочке лежал пистолет, но я не могла его использовать. Бессмысленно спрашивать почему. Просто — *не могла*.

Рэндалл выругался длинно и цветисто.

— Жаль, я его тогда не видел. Уж за мной бы не заржавело.

— Ты уверен?

Увидев, как изменилось выражение лица мужа, она подошла к нему и чмокнула его в кончик носа.

— Я совсем не хочу сказать, что ты бы испугался, ты же понимаешь, что я имела в виду совсем другое. Ты смелый, ты сильный, и я лично считаю тебя умным. Но ты подумай: вчера он обвел тебя вокруг пальца и заставил поверить, что ты видишь вещи, которых не было и в помине. Ну, так почему же ты не взялся за свой пистолет?

— У меня не было ни случая, ни причины.

— Вот именно. Ты видел то, что должен был видеть, согласно чьему-то решению. Как можно драться, если нельзя верить даже своим собственным глазам?

— Какого черта, не может же этот проклятый коротышка...

— *Не может*, говоришь? А вот я тебе скажу, *что* он может.

Синтия начала загибать пальцы.

— Он может быть в двух местах одновременно. Он может заставить тебя видеть одно, а меня в то же самое время — другое. Помнишь, перед «Акме»? Он может заставить тебя считать, что ты посетил фирму, которая не существует, на этаже, которого отродясь не бывало. Он может пройти сквозь запертую дверь, чтобы воспользоваться пишущей машинкой. И он

не оставляет отпечатков пальцев. Ну и что же получается, если сложить все это вместе?

— Чушь какая-то получается,— раздраженно махнул рукой Рэндалл.— Или колдовство. А в колдовство я не верю.

— И я тоже.

— Ну, а тогда получается,— засмеялся Рэндалл,— что мы оба с приветом.

Однако смех его трудно было назвать веселым.

— Возможно, и так. Если это колдовство, нам стоило бы сходить к священнику.

— Я же сказал, что не верю в колдовство.

— Слышала. Ну, а если второй вариант, нам нет никакого смысла пытаться следить за мистером Хогом. Ведь не может человек в белой горячке переловить своих зеленых чертей и сдать их в зоопарк. Ему лучше обратиться к доктору, как, возможно, и нам.

— Слушай! — неожиданно насторожился Рэндалл.

— Что слушать?

— Ты сейчас напомнила мне о совсем упущенном нами моменте. Врач Хога, ведь мы так и не проверили его.

— Но ты же сам и проверил, забыл, что ли? Никакого такого врача не существует.

— Я не про доктора Рено, я про доктора Потбери, того, к которому Хог носил свою грязь из-под ногтей.

— А ты что, веришь, что так оно и было? Я считала это частью той кучи вранья, которую он нам наплел.

— Я тоже. Но проверить все-таки не мешает.

— Зуб даю, нет такого доктора.

— Скорее всего, так оно и есть, но нам нужно *знать*. Дайка телефонную книгу.

Получив у Синтии справочник, Рэндалл начал его перелистывать.

— Потбери... Потбери. Здесь их целых полстолбца. Но среди них ни одного Д. М.*,— подытожил он безуспешные

* Д. М.— доктор медицины.

поиски.— Посмотрим желтые страницы, иногда врачи не помещают в справочниках своего домашнего адреса.

Синтия передала мужу другой том телефонной книги.

— «Врачи и хирурги». Господи, да сколько же их тут! Врачей больше, чем забегаловок,— можно подумать, половина города только и делает, что лечится. Ну вот, пожалуйста. «Потбери, П. Т.*, Д. М.»

— Да, возможно, это тот самый,— согласилась Синтия.

— А чего же мы ждем? Поедем и узнаем.

— Тедди!

— Ну что тут такого? — оправдывающимся голосом спросил Рэндалл.— Ведь Потбери — это не Хог и...

— Не знаю, не знаю.

— Чего? Что ты хочешь сказать? Ты думаешь, что Потбери, может быть, тоже замешан во всей этой дикой афере?

— Я не знаю. Просто мне хотелось бы совсем позабыть про нашего милого мистера Хога.

— Слушай, киска, да чего же тут такого страшного? Сяду я в машину, быстренько доеду, задам глубокоуважаемому доктору пару вполне пристойных, уместных вопросов и вернусь как раз к ланчу.

— Машину мы отдали в ремонт, на притирку клапанов, ты что, забыл?

— Ну и что, поеду надземкой, даже и быстрее.

— Если ты так настаиваешь, поедем вместе. Теперь, Тедди, мы все время будем вместе.

Рэндалл задумчиво подергал себя за губу.

— Может, ты и права. Мы же не знаем, где сейчас Хог. Если ты предпочитаешь...

— Предпочитаю. Совсем недавно мы с тобой разошлись на какие-то три минуты — и посмотри, что из этого вышло.

— Да, пожалуй. И, уж конечно, очень не хочется, чтобы с тобой что-то случилось.

— Я не про себя, я про нас,— возразила Синтия.— Если с нами случится, я бы предпочла, чтобы с обоими случилось одно и то же.

* П. Т.— инициалы.

— Хорошо,— с неожиданной серьезностью согласился Рэндалл.— С этого момента мы держимся вместе. Если хочешь, сцепимся наручниками.

— Незачем, я и так от тебя не отстану.

VI

Кабинет Потбери располагался на юге города, за университетом. Миля за милей рельсы надземки тянулись среди давно знакомых им жилых кварталов. Обычно подобные пейзажи воспринимаются механически, почти не отражаясь в мозгу, но сегодня Синтия глядела на них и видела, причем видела окрашенными в тона своего мрачного настроения.

Четырех-, пятиэтажные дома без лифтов, отвернувшиеся своими фасадами от линии надземки, в каждом здании — не меньше десяти семей, а чаще — два десятка, даже больше. Дома эти теснятся почти вплотную друг к другу, деревянные крылечки черных лестниц ясно говорят, какими ловушками станут эти перенаселенные крольчатники в случае пожара, несмотря на свои кирпичные стены. Семейные постирушки, вывешенные сохнуть на эти самые крылечки, мусорные баки. Миля за милей уродливого, унизительного убожества.

И на всем — черная пленка грязи, вечной и неизбежной,— в точности такой же, как и грязь на раме вагонного окна, сквозь которое смотрит Синтия.

Она начала думать об отпуске, о чистом воздухе и ярком солнечном свете. Зачем оставаться в Чикаго? Чем этот город может оправдать свое существование? Один приличный бульвар, один приличный пригород на севере, но жить в нем по карману только богатым, два университета и озеро. А все остальное — бесконечные мили грязных, наводящих тоску улиц. Этот город словно огромный загон для скота.

Теперь дома сменились вагонным парком надземки, поезд свернул налево и полетел на восток. Еще несколько минут поездки, и они сошли на остановке Стоуни Айленд; Синтия с большим облегчением вышла из поезда, избавилась от

слишком уж откровенных, повергающих в уныние картин изнанки повседневной жизни — даже шум и грошовое торгашество Шестьдесят третьей стрит, по которой шли теперь они с Рэндаллом, казались предпочтительнее.

Окна кабинета Потбери выходили на улицу, давая великолепный вид на эстакаду надземки. В таком месте терапевт может не сомневаться, что пациентов у него будет достаточно, в равной степени ему не приходится сомневаться, что ни богатых людей, ни знаменитых среди этих пациентов не окажется. Маленькая душная комната ожидания была переполнена, но очередь двигалась быстро, так что ждать Рэндаллу и Синтии пришлось недолго.

— Кто из вас пациент? — спросил Потбери, окинув их взглядом. Выглядел врач довольно раздраженным.

Они собирались подойти к вопросу о Хоге исподволь, использовав в качестве предлога для визита недавний обморок Синтии. Следующая фраза, произнесенная Потбери, совершенно поломала такую схему — с точки зрения Синтии.

— Кто бы ни был пациентом, второй может подождать снаружи. Я не люблю устраивать здесь митинги и демонстрации.

— Моя жена...— начал Рэндалл. Синтия крепко сжала его руку.

— Моя жена и я,— без малейшей запинки перестроился он,— хотели задать вам, доктор, пару вопросов.

— Ну и?.. Говорите.

— У вас был один пациент — некий мистер Хог.

Торопливо встав, Потбери подошел к выходящей в комнату ожидания двери, убедился, что она плотно закрыта, и повернулся спиной к этому единственному выходу из кабинета.

— Ну, так что же насчет Хога? — зловеще спросил он.

Рэндалл вынул свои документы.

— Вы можете сами убедиться, что я имею вполне законное право проводить расследование. У моей жены тоже есть лицензия.

— Какое отношение имеете вы к... к упомянутому вами человеку?

— Он поручил нам провести некое расследование. Ваша профессия чем-то близка к моей, и как врач вы понимаете, что я предпочитаю откровенность...

— Вы *работаете* на него?

— И да, и нет. Если конкретнее, мы пытаемся узнать некоторые факты, касающиеся его жизни, но ему это известно, мы не делаем ничего за его спиной. Можете, если хотите, позвонить и убедиться в этом лично.

Рэндалл сделал такое предложение скорее вынужденно, он надеялся, что Потбери им не воспользуется.

Именно так Потбери и поступил, однако его поведение не внушало особых надежд.

— Разговаривать с *ним*? Только под страхом смертной казни. Что вы хотите про него узнать?

— Несколько дней назад,— осторожно начал Рэндалл,— Хог принес вам на анализ некое вещество. Я хочу узнать, что это было за вещество.

Потбери негодующе фыркнул.

— Всего несколько минут назад вы сами напомнили мне о родстве наших профессий. Удивляюсь, как вам в голову могло прийти задать подобный вопрос.

— Я понимаю вашу точку зрения, я знаю, что врачебные сведения о пациенте являются конфиденциальными. Однако в данном конкретном случае имеется...

— Вам лучше этого не знать.

Рэндалл на секунду задумался.

— Знаете, доктор, я достаточно насмотрелся на изнанку жизни, так что вряд ли что-нибудь может меня шокировать. Может быть, вас стесняет присутствие миссис Рэндалл?

Потбери с интересом осмотрел его, а затем перевел взгляд на Синтию.

— Вы выглядите довольно приличными людьми,— снизошел он в конце концов.— Вероятно, вы и вправду считаете, что шокировать вас почти невозможно. Но позвольте дать вам хороший совет. Как я понимаю, вы тем или иным образом связаны с этим человеком. Так вот, *держитесь от него*

подальше. Не имейте с ним никаких дел. И не спрашивайте меня, что было под его ногтями.

* * *

Синтия с трудом сдержала возглас удивления. Она не участвовала в беседе, однако следила за ней очень внимательно. И Тедди ни словом не упомянул прежде о ногтях.

— Но скажите мне, почему? — настаивал Рэндалл.

Потбери начинал подавать признаки раздражения.

— Вы довольно глупый юноша, сэр. Позвольте мне сказать вам следующее: если вы знаете об этой личности не больше, чем можно судить по вашему поведению, то не имеете и малого представления о бездонности скотства, возможного в этом мире. И это — ваше счастье. Лучше, несравненно лучше не знать этого.

Рэндалл помедлил, он понимал, что спор поворачивается не в его пользу. Затем он сделал новую попытку

— Хорошо, доктор, предположим, вы правы. Но почему же тогда, зная, что он такой злодей, вы не сообщили о нем в полицию?

— А откуда вы знаете, что не сообщил? Но я отвечу вам на ваш вопрос, сэр. Нет, я не сообщил о нем в полицию и поступил так по очень простой причине: от этого не было бы никакого проку. Наши блюстители порядка не обладают ни умом, ни фантазией, необходимыми, чтобы хотя бы представить себе саму возможность связанного с Хогом зла. В наши дни, в наш век он просто неуязвим для правосудия.

— Простите, я не понял, что вы имели в виду, говоря «в наши дни, в наш век».

— Ничего, не обращайте внимания. И вообще с обсуждением этого вопроса покончено. Вначале вы сказали что-то про свою жену, так она, что, хотела со мной проконсультироваться?

— Ерунда,— торопливо вмешалась Синтия.— Ровно ничего серьезного.

— Просто предлог? — почти дружелюбно улыбнулся Потбери.— Так что там у вас было?

— Пустяки. Утром со мной случился обморок, но сейчас все в порядке.

— Хм-м-м. Вы ведь не в положении, верно? По глазам не похоже. Вид у вас вполне здоровый, ну, может, чуть анемичный. Думаю, вам не повредило бы побольше солнца и воздуха.

Подойдя к дальней стене кабинета, Потбери открыл белый шкафчик и начал перебирать пузырьки. Через минуту он вернулся с небольшим стаканчиком, наполненным янтарно-коричневой жидкостью.

— Выпейте это.

— А что это такое?

— Тонизирующее. В его составе как раз достаточно «того, от чего поп заплясал», чтобы вам понравилось.

Синтия нерешительно посмотрела на мужа.

— Не хочется пить в одиночку? — весело поинтересовался Потбери, перехватив этот взгляд.— Ну что ж, нам это тоже не повредит.

Он опять отошел к шкафчику и вернулся с двумя новыми порциями коричневатой жидкости, одну из которых вручил Рэндаллу.

— Ну, давайте за то, чтобы забыть обо всех неприятностях,— сказал он, поднял свой стаканчик и опрокинул его в рот.

Рэндалл тоже выпил, а затем его примеру последовала и Синтия. «Вполне приличная отрава»,— подумала она. Малость горьковатая, но вкус виски — а это именно виски, решила она, а не какой-то там медицинский спирт — покрывал все остальные привкусы. Возможно, бутылочка такого тонизирующего и не принесет реальной пользы, но зато почувствуешь ты себя значительно веселее.

Потбери проводил их к двери.

— Если ваш обморок повторится, миссис Рэндалл, приходите сразу ко мне, и я вас тщательно обследую. А пока не беспокойтесь попусту о таких делах, в которых вы бессильны.

* * *

На обратном пути Синтия и Рэндалл сели в последний вагон и достаточно далеко от других пассажиров, чтобы говорить, не стесняясь ничьим присутствием.

— Ну, и что ты можешь про все это сказать? — спросил Рэндалл, когда они устроились на своих местах.

— Даже и не знаю,— наморщила лоб Синтия.— Ясно как божий день, что Потбери не любит Хога, только он так и не сказал — почему.

— Вот-вот.

— А как понимаешь все это ты, Тедди?

— Во-первых, Потбери знает Хога. Во-вторых, Потбери крайне озабочен, чтобы мы не узнали ничего про Хога. В-третьих, Потбери ненавидит Хога — и боится его.

— Да? А почему ты так решил?

Вот за такие снисходительные улыбочки Синтия иногда была готова выцарапать любимому мужу глаза.

— Пошевели немного извилинами, красавица. Думаю, я могу сойтись с Потбери, но только напрасно он надеется напугать меня так, чтобы я прекратил попытки узнать, чем занимается Хог в свое рабочее время.

Синтия вполне резонно решила не спорить сейчас с мужем: за годы совместной жизни она узнала его достаточно хорошо.

По ее просьбе они поехали прямо домой, а не в контору.

— Я сейчас просто не могу, Тедди. А если ему так уж хочется поиграть с моей пишущей машинкой — ну и пускай его.

— Все еще дрожат коленки после несостоявшегося прыжка в окно? — озабоченно спросил Рэндалл.

— Да, вроде.

* * *

Почти весь оставшийся день Синтия продремала. «Похоже,— думала она,— что от этого самого тонизирующего никакого проку — только голова кружится, да во рту противный вкус».

Рэндалл не стал мешать ей. Покрутившись бесцельно по квартире, он установил мишень и начал было свои метательные упражнения, но вовремя сообразил, что может разбудить Синтию. Заглянув в спальню, он увидел, что она и вправду мирно спит. Тогда Рэндалл решил, что, проснувшись, его жена вряд ли откажется от пива, найдя таким образом вполне удовлетворительный предлог для прогулки, тем более что и сам хотел пива. Слегка побаливала голова, ничего особенного, но только после посещения доктора ему все время было как-то не по себе. Ерунда, пара пива — и все пройдет.

* * *

А как раз не доходя до ближайшей деликатесной лавки располагалась вполне уютная пивная, в которую Рэндалл и завернул, чтобы опрокинуть кружку разливного. В какой-то момент он с удивлением обнаружил, что невесть уже сколько времени с пылом втолковывает хозяину заведения, *почему именно* вся совокупность реформ никогда не покончит с машиной, заправляющей городом.

Выходя из пивной, он припомнил все-таки первоначальное свое намерение, а потому вернулся домой, нагруженный пивом и разнообразными мясными деликатесами. Синтия уже встала и возилась на кухне.

— Приветик, крошка!

— Тедди!

Рэндалл поцеловал ее, еще не успев освободить руки от свертков.

— Испугалась небось, когда проснулась, а меня нету?

— Не то чтобы, но лучше бы ты оставил записку. Что это у тебя?

— Пиво и всякое мясное. Рада?

— Отлично. Не хочу сегодня никуда идти и вот пробую сообразить, что бы состряпать, но в доме ни кусочка мяса.

Синтия взяла свертки.

— Кто-нибудь звонил или заходил?

— Ага. Проснувшись, я позвонила на станцию, там ничего интересного. Но зеркало уже доставили.

— Зеркало?

— Не строй невинные глазки, Тедди. Большое спасибо за такой приятный сюрприз. Пойди посмотри, как теперь красиво в спальне.

— Слушай, давай-ка разберемся,— остановил ее Рэндалл.— Я не знаю ничего ни про какое зеркало.

Синтия удивленно смолкла.

— А я думала, ты купил его мне как сюрприз. Грузчики сказали, что за него уже уплачено.

— А на чье имя его доставили, на твое или мое?

— Даже и не заметила, я ведь тогда едва проснулась. Просто подписала какую-то бумажку, а они распаковали его и повесили, где я попросила.

Зеркало оказалось очень красивым — толстое шлифованное стекло с фаской, безо всякой рамы — и довольно большим. Рэндалл был вынужден согласиться, что теперь туалетный столик Синтии выглядит совсем по-другому.

— Знаешь, лапа, если ты хочешь такое зеркало — я тебе куплю. Но это зеркало не наше. Думаю, нужно позвонить и сказать, чтобы его у нас забрали. Где квитанция?

— Они, кажется, взяли ее с собой. Да и вообще сейчас уже поздно, все закрыто.

— Тебе оно, что, очень понравилось? — снисходительно, как ребенку, улыбнулся Рэндалл.— Ну ладно, на сегодня оно твое, а завтра я подсуечусь добыть другое.

Это и вправду было великолепное зеркало — абсолютно прозрачное стекло, покрытое безупречным слоем амальгамы. Синтии казалось, что в него можно просунуть руку, как в открытое окно.

Когда они легли, Рэндалл уснул быстрее Синтии. «Это потому,— подумала она,— что я чуть не весь день провалялась». Приподнявшись на локте, она смотрела на мерно дышащего во сне мужа. Тедди. Он очень добрый — во всяком случае, ко мне. Завтра я скажу, чтобы он не беспокоился дос-

тавать другое зеркало: зачем оно мне, собственно? Мне нужно одно: всегда быть с ним, чтобы ничто нас не разделяло. Вещи ровно ничего не значат, быть вместе — это единственно важная вещь.

Синтия взглянула на зеркало. Красивое, слов нет. И такое прозрачное — ну как распахнутое окно. Сейчас ей показалось, что она может пролезть сквозь это зеркало, как Алиса пролезла в Зазеркалье.

* * *

Проснулся Рэндалл от того, что кто-то кричал его имя.

— Вылезай из постели, Рэндалл. Ты опаздываешь.

Не Синтия, это уж точно. Он сонно потер глаза и попытался их сфокусировать,

— В чем дело?

— В тебе,— сказал просунувшийся сквозь новое зеркало Фиппс.— Пошевеливайся! Не заставляй нас ждать.

Рэндалл инстинктивно посмотрел на соседнюю подушку. Синтия исчезла.

Исчезла! Теперь у Рэндалла сна не осталось ни в одном глазу; мгновенно вскочив с кровати, он начал лихорадочно искать ее, сразу везде. В ванной — нет — Син!! — В гостиной тоже нет, на кухне, в столовой — тоже.

— Син! Синтия! Где ты?

Все так же лихорадочно он пооткрывал все шкафы и чуланы.

— Син!

Затем он вернулся в спальню и встал посреди нее, не зная, где еще искать,— печальная босая фигура в мятой пижаме и с всклокоченными волосами.

Взявшись одной рукой за нижний край зеркала, Фиппс без видимого напряжения перепрыгнул в комнату.

— Здесь должно быть место для установки высокого зеркала, в рост,— заметил он, поправляя пиджак и галстук.— В каждой комнате должно быть высокое зеркало. Думаю, вскоре такое требование будет выдвинуто — я прослежу за этим лично.

Рэндалл перевел глаза на зазеркального гостя, словно только что его заметив.

— *Где она?* Что вы с ней сделали?

Он угрожающе шагнул к Фиппсу.

— Не ваше дело,— отрезал Фиппс. Кивком головы он указал на зеркало.— Перелезайте туда.

— *Где она?* — закричал Рэндалл и попытался схватить Фиппса за глотку. Он так и не понял, что, собственно, произошло дальше. Фиппс поднял руку и Рэндалла отбросило к кровати. Он попытался подняться — никакого толку. Все усилия были бесполезны, словно в кошмарном сне.

— Мистер Круз! — окрикнул Фиппс.— Мистер Райфснайдер! Мне нужна ваша помощь.

В зеркале появились еще два смутно знакомых лица.

— Сюда, пожалуйста, мистер Круз,— скомандовал Фиппс.

Мистер Круз пролез сквозь зеркало.

— Прекрасно! Думаю, мы пронесем его вперед ногами.

Мнением Рэндалла никто не интересовался; он пытался сопротивляться, но мускулы словно превратились в студень. Слабое подергивание конечностей — это все, чего он смог добиться. Он попробовал вцепиться зубами в оказавшуюся рядом руку и был вознагражден за свою предприимчивость ударом в лицо. Впрочем, это был скорее даже не удар, а болезненный толчок твердым, костлявым кулаком.

— Добавлю потом,— пообещал Фиппс.

Протиснув Рэндалла через зеркало, они свалили его на стол — на *тот самый* стол. И помещение было то же самое — зал заседаний совета фирмы «Детеридж и компания», вокруг стола собрались те же самые знакомые ледяные физиономии, а возглавлял приятную компанию тот же самый жовиальный толстяк со свинячими глазками. Единственным изменением было большое зеркало, не отражавшее зал, а показывавшее вместо этого изображение спальни Рэндалла, но изображение не прямое, а перевернутое справа налево, словно наблюдаемое в это же самое зеркало.

Однако все эти подробности мало интересовали сейчас Рэндалла. Попытавшись сесть, он, как и в прошлый раз, убе-

дился, что не может этого сделать, и был вынужден ограничиться приподниманием головы.

— Куда вы ее дели? — с ненавистью спросил он у председательствующего.

Улыбка Стоулза была полна самого искреннего сочувствия.

— А, мистер Рэндалл! Так, значит, вы решили снова посетить нас. И где вы только не бываете, вы такой общительный человек. Я бы даже сказал, чересчур общительный.

— Неразумный, слабый и глупый,— задумчиво, словно сам себе, добавил он.— И только подумать, что я и мои родные братья не смогли создать ничего лучшего, чем вы. Ну что же, вы за это заплатите. Птица жестока.

Это последнее замечание он произнес благоговейно и на секунду закрыл лицо руками. Остальные сделали то же самое; чья-то ладонь грубо опустилась Рэндаллу на глаза, а затем убралась прочь.

Стоулз заговорил снова. Рэндалл попытался перебить его, но снова, как в тот раз, Стоулз ткнул пальцем в его сторону и строго произнес: «Достаточно», после чего сыщик утратил способность говорить. При каждой попытке сказать что-либо перехватывало горло и накатывала тошнота.

— Хотелось думать,— с манерами заправского оратора продолжал Стоулз,— что существо даже столь жалкой породы, как ваша, сумеет понять предостережения, которые вы получили, и будет действовать соответственно.

Смолкнув на мгновение, Стоулз выпятил вперед плотно сжатые губы.

— Иногда мне начинает казаться, что моя собственная слабость — в непонимании того, насколько бездонны слабость и глупость, присущие людям. Будучи сам существом разумным, я обладаю несчастной склонностью ожидать от других, не подобных мне, разумного поведения.

Здесь он остановился и перенес внимание с Рэндалла на одного из своих коллег.

— А вы, мистер Паркер, не надейтесь попусту,— произнес он с самой приветливой улыбкой.— Уж вас-то я не стану

недооценивать. А если вы желаете сразиться со мной за право сидеть там, где сижу я,— пожалуйста, но только чуть позже. Интересно,— добавил он задумчиво,— какова на вкус ваша кровь.

Мистер Паркер был не менее учтив.

— Думаю, господин Председательствующий, что на вкус она практически такая же, как и у вас. Ваша мысль сама по себе превосходна, но я вполне удовлетворен существующим положением вещей.

— Крайне печально слышать такое, мистер Паркер, ведь вы мне нравитесь. Я надеялся, что у вас побольше амбиций.

— Я терпелив — как наш Предок.

— Даже так? Ну что ж, вернемся к делу. Мистер Рэндалл, в прошлом я уже пытался убедить вас в настоятельной необходимости прекращения каких бы то ни было отношений с... с вашим клиентом. Вы понимаете, какого клиента я имею в виду. Каким, по вашему собственному мнению, способом можно убедить вас в том, что Сыны Птицы не потерпят вмешательства в их планы? Говорите, отвечайте мне.

Но Рэндалл слышал очень малую часть сказанного и не понял вообще ничего. Все его существо поглощала одна-единственная, ужасная мысль. Обнаружив, что снова способен говорить, он выразил эту мысль вслух.

— Где она? — спросил он хриплым шепотом.— Что вы с ней сделали?

Стоулз нетерпеливо махнул рукой.

— Иногда,— раздраженно сказал он,— коммуникация с ними становится практически невозможной — почти полное отсутствие разума. Мистер Фиппс!

— Да, сэр.

— Вы не откажетесь позаботиться, чтобы сюда был доставлен другой экземпляр?

— Непременно, мистер Стоулз.

Фиппс взглянул на своего помощника, они вышли из зала, чтобы почти сразу вернуться. Ноша, которую они небрежно сбросили на стол рядом с Рэндаллом, оказалась Синтией.

Прилив облегчения был почти невыносим. Он накатился на Рэндалла, лишив его дыхания, оглушив его, застлав глаза слезами, он не оставил места для понимания всего ужаса их теперешнего положения. Однако постепенно трепет всего его существа ослабел, и Рэндалл понял наконец, что здесь что-то не так. Ни малейшего движения. Даже если они взяли ее спящей, небрежное обращение должно было разбудить Синтию.

Тревога была почти столь же ошеломляющей, как и радость секунду назад.

— Что вы с ней сделали? — молящим голосом спросил Рэндалл.— Неужели она...

— Нет,— брезгливо прервал его Стоулз.— Она не мертвая. Держите себя в руках, мистер Рэндалл. Разбудите ее,— повернулся он к своим коллегам, сопроводив приказание взмахом руки.

Один из них ткнул Синтию пальцем в бок.

— Заворачивать не надо, я съем это по пути,— сказал он.

— Весьма остроумно, мистер Принтам,— усмехнулся Стоулз,— но я просил вас разбудить ее. Не заставляйте меня ждать.

— Сейчас, господин Председательствующий.

Он резко ударил Синтию по щеке; Рэндалл буквально почувствовал удар своим собственным лицом — в сочетании с полной беспомощностью это почти лишило его рассудка.

— Во Имя Птицы — проснись.

Рэндалл увидел, как грудь Синтии слегка приподнялась под шелком ночной рубашки, ее ресницы задрожали, а губы разжались и произнесли:

— Тедди?

— Син! Я здесь, маленькая, я здесь!

Повернув голову в его сторону, Синтия вскрикнула:

— Тедди! — а затем добавила: — Мне снился страшный сон...

Только сейчас она заметила окружающих, жадно глядевших на нее. Медленно обведя зал серьезными, широко раскрытыми глазами, она снова посмотрела на Рэндалла.

— Тедди, это все еще сон?

— Боюсь, что нет, милая. Держись.

Синтия еще раз взглянула на собравшихся за столом, но на этот раз — бегло.

— Я не боюсь,— твердо сказала она.— Действуй, как знаешь, Тедди. В обморок я больше не шлепнусь.

С этого момента она не сводила глаз с Рэндалла.

Рэндалл искоса взглянул на заросшего жиром председательствующего; тот смотрел на них, забавляясь, по всей видимости, зрелищем и не выказывая пока намерения вмешиваться.

— Син,— торопливо прошептал Рэндалл,— они что-то со мной сделали, и теперь я не могу пошевелиться. Я парализован. Так что не очень на меня рассчитывай. Если у тебя появится шанс смыться — не задумывайся.

— И я не могу пошевелиться,— таким же шепотом ответила Синтия.— Нам надо ждать.— И добавила, заметив появившееся на его лице отчаяние: — Держись, ты же сам так сказал. Но я бы хотела прикоснуться к тебе.

Пальцы правой ее руки задрожали, сумели чуть-чуть зацепиться за гладкую, полированную поверхность стола и начали медленно, мучительно трудно преодолевать немногие разделявшие их дюймы.

Рэндалл обнаружил, что он тоже может слегка двигать пальцами, и его левая кисть поползла навстречу Синтии, так же медленно, на полдюйма за шаг, сковываемая мертвым весом парализованной руки. В конце концов руки встретились, пальцы Синтии сомкнулись с его пальцами и едва заметно их сжали. Она улыбнулась.

Стоулз негромко постучал по столу.

— Я очень тронут этим небольшим представлением,— сочувственно произнес он,— но пора вернуться к делу. Нам надо принять решение, как лучше с ними поступить.

— А не лучше ли всего совсем от них избавиться? — спросил тот, который тыкал Синтию пальцем в ребра.

— Да, это было бы крайне приятно,— согласился Стоулз,— но не надо забывать, что эти двое — только мелкая деталь наших планов, касающихся... клиента мистера Рэндалла. Именно он должен быть уничтожен.

— Но я не понимаю...

— Ну, конечно же, вы не понимаете, потому-то я и сижу на этом месте. Наша ближайшая задача состоит в том, чтобы вывести из игры этих двоих таким способом, который не вызовет никаких подозрений с его стороны. Поэтому вопрос сводится к методу и выбору конкретного субъекта.

Теперь заговорил мистер Паркер.

— А забавно было бы,— предположил он,— вернуть их в таком вот состоянии. Они медленно умрут от голода, не способные открыть дверь, не способные подойти к телефону, беспомощные.

— Да, именно так и было бы,— одобрительно кивнул Стоулз.— Я ожидал, что вы предложите нечто в этом роде. Ну, а если он попытается их увидеть, найдет их в таком состоянии? Вы что, думаете, он не поймет их рассказа? Нет, это должно быть нечто такое, что свяжет им языки. Когда я отошлю их назад, один из них будет мертвым — и в то же время живым.

* * *

Вся ситуация была настолько нелепой, настолько чудовищно неправдоподобной, что Рэндалл не мог в нее поверить. Этого не может быть, говорил он себе. Это просто кошмарный сон, нужно только суметь проснуться, и все будет в порядке. Неспособность пошевелиться — это уже встречалось в прошлых снах. Потом просыпаешься и обнаруживаешь, что запутался в простыне или просто спал, засунув руки под голову. Он попробовал укусить себя за язык, чтобы проснуться, однако безрезультатно.

Последние слова Стоулза резко вернули внимание Рэндалла к происходящему, но не потому, что он понял эти слова — они не значили для него почти ничего, хотя и были полны какого-то ужаса,— а из-за ропота одобрения, пробежавшего по собравшимся, напряженного ожидания, появившегося на их лицах.

Пальцы Синтии сжались чуть сильнее.

— Тедди, что они хотят сделать? — прошептала она.

— Не знаю, маленькая.

— И, конечно же, мужчина,— сказал Паркер.

Стоулз смерил его взглядом.

Рэндалл ясно чувствовал, что до этого момента Стоулз предназначал — то, что они намерены сделать,— для мужчины, для него. Но теперь он сказал другое.

— Я всегда благодарен вам за советы. После них гораздо легче принять *правильное* решение. Приготовьте женщину,— скомандовал он своим коллегам.

«Сейчас,— подумал Рэндалл.— Сейчас или никогда».

Собрав всю свою волю, он попытался встать — встать, чтобы принять бой.

Можно было бы и не стараться.

— Ничего не выходит, маленькая.

Может быть, Синтия и боялась, но сейчас на ее лице читалась только озабоченность состоянием мужа.

— Держись, Мозговой Центр,— ответила она, подкрепив свои слова легким пожатием пальцев.

Вставший со своего места Принтам наклонился над Синтией.

— Вообще-то, это работа Потифара,— недовольно сказал он.

— Потифар оставил подготовленный флакон,— ответил Стоулз.— Он у вас, мистер Фиппс?

Вместо ответа Фиппс открыл свой портфель, вынул оттуда бутылочку и после утвердительного кивка Стоулза передал ее Принтаму.

— А воск? — спросил тот все тем же сварливым голосом.

— Сию секунду,— пообещал Фиппс, снова залезая в свой портфель.

— Благодарю вас, сэр. А теперь, если кто-нибудь уберет это,— указал он на Рэндалла,— мы, пожалуй, начнем.

Многочисленные руки вцепились в Рэндалла и перетащили его на дальний край стола; двумя пальцами сжимая бутылочку, Принтам склонился над Синтией.

— Секунду,— остановил его Стоулз.— Я хочу, чтобы каждый из них понимал, что именно происходит и почему. Миссис Рэндалл,— с тяжеловесной учтивостью поклонился он,—

надеюсь, что наш с вами краткий разговор убедил вас, что Сыны Птицы никоим образом не позволят, чтобы им мешали существа, подобные вам двоим. Вы поняли меня, не так ли?

— Я поняла вас,— ответила Синтия. Однако в ее глазах стоял вызов.

— Прекрасно. Мы хотим — и вам необходимо это понять,— чтобы ваш муж не имел никаких дел с... с определенной личностью. Для того чтобы гарантировать такое положение вещей, мы сейчас разделим вас на две части. Ту из них, которая двигает вами и которую вы — что довольно забавно — называете душой, мы выдавим в этот флакон и оставим у себя. Ну, а что касается всего остального,— все остальное ваш муж может оставить себе в качестве постоянного напоминания, что вы находитесь в руках Сынов Птицы. Вы меня понимаете?

Синтия молчала. Рэндалл попробовал ответить, однако обнаружил, что горло опять ему не повинуется.

— Послушайте меня, миссис Рэндалл; вы сможете когда-либо встретиться со своим мужем при том только условии, что он будет нам повиноваться. Он не должен, под страхом вашей смерти, никогда больше встречаться со своим клиентом. Под страхом того же наказания он обязан молчать в отношении нас и всего здесь происшедшего. Если он не послушается... уверяю вас, мы сделаем вашу смерть весьма интересной.

Рэндалл хотел закричать, пообещать им сделать все что угодно, лишь бы они пощадили Синтию, но голос все еще его не слушался — видимо, Стоулз хотел выслушать сперва Синтию. Синтия покачала головой.

— Он поступит по своему усмотрению.

— Великолепно,— улыбнулся Стоулз.— Такой ответ я и хотел услышать. Ну а вы, мистер Рэндалл, вы обещаете?

Он хотел согласиться, он уже почти согласился, но тут увидел глаза Синтии говорившие «Нет!». По выражению лица жены он понял, что теперь блокирована ее речь. Рэндаллу показалось, что где-то в глубине его головы ясно, отчетливо звучит голос Синтии:

— Это ловушка, Мозговой Центр. Не обещай им ничего.

Рэндалл молчал.

Фиппс вдавил палец в его глаз.

— Отвечай, когда с тобой разговаривают!

Чтобы видеть Синтию, Рэндаллу пришлось зажмурить неповрежденный глаз; на ее лице по-прежнему читалось одобрение. Он продолжал молчать.

— Ладно, ерунда,— заговорил наконец Стоулз.— Продолжим, джентльмены.

— Давай! — скомандовал Принтам, прижав бутылочку к левой ноздре распростертой на столе женщины.

Кто-то резко надавил Синтии на грудь; с коротким хриплым стоном воздух вырвался из ее легких.

— Тедди,— выговорила она задыхаясь.— Они рвут меня на ча...

Операцию повторили, прижав бутылочку к другой ноздре. Теплые нежные пальцы, лежавшие в ладони Рэндалла, внезапно обмякли.

— Дайте воск,— отрывисто сказал Принтам, зажав горлышко бутылки пальцем. Запечатав, он передал ее Фиппсу.

Стоулз махнул рукой в сторону зеркала и небрежно кинул:

— Положите их на место.

Проследив за тем, как сквозь зеркало протолкнули Синтию, Фиппс обратился к Стоулзу:

— А нельзя ли нам оставить ему кое-что на память?

— Как хотите,— безразлично пожав плечами, ответил Стоулз, поднимаясь с места.— Только постарайтесь, чтобы без серьезных повреждений.

— Прекрасно,— ухмыльнулся Фиппс — и так ударил Рэндалла тыльной стороной ладони, что у того чуть не вылетели все зубы.— Мы его осторожненько.

Значительную часть этой процедуры Рэндалл находился в сознании — хотя, конечно же, точно оценить пропорцию было трудно. Раз или два он отключался — но только затем, чтобы очнуться от еще худшей боли.

Напоследок Фиппс приберег новый, им же, вероятно, и придуманный способ без особого членовредительства доводить человека до предела страданий.

Рэндалла окружали зеркала; зеркальными были и стены комнаты, куда он попал, и ее пол, и ее потолок. Куда ни посмотри — всюду бесконечные вереницы его изображений, и каждое из этих изображений — он сам, его «я», и каждое из этих «я» ненавидело его, и бежать от них было некуда.

— Врежь ему еще,— орали они — орал он — и их-его крепко сжатые кулаки били его в зубы. А затем раздавался их-его довольный гогот.

Они обступали его все ближе и ближе, а он не мог бежать достаточно быстро. Какие отчаянные усилия он ни прилагал — мышцы его не слушались. Это потому, что его приковали, приковали к огромному колесу вроде беличьего. Заодно ему завязали глаза, а скованные руки не давали сдернуть повязку. Но надо было бежать — ведь наверху стояла Синтия, и надо было до нее добраться.

Только какой там верх, когда ты в беличьем колесе.

Рэндалл страшно устал, а когда он хоть чуть-чуть замедлял движение, они снова его били. Кроме того, он должен был считать шаги, иначе не считается, иначе все бесполезно. Десять тысяч девяносто один, десять тысяч девяносто два, десять тысяч девяносто три, вверх-вниз, вверх-вниз... Хоть бы увидеть, куда я бегу.

Рэндалл споткнулся, его ударили сзади, и он упал лицом вниз. Мир куда-то исчез.

* * *

Когда сознание наконец вернулось, он обнаружил, что лежит, прижавшись лицом к чему-то жесткому, холодному и бугристому. Отодвинувшись от непонятного предмета, он почувствовал, что все его тело онемело. Ноги не слушались: с трудом разглядев их в неверном свете раннего утра, Рэндалл понял причину — наполовину стянутая с кровати простыня плотно обвила его лодыжки.

Жесткий холодный предмет оказался батареей парового отопления, рядом с которой он почему-то лежал. Рэндалл начал ориентироваться в обстановке. Он находился в своей собственной спальне. По-видимому, он бродил во сне, надо же, ведь последний раз такое было страшно давно, в раннем детстве! Бродил во сне, зацепился за что-то и врезался головой в батарею. Ну и отшибло мозги, конечно же, напрочь. Как еще жив остался.

Собравшись немного с силами, болезненно морщась при каждом движении, он начал подниматься на ноги и заметил непривычный предмет — новое зеркало. Мгновенно вспомнив свой сон, он бросился к кровати.

— Синтия!

Но Синтия была на месте, в целости и сохранности. Она даже не проснулась от этого вопля, чему Рэндалл очень обрадовался — зачем же людей зря пугать? На цыпочках отойдя от кровати, он тихо пробрался в ванную, притворил за собой дверь и только тогда повернул выключатель.

Хорош видок, ничего не скажешь. Нос расквашен, и давно,— кровь в основном уже подсохла и не течет. Вся грудь пижамной куртки в той же кровище. Кроме того, по всей видимости, он лежал правой щекой в луже крови, кровь засохла, и картина получилась устрашающая — значительно страшнее, чем в действительности, как он с облегчением обнаружил, умывшись.

В действительности повреждений не так уж много, только вот — ой! — весь правый бок онемел и ноет — наверное, расшиб, падая, а потом, для полного комплекта, еще и застудил. Интересно, думал Рэндалл, долго ли я так валялся?

Сняв куртку, он решил, что стирать сейчас — слишком много хлопот, смял ее в комок и засунул за унитаз. Чтобы Синтия не наткнулась на такой ужас раньше, чем он объяснит ей происшедшее.

«Господи, Тедди, что это с тобой?»

«Да так, маленькая, ерунда. Просто поцеловался с батареей».

Объяснение звучало даже сомнительнее, чем классическое «на дверь наткнулся».

Голова все еще кружилась, кружилась сильнее, чем Рэндалл думал,— засовывая куртку, он чуть не упал и с трудом сохранил равновесие, ухватившись за бачок. И стучало в этой голове так, словно внутри нее лупила по своим барабанам целая орава доброхотов из Армии Спасения. Пошарив в аптечке, Рэндалл нашел аспирин, проглотил три таблетки и задумчиво воззрился на коробочку люминала, приобретенную Синтией несколько месяцев назад. Прежде такое было ни к чему, спал он всегда как убитый, но тут — особый случай. Кошмары две ночи кряду, а для полной радости — начал расхаживать по квартире, как лунатик, и чуть не свернул себе дурацкую свою шею.

«А ведь девица в чем-то права,— подумал Рэндалл, глотая таблетку.— Отпуск совсем не повредил бы,— а то я совсем как выжатый лимон».

Найти чистую пижаму, не зажигая в спальне свет, было практически невозможно, так что Рэндалл скользнул под одеяло без куртки, подождал секунду — не проснется ли Синтия, а потом закрыл глаза и попытался расслабиться. Через несколько минут снотворное начало действовать, болезненные толчки в голове немного стихли, и вскоре он крепко заснул.

VII

Проснувшись от бившего в лицо солнца, Рэндалл сощурил один глаз на будильник, увидел, что уже десятый час, и торопливо слез с кровати. Поступок оказался не из самых остроумных — дико заныл правый бок. Затем коричневое пятно под батареей напомнило ему вчерашние приключения.

Осторожно повернув голову, он поглядел на жену. Та все еще безмятежно спала и, по всей видимости, даже не собиралась шевелиться. Такой расклад вполне устраивал Рэндалла — лучше сперва напоить ее апельсиновым соком, а уж потом описывать столь прискорбные обстоятельства. Зачем сразу устраивать панику?

Кое-как нащупав шлепанцы, он накинул на себя купальный халат — голые плечи зябли, а все мышцы неприятно ныли. Чистка зубов несколько улучшила положение — избавившись от противного вкуса во рту, Рэндалл настолько осмелел, что начал подумывать о завтраке.

Мысли его рассеянно скользили по событиям прошлой ночи, даже не пытаясь проникнуть в них поглубже. Неприятная все-таки вещь,— думал он, выжимая сок из апельсинов,— эти ночные кошмары. Может, и не психоз, но невроз — это уж точно, а что в этом хорошего? Кончать надо с этим. Разве можно работать, если всю ночь прослонялся как дурак по квартире,— даже если при этом и не сломал себе шею, зацепившись за что-нибудь. Мужчине нужен сон — какие тут сомнения.

Управившись со своей порцией сока, Рэндалл понес второй стакан в спальню.

— Ну-ка, красавица,— подъем!

Синтия не пошевелилась, так что он решил прибегнуть к средствам более радикальным и запел:

Вставай, вставай, штанишки надевай,
Маечку натягивай, песенку подтягивай!

И снова никакого результата. Аккуратно поставив стакан на тумбочку, Рэндалл сел на край кровати, взял Синтию за плечо и слегка ее потормошил.

— Вставай, засоня! Всю молодость проспишь!

Синтия не шелохнулась. Плечо было холодным как лед.

— Син! — закричал он в голос.— Син! Син!

Теперь Рэндалл тряс ее изо всех сил.

Безжизненно, как ватная, Синтия перевернулась на спину. Он снова встряхнул ее.

— Син, милая... ой, господи!

Через некоторое время испытанное Рэндаллом потрясение само успокоило его, фигурально говоря, он сорвал тормоза и был готов с мертвенным, ледяным спокойствием сделать все что угодно, все, что окажется необходимым. Сам того не

осознавая и неизвестно почему, Рэндалл считал Синтию мертвой. Однако он решил убедиться наверняка — при помощи известных ему средств. Пульс не прощупывался. «А может, я просто не умею его искать,— говорил он себе.— А может, пульс есть, но очень слабый». И все это время какой-то дьявольский хор кричал в его голове: «Она умерла... умерла... умерла... Это ты позволил ей умереть!»

Рэндалл приложил ухо к груди жены. Теперь ему показалось, что сердцебиение прослушивается, но уверенности не было, возможно — это просто отзвуки собственного его пульса. Так ничего и не поняв, он оглянулся в поисках какого-нибудь небольшого зеркала.

Вполне подходящее круглое зеркальце нашлось в сумочке Синтии; Рэндалл старательно вытер его рукавом халата и приблизил к губам жены.

Зеркало слегка запотело.

В полном ошеломлении, все еще не позволяя себе надеяться, Рэндалл снова протер зеркальце и сделал еще одну попытку. Оно снова запотело, чуть-чуть, но вполне определенно.

Она жива — она *жива*.

Удивившись секунду спустя, почему лицо Синтии плывет у него перед глазами, Рэндалл понял вдруг, что собственное его лицо залито слезами. Вытерев на ходу глаза, он, как заведенный автомат, продолжил не нужную теперь, собственно, проверку. Иголка, иголка... где в этом доме иголки? Вытащив иголку из подушечки, лежавшей на туалетном столике, Рэндалл подошел к кровати, двумя пальцами оттянул кожу на руке Синтии, прошептал: «Прости, маленькая»,— зажмурился и уколол.

Показалась алая капелька, затем укол быстро затянулся. Жива! Хорошо бы измерить температуру, но термометра не было — они с Синтией практически никогда не болели. Что еще... Когда-то и где-то Рэндалл читал что-то про то, как изобретали стетоскоп. Если свернуть листок бумаги...

Найдя подходящий листок, он свернул его в трубку, приставил один конец этой трубки к груди Синтии, где-то в районе сердца, а к другому приложил ухо.

Тук-тук... тук-тук... тук-тук... Негромко, но ритмично и отчетливо. На этот раз сомнений не осталось, раз бьется сердце, значит, она жива.

Чтобы справиться с собой, ему пришлось на минуту присесть.

* * *

Только большим усилием Рэндалл заставил себя думать — что же делать дальше. Ну конечно же — вызвать врача. Он не догадался сделать это раньше потому, что они с Синтией никогда не болели,— а значит, никогда не вызывали врача. И правда, ведь за все время после свадьбы им ни разу не потребовался врач.

А может, позвонить в полицию и попросить прислать медицинскую машину?.. Ну, пришлют какого-нибудь ихнего живодера, который привык полосовать ножиком несчастных, пострадавших в автомобильных авариях и перестрелках. Нет, врач нужен самый лучший. А кто из них самый лучший? Семейного врача семейство Рэндалл не имело. Смайлз... да ну его, алкоголика. Еще Хартвик — но у него очень узкая специализация: весьма интимные операции для сливок общества. Рэндалл взялся за книгу.

Потбери! Кто его, конечно, знает, этого старого шарлатана, но вид у него вполне компетентный. Рэндалл нашел нужную страницу, три раза набрал номер неправильно, отчаялся и попросил помощи у телефонистки.

— Да, это Потбери. Что вам нужно? Говорите же.

— С вами говорит Рэндалл. Рэндалл. Р-Э-Н-Д-А-двойное Л. Мы с женой заходили к вам вчера, помните? Это насчет...

— Да, я помню. В чем дело?

— Моя жена заболела.

— Что с ней такое? Снова обморок?

— Нет... ну да. То есть я хотел сказать — она без сознания, она совсем как мертвая.

— Она мертвая?

— Не думаю — но она в очень тяжелом состоянии. Я боюсь, доктор. Вы можете приехать прямо сейчас?

Последовало недолгое молчание.

— Я приеду.

— Ой, как хорошо! Послушайте, а что мне делать до вашего приезда?

— Не делайте ничего. Не трогайте ее. Я скоро буду.

Потбери повесил трубку.

Отставив телефон, Рэндалл торопливо вернулся в спальню. Вид Синтии не изменился. Он хотел было ее потрогать, вспомнил указание доктора и резко отдернул руку. Однако, заметив свой импровизированный стетоскоп, Рэндалл не устоял перед искушением.

Услышав успокоительное «тук-тук», он виновато убрал бумажную трубку.

Теперь Рэндаллу оказалось нечего делать — только стоять рядом с кроватью, смотреть на Синтию и обкусывать ногти. Десять минут такого плодотворного занятия привели его на грань истерики. Тогда Рэндалл прошел на кухню, достал с верхней полки бутылку, налил полстакана виски, несколько минут смотрел на щедрую дозу народного успокоительного средства, выплеснул ее в раковину и побрел в спальню.

Никаких изменений.

Неожиданно Рэндалл вспомнил, что не дал врачу своего адреса. Бросившись на кухню, он схватил телефон и, с трудом держа себя в руках, каким-то образом сумел правильно набрать номер. Ответил женский голос.

— Нет, доктор на выезде. Вы хотите что-нибудь передать?

— Моя фамилия Рэндалл. Я...

— О, мистер Рэндалл. Доктор выехал к вам минут пятнадцать назад. Он будет у вас с минуты на минуту.

— Но у него нет адреса.

— Как? Да нет, я уверена, что он знает адрес, иначе он уже позвонил бы сюда.

Рэндалл в недоумении положил трубку. Все это до крайности странно. Ладно, дадим Потбери три минуты, а потом попробуем поискать другого врача.

На сигнал домофона Рэндалл поднялся со стула, покачиваясь, словно боксер после нокаута.

— Да?

— Потбери. Это вы, Рэндалл?

— Да, да, поднимайтесь.

Прижимая ухом трубку, он нажал кнопку замка.

Рэндалл встретил Потбери у настежь распахнутой двери.

— Заходите, доктор, заходите, заходите!

Коротко кивнув, врач прошел мимо него.

— Где пациентка?

— Здесь, она здесь.

Суетливо проводив Потбери в спальню, Рэндалл напряженно замер около кровати, с надеждой наблюдая, как врач осматривает лежащую без сознания Синтию.

— Ну, как она? Она поправится? Скажите, доктор...

Слегка распрямившись, Потбери недовольно хмыкнул и повернул голову к не находящему себе места Рэндаллу.

— Будьте любезны, отойдите от кровати и перестаньте дышать мне в затылок. Тогда, возможно, мне и удастся что-нибудь выяснить.

— Ой, извините,— Рэндалл испуганно ретировался к двери.

Достав из саквояжа стетоскоп, Потбери некоторое время прослушивал Синтию, затем передвинул прибор и вслушался снова. В конце концов он вытащил черные резиновые трубки из ушей, и Рэндалл, все это время тщетно пытавшийся прочесть что-нибудь на его непроницаемом лице, с надеждой шагнул вперед.

Однако Потбери не обратил на него никакого внимания. Теперь врач двумя пальцами оттянул веко Синтии и всмотрелся в ее зрачок, передвинул тонкую безжизненную руку так, что она свесилась с кровати, и постучал молоточком по локтю, после чего выпрямился и несколько минут просто смотрел на пациентку.

Рэндаллу хотелось кричать и ломать мебель.

Потбери проделал еще несколько странных, почти ритуальных телодвижений, входящих в репертуар каждого тера-

певта. Некоторые из этих действий Рэндалл — так ему, по крайней мере, казалось — понимал, некоторые — точно нет.

— А что она делала вчера, после того, как вы ушли от меня? — неожиданно спросил врач, закончивший, по всей видимости, осмотр.

— Так я и думал,— умудренно кивнул он, выслушав сбивчивый рассказ Рэндалла.— Все это связано с утренним ее шоком. И ведь виноваты вы, а не кто другой.

— Я виноват?

— Вы были предупреждены. Вам не следовало и близко подходить к подобному человеку.

— Но... но... ведь вы не предупредили меня *после* того, как он ее напугал.

Было похоже, что замечание Рэндалла несколько обеспокоило врача.

— Пожалуй, да, пожалуй, да. Мне показалось, что кто-то предупреждал вас еще до меня. В любом случае нужно было понимать, с какой тварью имеете дело.

Однако сейчас эта тема мало интересовала Рэндалла.

— А как она, доктор? Она поправится? Ведь она поправится, правда?

— На вашем попечении, мистер Рэндалл, оказалась очень больная женщина.

— Да, я понимаю, что она... но чем она больна?

— Lethargica gravis* на почве психической травмы.

— А это опасно?

— Достаточно опасно. Однако при соответствующем уходе она должна поправиться.

— Все что угодно, доктор, все что угодно. Деньги не проблема. Что мы теперь сделаем? Отправим ее в больницу?

— Ничего хуже и не придумаешь,— отмахнулся Потбери.— Проснувшись в незнакомой обстановке, она может снова потерять сознание. Держите ее здесь. Вы можете так организовать свои дела, чтобы находиться при ней непрерывно?

— Конечно, могу.

---

* Lethargica gravis — Летаргический сон *(лат.)*

— Вот так и сделайте. Не отходите от нее ни днем, ни ночью. Лучше всего, если, проснувшись, она увидит свою комнату, а также вас — рядом и бодрствующего...

— Но ей, наверное, нужна сиделка?

— Не думаю. С ней, собственно, ничего не надо делать — только следить, чтобы была тепло укрыта. Ну, разве еще — чтобы ее ноги находились чуть выше головы. Подложите по паре книг под ножки кровати с нужной стороны — и все.

— Сейчас же сделаю.

— Если такое состояние продлится неделю или около того, подумаем о глюкозных вливаниях или еще чем-нибудь в этом роде.

Потбери наклонился, застегнул свой саквояж и поднял его с пола.

— Если ее состояние изменится — звоните.

— Обязательно. Я...

Рэндалл осекся на полуслове, последние слова врача напомнили ему о забытом было обстоятельстве.

— Доктор, а как вы нас нашли?

На лице Потбери появилось изумление.

— Что вы имеете в виду? Ваш дом совсем легко найти.

— Но я не говорил вам адрес.

— Что? Чепуха.

— Но я действительно не говорил. Потом я быстро это сообразил и позвонил в вашу приемную, но вас уже не было.

— А кто говорит, что вы дали мне свой адрес сегодня?

Вид у Потбери был уже не удивленный, а раздраженный.

— Вы дали мне его вчера.

Рэндалл немного задумался. Вчера он показывал Потбери свои документы, но там ведь только адрес конторы. Конечно, их домашний телефон есть в справочнике и в лицензии, но и там и там — просто как ночной деловой телефон, без адреса.

Разве что Синтия...

Но Синтию сейчас не спросишь, и мысль о ней заставила его позабыть все эти мелочи.

— Доктор, так вы уверены, что ничего больше не нужно? — озабоченно спросил он.

— Ничего. Сидите дома и наблюдайте за ней.

— Обязательно. Только лучше бы я был парой близнецов,— с сожалением сказал Рэндалл.

— Это еще почему? — повернул голову Потбери, уже взявший свои перчатки и направлявшийся к двери.

— А из-за этого драгоценного Хога. У меня теперь к нему счет, и большой. Ну ладно, я пошлю кого-нибудь следить за этой гнидой, а как только освобожусь — разберусь с ним по-свойски.

Вздрогнув, словно ужаленный, Потбери резко повернулся.

— Ничего подобного вы не сделаете,— зловеще посмотрел он на Рэндалла.— Ваше место здесь.

— Да, да, понимаю,— но мне хотелось бы иметь его под колпаком. А потом, когда все придет в порядок, я разберусь — кто он такой и что он такое.

— Молодой человек,— медленно, с угрозой в голосе сказал Потбери.— Вы должны обещать мне, что никогда и *никоим образом* не вступите в отношения с... с упомянутым вами человеком.

Рэндалл посмотрел на кровать.

— Я не могу допустить, чтобы все это сошло ему с рук,— почти выкрикнул он.— Неужели вы не понимаете?

— Во имя... послушайте. Я старше вас и должен бы вроде привыкнуть к глупости и неразумности. И все же — ну как еще можно убедить вас, что есть вещи слишком опасные, с которыми лучше не шутить? Ну как я могу взять на себя ответственность за ее,— Потбери указал на Синтию,— выздоровление, если вы намерены совершать поступки, неминуемо ведущие к катастрофе?

— Но... Послушайте, доктор Потбери, я ведь сказал, что буду точно следовать всем вашим указаниям, касающимся ее. Но я не намерен просто так вот простить ему то, что он сделал. Если она умрет... если она умрет, то прости меня, Господи, но я разберу его на кусочки ржавым топором.

На этот раз Потбери немного помедлил, а когда наконец заговорил, то спросил только:

— А если не умрет?

— Если она не умрет, моим главным делом будет находиться здесь, заботиться о ней, но забывать про Хога я ни в коем случае не собираюсь. Такого обещания вы от меня не получите.

— Ладно, на том и порешим — и будем надеяться, что она не умрет. Но позвольте мне сказать вам, молодой человек,— тут Потбери решительно нахлобучил шляпу,— что вы — идиот.

И он ушел, негодующе топая ногами.

* * *

Некоторое возбуждение, охватившее Рэндалла во время перебранки с Потбери, быстро выветрилось, и его обуяла черная тоска. Делать было ровно нечего, ничто не отвлекало его мозг от жгучей тревоги за Синтию. Следуя совету Потбери, он приподнял немного задние ножки кровати, но на это ушло всего несколько минут, а затем опять наступило выматывающее душу безделье.

Поднимая кровать, он действовал очень осторожно, словно боясь разбудить Синтию, и только на второй ножке сообразил, что разбудить ее — самое страстное его желание. И все равно он не мог делать это шумно и небрежно — такой слабой и беззащитной казалась она сейчас.

Рэндалл поставил стул поближе к кровати, чтобы всегда иметь возможность потрогать руку Синтии, и начал пристально глядеть на нее, выискивая хоть какие-нибудь изменения. Через некоторое время он начал различать, как поднимается и опускается казавшаяся прежде абсолютно неподвижной грудь. Открытие несколько ободрило его, и он провел довольно долгое время за наблюдением — медленный, почти незаметный вдох, затем — гораздо более быстрый выдох...

* * *

Лицо Синтии побледнело и устрашающе походило на мертвое, но все равно оставалось прекрасным. Такая хруп-

кая... и она так в него верила... а теперь он не может ничем ей помочь. Если бы он ее послушал, если бы только он ее послушал, ничего этого не произошло бы. Она боялась, но делала все, о чем он ее просил.

Даже Сыны Птицы не смогли ее испугать.

Господи, да что же я такое говорю? Возьми себя в руки, Эд,— *этого* не было, все это — часть твоего страшного сна. И все равно, случись что-либо подобное, именно так она и вела бы себя — держалась бы сама и поддерживала бы его игру при любом, даже самом худшем раскладе.

Мысль, что даже во сне он абсолютно уверен в Синтии, уверен в ее отваге и преданности, принесла Рэндаллу некое печальное удовлетворение. Твердость, характер — редкие даже у мужчин. Вот хотя бы вспомнить, как она вышибла бутылку с кислотой из рук этой сумасшедшей старухи, которую он повинтил по делу Мидвелла. Если бы не ее быстрота и решительность, носить бы тебе, Эд, сейчас черные очки, и водила бы тебя по улицам здоровая такая, симпатичная псина.

Слегка отодвинув одеяло, Рэндалл посмотрел на руку Синтии — вот тогда она и получила этот шрам. Ни одна капля кислоты не попала на Рэндалла, но кое-что попало на нее, и остались следы, навсегда остались, но ее это, похоже, не беспокоило.

Синтия! Син, милая ты моя!

Однако в конце концов наступил момент, когда даже он не мог больше оставаться в одном положении. Болезненно морщась — застуженные вчера ночью, а теперь к тому же занемевшие мышцы ног жутко болели,— Рэндалл кое-как встал и, вздохнув, начал борьбу с трудностями повседневной жизни. Мысль о еде вызывала отвращение, но никуда не денешься — надо питаться, чтобы сохранить силы для ожидания и наблюдения, которые могут продлиться неизвестно сколько времени.

При обыске, произведенном на кухонных полках и в холодильнике, обнаружилась кое-какая пища — всякая мелочь для завтрака, несколько банок консервов, какая-то крупа, пучок вялого салата. Кулинарные вопросы никогда не волновали Рэндалла, консервированный суп,— решил он,— еда не хуже

любой другой. Открыв банку шотландской бараньей похлебки, он вывалил ее содержимое в кастрюлю, добавил немного воды и зажег газ. Дав месиву побулькать пару минут, Рэндалл снял его с огня и съел стоя и прямо из кастрюли. Ничего, вполне прилично, правда, малость смахивает на вареные опилки.

Затем Рэндалл вернулся в спальню, сел и возобновил свое ненадолго прерванное бдение. Однако вскоре выяснилось, что лучше было бы ему не заниматься рассуждениями, а послушаться голоса организма,— спешно выскочив в ванную, он вытошнил все содержимое своего желудка. Вымыв лицо и почистив зубы, Рэндалл снова уселся на свой стул уже в довольно приличном состоянии — разве что бледный и обессиленный.

На улице стемнело, и это дало ему небольшое занятие — он встал, зажег стоящую на туалетном столике лампу, прикрыл ее, чтобы не светила в глаза Синтии, и снова сел. Состояние Синтии не изменилось.

И тут зазвонил телефон.

Резкость реакции Рэндалла, его удивление превосходили все разумные пределы. Он так долго просидел здесь, с тоской и страхом глядя на неподвижное лицо Синтии, что совсем забыл про всех остальных людей, живущих где-то там во внешнем мире. Немного собравшись, он поднял трубку.

— Алло? Да, это Рэндалл.

— Мистер Рэндалл, все это время я много думал и пришел к выводу, что должен извиниться перед вами — и дать некоторые объяснения.

— Что вы мне должны? Кто это говорит?

— Это я, Джонатан Хог, мистер Рэндалл. Когда вы...

— Хог! Вы сказали *Хог*?

— Да, мистер Рэндалл. Я хочу извиниться перед вами за беспардонность своего поведения вчера утром и буквально умоляю вас простить меня. Хотелось бы надеяться, что миссис Рэндалл не была оскорблена моим...

К этому времени Рэндалл достаточно оправился от начального своего удивления, чтобы выразить все, что думал. И вы-

разил свои мысли он сочно, с использованием лексики и риторических фигур, освоенных за долгие годы близкого общения с теми личностями, с которыми чаще всего приходится общаться частному сыщику. По окончании своего монолога он услышал в телефонной трубке судорожный вздох, за которым последовала мертвая тишина.

Однако полного удовлетворения Рэндалл не чувствовал. Ему хотелось, чтобы Хог заговорил, чтобы можно было прервать его и с новыми силами продолжить свою тираду.

— Хог, вы еще у телефона?

— Э-э, да.

— А еще я хочу добавить следующее. Возможно, вам кажется милой такой шуткой подстеречь женщину в коридоре и перепугать ее до полусмерти. Мне это шуткой не кажется. Но я не собираюсь сдавать вас в полицию, не дождетесь вы такого счастья. Просто как только миссис Рэндалл выздоровеет, я отыщу вас, где бы вы ни были, и тогда — тогда помоги вам Бог, Хог. Вам очень потребуется такая помощь.

Рэндалл был уже уверен, что его собеседник повесил трубку — так долго продолжалось молчание на этот раз. Однако, как оказалось, Хог просто собирался с мыслями.

— Мистер Рэндалл, это просто ужасно...

— Да уж конечно!

— Насколько я понимаю, вы говорите, что я намеренно подстерег миссис Рэндалл и напугал ее.

— Вы сами знаете, что вы сделали.

— Но ведь я не знаю, правда, не знаю.

Тут Хог замолчал, а потом продолжил дрожащим, неуверенным голосом:

— Вот именно этого я и боялся, мистер Рэндалл, боялся узнать, что во время провалов в памяти делаю нечто очень плохое. Но причинить страдание миссис Рэндалл... и после всего ее доброго ко мне отношения. Это просто ужасно.

— Вы еще мне говорите!

Хог глубоко вздохнул, как безмерно уставший человек.

— Мистер Рэндалл?

Рэндалл молчал.

— Мистер Рэндалл, мне нет никакого смысла обольщать себя иллюзиями; выход тут только один. Вы должны сдать меня в полицию.

— А?

— Собственно, я понял это еще во время последнего нашего с вами разговора. Я думал об этом весь вчерашний день, но никак не мог набраться смелости. Мне хотелось надеяться, что я покончил с моей... моей *другой* личностью, но сегодня это произошло снова. Весь сегодняшний день для меня белое пятно, я пришел в себя только недавно, по возвращении домой. Стало окончательно ясно — с этим *необходимо* что-то делать, поэтому я решил позвонить вам и попросить о возобновлении расследования. Но мне и в голову не приходило, что я мог сделать что-нибудь плохое миссис Рэндалл.

Ужас и потрясение, которыми был полон голос Хога, звучали очень убедительно.

— А когда... когда это случилось, мистер Рэндалл?

Рэндалл оказался в крайней растерянности. Он разрывался между желанием пролезть каким-то образом по телефонному кабелю, чтобы свернуть шею человеку, из-за которого Синтия оказалась в таком состоянии, и необходимостью оставаться дома, чтобы заботиться о Синтии. А тут еще этот Хог говорит совсем не так, как надо, не как злодей. Беседуя с Хогом, слыша его робкие ответы, его встревоженный голос, Рэндалл с большим трудом сохранял в уме образ некоего жуткого чудовища, вроде Джека Потрошителя, хотя и знал, что подобные типы совсем не редко обладают скромными манерами. Поэтому на этот раз ответ Рэндалла был сухим, чисто фактографическим.

— Девять тридцать утра или около того.

— А где я был сегодня в девять тридцать утра?

— Не сегодня, вы (несколько не пригодных к воспроизведению на бумаге выражений), а вчера.

— Вчера утром? Но это невозможно. Вчера утром я был дома, неужели вы не помните?

— Конечно, помню, а потом я видел, как вы уходили из дома. Возможно, это вам неизвестно.

Тут логика Рэндалла немного хромала — прочие события памятного вчерашнего утра убедили его, что Хог знал об установленной за ним слежке — но сейчас было не до логики.

— Но вы никак не могли меня видеть. Как раз вчерашнее утро — единственное, если не считать моих обычных сред, про которое я знаю точно, где находился и что делал. Я был дома, в своей квартире, и только около часа дня пошел в клуб.

— Да что вы мне...

— Подождите, пожалуйста, секунду, мистер Рэндалл! Все это повергает меня в такую же растерянность и непонимание, как и вас, но вы просто должны меня выслушать. Вы поломали мой распорядок дня — помните? Моя вторая личность так и не вступила в свои права. После вашего ухода я сохранил свою... свою *настоящую* личность. Именно поэтому я и начал надеяться, что наконец освободился.

— Хрена вы освободились. С чего это вы взяли?

— Я понимаю, что моим собственным показаниям невелика цена,— робко сказал Хог,— но ведь я был не один. Почти сразу после вашего ухода пришла уборщица, и она пробыла у меня все утро.

— Вот только почему я не видел, как она входит в лифт?

— Она обслуживает все этажи,— объяснил Хог.— Это жена дворника, миссис Дженкинс. Может быть, вы хотели бы с ней побеседовать? Я, пожалуй, сумею отыскать ее и привести к телефону.

— Но...

Теперь Рэндалл находился уже в полной растерянности, к тому же он начал понимать невыгодность своего положения. Нужно было не вступать в разговоры с Хогом, а приберечь этого проходимца на потом, до того момента, когда появится возможность до него добраться. Ну до чего же скользкий и хитрый тип, правду говорил Потбери. Алиби у него, понимаешь.

Кроме того, отлучившись так надолго из спальни, Рэндалл начинал чувствовать себя все более нервно и беспокойно.

Разговор продолжался уже не меньше десяти минут, а из угла кухни, где стоял телефон, заглянуть в спальню было невозможно.

— Не хочу я с ней говорить,— грубо ответил он.— У вас что ни слово, то ложь.

Бросив трубку на рычаг, Рэндалл бегом вернулся в спальню.

Синтия лежала так же, как и прежде, можно было подумать, что она просто уснула. И какая красивая, просто сердце щемит. На этот раз привычный глаз Рэндалла легко уловил ее дыхание — неглубокое, но регулярное, а самодельный стетоскоп одарил его такими прекрасными сейчас звуками сердцебиения.

Потом Рэндалл сел рядом с кроватью и начал смотреть на Синтию, всем своим существом впитывая теплое, горькое вино печали. Он не хотел забывать о своей боли, лелеял ее, на собственном опыте познавая, как это познали бесчисленные его предшественники, что самая глубокая, разрывающая сердце тревога о любимой предпочтительнее любого утешения.

Однако через какое-то время его вывела из ступора простая мысль: вот так, упиваясь собственной болью, он вряд ли приносит большую пользу Синтии. Необходимо иметь в доме хоть какую-нибудь пищу, стоило бы также научиться есть эту пищу, и есть таким образом, чтобы она не вылетела через минуту назад. Завтра, сказал он себе, сяду на телефон и посмотрю, как можно удержать фирму на плаву до того времени, когда удастся вернуться к делам. Все неотложные дела можно передать в агентство «Ночная Стража» — ребята достаточно надежные и не раз сами пользовались его услугами. Но это подождет до завтра.

Ну а сейчас... Рэндалл позвонил в ближайшую деликатесную лавку, сделал довольно-таки беспорядочный заказ и дал владельцу лавки полномочия по собственному усмотрению добавить еще все что угодно, лишь бы достаточно съедобное и питательное. В завершение он попросил подыскать какого-нибудь охотника заработать доллар доставкой всего этого хозяйства.

Покончив таким образом с продовольственной проблемой, Рэндалл удалился в ванную и тщательно побрился, хорошо понимая глубокую взаимосвязь между аккуратностью внешнего вида и высоким моральным духом. Дверь ванной он не закрывал, чтобы все время одним глазом присматривать за кроватью. Затем он взял половую тряпку и стер пятно под батареей. Окровавленная пижамная куртка отправилась в корзину для грязного белья.

Свершив все эти подвиги, Рэндалл сел и начал ждать заказанные в лавке продукты. Мысли о Хоге не оставляли его. С Хогом, мудро решил он, ясно одно — что с ним ничего не ясно. Уже с самого начала его история была чистый абзац — это же надо, заявиться вот так и предложить капусту, чтобы за тобой пустили хвост. Ну а дальше — тут вообще крыша поехать может. Хоть этот, долби его, тринадцатый этаж. Ведь он собственными глазами видел тринадцатый этаж и как Хог работает там, засунув лупу в глаз.

А быть этого не могло, никак.

Ну и что же получается в итоге? Гипноз? Однако Рэндалл не был полным лопухом, он знал, что гипноз существует, но при этом далеко не так всесилен, как считают читатели газетных сказочек. На шумной улице в мгновение ока загипнотизировать человека так, чтобы тот во все поверил и мог во всех подробностях вспомнить события, которых не было,— расскажите своей бабушке. Если такое осуществимо — тогда и весь мир может оказаться сплошным очковтирательством.

А может, так оно и есть?

Возможно, весь мир на том только и держится, что ты сохраняешь его в центре своего внимания, веришь в него. А стоит только позволить себе замечать несоответствия — начинаешь сомневаться в нем, и мир расползается, как гнилая тряпка. Может, все это случилось с Синтией именно потому, что сам он усомнился в ее реальности? А стоит только закрыть глаза, поверить, что она жива и здорова, и сразу же...

Рэндалл сделал такую попытку. Отключившись от остального мира, он представил себе Синтию — Синтию живую

и здоровую, этот изгиб ее губ, когда она смеется, Синтию утреннюю, едва проснувшуюся и прекрасную, Синтию в отлично сидящем костюме и задорной маленькой шляпке, готовую идти за ним куда угодно, Синтию...

Рэндалл открыл глаза и посмотрел на кровать. Синтия лежала, все такая же неподвижная и бледная как смерть. Позволив себе немного пореветь, он высморкался и пошел к раковине, чтобы ополоснуть лицо холодной водой.

VIII

Когда загудел домофон, Рэндалл не стал поднимать трубку, а сразу нажал кнопку замка — не хотелось говорить вообще ни с кем, а тем более — с разносчиком, которого нанял Джо.

Через пару минут раздался осторожный стук в дверь.

— Заноси,— сказал Рэндалл, открывая дверь, и замер как вкопанный.

На пороге стоял Хог.

Первые мгновения оба они молчали — Рэндалл был *слишком потрясен*, чтобы говорить, а Хог явно чувствовал себя неуверенно и ждал, чтобы разговор начал хозяин дома.

— Я *должен* был прийти, мистер Рэндалл,— робко произнес он.— Можно... можно я войду?

Рэндалл глядел на него, не находя слов от возмущения. Ну и наглец же — это только представить себе такое бесстыдство!

— Я пришел сюда, желая доказать вам,— все так же смущенно продолжал Хог,— что никак не мог сознательно сделать что-либо плохое миссис Рэндалл. А если я все же поступил так, сам того не зная, то хочу сделать все возможное для возмещения ущерба.

— Поздно догадались.

— Но, мистер Рэндалл, почему вы считаете, что именно я сделал что-то вашей жене? Я не понимаю, что такое могло случиться — во всяком случае, вчера утром.

Смолкнув, он в отчаянии посмотрел в закаменевшее лицо Рэндалла.

— Ведь вы же не застрелите собаку, не разобравшись сперва в ее вине?

Рэндалл решительно не знал, что делать. Вот послушаешь этого Хога, и начинает казаться, что говоришь с человеком вполне порядочным.

— Заходите,— резко произнес он, широко распахнув дверь.

— Спасибо, мистер Рэндалл.

Не успел Хог войти, как на пороге появился еще один человек, никому не известный и увешанный свертками.

— Ваша фамилия Рэндалл?

— Да,— чистосердечно признался Рэндалл, выискивая в кармане мелочь.— А как вы вошли?

— Вместе с ним,— ответил рассыльный, указывая на Хога,— но сперва я перепутал этаж. А пиво холодное, шеф,— добавил он заискивающе.— Только из холодильника.

— Благодарю.

Добавив к полтиннику еще четвертак, Рэндалл закрыл дверь, подобрал с пола сверток и пошел на кухню. Стоит, решил он, сразу и выпить пива — вряд ли когда-нибудь оно казалось более соблазнительным. Свалив на кухне свертки, Рэндалл нашел в ящике стола открывалку, взял одну из банок и готов был уже открыть ее, но тут краем глаза уловил какое-то движение — это Хог беспокойно переступил с ноги на ногу. Только сейчас Рэндалл вспомнил, что так и не предложил ему сесть.

— Садитесь.

— Спасибо,— поклонился Хог.

Рэндалл вернулся к пиву, однако чувствовал себя крайне неловко — черт бы побрал эти хорошие манеры. Невозможно ведь налить пиво одному себе, не предложив гостю, хоть сто раз незваному.

«А черт с ним,— подумал он после секундной нерешительности.— Ни мне, ни Синтии не повредит, если этот тип выпьет банку пива».

— Вы пьете пиво?

— Да, благодарю вас.

Вообще-то Хог крайне редко употреблял пиво, сберегая свое нёбо для тонкостей аромата хороших вин, однако в этот момент он скорее всего согласился бы на любую бормотуху, даже на воду из лужи, предложи Рэндалл таковой напиток.

Рэндалл принес стаканы, поставил их, а потом сходил в спальню, открыв при этом ее дверь едва-едва, лишь бы протиснуться. Синтия, как он и ожидал, была все в том же состоянии. Рэндалл чуть-чуть повернул ее, считая про себя, что даже человеку, находящемуся без сознания, утомительно лежать долго в одном и том же положении, а затем расправил покрывало. Глядя на жену, он думал о Хоге и предостережениях Потбери. Неужели Хог действительно настолько опасен, как считает врач? Не может ли случиться, что он, Рэндалл, прямо сейчас играет ему на руку?

Нет, сейчас Хог не может причинить никакого вреда. Когда самое худшее уже позади, любое изменение может быть только к лучшему. Не страшно, если оба они умрут — или даже если умрет одна Синтия, ведь он последует за ней. Так Рэндалл решил сегодня еще с утра — и шли бы подальше те, которые назовут подобный поступок трусостью.

Нет, если во всем виноват Хог — теперь он безоружен. Рэндалл вернулся в гостиную.

Пиво Хога *стояло* нетронутым.

— Да вы пейте,— предложил Рэндалл, садясь за стол и беря свой стакан.

Хог последовал его примеру; у него хватило здравого смысла не провозглашать никакого тоста и даже не обозначивать тоста подниманием стакана.

— Не понимаю я вас, Хог,— с усталым любопытством оглядел своего гостя Рэндалл.

— Я сам не понимаю себя, мистер Рэндалл.

— Зачем вы пришли сюда?

— Узнать про миссис Рэндалл,— беспомощно развел руками Хог.— Узнать, что именно я ей сделал. Попробовать хоть как-то возместить ущерб.

— Так вы признаете, что сделали это?

— Нет, мистер Рэндалл. Нет. Не понимаю, как мог я сделать с миссис Рэндалл что бы то ни было вчера утром.

— Не забывайте, что я видел вас.

— Но... Что я сделал?

— Вы подстерегли миссис Рэндалл в коридоре Мидуэй-Контон-Билдинг и пытались ее задушить.

— Боже милосердный! Но... вы видели, как я это сделал?

— Нет, не совсем. Я был...

Рэндалл замолк. Интересно это будет звучать, если он расскажет Хогу, как не смог увидать его в одной части здания потому, что в это же самое время наблюдал за ним в другой части того же здания.

— Продолжайте, пожалуйста, мистер Рэндалл.

Рэндалл нервно вскочил на ноги.

— Все эти разговоры бесполезны,— резко сказал он.— Я не знаю, что вы сделали. Я не знаю, сделали ли вы вообще что-нибудь. Но вот одно я знаю прекрасно. Начиная с самого первого дня, как вы вошли в эту дверь, с моей женой и со мной происходят странные вещи — страшные вещи,— а теперь она лежит здесь, словно мертвая. Она...

Не в силах говорить дальше, Рэндалл закрыл лицо руками. Он почувствовал осторожное прикосновение к своему плечу.

— Мистер Рэндалл... пожалуйста, мистер Рэндалл. Я очень сожалею и хотел бы вам помочь.

— Не знаю, как может помочь мне кто бы то ни было — разве что вы знаете какой-нибудь способ разбудить мою жену. Вы знаете такой способ?

— Боюсь, что не знаю,— медленно покачал головой Хог.— Но скажите мне, что с ней такое? Ведь я еще не знаю.

— Рассказывать тут особенно и нечего. Сегодня утром она не проснулась. Очень похоже, что она так никогда и не проснется.

— А вы уверены, что она не... не умерла?

— Нет, она не умерла.

— У вас, конечно же, был уже врач. Что он сказал?

— Он сказал, чтобы я не трогал ее и все время за ней наблюдал.

— Да, но какой он поставил диагноз?

— Он назвал это Lethargica gravis.

— Lethargica gravis? Он именно так сказал?

— Да, а что?

— Неужели он не пытался установить диагноз?

— Но это и был его диагноз...

Хог оставался в недоумении.

— Но ведь это же не диагноз, мистер Рэндалл. Это — просто напыщенный способ сказать «очень глубокий сон». Эти слова совершенно ничего не значат. Это все равно что сказать человеку с кожным заболеванием, что у него дерматит, или человеку с неполадками в желудке — что он болен гастритом. Какие он делал анализы?

— Э-э... Не знаю. Я...

— Он вводил зонд в желудок?

— Нет.

— Рентген?

— Нет, да и как он мог в квартире.

— Вы хотите сказать мне, мистер Рэндалл, что врач просто зашел к вам, посмотрел на нее и ушел, не делая с ней ничего, не проводя никаких анализов, не созывая консилиума? Это ваш семейный врач?

— Нет,— уныло признался Рэндалл.— Вообще-то я не очень понимаю во врачах. Мы с Синтией никогда к ним не ходили. Но вы сами должны знать, хороший он или нет,— ведь это был Потбери.

— Потбери? Вы имеете в виду доктора Потбери, того самого, к которому я обращался? Как это случилось, что вы выбрали именно его?

— Ну, мы же не знаем никаких врачей — а к нему мы ходили, когда проверяли ваш рассказ. А что вы имеете против Потбери?

— Да в общем-то ничего. Просто он был груб со мной — либо мне так показалось.

— Ладно, а тогда что он имеет против вас?

— Не понимаю, как Потбери может иметь что-нибудь против меня,— удивился Хог.— Я и видел-то ею всего однажды. Разве что из-за этого анализа, хотя чего бы, собственно?

Он недоуменно пожал плечами.

— Вы говорите про эту самую грязь из-под ваших ногтей? Я считал ваш рассказ чистой выдумкой.

— Нет.

— Как бы там ни было, это не может быть единственной причиной. Он такого про вас наговорил...

— А что он про меня говорил?

— Он сказал...

Рэндалл осекся, сообразив, что Потбери не говорил против Хога ничего конкретного, все его зловещие намеки состояли как раз в том, чего он не хотел говорить.

— Тут дело не в том, что он говорил, а скорее в том, как он к вам относится. Он вас ненавидит, а заодно и боится.

— Меня боится?

Хог слабо улыбнулся, словно стараясь показать, что понял и разделяет шутку Рэндалла.

— *Этого* он не говорил, но все и так ясно, как божий день.

— Вот этого я совсем не понимаю,— покачал головой Хог.— Мне как-то привычнее самому бояться людей, чем чтобы они меня боялись. Подождите — а вам он не сказал результатов того анализа?

— Нет. Знаете, а я вот сейчас вспомнил самую странную вещь из связанных с вами, Хог.

Рэндалл секунду помолчал, думая об этой невероятной истории с тринадцатым этажом.

— Вы случайно не гипнотизер?

— Боже, помилуй, конечно, нет. А почему вы так спросили?

Рассказ Рэндалла о первой попытке установить за ним наблюдение Хог выслушал молча, с напряженным и недоумевающим лицом.

— Вот так оно, значит, и получается,— подытожил Рэндалл.— Тринадцатого этажа не существует, «Детериджа и

компании» не существует, ничего не существует. А я помню все с абсолютной ясностью.

— Это все?

— А что, мало? Вообще-то я могу добавить еще одну вещь. Значения она никакого не имеет, но показывает, как все это на меня подействовало.

— И что это за вещь?

— Подождите минутку.

Рэндалл встал и снова направился в спальню; на этот раз он не так уж и старался открыть дверь, чтоб в нее едва можно было протиснуться,— хотя все-таки прикрыл ее за собой. С одной стороны, он несколько нервничал, что не сидит все время рядом с Синтией, но, с другой стороны, будь Рэндалл способен честно разобраться в своих чувствах, пришлось бы признать, что присутствие даже такого маложелательного гостя, как Хог, несколько облегчает его бремя. Сам он считал свое поведение попыткой выяснить причины постигших их с Синтией бед.

Он снова послушал, как бьется ее сердце. Убедившись, что жена не покинула еще сию юдоль скорби, он чуть-чуть взбил подушку и откинул с лица Синтии какой-то случайный волос. Затем, наклонившись и клюнув ее губами в лоб, Рэндалл вернулся в гостиную.

Хог ждал.

— Как там? — спросил он.

Тяжело опустившись на стул, Рэндалл подпер голову руками.

— Все так же.

Хог разумно воздержался от пустых соболезнований; после нескольких секунд молчания Рэндалл начал устало рассказывать о кошмарах, преследовавших его две ночи подряд.

— Поймите, я совсем не хочу сказать, что это имеет какое-то значение, —добавил он в конце.— Я не суеверен.

— А вот я и не знаю,— задумчиво сказал Хог.

— Что вы имеете в виду?

— Я не имею в виду ничего такого сверхъестественного, но разве можно исключить возможность, что это не какие-то

там случайные сны, вызванные вашими дневными переживаниями? Я хочу сказать — если есть кто-то, способный средь бела дня вызвать у вас такие сны наяву, которые снились вам в «Акме», почему он не может управлять заодно и вашими ночными снами?

— Как это?

— Вас кто-нибудь ненавидит, мистер Рэндалл?

— Если и есть такие, то я о них не знаю. Конечно, при моем роде занятий приходится иногда делать вещи, которые не вызывают особо дружеского расположения, но это всегда — по чьему-то поручению, в этом нет ничего личного. У некоторых типов есть на меня зуб — но они не способны ни на что подобное. Все это — бред какой-то. А вас кто-нибудь ненавидит? Не считая Потбери.

— Я о таких тоже не знаю. Да и про него мне тоже непонятно, чего это он. Кстати, о нем: ведь вы, наверное, обратитесь теперь к другим врачам?

— Да. Что-то у меня шарики в голове крутятся медленно. Но я и придумать не могу, как это сделать — разве что взять телефонную книгу и выбрать первый попавшийся номер.

— Можно поступить гораздо лучше. Позвоните в какую-нибудь из больших больниц и попросите прислать за ней машину.

— Вот так я и сделаю,— вскочил на ноги Рэндалл.

— Можно подождать с этим до утра. До утра с ней все равно ничего существенного делать не будут, а она может за это время сама проснуться.

— Ну... да, пожалуй, что и так. Надо мне еще на нее посмотреть.

— Мистер Рэндалл?

— Да?

— Э-э... вы бы не возражали... нельзя ли мне на нее посмотреть?

Рэндалл поднял голову. Он и сам не осознавал, насколько усыплены были его подозрения словами и вежливостью Хога, но теперь неожиданная просьба отрезвила его, заставила вспомнить зловещие предупреждения доктора Потбери.

— Лучше не надо,— натянуто произнес он.

Хог с трудом скрыл свое разочарование.

— Конечно, конечно, я вполне вас понимаю.

Когда Рэндалл вернулся из спальни, неожиданный гость уже стоял у двери с шляпой в руке.

— Пожалуй, мне лучше уйти,— сказал он и добавил, не получив ответа: — Если хотите, я останусь здесь до утра.

— Не надо. В этом нет необходимости. Всего хорошего.

— Всего хорошего, мистер Рэндалл.

После ухода Хога Рэндалл начал бесцельно бродить по квартире, раз за разом возвращаясь в спальню, к жене. Замечания, сделанные Хогом по поводу врачебных методов Потбери, обеспокоили его сильнее, чем он сам себе в том признавался; кроме того, Хог, частично усыпив подозрения в отношении себя, отнял у Рэндалла простого и очевидного козла отпущения — это тоже не прибавило спокойствия души.

Рэндалл поужинал бутербродами, запил их пивом и с радостью констатировал, что на этот раз все обошлось без неприятных последствий. Затем он перетащил в спальню большое кресло, поставил перед ним скамеечку для ног, вынул запасное одеяло и приготовился к ночному бдению. Делать было нечего, читать не хотелось — Рэндалл попытался было, но книга валилась из рук. Время от времени он поднимался и выуживал из холодильника очередную банку пива. Когда пиво кончилось, пришлось перейти на виски. Нервы эта отрава немного успокоила, но никакого другого ее действия Рэндалл не замечал. Напиваться ему не хотелось.

Проснулся он словно от толчка, в ужасе, и первые секунды был уверен, что через зеркало лезет Фиппс, намеренный похитить Синтию. В спальне царила полная темнота, сердце буквально колотилось в ребра Рэндалла; он нащупал выключатель и увидел, что ничего подобного не происходит, и его жена, бледная, как воск, лежит на прежнем месте.

Только обследовав большое зеркало, убедившись, что оно самым нормальным образом отражает помещение, а не стало окном в какое-то другое, жуткое место, он решился потушить

свет. При слабых отблесках проникавшего в окно света фонарей Рэндалл налил себе рюмку для поправки расшалившихся нервов.

Краем глаза уловив в зеркале какое-то шевеление, он резко повернулся, но увидел только свое же собственное, полное ужаса лицо. Опустившись снова в кресло, он потянулся и принял решение не позволять себе больше засыпать.

Что это?

Он бросился на кухню, но там все было в порядке. Во всяком случае, глазом ничего подозрительного не видно. Новый приступ панического страха бросил его обратно в спальню — а вдруг это была просто уловка, чтобы он отошел от Синтии.

Они издевались над ним, дразнили его, старались заставить сделать неверный шаг. Рэндалл *знал* это — уже многие дни они плетут сети заговора, стараясь сорвать его самообладание. Они наблюдают за ним через каждое зеркало, имеющееся в доме, и быстро прячутся, когда он пытается их поймать. Сыны Птицы...

— Птица жестока!

Что это, он сам это сказал? Или это крикнул кто-то другой? Птица жестока. Рэндаллу не хватало воздуха, он подошел к открытому окну спальни и выглянул наружу. Темно, как в яме, ни малейших признаков рассвета. На улице ни души. Со стороны озера наползает стена тумана. Времени-то сколько? Шесть утра, если верить часам на столике. Да светает ли когда-нибудь в этом богом позабытом городе?

Сыны Птицы. Неожиданно Рэндалл почувствовал себя очень хитрым и изворотливым; они считают, что он у них в руках, а он их одурачит, не позволит делать такое с ним самим и с Синтией. Вот пойдет сейчас и перебьет все зеркала, какие есть в квартире. Рэндалл целеустремленно направился к кухонному столу и вытащил из ящика, предназначенного для хранения всякой ерунды, молоток. Вооружившись таким образом, он уверенно вошел в спальню. Сначала — большое зеркало...

Уже замахнувшись, он замер в нерешительности. Синтия расстроилась бы — семь лет счастья не видать. Сам-то он не

суеверен, но... Синтии это не понравилось бы. Рэндалл повернулся к кровати с намерением объяснить ей все. Это же так очевидно — просто перебить все зеркала, и никаким Сынам Птицы сюда не влезть.

Повернулся и увидел бледное, неподвижное лицо.

А что еще можно придумать? Они пользуются зеркалами. А что такое зеркало? Кусок стекла, который отражает. Ну и пожалуйста, сделаем так, что они не будут отражать! И как сделать, это тоже ясно, в том же ящике, что и молоток, лежат три или четыре банки эмалевой краски и небольшая кисть — напоминание об охватившем однажды Синтию благородном порыве перекрасить всю мебель.

Рэндалл вылил содержимое всех банок в миску, получилось около пинты густой краски — вполне достаточно, подумал он, для предстоящей работы. Первым нападению подверглось новое зеркало; Рэндалл швырял на него краску быстрыми беззаботными мазками. Краска текла по рукам, капала на туалетный столик — хрен с ним, не до того. Теперь возьмемся за остальные.

На зеркало в гостиной краски все-таки хватило, хотя и едва-едва. Ну и хорошо, все равно это — последнее в квартире зеркало, не считая, конечно, крохотных зеркалец в сумках Синтии, но на эти штуки, решил Рэндалл, можно не обращать внимания. Слишком маленькие, чтобы пролезть человеку, да и вообще спрятаны от глаз.

Краска в банках была красная и черная, все это перемешалось и теперь изобильно украшало руки Рэндалла; выглядел он сейчас так, словно только что совершил зверское убийство с последующим расчленением — «расчлененку», выражаясь нежным полицейским жаргоном. Ничего, переживем. Вытерев краску — если не всю, то большую ее часть — полотенцем, он вернулся к своему креслу и к своей бутылке.

А вот теперь пусть попробуют. Пусть они попробуют свою подлую, грязную черную магию. Ничего, голубчики, не выйдет.

И когда только начнет светать?

* * *

Входной звонок выдернул Рэндалла из кресла. Несмотря на полный сумбур в голове, он продолжал хранить твердую уверенность, что не сомкнул глаз ни на секунду. Синтия в порядке, то есть спит по-прежнему — ни на что большее он и не надеялся. Свернув свой бумажный стетоскоп, он на всякий случай послушал ее сердце.

Звон продолжался — а может, возобновился — в точности Рэндалл не знал. Совершенно механически он взял трубку домофона.

— Потбери,— послышался раздраженный голос.— В чем дело? Вы что там, уснули? Как состояние больной?

— Без изменений, доктор,— ответил Рэндалл, изо всех сил стараясь справиться с неожиданно непослушным голосом.

— Действительно? Ладно, впустите меня.

Когда Рэндалл открыл дверь, Потбери бесцеремонно прошел мимо него, направился прямо к Синтии и несколько секунд смотрел на нее, низко нагнувшись к кровати.

— Все, похоже, как и раньше,— выпрямился он.— Да и трудно ожидать каких-нибудь перемен в первые день-два. Кризис должен наступить примерно в среду.

С явным любопытством Потбери оглядел Рэндалла.

— А чем это вы тут, позволительно будет спросить, занимались? Видок у вас — как после недельного запоя.

— Ничем,— искренне удивился Рэндалл.— А почему вы не велели мне отправить ее в больницу?

— Самое худшее, что только можно сделать.

— А почему вы так решили? Вы ведь даже толком ее не обследовали. Ведь вы не знаете, что с ней такое. Ведь не знаете?

— Вы что, свихнулись? Я же вчера вам это сказал.

— Одни умственные слова и увертки,— упрямо помотал головой Рэндалл.— Вы пытаетесь меня обмануть, хотелось бы только знать — почему.

Потбери шагнул к Рэндаллу.

— Вы действительно сошли с ума, а заодно и напились.— Он бросил взгляд на большое зеркало.— А вот мне хотелось бы узнать, что это тут происходило.

Он потрогал косо наляпанную краску, обезобразившую безукоризненную когда-то поверхность.

— Не трогайте!

Потбери отодвинулся от зеркала.

— Зачем это?

Лицо Рэндалла приобрело хитрое, пройдошистое выражение.

— А я их обманул.

— Кого?

— Сынов Птицы. Они приходят через зеркало, а я им помешал.

Потбери смотрел на него молча, безо всякого выражения.

— Я их знаю,— продолжил Рэндалл.— Больше они меня не проведут. Птица жестока.

Потбери спрятал лицо в ладонях.

Несколько секунд оба они стояли совершенно неподвижно. Эти секунды потребовались, чтобы новая мысль нашла себе место в измученном, а заодно и отравленном ночными возлияниями мозгу Рэндалла. А когда она нашла-таки это место, Рэндалл ударил врача ногой в пах. Следующие несколько секунд прошли довольно сумбурно. Не проронив ни звука, Потбери начал яростно сопротивляться. Даже и не пытаясь придерживаться правил честной драки, Рэндалл дополнил первый танковый удар другими, столь же эффективными — и грязными.

Когда дым сражения рассеялся, Потбери был в ванной, за запертой дверью, а Рэндалл — в спальне, с ключом от этой двери в кармане. Дышал он тяжело, но даже и не замечал своих немногочисленных и незначительных боевых ран.

Синтия продолжала спать.

— Мистер Рэндалл, выпустите меня отсюда!

Рэндалл вернулся в свое кресло и теперь напряженно думал, как выбраться из несколько странной ситуации. Полностью

протрезвев, он не порывался искать совета у бутылки. Мысль, что Сыны Птицы действительно существуют и что один из них заперт в его ванной, укладывалась в голове с трудом.

Это как же получается? Значит, Синтия лежит без сознания, потому что — Господи милосердный! — эти самые Сыны украли ее душу. Дьяволы — они с Синтией связались с дьяволами.

— Что все это значит, мистер Рэндалл? — продолжал барабанить в дверь Потбери.— Вы совсем свихнулись. Выпустите меня!

— А что вы тогда сделаете? Вы оживите Синтию?

— Я сделаю для нее все, что в силах врача. Зачем вы загнали меня сюда?

— Сами знаете. Почему вы закрыли лицо руками?

— При чем тут это? Я хотел чихнуть, а вы вдруг ударили меня ногой.

— А что я должен был сделать? Сказать: «Будьте здоровы?» Вы, Потбери, дьявол. Вы — Сын Птицы.

Последовало короткое молчание.

— Что это за чушь?

Рэндалл задумался. А может, и вправду чушь? А что если Потбери действительно собирался чихнуть? Нет! Никакие прочие объяснения ничего не объясняют. Дьяволы, дьяволы и черная магия. Стоулз, и Фиппс, и Потбери, и вся остальная компания.

Хог? Это легко поставит на место... секундочку, секундочку. Потбери ненавидит Хога. Стоул ненавидит Хога. Все Сыны Птицы ненавидят Хога. Прекрасно, дьявол там Хог или не дьявол — все равно он союзник.

Потбери снова колотил в дверь, но теперь уже не кулаками, а, судя по тяжелым, более редким ударам, плечом, всем телом. Дверь ванной — довольно хлипкая, как и все внутренние двери современных квартир,— вряд ли собиралась долго терпеть столь неаккуратное с собой обращение.

Рэндалл постучал в дверь снаружи.

— Потбери! Эй, Потбери! Вы меня слышите?

— Да.

— А вы знаете, что я сейчас сделаю? Я позвоню Хогу и позову его сюда. Вы слышите, Потбери? Он убьет вас, Потбери, он убьет вас.

Ответа не последовало, но через некоторое время тяжелое буханье возобновилось. Рэндалл достал револьвер.

— Потбери!

Ответа опять не было.

— Потбери, кончайте эту долбежку, или я буду стрелять.

Удары даже не ослабли.

И тут Рэндалла неожиданно осенило.

— Потбери — Во Имя Птицы — отойдите от двери.

Шум стих, словно отрезанный.

Немного послушав, Рэндалл решил закрепить свое преимущество.

— Во Имя Птицы, не трогайте больше эту дверь. Вы слышите меня, Потбери?

Ответа снова не последовало, но стук не возобновлялся.

Время было еще раннее, и Хог оказался дома. Мало что поняв из сбивчивых объяснений Рэндалла, он, однако, согласился приехать к нему сию секунду или чуть быстрее.

Вернувшись в спальню, Рэндалл возобновил свою — теперь уже двойную — стражу. В левой руке он держал холодную, безжизненную ладонь жены, а в правой — револьвер, на случай, если заклятие не сработает. Однако грохот не возобновлялся, несколько минут во всей квартире царила мертвая тишина. Затем Рэндалл услышал — либо ему померещилось, что услышал,— в ванной негромкое поскребывание, звук необъяснимый и странным образом зловещий.

Что бы это могло значить, он не понял, так что и делать ничего не стал. Звуки продолжались несколько минут, а потом прекратились. А дальше — снова тишина.

* * *

Увидев оружие, Хог отшатнулся.

— Мистер Рэндалл!

— Хог,— вопросил Рэндалл,— вы дьявол?

— Я вас не понимаю.

— Птица жестока!

Хог не закрыл лица, однако на этом самом его лице, очень растерянном, забрезжило какое-то понимание.

— О'кей,— решил наконец Рэндалл.— Вы прошли испытание. Если вы и дьявол, то дьявол, который мне нужен. Заходите, я запер Потбери и хочу выставить вас против него.

— Меня? Почему?

— Потому, что он-то настоящий дьявол. Сын Птицы. А они все вас боятся. Идемте.

Продолжая разговаривать, он потащил Хога в спальню к дверям ванной.

— Моя ошибка заключалась в том, что я не хотел верить в происходящее. *Это были не сны.*

Стволом револьвера он постучал в дверь.

— Потбери! Здесь находится Хог. Делайте, как я скажу, и тогда — *может быть* — останетесь живы.

— А что вы от него хотите? — несколько нервно спросил Хог.

— Как что? Ее, конечно.

— О...

Постучав в дверь еще раз, Рэндалл прошептал Хогу:

— А вы согласны ему противостоять, если я открою дверь? Я буду рядом с вами.

Хог бросил взгляд на Синтию, нервно сглотнул и решился.

— Конечно.

— Ну, поехали.

Ванная комната оказалась пустой; ни окна, ни какого-либо иного мыслимого выхода она не имела, но угадать путь бегства Потбери не представляло труда — краска, которой Рэндалл обильно измазал поверхность зеркала, была содрана. При помощи бритвенного лезвия.

Плюнув на предстоящие семь лет невезения, они с Хогом разбили зеркало. Знай Рэндалл, как это делается, он мог бы броситься на ту сторону, чтобы в одиночку разобраться со

всей их компанией, но он этого не знал, так что представлялось разумным прикрыть лазейку.

Дальше делать опять было нечего. Сидя рядом с безжизненной Синтией, они обсудили ситуацию, но так ничего и не придумали. Магией они не владели. Через какое-то время Хог тактично удалился в гостиную, не желая нарушать интимность с новой силой охватившего Рэндалла отчаяния, однако совсем уходить он не хотел. Время от времени он заглядывал в спальню. Именно в один из таких визитов Хог заметил торчащий из-под кровати предмет.

— Эд,— спросил он, поднимая с пола черный саквояж,— а эту штуку вы видели?

— Какую?

Тусклыми, осоловевшими глазами Рэндалл прочитал надпись, изображенную на крышке саквояжа золотыми, порядком потертыми буквами. ПОТИФАР Т. ПОТБЕРИ. Д. М.

— А?

— Он, наверное, забыл его.

— У него и возможности-то не было его унести.

Взяв у Хога саквояж, Рэндалл открыл его — стетоскоп, акушерские щипцы, иглы, зажимы, набор ампул в футляре — обычные инструменты врача широкого профиля. И один лекарственный пузырек. Рассеянно повертев в руке этот пузырек, Рэндалл прочел прикрепленный к нему рецепт.

ЯД!
Рецепт не используется повторно.
МИССИС РЭНДАЛЛ — ПРИНИМАТЬ ПО НАЗНАЧЕНИЮ.
АПТЕКА «БОНТОН» — ВСЕ ТОВАРЫ СО СКИДКОЙ.

— А может, он думал ее отравить? — предположил Хог.

— Не думаю, это обычные предостережения, как всегда на наркотиках. Хотелось бы все-таки посмотреть, что там за отрава.

Встряхнув казавшийся совсем пустым пузырек, Рэндалл начал соскребать с его горлышка воск.

— Осторожнее,— встревоженно сказал Хог.

— Постараюсь.

Извлекая пробку, Рэндалл отодвинул пузырек подальше от лица, затем повел носом и почувствовал аромат, тонкий и *необыкновенно приятный.*

— Тедди.

Роняя пузырек, он мгновенно обернулся. Да, говорила Синтия, ее ресницы приподнялись.

— Ничего не обещай им, Тедди.

Тяжело вздохнув, она прошептала:

«Птица жестока!» — и снова закрыла глаза.

IX

— Все дело в ваших провалах памяти,— настаивал Рэндалл.— Будь известно, чем вы занимаетесь днем, какая у вас профессия, стало бы понятно — чего это ради так ополчились на вас Сыны Птицы. Более того, мы бы знали, как с ними бороться — ведь они самым очевидным образом вас боятся.

— А как считаете вы, миссис Рэндалл? — повернулся к Синтии Хог.

— Думаю, Тедди прав. Понимай я достаточно в гипнозе, можно было бы попробовать его, но тут я, к сожалению, пас — поэтому лучше всего воспользоваться скополамином. Вы согласны?

— Если предлагаете вы — да, согласен.

— Достань это хозяйство, Тедди.

Синтия спрыгнула с края стола, на котором сидела все время разговора, и Рэндалл протянул руки, пытаясь ее поймать.

— Поосторожнее бы ты, лапа,— укорил он жену.

— Ерунда, я уже в полном порядке.

Почти сразу после пробуждения Синтии они переместились в контору. Говоря попросту, все трое были перепуганы, перепуганы до дрожи в коленках, но не до потери рассудка. Квартира казалась очень опасным местом — правда, и контора

вряд ли была многим лучше. Поэтому Рэндалл с Синтией решили убраться из города, заезд в контору намечался как последняя остановка, для проведения военного совета.

А Хог не знал, что ему делать.

— Будем считать, что вы никогда не видели этого набора,— предупредил его Рэндалл, наполняя шприц.— Я ведь не врач и не должен бы его иметь. Но иногда такая вещь бывает очень кстати.

Он протер предплечье Хога спиртом.

— А теперь — спокойно.

Оставалось только ждать, пока наркотик подействует.

— А что ты надеешься узнать? — прошептал Рэндалл Синтии.

— Не знаю. Если повезет, две его личности воссоединятся — и тогда может выясниться много интересного.

Через некоторое время голова Хога безвольно повисла, он стал тяжело дышать. Синтия слегка потормошила его за плечо.

— Мистер Хог, вы меня слышите?

— Да.

— Как вас звать?

— Джонатан... Хог.

— Где вы живете?

— Корпус «Готем» — квартира шестьсот два.

— Чем вы занимаетесь?

— Я... не знаю.

— Постарайтесь вспомнить. Какая у вас профессия?

Молчание. Синтия сделала еще одну попытку.

— Вы гипнотизер?

— Нет.

— Вы... маг?

На этот раз ответ прозвучал только после заметной паузы.

— Нет.

— *Кто вы такой, Джонатан Хог?*

Хог открыл рот, готовый, казалось, ответить, но затем неожиданно выпрямился и посмотрел на Синтию. Манеры

его разительно изменились, движения стали быстрыми, точными, никаких последствий действия наркотика не было и в помине.

Встав, Хог подошел к окну.

— Плохо,— сказал он, выглянув на улицу.— До чего же плохо.

Говорил он скорее сам с собой, ни к кому не обращаясь. Синтия и Рэндалл смотрели на него, затем переглянулись, словно ища друг у друга помощи.

— Что плохо, мистер Хог? — неуверенно спросила Синтия.

Она еще не анализировала своих впечатлений, но сейчас в их конторе находился буквально другой человек — более молодой, полный энергии.

— Да? А, извините. Мне, наверное, надо было объяснить. Я был вынужден, ну, скажем, освободиться от этого препарата.

— Освободиться?

— Отбросить его, проигнорировать, уничтожить. Видите ли, милая, пока вы со мной разговаривали, я припомнил свою профессию.

Хог весело посмотрел на Рэндалла и Синтию, однако от дальнейших объяснений воздержался.

Первым пришел в себя Рэндалл.

— Так какая же у вас профессия?

Хог улыбнулся ему чуть ли не с нежностью.

— Мне не стоит этого вам сообщать,— сказал он.— Во всяком случае — пока. Дорогая,— повернулся он к Синтии,— вас не затруднит снабдить меня письменными принадлежностями?

— Э-э... Конечно, конечно.

С поклоном взяв у Синтии карандаш и бумагу, он сел и начал быстро писать. Видя, что Хог, судя по всему, не намерен объяснять своего поведения, Рэндалл прервал его.

— Послушайте, Хог, как мы должны все это...— начал он, но увидел в повернувшемся к нему ясном, безмятежном лице нечто такое, что заставило его изменить тон и неловко скомкать фразу.

— Э-э... мистер Хог, я ничего не понимаю.

— Вы согласны мне довериться?

Рэндалл на мгновение прикусил нижнюю губу, а затем поднял глаза на спокойное, терпеливое лицо Хога.

— Да... пожалуй, я согласен,— промямлил он в конце концов.

— Вот и хорошо. Я хочу попросить вас кое-что купить для меня вот по этому списку. Ближайшие два часа я буду очень занят.

— Вы нас покидаете?

— Вы беспокоитесь насчет Сынов Птицы, верно? Выкиньте их из головы, они не принесут вам больше никакого вреда, это я вам обещаю.

Хог вернулся к прерванному занятию. Через несколько минут он передал список Рэндаллу.

— Внизу я написал место, где мы с вами встретимся,— это заправочная станция неподалеку от Уокигана.

— Уокиган? А почему Уокиган?

— Да особых причин, собственно, и нет. Просто я хочу еще раз сделать нечто, что я очень люблю делать,— и вряд ли смогу когда-либо сделать вновь. Вы ведь поможете мне, да? Кое-что из заказанного мной не очень просто найти, но ведь вы постараетесь?

— Конечно, постараемся.

— Отлично.

Не сказав больше ни слова, Хог встал и вышел.

Когда дверь конторы закрылась, Рэндалл опустил глаза на список.

— Ну, чтоб меня черти... Ты знаешь, Син, что мы должны ему купить? Гастрономию всякую.

— Гастрономию? Дай-ка посмотреть.

X

Теперь они находились на северной окраине города, и Рэндалл вел машину все дальше на север. Впереди лежало условленное место встречи с Хогом, а сзади, в багажнике их машины, находились сделанные для него покупки.

— Тедди?

— Да, маленькая?

— А здесь можно развернуться на встречную полосу?

— Конечно — если никто не поймает. А что?

— Понимаешь, именно этого мне сейчас больше всего хочется. Подожди,— торопливо добавила она,— не прерывай. Мы на машине, все наши деньги у нас с собой. Ничто не может помешать нам поехать на юг, если захотим.

— Все еще думаешь об отпуске? Так мы и поедем в отпуск — только сперва отвезем Хогу всю эту хурду-мурду.

— Я не про отпуск. Мне хочется уехать отсюда прямо сейчас и никогда не возвращаться.

— Со всеми этими умопомрачительными продуктами, которые Хог заказал и за которые он должен нам восемьдесят долларов? Гуляйте.

— Сами съедим.

— Икру и крылышки колибри? — фыркнул от возмущения Рэндалл.— Нам это, лапа, не по карману. Мы все больше насчет гамбургера или еще чего в этом роде. Да и вообще я хочу еще раз увидеть Хога. Поговорить с ним напрямую, получить какие-нибудь объяснения.

— Так я и думала, Тедди,— вздохнула Синтия.— Вот потому-то мне и хочется бросить все и удрать. Не хочу я никаких объяснений, мир, как он есть, вполне меня удовлетворяет. Чтобы ты и я — и никаких таких сложностей. Не хочу я и знать ничего ни про мистера Хога и его профессию, ни про Сынов Птицы — ни про что.

Рэндалл нашарил в кармане сигарету, чиркнул спичкой. Все это время он краем глаза чуть насмешливо смотрел на жену. Движение на шоссе, к счастью, было довольно слабым.

— Знаешь, маленькая, я ведь тоже отношусь ко всем этим делам примерно так же, как и ты. Но тут есть одно обстоятельство — если мы оставим все как есть, я буду бояться Сынов Птицы весь остаток своих дней, да я бриться не буду, чтобы только в зеркало не посмотреть. Но есть же какое-то рациональное объяснение всему — обязательно должно

быть,— и я хочу его услышать. Только тогда мы сможем спокойно спать.

Синтия молчала; вся ее потерянно съежившаяся маленькая фигурка выражала отчаяние.

— А ты посмотри с такой стороны,— продолжал Рэндалл.— Все случившееся с нами могло быть вызвано вполне обычными причинами, безо всякого обращения к потусторонним силам. А что касается потусторонних сил — знаешь, вот сейчас, среди бела дня, посреди оживленного шоссе в них как-то с трудом верится. Сыны, понимаешь ли, Птицы — хреновина это все.

— Первый важный момент состоит в том,— с растущим раздражением продолжил Рэндалл, так и не получив ответа от Синтии,— что Хог — потрясающий актер. И совсем он не этакий маленький чопорный Каспар Милкитост, как нам раньше казалось, а самая что ни на есть доминантная личность. Вспомни только, как я заткнулся, взял под козырек и сказал: «Есть, сэр», когда он сделал вид, что нейтрализовал наркотик и приказал нам купить все эти роскошные яства.

— Сделал вид?

— А ты как думала? Кто-то подменил мое сонное зелье подкрашенной водичкой — скорее всего, тогда же, когда на нашей машинке напечатали это дурацкое предостережение. Но вернемся к делу. Хог очень сильная натура и, почти наверняка, опытный гипнотизер. Этот самый фокус с тринадцатым этажом и «Детериджем и компанией» хорошо показывает, насколько он искусен, а если не он, то кто-то другой. А может быть, накачали меня заодно и наркотиками — так же, как впоследствии тебя.

— Меня?

— Конечно. Помнишь эту отраву, которой поил тебя Потбери? Какое-то снотворное замедленного действия.

— Ты ведь тоже пил!

— Но совсем не обязательно *ту же самую дрянь*. Потбери с Хогом в заговоре, вот они на пару и создали атмосферу, в которой любой бред стал возможным. А все остальное — мелочи, каждая из которых в отдельности не особенно существенна.

У Синтии было на этот счет собственное мнение, но она решила держать его пока про себя. Однако один момент был, как ей казалось, в вопиющем противоречии с теорией Рэндалла.

— А как Потбери выбрался из ванной? Ты ведь говорил, что запер его?

— Думал я и об этом. Он вскрыл замок, пока я говорил с Хогом, спрятался в чулане и потом дождался подходящего момента и смылся.

— Хм-м...— Синтия решила не обсуждать пока этот вопрос.

Рэндалл тоже замолк, сосредоточившись на управлении машиной,— они проезжали Уокиган. Он свернул налево, к выезду из города.

— Тедди, если ты так уверен, что никаких Сынов не существует и вся эта история — просто большое надувательство,— почему тогда нам не бросить ее и не свернуть на юг? Зачем нам ехать на эту встречу?

— Я уверен, что в общих чертах мое объяснение верно,— сказал Рэндалл, умело объехав явно настроенного на самоубийство юного велосипедиста.— Однако в мотивах я не уверен — именно поэтому хочется увидеть Хога. Только странное у меня ощущение,— продолжил он задумчиво.— Вот никак не верится, что Хог имеет что-нибудь против тебя или меня. Были у него, наверное, причины потратить полкуска на то, чтобы поставить нас в тяжелое положение, пока он осуществляет какие-то там свои планы. Но — посмотрим. И вообще поворачивать уже поздно — вон та самая заправка, а рядом с ней наш хороший знакомый.

Хог сел в машину молча, только кивнув и улыбнувшись, но Рэндалл снова почувствовал то же самое желание выполнить любые приказы этого человека, которое охватило его два часа назад. Хог указал дорогу.

Сначала они удалялись от города по шоссе, затем свернули на узкий проселок и подъехали в конце концов к воротам огороженного забором пастбища. По просьбе Хога Рэндалл открыл эти ворота и проехал внутрь.

— Владелец не станет возражать. Я бывал здесь много раз, по своим средам. Очень красивый уголок.

Место и вправду оказалось очаровательным. Дорога, превратившаяся теперь в еле заметную колею, полого поднималась на возвышенность, к небольшой роще. Остановив машину под деревом в месте, указанном Хогом, они вышли. На какое-то время Синтия замерла, буквально впитывая красоту окружающего, наслаждаясь каждым глотком прозрачного воздуха. На юге черной кляксой виднелся Чикаго, а за ним и к востоку серебром блестело озеро.

— Ты только посмотри, Тедди, роскошь какая.

— Да,— согласился Рэндалл, но его сейчас больше интересовал Хог.

— Зачем мы, собственно, приехали сюда?

— Пикник,— улыбнулся Хог.— Мне кажется, что это место очень подходит для моего финала.

— Финала?

— Сперва поедим,— остановил дальнейшие расспросы Хог.— Ну а потом, если вам того хочется, можно и поговорить.

Меню было несколько странным — место обычной для пикников простой, сытной еды занимали десятки блюд, способных усладить вкус самого изысканного гурмана,— консервированные китайские апельсины, желе из гуавы, разнообразные мясные деликатесы в маленьких горшочках, тающие во рту вафли с названием знаменитой фирмы на этикетке; чай Хог приготовил лично, на спиртовке. Несмотря на необычность меню, Рэндалл и Синтия — к собственному своему удивлению — ели с большим аппетитом. Хог не пропустил ни одного из блюд, однако ел он, как обратила внимание Синтия, очень мало — не обедал, а скорее дегустировал.

Через какое-то время Рэндалл набрался наконец смелости вернуться к расспросам — становилось ясно, что сам Хог разговора не начнет.

— Хог?

— Да, Эд?

— А не пора ли вам снять эту маску и перестать нас дурачить?

— Я никогда не дурачил вас, Эд.

— Вы знаете, что я имею в виду всю эту бредовую историю, тянувшуюся последние дни. Вы связаны с ней и знаете о ней больше нас — уж это-то вполне очевидно. Поймите, я ни в чем вас не обвиняю,— торопливо добавил Рэндалл,— но мне хочется выяснить, что все это значит.

— А попробуйте сами объяснить, что все это значит?

— О'кэй,— принял вызов Рэндалл.— Попробую.

Он изложил Хогу ту же самую гипотезу, которую совсем недавно бегло набросал Синтии. Ни во время рассказа, ни потом Хог не сделал ни одного замечания.

— Ну так что? — нервно спросил Рэндалл.— Так оно и было?

— Вполне разумное объяснение.

— Я тоже так считаю. Но вы должны кое-что мне объяснить. Зачем вам это все понадобилось?

— Извините, Эд,— задумчиво покачал головой Хог,— но я просто не смогу объяснить вам свои мотивы.

— Какого черта, это же нечестно. Вы могли бы как минимум...

— А где вы, скажите на милость, видели эту самую чéстность, Эдвард?

— Ну... от вас я ожидал честной игры. Вы поддерживали в нас впечатление, что являетесь нашим другом. Вы должны нам хоть что-то объяснить.

— Я обещал дать вам объяснения. Но подумайте, Эд, вы действительно хотите их получить? Можете быть уверены, никто вас больше не побеспокоит, никаких Сынов вы больше не увидите.

— Не надо ничего спрашивать, Тедди,— тронула Рэндалла за руку Синтия.

Он отмахнулся от нее, без злости, но решительно.

— Я обязан *знать*. Давайте послушаем ваши объяснения.

— Вам они не понравятся.

— Рискну уж.

— Ну, хорошо,— Хог устроился поудобнее.— Вы не откажетесь налить нам вина, дорогая? Спасибо. Сперва я расскажу вам небольшую историю. Отчасти она будет аллегорической — из-за отсутствия некоторых слов, понятий. Жило однажды некое племя, совсем не похожее на племя людское — совсем. Я не сумею описать вам ни как они выглядели, ни как они жили, но они обладали одной важной чертой, понятной и вам,— они были существами творческими. Творчество и наслаждение искусством являлись и главным их занятием, и смыслом их жизни. Я намеренно употребил слово «искусство», искусство — понятие неопределенное, не определяемое, не имеющее никаких пределов. Это слово можно использовать без боязни употребить его неправильно, так как оно лишено точного значения. Оно имеет столько значений, сколько есть художников. Не забывайте, однако, что эти художники не люди, и их искусство — не искусство людей.

И был один из этого племени, молодой, если пользоваться вашей терминологией. Он создал произведение искусства под присмотром и при руководстве своего учителя. Он был талантлив, этот молодой, и его творение обладало многими интересными и забавными чертами. Поощряемый учителем, он продолжал работу над своим творением и готовил его к оценке. Не забывайте, что я говорю метафорически, так, словно это был художник из людей, готовящий холсты к ежегодной выставке.

Прервав свой рассказ, Хог неожиданно повернулся к Рэндаллу.

— Скажите, а вы религиозны? Вам приходило когда-нибудь в голову, что все это,— широким движением руки он обвел окружавшую их красоту природы,— может иметь Творца? *Должно* иметь Творца?

Рэндалл сконфуженно покраснел.

— Вообще-то я не то чтобы много ходил в церковь,— неуверенно пробормотал он,— но... да, пожалуй, я в это верю.

— А вы, Синтия?

Напряженно слушавшая разговор Синтия молча кивнула.

— Художник создал этот мир на свой собственный манер, используя аксиомы, ему понравившиеся. Учитель одобрил творение в целом, однако...

— Подождите секунду,— перебил его Рэндалл.— Вы что, пытаетесь описать творение нашего мира, Вселенной?

— А что же еще?

— Но... какого черта, это же нелепость какая-то! Я просил вас объяснить события, происшедшие *с нами*.

— А я предупреждал, что вам не понравится мое объяснение.

Помолчав секунду, Хог продолжил:

— Вначале Сыны Птицы были основным элементом этого мира.

Голова Рэндалла готова была лопнуть. С тошнотворным ужасом он признался, наконец, себе, что все его логические построения, придуманные по пути сюда, были грошовой поделкой, кое-как сляпанной с единственной целью — подавить обуревавший его страх. Сыны Птицы реальны, они реальны, ужасны и обладают колоссальной мощью. Теперь он знал, о каком племени говорит Хог. Потрясенное, застывшее в ужасе лицо Синтии говорило, что и она знает — и теперь никогда больше не будет спокойствия, ни для кого из них.

— В начале была Птица...

Взгляд, которым Хог окинул Рэндалла, был лишен недоброжелательства, но и сострадания в этом взгляде не было тоже.

— Нет,— сказал он просто и спокойно.— Никакой Птицы никогда не было. Существуют только те, которые называют себя Сынами Птицы. Глупые и наглые. Вся их священная история — сказки и суеверия. Но, согласно законам, которые правят этим миром, они сильны — в некотором роде. И все, что вам, Эдвард, казалось, вы видели в действительности.

— Вы хотите сказать, что...

— Подождите, дайте мне закончить, у меня мало времени. Вы действительно видели все, что, как казалось вам, видели — за одним исключением. *Меня* вы видели только в вашей квартире или в моей. А все эти существа, которых вы выслеживали

на улице, то существо, которое испугало Синтию,— все это Сыны Птицы. Стоудз и его дружки.

Учителю не понравились Сыны Птицы, и он предложил внести в творение некоторые поправки. Но Художник был тороплив, а может — беззаботен; вместо того чтобы убрать их совсем, он их... ну, скажем, перекрасил, придал им вид неких новых творений из тех, которыми он населил свой мир.

И все это не имело бы особого значения, не будь эта работа избрана для оценки. И, конечно же, критики заметили Сынов Птицы, они были... плохими произведениями искусства, они безобразили работу. В умах критиков появились сомнения, стоит ли сохранять такое творение. Вот потому-то я и нахожусь здесь.

Хог замолк, словно ему нечего было больше сказать.

— Так, значит, вы...— в благоговейном страхе посмотрела на него Синтия,— значит, вы...

— Нет, Синтия,— улыбнулся Хог.— Я не Творец вашего мира. Когда-то вы интересовались моей профессией. Так вот, я — искусствовед, критик.

Все существо Рэндалла не хотело верить этим словам, но искренность, *правда,* звучавшие в голосе Хога, не оставляли места для сомнений.

— Я уже предупреждал,— продолжил Хог,— что буду вынужден говорить в рамках ваших понятий, вашего языка. Нетрудно понять, что составить суждение о таком творении, как этот ваш мир,— совсем иное дело, чем подойти к картине и оглядеть ее. Этот мир населен *людьми,* и глядеть на него нужно глазами людей. Поэтому я — человек.

Теперь Синтия находилась в еще большем смятении.

— Я не понимаю. Получается, вы действуете через человеческое тело?

— Я действительно *человек.* В человеческом племени рассеяны Критики-люди. Каждый из них — проекция Критика, но одновременно каждый из них — человек, человек во всех отношениях, даже не подозревающий, что он Критик.

Словно утопающий за соломинку, Рэндалл ухватился за прозвучавшее в этих словах противоречие.

— Но ведь *вы* знаете это — или, по крайней мере, так говорите. Здесь что-то не сходится.

— Верно,— невозмутимо кивнул Хог,— но до самого сегодняшнего дня, когда по различным причинам — в том числе из-за проведенного Синтией допроса — стало неудобным продолжать такое существование, вот этот человек,— он постучал себя по груди,— не имел ни малейшего представления, зачем он здесь. Есть целый ряд вопросов, на которые я не мог ответить, оставаясь Джонатаном Хогом.

Джонатан Хог возник как человек с единственной целью — проникнуться, *насладиться* артистическими аспектами этого мира. Тем временем оказалось удобным использовать его же для расследования некоторых сторон деятельности этих отвергнутых, перекрашенных существ, которые именуют себя Сынами Птицы. Так уж случилось, что вы двое, ничего не знающие и ничего не понимающие, оказались вовлечены в эти события — как почтовые голуби, используемые сражающимися армиями. Но этим дело не ограничилось, и, общаясь с вами, я познакомился с некоторыми не замеченными мной прежде обстоятельствами художественного плана, почему, собственно, я и взял на себя труд вдаваться во все эти объяснения.

— Что вы имеете в виду?

— Позвольте мне сперва упомянуть обстоятельства, замеченные мной в моей роли критика. Ваш мир обладает целым рядом удовольствий. Еда.

Протянув руку, от отщипнул большую сахарно-сладкую мускатную виноградину и неторопливо, смакуя, съел ее.

— Странное удовольствие. И весьма примечательное. Никому прежде не приходило в голову превратить в искусство элементарный процесс получения необходимой для жизни энергии. Ваш Художник весьма талантлив. Кроме того, вы видите сны. Необычайная рефлексия, при которой творениям Художника дано творить новые миры, свои собственные. Теперь вы видите,— улыбнулся Хог,— почему критик должен быть самым взаправдашним *человеком* — иначе как бы он увидел сны, которые видят люди?

Затем вино и все прочее в этом роде — наслаждение, соединяющее в себе черты еды и снов.

Есть у вас и ни с чем не сравнимое наслаждение беседы, дружеской беседы — чем мы с вами сейчас и занимаемся. Это удовольствие не ново, однако достойно всяческой похвалы то, что Художник включил и его.

Далее — любовь мужчины и женщины. Она просто смешна, и я полностью отверг бы такое нововведение, если бы, благодаря вам, друзья мои, не увидел в ней нечто, полностью избегнувшее внимания Джонатана Хога, нечто такое, что никогда не сумел бы придумать сам. Как я уже говорил, талант вашего Художника весьма велик.

Почти с нежностью Хог посмотрел на Синтию и Рэндалла.

— Скажите, Синтия, что вам нравится в этом мире, чего вы боитесь и что ненавидите?

Вместо ответа Синтия прижалась к мужу, который обнял ее за плечи, словно пытаясь защитить ото всех бед.

— А вы, Эдвард? — повернулся Хог к Рэндаллу.— Есть в этом мире нечто такое, ради чего вы отдали бы и тело свое, и душу, возникни такая необходимость? Не надо отвечать, я все видел на вашем лице и в вашем сердце вчера, когда вы склонялись над кроватью. Великолепные, просто великолепные произведения искусства — я имею в виду вас обоих. В вашем мире я нашел целый ряд образцов отличного, оригинального искусства — вполне достаточно, чтобы оправдать продолжение работы Художника над этим его творением. Но много здесь и неудовлетворительного, плохо написанного, дилетантского, такого, из-за чего я никак не мог одобрить работу в целом, пока не встретил, не прочувствовал, не оценил трагедию человеческой любви.

— Трагедию? — изумленно посмотрела на него Синтия.— Вы сказали «трагедию»?

— А чем она может быть еще?

Во взгляде Хога была не жалость, а спокойное мудрое понимание.

Несколько секунд Синтия молча, широко открытыми глазами смотрела на него, а затем спрятала лицо на груди мужа. Рэндалл потрепал ее по голове.

— Прекратите это, Хог,— яростно сказал он.— Вы снова ее напугали.

— Я не хотел.

— Все равно напугали. И я скажу вам, что думаю о вашем рассказе. В нем такие дырки, через которые слона провести можно. Вы все это выдумали.

— Вы сами в это не верите.

Так оно и было, в глубине души Рэндалл поверил Хогу. Однако он продолжал говорить, рукой пытаясь успокоить жену.

— А как насчет грязи под вашими ногтями? Я заметил, что вы ни словом ее не упомянули. И еще — отпечатки ваших пальцев.

— Вещество из-под моих ногтей очень слабо связано с этой историей. Оно выполнило свою задачу — напугало Сынов Птицы. Они сразу разобрались, что это такое.

— А именно?

— Кровь Сынов, помещенная туда другой моей личностью. Но при чем здесь отпечатки пальцев? Джонатан Хог искреннейшим образом боялся давать их. Джонатан Хог был человеком, Эдвард, и вы не должны об этом забывать.

Рэндаллу пришлось рассказать о своих с Синтией столь же бесплодных, сколь многочисленных упражнениях в дактилоскопии.

— Понятно,— кивнул Хог.— Правду говоря, я не припоминаю всего этого даже сейчас, хотя моя полная личность должна бы все знать. У Джонатана Хога была нервная привычка протирать различные предметы носовым платком, возможно, он протер ручки вашего кресла.

— Я такого не помню.

— Как и я.

— Это еще далеко не все, это только малая часть несуразностей,— не сдавался Рэндалл.— А как насчет той больницы,

в которой вы, по вашим же собственным словам, находились? И кто вам платит? Где вы берете деньги? Кроме того — почему Синтия вас боялась?

Хог посмотрел на далекий город; со стороны озера накатывался туман.

— На все эти вещи не остается времени,— сказал он.— И даже для вас самих не имеет значения — поверите вы мне или не поверите. Но вы ведь верите — несмотря ни на что. Однако вы напомнили мне про еще один момент. Вот.

Вытащив из кармана толстую пачку банкнот, он протянул ее Рэндаллу.

— Возьмите, мне они больше не понадобятся. Через несколько минут я вас покину.

— Куда вы направляетесь?

— Назад, к себе. После моего ухода вы должны сделать следующее: забирайтесь в машину и сразу уезжайте, на юг, через город. *Ни в коем случае* не открывайте окна машины, пока не удалитесь от города на приличное расстояние.

— Почему? Все это мне как-то не нравится.

— И все равно делайте, как я сказал. Предстоят некоторые — ну, скажем, изменения, перестройки.

— Что вы имеете в виду?

— Ведь я говорил вам, что с Сынами Птицы покончено, верно? С ними и со всеми их делами.

— Каким образом?

Хог не ответил, он смотрел на туман, начинавший окутывать город.

— Думаю, мне пора вас покинуть.— Он повернулся с явным намерением уйти.— Делайте все, как я сказал.

— Не уходите.— Синтия оторвалась от груди мужа.— Подождите немного.

— Да, дорогая моя?

— Вы обязаны сказать мне одну вещь. *Мы с Тедди не разлучимся?*

Хог внимательно посмотрел ей в глаза,

— Я понимаю, что вы хотите спросить. Только я этого не знаю.

— Но вы *должны* знать!

— Я не знаю. Если оба вы — существа этого мира, тогда ваши дороги могут и дальше идти рядом. Но ведь есть и Критики.

— Критики? А они-то какое имеют к нам отношение?

— Не исключено, что либо один из вас, либо другой, либо оба сразу являются Критиками. Этого я знать не могу. Ведь Критики — просто люди, пока они здесь. До сегодняшнего дня я не знал даже про себя. Вот он вполне может оказаться Критиком.— Хог задумчиво посмотрел на Рэндалла.— У меня уже появлялось сегодня такое подозрение.

— А я?

— Я просто не могу этого знать. Но крайне маловероятно. Видите ли, мы не должны быть знакомы друг с другом, это портит достоверность наших оценок.

— Но.. но... если мы не одинаковы, значит...

— Это все.

Слова были сказаны без нажима, но звучали настолько окончательно, что Рэндалл с Синтией вздрогнули. Наклонившись к остаткам пиршества, Хог отщипнул еще одну виноградину, съел ее и закрыл глаза.

И больше их не открыл.

— Мистер Хог? — окликнул Рэндалл через некоторое время.— Мистер Хог!

Ответа не было. Отодвинув Синтию, он встал, подошел к сидячему человеку и потрогал его за плечо.

— Мистер Хог!

— Но нельзя же бросить его здесь,— убеждал Рэндалл Синтию через несколько минут.

— Он знал, что делает, Тедди. Теперь нам нужно следовать его указаниям.

— Ну ладно, мы можем заехать в Уокиган и известить полицию.

— Сказать им, что там, на холме, валяется мертвец, которого мы оставили? И что же они нам ответят? «Прекрасно», скажут, «езжайте дальше»? Нет, Тедди, мы будем делать так, как сказал Хог.

— Слушай, лапа, неужели ты поверила всему, что он нам наплел?

— А ты? — Синтия смотрела на него глазами, полными слез.— Только честно.

Не выдержав ее взгляда, Рэндалл опустил голову.

— Ладно, ерунда это все. Сделаем, как он сказал. Садись в машину.

Спустившись с холма и направляясь к Уокигану, они не заметили и следа того тумана, который совсем недавно покрыл Чикаго, не увидели они его и свернув на юг, к городу. День был таким же ясным, солнечным, как и начинавшее его утро, в воздухе чувствовалась легкая прохлада, делавшая вполне осмысленным совет Хога держать окна машины плотно закрытыми.

Они выбрали путь вдоль берега озера, огибая таким образом Петлю, с намерением так и ехать на юг, пока машина не окажется далеко за пределами города. Теперь машин попадалось заметно больше, чем утром, и Рэндаллу приходилось внимательно следить за дорогой, что было даже и кстати — ни он, ни Синтия не хотели сейчас разговаривать.

— Синтия...— сказал Рэндалл, когда район Петли остался позади.

— Да.

— Нужно кому-нибудь сказать. Как только встретим полицейского, я остановлюсь и скажу, чтобы он позвонил в Уокиган.

— Тедди!

— Не кипятись. Наплету ему чего-нибудь, чтобы расследование началось, а на нас подозрений не было. Сумею, не в первый раз.

Синтия замолкла; кому как не ей было знать, что фантазии у мужа более чем достаточно для такой простой задачи. Полицейский встретился через несколько кварталов; стоя на тротуаре, служитель закона грелся на солнышке и лениво наблюдал за мальчишками, играющими на пустыре в футбол. Свернув к бровке, Рэндалл остановил машину.

— Открой окно, Син.

Синтия опустила стекло и тут же резко, судорожно хватила ртом воздух. И она, и Рэндалл с трудом подавили желание закричать.

За окном не было ни солнечного света, ни полицейского, ни мальчишек — не было вообще ничего. Только серый, безликий туман, и этот туман медленно пульсировал, словно живя какой-то своей, не оформившейся еще жизнью. И никаких признаков города, но не потому, что туман был очень плотным, а потому, что он был — пуст. Сквозь него не проглядывало ни одно движение, сквозь него не долетал ни один звук.

Приблизившись к окну машины, туман начал медленно заползать внутрь.

— Закрой окно!

Увидев, что Синтия никак не может справиться со своими не гнущимися от ужаса пальцами, Рэндалл перегнулся через нее и лихорадочно крутанул ручку, подняв стекло до упора.

И все стало по-прежнему, через стекло они снова увидели полицейского, играющих детей, тротуар, а дальше — город. Синтия взяла мужа за руку.

— Поезжай, Тедди.

— Подожди секунду,— напряженным голосом сказал Рэндалл, поворачиваясь к своему окну. Медленно, очень осторожно, он приспустил стекло — чуть-чуть, меньше чем на дюйм.

Этого хватило. И здесь тоже стояла серая бесформенная масса. Через стекло отчетливо виднелись улица и машины, бегущие по ней, сквозь открытую щель — ничего.

— Поезжай, Тедди. Пожалуйста.

Уговаривать Рэндалла было не надо, выжав сцепление, он резко бросил машину вперед.

* * *

Их дом стоит не прямо на берегу, но поблизости. Залив хорошо виден с вершины ближайшего холма. В поселке, куда они ходят за покупками, живут всего восемь сотен человек,

но им этого вполне хватает. Да и вообще они не особенно любят общество — кроме, конечно, общества друг друга. Вот этого у них предостаточно. Когда он идет работать в огород или в поле, она идет следом, прихватив с собой какую-нибудь мелкую женскую работу. В город они тоже ездят вместе, рука в руку, всегда, без всяких исключений.

Он отпустил бороду, и не потому, что ему очень уж это нравится, а по необходимости — во всем их доме нет ни одного зеркала. Есть у них одна странность, которая обратила бы на себя внимание в любой общине, знай о ней окружающие, но такова уж природа этой странности, что никто и никогда о ней не узнает.

Вечером, отходя ко сну, он обязательно пристегивает наручниками свою руку к ее руке и только потом выключает свет.

Они не оставляли его в покое.

Они никогда не оставляли его в покое. Он подумал, что, наверное, это часть их плана — никогда не оставлять его в покое, не дать ему возможности поразмыслить над той ложью, которой они пичкали его, не дать ему времени найти их слабые места и постичь истину.

И этот их проклятый надсмотрщик утром! Вломился со своим завтраком, разбудил его, и теперь он никак не может вспомнить сон, который ему сегодня снился. Если бы он только мог вспомнить этот сон...

Кто-то отпирает дверь. Но ему на это плевать.

— Привет, старина. Мне сказали, что ты отказался от завтрака? — и над его кроватью нависла профессионально любезная маска доктора Хейварда.

— Я не был голоден.

— Ну нельзя же так. Ты ослабеешь, и я не смогу тебя вылечить. Вставай-ка, одевайся, а я велю принести тебе эг-ног. Давай, давай, парень!

© В. Гольдич, И. Оганесова, перевод

Неохотно, но не желая вступать в конфликт, он встал и скользнул в халат.

— Вот так лучше,— похвалил Хейвард.— Сигарету?

— Нет, спасибо.

Врач удивленно покачал головой:

— Будь я проклят, если как-то понимаю тебя. Отсутствие интереса к физическим удовольствиям не соответствует твоему типу.

— А какой у меня тип? — ровным тоном поинтересовался он.

— Фу ты! — и Хейвард скорчил проказливую мину.— Если бы врачи раскрывали пациентам свои профессиональные секреты, то они едва-едва зарабатывали бы себе на хлеб.

— Так что же у меня за тип?

— Ну... ты ведь не хочешь, чтобы я просто приклеил тебе ярлык. Я о тебе ничего не знаю. Неужели не пора рассказать о себе?

— Я буду играть с вами в шахматы.

— Хорошо, хорошо,— торопливо согласился Хейвард,— мы уже и так целую неделю каждый день играем. Но если ты будешь рассказывать, я буду играть.

Что это может значить? Если он правильно их понял, то они уже знают, что он раскрыл их заговор, хотя он вряд ли чего-то добьется, если будет скрывать очевидное. Ну что ж, пусть попытаются убедить его в обратном. Снявши голову, по волосам не плачут. Да ну их к чертям собачьим!

Он достал шахматы и начал расставлять фигуры:

— Что вы на данный момент знаете обо мне?

— Очень мало. Осмотр ничего не дал. И факты биографии тоже. Ты очень умен, если судить по тому, чего ты достиг в школе и на работе. Иногда резкие перепады в настроении, но ничего из ряда вон выходящего. Единственная информация о тебе, которая может сослужить нам службу,— это инцидент, из-за которого тебе пришлось попасть сюда на лечение.

— Из-за которого меня сюда упрятали, вы хотите сказать.

— О боже! Да если ты запираешься у себя в комнате и твердишь, что твоя жена состоит с кем-то в заговоре против тебя, как ты думаешь, люди будут реагировать на это?

— Но она действительно состоит в заговоре против меня. И вы тоже. Белые или черные?

— Черные. Сейчас твоя очередь атаковать. Ну почему ты думаешь, что мы все «в заговоре против тебя»?

— Трудно объяснить. Для этого нужно вернуться в мое детство.

И он сделал белым конем ход на клетку В3. Брови Хейварда поползли вверх:

— Как это понять?

— А почему бы и нет? Я не рискую играть против вас гамбит.

Врач пожал плечами и сделал ответный ход.

— Ну хорошо, начнем с детства. Оно может пролить на твой случай больше света, чем все, что у тебя произошло в недавнем прошлом. Чувствовал ли ты, что тебя преследуют?

— Нет! — он привстал со стула.— Когда я был ребенком, я был уверен в себе. Тогда я знал. Я знал! Я знал, что жизнь стоит того, чтобы жить. Я был в мире с самим собой и со своим окружением. Жизнь была хороша, и мне было хорошо, и я понимал, что существа, окружавшие меня, такие же, как я.

— А они не были такими же?

— Конечно нет! И особенно дети. Я не представлял себе, что такое испорченность, пока не связался с этими так называемыми детьми. Маленькие дьяволы! От меня хотели, чтобы я был таким, как они, и играл с ними.

Врач кивнул:

— Я понимаю. Дети иногда бывают ужасными дикарями.

— Вы не поняли. Дело не в дикости. Эти существа были просто другими — совсем не такими, как я. Они выглядели так же, как и я, но они не были такими, как я. Когда мне хотелось объяснить им что-то очень важное в моем понимании, они пялили на меня глаза и презрительно смеялись. А потом они обязательно наказывали меня за то, что я делился с ними своим сокровенным.

Хейвард кивнул.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду. А взрослые?

— Это другое. Взрослые сначала ничего не значат для детей. Они ничего не значили и для меня. Они были слишком

большими и не беспокоили; кроме того, они вечно были заняты чем-то таким, что было выше моего понимания. Я начал интересоваться ими только тогда, когда заметил, что мое присутствие как-то сковывает их.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну... Они никогда в моем присутствии не делали того, что делали в мое отсутствие.

Хейвард внимательно посмотрел на него:

— А это утверждение действительно имеет под собой почву? Откуда ты знаешь, чем они занимались в твое отсутствие?

— Но я ловил их на том, что они внезапно прекращали разговор, когда я входил в комнату, или же начинали говорить о погоде или еще о чем-то пустом. Тогда я начал прятаться, подглядывать и подслушивать. Взрослые вели себя совсем иначе.

— Теперь твой ход... Да, но это было, когда ты был ребенком. Все дети проходят через это. Теперь, когда ты стал мужчиной, ты должен понимать, почему взрослые так поступали. Дети — странные существа, и их нужно защищать. По крайней мере, мы защищаем их от всех наших проблем. Существует целый кодекс условностей в отношении...

— Да, конечно,— нетерпеливо прервал он,— я все это понимаю. И все же я наблюдал и запоминал многое такое, чего мне и теперь не понять. Я насторожился и заметил вот что.

— Что же?

Он увидел, что враг не смотрит на доску, производя рокировку.

— Я заметил, что все, что они делали, и все, о чем они говорили, никогда не имело никакого смысла. Они должны были делать что-то совершенно другое.

— Я не понимаю.

— Вы не хотите понимать. Кстати, я вам все это рассказываю в обмен на партию в шахматы.

— А почему ты так любишь играть в шахматы?

— Потому что это единственная вещь в мире, правила которой мне понятны. Ну да все равно! Я внимательно наблюдал за всем, что видел вокруг себя,— за городами, заводами, ферма-

ми, церквами, школами, домами, железными дорогами, деревьями, библиотеками, животными и людьми. За людьми, которые были похожи на меня и которые должны были бы чувствовать то же, что и я, если бы все, чему меня учили, было правдой. А чем они занимались, эти люди? Они ходили на работу, чтобы зарабатывать деньги, чтобы на них покупать еду, чтобы с помощью еды восстанавливать силы, чтобы снова идти на работу, чтобы опять зарабатывать деньги, и так далее,— до тех пор, пока они не умрут. Эта модель, правда, допускала легкие вариации. Но какое это имеет значение, если люди все равно заканчивают смертью? И все твердили мне, что я должен делать то же самое. А я лучше знаю, что мне делать!

Врач бросил на него капитулирующий взгляд и засмеялся:

— Я не спорю с тобой. Жизнь действительно такова и, может быть, лишена смысла. Но это единственное, что нам дано. Почему же не наслаждаться этим — и чем больше, тем лучше?

— Ну нет! — он упрямо сжал губы.— Вы не убедите меня. А откуда я знаю, что вы правы? Из-за того, что вокруг меня только сцена и на ней толпы актеров, которые не смогли бы выжить, если бы постоянно не метелили друг друга? Все, что угодно, но не это. Огромное, невероятное безумие, которое меня окружает, не может не быть запланированным. И я разгадал ваши планы!

— Что же это за планы?

Он заметил, что врач снова отвел взгляд.

— Это игра, преследующая цель сбить меня с моего пути, оккупировать мой мозг и занять его ничего не значащими деталями, из-за которых я обязательно забуду самое главное. И вы все в заговоре против меня.— Он ткнул пальцем врачу в лицо.— Большинство людей просто беспомощные автоматы, а вы — нет. Вы — один из участников преступного заговора против меня. Вас прислали сюда, чтобы заставить меня вернуться к разыгрыванию той роли, которую вы мне предназначили.

Он видел, что врач ждет, когда он успокоится.

— Не волнуйся,— проговорил наконец Хейвард.— Может, это и заговор, но почему ты решил, что заслуживаешь какого-то особого внимания к своей персоне? Может, это шутка,

которую разыгрывают против всех нас. Почему бы мне тоже не быть такой же жертвой, как и ты?

— Черт бы вас побрал! — и он снова сунул в лицо Хейварду длинный палец.— Это и есть самое главное в вашем плане. Вы рассовали вокруг меня всех этих людей, похожих на меня, чтобы я не догадался о том, что являюсь центром ваших интриг. Но я заметил самое главное, и это факт непреложный. Я уникален. Вот я, перед вами, с внутренней стороны. А мир — с внешней. И я — центр...

— Полегче, полегче! А не кажется ли тебе, что и для меня мир является внешней стороной, а я сам — внутренней? Мы все — центр Вселенной...

— Не скажите. Это вы хотели убедить меня в том, что я такой же, как и миллионы окружающих меня. Ложь! Если бы они были такими же, как я, я смог бы с ними общаться. А я не смог. Я старался, но не смог. Я раскрывал им свои сокровенные мысли в поисках тех, кому они были бы близки. И что я получал взамен? Глупые ответы, раздражающие несообразности, бессмысленную чепуху. Я повторяю вам, что я старался. Боже, как я старался! Но никто не протянул мне руки. Все было пустым и чужим!

— Минуточку. Ты хочешь сказать, что я ничего не понимаю? Ты не веришь в то, что я живой и мыслящий человек?

Он внимательно посмотрел на врача:

— Я думаю, что вы живой, но чужой мне человек. Один из моих антагонистов. И вы окружили меня тысячами таких же, как вы,— с пустыми лицами, бессмысленная речь которых — простая реакция организма на шум.

— Но если ты все же согласен с тем, что я — субъект мысли, то как можно считать меня чем-то чужеродным по отношению к тебе?

— А вот как! — он вскочил и бросился к шкафу, из которого вынул футляр со скрипкой.

Пока он играл, страдальческие морщины на его лице разглаживались, а все лицо приобретало какую-то одухотворенную красоту. На эти мгновения его снова захлестнули эмоции, но он уже забыл о своих снах. Мелодия легко следовала

от мысли к мысли с неумолимой логикой. Он закончил игру триумфальным финалом, подытоживающим все сказанное-сыгранное, и повернулся лицом к врачу:

— Поняли?

— Хм-м-м.

Ему показалось, что врач становится осторожнее.

— Это немного странно, но замечательно. Жаль, что ты серьезно не занимался скрипкой. Ты мог бы многого достичь. Да и сейчас не поздно. Почему бы тебе не заняться музыкой?

Он стоял и долго внимательно смотрел врачу в глаза, потом покачал головой:

— Бесполезно. Совершенно бесполезно. Общаться все равно ни с кем не смогу. Я одинок,— он положил инструмент на место и вернулся к столу.— Мой ход, кажется?

— Да. Береги своего ферзя.

Он оценивающе посмотрел на доску:

— Совсем не обязательно. Он мне больше не нужен. Шах.

Врач прикрыл короля пешкой.

— Вы умело обращаетесь со своими пешками, но я научился предугадывать ваши ходы. Так что снова шах — и мат, я думаю.

Врач оценил ситуацию на доске:

— Нет,— наконец сказал он.— Нет, не совсем,— и отвел атакованную фигуру.— Не шах-мат, а пат на худший случай. Еще один пат.

Его расстроил приход Хейварда: тот нашел логически слабые места в его суждениях. Но он не мог ошибаться. С логической точки зрения мир является величайшим обманом, обрушивающимся на всех и каждого. Но что такое логика?

Логика сама по себе есть величайшее надувательство, потому что оперирует недоказанными посылками; с ее помощью можно доказать все, что угодно. Мир есть то, чем он является на самом деле, и сам несет в себе доказательства своей несостоятельности.

Но что же делать ему? Может ли он провести грань между известными и неизвестными ему фактами, чтобы прийти к разумному пониманию мира, основанному только на фактах,— к

пониманию, свободному от запутанных логических операций и посылок, в которых он не уверен?

Факт первый — он сам. Он хорошо знает себя,— он существует.

Факт второй — существование «пяти чувств», все, что он сам увидел, услышал, обонял, осязал, испробовал. Осознавая пределы своих «чувств», он все же должен верить им. Без них он был бы полностью отчужден от мира, заперт в своей скорлупе, слеп, глух, отделен от всего. Он был бы одним-единственным существом на Земле.

Но чувства — это еще не все. Он знает, что ничего не придумал из того, что постиг благодаря чувствам. Но должно быть что-то еще, что-то, сделавшее мир доступным восприятию его чувств. Все философы, утверждавшие существование физического мира только в рамках субъективного воображения,— сущие мошенники.

А что же еще? Есть ли еще какие-нибудь «третьи» факты, на которые он мог бы опереться? Нет, только не здесь. Он не мог себе позволить верить в то, что узнал из книг и чему его научили, во все то, что считалось непреложным фактом. Нет, он не смог поверить всему этому, потому что в общей сумме то, что ему говорили, чему учили в школе, было противоречивым, бессмысленным и глубоко несостоятельным.

Минуту... Все это нагромождение лжи, все эти бессмысленные противоречия являются фактами хорошо ему известными. Поэтому их можно считать очень ценной для него информацией.

Мир, каким он его видит,— глубоко неразумен и одновременно слишком велик, чтобы быть абсолютно лишенным смысла. Если же мир не столь безумен, каким представляется ему, то существует какая-то сила, которая сделала его таким — для того, чтобы обмануть сознание индивида. Но почему именно его? Каков смысл этого подлога? В самом этом обмане и должен быть ключ к разгадке. Ему было суждено познать массу концепций окружающего мира — всяческие философии, религии, идеи «здравого смысла». Большинство из них были такими ничтожными, что их вряд ли можно было принимать всерьез. Но все

они включали одно и то же положение, в которое он не мог не верить: то, что он был «человеческим существом» — как миллионы его современников и миллиарды тех, кто жил до него и будет жить после него.

Какая чушь! Ему никогда не удавалось вступить в настоящий контакт с себе подобными. В агонии своего одиночества он обманул себя, поверив в то, что Элис понимала его и была такой же, как и он. Он не удосужился тысячу раз проверить ее, потому что слишком невыносимой была для него мысль о возвращении к своему одиночеству. Ему очень нужно было поверить в то, что его жена — живое, дышащее существо, сделанное из того же теста, что и он, и что ей понятны все его сокровенные мысли. Ему не хотелось верить в то, что она — просто зеркало, эхо или что-то невообразимо худшее.

Он нашел себе партнера, и мир стал меньше раздражать его, хоть и был таким же глупым и скучным. Он сделался в меру счастливым и отбросил свои подозрения. Даже свой однообразный труд он воспринимал терпимее, пока досадная случайность не пробила брешь во всем этом обмане, и все его подозрения вернулись и начали мучить его с удвоенной силой.

Он уже начал жалеть о том, что выдал им себя. Если бы он держал рот на замке, они бы не заперли его здесь. Ему следовало быть более проницательным, смотреть во все глаза и слушать во все уши, выуживать из них детали и мотивы заговора против него. Он смог бы перехитрить их.

Но они заперли его — и весь мир стал сумасшедшим домом, а они тюремщиками.

В замке повернулся ключ, и он увидел человека с подносом:

— Ваш обед, сэр.

— Спасибо, Джо! — сказал он.— Поставь сюда.

— Сегодня вечером кино. Не хотите пойти? Доктор Хейвард сказал, что вам следовало бы...

— Нет, спасибо.

— Лучше бы вы пошли, сэр.

И он с удовольствием услышал настойчивость в голосе Джо.

— Фильм хороший. Будет и мультфильм с Микки Маусом...

— Ты почти убедил меня. Проблемы Микки Мауса похожи на мои. Но я не пойду. Пусть не трудятся пускать фильм.

— Но фильм будет в любом случае. Многие другие обязательно пойдут:

— Действительно? Что это — особый расчет или ты просто заговариваешь меня? Не стоит напрягаться. Я знаю всю эту игру. Если я не пойду, то и фильма не будет.

Ему не понравилась усмешка, которой Джо ответил на его выпад. Разве может быть так, чтобы это существо было сделано из одного с ним материала — хорошо развитые мускулы, флегматичность, терпеливость, что-то собачье во всем облике? Неужели он напичкан только рефлексами робота? Нет, он, скорее всего, один из них, если поставлен здесь.

Джо ушел, а он, занявшись едой, начал сгребать ложкой (единственным инструментом, которым его снабдили) кусочки уже нарезанного мяса. Он снова улыбнулся их предусмотрительности и расчету. Они не знают, откуда исходит опасность. Он не убьет себя до тех пор, пока есть надежда открыть истину. У него в запасе еще масса возможностей, прежде чем он примет это бесповоротное решение.

После ужина он занялся приведением в порядок своих мыслей и решил записать их. Он достал бумагу. Ему нужно начать с общей формулировки тех основных принципов, которые вдалбливались ему всю его «жизнь». Жизнь? Да, слово подходящее. Он записал:

«Мне сказали, что я родился столько-то лет назад, и что через приблизительно столько-то лет я умру. Мне предложили немало глупых версий того, где я был до своего рождения и где буду после смерти. Но все это грубая ложь, преследующая цель не обмануть меня, а просто направить по неправильному пути. Всяческими путями окружающий мир пытается убедить меня, что я смертен, что я здесь ненадолго, что пройдет какое-то количество лет — и я уйду в небытие.

Неправда! Я бессмертен. Я переступаю через пределы времени, отмеренного мне. Промежуток в семьдесят лет не что иное, как одна из фаз моей жизни. Во-первых, я осознаю, что существую, а во-вторых, что я вечен. Может, я замкнутая

кривая, но это не важно. Я в любом случае не имею ни начала, ни конца. Моя уверенность не относительна, она абсолютна, и ее нельзя ни создать, ни уничтожить. И только память, так как только она — относительный аспект сознания,— может быть подвергнута воздействию и даже уничтожена.

Правда, большинство религий, которые я узнал, учат бессмертию, но, обратите внимание, как они этому учат. Самый верный способ убедительно солгать — это неубедительно сказать правду. Значит, они не хотели, чтобы я им поверил.

Внимание: почему они так старались убедить меня в том, что через какое-то время я "умру"? На это должна быть очень серьезная причина. Я делаю вывод, что они готовят меня к какому-то глобальному переделыванию. Мне жизненно необходимо узнать их намерения — на это мне, может быть, понадобится несколько лет. Для этого нужно перестать мыслить их категориями».

Вернулся Джо:

— Пришла ваша жена, сэр.

— Скажите ей, чтоб она уходила.

— Пожалуйста, сэр. Доктор Хейвард очень хочет, чтобы вы с ней повидались.

— Скажи доктору Хейварду, что я его считаю превосходным шахматистом.

— Хорошо, сэр.— Джо постоял с минуту.— Так вы не хотите с ней видеться?

— Нет.

Когда Джо ушел, он еще несколько минут ходил по комнате, не в состоянии собраться с мыслями. Нужно отдать им должное, они вели с ним приличную игру, после того как упрятали сюда. У него есть отдельная комната и масса времени для размышлений. Конечно, его постоянно пытаются чем-то занять или отвлечь, но он упрям и всегда каким-то образом нарушает их планы, выгадывая для себя время для самоанализа.

Черт знает что! Он не хочет, чтобы они впутывали во все это Элис. И хотя она вызывает у него ужас и отвращение — с тех самых пор, как он обнаружил правду,— он не хочет, чтоб

ему напоминали о ней и заставляли принимать какие-то решения в отношении нее.

В конце концов, она столько лет была его женой. Женой? А что такое жена? Еще одна душа, но такая же, как твоя собственная, дополнение к ней, второй полюс магнита, святилище понимания и сочувствия в непостижимых глубинах одиночества. Он самозабвенно верил во все это столько лет. Настоятельная необходимость иметь такого же друга, как и он сам, привела его к тому, что в ее прекрасных глазах он увидел себя и перестал замечать все то, что делало их непохожими друг на друга.

Он вздохнул. Он чувствовал, что сумел избавиться от многого, чему его научили в жизни, но Элис проникла под его кожу, даже глубже, и он не мог не мучиться этой болью. Он был счастлив с ней — хоть все это и было наркотическим трансом. Они дали ему отличное зеркало, в которое он мог смотреться и с которым мог играть; ну почему же он не разглядел, что стояло за этим зеркалом!

Уставший, он вернулся к своим рассуждениям:

«Мир интерпретирует две основные концепции. Первая — здравый смысл, который полагает, что в мире существует и многое такое, чего не видно на поверхности, что обычное поведение человека, его поступки сами по себе разумны. Вторая — религиозно-мистическая концепция, которая считает мир иллюзорным, нереальным, над которым довлеет истинная реальность.

Они обе неверны. Общая схема концепции здравого смысла совершенно бессмысленна: "Жизнь коротка и полна неприятностей. Существо, рожденное женщиной, обречено на вечные страдания. Дни его быстротечны. Все — тщеславие и суета". Эти утверждения, возможно, беспорядочны и неверны, но они четко отражают позицию здравого смысла. В таком мире все человеческие усилия не более рациональны, чем слепой полет мотылька к свету. "Мир здравого смысла" — нечто безумное, взявшееся из ничего и в никуда уходящее.

Что касается другой концепции, она с первого взгляда более рациональна, хотя бы потому, что отрицает ярко выра-

женную глупость позиции здравого смысла. Но эта концепция тоже нерациональна. Это простой уход от действительности, потому что отрицается сама возможность прямого контакта между человеком и потусторонним миром. Конечно, "пять чувств" не столь совершенны, чтобы осуществлять этот контакт, но, в конце концов, это единственное, что дано человеку».

Он смял бумагу и резко встал со стула. Упорядоченность и логика не помогают. Но он прав, потому что он это чувствует. Он, конечно, не знает еще всего. Да кому нужны этот огромный обман, бессчетное количество существ, целые континенты, чудовищная матрица безумной истории, безумных традиций, безумной культуры? Что нужно человеку, кроме его собственной скорлупы и хорошо сидящего пиджака?

Но должно же что-то быть, должно было быть, потому что им было чрезвычайно важно кардинально обмануть его, ведь обман меньшего масштаба не сработал бы.

Он должен был предвидеть все это. А теперь ему нужно идти вслед за обманом, наступая ему на пятки. Сейчас он должен увидеть их работу, застать кукловодов врасплох за их манипуляциями.

Первое, что ему нужно сделать,— это бежать из этого сумасшедшего дома, но так искусно, чтобы они не увидели, не поймали его, не имели возможности помешать ему. Это будет нелегко. Но он должен превзойти их в проницательности и прозорливости.

Решив раз и навсегда бежать, он целый вечер обдумывал, как ему осуществить замысел. Тот казался почти невыполнимым: убежать, не будучи замеченным, скрыться в надежном месте. Они должны потерять его след, чтобы никогда уже не знать, куда направить против него удар. У него несколько дней не будет еды. Ничего, без этого он проживет. Но он ни в коем случае не должен дать им шанс разгадать его планы.

Дважды промигал свет. Он послушно встал и начал готовиться ко сну. Когда Джо заглянул в глазок, он уже был в постели лицом к стене.

Блаженство! Какое блаженство вокруг! Он наедине с самим собой, слышит музыку, исходящую из каждой клеточки его существа, как это всегда было и будет. Ему приятно осознавать себя частью живого, всего того, что участвует в нем самом и в чем непременно участвует он. И только одна неприятная мысль — он не помнит подробностей — но вот и она ушла, вернее, ее никогда и не было, для нее просто не было места.

Ранним утром из соседней палаты в его скованное сном тело проникли звуки, которые стали ему уже знакомыми и обычно напоминали о том, где он находится. Но в этот раз пробуждение было столь безмятежным, что он не сразу вспомнил все то, что ему пришлось пережить. Он тихо лежал, улыбаясь, ощущая приятную неуклюжесть своего еще сонного тела. Он уже давно забыл это ощущение из-за вечной борьбы с ними. Что ж, теперь он знает тональность, в которой нужно играть, и быстро расставит все по своим местам. Он немедленно вызовет их и объявит свою новую позицию. Каким забавным будет выражение лица у старика Гларуна, когда он поймет, что текущий цикл их борьбы завершен.

Щелчок смотрового глазка и скрежет открывающейся двери раздробили цепь его мыслей. Вошел Джо, внес поднос с завтраком и поставил его на стол:

— Доброе утро, сэр. Сегодня чудесный день. Будете завтракать в постели или встанете?

Не отвечать! Не слушать! Не обращать внимания! Это часть их плана. Но поздно, слишком поздно. Он почувствовал, как скользит, падает, низвергнутый из мира своей реальности в мир их обмана. Забыл, все забыл, и не за что зацепиться его памяти. Осталось только ощущение какой-то большой, разбивающей сердце потери и боль неосуществленного очищения.

— Оставь, я сам решу.

— Отлично,— Джо поспешил выйти, громко захлопнул дверь и шумно запер замок.

Он долго лежал, не двигаясь, чувствуя, как каждый нерв в его теле натянут до предела. Наконец, он встал с кровати, все

еще чувствуя себя глубоко несчастным, и начал концентрироваться на мысли о побеге. Но из-за того что его так грубо вернули из мира его реальности в их мир, он не мог прийти в себя. В мыслях поселились сомнения — может, доктор был прав, когда говорил, что он не одинок в своей несчастной необходимости выбора? Может, он просто страдает паранойей и почему-то считает себя не таким, как все?

Неужели здесь, вокруг него, роятся в своем улье другие люди — беспомощные, слепые, безропотные, осужденные на вечное несчастное одиночество? Неужели сострадание, которое он вызывал у Элис, не что иное, как отражение ее внутренних мук, а не комедия, разыгранная в соответствии с их планами?

В дверь постучали:

— Войдите,— сказал он, не глядя; их приходы и уходы уже безразличны ему.

— Дорогой,— медленно и неуверенно произнес такой знакомый голос.

— Элис! — он немедленно встал и уставился на нее.— Кто разрешил тебе войти?

— Пожалуйста, милый, пожалуйста, я должна была увидеть тебя.

— Это несправедливо. Это несправедливо,— он больше обращался к себе, чем к ней. И потом: — Зачем ты пришла?

Она встала перед ним, полная достоинства, чего он никак не ожидал. Красоту ее детского личика испортили морщины и тени под глазами, но оно горело какой-то удивительной отвагой:

— Я люблю тебя,— тихо сказала она.— Ты можешь выгнать меня, но ты не заставишь меня разлюбить тебя и бросить в беде.

Он отвернулся от нее, не зная на что решиться. Неужели он действительно неправильно понимал ее? Неужели за этим барьером плоти и звуковых сигналов тот дух, который всегда стремился к нему? И то, что возлюбленные шепчут друг другу в темноте: «Ведь ты понимаешь меня, правда?».

— Да, любимая, я понимаю.

— Тогда все, что происходит с нами, не имеет значения, пока мы вместе и понимаем друг друга.

Слова, слова, глухо отскакивающие рикошетом от стен...

Нет, он не мог ошибаться! Проверить ее снова!

— Почему ты удерживала меня на этой работе в Омахе?

— Я не удерживала тебя. Я просто говорила, что нужно хорошо подумать, прежде чем...

— Не важно, не важно.

Нежные руки и дорогое лицо, всегда с удивительным упорством направляющие его на путь, которому он не хотел следовать. Всегда с наилучшими намерениями, но так, чтобы он никогда не совершал неразумных поступков, которые он сам никогда не считал неразумными. Быстрее, быстрее, торопись и с ангельским лицом делай все так, чтобы ни на минуту не остановиться и не подумать самому.

— Почему ты не хотела, чтобы я поднялся наверх?

Она попыталась улыбнуться, хотя глаза ее уже наполнились слезами.

— Я не думала, что это имеет для тебя такое значение. Я не хотела, чтобы ушел наш поезд.

Это был незначительный эпизод. По какой-то причине, непонятной ему, он настаивал на том, чтобы пойти наверх в свой кабинет, когда они уже собирались отправиться на вокзал (они уезжали ненадолго в отпуск). Шел дождь, и она напомнила ему, что времени у них в обрез. Он удивил себя и ее, настаивая на том, что поднимется сейчас в свой кабинет. Он даже оттолкнул ее, когда она стала у него на пути. И даже тогда ничего бы не было, если бы он, тоже непонятно почему, не отодвинул штору на окне, выходящем на тыльную сторону дома. Очень сильный дождь шел на фасадной стороне, а здесь, с этого окна, погода была прекрасной, солнечной и никакого дождя.

Он долго стоял тогда у окна, глядя на солнечный свет и собираясь с мыслями. К нему вернулись все его старые подозрения — теперь прибавилось и это необъяснимое противоре-

чие. Потом он обернулся и увидел, что она стоит возле него. С тех самых пор он все старался забыть выражение ее изумленного лица, когда он спросил:

— И как же дождь?

— Дождь? — повторила она слабым, удивленным голосом.— Да, шел дождь. Ну и что?

— Но в окне моего кабинета дождя не было.

— Что? Да нет, он был. Я видела, как на мгновение солнце выглянуло из-за туч, ну и все.

— Ерунда!

— Но, милый, какое имеет отношение погода к тебе и ко мне? Какая разница — идет дождь или нет? — Она робко приблизилась к нему и взяла под руку.— Разве я отвечаю за погоду?

— Думаю, что ты. Уходи, пожалуйста.

Она отошла от него, причесала вслепую волосы, проглотила слезы и решительно произнесла:

— Хорошо, я уйду. Но помни — ты можешь вернуться домой, если захочешь. И я буду ждать тебя,— она заколебалась на мгновение и неуверенно сказала: — Может, ты поцелуешь меня на прощание?

Он никак не ответил ей — ни голосом, ни взглядом. Она посмотрела на него, потом повернулась, неловко пошла к двери и исчезла за ней.

Существо, которое он знал под именем Элис, не меняя своего облика вошло в комнату, где все они собрались.

— Нужно отказаться от этой программы. Я не в состоянии больше воздействовать на него.

Они ожидали этого, но все равно пришли в смятение. Гларун обратился к Главному Управляющему:

— Подготовиться к немедленному внедрению в избранную память воспоминаний о другой жизни.

Затем, повернувшись к Главному Исполнителю, Гларун сказал:

— Экстраполяция показывает, что в течение двух дней он совершит побег. И наша программа потерпела поражение из-за того, что вы не обеспечили тогда дождь не только с фасада,

но и с тыльной стороны его дома. Впредь работайте более тщательно над выбором средств.

— Если бы мы понимали мотивы его поведения, нам было бы проще.

— В моей должности доктора Хейварда я часто думал об этом,— отпарировал Гларун,— но если бы мы понимали мотивы, мы стали бы частью его. Воскресите в памяти Договор! Он и так почти вспомнил.

Существо, игравшее Элис, заговорило:

— Может, попробовать программу «Тадж Махал»? Она ему почему-то нравится.

— Вы уже уподобляетесь ему!

— Может быть. Я не боюсь. Так что, попробуем?

— Посмотрим.

Гларун продолжал отдавать команды:

— Держите структуры наготове до изменения программы. Нью-Йорк и Гарвардский университет уже не нужны. Начинайте очистку памяти. Вперед!

Пит Перкинс свернул на стоянку «Олл-Найт» и крикнул:

— Привет, Папаша!

Старый смотритель поднял взгляд.

— Погоди секунду, Пит, я сейчас.

Он рвал на узкие полоски страницу воскресного комикса приложения к газете. Маленький смерчик, круживший неподалеку, подбирал с земли бумажки и вместе с дорожной пылью швырял в лица прохожих. Старик протянул ему длинную, яркую полоску, оторванную от юмористической газеты.

— На, Кыска,— ласково позвал он.— Иди, иди сюда...

Смерчик поколебался, вытянулся к небу, сделавшись довольно высоким, перескочил через две стоявшие рядом машины и опустился прямо к его ногам.

Он точно принюхивался к подношению.

— Держи, Кыска,— нежно сказал старик, разжимая пальцы.

Смерчик подхватил пеструю полоску, закрутил-завертел. Старик оторвал еще одну и еще, а смерчик вкручивал их по спирали в общую массу вращающихся бумажек и прочего

© И. Зивьева, А. Етоев, перевод

мусора, делавшего его «тело» видимым для глаз. Свежие порывы ветра, ворвавшиеся в «Каньон» мимо высоких домов, придали смерчику сил; он еще закрутился ввысь, вплетая цветные ленточки в свою немыслимую, фантастическую «прическу». Старик с улыбкой обернулся к Питу:

— Нравятся Кыске новые одежки...

— Папаша, ты полегче с такими шутками. А то я и вправду поверю.

— Чего? А зачем тебе в Кыску верить — ты же ее собственными глазами видишь.

— Ну да, верно, но ты с ней... то есть, с этим обращаешься, будто... Понимаешь?

— А ты еще так не думаешь? — Голос смотрителя звучал теперь терпеливо-мягко.

— Ну, Папаша...

— Хммм... Одолжи-ка твою шляпу на минуту,— протянув руку, Папаша сдернул с головы Пита шляпу.— Кыска, Кыска,— позвал он.— Кыска, иди сюда! — Смерчик, игравший над ними на высоте нескольких этажей, скользнул вниз.

— Эй! Кепарь-то мой! — напомнил Перкинс.

— Ми-нуточку... Держи, Кыска!

Смерчик внезапно присел, рассыпая свой груз. Старик подал ему шляпу. Смерчик схватил ее и быстро, размашисто закрутил ввысь.

— Эй! — завопил Перкинс.— Ты думай, что делаешь! Это уже не смешно — я за эту шляпу только три года назад шесть монет отдал, и она еще совсем как новая!

— Ничего,— примирительно сказал старик,— Кыска ее назад принесет.

— Принесет?! Скорее в реку уронит!

— Ну уж нет! Кыска ничего никогда ничего не роняет. Гляди,— старик поднял взгляд на шляпу, плясавшую в воздухе возле пентхауза отеля, находившегося через улицу.— Кыска, Кыска! Неси назад!

Смерчик не спешил нести шляпу назад. Она упала, пролетев несколько этажей; смерчик нырнул вниз, подхватил ее и принялся лениво ею жонглировать.

— Сюда принеси, Кыска. Мне.

Шляпа пошла вниз по спирали, перешедшей к финишу в длинную нисходящую кривую, и наконец шлепнулась Перкинсу прямо в лицо.

— Она хотела ее на голову тебе надеть,— объяснил смотритель.— Обычно у нее лучше получается.

— У нее, значит...— Перкинс подобрал шляпу и теперь глядел на смерчик, разинув рот.

— Убедился теперь? — спросил старик.

— Убедился? Ох-хо-хо...— он поглядел на свою шляпу, затем опять на смерчик.— Знаешь, Папаша, по этому случаю необходимо выпить.

Они прошли в маленькую сторожку при стоянке. Папаша достал стаканы, а Перкинс выставил едва початую пинтовую бутылку и налил две изрядных порции. Проглотив свою, он налил еще и сел.

— Первая,— объявил он,— была за здоровье Кыски. А эта укрепит меня перед банкетом у мэра.

Папаша сочувственно крякнул.

— Освещать будешь?

— Ну, надо же колонку чем-нибудь забить. «Прошлым вечером мэр Хиззонер, в окружении блистательного созвездия мошенников, темных личностей, подхалимов, лизоблюдов, доносчиков и подтасовщиков из избирательной комиссии, давал званый обед в честь...» Надо же о чем-то писать, Папаша, подписчики ждут... Чер-рт, почему мне не хватает духу бросить все это и пойти в поденщики?

— Сегодня твоя колонка, Пит, была замечательной,— ободрил его старик. Он вытащил номер «Дейли Форум»; Перкинс взял газету и пробежал взглядом свою собственную колонку.

«НАШ ПРЕКРАСНЫЙ ГОРОД» Пит Перкинс.

Ниже говорилось:

«Как, у нас не будет конок? Наш *городской рай* держится на традициях. Что хорошо было для отцов-основателей, то хорошо и для нас. Мы спотыкаемся на той же самой выбоине, где Прадедушка Тозьер еще в девятом году сломал ногу. Нелишне бы также уяснить себе: вода, выпускаемая вами из

ванны, не уходит от вас навсегда — она вернется через кухонный кран. Обработанная, насыщенная хлоркой, однако та же самая. (Кстати, Хиззонер пользуется ключевой водой из бутылок. На это нужно обратить внимание.) А я должен сообщить вам об ошеломляющих переменах. Вместе с конками от нас уходит нечто такое... Можете не верить. Наш общественный транспорт ходит так редко и медленно, что вы, может, и вовсе не замечаете его. Однако клянусь вам: я видел вагон, грохочущий по Гранд-Авеню, без каких бы то ни было лошадей! Видимо, его приводило в движение какое-нибудь новомодное электрическое устройство».

* * *

«Даже в век атома некоторые перемены — это уже слишком. И я призываю всех горожан...» — Перкинс с отвращением фыркнул.— Это, Папаша, все равно, что погремушкой трясти. Город насквозь коррумпирован, и ничего с этим не поделаешь. Так какого черта я буду себе мозги всяким вздором забивать? Передай-ка бутылку.

— Не отчаивайся, Пит. Тираны гораздо больше пули наемного убийцы боятся смеха.

— Где ты это подцепил? Ну, так мне тоже не смешно. Я уж столько их вышучивал из их кресел — а толку? Все мои усилия принесли толку не больше, чем от твоей подружки-вертушки.

Окна задребезжали от порыва ветра.

— Не говори про Кыску так,— предостерег старик.— Она все понимает.

— Я извиняюсь,— Перкинс встал и отвесил поклон в сторону двери.— Извини меня, Кыска. Твоя деятельность гораздо полезнее моей,— он обернулся к хозяину.— Пойдем, Папаша, наружу, поговорим с ней. По мне — так куда лучше, чем переться к мэру на банкет.

Они вышли наружу. Перкинс прихватил с собой остатки пестрого комикса. Он начал рвать их на ленточки.

— Кыска, Кыска! На! Кушать подано!

Смерчик, склонившийся книзу, забирал ленточки, только рвать успевай.

— А те, что ты ей дал, все еще с ней.

— Конечно,— согласился Папаша.— Кыска у меня бережливая. Когда ей что понравится, постоянно будет с собой носить.

— Она — что, и не устает никогда? Бывают же и безветренные дни...

— Тут — практически не бывает. Здания так стоят, да еще Третья улица прямо на реку выходит. Но я так думаю: свои любимые игрушки она на крышах домов прячет.

Репортер всмотрелся в коловращение мусора.

— Могу спорить, у нее там и газеты не меньше месяца давностью. Папаша, я сделаю из этого статью о мусороуборочной службе и о том, как плохи у нее дела с уборкой улиц. Откопаю парочку газет двухлетней давности и заявлю, что их со дня выхода в свет носило по городу.

— А зачем жульничать? — спросил Папаша.— Давай поглядим, что там у Кыски имеется,— он тихонько свистнул.— Иди сюда, маленькая, дай-ка Папаше твои игрушки поглядеть.

Смерчик раздулся вширь; содержимое его закружилось помедленнее. Смотритель выхватил на лету первый попавшийся клок старой газеты.

— Вот одно — трехмесячной давности.

— Надо бы чего похлеще.

— Ладно, попробуем еще,— он поймал другую газету.— Июнь прошлого года.

— О, лучше!

Из какой-то машины призывно засигналили, и старик поспешил к ней. Когда он вернулся, Перкинс все еще всматривался в свободно парящий мусор.

— Ну как? — спросил Папаша.

— Она мне не дает ничего. Из рук вырывает.

— Кыска,— сказал старик,— как не стыдно? Пит — наш друг, с ним надо быть вежливой.

Смерчик виновато заерзал, точно переминаясь с ноги на ногу.

— Да нет, все в порядке,— сказал Перкинс.— Она же не знала... Гляди, Папаша, видишь вон ту, сверху? Первая полоса.

— Хочешь достать?

— Ага. Глянь как следует шапку — «ДЬЮ» чего-то там. Как ты полагаешь, может, газета у Кыски еще со времен компании 48-го?

— Может быть. Сколько времени я здесь, столько и Кыску помню. И игрушек своих она не теряет. Погоди секунду,— он ласково позвал смерчик, и вскоре газета была в его руках.— Давай посмотрим.

Перкинс изумленно вытаращил глаза.

— Ну, если пробьюсь в Сенат, быть мне «краткосрочником»! Папаша, газетка-то не старше ли тебя?

«Шапка» гласила: «ДЬЮ ВСТУПАЕТ В МАНИЛУ». Дата — 1898 г.

* * *

Двадцатью минутами позже они обсуждали находку за остатками Перкинсовой бутылки. Репортер наглядеться не мог на грязный, пожелтевший от времени лист.

— Только не говори мне, что его носило по городу последние полвека.

— А почему нет?

— Почему? Ладно, я могу поверить, что улиц с тех пор не убирали. Но бумага-то как выдержала? Солнце, дожди — ну, и так далее...

— Кыска свои игрушки бережет. Наверное, прячет куда-то под крышу, если погода портится.

— За-ради бога-господа, Папаша; не думаешь же ты, что она и вправду... Но — думаешь. Честно говоря, мне все едино, где она эту газету взяла. Официальная версия будет такой: вот этот отдельно взятый клок бумаги болтался по нашим грязным улицам последние полсотни лет, причем никто его не заметил и не подобрал. Ребята, забава выйдет хоть куда!

Он бережно свернул старую газету и хотел было спрятать в карман.

— Погоди. Этого делать не стоит,— запротестовал старик.

— Почему? Надо же отнести сфотографировать.

— Нельзя! Это — Кыскино. Я ведь только на время взял...

— Чего? Ты с ума сошел?

— Она очень расстроится, если не вернем. Ну пожалуйста, Пит... она же тебе в любой момент, как только будет надо, снова даст посмотреть.

Старик был не на шутку встревожен, и Перкинс отказался от своего намерения.

— А если мы эту газету никогда больше не увидим? У меня ведь весь сюжет на ней построен.

— Ну и что? Не твоя ведь газета. Это она ее сберегла, отсюда и твой сюжет. Ты не беспокойся, я ей скажу, чтобы ни в коем случае не затеряла.

— Эх, ладно...

Они вышли наружу, и Папаша, серьезно переговорив с Кыской, вернул ей игрушку. Она немедленно подняла газетный лист на самую свою макушку. Попрощавшись с Папашей, Перкинс начал было выруливать со стоянки, но вдруг остановился и обернулся назад.

— Скажи-ка, Папаша...

— Что, Пит?

— Ты ведь, на самом деле, не думаешь, что этот смерчик живой, да?

— А почему бы нет?

— «Почему бы нет»?! Он еще спрашивает!

— Ладно,— рассудительно сказал Папаша,— а вот тебе почем знать, что ты сам живой?

— Как же... потому что я... ну, если ты...— он осекся.— Нет, не знаю. Тут ты меня уел.

— Вот видишь,— улыбнулся Папаша.

— Да уж. Спокойной ночи, Папаша. Спокойной ночи, Кыска.

Он отсалютовал смерчику. Крутящийся столб мусора поклонился в ответ.

* * *

Перкинса вызвал к себе главный редактор.

— Видишь ли, Пит,— сказал он, толкнув к нему по столу кипу бумаг,— фантазия — это, конечно, хорошо, но пьяного бреда я в газете допускать не намерен.

Перкинс взглянул на подвинутые к нему страницы. «НАШ ПРЕКРАСНЫЙ ГОРОД», Питер Перкинс. «Посвисти Ветерку. Прогулки по нашим улицам — весьма пикантная, даже рискованная, забава. Мы пролагаем путь свой сквозь разнообразный мусор, отбросы, окурки и еще менее аппетитные вещи, плотным ковром покрывающие тротуары, а лица наши атакуют более легкие предметы: конфетти с прошлого Хэллоуина, сухие листья и прочее, уже доведенное погодой до неузнаваемости. Но, как бы то ни было, я всегда полагал, будто постоянный круговорот наших уличных залежей заставляет их обновляться по крайней мере каждые семь лет...» Дальше рассказывалось о смерчике, носившем с собой пятидесятилетней давности газету, любому городу страны предлагалось побить этот результат.

— А в чем претензия? — агрессивно вопросил Перкинс.

— Привлекать внимание общественности к грязи на улицах — это замечательно, Пит. Только основывай все на фактах.

Перкинс через стол нагнулся к редактору.

— Здесь и так одни только факты.

— Что? Пит, не болтай глупостей.

— Значит глупостей? Так слушай.

И Перкинс поведал об обстоятельствах встречи с Кыской и о том, как была найдена газета 1898 года.

— Пит, ты, должно быть, выпивши?..

— Только кофе да томатный сок. Ей-богу. Чтоб мне света белого больше не видеть.

— А как насчет вчерашнего? Спорю, твой смерчик подошел к бару вместе с тобой.

— Я был совершенно, как стеклышко трезв, и...— Перкинс умолк, чтобы не ронять своего достоинства.— Это — моя статья. Печатай, или увольняй меня.

— Брось, Пит. Не так уж мне важно, кто будет писать — только колонку надо заполнять чем-то посущественнее. Рас-

копай факты о человеко-часах и средствах, затраченных на уборку улиц, сравни с данными по другим городам...

— Да кто будет читать эту чушь? Вот идем со мной. Сам все факты увидишь. Только погоди минутку — фотографа с собой прихватим.

Уже через несколько минут Перкинс знакомил главного редактора и Кларенса В. Уимса с Папашей. Кларенс расчехлил камеру.

— Его нужно снимать?

— Пока нет. Папаша, можно, чтобы Кыска нам опять показала ту стародавнюю газету?

— Конечно,— старик поднял взгляд и свистнул.— Кыска, Кыска! Иди к Папаше.

Над головой легкий порыв ветра обрел вдруг форму, подхватив клочки бумаги и опавшие листья, и смерчик утвердился на стоянке. Перкинс пригляделся к нему.

— У нее нет той газеты,— удрученно сказал он.

— Принесет.

Папаша выступил вперед, так что смерчик крутился теперь вокруг него. Можно было видеть, как он шевелит губами, но слов было не разобрать.

— Пора? — спросил Кларенс.

— Пока нет.

Смерчик прыгнул вверх и заскакал над цепочкой домов. Главный редактор звучно захлопнул рот.

Вскоре Кыска вернулась. Отбросив все остальное, она несла кусок бумаги — тот самый.

— Пора, Кларенс,— сказал Перкинс.— Сможешь заснять бумагу в воздухе?

— Эге,— хмыкнул Кларенс, поднимая «Спид График».— Чуть назад и так держать,— приказал он, обращаясь к смерчику.

Кыска медлила и, похоже, намеревалась удрать.

— Поверни потихоньку, Кыска,— добавил Папаша.— Переверни — нет, нет! Не так, другим концом кверху.

Бумага разгладилась и медленно поплыла в воздухе, разворачиваясь «шапкой» к объективу.

— Заснял? — спросил Перкинс.

— Эге,— сказал Кларенс.— Это все?

— Эге... то есть, да, все.

— Порядок,— сказал Кларенс, подхватил свой кофр и удалился.

Главный редактор вздохнул.

— Джентльмены,— сказал он,— давайте выпьем.

После четырех порций Перкинс и его начальство все еще спорили. Папаша отлучился по делам.

— Босс, да подумай ты головой,— говорил Пит.— Нельзя же напечатать статью о живом смерчике. Над нами весь город будет смеяться.

Главный редактор Гейнс распрямился.

— Политика «Форума» такова: печатать все новости и без обиняков. Это новость — и мы об этом напечатаем,— он сел вольготнее.— Эй! Официант! Повторить того же самого, только содовой поменьше!

— Но это же с научной точки зрения невозможно.

— Но ты же собственными глазами видел, так?

— Так, но...

Гейнс жестом остановил его.

— Попроси, чтобы Институт Смитсона это обследовал.

— Да они только посмеются,— сказал Перкинс.— Ты хоть про массовый гипноз слыхал?

— Чего? Ну, это не объяснение. Кларенс ведь тоже видел.

— И что с того?

— Известно, что. Чтобы тебя загипнотизировали, нужно иметь сознание. *Ipso facto**.

— То есть, *Ipse dixit***.

— Перкинс, у тебя что — икота? Тебе вообще не следует пить днем. Скажи еще раз и помедленнее.

— Откуда ты взял, что у Кларенса есть сознание?

— А ты докажи обратное.

---

* Ipso facto — является фактом *(лат.)*

**Ipse dixit — ты сказал *(лат.)*

— Ну, он живой. Значит, хоть какое-то сознание должен иметь.

— Так я именно это и говорил. Раз смерчик живой, у него есть сознание. Не, Перкинс, если эти бородатые из Смитсоновского упрутся в свою антинаучную позицию, то я, к примеру, на ихней позиции не останусь. И «Форум» на ней не останется. И ты тоже.

— Я?

— Ни на минуту. Так и знай, Пит: «Форум» — за тебя. Теперь возвращайся на стоянку и сделай интервью со смерчиком.

— Я уже сделал. Ты же печатать запретил.

— Кто запретил? Вышвырну! Давай, Пит. Мы этот город поставим на уши. Погоди! За тобой — первая полоса. А теперь — вперед!

Он надел Питову шляпу и устремился в мужскую уборную.

* * *

Пит утвердился за своим столом, прихватив контейнер с кофе, чашку томатного сока и вчерашний номер газеты. Под большим, в четыре колонки, фото Кыскиной игрушки, в рамке, на первой полосе была его статья. Жирным шрифтом (18 пунктов) приказывалось: см. редакционную статью, стр. 12. На стр. 12 еще одна жирная строчка отсылала читателя обратно к «НАШЕМУ ПРЕКРАСНОМУ ГОРОДУ», стр. 1. Это он проигнорировал и прочел: «М-Р МЭР — В ОТСТАВКУ!!!»

Прочитав это, Пит хмыкнул. «Дурные веяния...», «...символизирует духовную грязь, скопившуюся по темным углам мэрии...», «...пока ветер перерастет в бурю, а попросить коррумпированную и бесстыдную администрацию с занимаемых должностей». Редакционная статья указывала на то, что подряд на уборку улиц и перевозку мусора принадлежит мэрову шурину, и вопрошала: не выйдет ли дешевле и лучше отдать подряд смерчику.

— Пит, это ты? — раздался голос Папаши по телефону? — Меня в участок забрали.

— За что?

— Говорят, что Кыска — нарушение общественного порядка.

— Я буду прямо сейчас.

Он забежал в мастерские, взял с собой Кларенса и устремился в участок. Папаша с упрямой миной сидел в кабинете начальника участка. Перкинс вдвинулся внутрь.

— За что он задержан? — спросил он, указывая пальцем на Папашу.

Лейтенант скривился.

— Какого черта вы сюда явились, Перкинс? Вы — не его адвокат.

— Пора? — спросил Кларенс.

— Нет пока. За новостями, Думбровски, я ведь репортер. Может, помните? Так повторю вопрос: за что он задержан?

— Сопротивление офицеру полиции, находящемуся при исполнении.

— Папаша, это правда?

— Вот этот тип,— старик с отвращением бросил взгляд в сторону одного из полицейских,— явился ко мне на стоянку и хотел выдернуть у Кыски ту газету, про Манила-Бэй. А я ей сказал, чтобы не давала. Тогда он мне дубинкой пригрозил и приказал забрать у Кыски газету. А я ему и сказал, что он может со своей дубинкой сделать,— он пожал плечами.— И вот мы здесь.

— Разберемся,— сказал Перкинс, разворачиваясь к Думбровски.— Вам позвонили из мэрии, так? И вы на это грязное дело послали Дугана. Этого я, правда, не совсем понимаю. Дуган, я слышал, настолько туп, что вы даже запретили ему взимать штрафы на его же собственном участке для патрулирования.

— Врешь! — воскликнул Дуган.— Я их еще как взи...

— Дуган, молчать! — загремел лейтенант.— А вы, Перкинс, выметайтесь отсюда. Нет здесь вам новостей.

— Значит, нет? — вкрадчиво спросил Перкинс.— Наша доблестная полиция пытается арестовать смерч, и это называется «нет новостей».

— Пора? — спросил Кларенс.

— Никто никаких смерчей арестовывать не пытался! А теперь мотай отсюда!

— Тогда почему Папаша задержан за «воспрепятствование исполнению»? Что там Дуган делал? Может, бумажного змея пускал?

— Ему не предъявлено такого обвинения.

— Не предъявлено? А как вы его зарегистрировали?

— Вообще никакого. Он задержан для беседы.

— Во-от как? Ни обвинения, ни ордера, ни регистрации — просто хватают и держат. Прямо как в гестапо,— Перкинс обратился к Папаше.— Ты не под арестом. Я бы посоветовал встать и уйти.

Папаша встал.

— Э-э! — Лейтенант Думбровски вскочил с кресла, схватил Папашу за плечо и усадил на место.— Я здесь отдаю приказы! Вы останетесь...

— Пора! — завопил Перкинс.

Все застыли на миг в свете фотовспышки, а затем Думбровски разъярился еще пуще.

— А этого кто сюда пустил?! Дуган, забери у него камеру.

— Не-а,— сказал Кларенс, убирая камеру подальше от «быка».

Они исполнили нечто вроде танца вокруг майского шеста, причем роль шеста исполнял Кларенс.

— Давай! — крикнул Перкинс.— Давай, Дуган, хватай камеру! Мне просто не терпится написать статью: «Лейтенант полиции уничтожает свидетельства грубости полицейских».

— Лейтенант, что делать? — взмолился Дуган.

Думбровски взглянул на него с отвращением.

— Сядь и закрой физию. А вы, Перкинс, не печатайте этого снимка, добром вас предупреждаю.

— О чем это? Может, и на меня Дугана науськаете? Папаша, Кларенс, идемте.

На следующий день в рубрике «НАШ ПРЕКРАСНЫЙ ГОРОД» значилось: «Мэрия начинает чистку. Пока городские уборщики улиц отдыхали, как обычно, в свое удовольствие,

лейтенант Думбровски, действуя по указанию из канцелярии Хиззонера, ловил наш смерчик с Третьей авеню. Дело не заладилось, так как патрульному Дугану не удалось водворить смерчик в полицейский фургон. Неустрашимый Дуган был неудержим в своем рвении и взял под стражу случившегося неподалеку жителя города, некоего Джеймса Меткалфа, смотрителя с автостоянки, за «соучастие». В чем Меткалф соучаствовал, Дуган не сказал — и так всякому известно, что «соучастие» есть нечто совершенно ужасное. А лейтенант Думбровски допросил соучастника. Смотрите фото. Кстати, вес лейтенанта (без башмаков) — 215 фунтов. «Соучастника» же — 119.

Мораль: не путайся под ногами, когда полицейский департамент играет в догонялки с ветром.

P.S. А мы еще раз заявляем: смерчик все еще хранит газету 1898 года. Тормозите на углу Третьей и Главной, убедитесь сами. Только торопитесь — Думбровски с минуты на минуту опять помчится арестовывать смерчик».

И на следующий день колонка Пита содержала прямые выпады против администрации: «О затерянных архивах. Обидное положение: любой документ, какой только может понадобиться Большому Жюри, обязательно затеряется прежде, чем его смогут предоставить. Мы предлагаем, чтобы Кыска, наш смерчик с Третьей авеню, была принята в архив клерком, сверх штата. Ей можно поручить все бумаги, которые наверняка понадобятся в будущем. Специальный официальный экзамен на "лицо, облеченное доверием", она легко пройдет — его у нас еще никто не провалил.

Да и стоит ли ограничивать Кыску должностью простого клерка?

Она настойчива и того, что раз попадет к ней, уже не упустит. Таким образом она, бесспорно, не менее квалифицирована, чем некоторые наши представители власти.

Так изберем же ее на пост мэра! Идеальный кандидат. У нее есть чувство локтя, она не замечает беспорядка, замечательно ходит кругами и умеет швыряться грязью. И прихватить ее на чем-нибудь оппозиция не сможет.

Что до того, какой мэр из нее выйдет — об этом есть старая сказка, созданная Эзопом. Про короля Чурбана и Короля Аиста. Чурбаном мы уже по горло сыты, так что Аист будет вполне подходящей заменой.

Кстати, Хиззонер, что там такое с подрядом на мощение Гранд-авеню?

P.S. Газета 1898 года все еще у Кыски. Тормозите, поглядите, пока наше полицейское управление не выдумало способа запугать смерч».

Пит, взяв с собой Кларенса, отправился на стоянку. Теперь стоянка была огорожена; человек у ворот подал им два билета, но от денег отказался. Внутри же, в большом огороженном кругу, пребывали Папаша с Кыской. Они пробились сквозь толпу к старику.

— Ты вроде как деньги начал делать, Папаша?

— Пока нет, но надо бы. Меня, Пит, сегодня утром закрыть хотели. Сказали я должен платить пятьдесят долларов в день, как цирко-карнавальный сбор, да еще какой-то финансовый сбор за место. Так что я перестал плату брать за билеты, но за мной еще следят. Засужу я их за милу-душу.

— Только не в этом городе. Ну ничего, мы их заставим поежиться, чтоб не вязались больше.

— Это еще не все. Сегодня утром Кыску пытались увезти.

— Чего?! Это кто же? И — как?

— «Быки», кто же еще. Приезжали с такой воздуходувной штукой, какими шахты вентилируют, только переделанной, чтобы на всос работала, и пошло! Хотели либо Кыску туда втянуть, либо хоть то, что она носит.

Пит присвистнул.

— Надо было меня позвать.

— Нужды не было. Я Кыску предупредил, она газету про испанскую войну куда-то спрятала, а потом назад вернулась. Она такие штуки любит. Раз шесть через машину проскочила, как на карусели. Шустро так проскочит, и вылетает, еще бодрее прежнего. А в последний раз прихватила с собой фуражку

сержанта Янкеля. Ясно дело, фуражке конец. Ну, они поморщились и уехали.

Пит фыркнул.

— И все же надо было кликнуть меня. Кларенс бы все заснял.

— Я и так,— сказал Кларенс.

— Что? Кларенс, ты не говорил, что был здесь утром.

— А ты не спрашивал.

Пит воззрился на него.

— Кларенс, дорогой, фотографии нужны, чтобы печатать их, а не просто держать в лаборатории.

— На твоем столе,— сказал Кларенс.

— Э-э... Ладно, сменим тему на менее щекотливую. Папаша, надо бы тут повесить большой плакат.

— Почему нет... А какой?

— «"Кыску — в мэры" — штаб-квартира группы поддержки». Вот так, через угол стоянки, в двадцать четыре листа, чтобы с обеих сторон было видно. Оборудуем тут... О! Девушки, кто к нам пришел! — он кивнул на выход.

Сержант Янкель вернулся.

— Давай, давай! Шевелись! Выметайтесь отсюда!

Он с тремя подчиненными выгоняли со стоянки зрителей. Пит подошел к нему.

— Янкель, что происходит?

Янкель оглянулся.

— А, это ты! Тоже давай отсюда, нам всех убрать нужно. В темпе!

Пит оглянулся назад:

— Папаша, убери Кыску! Кларенс, пора!

— Снято,— сказал Кларенс.

— Порядок,— отозвался Пит.— А теперь, Янкель, поведайте-ка нам, что мы сейчас засняли. Снимок нужно подобающим образом прокомментировать.

— Умный, да? Давай-ка мотай быстрее отсюда со своим клоуном, пока головы целы. У нас базука.

— *Что* у вас?! — Пит, не веря своим ушам, взглянул на полицейскую машину. Сомнений быть не могло: два «быка» выгружали из машины базуку.— Кларенс, снимай, не зевай!

— Эге.

— И кончайте своей жвачкой щелкать. Янкель, я просто репортер; может, чего не понимаю... Чего ради это все?

— Сейчас сам увидишь, умник,— Янкель отвернулся от Пита.— Отлично! Начинайте! Огонь!

Один из «быков» поднял голову:

— Сержант, а цель-то где?

— Я-то думал, вы из морской пехоты... Смерч, конечно, он и есть цель!

Папаша взглянул через плечо Пита.

— Что они там делают?

— У меня только что какие-то проблески появились. Папаша, скажи Кыске, чтобы спряталась. Они, наверное, хотят в «глотку» ей гранатой выстрелить, чтобы ее динамическую стабильность нарушить, или еще что-нибудь.

— Кыска в безопасности, я ее уже предупредил. Но это же идиотизм, Пит. Они, должно быть, абсолютно, совершенно, полностью чокнулись.

— А где это записано, что «бык» при исполнении обязательно должен быть в своем уме?

— Какой смерч, сержант? — спросил стрелок.

Янкель яростно принялся объяснять, но, по мере того, как до него доходило, что никакого смерча в окрестностях не наблюдается, утихомирился.

— Ждите,— приказал он и обратился к Папаше.— Ты! — заорал он.— Это ты смерч прогнал! Ну-ка зови назад.

Пит вытащил блокнот.

— Оч-чень интересно, Янкель. Вы, стало быть, как профессионал, полагаете, что смерчу можно приказывать, как дрессированной собаке? Такова официальная позиция полицейского управления?

— Я... Нету комментариев! А ты закрой хлебало, а то, гляди, помогу!

— Позволю себе заметить, что ваша пушка Бака Роджерса наведена так, что граната, пройдя сквозь какой-угодно смерч, пойдет прямо на мэрию. Это вы покушение на Хиззонера так спланировали?

Янкель резко обернулся, прикинул траекторию...

— Вы, ухари! — заорал он.— Направьте это дело в другую сторону! Вы что, в мэрию хотите попасть?

— Во, еще лучше,— сказал Пит.— Теперь они целятся в Первый Национальный Банк. Мне еще долго ждать?

Янкель еще раз оценил ситуацию.

— Наводите туда, где уж точно никого не заденет,— распорядился он.— Я что — постоянно за вас думать должен?

— Но, сержант...

— Что?

— Вы наводите-ка сами. А мы потом выстрелим.

Пит немного понаблюдал за ними.

— Кларенс,— вздохнул он,— ты тут еще побудь, сними, как они будут обратно в машину грузиться. Это — минут через пять уже. А мы с Папашей будем в гриль-баре «Счастливое времечко». Постарайся, чтобы Янкель получше вышел.

— Эге,— сказал Кларенс.

В следующий раз под рубрикой «НАШ ПРЕКРАСНЫЙ ГОРОД» красовались три снимка, а также статья: «Полиция объявляет войну смерчу». Пит, прихватив с собой номер для показа Папаше, отправился на стоянку.

Папаши на стоянке не было. Равно как и Кыски. Он прошелся по окрестностям, заглянул в бары и закусочные — без толку.

Он пошел назад в редакцию «Форума», убеждая себя, что Папаша мог пойти по магазинам или в кино. Вернувшись к своему столу, он дважды начинал писать завтрашнюю статью, затем скомкал все и пошел в лабораторию.

— Эй, Кларенс! Ты на стоянке нынче был?

— Не-а.

— Папаша пропал.

— И что?

— Прошли. Нужно его отыскать.

— Зачем? — и тем не менее Кларенс уже сунул камеру в кофр.

На стоянке по-прежнему было пусто — ни Папаши, ни Кыски, ни даже самого захудалого бриза. Пит повернул назад.

— Идем, Кларенс. Эй, что ты там снимаешь? — объектив камеры был нацелен в небо.

— Не снимаю,— сказал Кларенс.— Свет плохой.

— Так что у тебя там?

— Смерчик.

— Что? Кыска?

— Может.

— Кыска, Кыска! Иди сюда!

Смерчик приземлился возле него, закрутился быстрее и, подхватив оброненный прежде кусочек картона, изо всех сил швырнул его в лицо Перкинсу.

— Кыска, это не смешно! Где Папаша?

Смерчик скользнул к нему и опять потянулся за тем же куском картона.

— Стоп! Не надо! — завопил Пит, и сам протянул руку за картонкой.

Смерчик его опередил. Протащив картонку несколько сот футов, Кыска вернулась обратно, чувствительно зацепив картонкой переносицу Пита.

— Кыска,— взмолился он,— перестань же гарцевать вокруг!

Картонка оказалась карточкой, примерно шесть на восемь дюймов. Очевидно, она была к чему-то приколота — по всем четырем углам дырочки от кнопок. На ней было напечатано: «Ритц-Классик», и ниже: «Комната 2013. Для одного — 6.00 долларов, для двоих — 8.00 долларов». Далее следовал перечень гостиничных правил. Перкинс нахмурился, затем отдал карточку смерчу. Кыска тут же снова швырнула ее ему в лицо.

— Идем, Кларенс,— твердо сказал он.— В «Ритц-Классик», комната 2013.

— Эге,— сказал Кларенс.

«Ритц-Классик» был просто громадным клоповником, в трех кварталах от стоянки. Излюбленное место букмекеров и различного рода девиц. Чтобы не столкнуться с портье, Пит вошел в здание с подвального хода. Мальчишка-лифтер, покосившись на Кларенсову камеру, сказал:

— Слышь, док, этого не надо. Нечего в нашем отеле улики для разводов собирать.

— Спокойно,— сказал Пит.— Камера не настоящая. Мы марихуаной торгуем; просто сенцо там спрятали.

— Ну, чего ж он сразу не сказал? Да и вообще — не стоит траву в камере таскать. Только людей нервируете. Какой этаж?

— Двадцать первый.

Лифтер поднял их без остановок, не обращая внимания на прочие вызовы.

— Две монеты с вас будет. За спецобслуживание.

— А может, сбросишь? — поинтересовался Пит.

— Ну, ты когда-нибудь нарвешься со своей буркотней. Забыл, чем промышляешь?

Они спустились этажом ниже по лестнице и отыскали комнату 2013. Пит осторожно подергал ручку двери — заперто. Постучал — ответа нет. Приложив к двери ухо, он прислушался и уловил шорох внутри. Он, отступив назад, сдвинул брови.

— Ага, вспомнил,— сказал Кларенс, быстро убегая назад. Вскоре он вернулся с красным пожарным топориком.— Пора? — спросил он.

— Прекрасная мысль, Кларенс! Нет пока.— Пит забарабанил в дверь и завопил.— Папаша! Эй, Папаша!

Полная женщина в розовом пеньюаре выглянула в соседнюю дверь.

— А вы знаете, тут некоторые спят!

— Спокойно, мадам! Мы в эфире!

Он прислушался. Из комнаты донесся шум борьбы, а затем:

— Пи-ит! Пи...

— Пора! — скомандовал Пит. Кларенс рубанул по двери.

Замок сдался после третьего удара; Пит ворвался внутрь, а за ним и Кларенс. В дверях он столкнулся с кем-то, бросившемся навстречу, и упал. Поднявшись, он увидел на кровати Папашу. Старик усердно трудился, освобождаясь от полотенца, которым был завязан его рот.

Пит сорвал с него полотенце.

— Держи его! — заорал Папаша.

— Сейчас, только тебя развяжу.

— Да не связан я! Они у меня штаны забрали. Парень, я уж думал, ты вовсе не придешь.

— Кыске пришлось потрудиться, пока до меня дошло.

— Они у меня,— объявил Кларенс.— Оба.

— Где? — спросил Пит.

— Здесь,— гордо ответил Кларенс, поглаживая камеру.

Едва уловив смысл ответа, Пит ринулся к дверям.

— Они вон туда удрали,— сказала полная дама, указывая пальцем.

Он бросился в указанном направлении, завернул за угол и увидел закрывающуюся дверь лифта.

Толпа народу возле отеля сбили Пита с толку. Он неуверенно озирался, но тут Папаша схватил его за плечо.

— Вон! Вон та машина!

«Та машина» как раз только что снялась с места, позади рядов такси у подъезда отеля, и, набирая скорость, понеслась вдаль. Пит рванул дверцу ближайшего такси.

— За той машиной! — крикнул он. Все трое прыгнули на сиденье.

— А на фига? — спросил таксист.

Кларенс поднял топорик.

— Пора?

Водитель втянул голову в плечи.

— Все, все, забыли,— сказал он, заводя мотор.— Шутка.

Мастерство таксиста здорово помогло им в центре города, но другая машина вывернула на Третью Авеню и помчалась к реке. Машины, которые разделяло каких-нибудь пятьдесят

ярдов, пронеслись над рекой (позади то там то сям образовались пробки), а за мостом начиналось шоссе, где ограничений в скорости не было. Таксист повернулся к седокам:

— А те, что с камерой, за нами удержатся?

— Какие «те, что с камерой»?

— Это — что, не кино?

— Какое там, кино! В той машине полно похитителей! Быстрее!

— Похищение? Тогда я — пас.— Он резко ударил по тормозам.

Пит, перехватил у Кларенса топор и показал водителю.

— Ты их догонишь.

Машина вновь набрала скорость, но водитель возразил:

— Только не в этой лоханке. У тех движок мощнее.

Папаша ухватил Пита за руку:

— Гляди, Кыска!

— Где? Да какая сейчас разница?

— Сбавь ход! — завопил Папаша.— Кыска, Кыска, иди сюда!

Смерчик нырнул вниз и пристроился к машине на параллельном курсе.

— Малышка! — окликнул ее Папаша.— Достань ту машину! Вперед — достань ее!

Кыска, похоже, была сбита с толку. Папаша повторил еще раз, и смерч понесся вперед, подбирая на лету бумажки и прочий мусор.

Вот она догнала идущую впереди машину и швырнула порцию мусора в лицо водителя. Машина вильнула. Еще раз. Машину повело, она въехала на обочину, отскочила от ограждения и врезалась в фонарный столб.

* * *

Через пять минут Пит, бросив Кларенса, Кыску и топорик на охрану двух громил, страдавших от многочисленных ссадин и контузий, а также — потрясения, скармливал дайм

таксофону на ближайшей бензоколонке. Звонок был междугородным.

— Дайте мне тот отдел ФБР, что занимается похищениями,— потребовал он.— Понимаете, Вашингтон, О.К., отдел похищений.

— Гос-споди боже,— сказал оператор.— Вы не против, если я послушаю?

— Соединяйте!

— Секундочку!

Вскоре Питу ответили:

— Федеральное Бюро Расследований.

— Мне нужно говорить с Гувером! Что? Ладно, ладно, вы тоже подойдете. Слушайте. Тут — дело о похищении. В настоящий момент я их стерегу, но если наши «быки» опередят ваших ребят из местного отдела, то никаких следов не останется. Что? — Взяв тоном ниже Пит объяснил, кто он такой и где находится, а также и наиболее располагающие к доверию обстоятельства, приведшие к сложившемуся положению. Чиновник перебил его, когда он начал слишком уж торопиться, и заверил, что местный отдел уже обо всем предупрежден.

Пит вернулся к месту происшествия как раз вовремя, чтобы увидеть лейтенанта Думбровски, выскакивающего из полицейской машины. Пит, подлетев на всех парах, заорал:

— Думбровски, не сметь!

«Бык» замер в нерешительности.

— Чего не сметь?

— Ничего не сметь! Сюда уже едут из ФБР — вы влипли по самые уши. Так что не усугубляйте.

Пит указал на громил; Кларенс сидел на одном, приставив к спине второго острую «пику» топорика.

— Эти петушки уже свое откукарекали. А в городе все рушится. Если поторопитесь, пожалуй, успеете еще удрать в Мексику.

Думбровски с сомнением поглядел на него.

— Умник...

— Спроси их. Они скажут.

Один из громил поднял голову.

— Нам угрожали,— объявил он.— Заберите их, лейтенант. Убить грозились.

— Вперед,— дружелюбно сказал Пит.— Забирай нас — всех вместе. Все равно не успеешь отмазать этих двух, прежде чем люди из ФБР их допросят. Может, удастся апелляцию подать.

— Пора? — спросил Кларенс.

Думбровски повернулся к нему.

— А ну брось топор!

— Делай, как сказано, Кларенс. И приготовь камеру — надо приезд «джи-менов» заснять.

— Врешь, не вызывал ты никаких «джи-менов».

— А ты обернись!

К обочине подкатил темноголубой седан; из него выскочили четыре сухощавых, подвижных человека.

— Кто из вас Питер Перкинс? — спросил первый.

— Я,— ответил Пит.— Не возражаете, если я вас расцелую?

Давно стемнело, но на стоянке было людно и шумно. С одной стороны возвышалась трибуна для нового мэра и прочих почетных гостей, напротив эстрада для оркестра. А посредине был растянут большой, подсвеченный транспарант: «ДОМ КЫСКИ — ПОЧЕТНОЙ ГРАЖДАНКИ НАШЕГО ПРЕКРАСНОГО ГОРОДА».

Посреди огороженного круга Кыска собственной персоной скакала, крутилась, раскачивалась и приплясывала. Пит стоял на краю круга, напротив Папаши, а через каждые четыре фута по кругу были расставлены дети.

— Все собрались? — крикнул Пит.

— Все,— ответил Папаша.

И тут Пит, Папаша и все ребятишки запустили в круг по ленточке серпантина. Кыска подхватила их и тут же намотала на себя.

— Конфетти! — скомандовал Пит.

Каждый из детишек бросил в круг по полному пакету, на землю просыпалось совсем чуть-чуть.

— Шарики! — крикнул Пит.— Огни!

Ребята принялись надувать шарики — у каждого имелась дюжина, разных цветов. Едва шарик был готов, он тут же отправлялся к Кыске. Пришла очередь прожекторов и «пистолетов». Кыска превратилась в настоящий фонтан кипящих, бурлящих красок в несколько этажей высотою.

— Пора? — спросил Кларенс.

— Пора!

И ПОСТРОИЛ ОН СЕБЕ СКРЮЧЕННЫЙ ДОМИШКО

Американцев во всем мире считают сумасшедшими. Они обычно признают, что такое утверждение в основном справедливо, и как на источник заразы указывают на Калифорнию. Калифорнийцы упорно заявляют, что их плохая репутация ведет начало исключительно от поведения обитателей округа Лос-Анджелес. А те, если на них наседают, соглашаются с обвинением, но спешат пояснить: все дело в Голливуде. Мы тут ни при чем. Мы его не строили. Голливуд просто вырос на чистом месте.

Голливудцы не обижаются. Напротив, такая слава им по душе. Если вам интересно, они повезут вас в Лорел-каньон, где расселились все их буйнопомешанные. Каньонисты — мужчины в трусах и коричневоногие женщины, все время занятые постройкой и перестройкой своих сногсшибательных, но неоконченных особняков,— не без презрения смотрят на туповатых граждан, сидящих в обыкновенных квартирах, и

© Д. Горфинкель, перевод

лелеют в душе тайную мысль, что они — и только они! — знают, как надо жить.

Улица Лукаут Маунтейн — название ущелья, которое ответвляется от Лорел-каньона. На Лукаут Маунтейн жил дипломированный архитектор Квинтус Тил.

Архитектура южной Калифорнии разнообразна. Горячие сосиски продают в сооружении, изображающем фигуру щенка, и под таким же названием. Для продажи мороженого в конических стаканчиках построен гигантский, оштукатуренный под цвет мороженого стакан, а неоновая реклама павильонов, похожих на консервные банки, взывает с крыш: «Покупайте консервированный перец». Бензин, масло и бесплатные карты дорог вы можете получить под крыльями трехмоторных пассажирских самолетов. В самих же крыльях находятся описанные в проспектах комнаты отдыха. Чтобы вас развлечь, туда каждый час врываются посторонние лица и проверяют, все ли там в порядке. Эти выдумки могут поразить или позабавить туриста, но местные жители, разгуливающие с непокрытой головой под знаменитым полуденным солнцем Калифорнии, принимают подобные странности как нечто вполне естественное. Квинтус Тил находил усилия своих коллег в области архитектуры робкими, неумелыми и худосочными.

— Что такое дом? — спросил Тил своего друга Гомера Бейли.

— Гм!.. В широком смысле,— осторожно начал Бейли,— я всегда смотрел на дом как на устройство, защищающее от дождя.

— Вздор! Ты, я вижу, не умнее других.

— Я не говорил, что мое определение исчерпывающее.

— Исчерпывающее! Оно даже не дает правильного направления. Если принять эту точку зрения, мы с таким же успехом могли бы сидеть на корточках в пещере. Но я тебя не виню,— великодушно продолжал Тил.— Ты не хуже фанфаронов, подвизающихся у нас в архитектуре. Даже модернисты — что они сделали? Сменили стиль свадебного торта на стиль бензозаправочной станции, убрали позолоту и наляпали хрома, а в

душе остались такими же консерваторами, как, скажем, наши судьи. Нейтра, Шиндлер? Чего эти болваны добились? Фрэнк Ллойд Райт? Достиг он чего-то такого, что было бы недоступно мне?

— Заказов,— лаконично ответил друг.

— А? Что ты сказал? — Тил на минуту потерял нить своей мысли, но быстро оправился.— Заказов! Верно. А почему? Потому что я не смотрю на дом как на усовершенствованную пещеру. Я вижу в нем машину для житья, нечто находящееся в постоянном движении, живое и динамичное, меняющееся в зависимости от настроения обитателей, а не застывший гигантский гроб. Почему мы должны быть скованы застывшими представлениями предков? Любой дурак, понюхавший начертательной геометрии, сможет спроектировать обыкновенный дом. Разве статичная геометрия Евклида — единственная геометрия? Разве можем мы полностью игнорировать теорию Пикаро—Вессио? А как насчет модульных систем? Я не говорю уж о плодотворных идеях стереохимии. Есть или нет в архитектуре места для трансформации, для гомоморфологии, для активных конструкций?

— Провалиться мне, если я знаю,— ответил Бейли.— Я в этом понимаю не больше, чем в четвертом измерении.

— Так что ж? Разве мы должны ограничивать свое творчество... Послушай! — Он осекся и уставился в пространство.

— Гомер, мне кажется, ты высказал здравую мысль. В конце концов, почему не попробовать? Подумай о бесконечных возможностях сочленений и взаимосвязи в четырех измерениях. Какой дом, какой дом!..

Он стоял не шевелясь, и его бесцветные глаза навыкате задумчиво моргали. Бейли протянул руку и потряс его за локоть.

— Проснись! Что ты там плетешь про четвертое измерение? Четвертое измерение — это время. И в него нельзя забивать гвозди.

Тил стряхнул с себя руку Бейли.

— Верно, верно! Четвертое измерение — время. Но я думаю о четвертом пространственном измерении, таком же, как

длина, ширина и высота! Для экономии материалов и удобства расположения комнат нельзя придумать ничего лучше. Не говоря уже об экономии площади участка. Ты можешь поставить восьмикомнатный дом на участке, теперь занимаемом домом в одну комнату. Как тессеракт...

— Что еще за тессеракт?

— Ты что, не учился в школе? Тессеракт — это гиперкуб, прямоугольное тело, имеющее четыре измерения, подобно тому как куб имеет три, а квадрат — два. Сейчас я тебе покажу.

Они сидели в квартире Тила. Он бросился на кухню, возвратился с коробкой зубочисток и высыпал их на стол, небрежно отодвинув в сторону рюмки и почти пустую бутылку джина.

— Мне нужен пластилин. У меня было тут немного на прошлой неделе.— Он извлек комок жирной глины из ящика до предела заставленного письменного стола, который красовался в углу столовой.— Ну, вот!

— Что ты собираешься делать?

— Сейчас покажу.

Тил проворно отщипнул несколько кусочков пластилина и скатал их в шарики величиной с горошину. Затем он воткнул зубочистки в четыре шарика и слепил их в квадрат.

— Вот видишь: это квадрат.

— Несомненно.

— Изготовим второй такой же квадрат, затем пустим в дело еще четыре зубочистки, и у нас будет куб.

Зубочистки образовали теперь скелет куба, углы которого были укреплены комочками пластилина.

— Теперь мы сделаем еще один куб, точно такой же, как первый. Оба они составят две стороны тессеракта.

Бейли принялся помогать, скатывая шарики для второго куба. Но его отвлекло приятное ощущение податливой глины в руках, и он начал что-то лепить из нее.

— Посмотри,— сказал он и высоко поднял крошечную фигурку.

— Цыганочка Роза Ли.

— Она больше похожа на Гаргантюа. Роза может привлечь тебя к ответственности. Ну, теперь смотри внимательнее. Ты разъединяешь три зубочистки там, где они образуют угол, и, вставив между ними угол другого куба, снова слепляешь их пластилином. Затем берешь еще восемь зубочисток, соединяешь дно первого куба с дном второго наискось, а верхушку первого куба с верхушкой второго точно таким же образом.

Он проделал это очень быстро, пока давал пояснения.

— Что же это собой представляет? — опасливо спросил Бейли.

— Это тессеракт. Его восемь кубов образуют стороны гиперкуба в четырех измерениях.

— А по-моему, это больше похоже на кошачью колыбельку — знаешь игру с веревочкой, надетой на пальцы? Кстати, у тебя только два куба. Где же еще шесть?

— Дополни остальные воображением. Рассмотри верх первого куба в его соотношении с верхом второго. Это будет куб номер три. Затем — два нижних квадрата, далее — передние грани каждого куба, их задние грани, правые и левые — восемь кубов.

Он указал пальцем на каждый из них.

— Ага, вижу! Но это вовсе не кубы. Это, как их, черт... призмы: они не прямоугольные, у них стенки скошены.

— Ты просто их так видишь — в перспективе. Если ты рисуешь на бумаге куб, разве его боковые стороны не выходят косыми? Это перспектива. Если ты смотришь на четырехмерную фигуру из трехмерного пространства, конечно, она кажется тебе перекошенной. Но, как бы то ни было, все равно это кубы.

— Может, для тебя, дружище, но для меня они все перекошены.

Тил пропустил его возражение мимо ушей.

— Теперь считай, что это каркас восьмикомнатного дома. Нижний этаж занят одним большим помещением. Оно будет отведено для хозяйственных нужд и гаража. Во втором этаже

с ним соединены гостиная, столовая, ванная, спальни и так далее. А наверху, с окнами на все четыре стороны, твой кабинет. Ну, как тебе нравится?

— Мне кажется, что ванная у тебя подвешена к потолку гостиной. Вообще эти комнаты перепутаны, как щупальца осьминога.

— Только в перспективе, только в перспективе! Подожди, я сделаю это по-другому, чтобы тебе было понятнее.

На этот раз Тил соорудил из зубочисток один куб, затем второй — из половинок зубочисток и расположил его точно в центре первого, соединив углы малого куба с углами большого опять-таки посредством коротких кусочков зубочисток.

— Вот слушай! Большой куб — это нижний этаж, малый куб внутри — твой кабинет в верхнем этаже. Примыкающие к ним шесть кубов — жилые комнаты. Понятно?

Бейли долго присматривался к новой фигуре, потом покачал головой.

— Я по-прежнему вижу только два куба: большой и маленький внутри его. А остальные шесть штук в этот раз похожи уже не на призмы, а на пирамиды. Но это вовсе не кубы.

— Конечно, конечно, ты же видишь их в иной перспективе! Неужели тебе не ясно?

— Что ж, может быть. Но вот та комната, что внутри, вся окружена этими... как их... А ты как будто говорил, что у нее окна на все четыре стороны.

— Так оно и есть: это только кажется, будто она окружена. Тессерактовый дом тем и замечателен, что каждая комната ничем не заслонена, хотя каждая стена служит для двух комнат, а восьмикомнатный дом требует фундамента лишь для одной комнаты. Это революция в строительстве.

— Мягко сказано! Ты, милый мой, спятил. Такого дома тебе не построить. Комната, что внутри, там и останется.

Тил посмотрел на друга, едва сдерживаясь.

— Из-за таких субъектов, как ты, архитектура не может выйти из пеленок. Сколько квадратных сторон у куба?

— Шесть.

— Сколько из них внутри?

— Да ни одной. Все они снаружи.

— Отлично! Теперь слушай: у тессеракта восемь кубических сторон, и все они снаружи. Следи, пожалуйста, за мной. Я разверну этот тессеракт, как ты мог бы развернуть кубическую картонную коробку, он станет плоским, и ты сможешь увидеть сразу все восемь кубов.

Работая с чрезвычайной быстротой, он изготовил четыре куба и нагромоздил их один на другой в виде малоустойчивой башни. Затем слепил еще четыре куба и соединил их с внешними плоскостями второго снизу куба. Постройка немного закачалась, так как комочки глины слабо скрепляли ее, но устояла. Восемь кубов образовали перевернутый крест, поскольку четыре куба выступали в четырех направлениях.

— Теперь ты видишь? В основании — комната первого этажа, следующие шесть кубов — жилые комнаты, и на самом верху — твой кабинет.

Эту фигуру Бейли рассматривал более снисходительно.

— Теперь я, кажется, понимаю. Ты говоришь, это тоже тессеракт?

— Тессеракт, развернутый в три измерения. Чтобы снова свернуть его, воткни верхний куб в нижний, сложи боковые кубы так, чтобы они сошлись с верхним, и готово дело! Складывать их ты, конечно, должен через четвертое измерение. Не деформируй ни одного куба и не складывай их один в другой.

Бейли продолжал изучать шаткий каркас.

— Послушай,— сказал он наконец,— почему бы тебе не отказаться от складывания этого курятника через четвертое измерение — все равно это невозможно! — и не построить взамен дом такого вида?

— Что ты болтаешь? Почему невозможно? Это простая математическая задача...

— Легче, легче, братец! Пусть я невежда в математике, но я знаю, что строители твоих планов не одобрят. Никакого четвертого измерения нет. Забудь о нем! А так распланированный дом может иметь свои преимущества.

Остановленный на всем скаку Тил стал разглядывать модель.

— Гм... Может быть, ты в чем-то и прав! Мы могли бы получить столько же комнат и сэкономить столько же на площади участка. Кроме того, мы могли бы ориентировать средний крестообразный этаж на северо-восток, юго-восток и так далее. Тогда все комнаты получат свою долю солнечного света. Вертикальная ось очень удобна для прокладки системы центрального отопления. Пусть столовая у нас выходит на северо-восток, а кухня — на юго-восток. Во всех комнатах будут панорамные окна. Прекрасно. Гомер, я берусь! Где ты хочешь строиться?

— Минутку, минутку! Я не говорил, что строить для меня будешь ты...

— Конечно, я! А кто же еще? Твоя жена хочет новый дом. Этим все сказано.

— Но миссис Бейли хочет дом в английском стиле восемнадцатого века.

— Взбредет же такое в голову! Женщины никогда не знают, чего хотят.

— Миссис Бейли знает.

— Какой-то допотопный архитектуришка внушил ей эту глупость. Она ездит в машине последнего выпуска, ведь так? Одевается по последней моде. Зачем же ей жить в доме восемнадцатого века? Мой дом будет даже не последнего, а завтрашнего выпуска — это дом будущего. О нем заговорит весь город.

— Ладно. Я потолкую с женой.

— Ничего подобного! Мы устроим ей сюрприз... Налей-ка еще стаканчик!

— Во всяком случае, сейчас еще рано приступать к делу. Мы с женой завтра уезжаем в Бейкерсфилд. Наша фирма должна вводить в действие новые скважины.

— Вздор! Все складывается как нельзя лучше. Когда твоя жена вернется, ее будет ждать сюрприз. Выпиши мне сейчас же чек и больше ни о чем не заботься.

— Не следовало бы мне принимать решение, не посоветовавшись с женой. Ей это не понравится.

— Послушай, кто в вашей семье мужчина?

Когда во второй бутылке осталось около половины, чек был подписан.

В южной Калифорнии дела делаются быстро. Обыкновенные дома чаще всего строят за месяц. Под нетерпеливые понукания Тила тессерактовый дом что ни день головокружительно рос к небу, и его крестообразный второй этаж выпирал во все четыре стороны света. У Тила вначале были неприятности с инспекторами по поводу этих четырех выступающих комнат, но, пустив в дело прочные балки и гибкие банкноты, он убедил кого следовало в добротности сооружения.

Наутро после возвращения супругов Бейли в город Тил, как было условлено, подъехал к их дому. Он сымпровизировал бравурную мелодию на своем двухголосом рожке. Голова Бейли высунулась из-за двери.

— Почему ты не звонишь?

— Слишком долгая канитель,— весело ответил Тил.— Я человек действия. Миссис Бейли готова?.. А, вот и миссис Бейли! С приездом, с приездом! Прошу в машину! У нас сюрприз для вас!

— Ты знаешь Тила, моя дорогая! — неуверенно вставил Бейли.

Миссис Бейли фыркнула.

— Слишком хорошо знаю! Поедем в нашей машине, Гомер.

— Пожалуйста, дорогая.

— Отличная мысль,— согласился Тил.— Ваша машина более мощная. Мы доедем скорее. За руль лучше сесть мне: я знаю дорогу.

Он взял у Бейли ключ, взобрался на сиденье водителя и запустил двигатель, прежде чем миссис Бейли успела прийти в себя.

— Не беспокойтесь, править я умею! — заверил он женщину, поворачиваясь к ней и одновременно включая первую

скорость. Свернув на бульвар Сансет, он продолжал: — Энергия и власть над нею, динамический процесс — это как раз моя стихия. У меня еще не было серьезной аварии.

— Первая будет и последней,— ядовито заметила миссис Бейли.— Прошу вас, смотрите вперед и следите за уличным движением.

Он попытался объяснить ей, что безопасность езды зависит не от зрения, а от интуитивной интеграции траекторий, скоростей и вероятностей, но Бейли остановил его:

— Где же дом, Квинтус?

— Дом? — подозрительно переспросила миссис Бейли.— О каком доме идет речь, Бейли? Ты что-то затеял, не сказав мне?

Тут Тил выступил в роли тонкого дипломата.

— Это действительно дом, миссис Бейли, и какой дом! Сюрприз вам от преданного мужа. Да. Сами увидите!

— Увижу! — мрачно подтвердила миссис Бейли.— В каком он стиле?

— Этот дом утверждает новый стиль. Он новее телевидения, новее завтрашнего дня. Его надо видеть, чтобы оценить. Кстати,— быстро продолжал Тил, предупреждая возражения,— вы почувствовали этой ночью толчки?

— Толчки? Какие толчки? Гомер, разве было землетрясение?

— Очень слабое,— тараторил Тил,— около двух часов ночи. Если бы я спал, то ничего бы не заметил.

Миссис Бейли содрогнулась.

— Ах эта злосчастная Калифорния! Ты слышишь, Гомер? Мы могли погибнуть в кроватях и даже не заметить этого. Зачем я поддалась твоим уговорам и уехала из Айовы?

— Что ты, дорогая! — уныло запротестовал супруг.— Ведь это ты хотела переехать в Калифорнию. Тебе не нравилось в Де-Мойне.

— Пожалуйста, не спорь! — решительно заявила миссис Бейли.— Ты мужчина, ты должен предвидеть такие вещи. Подумать только: землетрясение!

— Как раз этого, миссис Бейли, вам не надо бояться в новом доме,— вмешался Тил.— Сейсмически он абсолютно устойчив. Каждая его часть находится в точном динамическом равновесии с любой из остальных.

— Надеюсь! А где ж этот дом?

— Сразу за поворотом. Вот уже виден плакат.

Он показал на дорожный знак в виде большущей стрелы, какими любят пользоваться торговцы земельными участками. Буквы, слишком крупные и яркие даже для южной Калифорнии, складывались в слова:

ДОМ БУДУЩЕГО

Колоссально — Изумительно — Революция в зодчестве.

Посмотрите, как будут жить ваши внуки!

Архитектор К. ТИЛ

— Конечно, это уберут, как только вы вступите во владение,— поспешно сказал Тил, заметив гримасу на лице миссис Бейли.

Он обогнул угол и под визг тормозов остановил машину перед Домом Будущего.

— Ну, вот!

Тил впился взором в супругов, ожидая, какова будет их реакция.

Бейли недоверчиво таращил глаза, миссис Бейли смотрела с явным неодобрением.

Перед ними был обыкновенный кубический массив с дверями и окнами, но без каких-либо иных архитектурных деталей, если не считать украшением множество непонятных математических знаков.

— Слушай,— медленно произнес Бейли,— что ты тут нагородил?

Архитектор перевел взгляд на дом. Исчезла сумасшедшая башня с выступающими комнатами второго этажа. Ни следа не осталось от семи комнат над нижним этажом. Не осталось ничего, кроме единственной комнаты, опирающейся на фундамент.

— Мама родная! — завопил Тил.— Меня ограбили!

Он бросился к дому и обежал его кругом.

Но это не помогло. И спереди и сзади у сооружения был тот же вид. Семь комнат исчезли, словно их и не было.

Бейли подошел и взял Тила за рукав.

— *Объясни! О каком грабеже ты говоришь? С чего тебе* пришло в голову построить этот ящик? Ведь мы договорились совсем о другом!

— Но я тут ни при чем! Я построил в точности то, что мы с тобой наметили: восьмикомнатный дом в виде развернутого тессеракта. Это саботаж! Происки завистников! Другие архитекторы города не хотели, чтобы я довел дело до конца. Они знали, что после этого вылетят в трубу.

— Когда ты был здесь в последний раз?

— Вчера во второй половине дня.

— И все было в порядке?

— Да. Садовники заканчивали работу.

Бейли огляделся. Кругом — безукоризненный, вылизанный ландшафт.

— Я не представляю себе, как стены и прочие части семи комнат можно было разобрать и увезти отсюда за одну ночь, не разрушив сада.

Тил тоже огляделся.

— Да, непохоже. Ничего не понимаю!

К ним подошла миссис Бейли.

— Ну что? Долго я буду сама себя занимать? Раз мы здесь, давайте все осмотрим. Но предупреждаю тебя, Гомер, мне этот дом не нравится.

— Что ж, осмотрим,— согласился Тил. Он достал из кармана ключ и отпер входную дверь.— Может быть, мы обнаружим какие-нибудь улики.

Вестибюль оказался в полном порядке, скользящие перегородки, отделявшие его от гаража, были отодвинуты, что давало возможность обозреть все помещение.

— Здесь, кажется, все благополучно,— заметил Бейли.— Давайте поднимемся на крышу и попробуем сообразить, что произошло. Где лестница? Ее тоже украли?

— Нет, нет! — отверг это предположение Тил.— Смотрите.

Он нажал кнопку под выключателем. В потолке откинулась панель, и вниз бесшумно спустилась легкая, изящная лестница. Ее несущие части были из матового серебристого дюралюминия, ступеньки — из прозрачной пластмассы.

Тил вертелся, как мальчишка, успешно показавший карточный фокус. Миссис Бейли заметно оттаяла.

Лестница была очень красива.

— Неплохо! — одобрил Бейли.— А все-таки эта лестница как будто никуда не ведет.

— Ах, ты об этом...— Тил проследил за его взглядом.— Когда вы поднимаетесь на верхние ступеньки, откидывается еще одна панель. Открытые лестничные колодцы — анахронизм. Пойдем!

Как он и предсказал, во время их подъема крышка лестницы открылась, и они ступили — но не на крышу единственной уцелевшей комнаты, как ожидали, нет, они оказались в центральной из пяти комнат, составляющих второй этаж задуманного Тилом дома,— в холле.

Впервые за все время у Тила не нашлось слов. Бейли тоже молчал и только жевал сигару. Все было в полном порядке. Перед ними сквозь открытую дверь и полупрозрачную перегородку виднелась кухня, мечта повара, доведенное до совершенства произведение инженерного искусства. Большой кухонный стол, скрытое освещение, целесообразная расстановка всевозможных приспособлений. Налево гостей ожидала немного чопорная, но уютная и приветливая столовая. Мебель была расставлена, как по шнуру.

Тил, даже не повернув головы, уже знал, что гостиная и бар тоже заявят о своем вполне материальном, хотя и невозможном существовании.

— Да, нужно признать, это чудесно,— одобрила миссис Бейли.— Для кухни я прямо не нахожу слов. А ведь по наружному виду дома я ни за что не догадалась бы, что наверху окажется столько места. Конечно, придется внести кое-какие из-

менения. Например, вот этот секретер. Что, если мы переставим его сюда, а диванчик туда?..

— Помолчи, Матильда,— бесцеремонно прервал ее Бейли.— Как ты это объяснишь, Тил?

— Ну, знаешь, Гомер! Как можно...— не унималась миссис Бейли.

— Я сказал — помолчи! Ну, Тил?

Архитектор переминался с ноги на ногу.

— Боюсь что-либо сказать. Давайте поднимемся выше.

— Как?

— А вот так.

Он нажал еще одну кнопку. Копия, только в более темных тонах, того волшебного мостика, что уже помог им подняться, открыла доступ к следующему этажу. Они взошли и по этой лестнице — миссис Бейли замыкала шествие, без устали что-то доказывая,— и оказались в главной спальне, предназначенной для хозяев дома. Шторы здесь были опущены, как и внизу, но мягкое освещение включилось автоматически. Тил снова нажал кнопку, управлявшую движением еще одной выдвижной лестницы, и они быстро поднялись в кабинет, помещавшийся в верхнем этаже.

— Послушай, Тил,— предложил Бейли, когда немного пришел в себя,— нельзя ли нам подняться на крышу над этой комнатой? Оттуда мы могли бы полюбоваться окрестностями.

— Конечно. Там устроена площадка для обзора.

Они поднялись по четвертой лестнице, но, когда находившаяся вверху крышка повернулась, чтобы пустить их наверх, они очутились не на крыше, а в комнате нижнего этажа, через которую вначале вошли в дом.

Лицо мистера Бейли приняло серый оттенок.

— Силы небесные! — воскликнул он.— Здесь колдуют духи. Прочь отсюда!

Схватив в охапку жену, он распахнул входную дверь и нырнул в нее.

Тил был слишком погружен в свои мысли, чтобы обратить внимание на их уход. Все это должно было иметь какое-то

объяснение, и Тил заранее не верил в него. Но тут ему пришлось отвлечься от своих размышлений, так как где-то наверху раздались хриплые крики. Он спустил лестницу и взбежал наверх. В холле он обнаружил Бейли, склонившегося над женой, которая упала в обморок. Тил не растерялся, подошел к встроенному шкафчику с напитками в баре, налил рюмку коньяку и подал ее Бейли.

— Дай ей выпить. Она сразу придет в себя.

Бейли выпил коньяк.

— Я налил для миссис Бейли.

— Не придирайся,— огрызнулся Бейли.— Дай ей другую рюмку.

Тил из осторожности сначала выпил сам и лишь после этого вернулся с порцией, отмеренной для жены его клиента. Она как раз в эту минуту открыла глаза.

— Выпейте, миссис Бейли,— успокаивающе сказал он.— Вы почувствуете себя лучше.

— Я никогда не пью спиртного,— запротестовала она и разом осушила рюмку.

— Теперь скажите мне, что случилось,— попросил Тил.— Я думал, что вы с мужем ушли.

— Мы и ушли: вышли из двери и очутились в передней, на втором этаже.

— Что за вздор! Гм... подождите минутку!

Тил вышел в бар. Он увидел, что большое окно в конце комнаты открыто, и осторожно выглянул из него. Глазам его открылся не калифорнийский ландшафт, а комната нижнего этажа — или, точнее, ее повторение. Тил ничего не сказал, а возвратился к лестнице и заглянул вниз, в пролет. Вестибюль все еще был на месте. Итак, он умудрился быть одновременно в двух разных местах, на двух разных уровнях.

Тил вернулся в холл, сел напротив Бейли в глубокое низкое кресло и, подтянув вверх костлявые колени, пытливо посмотрел на приятеля.

— Гомер,— сказал он,— ты знаешь, что произошло?

— Нет, не знаю. Но, если не узнаю в самое ближайшее время, тебе несдобровать!

— Гомер, это подтверждает мою теорию: дом — настоящий тессеракт.

— О чем он болтает, Гомер?

— Подожди, Матильда!.. Но ведь это смешно, Тил. Ты придумал какое-то озорство и до смерти напугал миссис Бейли. Я тоже разнервничался и хочу одного — выбраться отсюда, чтобы не видеть больше твоих проваливающихся крышек и других глупостей.

— Говори за себя, Гомер,— вмешалась миссис Бейли.— Я нисколько не испугалась. Просто на минуту в глазах потемнело. Теперь уже все прошло. Это — сердце. В моей семье у всех сложение деликатное и нервы чувствительные. Так что же с этим тессе... или как там его? Объясните, мистер Тил. Ну же!

Несмотря на то, что супруги непрестанно перебивали его, он кое-как изложил теорию, которой следовал, когда строил дом.

— Я думаю, дело вот в чем, миссис Бейли,— продолжал он.— Дом, совершенно устойчивый в трех измерениях, оказался неустойчивым в четвертом. Я построил дом в виде развернутого тессеракта. Но случилось что-то — толчок или боковое давление,— и он сложился в свою нормальную форму, да, сложился,— внезапно Тил щелкнул пальцами.— Понял! Землетрясение!

— Земле-трясе-ние?

— Да, да! Тот слабый толчок, который был ночью. С точки зрения четвертого измерения этот дом можно уподобить плоскости, поставленной на ребро. Маленький толчок, и он падает, складываясь по своим естественным сочленениям в устойчивую трехмерную фигуру.

— Помнится, ты хвастал, как надежен этот дом.

— Он и надежен — в трех измерениях.

— Я не считаю надежным дом, который рушится от самого слабого подземного толчка.

— Но погляди же вокруг! — возмутился Тил.— Ничто не сдвинулось с места, все стекло цело. Вращение через четвертое измерение не может повредить трехмерной фигуре, как ты не можешь стряхнуть буквы с печатной страницы. Если бы ты прошлой ночью спал здесь, ты бы не проснулся.

— Вот этого я и боюсь. Кстати, предусмотрел ли твой великий гений, как нам выбраться из этой дурацкой ловушки?

— А? Да, да! Ты и миссис Бейли хотели выйти и очутились здесь? Но я уверен, что это несерьезно. Раз мы вошли, значит, сможем и выйти. Я попробую...

Архитектор вскочил и побежал вниз, даже не договорив. Он распахнул входную дверь, шагнул в нее, и вот он уже смотрит на своих спутников с другого конца холла.

— Тут и вправду какое-то небольшое осложнение,— признал он.— Чисто технический вопрос. Между прочим, мы всегда можем выйти через стеклянные двери.

Он отдернул в сторону длинные гардины, скрывавшие стеклянные двери в стене бара. И замер на месте.

— Гм! — произнес он.— Интересно! Оч-чень интересно!

— В чем дело? — поинтересовался Бейли, подходя к нему.

— А вот...

Дверь открывалась прямо в столовую, а вовсе не наружу. Бейли попятился в дальний угол, где бар и столовая примыкали к холлу перпендикулярно друг другу.

— Но этого же не может быть,— прошептал он.— От этой двери до столовой шагов пятнадцать.

— Не в тессеракте,— поправил его Тил.— Смотри!

Он открыл стеклянную дверь и шагнул в нее, глядя через плечо и продолжая что-то говорить.

С точки зрения супругов Бейли, он просто ушел.

Но это только с точки зрения супругов Бейли. У самого Тила захватило дух, когда он прямо-таки врос в розовый куст под окнами. Осторожно выбравшись из него, он решил, что впредь при разбивке сада будет избегать растений с шипами.

Он стоял снаружи. Рядом с ним высился тяжеловесный массив дома. Очевидно, Тил упал с крыши.

Он забежал за угол, распахнул входную дверь и бросился по лестнице наверх.

— Гомер! — кричал он.— Миссис Бейли! Я нашел выход.

Увидев его, Бейли скорее рассердился, чем обрадовался.

— Что с тобой случилось?

— Я выпал. Я был снаружи дома. Вы можете проделать это так же легко: просто пройдите в эту стеклянную дверь. Но там растет розовый куст — остерегайтесь его. Может быть, придется построить еще одну лестницу.

— А как ты потом попал в дом?

— Через входную дверь.

— Тогда мы через нее и выйдем. Идем, дорогая!

Бейли решительно напялил шляпу и спустился по лестнице, ведя под руку жену.

Тил встретил их... в баре.

— Я мог бы предсказать, что у вас так ничего не получится! — объявил он.— Насколько я понимаю, как только трехмерный человек пересечет какую-либо линию раздела в четырехмерной фигуре, например стену или порог, он имеет две возможности. Обычно он поворачивает под прямым углом через четвертое измерение, но сам при своей трехмерной сущности этого не чувствует. Вот, посмотрите!

Он шагнул в ту дверь, через которую минутой раньше выпал. Шагнул и очутился в столовой, где продолжал свои объяснения:

— Я следил за тем, куда я иду, и попал, куда хотел.— Он перешел обратно в холл.— В прошлый раз я не следил, двигался в трехмерном пространстве и выпал из дома. Очевидно, это вопрос подсознательной ориентации.

— Когда я выхожу за утренней газетой, я не хочу зависеть от подсознательной ориентации,— заметил Бейли.

— Тебе и не придется. Это станет автоматической привычкой. Теперь — как выйти из дома? Я попрошу вас, миссис Бейли, стать спиной к стеклянной двери. Если вы теперь прыгнете назад, я вполне уверен, что вы очутитесь в саду.

Лицо миссис Бейли красноречиво отразило ее мнение о Тиле и его предложении.

— Гомер Бейли,— пронзительным голосом позвала она,— ты, кажется, собираешься стоять здесь и слушать, как мне предлагают...

— Что вы, миссис Бейли,— попытался успокоить ее Тил,— мы можем обвязать вас веревкой и спустить самым...

— Выкинь это из головы, Тил,— оборвал его Бейли.— Надо найти другой способ. Ни миссис Бейли, ни я не можем прыгать.

Тил растерялся. Возникла недолгая пауза.

Бейли прервал ее:

— Тил, ты слышишь?

— Что слышу?

— Чьи-то голоса. Не думаешь ли ты, что в доме есть еще кто-то и что он морочит нам головы?

— Едва ли: единственный ключ у меня.

— Но это так,— подтвердила миссис Бейли.— Я слышу голоса с тех пор, как мы пришли сюда. Гомер, я больше не выдержу, сделай что-нибудь!

— Спокойнее, спокойнее, миссис Бейли! — пытался уговорить ее Тил.— Не волнуйтесь. В доме никого не может быть, но я все осмотрю, чтобы у вас не оставалось сомнений. Гомер, побудь здесь с миссис Бейли и последи за комнатами этого этажа.

Он вышел из бара в вестибюль, а оттуда в кухню и спальню. Это прямым путем привело его обратно в бар. Другими словами, идя все время прямо, он возвратился к месту, откуда начал обход.

— Никого нет,— доложил он.— По пути я открывал все окна и двери, кроме этой.— Он подошел к стеклянной двери, расположенной напротив той, через которую недавно выпал, и отдернул гардины.

Он увидел четыре пустые комнаты, но в пятой спиной к нему стоял человек. Тил распахнул дверь и кинулся в нее, вопя:

— Ага, попался! Стой, ворюга!

Неизвестный, без сомнения, услыхал его. Он мгновенно обратился в бегство. Приведя в дружное взаимодействие свои длиннющие конечности, Тил гнался за ним через гостиную, кухню, столовую, бар, из комнаты в комнату, но, несмотря на отчаянные усилия, ему все не удавалось сократить рас-

стояние между собой и незнакомцем. Затем преследуемый проскочил через стеклянную дверь, уронив головной убор. Добежав до этого места, Тил нагнулся и поднял шляпу, радуясь случаю остановиться и перевести дух. Он опять находился в баре.

— Негодяй, кажется, удрал,— признался Тил.— Во всяком случае, у меня его шляпа. Может быть, по ней мы и опознаем этого человека.

Бейли взял шляпу, взглянул на нее, потом фыркнул и нахлобучил ее на голову Тила. Она подошла, как по мерке. Тил был ошеломлен. Он снял шляпу и осмотрел ее. На кожаной ленте внутри он увидел инициалы: «К. Т.» Это была его собственная шляпа.

По лицу Тила видно было, что он начинает что-то понимать.

Он вернулся к стеклянной двери и стал смотреть в глубь анфилады комнат, по которым преследовал таинственного незнакомца. И тут к удивлению своих спутников начал размахивать руками подобно семафору.

— Что ты делаешь? — спросил Бейли.

— Ступай сюда, и увидишь.

Супруги подошли к нему и, посмотрев в ту сторону, куда он указывал, увидели сквозь четыре комнаты спины трех фигур: двух мужских и одной женской. Более высокая и худощавая довольно глупо размахивала руками.

Миссис Бейли вскрикнула и опять упала в обморок.

Несколько минут спустя, когда она пришла в себя и немного успокоилась, Бейли и Тил подвели итоги.

— Тил,— сказал Бейли,— ругать тебя — значит зря тратить время. Взаимные обвинения бесполезны, и я уверен, что ты сам не ожидал ничего подобного. Но я думаю, ты понимаешь, в каком серьезном положении мы оказались. Как нам отсюда выбраться? Похоже, мы будем здесь торчать, пока не умрем с голоду. Каждая комната ведет в другую.

— Ну, не так все плохо. Ты знаешь, что я уже один раз выбрался.

— Да, но повторить это, несмотря на все попытки, ты не можешь!

— Ну, мы еще не испробовали всех комнат. У нас в запасе кабинет.

— Ах да, кабинет! Мы, помнится, прошли через него, но задерживаться в нем не стали. Ты хочешь сказать, что, может быть, удастся выйти через его окна?

— Не создавай себе иллюзий. Если рассуждать математически, кабинет должен выходить в четыре боковые комнаты этого этажа. Впрочем, мы еще не поднимали штор. Давайте взглянем, что за этим окном.

— Беды от этого не будет. Дорогая, мне кажется, тебе лучше остаться здесь и отдохнуть.

— Остаться одной в этом ужасном ящике? Ни за что!

Не успев договорить, миссис Бейли вскочила с кушетки, на которой восстанавливала силы.

Поднялись в верхний этаж.

— Это внутренняя комната, не так ли, Тил? — спросил Бейли, когда они прошли через хозяйскую спальню и начали взбираться в кабинет.— Я припоминаю, что на твоем чертеже он имел вид маленького куба в центре большого и был со всех сторон окружен другими помещениями

— Совершенно верно,— согласился Тил.— Что ж, посмотрим. По-моему, окно тут выходит в кухню.

Дернув за шнур, он поднял жалюзи.

Предсказание не оправдалось. Всеми овладело сильнейшее головокружение, и они попадали на пол, беспомощно цепляясь за ковер, чтобы их не унесло в Неведомое.

— Закрой, закрой! — простонал Бейли.

Преодолев первобытный атавистический страх, Тил, шатаясь, снова подошел к окну, и ему удалось опустить жалюзи. Окно смотрело вниз, а не вперед, вниз с ужасающей высоты.

Миссис Бейли опять упала в обморок.

Тил отправился за коньяком, а Бейли тем временем тер супруге запястья. Когда она очнулась, Тил осторожно подошел к окну и поднял жалюзи на одну планочку. Упершись ко-

ленями в стену, он стал вглядываться в то, что открылось его глазам. Потом обернулся к Бейли.

— Иди посмотри, Гомер. Узнаешь?

— Не ходи туда, Гомер Бейли!

— Не бойся, Матильда, я буду осторожен.

Он присоединился к архитектору и выглянул.

— Ну, видишь? Это, безусловно, небоскреб Крайслера! А там Ист-ривер и Бруклин.

Они смотрели прямо вниз с вершины необычайно высокого здания. На тысячу футов под ними расстилался игрушечный, но очень оживленный город.

— Насколько я могу сообразить, мы смотрим вниз с Эмпайр-Стейт-билдинг, с точки, находящейся над его башней,— продолжал Тил.

— Что это? Мираж?

— Не думаю. Картина слишком отчетлива. Мне кажется, пространство здесь сложено пополам через четвертое измерение, и мы смотрим вдоль складки.

— Ты хочешь сказать, что мы этого на самом деле не видим?

— Нет, безусловно видим. Не знаю, что было бы, если бы мы вылезли из этого окна. Что до меня, то мне пробовать неохота. Но какой вид! Ах, друзья мои, какой вид! Попробуем другие окна.

К следующему окну они приблизились более осторожно. И не напрасно: им представилась картина еще более удивительная, еще более потрясающая разум, чем вид с опасной высоты небоскреба. Перед ними был обыкновенный морской пейзаж, открытый океан и синее небо, но только океан был там, где полагалось быть небу, а небо — на месте океана. На этот раз они уже несколько подготовились к неожиданностям, но при виде волн, катящихся над головами, их начала одолевать морская болезнь. Мужчины поспешили опустить жалюзи, прежде чем зрелище успело окончательно выбить из колеи и без того взволнованную миссис Бейли.

Тил покосился на третье окно.

— Попробуем, что ли, Гомер?

— Гм... Да... Гм!.. Если мы не попробуем, у нас останется неприятный осадок. Но ты полегче!..

Тил поднял жалюзи на несколько дюймов. Он не увидел ничего, поднял еще немного — по-прежнему ничего. Он медленно поднял жалюзи до отказа. Супруги Бейли и Тил видели перед собой... ничто.

Ничто, отсутствие чего бы то ни было. Какого цвета ничто? Не дурите! Какой оно формы? Форма — атрибут чего-то. Это ничто не имело ни глубины, ни формы. Оно не было даже черным. Просто — ничто.

Бейли жевал сигару.

— Тил, что ты об этом думаешь?

Безмятежность Тила была поколеблена.

— Не знаю, Гомер, право, не знаю... Но считаю, что это окно надо заделать.— Он минуту глядел на опущенное жалюзи.— Я думаю... Может быть, мы смотрели в такое место, где вовсе нет пространства. Мы заглянули за четырехмерный угол, и там не оказалось ничего.— Он потер глаза.— У меня разболелась голова.

Они помедлили, прежде чем приступить к четвертому окну. Подобно невскрытому письму, оно могло и не содержать дурных вестей. Сомнение оставляло надежду. Наконец неизвестность стала невыносимой, и Бейли, несмотря на протесты жены, сам потянул за шнур.

То, что они увидели, было не так страшно. Ландшафт уходил от них вдаль, с подъемом в правую сторону. В общем, местность лежала на таком уровне, что кабинет казался комнатой первого этажа. И все же картина была неприветливая.

Знойное солнце хлестало лучами землю с лимонно-желтого неба. Выгоревшая до бурого цвета равнина казалась бесплодной и неспособной поддерживать жизнь. Но жизнь здесь все же была. Странные увечные деревья тянули к небу узловатые искривленные ветви. Маленькие пучки колючих листьев окаймляли эту уродливую поросль.

— Божественный день! — прошептал Бейли.— Но где это?

Тил покачал головой, глаза его были полны смущения.

— Это выше моего понимания.

— На Земле нет ничего похожего. Скорей всего, это другая планета. Может быть, Марс.

— Бог его знает. Но может быть и хуже, Гомер! Я хочу сказать — хуже, чем другая планета!

— А? Что это значит?

— Все это может оказаться целиком вне нашего пространства. Я даже не уверен, наше ли это солнце. Что-то оно слишком яркое.

Миссис Бейли робко подошла к ним и теперь была во власти диковинного зрелища.

— Гомер,— тихо сказала она,— какие отвратительные деревья. Они пугают меня.

Он похлопал ее по руке.

Тил возился с оконным затвором.

— Что ты делаешь? — строго спросил Бейли.

— Собираюсь высунуть голову из окна. Я хочу оглядеться, и, может быть, я что-нибудь пойму тогда.

— Ну... что ж! — нехотя согласился Бейли.— Но будь осторожен.

— Хорошо.— Тил чуть приоткрыл окно и потянул носом.— По крайней мере, воздух как воздух.

Он распахнул окно, но больше ничего не успел сделать, так как внимание его было отвлечено странным явлением: все здание начало сотрясаться от мелкой дрожи, у людей такая дрожь обычно служит первым предвестником тошноты. Через две-три секунды она прекратилась.

— Землетрясение! — воскликнули все разом.

Миссис Бейли повисла на шее мужа.

Тил проглотил слюну. Он быстро оправился от испуга.

— Ничего худого не случится, миссис Бейли! Дом совершенно надежен. После толчка, который был ночью, можно, знаете ли, ожидать усадочных колебаний.

Не успел он придать лицу беспечное выражение, как толчок повторился. Но теперь это была не слабая дрожь, а настоящая морская качка.

В каждом калифорнийце, будь он местный житель или приезжий, глубоко сидит автоматический рефлекс: стоит начаться землетрясению, как он мгновенно бросается из закрытого помещения на воздух. Самые примерные бойскауты, повинуясь этому рефлексу, отпихивают в сторону престарелых бабушек. Однако Тил и Бейли упали на спину миссис Бейли. Очевидно, она первая выскочила из окна. Впрочем, это еще не доказывает рыцарского благородства ее спутников. Скорее следует предположить, что она находилась в позе, особенно удобной для прыжка. Они перевели дух, немного опомнились и очистили глаза от песка. И прежде всего они испытали радость, почувствовав под ногами плотный песок пустыни. Потом Бейли заметил нечто, заставившее их вскочить на ноги и предупредившее словесный поток, который уже готов был хлынуть из уст миссис Бейли.

— Где же дом?

Дом исчез. Не было ни малейшего признака его существования. Здесь царило полное запустение. Именно этот вид открылся им из последнего окна. Тут не было ничего, кроме увечных, искривленных деревьев, желтого неба и солнца над головой, сверкавшего невыносимым блеском.

Бейли огляделся, потом повернулся к архитектору.

— Ну, Тил?

В его голосе были зловещие нотки.

Тил безнадежно пожал плечами.

— Ничего не знаю. Не знаю даже, на Земле ли мы.

— Так или иначе, мы не можем оставаться здесь. Это верная смерть. В каком направлении нам лучше идти?

— Думаю, направление роли не играет, можно пойти в любую сторону. Будем ориентироваться по солнцу.

Они двинулись в путь и прошли не так уж много, когда миссис Бейли потребовала передышки. Остановились.

— Ну, что ты об этом думаешь? — театральным шепотом спросил у Бейли Тил.

— Ничего!.. Котелок не варит. Скажи, ты ничего не слышишь?

Тил прислушался.

— Может быть... если это не плод воображения.

— Похоже на автомобиль. Слушай, в самом деле автомобиль!

Пройдя не больше ста шагов, они очутились на шоссе. Когда автомобиль приблизился, оказалось, что это старенький тарахтящий грузовичок. Им управлял какой-то фермер. Они подняли руки, и машина, скрежеща, остановилась.

— У нас авария. Не выручите?

— Конечно. Залезайте!

— Куда вы едете?

— В Лос-Анджелес!

— В Лос-Анджелес? А где мы сейчас?

— Вы забрались в самую глубь Национального заповедника Джошуа-Три.

Обратный путь был уныл, как отступление французов из Москвы. Мистер и миссис Бейли сидели впереди, рядом с водителем, а Тил в кузове грузовичка подлетал на всех ухабах и старался как-нибудь защитить голову от солнца. Бейли попросил приветливого фермера дать крюк и подъехать к тессерактовому дому. Не то чтобы он или его жена жаждали вновь увидеть это жилище, но надо же было им забрать свою машину.

Наконец фермер свернул к тому месту, откуда начались их похождения. Но дома там не было.

Не было даже комнаты нижнего этажа. Она исчезла. Супруги Бейли, заинтересованные помимо собственной воли, побродили вокруг фундамента вместе с Тилом.

— Ну, а это ты понимаешь, Тил? — спросил Бейли.

— Несомненно, от последнего толчка дом провалился в другой сектор пространства. Теперь я вижу — надо было скрепить его анкерными связями с фундаментом.

— Тебе следовало еще многое сделать!

— В общем, я не вижу оснований для того, чтобы падать духом. Дом застрахован, а мы узнали поразительные вещи. Открываются широкие возможности, дружище, широкие

возможности. Знаешь, мне сейчас пришла в голову поистине замечательная, поистине революционная идея дома, который...

Тил вовремя пригнул голову. Он всегда был человеком действия.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ТОРГОВАЛ СЛОНАМИ

Дождь струился по окнам автобуса. Джон Уоттс сидел у окна, любуясь поросшими лесом холмами. Ему было хорошо, несмотря на плохую погоду. Когда он ехал, двигался, путешествовал, боль одиночества почти проходила. В дороге он мог закрыть глаза и представить, что Марта, как прежде, сидит рядом с ним.

Они всегда путешествовали вместе; еще медовый месяц они провели, разъезжая по территории, на которой он вел свою торговлю. Вскоре они проехали почти всю страну — Шоссе № 66, где вдоль дороги стоят индейские хижины; Шоссе № 1 — то самое, что проходит через округ Колумбия и столицу; Пенсильванскую магистраль, что стремительно пробегает сквозь множество тоннелей в горах... Он сидел за баранкой, а Марта на соседнем сиденье сверялась с дорожными картами и считала расстояние до следующей остановки.

Как-то, вспомнил он, одна из знакомых Марты спросила:

© П. Вязников, перевод.

— Но, дорогая, неужели тебе еще не надоела такая жизнь?

И он как будто снова услышал смех Марты:

— Надоела? Да ведь у меня же есть целых сорок восемь огромных и прекрасных штатов, и каждый надо посмотреть как следует; как же это может надоесть? Вдобавок каждый раз видишь что-то новое — ярмарки, выставки и все такое...

— Но когда ты видела одну ярмарку, можешь считать, что видала их все...

— Да? По-твоему, нет никакой разницы между Фиестой Санта-Барбары и Фортсвортской выставкой тучного скота? И потом,— добавила она,— мы с Джонни — провинциалы от природы; мы страсть как любим, знаешь, приехать в город и разевать рот на все эти высоченные дома, да так, чтоб веснушки во рту пошли!

— Но нельзя же так легкомысленно относиться к жизни, Марта!..— женщина повернулась к Джону.— Джон, ну а ты что скажешь? Не пора ли и вам остепениться: обзавестись, наконец, домом и постараться добиться чего-то существенного в жизни?

Как его раздражали такие умники!

— Это все— ради наших опоссумов,— с самым серьезным видом ответил он тогда.— Очень уж они любят путешествовать.

— Опо... опоссумов? Марта, о чем это он?

Марта весело покосилась на мужа, а потом ответила с каменным лицом:

— О, дорогая, извини, забыла тебе предупредить. Видишь ли, Джонни выращивает в пупке таких ма-аленьких опоссумов...

— У меня там места достаточно,— подтвердил он, похлопав себя по круглому пузу.

Это добило непрошеную советчицу. А вообще Джон так и не научился терпимо относиться к людям, которые любят давать советы «для твоей же пользы».

Однажды Марта прочла где-то, что весь помет самки опоссума — несколько новорожденных опоссумчиков — занимает чуть больше чайной ложки, причем иногда пятерым-шестерым из бедняжек даже не хватает места в материнской сумке.

Тут же они организовали Общество по спасению и взращиванию остальных шестерых маленьких опоссумов, а сам Джонни был единогласно — то есть одним голосом Марты — избран в качестве местоположения Приюта опоссумов им. Папы Джонни.

Были у них и другие воображаемые зверушки. Они с Мартой когда-то очень хотели иметь детей; детей они так и не дождались, но с ними поселилась целая компания невидимых маленьких животных: мистер Дженкинс — маленький серый ослик, который давал им советы относительно мотелей; Бурун-Дик — говорящий бурундук, живший в «бардачке» их машины; Mus Pristavalus, мышь-путешественница — эта никогда не разговаривала, а только кусалась в неожиданные моменты (чаще всего она хватала Марту за колени).

Теперь они все исчезли; они как бы выцветали постепенно, лишенные веселого, заразительно-жизнелюбивого духа Марты, который поддерживал их силы. Даже Биндльстиф, хоть и не был невидимым,— даже он покинул Джона. Биндльстифом они назвали пса, которого подобрали на обочине дороги далеко в пустыне, дали ему воды, сахара — и получили взамен его большое, снисходительное к хозяйским слабостям сердце. С тех пор Биндльстиф ездил с ними повсюду — пока, вскоре после Марты, не пришел его черед уходить.

Интересно, подумал Джон Уоттс, а где сейчас Биндльстиф? Бегает на свободе, на Собачьей звезде — Сириусе, где кишмя кишат кролики и повсюду стоят мусорные баки без крышек?.. Впрочем, скорее всего, он сейчас с Мартой — то сидит у нее в ногах, а то просто путается под ними. Во всяком случае, Джонни надеялся, что это так.

Он вздохнул и обвел взглядом пассажиров автобуса. Хрупкая старушка напротив перегнулась через проход и осведомилась:

— На Ярмарку едете, молодой человек?..

Он вздрогнул. «Молодым человеком» его не называли уже лет двадцать.

— А?.. Да, конечно.

Здесь все ехали на Ярмарку: специальный рейс.

— Любите, значит, ярмарки?

— Очень.

Он понимал, что пустые вопросы старушки — просто формальные гамбиты, уловки для начала разговора. Впрочем, он ничего не имел против: одиноким старикам и старушкам часто нужно побеседовать с незнакомыми людьми; он и сам теперь тоже часто чувствовал такую потребность. Кроме того, бодрая старушенция ему сразу понравилось. Она казалась ему самим воплощением духа Америки, живо напомнив о собраниях прихожан и кухнях на фермах... и о фургонах первых колонистов.

— И я их люблю,— продолжала старушка.— Я ведь и сама несколько раз выставлялась. С айвовым вареньем и вышивкой «Переход Иордана».

— Могу поспорить, без призов не обошлось.

— Было дело,— призналась она,— но вообще-то я просто люблю бывать на ярмарках. Между прочим, меня звать Альма, миссис Альма Хилл Эванс. Ну, мой мистер Эванс был знаток по этой части. Взять хоть открытие Панамского канала... впрочем, вам-то откуда это помнить!..

Джон Уоттс вынужден был признать, что на открытии Канала он не был.

— Да это ничего,— успокоила она.— То была не самая лучшая ярмарка. А вот ярмарка в девяносто третьем — это да, вот это была ярмарка так ярмарка! С тех пор я не упомню ни одной, чтоб хоть в подметки годилась.

— Может быть, нынешняя?..

— Нынешняя? Фу и тьфу, вот и весь сказ. Здорова́, конечно, да только размер — это, знаете, еще не размах.

Тем не менее Всеамериканская выставка-ярмарка будет, конечно, самой большой выставкой, быть может, всех времен — и самой лучшей. Если бы Марта была с ним — это был бы просто рай...

Старушка поменяла тему беседы:

— Вы ведь коммивояжер, правда?

Он помедлил, потом ответил:

— Да.

— Я-то такие вещи сразу вижу. И чем торгуете, молодой человек?

На этот раз он колебался дольше, но все же сказал ровным голосом:

— Я торгую слонами.

Старушка внимательно посмотрела на него, и он было хотел объяснить свои слова — но верность Марте заставила его сдержаться. Марта всегда настаивала, чтобы они говорили о своем деле только серьезно — никаких объяснений, никаких извинений.

Они придумали это, когда Джон собрался на пенсию; сначала-то они говорили о домике, акре земли и полезном досуге — кролики там, редиска и все такое. Но потом, когда они в последний раз ехали по его торговому маршруту, Марта после долгого молчания объявила:

— Джон, ты не хочешь бросать путешествия.

— А?.. Не хочу?.. Ты хочешь сказать, мы должны продолжать торговлю?

— Нет, с этим все. Но и врастать в землю нам незачем.

— Тогда что ты хочешь делать? Бродяжить, на манер цыган каких-нибудь?

— Не совсем так. Я думаю, мы должны найти себе новый товар.

— Скобяные изделия? Обувь? Женское готовое платье?

— Нет,— она помолчала, собираясь с мыслями.— Но мы должны торговать *чем-то*. Это даст цель поездкам. Я думаю, наш товар не должен иметь большого оборота — тогда наша разъездная территория может быть больше. Пусть это будут, например, все Соединенные Штаты.

— Может, линкоры?

— Нет, линкоры вроде вышли из моды. Но это близко. Что-то такое...

В это время они проехали мимо какого-то амбара, на котором висела потрепанная цирковая афиша.

— Нашла! — воскликнула Марта.— Слоны! Мы будем торговать слонами!

— Слонами?.. Гм. Пожалуй, будет трудновато возить с собой образцы.

— Обойдемся без образцов. В конце концов, всякий знает, как выглядит слон. Правда, мистер Дженкинс?

Невидимый ослик был, как всегда, согласен с Мартой — и вопрос решился.

Марта знала, как подойти к делу.

— Сначала разведаем рынок. Придется прочесать все Штаты вдоль и поперек, прежде чем начать принимать заказы!

И целых десять лет они разведывали рынок. Прекрасный предлог посетить каждый зоопарк, каждую ярмарку, выставку скота, цирк, любое другое интересное место и событие где бы то ни было — ведь везде могли найтись возможные покупатели. Они включили в свою разведку даже национальные парки и прочие достопримечательности: кто знает, где может неожиданно и срочно понадобиться слон?

Марта держалась крайне солидно и записывала в блокнотик с загнутыми и потрепанными уголками: «Смоляные ямы в Ла-Бри: излишки слонов вышедшего из употребл. типа, ок. 25000 лет назад»; «Филадельфия — продать как минимум 6 шт. для Лиги Союза Штатов»; «Брукфильдский зоопарк в Чикаго — африканск. слоны, редкий вид»; «Гэллап, Нью-Мексико — к востоку от города каменные слоны, оч. красивые»; «Риверсайд, Калифорния, парикмахерская "Слон": уговорить владельца купить слона в кач. талисмана»; «Портленд, Орегон — запросить Ассоциацию Пихт Дугласа. Прочесть им "Дорогу на Мандалай". То же — для Группы Южной Сосны. NB: кстати, не забыть съездить на мексиканское побережье сразу после родео в Ларами».

Десять лет — и они наслаждались каждой милей этих десяти лет. Разведка рынка так и не была завершена, когда Марту забрали у него. Любопытно, подумал Джон, она и святого Петра успела расспросить насчет положения со слонами

в Небесном граде?.. Он готов был спорить на четвертак, что Марта такой случай упустить не могла.

Но он не мог признаться незнакомой старушке, что торговля слонами — просто предлог, придуманный его покойной женой, чтобы разъезжать по стране, которую они любили.

Но старушка не стала слишком уж соваться в чужие дела.

— А я вот знавала человека, который продавал мангустов,— сказала она.— Или надо говорить «мангуст»?.. Он еще занимался уничтожением крыс и мышей, и — эй, что это наш водитель делает?!

Только что огромный автобус легко катил по дороге, невзирая на ливень. А в следующий миг его занесло, он заскользил, устрашающе-медленно накренился — и врезался во что-то.

Джон Уоттс ударился головой о спинку переднего кресла. Слегка оглушенный, он ворочался, пытаясь сообразить, где он и что с ним; но тут высокое уверенное сопрано миссис Эванс помогло ему сориентироваться:

— Не из-за чего так волноваться, друзья! Я ожидала чего-то такого — но, как видите, все в порядке!

Джон Уоттс вынужден был признать, что, по крайней мере, сам он в порядке и нисколько не пострадал. Он близоруко прищурился, озираясь, затем пошарил по накренившемуся полу в поисках очков. Очки нашлись, но они были разбиты. Джон пожал плечами и отложил очки: когда они доберутся до места, он сможет взять запасную пару из багажа. Она где-то там, в одной из сумок.

— Ну а теперь можно выяснить, что, собственно, произошло,— объявила миссис Эванс.— Пойдемте, молодой человек, посмотрим.

Он послушно поплелся за старушкой.

Правое переднее колесо автобуса на манер обессилевшего пьяницы налегло на высокий бордюр, ограждавший дорогу на подъезде к мосту через каньон.

Водитель стоял под дождем, ощупывая порез на щеке.

— Я ничего не мог поделать,— повторял он.— Пес бежал через дорогу, я пытался его объехать...

— Вы могли нас всех поубивать! — крикнула какая-то дама.

— Незачем плакать, пока не больно,— посоветовала ей миссис Эванс.— И давайте-ка заберемся обратно в автобус, пока водитель сходит и позвонит, чтобы нас вытащили отсюда.

Джон Уоттс задержался, чтобы взглянуть с обрыва в каньон, куда они чуть не грянулись. Он перегнулся через ограждение и увидел крутой обрыв, а под ним — острые скалы самого зловещего вида. Его разобрала дрожь, и он поспешил укрыться в автобусе.

Аварийщики и резервный автобус прибыли очень быстро — впрочем, может быть, он просто задремал. Скорее всего, последнее — потому что дождь уже, оказывается, перестал и в разрывах туч сияло солнце. Водитель резервного автобуса сунул голову в дверь и бодро крикнул:

— Вперед, братцы! Теряем время! Вылезайте отсюда и полезайте ко мне!

Джон и в самом деле заспешил и оступился, поднимаясь в салон второго автобуса. Новый водитель поддержал его.

— В чем дело, папаша? Ушиблись, похоже?

— Да нет, спасибо. Я в порядке.

— Разумеется, папаша. Лучше некуда.

В автобусе он увидал свободное место возле миссис Эванс и устремился туда. Старушка улыбнулась ему.

— Замечательный день сегодня, правда? Как в раю!

Он согласился. День в самом деле был великолепным, по крайней мере теперь, когда прошла гроза. Огромные облака плыли в теплом синем-синем небе, чудесно пахло чисто умытым асфальтом, напоенными дождем полями и зеленью — он откинул спинку сиденья и наслаждался. А тут еще заблестела на востоке, через все небо, сказочно яркая двойная радуга. Увидав ее, Джон тут же загадал два желания — одно за себя, другое за Марту. Краски радуги, казалось, отражаются во всем вокруг — даже пассажиры в автобусе будто бы стали моложе, счастливее, лучше одеты. Сам он тоже чувствовал себя чудесно, и ноющая боль одиночества почти оставила его.

Они добрались до места назначения просто в два счета; новый водитель не только нагнал потерянное время, но, похоже, и обогнал график. Их встречала перекинутая через дорогу арка с надписью:

ВСЕАМЕРИКАНСКАЯ ЯРМАРКА
И ВЫСТАВКА ИСКУССТВ

и ниже:

ДА ПРЕБУДЕТ С ВАМИ МИР И БЛАГОВОЛЕНИЕ

Они въехали под арку и остановились.

Миссис Эванс подскочила.

— У меня здесь встреча — надо бежать! — объяснила она и засеменила к двери; обернувшись у выхода, она крикнула: — До скорого, молодой человек! Встретимся на Главной улице! — и исчезла в толпе.

Джон Уоттс вышел последним и обернулся к водителю.

— Да... э-ээ... вот насчет моего багажа. Я бы хотел...

Но водитель уже снова завел мотор.

— О багаже не беспокойтесь! — крикнул он.— О вас позаботятся!

И огромный автобус отъехал.

— Но...

Джон Уоттс замолчал: все равно автобус уехал. В общем, ничего страшного, конечно,— но как он будет без очков-то? Но за его спиной весело шумел праздник, и это решило дело. В конце концов, подумал он, это подождет до завтра. Если что-то интересное будет слишком далеко от его близоруких глаз — он подойдет поближе, вот и все.

Решив так, он встал в хвост очереди у ворот и вскоре прошел в них.

И оказался, безусловно, в гуще величайшего праздника из всех, какие когда-либо придумывались к вящему поражению человечества. Вдвое больше, чем все, что есть у вас за окнами, вдвое шире всего белого света; ярче самых ярких ламп,

новее новехонького — потрясающий, величественный, захватывающий дух и повергающий в трепет, огромный и суперколоссальный — и еще веселый и интересный. Каждый штат, каждый город и каждая община Америки прислали все лучшее, что у них было, на это великолепное празднество. Чудеса Ф. Т. Барнума, Рипли и всех наследников Тома Эдисона были собраны вместе. Со всех концов бескрайнего континента привезли сюда все дары и сокровища богатой и щедрой земли и творения изобретательного и трудолюбивого народа — а заодно и праздники этого народа, сельские и городские, все ярмарки, все представления, юбилеи и годовщины, шествия и гулянья, карнавалы и фестивали. Результат вышел столь же американским, как клубничный пирог, и таким же грубовато-ярким, как рождественская елка,— и все это сейчас раскинулось перед ним, шумное, полное жизни, запруженное праздничными, веселыми толпами.

Джонатан Уоттс набрал полную грудь воздуха и очертя голову нырнул в пестрый водоворот праздника.

Он начал с Фортсвортской юго-западной выставки-ярмарки тучного скота — и целый час любовался кроткими беломордыми волами, каждый из которых был шире и квадратнее конторского стола, и спина каждого была столь же плоской и необъятной, и каждый был вымыт и вычищен до блеска, и шерсть каждого аккуратно расчесана на пробор от головы до крупа; любовался крохотными однодневными черными ягнятами на подгибающихся, точно резиновые, ножках — ягнята по молодости лет даже не осознавали еще своего существования; тучными овцами со спинами, почти столь же широкими, что и у волов,— а серьезные пареньки-работники все подравнивали и прихлопывали завитки шерсти, дабы поразить придирчивых судей и получить вожделенный приз. А рядом шумела Помонская ярмарка с тяжеловесными першеронами и изящными рысаками-паломинцами со знаменитого ранчо Келлога. Тут же, разумеется, и бега — они с Мартой всегда любили бега. Он выбрал упряжку с верным, как ему казалось, претендентом на победу — рысаком из прославленной линии Дэн

Пэтча, поставил — и выиграл, и тут же поспешил дальше, потому что надо было увидеть еще так много интересного! Ведь тут же, рядом, раскинулись и другие ярмарки: Йакимская яблочная, Вишневый фестиваль Бьюмонта и Бэннинга, Персиковая ярмарка Джорджии. Где-то наяривал оркестр: «О, Айова, о, Айова — край высокой кукурузы!..»

В этот момент Джон Уоттс наткнулся на розовый ларек с розовой сахарной ватой.

Марта сахарную вату обожала. На Мэдисон-сквер-гарден или на Большой окружной ярмарке — словом, где бы то ни было — Марта первым делом направлялась туда, где торговали сахарной ватой.

— «Большую порцию, дорогая?» — пробормотал он себе под нос с полной иллюзией того, что стоит сейчас обернуться — и он увидит, как она весело кивает.

— Большую, пожалуйста,— сказал он продавцу.

Пожилой продавец явно и сам принимал участие в карнавале — на нем был черный фрак и белая крахмальная манишка. Он с великим достоинством и важностью обращался с огромными комьями сладкой розовой паутины. Свернув фунтик из бумаги, он с торжественной важностью поднес заказчику эту крохотную модель рога изобилия. Джонни протянул ему полдоллара. Продавец с поклоном принял монету, разжал пальцы — и монета исчезла. Что, и все? А сдача?..

— А что... вата у вас по пятьдесят центов? — неуверенно и застенчиво спросил Джонни.

— Что вы, сэр,— старый фокусник извлек монету из лацкана Джонни и, поклонившись, вручил ее владельцу.— Это за счет заведения — я вижу, вы участник. И в конце концов, что значат деньги?..

— Э-э-э... ну то есть спасибо, конечно, но, э-э-э, я, видите ли, не то чтобы участник, знаете — я...

Старик пожал плечами.

— Если вам угодно сохранять инкогнито — кто я такой, чтобы оспаривать ваши решения? Но ваши деньги тут недействительны.

— Э-ээ... если вы так считаете.

— Вы сами увидите.

Тут Джонни почувствовал, как что-то потерлось о его ногу. Это был пес той же породы... то есть той же беспородности, что и Биндльстиф. Пес взирал на него снизу вверх и с обожанием вилял хвостом — даже не хвостом, а всем, что было позади ушей.

— Эй, привет, старина! — он потрепал пса по спине, и его глаза затуманились: собака и на ощупь была точь-в-точь как Биндльстиф.— Ты что, парень, потерялся? Вот и я тоже. Может, нам стоит держаться вместе, а? Кстати, ты не голоден?

Пес лизнул ему руку. Джонни повернулся к продавцу сахарной ваты.

— Где тут можно купить сосисок?

— Прямо позади вас, сэр. На той стороне улицы.

Джонни поблагодарил, свистнул псу и поспешил через улицу.

— Полдюжины хотдогов, пожалуйста.

— Сию секунду! Просто с горчицей или с полным гарниром — лук, салат и прочее?

— О, простите. Я хотел их сырыми — это для собаки.

— Ясно. Получите!

Продавец протянул ему шесть «венских» сосисок, завернутых в бумагу.

— Сколько с меня?

— С наилучшими пожеланиями — за счет заведения.

— Простите?..

— Знаете, говорят — «у каждого пса есть свой счастливый день». Так вот, сегодня такой день у него.

— О. Что ж, спасибо.

Он услышал, что праздничный шум вокруг усилился — и обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как проходят первые платформы Жрецов Паллады, прямо из Канзас-Сити. Его новый приятель тоже увидел процессию и залаял.

— Тихо, старик, тихо!

Он принялся разворачивать пакет с сосисками; тут кто-то на другой стороне улицы свистнул — пес метнулся на звук,

проскочив между колесниц, и был таков. Джонни рванулся было следом, но ему сказали, что придется подождать, пока пройдет процессия. Между колесницами он пару раз заметил пса — тот весело прыгал вокруг какой-то женщины. Из-за сверкания огней на платформах и, конечно, ввиду отсутствия очков он не мог разглядеть ее, но было ясно, что пес ее знает — он приветствовал ее с тем искренним и безграничным энтузиазмом, какой доступен лишь собакам.

Он поднял пакет с сосисками и помахал им женщине; та помахала в ответ, но грохот оркестра и шум толпы не дали им возможности обменяться словами. Тогда он решил полюбоваться пока шествием, а когда оно кончится — найти дворнягу и ее хозяйку. Сразу, как пройдет последняя платформа...

Насколько он мог судить, это был лучший парад Жрецов Паллады изо всех, что ему приходилось видеть. Кстати: этот парад не проводили уже довольно много лет. Наверно, возродили его специально к этой ярмарке.

Да, это вполне в духе Канзас-Сити, большого маленького города. Самый его любимый город. Вряд ли есть другие, сравнимые с ним... разве что Сиэтл. И, конечно, Новый Орлеан.

И Дулут. Чудесный город. Ах да, еще Мемфис... А хорошо бы быть владельцем автобуса: из Мемфиса — в Сент-Дио, из Нэтчеза — в Мобайл...

Мобайл — вот замечательное место!..

Парад прошел, за ним спешила галдящая толпа ребятишек. Джонни поспешил через улицу. Женщины не было — ни ее, ни ее пса. Он еще раз внимательно огляделся. Нет, собаки не видно. И женщины с собакой тоже.

Он побрел куда глядели глаза, готовые к новым чудесам ярмарки. Но думал он о собаке. Пес действительно был точь-в-точь как Биндльстиф... и он хотел бы познакомиться с его хозяйкой: женщина, которой нравится такой пес, сама должна быть отличным человеком и вполне в его духе. Он купил бы ей мороженого,— а может, и уговорил бы дойти с ним до Главной улицы. Марта бы это одобрила. Марта бы, конечно, знала, что ничего дурного у него на уме нет.

И потом, кто примет всерьез немолодого толстого коротышку?

Но вокруг было столько чудесного, что для таких мыслей места не осталось. Он вдруг оказался в самой гуще Зимнего карнавала из Сент-Пола, сказочным образом перенесенного в лето. Пятьдесят лет он проходил в январе — но вот же он, здесь, на макушке лета, бок о бок с Пендельтонской ярмаркой, Праздником изюма из Фресно, Колониальной неделей из Аннаполиса. Джонни успел, правда, только к концу Зимнего карнавала,— но все-таки успел как раз вовремя, чтобы увидеть свой самый любимый номер, труппу фигуристов «Олд Смуфиз», которые ради такого случая, видимо, оставили заслуженный отдых и так же гладко, как в былые времена, скользили под звуки «Свети, сияй, полная луна...».

Его глаза снова затуманились, и очки тут были ни при чем.

Выбираясь из этой толпы, он наткнулся на плакат:

«ДЕНЬ СЭДИ ХОКИНСА — ХОЛОСТЯКИ, НА СТАРТ!»

Хорошо бы принять участие, подумал он: вдруг женщина с псом окажется среди «старых дев»?.. Но вообще-то он уже слегка устал; а тут кстати подвернулся еще один праздник, с катанием на пони и каруселями.

В следующий миг он уже был на карусели и с чувством благодарности вскарабкался в люльку в виде лебедя, из тех, куда обычно садятся взрослые, покуда дети мчатся на карусельных лошадках. Там уже сидел и читал книгу молодой человек.

— Извините,— обратился к нему Джонни.— Я не помешаю?

— Вовсе нет,— ответил молодой человек, откладывая книгу.— Больше того, может быть, вы — именно тот человек, которого я ищу.

— Так вы кого-то ищете?

— Да. Видите ли, я частный детектив. Всегда мечтал стать сыщиком — и вот теперь, наконец, стал.

— Скажите-ка!

— Да. Понимаете, каждый ведь захочет когда-нибудь прокатиться на карусели, так что надо только ждать здесь. Ну, конечно, я, бывает, околачиваюсь на бульваре Голливуд, на Вайне, Таймс-сквер или Канал-стрит,— но тут я могу вдобавок посидеть и почитать.

— Как же вам удается одновременно читать и высматривать кого-то?

— Просто я хорошо знаю эту книгу,— он показал обложку, это была «Охота на Снарка»,— поэтому глаза у меня не заняты.

Джонни уже успел понравиться этот молодой детектив.

— И как, есть тут поблизости буджумы?

— Нет,— не то мы бы уже «тихо, беззвучно исчезли». Хотя, с другой стороны, исчезни мы — кто бы это заметил, включая нас?.. Этот парадокс надо обдумать. Между прочим, сами-то вы не детектив ли случайно?

— Нет, э-ээ — я торгую слонами. В разъезд.

— Отличная профессия. Но, боюсь, тут по вашей части ничего нет. У нас здесь есть жирафы,— он теперь почти кричал, чтобы каллиопа карусели не заглушала его, и осматривал карусельных зверей, на которых кружились гуляющие,— верблюды есть, пара зебр, целый табун лошадок... а вот слонов ни одного. Смотрите, не пропустите Большой парад; вот там уж будут вам слоны, сколько захотите!

— Не хотел бы пропустить его!

— Ни в коем случае! Это будет самый потрясающий парад всех времен, такой длинный, что он никогда не пройдет весь мимо неподвижного наблюдателя; и каждая миля Большого парада полным-полна чудес, и каждое чудо чудеснее предыдущего. Да, так вы не тот, кого я ищу?

— Не думаю. Но вот, кстати — не могли бы вы найти в этой толпе даму с собакой?

— Обещаю, что если она придет сюда — я дам вам знать. А вам стоило бы пройти на Канал-стрит. Женщины любят карнавалы, им нравится быть в маске — потому что, когда женщина в маске, это значит, что она может маску снять, когда захочет...

Джонни поднялся.

— А как пройти на Канал-стрит?

— Прямо через центр, мимо оперного театра, а там свернете на Площадь роз. Там уж глядите в оба — придется идти через секцию Небраски, а Ак-Сар-Бен в самом разгаре. Сами понимаете, там всякое может случиться. Оттуда попадете в Калаверас — осторожнее там с лягушками! — ну, а там выйдете как раз на Канал-стрит.

— Большое вам спасибо.

Джонни, следуя указаниям, двинулся в путь, не забывая поглядывать по сторонам в поисках женщины и пса. При этом он, не переставая изумляться, глазел на чудеса, сквозь которые пробирался и протискивался в веселой кутерьме. Пса он вскоре увидел, но другого — это был пес-поводырь, и это тоже было поразительно, ибо живые, ясные глаза его хозяина могли видеть все вокруг — и видели, и все-таки этот вполне зрячий человек ходил с собакой, причем именно пес вел хозяина, как будто иного образа передвижения оба не могли себе представить — или не желали.

Вскоре Джонни оказался на Канал-стрит, и иллюзия была столь полной, что было трудно поверить, что он не попал каким-то загадочным образом в Новый Орлеан. Карнавал был в самом разгаре: здесь отмечали Тучный вторник; все в толпе носили маски. Джонни тоже обзавелся маской у лоточника и присоединился к гулянью.

Его поиски казались уже безнадежными. Улица была запружена зеваками, глазеющими на шествие Венеры. Дышать и то было непросто — а уж продвигаться, да вдобавок искать кого-то — и вовсе невозможно. Он бочком-бочком выбрался на Бурбон-стрит — тут воспроизвели весь Французский квартал! — и тут увидел пса.

Он был абсолютно уверен, что это тот самый пес. Теперь на нем был клоунский костюмчик и маленький колпачок, но он был неотличимо похож на его пса. Тут же Джонни поправил себя: пес был неотличимо похож на Биндльстифа.

И теперь пес с благодарностью принял сосиску.

— А где же она, старина? — спросил Джонни.

Пес гавкнул и кинулся в толпу. Джонни попытался последовать за ним, но не мог: промежутки в толпе, пропускавшие пса, для Джонни были малы. Но духом он не пал: он уже раз нашел пса, найдет и еще раз. Вдобавок же именно на карнавале он когда-то встретил Марту — она была изящной Пьереттой, а он — толстым Пьеро. После маскарада они вместе встретили рассвет, а еще до заката решили пожениться.

Теперь он оглядывал толпу в поисках женщины в костюме Пьеретты, будучи почему-то уверен, что неизвестная хозяйка пса нарядится именно так.

Все, все на этой ярмарке заставляло его вспоминать Марту чаще и сильнее обычного, если только это возможно. Как она ездила с ним по его торговому участку, как они отправлялись в путешествие, как только выдавалось свободное время. Закидывали в машину путеводитель Дункана Хайнса да две-три сумки — и в путь! Перед ними разматывается бесконечная лента дороги, Марта... сидит на соседнем сиденье, поет «Америка прекрасная», а он должен подтягивать: «И мрамор городов твоих слеза не омрачит!..»

Как-то она сказала ему, когда они плавно неслись по дороге... где это было? В Черных горах? На плато Озарк? В Йосемитской долине?.. неважно. Так вот, она сказала тогда:

— Джонни, тебе никогда не стать президентом, и мне не бывать Первой леди. Но спорю на что угодно — не было и не будет президента, который знал бы о Соединенных Штатах больше: чем мы с тобой. Беда в том, что у этих занятых, важных и нужных людей просто нет времени, чтобы по-настоящему увидеть Америку.

— Это замечательная страна, дорогая.

— Иначе ее и не назовешь. И я могла бы провести целую вечность, разъезжая по ней — торгуя слонами вместе с тобой, Джонни.

Он потянулся к ней и похлопал ее по колену. И навсегда запомнил это ощущение.

...Меж тем толпа в копии Французского квартала поредела; пока он мысленно возвращался в прошлое, гуляющие

мало-помалу разошлись. Джонни придержал за хвост красного чертенка:

— Куда это все направились?

— Как это куда — на Парад, конечно!

— Большой парад?

— Да, они как раз сейчас строятся.

Чертик двинулся вперед, Джонни — за ним.

Тут его потянули за рукав.

— Ну как, нашли ее?

Это была миссис Эванс, слегка замаскированная черным домино. Под руку ее держал высокий пожилой Дядя Сэм.

— А?.. О, здравствуйте, миссис Эванс! О чем это вы?

— Не глупите. Вы нашли ее?

— Откуда вы узнали, что я кого-то ищу?

— Как же иначе?.. Ну ладно — удачных поисков, а нам пора.

И миссис Эванс со своим спутником исчезли в толпе.

Когда Джонни добрался до места, Большой парад уже начался. Но это было неважно — бесконечно большей части процессии еще только предстояло пройти. Как раз проходили Зазывалы из калифорнийской Лиги Падуба; за ними громыхало шествие победителей команд парадного строя. Потом шествовал укрытый священным покрывалом Тайный пророк Хорасана со своей Королевой любви и красоты — только что из пещеры на Миссисипи... потом — парад Годовщины Независимости из Бруклина, множество школьников со звездно-полосатыми флажками в руках... Парад роз из Пасадены — миля за милей убранных цветами платформ... индейская церемония пау-вау из Флагстаффа: двадцать два индейских народа, и каждый индеец нацепил не меньше чем на тысячу долларов украшений ручной работы. За коренными жителями страны ехал Баффало Билл — дерзко торчит эспаньолка, огромная шляпа в руке, длинные волосы вьются по ветру. А вот делегация с Гавайских островов, с королем Камехамеха во главе — он с королевской непринужденностью играет роль Лорда карнавала, а его подданные в венках и юбочках из све-

жайшей травы идут, приплясывая, позади и раздают воздушные поцелуи — «Алоха!.. Алоха!..». И несть этому конца! Исполнители кадрили из штата Нью-Йорк, дамы и джентльмены из Аннаполиса, танцоры кантри из Техаса; звучит турецкий марш; идут клубы любителей марш-парадов из Нового Орлеана; полыхают двойные факелы; знать раскланивается перед толпой — вот, к примеру, сам король зулусов со своей гладкокожей, коричнево-глянцевой свитой, поют — «И всякий, кто был кем-то, сомневался в этом...»

А вот рождественская пантомима и, конечно, «За молодыми, за дружками, за свадьбой по улице!..» и «Ах, золотые туфельки!..». Праздновала сама страна, нет — нечто более древнее, чем страна,— скользящая джига плясунов в карнавальных костюмах, танец, который был молодым, когда род людской тоже был юн и праздновал рождение первой весны.

А вот — клубы щеголей, и их президенты красуются в мантиях, каждая из которых стоит целого состояния, под стать королям и императорам, или закладной на дом и все имущество — и каждую несет полсотни пажей...

За ними бегут клоуны из «Либерти» и другие комики и, наконец, почти забытые уличные оркестры, и от их мелодий хочется плакать...

«Когда святые, когда святые, когда святые входят в рай...»

Джонни вспомнил сорок четвертый год — в тот год он впервые видел эти оркестрики. Тогда в них шагали старики да подростки, потому что мужчины ушли на войну. И еще было тогда на Броуд-стрит в Филадельфии то, чего никогда не должно быть в новогодней процессии первого января: мужчины, которые не шли, а ехали — потому что, прости нас, Господи, они не могли ходить...

Джонни вновь открыл глаза — и действительно увидел открытые автомобили, медленно двигавшиеся в процессии. В них ехали раненые последней войны и один солдат «Великой армии Республики» в цилиндре и с руками, сложенными на набалдашнике трости. Джонни затаил дыхание. Автомобили один за другим останавливались, не доезжая немного до

судейской трибуны, ветераны выходили и, помогая друг другу, сами преодолевали последние футы — ковыляли, прыгали или ползли, но сами проходили мимо трибуны, оберегая честь своих клубов и обществ.

«Слава, слава, аллилуйя!..» — гремел оркестр.

И новое чудо — инвалиды не сели снова в машины, нет — они сами бодро зашагали по Броуд-стрит, лишь только миновали трибуну.

...Теперь это уже был Голливудский бульвар в Лос-Анджелесе, загримированный под улицу Санта-Клауса в постановке куда более великолепной, чем любая из всех, когда-либо осуществленной Страной целлулоидных грез. Тысячи девочек-снежинок и девочек-звездочек, подарки и сладости для всех детей — в том числе и для тех, которые давно уже выросли. Наконец появилась колесница Санта-Клауса — такая огромная, что ее трудно было охватить одним взглядом, настоящий айсберг, может быть, весь Северный Полюс; и по обеим сторонам Святого Николая (для друзей — просто Санта!) ехали Джон Бэрримор и Микки-Маус.

А позади гигантской ледяной платформы притулилась жалкая фигурка. Джонни прищурился и узнал Эммета Келли, первого среди клоунов, в знаменитой роли Бедняги Уилли. Уилли не веселился — он дрожал и ежился, и Джонни не знал, смеяться ему или плакать. Мистер Келли всегда так действовал на него.

А потом шли слоны.

Большие слоны, маленькие слоны и средние слоны — от крошки Морщинки до гиганта Джамбо... а с ними Ф. Т. Барнум, Уолли Бири, Маугли...

На противоположной стороне шествия возникло волнение: один из участников кого-то отгонял. Тут Джонни разглядел, что гонят того самого пса. Он посвистел; пес на миг растерялся, но затем заметил Джонни, бросился к нему и прыгнул в его объятия.

— Так и сиди,— велел Джонни,— не то тебя и затопчут ненароком!

Пес лизнул его в лицо. Он уже успел потерять где-то свой клоунский костюмчик, колпачок съехал и болтался под шеей.

— Где пропадал? — спросил Джонни.— И где твоя хозяйка?

Подходили последние слоны — трое в ряд. Они тянули огромную колесницу.

Прозвучали фанфары, и процессия остановилась.

— Почему они встали? — спросил Джонни соседа.

— Погодите минутку. Сами сейчас увидите.

Церемониймейстер Большого парада уже спешил от своего места во главе процессии. Он скакал на черном жеребце и выглядел очень браво в своих ботфортах, белых бриджах, визитке и цилиндре. Он скакал и оглядывал толпу.

Остановился он прямо перед Джонни.

Джонни прижал к себе пса.

Церемониймейстер спешился и склонился в поклоне. Джонни оглянулся, пытаясь понять, перед кем тот так расшаркивается. Но церемониймейстер взял цилиндр наотлет и посмотрел прямо в лицо Джонни.

— Вы, сэр — Человек, Который Торгует Слонами? — это было скорее утверждение, а не вопрос.

— А?.. Ну... да.

— Приветствую Вас, государь! Ваше Величество, прошу — Ваша Королева и Ваша свита ждут вас! — и церемониймейстер повернулся, как бы указывая дорогу.

Джонни ахнул и прижал Биндльстифа к себе. Церемониймейстер подвел его к запряженной слонами колеснице. Пес выскочил у него из-под руки и вспрыгнул на колесницу, и — прямо на колени к сидящей в ней даме. Та ласково потрепала его и гордо, счастливо посмотрела на Джонни Уоттса, и щеки ее радостно разрумянились, как половинки гранатовых яблок.

— Привет, Джонни! Добро пожаловать домой, милый!

— Марта...— всхлипнул он.

Король пошатнулся, но удержался на ногах, поднялся в колесницу и упал прямо в объятия своей Королевы.

Впереди снова мелодично пропела труба, и Парад двинулся вперед, в свой бесконечный путь...

ЧТО ВЫТВОРЯЮТ С ЗЕРКАЛАМИ

Криминальная история, рассказанная Эдисоном Хиллом

Я пришел сюда, чтобы посмотреть на голых красоток. Пришел, как и все остальные посетители. Это распространенная слабость.

Взгромоздившись на табурет в конце стойки бара, я подозвал хозяина заведения, оборвав его болтовню с двумя завсегдатаями.

— Налей на троих,— сказал я.— Нет, на четверых и хлопни одну со мной. Что новенького, Джек? Я слышал, ты тут устроил для публики кабинку с порнухой?

— Привет, Эд. Запомни, парень, у меня не порнуха, а настоящее искусство.

— Какая разница?

— Если девки ведут себя спокойно — это искусство, а вот если начинают извиваться и крутить задом — тогда закон против. Такие правила. На, посмотри.

Он дал мне программу. Я прочел:

© С. Трофимов, перевод

ДЖОЙ-КЛУБ представляет
«МАГИЧЕСКОЕ ЗЕРКАЛО»

Прекрасные модели в серии развлекательных и художественных живых картин

22.00 «Афродита» — Эстелла
23.00 «Жертвоприношение солнцу» — Эстелла и Хейзл
24.00 «Верховная жрица» — Хейзл
01.00 «Жертва на алтаре» — Эстелла
02.00 «Поклонение Пану» — Эстелла и Хейзл

(Посетителям рекомендуется воздерживаться от свиста, топанья ногами и прочих нарушений художественной чистоты показа.)

Последнее замечание было излишним. Заведение Джека Джоя славилось строгими правилами.

На другой стороне программки я увидел новый перечень цен, из которого узнал, что стаканчик в моей руке обойдется мне вдвое дороже, чем я предполагал. Тем не менее зал был битком набит народом — простаками вроде меня.

Я хотел было по-дружески сказать Джеку, что обещаю зажмуриться во время шоу, если он возьмет за выпивку по старой цене, но тут из-за стойки раздались два резких звонка — два пронзительных сигнала, похожих на морзянку.

— Одиннадцатичасовой показ,— объяснил Джек и, присев за стойку, начал там копаться.

Заглянув вниз, я заметил под стойкой какую-то продолговатую штуковину. Ее украшало столько электрических приспособлений, что их хватило бы на веселенькую рождественскую елку для бойскаутов,— переключатели, кнопки, ручки реостатов, пластинки для проигрывателя и ручной микрофон. Я нагнулся, чтобы рассмотреть этот ящик получше. У меня слабость к таким вещам — наверное, от моего старика. Он ведь дал мне имя Томас Алва Эдисон Хилл в надежде, что я пойду по стопам его идола. Но я, наверное, здорово

разочаровал его: мне так и не удалось придумать атомную бомбу, хотя иногда я пытаюсь починить свою пишущую машинку.

Джек щелкнул переключателем и взял микрофон. Его голос загремел из колонок музыкального автомата.

— А сейчас мы представляем «Магическое зеркало»!

Проигрыватель заиграл «Гимн солнцу» из «Золотого петушка», и Джой медленно повернул ручку реостата. Освещение в зале погасло, а «Магическое зеркало» медленно осветилось. «Зеркалом» служила стеклянная перегородка шириной около десяти футов и высотой около восьми. Она отделяла от зала небольшую сцену на балконе. Когда в баре горел свет и огни на сцене были погашены, стекло оставалось непроницаемым и выглядело как зеркало. Когда же свет в зале гас, а на сцене — включался, сквозь стекло начинала медленно проступать картина.

В баре осталась гореть только лампа под стойкой у Джека. Она освещала его фигуру и приборы. Яркий свет лампы слепил мне глаза; я прикрыл их рукой и уставился на сцену.

А там было на что посмотреть.

Представьте: две девушки — блондинка и брюнетка. Алтарь или стол, на котором, как символ сладострастия, раскинулась блондинка. Брюнетка застыла у алтаря, схватив блондинку за волосы и занеся другой рукой причудливый кинжал. Задник сцены переливался золотым и темно-синим цветом, изображая яркие солнечные лучи на псевдоегипетский или ацтекский манер, но никто не смотрел на задник — все взоры ласкали девчонок.

На брюнетке был высокий головной убор, серебряные сандалии и набедренная повязка из стеклянных побрякушек. И больше ничего! Никакого намека на бюстгальтер. А блондинка вообще была гола как устрица. Ее колено на авансцене приподнялось ровно настолько, чтобы заткнуть рот скулящим блюстителям нравов.

Я не смотрел на голую блондинку; мой взгляд тянулся к ней — брюнетке.

И хотя сыграли свою роль две милые торчащие грудки, длина грациозных ног, форма бедер, боков и прочего, тем не менее меня потрясло какое-то общее впечатление. Она была просто до боли хороша. Кто-то рядом воскликнул:

— Обалдеть можно! Я тащусь!

Я хотел уже шикнуть на него, как вдруг понял, что это мой собственный голос.

Тут свет на сцене погас, и я вспомнил, что надо дышать.

Я выложил безбожную плату недрогнувшей рукой. Джек интимно сообщил:

— Между показами они развлекают посетителей в зале.

Когда девушки появились на лестнице, ведущей с балкона в зал, он жестом подозвал их и представил меня.

— Хейзл Дорн, Эстелла д'Арки — знакомьтесь, это Эдди Хилл.

Хейзл, брюнетка, спросила: «Как поживаешь?», а блондинка фыркнула: «О-о, я встречалась с этим призраком раньше. Как дела? По-прежнему гремишь цепями?»

— У меня все замечательно,— ответил я, пропуская мимо ушей ее подковырки.

Да, я знал ее — не как Эстеллу д'Арки, а как Одри Джонсон. Когда я строчил автобиографию начальника полиции, она работала стенографисткой в муниципалитете. И она никогда мне не нравилась: слишком уж любила находить больные места и ковыряться в них.

Я не стыжусь своей профессии. Ни для кого не секрет, что я писатель-призрак и работаю на других авторов. Хотя вы можете найти мое имя на титульном листе «Сорока лет полицейского», прямо под именем начальника полиции — пусть маленькими буквами, но оно там: «в сотрудничестве с Эдисоном Хиллом».

— Как тебе понравилось шоу? — спросила Хейзл, когда я заказал круговую.

— Мне понравилась ты,— ответил я по возможности тише, как бы по секрету.— Не могу дождаться следующего номера, чтобы разглядеть тебя получше.

— Тогда ты увидишь кое-что еще,— пообещала она и сменила тему. У меня сложилось впечатление, что брюнетка гордится своей фигурой и с удовольствием принимает комплименты, но в то же время не совсем еще загрубела, выставляя тело напоказ для публики.

Эстелла склонилась через стойку к Джеку.

— Джекки-малыш,— сказала она тоном нежного упрека,— ты опять держал подсветку слишком долго. При моей позе это не страшно, но бедная старушка Хейзл к концу представления дрожала, как лист на ветру.

Джек ткнул пальцем в сторону песочных часов для варки яиц.

— Они рассчитаны на три минуты, и именно столько времени вы работали.

— Не думаю, что было больше трех минут,— подхватила Хейзл.— Я совсем не устала.

— Ты вся тряслась, моя милая. Я же видела. Тебе не стоит утомляться — от этого появляются морщины. В любом случае,— добавила Эстелла,— за временем теперь буду следить я.— И она сунула песочные часы в свою сумочку.— Тебе нас больше не надуть.

— А я говорю, три минуты,— настаивал Джек.

— Неважно,— заявила она.— Или с этого момента мы следим за временем, или мамочка закроет маленького Джекки в темный чулан.

Джек хотел ей что-то ответить, но, передумав, отошел в другой конец стойки бара. Эстелла пожала плечами, заглотнула остатки спиртного и ушла. Я видел, как она еще поговорила с Джеком, а потом присоединилась к клиентам за одним из столиков.

Хейзл тоже посмотрела ей вслед и пробормотала:

— Надавала бы я этой потаскушке по трусам... если б она их носила.

— А что, ее обвинение — туфта?

— Не совсем. Возможно, Джек твой приятель...

— Нет, мы просто знакомы.

— Знаешь... бывали у меня мерзкие боссы... но он настоящий подонок. Вряд ли он затягивает время, чтобы помучить нас — мне бы и в голову не пришло его проверять,— но некоторые позы очень трудно держать три минуты. Например, Афродиту у Эстеллы. Ты видел?

— Нет.

— Она балансирует одной ногой на шаре, а другая нога приподнята и заменяет собой фиговый листочек, потому что она там без одежды. Джек установил аварийный выключатель, чтобы прикрыть ее, если она сорвется, но все равно это дикое напряжение.

— Лучше скажи, чтобы самому прикрыться от полиции.

— И от нее тоже. Джек хочет, чтобы мы работали так круто, как только можно, чтобы не замела полиция нравов.

— Не понимаю, зачем ты пошла работать в этот притон. Ты могла бы получить роль в фильме.

Она печально рассмеялась.

— Эдди, ты когда-нибудь пробовал получить роль? Я-то пыталась.

— И все-таки... впрочем, ладно. А что вы с Эстеллой не поделили? Ты сердишься, когда говоришь о ней.

— Она... хотя неважно. Наверное, у Эстеллы были добрые намерения.

— Ты хочешь сказать — когда она затащила тебя сюда?

— Не только.

— А что еще?

— Да ничего... слушай, как ты думаешь, мне действительно нужен крем от морщин?

Я рассматривал ее близко и старательно, пока она слегка не покраснела, а затем заверил, что абсолютно не нужен.

— Благодарю,— произнесла она.— А Эстелла явно считает, что нужен. Недавно она посоветовала, чтобы я позаботилась о своей внешности и надарила мне кучу косметики. Я поблагодарила Эстеллу за подарки — с ее стороны это, наверное, проявление дружелюбия... тем не менее меня покоробила такая забота.

Я кивнул и постарался сменить тему. Мне не хотелось говорить об Эстелле; я хотел говорить о самой Хейзл... и о себе. Я сказал, что знаю одного агента (моего собственного), который может ей помочь. Услышав, что есть шанс получить роль, она заинтересовалась по-настоящему — если не мной, то по крайней мере тем, что я ей говорил.

Случайно взглянув на часы за стойкой бара, она ахнула:

— Чуть не опоздала на свое выступление. Пора идти. Пока!

Было без пяти двенадцать. Мне удалось пересесть с конца стойки поближе к середине, прямо напротив пульта управления «Магическим зеркалом». Я не хотел, чтобы яркий свет за стойкой Джека мешал мне смотреть на Хейзл.

Почти в полночь из подсобки выбежал Джек и, оттолкнув своего помощника, занял место возле пульта.

— Как раз вовремя. Она звонила? — спросил он меня.

— Нет, не звонила.

— Ну и хорошо.

Он убрал со стойки грязные стаканы, сменил пластинку на проигрывателе — в общем, суетился понемногу, как обычно. Я не отрываясь смотрел на «Зеркало».

Раздалось два звонка, резких и громких. Джек почему-то не объявлял выступление. Я оглянулся и увидел, что он, сжав микрофон в руке, испуганно таращится на дверь.

В зал вошли двое полицейских, Ханнеган и Фейнштейн. Наверное, Джек испугался, что залетел под облаву. Да только патрульные полицейские не таскаются по облавам. Я понял, зачем они сюда пришли еще до того, как Ханнеган слепил Джеку улыбочку и махнул рукой, показывая, что все нормально — они просто влезли бесплатно поглазеть на девочек под предлогом наблюдения за моралью публики.

— А сейчас мы представляем «Магическое зеркало»,— раздался из колонок голос Джека. Кто-то влез на табурет рядом со мной и просунул ладонь мне под локоть. Я обернулся. Рядом сидела Хейзл.

— Тебе же надо быть не здесь, а там, наверху,— пробормотал я, как дурак.

— Ладно, успокойся. Так Эстелла сказала... я объясню после представления.

На балконе стало постепенно светлеть, из колонок зазвучал «Грустный вальс». И снова на сцене был алтарь. Эстелла распласталась на нем пуще прежнего. Когда стало совсем светло, я заметил у нее возле груди красное пятно и торчащую рукоять кинжала. Хейзл успела рассказать мне о каждом акте; это была так называемая «Жертва на алтаре», которую по программе полагалось показывать в час ночи.

Я опечалился, не увидев Хейзл в работе, но, надо признать, сцену поставили удачно — настоящий драматизм с тошнотворным привкусом, душераздирающее сочетание садизма и сексуальности. Красная жидкость, которую я посчитал за кетчуп, стекала вниз по голому боку Эстеллы, а рукоятка театрального кинжала торчала так, словно клинок действительно вонзили в тело,— публике это очень понравилось. Сцена была естественным продолжением «Жертвоприношения солнцу».

Хейзл завизжала прямо мне в ухо.

Ее первый крик оказался сольным. Но потом, через секунду или две, завопили все женщины в зале — контральто, альт, немного тенора, но в основном визгливое сопрано. Сквозь шум и крики прогремел мощный бас Ханнегана:

— Всем оставаться на местах! Эй, кто-нибудь, включите свет!

Я схватил Хейзл за плечи и встряхнул ее.

— В чем дело? Что там наверху?

Она ошеломленно тыкала рукой в направлении балкона и монотонно причитала:

— Она мертва... она мертва... она мертва!

Хейзл сползла с табурета и метнулась в подсобку. Я последовал за ней. Свет в зале резко вспыхнул, огни на балконе продолжали гореть.

Мы проскочили первый, второй и третий пролеты лестницы, пробежали через маленькую костюмерную и ворвались на сцену. Я почти догнал Хейзл, Фейнштейн наступал мне на пятки.

Мы застыли, сгрудившись в дверях и щурясь от яркого света. Признаюсь, зрелище открылось нам безотрадное. Она действительно была мертва. Кинжал, который следовало прижать рукой к груди, предварительно обмазав кетчупом для создания иллюзии... этот причудливый клинок, это гибкое стальное лезвие оказалось на три дюйма ближе к ее грудной кости, чем полагалось по сценарию. Его вонзили прямо в сердце.

На полу у алтаря, на расстоянии вытянутой руки от Эстеллы, скрытые от глаз публики, стояли песочные часы для варки яиц. И когда я взглянул на них, упали последние песчинки.

Хейзл потеряла сознание, я подхватил ее (сдобная девочка!) и уложил на кушетку.

— Эдди,— сказал Фейнштейн,— звони в участок. Передай Ханнегану, чтобы никого не выпускал. А я останусь здесь.

Я дозвонился до участка, но Ханнеган обошелся без наших советов. Он усадил народ по местам и настоятельно советовал не вставать. Джек по-прежнему стоял за стойкой, оцепенев от изумления; яркий свет от пульта придавал ему вид мертвеца.

В пятнадцать минут первого ночи появился Спейд Джонс, лейтенант Джонс из отдела по расследованию убийств, и началась обычная рутина. Лейтенант хорошо знал меня и даже помогал в работе над книгой, которую я писал для его шефа; наверное, поэтому он тут же вцепился в меня в поисках хоть какого-то объяснения. В полпервого он был уже почти уверен в том, что никто из посетителей не мог совершить преступления.

— Эдди, мальчик мой, я, конечно, не утверждаю, что никто из них не убивал ее — это мог сделать любой: выбрать нужный момент, рвануть наверх, схватить нож и воткнуть его девчонке в ребра. Но мало вероятно, чтобы у кого-то из посетителей была возможность так точно выбрать время и способ убийства.

— *Любой — но не обязательно из посетителей,*— уточнил я.

— То есть?

— Прямо перед лестницей расположен пожарный выход.

— Ты думаешь, я этого не заметил?

Он отвернулся и приказал Ханнегану отпустить всех, кто мог предъявить документы с местным адресом. Остальных он велел отвезти в управление, чтобы ночные дежурные могли опросить их как свидетелей. Возможно, кого-то из них придется задержать для дальнейшего расследования, но в любом случае — чтобы здесь он их больше не видел!

На балконе деловито суетились фотографы и эксперты, снимавшие отпечатки пальцев. Появился помощник судмедэксперта, за ним хлынули репортеры. Через несколько минут после того, как заведение очистили от зевак и посторонних, по лестнице спустилась Хейзл.

Никто из нас ничего не сказал, но я похлопал ее по спине. А когда чуть позже вниз снесли накрытые носилки с завернутым в одеяло телом, я обхватил ее рукой, и она уткнулась лицом в мое плечо.

Спейд допрашивал всех поодиночке. Джек ничего не сказал. «Я не такой умный, чтобы говорить без адвоката» — вот и все, что удалось из него вытянуть. Я подумал про себя, что Джек не прав: лучше было ему поговорить с лейтенантом сейчас, чем потом потеть под яркими лампами. Тем более что мои показания снимут с хозяина клуба все подозрения, пусть даже лейтенант и узнает о ссоре Джека и Эстеллы перед выступлением. Спейд никогда не стал бы подтасовывать факты. Он был честным полицейским — с копами это бывает. Я и сам встречал честных полицейских. Даже двух, по-моему.

Лейтенант выслушал меня, взял показания у Хейзл и снова обратился ко мне:

— Эдди, мальчик мой, помоги мне докопаться до сути. Как я понимаю, в двенадцатичасовом показе должна была выступать эта девушка Хейзл.

— Да, верно.

Он повертел в руках одну из программок Джой-клуба.

— Хейзл говорит, что без пяти двенадцать она пошла наверх подготовиться к шоу.

— Совершенно точно.

— Да. И она была с тобой, так? Она сказала, что поднялась наверх, потом пришла Эстелла и заявила, что хозяин велел поменять местами два представления.

— Я об этом не знал.

— Естественно. Хейзл сказала, что немного поартачилась, но уступила и спустилась вниз, где и составила тебе компанию. Верно?

— Верно.

— Хм-м... Тогда твое замечание по поводу пожарного выхода может иметь смысл. Хейзл рассказывала мне о дружке Эстеллы. Он дует в трубу на танцульках через дорогу. И этот парень мог прошмыгнуть сюда, чтобы приколоть подругу. Делов-то на пару минут. Ведь трубачи, сам знаешь, подудят и отдохнут — а то и губу протереть недолго.

— Но откуда он узнал, когда прийти? Выступать-то должна была Хейзл.

— М-да... Что ж, может, он был в курсе. Похоже, что Эстелла назначила свидание — вот чем объясняется изменение программы, и это же предполагает мужчину. Потому-то ее приятель и знал, когда прийти. Один из моих парней проверяет эту версию. Теперь о том, как шли выступления... Покажешь мне, что тут к чему? Ханнеган пытался, но добился лишь того, что его долбануло током.

— Могу попробовать,— сказал я, поднимаясь на ноги.— Тут нет ничего особенно сложного. Так говоришь, Хейзл утверждает, что Джек разрешил Эстелле поменять программу? А ты спрашивал его — почему?

— Это единственный вопрос, на который он согласился ответить. Настаивает, что не знал о замене выступлений. Говорит, что ожидал увидеть в «Зеркале» малышку Хейзл.

Пульт управления только казался сложным. Я объяснил Джонсу назначение реостата и рассказал, что Джек одним поворотом ручки не только плавно уменьшает накал ламп в зале, но и усиливает освещение сцены. Позади реостата я обнаружил дополнительный обходной переключатель, кото-

рый был рассчитан на нынешние условия — когда свет горел и в зале, и на сцене. Мы нашли также аварийный выключатель освещения балкона и пару кнопок для подключения микрофона и проигрывателя к колонкам музыкального автомата. Рядом находился звонок — небольшой черный ящик с двумя штырьками, от которых тянулись провода наверх, к сигнальной кнопке. Нажимая на нее, девушки сообщали о своей готовности. В центре стойки, прямо под крышкой, крепилась 150-ваттная лампа, подключенная к электрической сети отдельно от реостата. Кроме шнура этой лампы, все остальные провода исчезали в стальной изоляционной трубе под стойкой бара. И именно эта лампа слепила мне глаза во время одиннадцатичасового представления. Она казалась слишком яркой — на мой взгляд, сгодилась бы лампа и послабее. Наверное, Джеку нравился яркий свет.

Я объяснил Спейду устройство пульта и дал ему пощелкать кнопками. Потом я перевел реостат в положение «Зал» и отключил обходной переключатель. Зал продолжал сиять огнями, «Магическое зеркало» погасло.

Итак, оставалось пять минут до полуночи. Хейзл помахала мне ручкой и пошла наверх. Я пересел на другой табурет, как раз напротив того места, где сейчас стою. В полночь появился Джек и спросил, был ли сигнал. Я сказал, что не слышал. Он немножко покрутился, убрал стаканы и так далее. Потом раздалось два звонка. Джек взял микрофон, но на несколько секунд задержал показ: он заметил Ханнегана и Фейнштейна. Ханнеган дал зеленый свет, и Джек объявил начало.

Я поднял микрофон и произнес в него:

— А сейчас мы представляем «Магическое зеркало»!

Положив микрофон на пульт, я нажал клавишу проигрывателя. Там стояла та же пластинка, и из колонок зазвучал «Грустный вальс». Хейзл сидела за несколько столиков от стойки и, положив голову на скрещенные руки, пристально смотрела на меня. Возможно, воссоздание событий действовало ей на желудок: выглядела она как больной цыпленок.

Я медленно вывернул ручку реостата из положения «Зал» в положение «Сцена». В помещении потемнело, а на балконе стало светло.

— Вот и все, что было,— сказал я.— Хейзл сидела рядом со мной, когда Джек объявлял шоу. А когда на сцене включился свет, она закричала.

Спейд поскреб подбородок.

— Значит, когда сверху дали сигнал, Джек стоял прямо перед тобой?

— Точно.

— Ты дал мне повод подозревать его, рассказав о ссоре с Эстеллой. Но ты дал ему и алиби.

— Все верно. Либо Эстелла сама дала сигнал и, прыгнув на алтарь, прирезала себя, либо ее убили, и убийца нажал на кнопку, чтобы сбить нас со следа. Пока мы пялились на «Зеркало», ему удалось смыться. Но в любом случае Джек Джой был у меня на виду.

— Да, это хорошее алиби,— признал лейтенант.— Если только ты с ним не в сговоре,— добавил он с надеждой.

— Попробуй это доказать,— ответил я, улыбаясь.— Не валяй дурака, никакого сговора нет. И вообще я его считаю порядочным дерьмом.

— Эдди, мальчик мой, все мы более или менее дерьмо, если на то пошло. Пойдем осмотримся наверху.

Я щелкнул обходным переключателем, осветив балкон и нижние помещения, и пошел наверх. Отыскав там сигнальную кнопку, я показал ее Спейду. Изоляционная труба, проходившая через пол балкона, кончалась в соединительной коробке на стене, откуда разбегались провода освещения. На соединительной коробке зачем-то находилась кнопка звонка. Мне стало интересно, почему она не на «алтаре», но потом мы обнаружили, что алтарь можно передвигать по сцене. Надо полагать, девушки нажимали на кнопку и быстренько принимали свои позы. Спейд задумчиво надавил на кнопку, затем вытер о штаны палец, испачканный порошком для дактилоскопирования.

— Я ничего не слышу,— сказал он.

— И не услышишь. Сцена почти звуконепроницаема.

Он уже осмотрел песочные часы, но только теперь я рассказал ему о том, что видел, как падали последние песчинки. Спейд сжал губы.

— Ты уверен?

— Можешь считать это галлюцинацией. Но я думаю, что видел. Могу подтвердить под присягой.

Спейд сел на алтарь, отодвинулся подальше от кровавого пятна и после долгого молчания сурово произнес:

— Эдди, мальчик мой...

— Да?

— Ты не только дал алиби Джеку Джею, ты, черт тебя дери, делаешь почти невозможным постороннее вмешательство в эту смерть.

— Я знаю. Могло это быть самоубийством?

— Могло. Все могло быть. С точки зрения техники — но не психологии. Стала бы она ставить часы, если решила покончить с собой? И еще одна деталь: посмотри-ка на эту кровь. Попробуй ее на вкус.

— Что?

— Да не прыгай. Хотя бы понюхай ее.

Я понюхал — очень осторожно. Потом понюхал еще раз. Два запаха — помидоры и кровь. Кровь и томатный кетчуп. Мне показалось, что я обнаружил разницу и по виду пятен.

— Ты понимаешь, сынок? Если у нее из дырки на груди хлещет кровь, зачем тогда кетчуп? Не будь песочных часов и кетчупа, я бы первым кричал об идеальном самоубийстве в стиле театральных истеричек. Но теперь так не скажешь. Это убийство, Эдди.

В проеме двери показался Фейнштейн.

— Лейтенант...

— Что у тебя?

— Этот музыкантишка... у них с Эстеллой действительно было назначено свидание.

— Ага!

— Но он чист. Его банда была в полночь за работой, и они как раз исполняли номер, где он тянул сольную партию.

— Черт! Пошел отсюда.

— Это еще не все. Я позвонил помощнику судмедэксперта, как вы велели. Мотив убийства, о котором вы говорили, не годится — она не только не ждала ребенка, ее вообще еще никто не поимел. Virgo intacta*,— добавил он на довольно сносной латыни.

— Фейнштейн, сегодня ты щеголяешь учеными словечками, а завтра потребуешь себе звание сержанта? — невинным тоном спросил Спейд.— Вали отсюда.

— О'кей, лейтенант.

Признаюсь, меня удивили эти новости. Эстелла оказалась настоящей мастерицей крутить динамо. Видно, умела завлекать мужиков, не прибегая к самому проверенному способу.

Спейд немного подумал и сказал:

— Значит, когда тут светло, там темно; а когда там светлеет, тут темнеет.

— Да. Обычно так и бывает. Хотя сейчас свет и там и тут, потому что я использовал обходной переключатель.

— Я как раз о том, как бывает обычно. Светло, темно; темно, светло. Эдди, мальчик мой...

— Да?

— Ты, похоже, положил глаз на эту Хейзл?

— Ну вроде того,— согласился я.

— Тогда присматривай за ней. Убийца был здесь всего несколько секунд — это подтверждают песочные часы и звонок. Он не входил в круг лиц, которые знали об изменении программы, поскольку дружок — трубач, как выяснилось, вне подозрений. И на сцене было темно. Эдди, он убил не ту девчонку! А значит, возможно новое убийство.

— Хейзл,— прошептал я медленно.

— Да, Хейзл.

---

* Virgo intacta — Девственница *(лат.)*

Спейд Джонс собрал всех нас в зале — меня, Хейзл, двух официантов, помощника бармена и Джека Джоя. Я думал, он задержит Джека в отместку за его молчание, но лейтенант лишь попросил его не высовываться из своей гостиницы и предупредил, что в противном случае Джой наткнется на симпатичного полицейского, который тут же отправит его в симпатичную камеру. Прощаясь со мной, Спейд подмигнул и приложил к губам палец.

Но это меня ничуть не успокоило. Хейзл охотно позволила проводить ее домой. Увидев, что она живет одна в небольшой квартирке, а в здании нет даже привратника, я решил, что ей надо кое-что объяснить и предложить свои услуги в качестве ночного сторожа.

Она пошла на кухню, чтобы налить мне выпить.

— Один стаканчик, Эд, и ты пойдешь домой,— крикнула она.— Ты очень милый, я обязательно встречусь с тобой и поблагодарю за заботу, но сейчас девочка пойдет в постельку. Я устала.

— Я остаюсь на всю ночь,— твердо заявил я.

Она вышла с бокалом в руке и бросила на меня сердитый и в то же время немного озадаченный взгляд.

— Эд,— сказала она,— а не слишком ли быстро? Я не думала, что ты такой нахал.

— Успокойся, красотка,— ответил я.— Спать вместе не обязательно. Я только присмотрю за тобой. Кто-то хочет тебя убить.

Она уронила бокал.

Я помог ей вытереть лужу и объяснил ситуацию.

— Кто-то прирезал девушку в темной комнате,— закончил я свой рассказ.— И этот кто-то думал, что убил тебя. Сейчас он уже понял свою ошибку и попытается ее исправить. Нам нужно выяснить только одно: кто хочет убить тебя?

Она села и начала трепать концы носового платка.

— Никто не хочет меня убивать, Эдди. Эстелла получила свое.

— Ничего подобного.

— Но никакой ошибки не было. Я знаю.

— Что ты знаешь?

— Я... Нет, это невозможно. Если хочешь, оставайся на всю ночь. Можешь спать на той кушетке.

Она встала, выдвинула из стены кровать, потом пошла в душ, закрыла дверь и немножко поплескалась там.

— Этот душ такой тесный, в нем ни одеться, ни раздеться,— спокойно заявила она, выходя в комнату.— И в любом случае, я привыкла спать голышом. Если хочешь, раздевайся, я не испугаюсь.

— Спасибо. Я сниму только пиджак, галстук и обувь.

— Как знаешь.

Ее голос звучал приглушенно, поскольку в этот момент она стягивала через голову платье.

На ней были трусики, которые, по ее словам, никогда не носила Эстелла,— простой белый трикотаж, чистенький и аккуратный. Она не носила бюстгальтер, да и не нуждалась в нем. Представление о ее фигуре, полученное мною в «Магическом зеркале», вполне подтверждалось. Это было самое восхитительное зрелище, которое я когда-либо в жизни видел. В одежде на улице Хейзл показалась бы просто красивой и хорошо сложенной женщиной, но без одежды... многие войны начинались и по меньшему поводу.

Я начал сомневаться в том, что смогу остаться на кушетке. Наверное, это было как-то заметно, потому что она фыркнула:

— Сотри слюну с подбородка!

И перешагнула через трусики.

— Прошу прощения,— пробормотал я и начал развязывать шнурки.

Хейзл выключила свет, подошла к большому окну и раздвинула шторы. Окно было закрыто, но при выключенном свете улица просматривалась прекрасно.

— Отойди от окна,— сказал я.— Ты слишком хорошая мишень.

— Что? Ах да, конечно.

Она отошла на несколько шагов, все так же задумчиво глядя в окно. А я задумчиво разглядывал ее. Напротив, через улицу, сияла огромная неоновая вывеска, цветные полосы света врывались в комнату и покрывали Хейзл с головы до ног радужным текучим сиянием. Она походила на волшебную грезу.

Но через секунду я уже не думал о том, как она выглядит; мне вспомнилась другая комната, где лежала убитая девушка и огни ночного клуба светили сквозь стеклянную стену, как и эти всполохи неоновой рекламы.

Мысли быстро выстраивались в цепочку, причиняя мне почти физическую боль. Я разложил их по второму разу и получил все тот же ответ. Мне он очень не понравился. И я был рад, чертовски рад, что Хейзл разделась догола и ей негде спрятать нож, пистолет или какое-то другое смертельное оружие.

— Хейзл,— тихо позвал я.

Она повернулась ко мне.

— Да, Эдди?

— Мне пришла в голову новая идея... Зачем кому-то убивать тебя?

— Ты уже спрашивал. Нет никакого повода.

— Я так и знал. Ты права — никакого повода. Тогда давай поставим вопрос иначе... Зачем ты хотела убить Эстеллу?

Мне показалось, что она сейчас снова хлопнется в обморок, но меня это не волновало. Я хотел шокировать Хейзл. Ее сногсшибательная красота была для меня в тот миг всего лишь западней, сбивавшей со следа. Мне не хотелось подозревать Хейзл, поэтому я до сих пор даже не думал о том, что из всех очевидцев только она имела возможность совершить преступление, только она знала о перемене программы и, наконец, только у нее был хоть какой-то повод. Ясно как день, что она ненавидела Эстеллу. Хейзл скрывала свою ненависть, но не слишком умело.

А самое главное — на маленькой сцене не было темно! Конечно, она казалась темной — снаружи, из зала. Через стекло

ничего не видно, если вы стоите на освещенной стороне, но свет тем не менее проходит сквозь стекло. Неоновая вывеска на улице освещала комнату Хейзл, заливая нас сказочным светом; яркие лампы в баре Джека освещали маленькую сцену даже тогда, когда огни рампы были погашены.

И она знала это. Она знала, потому что бывала там много раз, репетируя позы для любителей клубнички. С самого начала она знала, что не было никакой ошибки в темноте: там хватало света! Чтобы перепутать иссиня-черную гриву Хейзл с обесцвеченной копной Эстеллы, нужна была абсолютная тьма.

Она знала... но почему тогда не сказала? Хейзл позволила мне остаться на ночь, хотя я ей даром не нужен. Она рискует репутацией и еще кое-чем, и все потому, что я выдвинул теорию о не-той-жертве-в-темноте. Хейзл знала, что это чушь собачья; почему она промолчала?

— Эдди, ты ненормальный, что ли? — Ее голос дрожал от испуга.

— Нет, теперь я стал нормальным. Я могу рассказать тебе, как ты это сделала, моя красотулечка. Вы были там обе, ты сама говорила, помнишь? Эстелла приняла свою позу и попросила тебя нажать на звонок. Ты нажала... но сначала схватила нож и воткнула ей между ребер. Потом ты вытерла рукоятку, осмотрелась, нажала кнопку звонка и удрала. Через десять секунд ты уже взяла меня под ручку. Меня — твое алиби! Это сделала ты, потому что ни у кого другого не хватило бы духу совершить убийство на виду у всей публики — представь себе эти сотни глаз за тонким стеклом. На балконе было светло: свет проникал из зала. Но это тебя не тревожило, потому что ты не раз разгуливала нагишом перед этим стеклом, зная, что тебя не видно, пока в зале горит свет! Никто другой на такое бы не решился!

Она смотрела на меня так, словно не верила своим ушам. Ее подбородок начал подрагивать. Она опустилась на корточки и зарыдала. Я даже удивился — настоящие слезы, ручьем... Наверное, они должны были меня растрогать, но не растрогали. Мне не нравятся убийцы.

Я встал около нее.

— Зачем ты ее убила? Зачем?!

— Пошел вон!

— Вот еще! Я хочу посмотреть, как из тебя сделают жаркое, мой грудастый ангелочек.

К телефону пришлось пятиться задом. Я не спускал с нее глаз, не рискуя поворачиваться к ней спиной, какой бы голой она ни была.

Хейзл метнулась вперед, но не ко мне, а к двери. Не знаю, как далеко она надеялась убежать нагишом.

Я сбил ее с ног и подмял под себя. Там было что подмять, ничего не скажешь! Она кусалась и царапалась, но я применил захват и выкрутил ей руку.

— Веди себя хорошо, милая, или я сломаю руку.

Она притихла, и тут до меня дошло, что подо мной не просто тело, а очень женственное тело. Я постарался проигнорировать этот факт.

— Отпусти меня, Эдди,— попросила она дрожащим голосом,— или я закричу, что меня насилуют. Ты потом от копов не отобьешься.

— Полный вперед, моя пышечка,— ответил я.— Именно копов я и хочу здесь увидеть — и чем быстрее, тем лучше.

— Эдди, Эдди, ну послушай меня... я не убивала ее. Но я знаю, кто убийца.

— Да? И кто же?

— Я знаю... Знаю... Хотя он вроде и не мог этого сделать. Вот почему я ничего не сказала.

— Давай выкладывай.

Она отозвалась не сразу, мне пришлось усилить захват.

— Говори!

— О Господи! Это был Джек.

— Джек? Чепуха! Я его видел.

— Знаю. И все-таки это сделал он. Не знаю как... но он убийца.

Я задумался, по-прежнему сжимая ее руку. Она заглянула мне в глаза.

— Эд?

— Ну?

— Если бы я нажала кнопку звонка, на ней бы остался отпечаток моего пальца?

— Наверняка.

— Так почему бы тебе не выяснить?

Это меня озадачило. Я по-прежнему не сомневался в своей правоте, но Хейзл, похоже, искренне хотела, чтобы я узнал ответ.

— Вставай,— буркнул я.— Сначала на колени, потом на ноги. И не пытайся освободить руку. Никаких фокусов — иначе получишь в живот.

Она смирилась. Я провел ее к телефону и набрал номер. Через телефонную станцию полиции мне удалось соединиться со Спейдом Джонсом.

— Эй, Спейд? Это Эдди... Эдди Хилл. Слушай, на кнопке звонка были отпечатки?

— А я все гадал, когда ты наконец спросишь об этом? Конечно, были.

— Чьи?

— Трупа.

— Эстеллы?

— А кого же еще? Ее отпечатки остались и на песочных часах. На рукоятке кинжала ничего — ее вытерли. По всей комнате отпечатки обеих красоток, хотя есть и несколько чужих... но, возможно, старые.

— Ага... да... ну хорошо, спасибо.

— Не за что. Звони мне, сынок, если вдруг осенит блестящая идея.

Я повесил трубку и повернулся к Хейзл. Не помню точно, но, кажется, я отпустил ее, когда Спейд сказал про отпечатки Эстеллы. Хейзл стояла рядом, растирая руку и очень странно посматривая на меня.

— Ладно,— сказал я,— можешь тоже вывернуть мне руку или врезать куда захочешь. Я ошибся. Прости... Я постараюсь заслужить твое прощение.

Она хотела что-то сказать, но снова расплакалась. Все закончилось тем, что она приняла мои извинения, причем самым приятным из возможных способов, перепачкав меня помадой и потекшей тушью. Мне это понравилось, хотя в душе я чувствовал себя мерзавцем.

Промокнув слезы на ее лице носовым платком, я попросил:

— Надень платье или что-нибудь еще, сядь на кровать, а я посижу на кушетке. Нам надо докопаться до сути, а я лучше соображаю, когда твои прелести прикрыты.

Она послушно отошла, и я начал размышлять.

— Ты говоришь, что ее убил Джек, но признаешь, что не знаешь, как он это мог сделать. Тогда почему ты его подозреваешь?

— Из-за музыки.

— Что-что?

— Из-за музыки, которую он приготовил для выступления. Помнишь «Грустный вальс»? Это музыка Эстеллы, то есть для ее сцены. Моя сцена, обычно шедшая в полночь, сопровождалась «Болеро». Он поставил музыку для нее и, значит, знал, что на балконе Эстелла.

— Поэтому, когда он заявил, что она не предупредила его о перемене программы, ты заметила ложь. Но по такой улике человека не осудишь — он может сказать, что поставил пластинку по ошибке.

— Может, да не скажет. Пластинки хранятся строго по номерам, каждая предназначена для своей сцены, и такой порядок соблюдается не первую ночь. Никто, кроме Джека, их не трогает. Он уволил бы любого, кто коснулся бы его пульта. Но знаешь... я заподозрила его еще до того, как подумала о музыке. Только как он ее убил — ума не приложу.

— Я тоже. Давай продолжай.

— Он ненавидел ее.

— Почему?

— Она крутила им как хотела.

— Как хотела? Допустим, крутила. Со многими такое бывает. Она над всеми издевалась — дразнила тебя, дразнила меня. Ну и что?

— Это не одно и то же,— настаивала Хейзл.— Джек боялся темноты.

Да, история оказалась печальной. Парень боялся темноты — по-настоящему, как боятся некоторые дети. По словам Хейзл, он ночью не мог без фонарика даже до стоянки дойти, чтобы сесть в машину. Но не в этом выражалась слабость Джека, и не этого он стыдился: многие люди пользуются фонариками — просто чтобы знать, на что они наступают. Беда в том, что Джек влюбился в Эстеллу и, видимо, добился немалых успехов — фактически он уложил ее в постель. Да только ничего у него не вышло, потому что девчонке вздумалось выключить свет. Эстелла, рассказывая об этом Хейзл, злорадно подчеркивала, что вовремя успела узнать о его «трусости».

— После этого она постоянно издевалась над ним,— продолжала Хейзл.— Со стороны ничего не было заметно, если не знаешь. Но он-то знал! Он боялся ее, боялся уволить ее из-за страха, что она расскажет кому-нибудь. Он ненавидел ее — и в то же время сгорал от любви и ревновал. Однажды, когда я была в костюмерной...

Хейзл продолжала свой рассказ. Джек вошел в комнату, когда девчонки то ли одевались, то ли раздевались, а заодно препирались по поводу одного из посетителей. Эстелла велела Джеку убираться. Он ни в какую. И тогда она выключила свет.

— Он удирал как заяц, спотыкаясь о собственные ноги.— Хейзл тяжело вздохнула.— Ну как тебе история, Эдди? Хороший мотив для убийства?

— Хороший,— согласился я.— Ты почти убедила меня, что это сделал он. Только он не мог... я же его видел.

— Не мог... В том-то вся и проблема.

Я отправил ее в постель и попросил постараться заснуть. Мне хотелось спокойно посидеть, пока все куски мозаики не сложатся в картину. Когда Хейзл сняла наброшенный халат, я был вознагражден очередным лицезрением ее фигуры. Но я позволил себе только один поцелуй с пожеланием доброй ночи. Не думаю, что она спала; во всяком случае, не храпела.

Я сел и начал ворочать мозгами. На сцене не было темно, когда балкон казался темным, и этот факт менял все, исключая, по моему мнению, каждого, кто не был знаком с механикой «Зеркала». А значит, оставалось всего несколько подозреваемых — Хейзл, Джек, помощник-бармен, два официанта и сама Эстелла. Конечно, была возможность, что какой-то неизвестный тип прокрался наверх, сунул в девицу ножичек и потихоньку смылся — но возможность чисто физическая. С точки зрения психологии это мало вероятно. Кстати, не забыть бы спросить у Хейзл, работали ли в «Зеркале» другие модели.

Помощник-бармен и два официанта, которых Спейд исключил из списка подозреваемых, имели железное алиби, подтвержденное одним и более клиентами. Мои показания говорили в пользу Джека. Эстелла... нет, это не самоубийство. Что касается Хейзл...

Отпечаток пальца Эстеллы вроде бы снимает подозрения с Хейзл: ей явно не хватило бы времени убить Эстеллу, расположить труп в нужной позе и, вытерев рукоятку, спуститься вниз, ко мне под бочок, до того как Джек начал представление.

Но в таком случае больше некого подозревать... и остается гипотетический сексуальный маньяк, который, не смущаясь толпой людей за стеклом, устроил резню на алтаре. Чушь какая-то!

Конечно, отпечаток пальца ничего не исключает. Хейзл могла нажать кнопку звонка монетой или заколкой — тогда бы старый отпечаток сохранился. Мне не хотелось это признавать, но окончательно снимать подозрения с Хейзл было рано.

И опять-таки, если Эстелла не нажимала на кнопку, убийство мог совершить только свой; никто из чужих не знал, где эта кнопка. Да и кто бы додумался нажимать на нее?

А зачем это понадобилось Хейзл? Сигнал не давал ей алиби... значит, в этом не было смысла.

Вот так круг за кругом, круг за кругом, пока не заболела голова.

Через какое-то время я встал и подергал за покрывало.

— Хейзл!

— Да, Эдди?

— Кто нажимал на кнопку звонка перед одиннадцатичасовым представлением?

Она задумалась.

— Это был наш совместный показ. Кнопку нажимала Эстелла... она всегда брала инициативу на себя.

— М-м-м... А другие девушки работали в «Зеркале»?

— Нет, никто, кроме меня и Эстеллы. Мы и начинали это шоу.

— Ладно. Кажется, я что-то нащупал. Пойду позвоню Спейду Джонсу.

Спейд заверил меня, что был несказанно рад покинуть теплую постель, чтобы потрепаться со мной: может, я соглашусь пойти к нему в горнисты? Но все же он обещал приехать в Джой-клуб, захватив с собой Джека, патрульных полицейских, пистолеты и мышцы для выкручивания рук.

Когда мы собрались в Джой-клубе, я встал за стойкой бара, Хейзл села там, где сидела вчера, на моем месте устроился полицейский из отдела по расследованию убийств. Джек и Спейд находились у конца стойки, откуда лейтенанту были видны мы все.

— Сейчас вы увидите, как человек может оказаться в двух местах одновременно,— объявил я.— Мне придется исполнить роль мистера Джека Джоя. Представим, что время близится к полуночи, Хейзл только что покинула костюмерную и спустилась вниз. Она ненадолго задержалась в дамском туалете, поэтому не заметила Джека, когда тот поднимался на балкон. Итак, наш герой находит Эстеллу в костюмерной — уже раздетую и готовую к выступлению...

Я взглянул на Джека. Его лицо казалось окаменевшей маской, но сдаваться он не собирался.

— Возникла ссора — не знаю, по какому поводу, но скорее всего из-за трубача, ради встречи с которым Эстелла изменила программу. В любом случае, готов держать пари, что девчонка закончила спор, выключив свет. И Джек вылетел прочь!

Первый пробный удар прошел. Джой вздрогнул, маска треснула.

— Но Джек отсутствовал не более нескольких секунд,— продолжал я.— Возможно, в кармане у него оказался фонарик — наверное, он и сейчас там лежит,— и это помогло ему вернуться в ту ужасную темную комнату, чтобы включить свет. Эстелла обмазывалась кетчупом; ей оставалось лишь нажать на кнопку звонка, она даже успела поставить песочные часы. Джек схватил кинжал и нанес смертельный удар.

Я сделал паузу. На этот раз мой шар не достиг цели. Маска Джека не дрогнула.

— Он придал ее телу нужное положение... оставим на это десять секунд. Скрывая улики, он вытирает рукоятку и сбегает по лестнице вниз — можем кинуть на это десять или даже двадцать секунд. Потом он спрашивает меня, звенел ли звонок, и я отвечаю, что звонка не было. А он действительно хотел это знать, потому что Эстелла могла нажать на кнопку до того, как он пришил ее. Узнав, что хотел, Джек начинает отвлекать внимание... примерно так...

Я повозился с посудой, взял со стойки ложку и указал ею на стеклянную перегородку сцены.

— Заметьте, что «Зеркало» освещено и там сейчас никого нет — я врубил обходной выключатель. Но представьте, что там темно, на алтаре лежит Эстелла и ее сердце пробито кинжалом.

Пока они смотрели на «Зеркало», я опустил металлическую ложку и замкнул штырьки, от которых шли провода к звонку на сцене. Раздался громкий звонок. Я разомкнул контакт, приподняв кончик ложки, и снова замкнул два тросика: еще один звонок.

— Вот таким образом человек может... Держи его, Спейд!

Но лейтенант навалился на Джека еще до того, как я закричал. Трое полицейских еле смогли удержать его. Он не был вооружен, просто сработал защитный рефлекс — желание вырваться на свободу. И даже теперь он не сдавался.

— У вас на меня ничего нет! Ваши доказательства — дерьмо! Любой мог замкнуть эти провода на всем протяжении линии.

— Нет, Джек,— возразил я.— Мы это проверили. Провода входят в ту же стальную трубу, что и силовая проводка, и так до самой соединительной коробки на балконе. Или здесь, или там, Джек. А раз не там, то только здесь.

— Я хочу видеть своего адвоката,— вот и все, что он сказал мне в ответ.

— Ты увидишь своего адвоката,— весело заверил его Спейд.— Завтра или послезавтра. А сейчас ты поедешь к нам в участок и посидишь несколько часов под парочкой горячих ламп.

— Нет, лейтенант! — вмешалась Хейзл.

— Что? Почему нет, мисс Дорн?

— Не сажайте его под лампы. Лучше заприте в темный чулан!

— В чулан? Почему в чу... Девочка! Да ты просто умница!

Они воспользовались чуланом для швабр. Парня хватило на полчаса, потом он захныкал, а потом начал кричать. Они его выпустили и выслушали чистосердечное признание.

Когда Джека уводили, мне было почти жаль его. А впрочем, чего жалеть? Ему грозил только допрос второй степени, и клянусь, никто бы не доказал преднамеренного убийства. А теперь лучшим выходом для него будет «невиновность по причине невменяемости». Какой бы ни была его вина, Джека довела до убийства сама Эстелла. И только представьте, какое самообладание было у парня — какая колоссальная выдержка потребовалась, чтобы осветить кровавую сцену после того, как он поднял взгляд и заметил в дверях двух полицейских!

Я второй раз отвез Хейзл домой. Кровать по-прежнему была разложена, и, сбросив на ходу туфли, Хейзл направилась прямо к ней. Расстегнула молнию на боку платья, начала стаскивать его через голову и вдруг остановилась.

— Эдди!

— Да, красавица?

— Если я опять разденусь, ты не обвинишь меня в новом преступлении? Я задумался.

— Все зависит от того, кем ты заинтересовалась — мной или агентом, о котором я говорил.

Она улыбнулась, схватила туфельку и бросила в меня.

— Конечно тобой! Только не очень задавайся.

И она разделась до конца. А немного погодя и я начал развязывать шнурки.

Папочка заявил, что я — ам! — и съем все, что стоит неподвижно или даже движется, но не слишком быстро. Мама сказала — чушь! Просто у нее (то есть у меня) стремительный обмен веществ.

— Но ты же его никогда не измеряла,— возразил папочка,— так откуда тебе известна его скорость? Плюшка, стань боком, дай я тебя огляжу.

А братец съехидничал:

— Так у нее же никаких боков нет!

И испустил жуткий хохот на манер дятла Вуди. И правда похоже, но только куда противнее. Впрочем, какой прок от мужской половины человечества в возрасте от двух до шестнадцати? Потом они становятся сносными, даже необходимыми — во всяком случае мне было бы нелегко обходиться без Клиффа, хотя братец и до седых волос наверняка останется такой же язвой.

Вот как и почему я села на диету.

© И. Гурова, перевод

Началось с Клиффа — как почти всегда и во всем. Я обязательно выйду за Клиффа, хотя ему я про это еще не говорила. У меня ни разу не было повода усомниться в искренности его обожания, но порой я задумывалась над тем, что для него во мне самое привлекательное — мой характер, мои интересы, мои духовные достоинства или же мои, так сказать, физические данные.

Весы в ванной намекали, что пальму первенства следует отдать внутренней красоте моего облика. Как будто это должно было меня обрадовать, но покажите мне девушку, которая согласилась бы обменять талию в двадцать один дюйм и изящную фигуру на высокие добродетели. Конечно, сногсшибательной красавицей я себя не считаю, но одобрительный свист тебе вслед еще никому вреда не причинял и укрепляет бодрость духа.

А как раз перед этим мне выпал шанс выяснить точку зрения Клиффа. В наш класс пришла новенькая, у которой все обхваты были точно такими же, как у меня. (Мы сравнили.) Соль в том, что Клариссе они очень шли — изгибисто, обильно, но в самый раз. Морин, сказала я себе, вот случай узнать истинное мнение Клиффа.

Я подстроила так, чтобы он хорошенько ее разглядел во время теннисной тренировки, а когда мы уходили, я сказала коварно:

— У новенькой, у Клариссы, фигура — ну просто чудо!

Клифф поглядел через плечо и ответил:

— Ага! От щиколоток и ниже.

Вот я и получила искомый ответ, и он пришелся мне не очень по вкусу. Клиффу не нравятся фигуры моего типа! Отъединенная от моей личности, моя фигура его не прельщает. Конечно, мне следовало возликовать: вот она — истинная любовь! Но я не возликовала, а почувствовала себя очень скверно.

Так вот, когда я вечером отказалась положить себе картошки, и возникла тема моего обмена веществ.

На другой день я отправилась в библиотеку и порылась в каталоге. Мне и в голову не приходило, что о диетах понаписано

столько книг! Тем не менее мне удалось отыскать достаточно осмысленную: «Ешьте и обретайте стройность». Что может быть лучше!

Я забрала книгу домой, достала сухарики, сыр и машинально жевала, пока разбиралась, что к чему. Один курс обещал избавление от десяти фунтов за десять дней, но меню выглядело чересчур уж скудным. Второй гарантировал потерю десяти фунтов за месяц. Вот он, решила я. Изнуряться тоже не к чему.

Одна глава объясняла про калории. Очень доходчиво. Порция мороженого — сто пятьдесят калорий, три финика — восемьдесят четыре калории.

«Сухарики на соде» увидела я. Ну, они на много не потянут. Так и вышло. Всего двадцать одна калория. Тогда я отыскала «сыр». В моем мозгу зашебуршились арифметические действия, а по коже побежали мурашки. Я кинулась в папин кабинет и положила на почтовые весы тот сыр, который еще не перевоплотился в Морин.

Я складывала, умножала, делила, а потом проверила и перепроверила результат. Никуда не денешься: включая две малюсенькие помадки, я съела шестьсот семьдесят калорий, то есть более половины калорий, положенных на день!

Морин, сказала я, давай-ка, милая, изнуряйся! Без десятидневной диеты тебе не обойтись.

Я намеревалась помалкивать и выклевывать свою диету из того, что ставилось передо мной на стол. Но куда там? Какие тайны в семье, объединяющей вреднейшие замашки сенатской комиссии по расследованию с допросом под пыткой. Немного опоздав, я увернулась от супа со сливками, но когда была вынуждена отказаться от мясного соуса, у меня остался лишь один выход — показать им книжку.

Мама объявила, что растущие девочки нуждаются в усиленном питании. Я возразила, что по вертикали уже не расту, а расти по горизонтали мне, пожалуй, хватит.

Братец раскрыл было рот, но я заткнула его булочкой, так что папочка успел сказать:

— Спросим доктора Эндрюса. Если он даст ей зеленую улицу, пусть морит себя голодом. Она вправе распоряжаться собой.

Ну, на следующий день мы с папочкой отправились к доктору Эндрюсу. Тем более что папочка уже был записан на прием — его каждую весну мучают жуткие насморки. Доктор Эндрюс тут же отослал папочку через вестибюль в приемную доктора Грайба, специалиста по аллергиям, а потом занялся мной. Доктора Эндрюса я знаю с тех самых пор, когда испустила свой первый писк, а потому рассказала ему все, даже про Клиффа, и показала книжечку. Он полистал ее, взвесил меня, послушал сердце, измерил давление, а потом сказал:

— Действуй! Только выбери месячную диету. Я не хочу, чтобы ты падала в голодные обмороки на уроках.

По-видимому, я надеялась, что он спасет меня от моей силы воли.

— А физическими нагрузками обойтись нельзя? — спросила я выжидательно.— Я же веду очень подвижный образ жизни.

Он прямо чуть не умер от смеха.

— Девочка моя,— сказал он,— знаешь, сколько тебе надо проехать на велосипеде, чтобы нейтрализовать один шоколадный коктейль? Восемь миль! Конечно, физические упражнения помогут, но очень мало.

— И долго мне соблюдать диету? — спросила я умирающим голосом.

— Пока не достигнешь веса, который тебя устроит, или пока у тебя хватит силы воли.

Я вышла, стискивая зубы. Если у девушки нет ни фигуры, ни силы воли, что, спрашивается, у нее есть?

Когда мы вернулись, мама была дома. Папочка поднял ее на руки, чмокнул и сказал:

— Кормить диетически тебе придется двоих!

— Двоих? — переспросила мама.

— Ты погляди! — и папочка снял рубашку.

Руки у него были все в красных пупырышках, расположенных аккуратными рядами,— красных и очень-очень красных.

— У меня аллергия! — гордо возвестил он.— Это вовсе не простуды. У меня аллергия буквально на все. Это,— он указал на красный рядок,— бананы. А вот — кукуруза. Здесь — белки коровьего молока. Тут — цветочная пыльца в меду. Погоди-ка...— из кармана он извлек длинный список.— Ревень, саго, фасоль, кокосы, горчица, коровье молоко, абрикосы, свекла, морковь, мясо барашка, хлопковое масло, латук, устрицы, шоколад... Впрочем, прочти сама. Это ведь твоя проблема.

— Как хорошо, что я сегодня записалась на вечерние курсы домашних диетологов! Теперь наша семья будет питаться строго по-научному,— сообщила мама.

Казалось бы, хуже некуда. Как бы не так! Братец заявил, что у него хоккейные тренировки и ему требуется тренировочная диета, а именно: кровавые бифштексы и хлеб из пшеничных зерен. И все. В прошлом сезоне он даже со свинцовыми грузилами в карманах не добрал до контрольного веса, а к следующему намерен стать помесью сказочного великана и боксера-тяжеловеса. Отсюда и диета.

Ну, тут и мама подобрала себе диету — строго научную, опирающуюся на знания, которые она приобрела за две недели, пока посещала курсы. Мама часами просиживала над диаграммами, и еда нам подавалась каждому на собственном подносе, точно в больнице, где я лежала, когда сломала лодыжку во время перебежки в бейсболе, играя за Младших гигантов Вест-Сайда. Мама сказала, что девочке с моей фигурой не следует уподобляться уличным сорванцам, а я говорю, что уличным сорванцам не следует иметь мою фигуру. Да я и никакой не уличный сорванец с тех пор, как в мою жизнь вошел Клифф.

Мама каким-то образом умудрялась находить продукты питания, не попавшие в список папочкиных запретов — тушеное мясо яка, маринованные пальмовые листья, вяленые щупальца осьминога и прочее в таком же роде.

Я спросила папочку, проверил ли он, что ж ему можно, а он сказал:

— Занимайся своим вязанием, Плюшка!

И положил себе еще телячьего паштета. Я даже отвернулась.

Мамина диета была такой же экзотической, но менее заманчивой. Она пыталась прельстить меня и братца своим супчиком из морских водорослей, толченой пшеницей и сырым ревенем, но мы упрямо цеплялись за свои диеты. Еда — большое удовольствие при условии, что она съедобна.

С завтраком было легче — папочка завтракал позднее меня, потому что в этом семестре лекции у него начинались только в десять.

Я отлеживалась в кровати, пока наш юный атлет разделывался со своим Завтраком Чемпионов, а потом вставала в последнюю минуту, выпивала стакан томатного сока (двадцать восемь калорий) и окончательно просыпалась на полдороги к школе. А тогда уже не на что было облизываться. Свой жалкий полдник я приносила в школу с собой, Клифф тоже завел такую манеру, и мы устраивали пикнички вдвоем. Он не замечал, что я ем и сколько.

Но я и не хотела, чтобы Клифф что-то заметил до поры до времени. Я мечтала, как он замрет в восхищении, когда я явлюсь на вечер в честь окончания учебного года в вечернем платье.

Но не получилось. Два последних экзамена Клифф сдал досрочно и укатил на лето в Калифорнию, а я провела вечер в честь окончания у себя в комнате — грызла сельдерей (четыре калории стебель) и размышляла о жизни.

И сразу же мы отбыли в наше летнее путешествие. Папочка предложил Новый Орлеан. Мама покачала головой.

— Жара там невыносимая. И я не хочу подвергать тебя соблазнам креольских ресторанчиков.

— Как раз о них я и думал! — ответил папочка.— Лучшие рестораны для гурманов во всей стране! Во время путешествия ты же все равно не сумеешь держать нас на диете. Это непрактично. «У Антуана», я гряду! Жди меня.

— Нет,— сказала мама.

— Да,— сказал папочка.

Ну и мы поехали в Калифорнию. Едва Калифорния была упомянута, я всем весом (еще порядочным) навалилась на папочку, чтобы он согласился. Увидеться с Клиффом до осени! Об этом я и не мечтала. Бог с ними, с буябесами по-марсельски и с креветками по-норфолкски. Но, хотя победа осталась за Клиффом, я предпочла бы, чтобы она далась мне не так тяжело.

Назвать наше путешествие веселым и беззаботным было бы большим преувеличением. Братец дулся потому, что ему не разрешили взять с собой тренировочную штангу, а мама запаслась всевозможными диаграммами, справочниками и меню. Где бы мы ни останавливались, она сразу вступала в длительные переговоры, включавшие дипломатическую встречу с шеф-поваром, а нас тем временем терзал лютый голод.

Мы подъезжали к Кингмену в Аризоне, как вдруг мама объявила, что, по ее мнению, мы там не найдем ресторана, где могли бы поесть.

— Но почему? — вопросил папочка.— Местные жители едят же что-то!

Мама перетасовала свои листки и предложила ехать прямо в Лас-Вегас, не останавливаясь.

Знай он, вздохнул папочка, что наша поездка обернется повторением злоключений тех, кто пересекал континент под водительством Доннера, он подучился бы, как стряпать человечину.

Под эту беседу мы проскочили Кингмен и свернули на север к плотине Боулдер-Дам. Мама с тревогой посмотрела на гряду суровых холмов впереди и сказала:

— Не лучше ли вернуться, Чарльз? До Лас-Вегаса ехать еще часы и часы, а на карте — ни единого населенного пункта.

Папочка покрепче стиснул баранку и нахмурился. Заставить его повернуть назад под силу разве что оползню, и маме следовало бы это знать.

А мне было уже все равно. Белеть моим косточкам под насыпью, это уж точно. «Она старалась и скончалась!»

За холмами потянулась невообразимо унылая пустыня, и тут мама сказала:

— Да поверни же назад, Чарльз! Погляди на бензиновый счетчик.

Папочка выставил подбородок и прибавил скорость.

— Чарльз! — сказала мама.

— Ни звука! — отрезал папочка.— Я вижу бензоколонку.

Вывеска провозглашала: «Санта-Клаус, Аризона». Я заморгала в уверенности, что наконец-то мне довелось увидеть мираж. Да, бензоколонка... но не только, не только!

Ведь в пустынях бензозаправочные станции — всегда скопление различных строений. И тут красовался сказочный коттедж, крытый дранкой, которая слагалась в волнистый узор и блестела на солнце, ну прямо как леденцовая! Над крышей торчала широкая кирпичная труба. И в нее собирался залезть Санта-Клаус!

Морин, сказала я себе, довела ты себя голоданием до галлюцинаций!

Между бензоколонкой и коттеджем стояли два чудных домика. На одном была надпись «Золушкин дом» и там Мэри Все Наоборот поливала огород. Второй ни в каких надписях не нуждался: в окошко выглядывали Три Поросенка, а в трубе застрял Злой Серый Волк.

— Для мелюзги! — буркнул братец и заныл: — Па, мы тут перекусим, а?

— Нет, только наполним бак,— ответил папочка.— Найди камушек посочнее и погрызи. Ваша мамочка объявила голодовку.

Мама молча направилась к коттеджу, и мы потянулись за ней. Едва мы переступили порог, как зазвонил колокол и кто-то объявил звучным приятным контральто!

— Добро пожаловать! Кушать подано!

Внутри коттедж показался вдвое больше, чем снаружи, с прелестнейшим столовым залом, блестевшим новизной и чистотой. Из кухни веяло небесными ароматами. Оттуда вышла владелица контральто и улыбнулась нам. Мы сразу поняли,

кто перед нами, потому что на ее переднике было вышито «Госпожа Санта-Клаус». Глядя на нее, я ощутила себя в меру худощавой, но ее полнота только красила. Попытайтесь вообразить тощую госпожу Санта-Клаус.

— Сколько вас? — спросила она.

— Четверо,— ответила мама,— но...

Госпожа Санта-Клаус уже скрылась на кухне. Мама села за столик и взяла меню. Я последовала ее примеру, и у меня потекли слюнки. Вот посудите сами!

Мятно-фруктовые тарталетки
Похлебка по-креольски
Суп-пюре из курицы
Жареная телятина с пряностями
Суфле из ветчины
Жаркое по-новоанглийски
Барашек по-гавайски
Картофель по-лионски
Картофельная соломка
Сладкий картофель по-мэрилендски
Маринованный лук
Спаржа с зеленым горошком
Салат из цикория с сыром рокфор
Артишоки с авокадо
Свекла под майонезом
Сырная соломка
Булочки с корицей
Оладьи
Миндальное мороженое под хересом
Ромовая баба
Пылающие персики по-королевски
Воздушный мятный пирог
Шоколадный торт
Фруктовый торт со взбитыми сливками
Кофе, чай, молоко

(Воду нам привозят за пятнадцать миль. Пожалуйста, помогите нам ее экономить.)

Благодарю вас, госпожа Санта-Клаус.

У меня просто в глазах зарябило, и я посмотрела в окно. Мы по-прежнему находились в центре самой угрюмой пустыни в мире.

Тогда я принялась подсчитывать калории в этом провокационном документе. Дошла до трех тысяч и сбилась. Потому что перед нами поставили фруктовые тарталетки. Я едва притронулась к одной, как мой желудок подпрыгнул и принялся грызть пищевод.

Вошел папочка, сказал «ну-ну!» и сел. Братец тоже не заставил себя ждать.

— Чарльз,— сказала мама,— в этом меню для тебя практически ничего нет. Пожалуй, я...

Она встала, чтобы пойти на кухню.

Папочка сказал, не отрываясь от меню:

— Погоди, Марта. Будь добра, сядь!

Мама села, и он спросил:

— У меня большой запас носовых платков?

— Конечно,— ответила мама,— но почему...

— Превосходно. Я уже ощущаю начало приступа. Итак, похлебка...

— Чарльз! — сказала мама.

— Затвори уста, женщина! Человечество просуществовало пять миллионов лет, поедая все, что можно разжевать и проглотить...

Тут вернулась госпожа Санта-Клаус, и он заказал и то и се, и еще, и еще, и каждое его слово было как удар ножа в мое сердце.

— А теперь,— заключил он,— если у вас найдется восемь нубийских рабов, чтобы внести все это...

— Мы воспользуемся «джипом»,— ответила она и обернулась к маме.

Мама хотела было заказать рубленой травки и витаминный суп, но папочка ее перебил:

— Я заказал на нас двоих. А дети пусть выберут сами.

Мама сглотнула и промолчала. Братец вообще в меню не заглядывает.

— Мне двойной каннибальский бутерброд,— потребовал он.

Госпожа Санта-Клаус содрогнулась.

— А что такое,— осведомилась она зловеще,— каннибальский бутерброд?

Братец объяснил, и она воззрилась на него так, словно надеялась, что он уползет под камень, откуда выполз. Потом сказала с трудом:

— Госпожа Санта-Клаус выполняет любые заказы клиентов, но есть его ты будешь на кухне. Тут ведь будут обедать и другие люди.

— Ладненько,— согласился братец.

— А тебе что приглянулось, деточка? — спросила она у меня.

— Все,— ответила я тоскливо,— но у меня диета.

Она сочувственно вздохнула, а потом спросила:

— Но что тебе запрещено есть?

— Особо ничего. Мне запрещена еда вообще. Мне нельзя есть еду.

— Найти тут что-то малокалорийное не так-то просто. К подобным блюдам у меня душа не лежит. Я тебе подам то же, что твоим родителям, а уж ты ешь, что захочешь, и так мало, как захочешь.

— Хорошо,— слабовольно согласилась я.

Нет, правда, я старалась устоять. Считала до десяти между двумя глотками, только вдруг заметила, что считаю очень быстро — для того чтобы успеть съесть это блюдо, пока не подали следующее.

Вскоре мне стало ясно, что я — погибшая женщина, но мне было все равно. Меня окутывал теплый туман калорий. Один раз из-за края тарелки высунулась моя совесть, я обещала завтра вообще проголодать, и она опять уснула под тарелкой.

Из кухни показался братец с физиономией, вымазанной розовым кремом.

— Это что? Крем с каннибальского бутерброда? — спросила я.

— А? Ты бы посмотрела, чего там только нет! Ей бы держать тренировочный стол! — пробурчал он.

Много-много времени спустя папочка сказал:

— Пора и в дорогу... Брр!

— Так переночуйте здесь,— предложила госпожа Санта-Клаус.— Место найдется для всех.

Ну, мы и остались. Это было чудесно!

Утром я проснулась с твердым намерением обойтись без двадцати восьми калорий моего томатного сока, но я не учла госпожи Санта-Клаус. И никаких меню! Не успели мы сесть за стол, как нам подали чашечки с кофе и еще всякую всячину — но не разом, а по очереди, а это притупляет бдительность. Както: грейпфрут, молоко, овсяные хлопья со сливками, яичницу с колбасой, а еще поджаренный хлеб, сливочное масло, джем, бананы и сливки. А когда оказалось, что на кухне больше ничего остаться не могло, появились хрустящие вафли, еще масло, земляничное варенье и кленовый сироп. А с ними еще кофе.

Я съела все, испытывая безнадежное раздвоение личности: одна половина пребывала в чернейшем отчаянии, другая — в блаженном экстазе.

В путь мы отправились, чувствуя себя великолепно.

— Завтрак,— изрек папочка,— следует сделать обязательным, как школьное образование. Я предсказываю, что скоро будет установлена прямая зависимость между современной тенденцией обходиться без завтрака и ростом преступности среди несовершеннолетних.

Я промолчала. Мужчины — моя слабость, вкусная еда — моя погибель, но мне было все равно.

Пообедали мы в Барстоу. Я, правда, осталась в машине и попыталась вздремнуть.

В отеле нас встретил Клифф, и мы с ним попросили нас извинить — он пригласил меня поехать с ним на машине посмотреть университет. Когда мы пришли на автостоянку, он спросил:

— Что с тобой? Лицо такое, словно ты лишилась последнего друга... И ты исхудала, ну словно щепка.

— Ах, Клифф,— сказала я и расплакалась у него на плече.

Потом он вытер мне нос и завел мотор. Мы тронулись, и я рассказала ему все. Он промолчал, но вскоре свернул влево.

— Разве университет там? — спросила я.

— Неважно.

— Клифф, я тебе совсем опротивела?

Вместо ответа он остановил машину перед внушительным зданием, и мы вошли. Оказалось, что это картинная галерея. Все еще не говоря ни слова, Клифф повел меня на выставку старинной живописи и указал на картину.

— Вот,— сообщил он,— мой идеал женской красоты.

Я посмотрела. «Суд Париса» Рубенса.

— И вот, и вот,— продолжал Клифф, кивая на другие полотна Рубенса, чьи натурщицы, честное слово, ни про какие диеты наверняка ничего не слышали.

— Вот что требуется нашей стране! — объявил Клифф.— Побольше пухленьких девушек и побольше ребят вроде меня, способных оценить их.

Я молчала, пока мы не вышли из музея. Мне требовалось переосмыслить все мои представления. Но что-то меня грызло, и я напомнила ему, как он обругал фигуру Клариссы, девушки такого же роста и таких же объемов, что и я.

— А да! — припомнил он,— Настоящая красавица, просто сногсшибательная...

— Погоди, Клифф, но ты же сказал...

Он схватил меня за плечи.

— Ты меня за полного идиота принимаешь, дуреха? Так я бы и подал тебе повод взревновать!

— Но я никогда не ревную!

— Расскажите вы ей! Так где перекусим? «У Романова»? В «Бродяге»? Денег у меня полным-полно.

Меня нежили теплые волны счастья.

— Клифф...

— Что, детка?

— Мне говорили про коктейль «Мечта идиота». В большой бокал кладут два банана; шесть сортов мороженого и...

— Ты отстала от века. Про «Эверест» слышала?

— О?

— На подносе строят пирамиду из двадцати одного сорта мороженого, скрепляя четырьмя бананами, жженым сахаром и орехами. Потом обливают шоколадным сиропом, утыкивают орехами под скалы, обсыпают ванильной пудрой, а вершину покрывают взбитыми сливками под снег. Ниже втыкают петрушку под деревья, а на верхнем склоне присобачивают маленького пластмассового лыжника. Его берешь на память о пережитом.

— О-о-о! — вздохнула я.

— По одному на клиента. Но если ты съешь все, я не плачу.

Я расправила плечи.

— Вперед, на взятие «Эвереста»!

— Ставлю на тебя, Плюшка.

Клифф самый лучший из всех мужчин в мире.

На горизонте виднелось неподвижное облако. Его подпирали невероятных размеров смерчи — «гавайские Столбы».

Капитан Блейк опустил бинокль.

— Ну что ж, джентльмены, вот и они.

Кроме вахтенных, на мостике гидрографического судна ВМФ США «Мэхен» находились двое гражданских; к ним капитан и обращался. Старший из них, тот, что пониже ростом, внимательно вгляделся в подзорную трубу, позаимствованную у рулевого.

— Я не могу их разглядеть,— пожаловался он.

— Ну так попробуйте мой бинокль,— предложил ему Блейк. Он обернулся к стоящему на палубе офицеру.— Мистер Мотт, пошлите, пожалуйста, к носовому дальномеру.

Лейтенант Мотт поймал взгляд вахтенного старшины, прислушивавшегося с почтительного расстояния к разговору, и сделал ему знак. Старшина, шагнув к микрофону, подал

© В. Ларионов, перевод

сигнал «Внимание!», и металлический голос громкоговорителя заполнил судно, заглушив последние слова капитана.

— Пе-еррр-вый дальномеррр! Пр-рр-риступить к р-рр-работе!

— Я спросил,— повторил капитан,— не лучше ли видно с этим.

— Мне кажется, я вижу,— сказал Джекобсон Грейвс.— Две черные вертикальных полоски от самого облака до горизонта.

— Они самые.

Другой штатский, Билл Эйзенберг, вооружился подзорной трубой, когда Грейвс предпочел ей бинокль.

— Ага, я тоже вижу,— заявил он.— С трубой все в порядке, док. Но они вовсе не такие огромные, как я ожидал.

— Они все еще за горизонтом,— объяснил Блейк.— Вы видите только самые верхушки. А они вздымаются на одиннадцать тысяч футов от поверхности воды до облака — если, конечно, они еще продолжают расти.

Грейвс тут же отреагировал на нотку сомнения, прозвучавшую в голосе капитана.

— А почему такая оговорка? Ведь они не меняются, верно?

Капитан Блейк пожал плечами.

— Совершенно верно. Вон они, прямо по носу. Но их там вообще не должно было быть — четыре месяца назад их не существовало. Откуда мне знать, что с ними станет сегодня или завтра?

Грейвс кивнул.

— Согласен с вами. Нельзя ли оценить их высоту по расстоянию?

— Посмотрим,— Блейк обернулся к штурманской рубке.— Какие отсчеты, Арчи?

— Секундочку, капитан,— штурман наклонился к переговорной трубке.— Дистанция!

Искаженный трубой голос ответил: «Первый дальномер — нет отсчетов».

— Больше двадцати миль,— задумчиво сказал Блейк.— Придется подождать, доктор.

Рулевой по приказу лейтенанта Мотта трижды ударил в рынду. Капитан ушел с мостика, напомнив напоследок, чтобы ему дали знать, когда корабль окажется в трех милях от Столбов. Грейвс с Эйзенбергом последовали за ним; оставалось немного времени до обеда в обществе капитана, и нужно было успеть переодеться.

Капитан Блейк был старомоден — никаких деловых разговоров за обедом. Только когда наступило время кофе и сигар, он продолжил прежнюю тему.

— Ну что ж, джентльмены,— закурив, начал он.— Что, собственно, вы предлагаете делать?

— А вам в Военно-морском министерстве разве не объяснили? — спросил Грейвс.

— Не все. Я получил письмо с указанием предоставить судно и экипаж в ваше распоряжение для исследований Столбов, а два дня назад пришел приказ принять вас на борт сегодня утром. И никаких подробностей.

Грейвс бросил обеспокоенный взгляд на Эйзенберга, затем снова обратился к капитану.

— Кх-м-м...— мы предполагаем, капитан, подняться по столбу Канака и спуститься по Вахини.

Блейк уставился на него, начал было говорить, замолчал и наконец продолжил:

— Я надеюсь, вы меня извините, доктор,— мне не хотелось бы показаться грубым,— но это выглядит так, как будто вы свихнулись. Это не самый лучший способ совершить самоубийство.

— Конечно, это может оказаться несколько опасным...

— М-да!..

— ... но у нас есть средства для осуществления этого плана, если только, как мы предполагаем, вода поднимается наверх по столбу Канака и спускается вниз по Вахини,— он стал описывать свой план.

У них с Эйзенбергом на двоих двадцать пять лет опыта работы с батисферой, восемь у Эйзенберга и семнадцать у самого Грейвса. Они доставили на борт «Мэхена» переоборудован-

ную батисферу — сейчас она, запакованная, лежит на корме. Внешне это обычная батисфера, только без грузов; зато внутри она скорее напоминает бочку, в которой рехнувшиеся любители острых ощущений совершают свои столь же эффектные, сколь и бесполезные, полеты в Ниагаре. Воздуха там хватит на сорок восемь часов, пусть и не слишком свежего, но вполне пригодного для дыхания. Там есть вода и концентраты — тоже достаточно на весь срок; и даже примитивный санузел.

Но главная особенность батисферы — это противоперегрузочное устройство, знаменитый корсет, то есть спасательный жилет, в котором человек висит, не касаясь стен, в пружинной подвеске. В этой штуке человек вполне может пережить самую суровую взбучку. Им можно выстрелить из пушки, сбросить с горы, даже отдать грузчикам багажа для их садистских развлечений — и все равно, кости и внутренности будут целы.

Блейк ткнул пальцем в набросок, которым Грейвс иллюстрировал свое описание.

— Вы действительно собираетесь взобраться на Столбы в этой штуке?

Вмешался Эйзенберг.

— Нет, капитан, это не он, а я собираюсь.

Грейвс покраснел.

— Мой проклятый доктор...

— И ваши коллеги,— добавил Эйзенберг.— Дело вот в чем, капитан: с нервами у дока все в порядке, но сердце у него пошаливает, с артериями не все ладно, да и уши после стольких погружений... В общем, Институт отправил меня присматривать за ним.

— Послушай, Билл,— запротестовал Грейвс,— не надо же воспринимать все это буквально. Я старый человек; мне больше никогда не выпадет такого случая...

— Не пойдет,— отрезал Эйзенберг.— Капитан, я должен поставить вас в известность, что Институт выдал мне доверенность на управление этим аппаратом, специально чтобы старый боевой конь не помчался на зов трубы.

— Это ваши проблемы,— раздраженно ответил Блейк.— Мне даны инструкции оказать содействие исследованиям доктора Грейвса. Предположим, что кто-то из вас желает упокоиться в этом стальном гробу. Каким образом вы собираетесь добраться до восходящего Столба?

— Ну, это ваша забота, капитан. Вы доставляете сферу к восходящему Столбу и подбираете ее, когда она спустится по нисходящему.

Капитан поджал губы, затем медленно покачал головой.

— Я не смогу этого сделать.

— Как это? Почему?

— Мой корабль не подойдет к Столбам ближе чем за три мили. «Мэхен» — крепкое судно, но не слишком быстроходное. Мы не можем делать больше двенадцати узлов. Где-то внутри этого трехмильного круга скорость поверхностного течения, которое питает столб Канака, превосходит двенадцать узлов. Мне бы не хотелось найти это место ценой потери корабля. За последнее время пропало беспрецедентное количество рыболовецких судов с близлежащих островов. Я не хочу, чтобы «Мэхен» попал в их число.

— Думаете, их затянуло в Столб?

— Уверен.

— Но все-таки, капитан,— настаивал Билл Эйзенберг.— Вам ведь и не нужно рисковать кораблем. Сферу можно опустить со шлюпки.

Блейк покачал головой.

— И речи быть не может,— категорически сказал он.— Даже если бы наши шлюпки и годились для такой работы — а они для нее совершенно не приспособлены,— я бы все равно не стал рисковать людьми. Мы не на войне.

— Интересно,— задумчиво сказал Гревс.

— Что именно?

Эйзенберг хмыкнул.

— Док у нас романтик — он считает, что все непонятные события, которые произошли за последние несколько лет, можно сгрести в одну кучу и объяснить одним-единственным

источником зла — все, начиная Столбами и кончая огнями Лагранжа.

— Шаровые молнии Лагранжа? Какая тут может быть связь? Это просто статическое электричество, то же самое, что и обычная молния. Да знаю, видел я их.

* * *

Ученые сразу насторожились, научное любопытство отодвинуло на задний план и задетое самолюбие Грейвса, и недоверчивое удивление Эйзенберга.

— В самом деле видели? Где? Когда?

— На площадке для гольфа, в Хило. В марте прошлого года. Я там...

— ТОТ САМЫЙ случай! Как раз там и произошло одно из исчезновений!

— Ну конечно. Я об этом вам и говорю. Я стоял у лунки на тринадцатом поле и вдруг вижу...

Да, день был прекрасный, барометр в норме, легкий бриз. Никаких признаков перемены погоды, число солнечных пятен далеко от максимума, статических помех по радио тоже не было. Совершенно неожиданно полдюжины или даже больше огненных шаров, шаровых молний гигантских размеров поплыли цепью над полем; некоторые из очевидцев утверждали, что строго по прямой, а иные с этим не соглашались.

Одна из женщин, туристка с материка, завизжала и бросилась бежать. Крайний в цепи шар, ближний к ней, отклонился от своей траектории и запрыгал за ней. Никто не заметил, чтобы он к ней прикоснулся — Блейк ничего не мог сказать, хотя он и видел, как все происходило,— но когда шар ушел, женщина лежала на траве. Мертвая.

Местный эскулап, человек с весьма — скажем так — яркой репутацией, утверждал, что обнаружил в тканях трупа следы коагуляции и электролиза, но присяжные, рассматривавшие этот случай, согласились с коронером и признали

это сердечным приступом, что с удовольствием восприняли местная торговая палата и туристическое бюро.

Человек, который исчез, не пытался бежать; его судьба сама пришла за ним. Это был парень, который подносит мячи, метис с японской, португальской и канакской кровью. Родных у него не было, и это сильно облегчило бы задачу по сокрытию информации, если бы об этом не пронюхал один репортер.

— Он стоял на траве, не более чем в двадцати пяти ярдах от меня,— вспоминал Блейк,— когда приблизились эти шары. Они по одному прошли мимо меня. Кожа у меня зудела, а волосы встали дыбом. Я ощущал запах озона. Я стоял неподвижно...

— Вот это вас и спасло,— заметил Грейвс.

— Чушь,— сказал Эйзенберг.— А вот то, что он стоял на сухом песке возле лунки — именно это его спасло.

— Ерунду ты говоришь, Билл,— устало бросил Грейвс,— этими огненными штуками двигал разум.

Блейк задумался, вспоминая.

— Почему вы так полагаете, доктор?

— Да нет, не обращайте внимания. Продолжайте, пожалуйста.

— Гм. Ну так вот, они прошли мимо меня. Тот парень с мячами был прямо на пути у одного из них. И он, пожалуй, не видел их — стоял к ним спиной. Шар приблизился к нему, вобрал его в себя и двинулся дальше. А мальчишка исчез.

Грейвс кивнул.

— Это согласуется с отчетами, которые я читал.

Странно, я не припоминаю, чтобы ваше имя там фигурировало.

— Я не вылезал,— коротко ответил Блейк.— Терпеть не могу репортеров.

— М-да. А можете что-нибудь добавить к тем сообщениям? Были в них какие-нибудь ошибки?

— Вроде бы нет. Они писали что-нибудь о сумке для клюшек, которая была у того парня?

— По-моему, нет.

— Ее ведь нашли на пляже, в шести милях оттуда.

Эйзенберг сел.

— Вот это новость. Скажите-ка, кто-нибудь обратил внимание, насколько далеко они разлетелись? Насколько сильно они были поломаны?

Блейк покачал головой.

— На них не было даже царапин, и песок под ними не был потревожен. Они просто были холодными. Как лед.

* * *

Грейвс ждал продолжения рассказа. Не дождавшись, спросил:

— Ну и что же вы обо всем этом думаете?

— Я? Ничего.

— Как вы это объясняете?

— Никак не объясняю. Необычное электрическое явление. Впрочем, если угодно, я могу высказать свою версию. Этот огненный шар — электростатическое поле, обладающее очень большим потенциалом. Оно захватило парня и зарядило его, после чего парень укатил, словно шарик из сердцевины бузины на уроке физики,— не парень, конечно, а его труп. Когда заряд иссяк, труп упал в море.

— Вот как? Подобный случай был в Канзасе, там довольно далеко от моря.

— Может, тело просто не удалось найти.

— Никогда не удается. Но пусть все будет по-вашему; как вы объясните, что клюшки были так аккуратно положены? И почему они были холодными?

— Да черт возьми, говорю же вам, не знаю! Я не теоретик; по профессии я флотский инженер и эмпирик по духу. Я надеялся, что вы мне все объясните.

— Ну ладно. Только имейте в виду, что у меня только предварительная гипотеза, в качестве основы для исследования. Я рассматриваю эти явления — Столбы, гигантские шаровые молнии и ряд других разнородных событий, которые

не должны были бы происходить, но тем не менее происходят,— вот, например, любопытный случай с небольшим горным пиком к югу от Булдера, что в штате Колорадо,— у него «самопроизвольно» исчезла вершина. Во всех этих событиях я вижу признаки вмешательства разума, некую сознательную деятельность,— он пожал плечами.— Назовем это «Икс-фактором». Я ищу этот «Икс».

Эйзенберг соболезнующе ухмыльнулся.

— Бедняга док,— вздохнул он.— Наконец-то его прорвало.

Его собеседники предпочли не реагировать на сарказм. Блейк спросил:

— Вы ведь вообще-то ихтиолог, не так ли?

— Да.

— Почему же вы решили этим заняться?

— Не знаю. Из любопытства, наверное. Мой пылкий юный друг наверняка вам скажет, что все ихтиологи слегка «с приветом».

Блейк обратился к Эйзенбергу:

— А вы разве не ихтиолог?

— Да что вы! Я океанограф и специализируюсь в экологии.

— Ишь как уворачивается. Расскажи-ка лучше капитану Блейку про Клео и Патру.

Эйзенберг слегка смутился.

— Это очень симпатичные существа,— с вызовом сообщил он.

Блейк был заинтригован. Грейвс объяснил ему:

— Он вышучивает меня, а у самого тоже есть ахиллесова пята. Пара золотых рыбок. Представляете! Можете заглянуть в умывальник в его каюте.

— Научный интерес? — с непроницаемым выражением лица поинтересовался Блейк.

— О нет! Он полагает, что они чрезвычайно преданы ему.

— Это замечательные существа,— стоял на своем Эйзенберг.— Они не лают, не царапаются, не пачкают. А Клео настолько выразительна!

* * *

Несмотря на свое первоначальное сопротивление их планам, Блейк начал активно искать способ совершить задуманный эксперимент, не подвергая риску экипаж или судно. Эта пара начала ему нравиться; его покорило это сочетание самоотверженности и предельной осторожности. Они были настоящими профессионалами. Экономическая мотивация для него, как и для них, была чем-то второстепенным.

Для проверки механизмов батисферы он предложил услуги своего старшего водолаза, сержанта-отставника.

— Да, кстати, вы знаете, есть основания предполагать, что ваша батисфера действительно может сделать этот круг, помимо того, что все поднявшееся должно рано или поздно спуститься. Вы слышали о VJ-14?

— Это не тот гидросамолет, что пропал в самом начале исследований?

— Да,— он позвонил вестовому.— Принесите папку с документами по VJ-14.

Воздушная разведка с целью разобраться со странным «застывшим облаком» с водяными отростками была предпринята сразу после его обнаружения. Узнать удалось немногое. Самолеты залетали в облака. Тут же пропадало зажигание; выходить из облака приходилось в режиме планирования, других повреждений не было, и сразу по выходе из облака зажигание вновь было в порядке. Назад в облако — снова отказывают моторы. По вертикали облако простиралось выше, чем потолок любого самолета.

— VJ-14 выполнял облет Столбов 12 мая,— рассказывал Блейк, время от времени заглядывая в папку,— его сопровождал корабль ВМФ «Пеликан». Кроме пилота и радиста на борту самолета были кинооператор и главный аэрограф. Собственно, для нас существенны только две последние записи: «Меняю курс. Направляюсь между Столбами — четырнадцатый» и вот еще: «09-13 — самолет не слушается управления —

четырнадцатый». С «Пеликана» в телескоп увидели, что самолет по крутой спирали стал подниматься вокруг столба Канака, сделал примерно полтора оборота, а затем его засосало в Столб. Падения не видели. Между прочим, с пилота, э-э-э... лейтенанта Мэтсона по итогам проведенного расследования сняли все обвинения. Посмертно... А, вот это-то нам и нужно, это из судового журнала «Пеликана»: «17-09 — поднят обломок, отождествленный как деталь VJ-14. Описание смотри на вкладыше». Ну, это описание для нас не важно. Дело в том, что этот обломок они нашли в четырех милях от основания столба Вахини, в противоположной стороне от Канака. Вывод очевиден — похоже, ваша схема верна. Правда, это не означает, что вы выживете.

— Я попытаюсь,— заявил Эйзенберг.

— М-м-да. Но я бы советовал вам послать туда что-нибудь неживое, скажем, упаковку яиц в большой бочке.

Прозвенел вызов с мостика. Капитан поднял голову к медному рупору.

— Слушаю!

— Пробило восемь, капитан. Срок каторги истек. Заключенные спокойны.

— Спасибо,— капитан поднялся из-за стола.— Давайте утром обсудим наш план.

* * *

Пятидесятифутовая моторная шлюпка покачивалась за кормой «Мэхена». К толстому буксирному линю, соединявшему шлюпку с кораблем, был привязан телефонный провод, заканчивающийся парой наушников на голове у сигнальщика, который расположился на корме шлюпки. Рядом с последним лежали сигнальные флаги и подзорная труба. Из-под задравшейся робы сверкала яркая обложка «Жутких историй» — взял с собой, чтобы не умереть от скуки.

Экипаж состоял из рулевого, моториста, шлюпочного старшины, ну и, конечно, Грейвса и Эйзенберга. На носу шлюпки располагался бочонок с питьевой водой, две пятиде-

сятигаллонные канистры с бензином и большая бочка. В ней был не только тщательно упакованный контейнер с яйцами, но еще и дымовое сигнальное устройство, которое приводилось в действие тремя способами: часовым механизмом с задержкой на восемь, девять или десять часов; радиоуправляемым реле, которое включалось с корабля, и, наконец, при попадании соленой воды также должны были замкнуться контакты. Старший водолаз, бывший торпедист, заботам которого поручили сбрасывание бочки, уверял, что хоть одно из этих устройств сработает и поможет найти бочку. Сейчас он занимался батисферой, пристраивая к ней аналогичное, но еще более надежное устройство.

Шлюпочный старшина просигналил на мостик о готовности. Усиленный мегафоном голос прогремел в ответ: «Трави помалу!» Шлюпка начала медленно удаляться от корабля в направлении столба Канака, до которого оставалось около трех миль.

* * *

Столб нависал над ними. До него еще оставалось более мили, но он уже подавлял своей громадой. То место, где он сливался с облаком, было почти над головой, и казалось, что Столб валится на них. Пятисотфутовый хобот был иссиня-черным, как будто это была не вода, а вороненая сталь.

— Рулевой, попробуйте снова запустить мотор!

— Есть, сэр!

Мотор кашлянул и заработал устойчиво, моторист включил сцепление, винт врезался в воду, и лодка рванулась вперед, ослабляя натяжение буксирного троса.

— Линь ослаб, сэр.

— Стоп мотор,— шлюпочный старши́на повернулся к пассажирам.— Что случилось, мистер Эйзенберг? Дрожь в коленях?

— Нет, черт возьми — морская болезнь. Не переношу эти маленькие лодки.

— Ничего не поделаешь. Я сейчас погляжу, может, там в провизии найдутся соленые огурцы.

— Нет, спасибо, огурцы мне не помогают. Ничего, я потерплю.

Старшина пожал плечами, отвернулся и скользнул взглядом по Столбу, вздымающемуся на головокружительную высоту. Он присвистнул, как и всякий раз, когда глядел на Столб. Эйзенберг, ставший раздражительным из-за своего недомогания, почувствовал, что с удовольствием кинул бы в него что-нибудь тяжелое.

— Фью! И вы действительно намерены залезть на эту штуку, мистер Эйзенберг?

— Да, действительно!

Старшина, ошарашенный его тоном, неловко засмеялся и добавил:

— Если хотите знать мое мнение, это будет похлеще морской болезни.

Его мнением никто не поинтересовался. Грейвс знал темперамент своего друга и понимал, что лучше пока помолчать.

— Попробуйте-ка еще раз запустить мотор.

Почти тут же рулевой сообщил:

— Стартер не работает, сэр.

— Помогите мотористу раскрутить маховик. Я послежу за румпелем.

Вдвоем они легко прокрутили ротор, но мотор оставался нем.

— Запускай! — и снова никакого толку.

Старшина оставил бесполезный румпель и спустился вниз, к мотору, со свежими силами пытаясь его раскрутить. Оглянувшись, дал команду сигнальщику сообщить о происшедшем на корабль.

— Я шлюпка три, вызываю мостик. Я шлюпка три, вызываю мостик. Мостик, отвечайте! Раз, два, три,— сигнальщик сдвинул один наушник.— Телефон молчит, сэр.

— Займись флагами. Передай им, чтобы вытягивали нас отсюда! — старшина вытер пот со лба и выпрямился.

Он нервно оглянулся на волны, хлопавшие по борту шлюпки. Грейвс тронул его за плечо.

— Как насчет бочки?

— Скиньте за борт, если хотите. Я занят. Ты что, не можешь их вызвать, Сирс?

— Я пытаюсь, сэр.

— Давай, Билл,— обратился Грейвс к Эйзенбергу.

Они прошли на нос, стараясь не задеть троих моряков, взмокших от усилий запустить мотор. Грейвс обрезал веревки, крепившие бочку, и они попытались поднять этот неуклюжий груз. Вместе со своим пустячным содержимым бочка весила меньше двухсот фунтов, но двигать ее было очень неудобно, особенно в раскачивающейся шлюпке.

Наконец они выкинули ее за борт, отделавшись отдавленным пальцем у Эйзенберга и синяком на ноге Грейвса. Тяжело плюхнувшись в воду, бочка окатила их фонтаном теплой соленой воды и, покачиваясь, как поплавок, быстро поплыла вдоль борта шлюпки, влекомая течением к столбу Канака.

— Корабль отвечает, сэр!

— Наконец-то! Передай им, чтобы буксировали нас — но очень *потихоньку*.

Старшина оставил мотор в покое и бросился на нос, проверить, надежно ли закреплен канат.

Грейвс тронул его за плечо.

— А мы не можем побыть здесь, пока не убедимся, что бочка захвачена Столбом?

— Нет! Чем переживать за бочку, вы лучше помолитесь, чтобы линь выдержал, а то мы тоже полезем на Столб. Сирс, ответил корабль?

— Вот только что, сэр.

— А зачем канат, мистер Паркер? — поинтересовался Эйзенберг, забыв от возбуждения о своей болезни.— Я думаю, стальной, или хотя бы манильский, трос был бы надежнее.

— А потому, что кокосовый держится на плаву, а остальные — нет,— раздраженно ответил старшина.— Две мили троса утащили бы нас на дно. Сирс! Передайте, пусть ослабят трос. Мы черпаем воду.

— Есть, сэр!

И четырех минут не понадобилось бочке, чтобы достигнуть Столба и быть захваченной им. Все это Грейвс наблюдал в трубу, взятую у сигнальщика, за что удостоился злобного взгляда, брошенного на него старшиной. Через несколько минут, когда лодка удалилась ярдов на пятьсот от Столбов, вдруг ожил телефон. Тут же проверили стартер; мотор послушно взревел.

Обратный путь проделали с небольшой скоростью, чтобы только выбирать натяжение буксирного троса, слегка маневрируя, чтобы не зацепить его винтами.

Дымовая шашка, запущенная одним из трех механизмов, сработала. Клуб дыма был отмечен на расстоянии в две мили от столба Вахини, через восемь часов после того, как бочка оказалась у Канака.

* * *

Билл Эйзенберг уселся в седло противокессонного тренажера — ему предстояло тридцать минут тяжелой работы, чтобы усилить циркуляцию крови. При этом надо было дышать кислородно-гелиевой смесью — гелий должен был вытеснить растворенный в крови азот. Сам тренажер был простым старым велосипедом, закрепленным на распорках. Блейк оглядел его.

— Вам не нужно было тащить с собой эту штуку. У нас на борту есть получше. Сейчас для водолазов это обычное дело.

— Мы же не знали,— ответил Грейвс.— Неважно, сойдет и этот. Все в порядке, Билл?

— Вроде бы,— он бросил взгляд на стальной корпус батисферы, вынутой из контейнера, проверенной и снаряженной. Спустить на воду ее должны были бортовой лебедкой.— Герметик приготовили?

— Конечно. «Железная Дева» в полном порядке. Мы с торпедистом тебя запечатаем. Держи маску.

Эйзенберг взял маску, начал было надевать ее, но остановился. Грейвс поймал брошенный на него взгляд.

— В чем дело, сынок?

— Док... как бы это...

— Да?

— Я имею в виду — вы ведь присмотрите за Клео и Патрой, а?

— Само собой. Но за то время, пока тебя не будет, им же ничего не понадобится.

— Н-ну да, конечно. Но все-таки вы присмотрите за ними?

— Будь спокоен.

— О'кей.— Эйзенберг натянул маску, махнул рукой торпедисту, стоявшему наготове с газовыми баллонами.

Тот повернул вентили, в шлангах зашипело, и Эйзенберг начал медленно, как участник шестидневной велогонки, крутить педали. Чтобы убить время, Блейк пригласил Грейвса прогуляться по полубаку и покурить. Они совершали уже двадцатый круг, когда капитан остановился, вынул сигару и заметил:

— Знаете, мне начинает казаться, что у него все же есть шанс.

— Правда? Я рад это услышать.

— Да. Меня убедило успешное испытание с неодушевленным грузом. И неважно, сработают дымовые шашки или нет, но если только батисфера спустится по столбу Вахини, я ее найду.

— Я уверен, что найдете. Вы были правы, когда предложили перекрасить ее в желтый цвет.

— Ну да, это облегчит поиск. И все же мне кажется, что он так ничего и не сможет узнать. Он ничего не увидит сквозь эти иллюминаторы, кроме воды, с того момента, как он очутится в Столбе, и до того, как мы его подберем.

— Может быть.

— Ну что еще он мог бы увидеть?

— Не знаю. Скажем, то, что *сделало* эти Столбы.

Блейк долго и старательно стряхивал за борт пепел с сигары, прежде чем продолжить:

— Доктор, я не понимаю вас. Мне представляется, что эти Столбы, хоть и достаточно странное, но вполне естественное явление.

— Ну а для меня настолько же очевидно, что оно вовсе не «естественное». Вмешательство разума в обычные природные процессы здесь настолько очевидно, как если бы здесь повесили табличку с пояснительным текстом.

— Не понимаю, как вы можете такое утверждать. Ведь очевидно же, что человек не мог этого сделать.

— Ну конечно.

— Тогда кто же их сотворил?

— Я не знаю.

* * *

Блейк начал было говорить, передернул плечами, замолчал. Они продолжили свою прогулку по палубе. Грейвс подошел к борту, чтобы выбросить окурок.

Ошеломленный, он застыл на месте, затем позвал:

— Капитан Блейк!

— Да? — тот обернулся и посмотрел в ту сторону, куда указывал Грейвс.— Боже правый! Шары!

— Вот об этом я и думал.

— Они еще далеко,— сказал Блейк, больше самому себе, чем Грейвсу. Он решительно повернулся.— Мостик! — крикнул он.— Мостик! Эй, на мостике!

— Есть на мостике!

— Мистер Вимс — передайте: «Всем убраться с палубы. Задраить все люки. Мостик тоже закрыть! Играйте общую тревогу».

— Есть, сэр!

— Пошевеливайтесь! — обернувшись к Грейвсу, он добавил: — Пойдемте внутрь.

Грейвс последовал за ним; капитан пропустил его, чтобы лично задраить люк. По внутреннему трапу Блейк стал подниматься на мостик, Грейвс двинулся следом. Корабль был наполнен трелями боцманской дудки, хриплыми воплями громкоговорителя, топотом бегущих ног и монотонным, угрожающим клацаньем сигнала общей тревоги. Вахтенный на

мостике все еще сражался с последним тяжелым стеклянным щитом, когда туда влетел капитан.

— Я принимаю вахту, Вимс,— отрывисто сказал он.

Обойдя мостик из конца в конец, он оглядел корму, затем левый борт, полубак, правый борт и, наконец, уставился на огненные шары, которые явно приближались к кораблю. И выругался.

— Ваш приятель еще не знаком с новостями,— обратился он к Грейвсу; рука его крепко сжимала рычаг, перемещающий стеклянные щиты правого борта.

Грейвс, выглянув через его плечо, понял, что тот имел в виду — на опустевшей задней палубе одинокая фигура продолжала крутить педали неподвижного велосипеда. Огненные шары Лагранжа приближались.

Тугой механизм заслонки заело. Блейк бросил попытки открыть ее, рванулся к пульту громкоговорителя и врубил громкую связь по всему борту, не пытаясь отыскать нужный переключатель.

— Эйзенберг! Вниз, скорее!

Должно быть, Эйзенберг услышал свое имя, потому что он повернул голову и огляделся — Грейвс отчетливо видел это,— и как раз в этот момент шар настиг его. Шар прошел дальше, а седло тренажера осталось пустым.

Когда они спустились, то обнаружили, что тренажер не был поврежден. Резиновая трубка, ведущая к маске, была как будто аккуратно обрезана. Не было ни следов крови, ни вообще каких бы то ни было следов. Билл Эйзенберг просто исчез.

— Я отправляюсь туда.

— Ваше здоровье не годится для этого, доктор.

— Вы не несете за это никакой ответственности, капитан Блейк.

— Я знаю. Вы можете попробовать, но только после того, как мы завершим поиски тела вашего друга.

— Какого еще тела! Я должен найти его — живым.

— Да? Х-м-м... Как это?

— Если вы правы и он мертв, тогда что толку искать его тело. А если я прав, то есть хоть ничтожный шанс найти его — там!

Он махнул рукой в сторону облачной шапки, венчающей Столбы. Блейк задумчиво поглядел на него, затем повернулся к водолазу:

— Мистер Харгрив, подберите дыхательную маску для доктора Грейвса.

Ему дали тридцать минут на адаптацию против кессонной болезни. Блейк ходил с отсутствующим видом. Команда — и матросы и офицеры держались в сторонке и помалкивали; все знали, что когда у Старика такое выражение лица, ходить надо на цыпочках.

Когда подготовка закончилась, водолазы быстро переодели Грейвса и тут же запихнули его в батисферу, чтобы его легкие не успели снова нахватать азота из воздуха. Перед тем как закрыть входной люк, Грейвс обратился к капитану:

— Мистер Блейк!

— Да?

— Эти золотые рыбки Билла — вы позаботитесь о них?

— Ну конечно, доктор.

— Спасибо.

— Не стоит. Вы готовы?

— Готов.

Блейк шагнул вперед, и они с Грейвсом обменялись рукопожатием через люк батисферы.

— Удачи вам,— он отошел.— Задраивайте люк.

Сферу опустили за борт. Две шлюпки отбуксировали ее на полмили в направлении столба Канака, где течение было уже достаточно сильным, чтобы подхватить ее. Отцепив буксир, шлюпки, преодолевая встречное течение, возвратились к кораблю и были подняты на борт.

Блейк наблюдал за батисферой в бинокль со своего мостика. Вначале она медленно дрейфовала, затем, все ускоряясь, приблизилась к основанию Столба. Последние сотни ярдов она неслась с бешеной скоростью; Блейк увидел желтое пятно чуть выше поверхности моря, и оно тут же исчезло.

* * *

Прошло восемь часов — никаких следов дыма. Девять часов, десять — ничего. Через двадцать четыре часа патрулирования окрестностей Столба Вахини Блейк послал радиограмму в Бюро.

Прошло четверо суток наблюдений — Блейк твердо знал, что пассажир батисферы мертв; он мог задохнуться, утонуть, батисфера могла разрушиться — причина смерти могла быть какой угодно. Так он и доложил и получил приказ следовать первоначальным курсом. Он собрал экипаж в кают-компании. Капитан Блейк вслух прочитал молитву об усопших — голос его был, как всегда, резок. Затем он опустил за борт несколько заметно увядших цветков мальвы — все, что сумел найти стюард,— и отправился на мостик, прокладывать курс на Пирл-Харбор.

По пути на мостик он на минуту задержался у дверей своей каюты и сказал стюарду: «Посмотрите в каюте мистера Эйзенберга — там должны быть золотые рыбки. Найдите подходящий сосуд и перенесите их в мою каюту».

— Есть, капитан.

* * *

Когда Билл Эйзенберг пришел в сознание, он находился в некотором Месте. Иное название трудно было подобрать — никаких отличительных признаков у него не было. Конечно, не совсем: так, там, где он находился, не было темно, не было вакуума, там не было холодно. Помещение было не настолько мало, чтобы сковывать движения. Но деталей не было до такой степени, что он не мог даже оценить размеры помещения. В самом деле, объемное зрение, с помощью которого человек непосредственно оценивает размеры предметов, не помогает, когда расстояние до них больше двадцати футов. На больших расстояниях приходится использовать знание истинных размеров знакомых предметов — и обычно это происходит

подсознательно: если рост человека такой-то, то, должно быть, он находится на вот таком-то расстоянии, и наоборот.

Но в этом месте не было знакомых предметов. Потолок был на значительной высоте — настолько высоко, что его нельзя было достать в прыжке. Пол плавно искривлялся и сливался с потолком, и свобода передвижения ограничивалась примерно дюжиной шагов. Он осознал это, только когда потерял равновесие (у него не было никакой системы отсчета, по которой он мог бы определить направление вертикали; а вестибулярный аппарат, дающий человеку врожденное чувство равновесия, был у него нарушен из-за многих лет погружений, повредивших его внутреннее ухо. Было легче сидеть, чем ходить, да и ходить было, в общем-то, не за чем, после первых бесплодных попыток исследований).

После первого пробуждения он потянулся, открыл глаза и огляделся. Глазу не на чем было остановиться, и это раздражало. Как будто он оказался внутри гигантской яичной скорлупки, освещенной извне мягким, приятным желтоватым светом. Бесформенная неопределенность как-то тревожила. Он закрыл глаза, потряс головой, снова открыл — все по-прежнему.

Начал вспоминать, что произошло с ним до того, как он потерял сознание,— опускающийся огненный шар, отчаянная попытка увернуться, последняя мысль в то последнее, показавшееся вечностью мгновение до контакта: «Ну, ребята, держите шляпы!» Мозг начал искать объяснений. «Потеря сознания, а зрительный нерв парализован. Не дай Бог, так и останусь слепым».

В любом случае им бы не следовало оставлять меня одного в таком беспомощном состоянии.

— Док! — крикнул он.— Док Грейвс!

Не было ни ответа, ни даже эха — он начал осознавать, что не было вообще никаких звуков, кроме его собственного голоса, никаких обычных слабых звуков, которыми наполнена любая «мертвая» тишина. Здесь было тихо, как в мешке с мукой. Неужели его слух тоже пострадал?

Да нет, он же слышит собственный голос. В этот момент Билл осознал, что видит свои руки. Значит, со зрением все в порядке — он прекрасно их видит!

И все остальное тело тоже. Он был голым.

Может быть, через несколько часов — или несколько мгновений — Билл пришел к выводу, что он мертв. Это была единственная гипотеза, которая вроде бы согласовывалась с фактами. Он был закоренелым агностиком и не ожидал никакого воскрешения после смерти; жизнь уйдет из тела, когда его покинет сознание, как свет в комнате при повороте выключателя. Тем не менее он подвергся воздействию электрического поля, более чем достаточного, чтобы убить человека; придя в себя, он не обнаружил ничего из того, что составляет ощущения живого человека. Следовательно — он мертв. Что и требовалось доказать.

Разумеется, у него было тело, но он прекрасно помнил о парадоксе субъективного и объективного. Он все еще обладал памятью, а самый сильный отпечаток в памяти оставляют ощущения собственного тела. Так что это было не его тело, а воспроизведенная памятью его мысленная копия. Так он рассуждал. Возможно, думал он, мое мысленное тело исчезнет, по мере того как будут слабеть воспоминания о реальном теле.

Было нечего делать, нечего ощущать, нечем занять мозг. Он наконец заснул, раздумывая над тем, что если это смерть, то она чертовски скучна!

Проснулся он освеженный, но с ощущением жуткой жажды и голода. Вопрос, жив он или мертв, более не занимал его. Теология и метафизика отошли на задний план. Он был голоден.

Более того, по пробуждении он обнаружил явление, которое разрушило большую часть его теоретических построений, приведших его разум к выводу о собственной кончине — а на уровне эмоций он все-таки до конца в это не верил. Здесь, в том Месте, где он находился, обнаружились иные материальные объекты, которые можно было увидеть и потрогать.

И съесть.

Последнее было не вполне очевидно, потому что на еду они не были похожи. Они были двух сортов. Первый представлял собой бесформенные комки, видом напоминающие сероватый сыр, слегка жирные на ощупь и вполне неаппетитные. Второй сорт представлял собой однородную группу предметов, внешне одинаковых и, похоже, по ошибке попавших сюда из ювелирного магазина. Это было десятка два сверкающих шаров; каждый из них казался Биллу копией того хрустального шара, который он как-то приобрел,— настоящий бразильский горный хрусталь, перед совершенной красотой которого невозможно было устоять; он провез его домой контрабандой и в одиночестве наслаждался его совершенством.

Маленькие сферы были очень похожи на этот камень. Он коснулся одной из них. Поверхность была гладкой, как тот хрусталь, и обладала той же целомудренной прохладой, но оказалась податливой, как желе. Сфера заколыхалась, и огоньки внутри нее восхитительно замерцали, затем она успокоилась и вновь приобрела форму идеального шара.

При всей своей привлекательности, на еду они явно не походили, а вот похожие то ли на сыр, то ли на мыло куски могли оказаться и съедобными. Он отломил маленький кусочек, понюхал и осторожно попробовал на вкус. Вкус был кислый и тошнотворный. Билл выплюнул его, брезгливо покривился и испытал горячее желание почистить зубы. Ежели это еда, то ему придется проголодаться посильнее...

Он снова обратился к замечательным шарикам хрустального желе. Он покатал их на ладонях, наслаждаясь их мягкостью и гладкостью. Внутри каждого из них было видно его собственное миниатюрное изображение — симпатичный маленький эльф. Чуть ли не впервые он осознал, насколько совершенны пропорции человеческого тела, едва ли не любого, если рассматривать его как художественную композицию, а не как коллоидную массу.

Но чувство жажды пересилило его нарциссизм. Ему подумалось, что если гладкий, прохладный шарик положить в рот, то это должно вызвать слюноотделение. Он так и сделал; шарик, неожиданно для него, тут же был проколот нижними

зубами. Губы и подбородок стали мокрыми, капли стекали по груди. Шарики оказались водой, чистейшей водой — никакой целлофановой или какой бы то ни было другой упаковки. Эта вода каким-то непонятным образом удерживалась поверхностным натяжением.

Он осторожно взял другой шарик, стараясь не проколоть его зубами до тех пор, пока тот полностью не окажется во рту. Получилось; рот был полон прохладной, чистой воды — это произошло настолько быстро, что он поперхнулся. Но теперь приспособиться было несложно, и он выпил четыре шарика.

Утолив жажду, он решил разобраться, каким образом вода может удерживать самое себя. Сферы были упругими; ему не удавалось раздавить их, и даже падение на пол их не разрушало. Они прыгали, как мячи для гольфа, и даже еще выше. Билл решил ущипнуть один из них ногтями, и опыт удался — вода тут же полилась по ладони — вновь чистая вода, и ничего более. Оказалось, что только порез может разрушить силы натяжения: даже смачивание не возымело действия — он мог держать шарик во рту, затем вынуть его и вытереть досуха о свою кожу.

Наконец он решил, что запасы воды ограничены, а перспективы неясны, а потому разумнее завершить эксперименты и сохранить то, что осталось.

* * *

Голод стал еще сильнее. Он снова обратился к сомнительного вида комкам и обнаружил, что может заставить себя прожевать и проглотить кусок. Это вполне могло и не быть едой, это мог быть даже яд, но желудок эта гадость наполняла, и голодные спазмы прекратились. Билл даже ощутил сытость, особенно после того, как прополоскал рот, израсходовав еще один водяной шарик.

Еда изменила направление его мыслей. Он не был мертв, или, по крайней мере, различие между жизнью и смертью было неощутимым, чисто терминологическим. О'кей, значит, он жив. Но он заперт в одиночестве. Кто-то знает, где он находится

и заботится о нем, снабжая едой и питьем — таинственно, но вполне разумно. Следовательно — он пленник, а это предполагает и наличие стражи.

Чей пленник? Он был поражен шаровой молнией Лагранжа и затем очнулся в этой скорлупе. Приходится согласиться, что вроде бы док Грейвс прав: шаровые молнии управляются разумом. Далее, это существо — или существа? — управляющее ими, обладает странными представлениями о том, как следует обращаться с пленниками, да и захватывают в плен по меньшей мере странным способом.

Эйзенберг был смелым человеком, что довольно типично для расы, к которой он принадлежал,— безрассудная смелость, как у собачек-пекинесов. Человек сознает необратимость смерти, но смиряется с тем, что она возможна в любое мгновение — на шоссе, на столе хирурга, на поле битвы, в самолете, в подземке — и с легким сердцем принимает, что в конце концов она неизбежна.

Эйзенберг был человеком впечатлительным, но не подверженным панике. Ситуация определенно была любопытной, скучать не приходилось. Если он пленник, то весьма вероятно, что похититель вот-вот явится допрашивать его, а может, попытается использовать его каким-либо способом. То, что он был оставлен в живых, а не убит, означало наличие каких-то видов на него. Очень хорошо, он постарается быть готовым к любой неожиданности, сохранить холодный, изобретательный разум. А пока придется смириться с тем, что в данный момент он ничего не может сделать для своего освобождения. Эта камера поставила бы в тупик самого Гудини — сплошные гладкие стены, невозможно найти точку опоры.

Как-то ему показалось, что он нашел ключ: ведь в камере должны быть какие-то санитарные приспособления и, значит, связь с внешним миром. Но продвинуться дальше с этой идеей ему не удалось: похоже, клетка была самоочищающейся. Билл не мог понять, как это происходит.

Наконец, он снова заснул.

* * *

Когда он проснулся, то увидел, что произошло только одно изменение — запасы еды и питья пополнены. «День» прошел без происшествий, в бесплодных размышлениях. На следующий день было то же самое.

Он решил бодрствовать как можно дольше, чтобы понять, как в его клетке сменяют еду и питье. Он прикладывал колоссальные усилия, чтобы не заснуть, принимал самые крутые меры: кусал до крови губы и язык, безжалостно щипал мочки ушей. Решал запутанные логические задачи.

Наконец, он отключился; проснувшись, убедился в том, что запасы еды и питья пополнены.

Периоды бодрствования сменялись сном, приходили голод и жажда, он утолял их, снова засыпал. После шестого или седьмого сна Билл решил, что ему нужно что-то вроде календаря, чтобы не свихнуться. Иного способа измерять время, кроме как считать периоды сна и бодрствования, у него не было. За неимением лучшей меры, пришлось назвать это днями. Делать записи было не на чем, кроме собственного тела. Пришлось довольствоваться этим. Отгрызя кусочек ногтя большого пальца, Билл превратил его в подобие татуировочной иглы. Царапая одно и то же место на бедре, он оставлял там красный след, который был заметен пару дней, а потом снова мог быть восстановлен. Семь полосок означали неделю. Если недельные полоски наносить возле каждого из пальцев рук и ног, то можно отмерить двадцать недель — а это было намного больше, чем, как он полагал, ему может понадобиться.

Когда вторая семидневная полоска появилась у безымянного пальца его левой руки, произошло событие, нарушившее монотонное чередование дней. Проснувшись, он вдруг осознал, что теперь он не один!

Рядом с ним спал человек. Убедившись, что действительно не грезит — потому что во сне он часто кого-нибудь видел,— Билл протянул руку и потряс соседа за плечо.

— Док!— завопил он.— Док! Проснитесь!

Грейвс открыл глаза, поморгал, уселся и протянул руку.

— Привет, Билл. Я чертовски рад тебя видеть.

— Док! — он хлопнул старика по спине.— Док! Вот это да! А представьте себе, как я-то рад увидеть вас!

— Представляю.

— Послушайте, док,— где вы были? Как вы здесь очутились? Огненные шары вас тоже утащили?

— Не все сразу, сынок. Давай позавтракаем.

На «полу» у их ног лежала двойная порция провизии. Грейвс взял шарик, привычно проколол его и выпил, не уронив ни капли. Эйзенберг понимающе посмотрел на него.

— Вы здесь уже не первый день.

— Это верно.

— Шары похитили вас в тот же момент, когда и меня?

— Нет,— он потянулся за пищей.— Я поднялся на Столб Канака.

— Что?!

— Именно. Дело в том, что я искал тебя.

— Да что вы говорите!

— Вот так. Похоже, моя дикая гипотеза верна: Столбы и шаровые молнии — это следствия одной и той же причины, той, что я называл Икс!

* * *

Казалось, можно было услышать, как в голове Эйзенберга прокручиваются шестеренки.

— Но послушайте, док... это ведь значит, что вся ваша гипотеза верна? Кто-то все это *проделал*. Кто-то, кто держит нас здесь взаперти.

— Именно так,— Грейвс медленно, устало жевал; он постарел и похудел с тех пор, как Билл расстался с ним.— Это говорит о разумной силе, контролирующей ситуацию. Другого объяснения нет.

— Но кто же? Может так быть, что в какой-то стране изобрели совершенно новое оружие?

— М-да! Ты полагаешь, что, скажем, русские будут нас поить водой вот таким образом? — он подбросил в руке загадочный водяной шарик.

— Тогда кто же?

— Не знаю. Для удобства можешь назвать их марсианами, если хочешь.

— Почему марсиане?

— Да нипочему. Я же говорю, для удобства.

— Почему же это удобно?

— Потому что это удержит тебя от придания им человеческих черт — а они, очевидно, не люди. И не животные, потому что они умнее нас. В общем, марсиане.

— Но... но... Погодите. Почему вы считаете, что ваши Иксы — не люди? Почему это не могут быть люди, у которых гораздо больше извилин в черепке, чем у нас? Гораздо дальше продвинувшиеся в науке?

— Законный вопрос,— ответил Грейвс, выковыривая остатки пищи из зубов,— и на него ты получишь законный ответ. Потому что в нынешнем мире мы очень неплохо знаем, где находятся лучшие головы и что они делают. Такие вещи, как эта, невозможно спрятать, а разрабатывать их пришлось бы очень долго. Икс демонстрирует нам по крайней мере полдюжины вещей, которые выше нашего понимания и которые потребовали бы многих лет работы сотен квалифицированных исследователей. Следовательно, это нечеловеческая наука. Конечно,— продолжил он — если ты станешь говорить мне об ученом безумце в секретной лаборатории, я не смогу с тобой спорить. Но я не поклонник всех этих комиксов в воскресных газетах.

Билл Эйзенберг некоторое время сидел молча, пытаясь переварить сказанное Грейвсом и соотнести это с собственным опытом.

— Вы правы, док,— признал он наконец.— Дьявольщина — вы всегда побеждаете меня в споре. Это точно марсиане. Не в том смысле, что жители Марса,— я имею в виду, что это разумная жизнь с другой планеты.

— Может быть.

— Да вы же сами только что это утверждали!

— Нет, я только сказал, что это удобное предположение.

— Но, действуя методом исключения, мы приходим именно к этому.

— Метод исключения может выкидывать всяческие фортели.

— Ну а что же еще это может быть?

— М-м... Я пока что не готов высказать то, что крутится у меня в голове. Но есть еще более веские аргументы, чем те, о которых мы говорили, в пользу того, что этот разум — нечеловеческий. Аргументы психологические.

— И какие же?

— Икс обращается с пленниками не так, как это принято у людей. Подумай об этом.

* * *

Им было что обсудить, и не только Икс был темой их бесед, хотя к нему они возвращались постоянно. Грейвс вкратце рассказал Биллу о том, как он решил отправиться на Столб, этот рассказ очень тронул Билла, и скорее тем, что было опущено, чем тем, что было рассказано. Он вдруг почувствовал себя очень неловко, глядя на своего старшего друга.

— Док, вы неважно выглядите.

— Да ничего.

— Это путешествие на Столбы вам было ни к чему. Оно вас сильно подкосило.

Грейвс пожал плечами.

— У меня все в порядке,— но это было вовсе не так, Билл это прекрасно видел. Старик сильно сдал.

Они спали, ели, разговаривали, а затем снова спали. Все то же самое, к чему Эйзенберг привык в одиночке, только теперь их было двое. Вот только Грейвсу не становилось лучше.

* * *

— Док, надо бы нам что-то с этим делать.

— С чем?

— Со всем этим. То, что случилось с нами, угрожает страшной опасностью всему человечеству. Мы даже не представляем, что могло уже произойти там, внизу...

— Почему ты говоришь «там, внизу»?

— Ну как же, вы ведь поднялись на Столб...

— Верно — но я не знаю, где и когда меня вытащили из батисферы и куда меня после этого доставили. Но неважно. Выкладывай свою идею.

— Да, но... ну хорошо. Итак, мы не знаем, что сейчас происходит с человечеством. Может быть, огненные шары прибирают людей поодиночке, не давая им возможности ни сопротивляться, ни даже понять, что происходит. У нас есть некоторые идеи. Пришла пора бежать и предупредить. Мы должны найти способ дать отпор. Это наш долг, все будущее человечества может от этого зависеть.

Грейвс не отвечал так долго, что Билл почувствовал некоторую неловкость, как будто он наговорил глупостей. Но наконец он заговорил.

— Мне кажется, ты прав, Билл. Вполне возможно, что ты прав. Не обязательно, но очень возможно. И эта возможность налагает на нас обязательства перед всем человечеством. Я это знал. Я это знал еще до того, как мы влипли в эту историю, но у меня не хватало фактов, чтобы закричать «Волки!» Вопрос только в том, как же нам отсюда передать это предупреждение?

— Нам нужно бежать!

— Увы!

— *Должен* быть способ.

— Ну так предложи.

— Скажем, так. Мы не можем найти хода ни сюда, ни отсюда, но он обязательно должен быть, ведь нас сюда как-то доставили. Дальше, каждый день мы получаем еду — откуда? Я однажды пытался подсмотреть, как это делается, но заснул...

— И я тоже.

— Ну да. Ничего удивительного. Но теперь нас двое; мы можем меняться, дежурить по очереди, пока что-нибудь не произойдет.

— Стоит попробовать,— кивнул Грейвс.

Поскольку отмерять время было нечем, каждый бодрствовал, пока сонливость не становилась непереносимой, и будил другого. Но ничего не происходило. Еда подошла к концу, и новой они не получили. Они берегли свои водяные шарики, пока, наконец, не остались с одним-единственным, который никто из них не хотел выпить — состязались в благородстве, уступая друг другу. Но их невидимые похитители по-прежнему никак не проявляли себя.

Прошло неизвестно сколько времени — но наверняка долго, почти непереносимо долго,— и в тот момент, когда Эйзенберг был погружен в чуткий, тревожный сон, его неожиданно пробудило прикосновение и звук его имени. Он сел, моргая, не соображая, что происходит.

— Что? Кто? Что случилось?

— Я, похоже, задремал,— с виноватым видом произнес Грейвс.— Прости меня, Билл.

Эйзенберг глянул в ту сторону, куда указывал Грейвс. Вода и пища ожидали их.

Эйзенберг не предлагал возобновить эксперимент. Во-первых, было очевидно, что их хозяева не желали, чтобы пленники узнали путь из клетки. Похитители были достаточно сообразительны, чтобы противодействовать их ничтожным усилиям. Во-вторых, Грейвс явно был болен и у Эйзенберга не хватило бы духу продолжить это изматывающее полуголодное бдение.

Но если не известно, где выход, сбежать из заточения невозможно. Голый человек — необыкновенно беспомощное существо: не имея материалов, из которых можно смастерить инструменты, он почти ни на что не способен. Эйзенберг мечтал то о блаженстве обладания алмазной дрелью, то об ацетиленовой горелке, то хотя бы о завалящем ржавом зубиле. Он сознавал, что без инструментов у него столько же шансов взломать клетку, как у его рыбок, Клео и Патры, прогрызть стекло аквариума.

* * *

— Док?

— Да, сынок.

— Мы избрали неверный путь. Мы знаем, что Икс разумен; чем пытаться сбежать, нам следовало бы попытаться вступить с ним в контакт.

— Каким образом?

— Не знаю. Но должен же быть способ.

Но если такой способ и существовал, ему никак не удавалось его придумать. Даже если предполагать, что похитители видят и слышат его, какими словами или жестами передать им послание? Возможно ли теоретически негуманоиду, неважно, насколько он разумен, понять смысл человеческой речевой символики, если ее воспринимать вне контекста, без фона, без картинок, без возможности что-то *показать*? Ведь человеческая раса, находясь в гораздо более благоприятных условиях, не смогла почти ничего узнать о языках животных.

Как привлечь их внимание, стимулировать их интерес? Прочитать наизусть Декларацию независимости? Или таблицу умножения? А если использовать жесты, то будет ли азбука глухонемых понятнее их похитителям, чем сигналы боцманской дудки городскому жителю?

* * *

— Док?

— Что, Билл?

Грейвс явно слабел: теперь он совсем редко начинал разговор первым.

— Почему мы здесь оказались? У меня все время сидит где-то в голове, что *в конечном счете* они должны вытащить нас отсюда и что-то с нами сделать. Попытаться допросить нас, например. Но, похоже, они не собираются этого делать.

— Не собираются.

— Тогда зачем мы здесь? Почему они кормят нас?

Грейвс надолго замолчал, перед тем как ответить.

— Я думаю, они ожидают, пока мы не размножимся.

— Что?!

Грейвс пожал плечами.

— Но это же смешно!

— Верно. Но откуда *им* это знать?

— Ведь они же разумны.

Грейвс рассмеялся, первый раз за долгое время.

— Помнишь забавный стишок Роланда Янга о блохе? В конечном счете видимая разница между мужчиной и женщиной почти незаметна — кроме как для мужчины и женщины!

Эйзенберг нашел, что это предположение отвратительно и возмутительно; он попытался спорить.

— Послушайте, док, даже поверхностное исследование показало бы им, что человеческая раса разделена на два пола. В конечном счете мы не первые, кого они изучают.

— Может быть, они нас вовсе и не изучают.

— Как это?

— Может, мы просто — домашние животные.

Домашние животные! Психика Билла Эйзенберга устояла перед лицом опасности и неопределенности. Но на сей раз удар был слишком коварен. Домашние животные. Он считал себя и Грейвса военнопленными или, по крайней мере, объектами научного исследования. Но домашние животные!

— Я понимаю, что ты чувствуешь,— продолжал Грейвс, глядя на Билла, все ощущения которого отражались на его лице.— Это... *унизительно* с антропоцентрической точки зрения. Но я думаю, что это так и есть. Я мог бы также рассказать тебе собственную теорию о том, какова природа Икс, и об отношении Икс к человеческой расе. Я не говорил об этом до сих пор, потому что это почти исключительно догадки, основанные на очень скудных данных. Но эта теория согласуется с известными фактами. Я полагаю, что эти Икс-существа едва ли осведомлены о существовании людей, кроме тех, кого они захватили, и почти совсем ими не интересуются.

— Но они же охотились на нас!

— Может быть. А может, просто случайно подобрали по дороге. Многие фантазировали о том, как будет выглядеть встреча двух чуждых разумов. И почти без исключения эти мечты облеклись в одну из двух форм, либо вторжения и войны, либо взаимопознания и взаимопомощи. Эти обе концеп-

ции предполагают, что иной разум достаточно похож на наш, чтобы либо бороться, либо общаться с нами,— иначе говоря, рассматривать нас как равных себе. Я не верю, что Икс настолько заинтересованы в человеческих существах, чтобы испытывать желание поработить или даже истребить их. Может быть, им не захочется и исследовать нас, даже если мы попадем в их поле зрения. У них может отсутствовать жажда исследования в смысле того обезьяньего любопытства ко всему, что движется. Кстати, насколько мы сами внимательны к другим формам жизни? Ты когда-нибудь поинтересовался у своей золотой рыбки ее взглядами на их, рыбью, поэзию или политику? Волнует ли термита, какое место женщина занимает в семье? Кого предпочитают бобры — блондинок или брюнеток?

— Нашли когда шутить.

— Я не шучу. Может быть, у тех форм жизни, которые я упомянул, и нет таких сложных мыслей. Но я утверждаю, что если бы они и были, мы об этом и не догадывались бы. Я не думаю, что Икс рассматривают человечество как разумную расу.

Некоторое время Билл переваривал все это, затем спросил:

— Как вы думаете, док, откуда они пришли? Может, все-таки с Марса? Или они не из нашей Солнечной системы?

— Не обязательно. И даже маловероятно. Мне кажется, что они пришли из того же самого места, что и мы,— *из взбаламученного ила нашей планеты.*

— Ну, док, в самом деле...

— Именно так. И не смотри на меня соболезнующе. Я болен, но шарики у меня на месте. *Акт творения происходил восемь дней.*

— Что?

— Я использую библейскую терминологию. «И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле». Так все и происходило. Но никто не упоминал о стратосфере.

* * *

— Док — вы уверены, что хорошо себя чувствуете?

— Черт возьми, когда тебе надоест заниматься психоанализом! Я объясню тебе эту аллегорию. Вот что я имел в виду. Мы — не самая последняя и не высшая стадия эволюции. Вначале жизнь была только в океане. Затем появились двоякодышащие, амфибии и так далее, пока не были заселены континенты и, в конце концов, на поверхности планеты не стал править человек — или, по крайней мере, воображать, что правит. Но разве эволюция остановилась на этом? Думаю, что нет. Посмотри: с точки зрения рыбы, воздух — это абсолютный вакуум. С нашей точки зрения, верхние пределы атмосферы — шестьдесят, семьдесят, сто тысяч футов — это практически вакуум, неспособный поддерживать жизнь. Но это не вакуум. Там есть вещество и там есть лучистая энергия. Почему бы там не быть жизни, разумной жизни, сильно проэволюционировавшей, как этому и следует быть,— но проэволюционировавшей от той же начальной стадии, что и мы, и рыбы? Мы не могли увидеть, как все это происходило; человеческое сознание еще слишком молодо. Когда наши прадедушки качались на ветках, это уже все свершилось.

Эйзенберг глубоко вздохнул.

— Постойте, док. Я не обсуждаю теоретическую состоятельность ваших тезисов, но мне кажется, что в данном случае все это противоречит наблюдаемым фактам. Мы никогда их не видели и ничего о них не знали. По крайней мере, до недавних пор. А мы *должны были бы* их видеть.

— Не обязательно. Разве муравьи видят человека? Сомневаюсь.

— Да — но какого черта, ведь человеческое зрение получше муравьиного.

— Лучше — но для чего оно предназначено? Для своих собственных нужд. Предположи, что Икс-существа слишком высоко, или обладают очень низкой плотностью, или слишком быстро движутся. Даже такую большую, плотную и мед-

ленную штуку, как самолет, ты не всегда увидишь, если он будет достаточно высоко. Если же Икс разрежен и полупрозрачен, мы не сможем его увидеть, коль скоро он не будет затмевать звезды и бросать тень на Луну,— хотя на самом деле мне приходилось слышать странные истории именно в таком духе...

Эйзенберг встал.

— Вы полагаете, что существа настолько бестелесные, что плавают в вакууме, способны соорудить эти Столбы?

— А почему бы и нет? Попробуй-ка объяснить, каким образом недоделанный голый эмбрион — homo sapiens — построил Эмпайр Стейт Билдинг.

Билл покачал головой.

— Не понимаю.

— А ты попробуй. Откуда, ты думаешь, взялось вот это? — он взял в руку один из загадочных водяных шариков.— Мое предположение состоит в том, что жизнь на этой планете развивалась тремя путями, почти не пересекающимся. Океанская культура, наземная, и еще одна — назовем ее стратокультурой. А может, есть и четвертая — в земной коре. Мы немножко знаем о жизни в глубине моря, потому что мы любопытны. Но многое ли они знают о нас? Разве десяток спусков батисферы можно считать вторжением? А рыба, которая увидела нашу батисферу, легла спать с головной болью, но никому ничего не сказала, да ей и не поверили бы. А если многие рыбы увидят нашу батисферу и дадут показания под присягой, то явится рыба-психолог и объяснит это массовой галлюцинацией. Нет, нужно сделать что-нибудь столь же заметное, как Столбы, например, чтобы оказать влияние на ортодоксов. Редкие посещения толку не дают.

Эйзенберг некоторое время молчал. Когда он заговорил, казалось, он уговаривает самого себя:

— Я в это не верю. Я в это никогда не поверю.

— Во что — в это?

— В вашу теорию. Подумайте, док, ведь если вы правы, вы понимаете, к чему это приведет? Мы беспомощны, мы выброшены за борт.

— Я не думаю, что их уж очень интересует род человеческий. До сегодняшнего дня, по крайней мере, совсем не интересовал.

— Да не в этом дело. Неужели не понятно? У нас было хоть какое-то чувство собственного достоинства. Мы — человечество — страдали и совершали подвиги. Даже когда мы терпели поражение, у нас оставалось трагическое удовлетворение тем, что мы все-таки выше и сообразительнее прочих животных. У нас была вера в человечество — впереди было еще много великих свершений. Но если мы просто одни из низших животных, то какие же великие дела могут нас ожидать?

Мне, например, и в голову не пришло бы становиться «ученым», если бы я знал, что я — рыбка, ковыряющаяся в иле на дне лужи. Моя работа просто не имела бы никакого смысла.

— Может, так оно и есть.

— Пусть так оно и есть! — Эйзенберг поднялся и стал возбужденно расхаживать по ограниченному пространству их тюрьмы.— Может, и так. Но я не смирюсь! Возможно, вы правы. Возможно — ошибаетесь. Не так уж важно, *откуда* взялись эти Иксы. Так или иначе, они угрожают нашему роду. Док, мы должны выбраться отсюда и предупредить людей!

— Но как?

* * *

Большую часть последних дней перед смертью Грейвс проводил в коматозном состоянии. Билл дежурил при нем почти непрерывно, лишь изредка позволял себе поспать несколько десятков минут. Он мало чем мог помочь своему другу, кроме как бодрствованием, но душевное состояние поддерживалось этим у обоих.

Когда Грейвс позвал его, Билл дремал. Он проснулся мгновенно, хотя шепот был едва слышен.

— Да, док?

— Я не смогу долго говорить. Спасибо за заботу, сынок.

— Да что вы, док.

— Не забывай, для чего ты здесь. Когда-нибудь тебе выпадет шанс. Будь готов и не упусти его. Надо предупредить людей.

— Я это сделаю, док. Клянусь.

— Молодец.— И уже почти совсем неслышно: — Спокойной ночи, сынок.

* * *

Эйзенберг не спускал глаз с тела, пока оно совсем не остыло и не начало коченеть. Измотанный своим долгим бодрствованием и выжатый до дна эмоционально, он провалился в глубокий сон. Когда же он проснулся, тело исчезло.

Было трудно сохранять присутствие духа, оставшись в одиночестве. Он очень правильно поступил, решив при первой же возможности предупредить все остальное человечество, но пока что нужно было противостоять бесконечной монотонности. У него не было даже того развлечения, которое мог позволить себе любой узник,— считать отмеренные ему дни. Ведь его «календарь» был всего лишь счетом его погружений в сон.

Большую часть времени он был не вполне разумен, и было еще хуже, что он сознавал собственное безумие. Периоды возбуждения сменялись полосами глубокой депресии, когда он мог бы покончить с собой, если бы это было возможно.

Во время периодов возбуждения он строил грандиозные планы борьбы с Икс-существами — после побега. Он не знал, как и когда, но в иные моменты на него находила уверенность. Он сам бы возглавил крестовый поход; ракеты смогут преодолеть мертвую зону облака и Столбов; атомные бомбы разрушат их динамическое равновесие. Они будут уничтожены, и мир вновь, как прежде, станет царством человека.

Но снова накатывало отчаяние, и он понимал, что слабое инженерное искусство человека неспособно противостоять мощи и знаниям существ, которые создали Столбы, которые таким неслыханным способом похитили их с Грейвсом. Они

бессильны. Может ли треска строить план восстания против города Бостона? Что изменилось бы от того, что болтливые обезьяны в Гватемале приняли решение уничтожить американский флот?

Они бессильны. Человеческая раса достигла вершины, — и оказалось, что она — не высшее достижение природы, и это знание оказалось смертельным — одно только знание само по себе. Сейчас это знание убивало его, Билла Эйзенберга. Эйзенберг — представитель рода *homo piscis*. Бедная рыбка!

Перенапряженный ум его лихорадочно перебирал возможности предостеречь собратьев. Он не мог бежать, пока его окружение остается неизменным; он это наконец осознал и смирился. Но кое-что все же выходило за пределы клетки: остатки пищи, продукты его жизнедеятельности и — тело Грейвса. Если умрет и он, его тело тоже будет выброшено. По крайней мере, некоторые из тех предметов, что поднимались вверх на Столбы, оказывались в конце концов внизу — это он знал точно. Получается, что Икс-существа сбрасывают ненужные им вещи по столбу Вахини? Он убеждал себя, что именно так все и происходит.

Очень хорошо, ведь его тело тоже придется в конце концов возвращать на поверхность. Как он мог бы этим воспользоваться, чтобы передать послание своим собратьям? Никаких письменных принадлежностей, кроме собственного тела, у него не было.

Но тем же способом, каким он сделал себе календарь, он может написать послание. Он может сделать рубцы на коже обломком ногтя. Если одно и то же место раздражать снова и снова, не давая заживать, получится подобие татуировки.

Буквы должны быть большими; ему была доступна лишь передняя часть тела. Поэтому много не напишешь. Это должно быть очень простое предупреждение. Если бы его мозг был в полном порядке, то он, может быть, более умно сформулировал свое предостережение — если бы был в порядке...

Через некоторое время он покрыл свою грудь и живот рубцами татуировки, которой не постыдился бы и вождь

бушменов. К тому времени он исхудал, и кожа его была нездорового цвета; рубцы отчетливо выделялись на ней.

* * *

Его тело нашли в Тихом океане португальские рыбаки, которые не смогли разобрать послание, но передали тело в портовую полицию Гонолулу. Там тело сфотографировали, сняли отпечатки пальцев и похоронили. Отпечатки пальцев отождествили в Вашингтоне, и Уильям Эйзенберг, ученый, член множества научных обществ, один из достойных представителей рода *homo sapiens*, второй раз был официально признан мертвым, добавив к истории своего исчезновения новую загадку.

Неповоротливый механизм официальной переписки сработал и сообщение об обнаружении тела Эйзенберга оказалось на рабочем столе капитана Блейка, в одном из портов Южной Атлантики. Фотографии тела были приложены к отчету. Там же было короткое официальное письмо, в котором говорилось, что, поскольку капитан имел отношение к этому происшествию, эти материалы направляются ему для ознакомления и возможных комментариев.

Капитан уже в десятый раз рассматривал фотографии.

Вытатуированное послание было видно вполне отчетливо:

«БЕРЕГИТЕСЬ — ТВОРЕНИЕ ПРОДОЛЖАЛОСЬ ВОСЕМЬ ДНЕЙ»

Но что же это означало?

В одном он был уверен — этой татуировки не было у Эйзенберга, когда он исчез с «Мэхена».

Этот человек прожил достаточно долго после того, как его утащила шаровая молния,— это было очевидно. И он что-то узнал. Но что? Ссылка на первую главу Книги Бытия не осталась незамеченной капитаном; но непонятно было, что из этого следует.

Он снова уселся за стол и продолжил начатую фразу в черновом варианте рапорта, адресованного Бюро: «... послание, нанесенное на кожу, скорее добавляет таинственности в это происшествие, а не проясняет его. Я вынужден заключить, что шаровые молнии Лагранжа и Столбы каким-то образом связаны между собой. Патрулирование вокруг Столбов не должно прекращаться. Если будут разработаны новые методы изучения природы Столбов, то их следует применить. К сожалению, я не могу предложить что-либо еще...»

Он встал из-за стола и направился к маленькому аквариуму, закрепленному на кардановом подвесе. Постучал пальцем по стеклу, чтобы вывести из оцепенения двух золотых рыбок. Заметив уровень воды, он обратился к стюарду: «Джонсон, аквариум опять налит доверху. Патра опять чуть не выпрыгнула!»

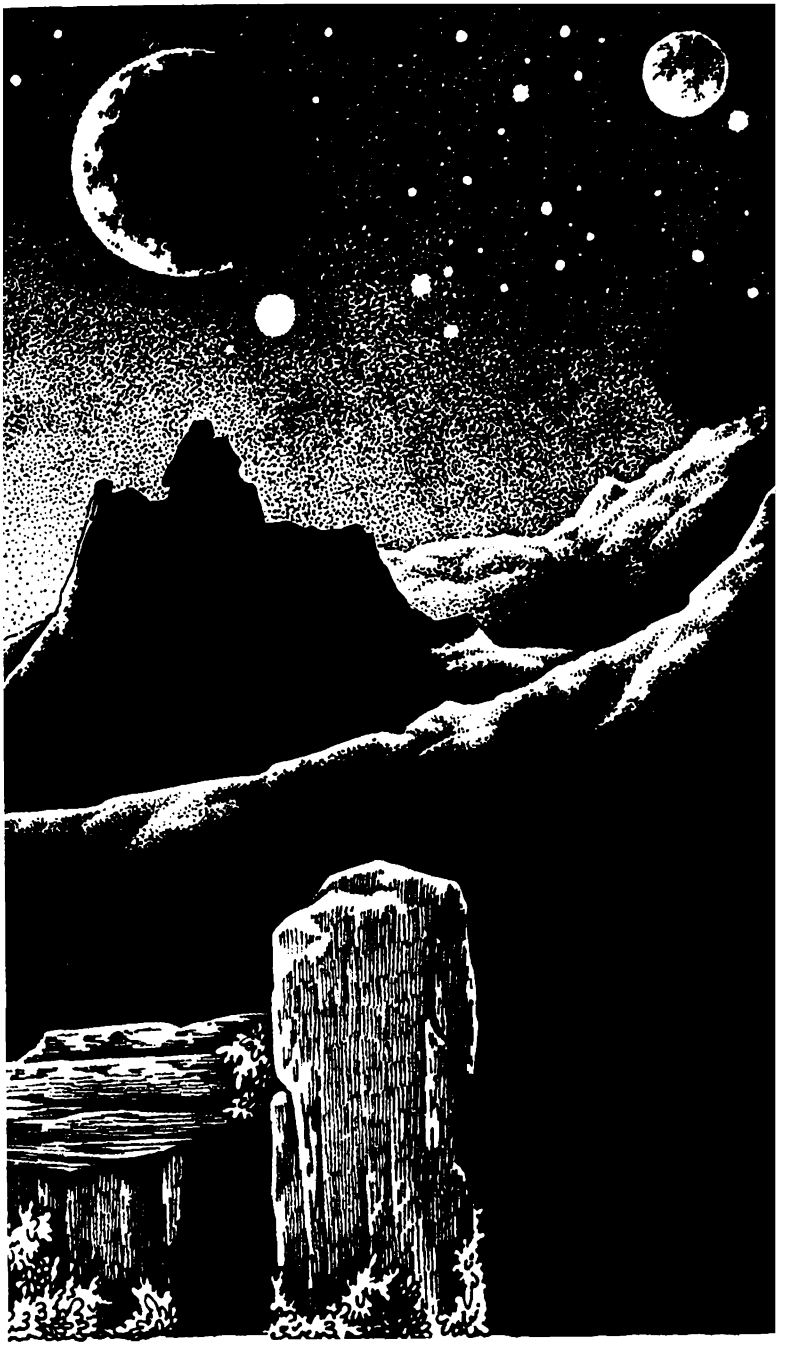
— Сейчас сделаю, капитан,— стюард вышел из буфетной с миской в руке. («Не понимаю, зачем Старику эти поганые рыбы. Он ими совсем не интересуется — я же вижу».) Вслух он сказал: — Эта Патра не хочет там оставаться, капитан. Вечно пытается выпрыгнуть. И она не любит меня.

— Что ты говоришь? — мысли капитана были уже далеко от золотых рыбок; он снова размышлял о загадке Эйзенберга.

— Я говорю, что рыбка не *любит* меня, капитан. Пытается укусить меня за палец каждый раз, как я чищу аквариум.

— Не говори глупостей, Джонсон.

ИНОЗДЕСЬ



Из статьи в «ИВНИНГ СТАНДАРТ»:

УЧЕНЫЙ УКЛОНИЛСЯ ОТ АРЕСТА.
В МУНИЦИПАЛИТЕТЕ НАЗРЕВАЕТ СКАНДАЛ

Профессор Артур Фрост, вызванный для допроса в связи с таинственным исчезновением из его дома пятерых студентов, не менее таинственно исчез сегодня сам из-под носа полицейского наряда, посланного для его ареста. Сержант полиции Изовски заявил, что профессор, уже помещенный в тюремный фургон, словно испарился оттуда при обстоятельствах, приведших полицейских в полное недоумение. Окружной прокурор Карнес назвал рассказ Изовски абсолютно нелепым и обещал подробно разобраться со всей этой историей.

* * *

— Послушайте, шеф, я же ни на секунду не оставлял его одного!

© М. Пчелинцев, перевод

— Чушь! — ответил шеф полиции.— Ты пытаешься убедить меня, что уже засунул Фроста в фургон, а сам чуть задержался — поставил ногу на подножку и вытащил блокнот, чтобы что-то там такое записать. А когда поднял глаза — его уже не было. Ты что, надеешься, что присяжные в это поверят? А может, ты надеешься, что в это поверю я?

— Ей-богу, шеф!

Изовски явно был в отчаянии.

— Я же действительно задержался на секунду, чтобы записать.

— Записать что?

— Да там одну вещь, которую он сказал. Я говорю ему: «Слушайте, док, а чего бы вам самому не рассказать, куда вы их спрятали. Ведь ясно, мы найдем их — дайте нам только время». А он смотрит на меня, странненько так смотрит — то ли видит меня, то ли нет — и говорит: «Время... а, ну конечно же, время... да, если дать вам время — вы найдете их. Там». Ну я и подумал, что это — важное признание, и остановился, чтобы записать. Так ведь я стоял у единственной двери, через которую из фургона можно выйти. И я же не недомерок какой, я вроде как всю дверь закрываю собой.

— Закрываешь, закрываешь. Это, пожалуй, все, на что ты годишься.

В голосе шефа звучали горечь и безнадежность.

— Слушай, Изовски, одно из двух — либо ты был пьян в стельку, либо малость тронулся. А может, тебе кто-нибудь в лапу сунул? Во всяком случае то, что ты мне тут наплел,— чистый бред.

Изовски был честный полицейский. И не был он ни пьяным, ни сумасшедшим.

* * *

Семинары по спекулятивной метафизике доктор Фрост проводил по пятницам. Четыре дня назад участники семинара, как всегда, встретились вечером у него дома.

— А почему бы, собственно, и нет? — говорил Фрост.— Почему время не может быть и пятым, а не только четвертым измерением?

Ответил ему Говард Дженкинс — рассудительный, довольно упрямый студент физического факультета.

— От предположения, конечно, вреда не будет, только сам вопрос бессмыслен.

— Почему? — обманчиво мягким голосом спросил Фрост.

— Бессмысленных вопросов не бывает,— вмешалась Элен Фишер.

— Правда? А куда девается дырка, когда съешь бублик?

— Не мешайте ему, пусть ответит,— прервал разгорающийся спор Фрост.

— И отвечу,— согласился Дженкинс.— Почему не ответить? Люди так уж устроены, что воспринимают три пространственных измерения и одно временное. Существуют дополнительные измерения или нет — такой вопрос не имеет для нас смысла, ведь нам все равно не узнать этого, не узнать никогда. Все эти рассуждения — просто довольно безобидный способ убить время, вроде ковыряния в носу.

— Неужели? — вкрадчиво спросил Фрост.— А вам никогда не попадалась под руку теория Дж. У. Данна о вложенных друг в друга вселенных со вложенными друг в друга временами? А ведь он тоже физик, как и вы. И про Успенского не забывайте. Он считал время многомерным.

— Секунду, профессор,— вмешался Роберт Монро.— Я просматривал их работы, но все равно считаю возражение Дженкинса вполне убедительным. Ну как может этот вопрос иметь смысл для нас, по устройству своему неспособных воспринять дополнительные измерения? Это как в математике — можно сконструировать любую математику, на любой системе аксиом, какую только душа пожелает, но если в природе нет явлений, которые она описывает, такая математика,— только пустое сотрясение воздуха.

— Очень разумно сформулировано,— согласился Фрост.— Но я могу дать на это столь же разумный ответ. Вера в теорети-

ческие построения обязана основываться на наблюдениях — либо своих, либо компетентного, заслуживающего доверия экспериментатора. Вот я и верю в двумерное время на основании наблюдений — своих собственных.

На несколько секунд в комнате воцарилась тишина.

Молчание прервал Дженкинс.

— Но этого же просто не может быть, профессор. Вы по самой своей сущности не можете воспринимать две временные координаты.

— Спокойнее, спокойнее,— остановил его Фрост.— Да, верно, я, как и вы, могу воспринимать их не одновременно, а только поодиночке. Я изложу вам теорию времени, которую мне пришлось разработать для описания своего необычного опыта. В большинстве своем люди считают время чем-то вроде колеи, по которой они движутся от рождения до смерти столь же неуклонно, как паровоз по рельсам; они инстинктивно воспринимают время как прямую линию: прошлое — сзади, будущее — впереди. Так вот, я имею все основания считать — да какое там считать,— я знаю, что время сходно скорее с поверхностью, чем с линией, и с довольно-таки холмистой поверхностью, если уж на то пошло. А эта самая колея, по которой мы двигаемся,— кривая такая дорожка, петляющая между холмами. Кое-где дорожка разветвляется и ее ответвления убегают по боковым долинам, впадинам — называйте их как хотите. Вот в этих-то точках ветвления вы и принимаете критические решения, определяющие дальнейшую вашу жизнь. Там вы можете свернуть направо или налево — и прийти к совершенно различным будущим. А кое-где встречаются такие места, где, постаравшись, можно вскарабкаться по крутому склону — или спуститься по нему — и перескочить сразу через тысячу, а то и миллион лет. Только, если вы все время смотрите тупо себе под ноги, на дорогу, вам никогда не заметить такой возможности. А изредка бывает, что ваша дорога пересекается с другой. Ни прошлое этой «дороги», ни будущее вообще никак не связано с известным нам миром. И если вам случится свернуть на такую поперечную

дорогу, вы можете оказаться на другой планете или в другом пространстве-времени, причем от мира, вам привычного, не останется ровно ничего, кроме непрерывности вашего Я. Или, если вы обладаете необходимой для того интеллектуальной силой и отвагой, вы можете вообще оставить эти дороги, наиболее вероятные траектории, и пуститься в свободное странствие по холмам возможных времен, пересекая дороги, когда набредете на них, изредка проходя по ним немного, иногда — даже в противоположную сторону, когда прошлое — впереди, а будущее — позади. Или просто бродить вблизи вершин холмов, занимаясь совершенно невероятными делами. Не могу даже представить себе, на что это должно быть похоже — возможно, на что-нибудь вроде приключений Алисы в Зазеркалье. А теперь насчет моего личного опыта. В восемнадцать лет мне пришлось принимать важное решение. На моего отца одна за другой обрушились финансовые неудачи, и я решил оставить колледж. В конце концов я тоже ушел в бизнес и — я не стану вдаваться особо в подробности — в тысяча девятьсот пятьдесят восьмом был осужден за мошенничество и сел в тюрьму.

— Тысяча девятьсот пятьдесят восьмом, доктор? — прервала его Марта Росс.— Вы хотели сказать — сорок восьмом.

— Нет, мисс Росс. Я говорю о событиях, происходивших на другой временной колее, не на этой.

— О! — По ее лицу скользнуло недоверие.— С Божьей помощью все возможно.

— В тюрьме у меня было более чем достаточно времени, чтобы раскаяться в своих ошибках. Я осознал, что мы с бизнесом никогда не подходили друг другу, и искренне пожалел, что тогда, давно, не остался в колледже. Тюрьма оказывает очень своеобразное действие на рассудок заключенного. Я уходил все дальше и дальше от реальности, все больше и больше жил в своем собственном внутреннем мире. И вот однажды ночью мое Я покинуло камеру, проделало обратный путь во времени, и я проснулся в старой своей комнате общежития колледжа. Тогда я еще смутно представлял себе, как такое могло

случиться. На этот раз я был умнее — не стал бросать учебу, нашел где подработать на жизнь, получил диплом, поступил в аспирантуру и оказался в конце концов там, где вы меня сейчас видите.

— Доктор, а вы можете хоть намекнуть, как проделали эту штуку? — спросил Монро.

— Да, могу,— легко согласился Фрост.— Я работал над этой задачей многие годы, стараясь воссоздать нужные условия. Совсем недавно я добился успеха и уже проделал несколько прогулок в возможное.

Третья девушка, Эстелл Мартин, до этого момента не произнесла ни слова, а только напряженно слушала. Теперь она подалась вперед.

— Скажите, профессор, как это делается?

— Способ предельно прост. Все дело в том, чтобы твое подсознание было уверено в возможности этого.

— Так, значит, берклианский идеализм справедлив?

— В каком-то смысле — да, мисс Мартин. Бесконечные возможности двумерного времени представляют человеку, верящему в философию епископа Беркли, доказательство того, что разум творит свой собственный мир. Однако спенсерианский детерминист вроде нашего общего друга Говарда Дженкинса никогда не сойдет с пути наибольшей вероятности. Для него мир так и останется механистичным и реальным. У придерживающейся концепции свободы воли ортодоксальной христианки вроде мисс Росс будет выбор из нескольких боковых дорог, однако ее физическое окружение, скорее всего, будет почти таким же, как у Говарда. Я отработал до тонкостей технику, которая даст возможность другим странствовать по дорогам времени так же, как это делал я сам. Аппарат готов, и любой желающий может его испробовать. По правде говоря, это и есть настоящая причина — почему эти наши пятничные сборища происходят у меня дома,— чтобы, когда наступит время, вы все могли сделать попытку, если того пожелаете.

Профессор встал и направился к стоявшему у стены шкафу.

— Вы хотите сказать, доктор, что мы можем сделать это прямо сегодня?

— Разумеется. Весь процесс состоит из гипноза и внушения. Ни то ни другое не является необходимым, но это — быстрейший способ научить подсознание сходить с колеи и направляться куда ему вздумается. Для того чтобы утомить и загипнотизировать сознание, я использую вращающийся шар. Одновременно субъект слушает запись, внушающую ему, по какой временной дороге нужно отправиться. Именно так он и делает. Все до предела просто. Желает кто-нибудь попробовать?

— А это опасно?

— Сам процесс — нет.— Фрост пожал плечами.— Ведь это просто глубокий сон и звуки голоса с пластинки. Но мир другого временного пути, который вы посетите, будет столь же реален, как наш. Всем вам больше двадцати одного года; я никого не заставляю. Я просто предлагаю вам возможность.

Монро встал.

— Доктор, я отправляюсь.

— Прекрасно. Садитесь сюда и наденьте наушники. Кто еще?

— Я тоже,— откликнулась Элен Фишер. Когда вызвалась и Эстелл Мартин, Дженкинс торопливо подошел к ней.

— Ты что, собираешься испробовать эту штуку?

— Обязательно.

Молодой человек повернулся к профессору.

— Тогда и я, док.

Последней присоединилась в товарищам Марта Росс.

Когда студенты расселись и надели наушники, Фрост обратился к ним:

— Вам предлагаются на выбор разные возможности. Вы можете перейти в другой мир, скользнуть в прошлое или в будущее или пересечь путаницу высоковероятных тропинок по пути крайней невероятности. У меня есть записи для всех этих вариантов.

И снова первым оказался Монро.

— Я сверну в совершенно новый мир.

Эстелл тоже не стала долго задумываться.

— Я бы хотела — как это вы говорили? — вскарабкаться по крутому склону на дорогу повыше, куда-нибудь в будущее.

— И я тоже,— послышался голос Дженкинса.

— А я испробую невероятную дорогу,— решила Элен Фишер.

— Значит, разобрались со всеми, кроме мисс Росс,— подытожил профессор.— Боюсь, что вам придется отправиться по вероятному боковому пути. Устраивает это вас?

Марта утвердительно кивнула.

— Так я и хотела.

— Вот и прекрасно. Во всех записях заложено внушение, чтобы вы вернулись в эту комнату через два часа по здешнему времени. Надевайте наушники. Продолжительность записей тридцать минут, я включу их одновременно с шаром.

Он опустил свисавший с потолка сверкающий многогранный шар, закрутил шнур, на котором он висел, и осветил узким лучом. Затем потушил прочее освещение комнаты и одновременно, одним и тем же тумблером, включил все записи.

Искрящаяся сфера вращалась все медленнее и медленнее, на мгновение замерла и начала раскручиваться в противоположную сторону. Доктор Фрост отвел от нее глаза, чтобы не впасть в транс самому. Через несколько минут он тихо вышел в холл покурить. Получасом позже раздался одиночный удар гонга. Профессор торопливо вернулся в комнату и включил свет.

Четверых не было.

Остался один Говард Дженкинс, который открыл глаза и, моргая, смотрел на лампу.

— Ну что ж, доктор, как я понимаю, ничего не вышло?

Фрост поднял брови.

— Не вышло? Вы оглянитесь вокруг.

Молодой человек осмотрел комнату.

— А где остальные?

— Где? Где угодно,— пожав плечами, ответил профессор.— И когда угодно.

Сорвав с себя наушники, Дженкинс вскочил.

— Доктор, что вы сделали с Эстелл?

Фрост осторожно отцепил руку студента от своего рукава.

— Я не сделал с ней ничего, Говард. Просто она на другой временной траектории.

— Но я же хотел отправиться вместе с ней!

— А я пытался вас с ней отправить.

— Но почему же я здесь?

— Точно не знаю. Скорее всего, внушение оказалось недостаточно сильным, чтобы преодолеть ваш скептицизм. Но вы не беспокойтесь, они должны вернуться через пару часов.

— «Не беспокойтесь»! Легко вам говорить. Я вообще не хотел, чтобы она лезла в эти дурацкие фокусы, но понимал, что мне ее не переспорить. Поэтому я решил отправиться вместе с ней — она ведь такая непрактичная и беспомощная. Но... послушайте, док, а где же все-таки их тела? Я думал, что мы останемся тут, в этой комнате, только впадем в транс.

— Вы меня совершенно неверно поняли. Эти временные траектории абсолютно реальны — столь же реальны, как и та, на которой мы сейчас находимся. Они целиком, всем своим существом отправились по этим дорожкам, ну словно шли по улице и свернули за угол.

— Но это же невозможно! Это противоречит закону сохранения энергии!

— Против факта не попрешь — они были, а теперь их нет. Кроме того, это не противоречит закону, просто его надо распространить на всю вселенную.

Дженкинс провел рукой по лицу.

— Да, пожалуй. Но в таком случае с ней может случиться что угодно. Она может даже погибнуть — там. А я не смогу ничем ей помочь. Господи, и зачем только мы пошли на этот проклятый семинар!

Профессор обнял его за плечи.

— А раз вы не можете ей помочь — зачем волноваться? Кроме того, у вас нет никаких причин полагать, что она в опасности. Зачем придумывать себе причины для беспокойства?

Идемте лучше на кухню и разопьем бутылку пива, пока они не вернулись.

Он мягко подтолкнул Говарда к двери.

Выпив пару бутылок пива и выкурив несколько сигарет, Дженкинс немного успокоился. Профессор продолжил разговор.

— А как вышло, Говард, что вы записались на этот курс?

— Это был единственный курс, на который я мог записаться вместе с Эстелл.

— Так я и думал. А я принял вас по своим собственным причинам. Я знал, что вас не интересует спекулятивная философия, но надеялся, что ваш твердокаменный материализм немного сдержит расхлябанность мысли, которая может возникнуть в такой группе. И вы очень мне помогли. Вот возьмите, к примеру, Элен Фишер. Она склонна проводить блестящие рассуждения, исходя из совершенно недостаточных данных. Вы помогали немного ее «приземлить».

— Говоря честно, доктор Фрост, я никогда не мог понять, к чему все эти высокопарные рассуждения. Я люблю факты.

— Но вы, техники, ничем не лучше метафизиков. Вы просто игнорируете то, что не можете пощупать руками, взвесить на весах. Если вы не можете попробовать что-то на зуб — значит, оно не реально. Вы свято веруете в механистичную, детерминированную вселенную, игнорируя при этом человеческое сознание, волю, свободу выбора — факты, известные вам самим из личного опыта.

— Но все это объясняется в понятиях рефлексов.

Профессор развел руками.

— Ну вы точно как Марта Росс. Она может что угодно объяснить с точки зрения христианского фундаментализма библейского пояса. Ну почему бы вам обоим не признать, что есть вещи, вам непонятные.

Он замолк и наклонил голову набок, прислушиваясь.

— Вы ничего не слышали?

— Вроде.

— Давайте проверим. Правда, рановато, но, возможно, кто-нибудь из них уже вернулся.

Неподалеку от камина в воздухе парила фигура, облаченная в белое и распространявшая вокруг себя мягкое перламутровое сияние. Пока они нерешительно стояли в дверях, фигура повернула к ним лицо. Это было лицо Марты Росс, но чистое и просветленное до сверхчеловеческого величия. Фигура заговорила:

— Мир вам, братья!

Их охватила волна спокойствия, любви и доброты, как от материнского благословения. Фигура приблизилась, и они увидели за ее плечами длинные, широкие белые крылья классического ангела. Фрост еле слышно выругался.

— Не бойтесь. Я вернулась, как вы того хотели. Вернулась, чтобы объяснить и помочь.

Доктор вновь обрел дар речи.

— Вы — Марта Росс?

— Я отзываюсь на это имя.

— Что случилось с вами после того, как вы надели наушники?

— Ничего. Я уснула, проспала некоторое время, проснулась и пошла домой.

— И больше ничего? А почему же вы так выглядите?

— Я выгляжу так, как, по представлению детей земли, должны выглядеть Избранные Господа. Через некоторое время я отправилась миссионеркой в Южную Африку. Там мне потребовалось отдать свою земную жизнь служению Господу. Так я вошла в Град небесный.

— Вы попали в рай?

— Многие эоны я сидела у подножия Трона златого, воспевая осанны в его честь.

— Скажите, Марта — или святая Марта,— вмешался в разговор Дженкинс.— Где Эстелл? Вы видели ее?

Медленно повернувшись, фигура посмотрела на него.

— Не бойся.

— Но вы скажете мне, где она?

— В этом нет необходимости.

— Слабенькая от вас помощь,— с горечью отозвался Говард.

— Я помогу тебе. Внимай мне: возлюби Господа Бога всем сердцем своим и возлюби ближнего своего, как себя самого. Это все, что тебе надо знать.

Говард молчал; нельзя сказать, чтобы его удовлетворили слова Марты, но он не мог подобрать подходящего ответа, фигура снова заговорила:

— Мне надо удалиться. Господь да пребудет с вами.

Она мгновенно растворилась в воздухе. Фрост тронул студента за локоть.

— Идемте, нам стоит, пожалуй, глотнуть немного свежего воздуха.

Онемевший, ничего не соображающий Дженкинс не сопротивляясь последовал за профессором в сад. Некоторое время они молчали. В конце концов Говард набрался смелости.

— Вы видели ангела?

— Думаю, да, Говард.

— Но это же какой-то бред!

— Есть миллионы людей, которые не согласились бы с вами — необычно, слов нет, но — совсем не бред.

— Но это же противоречит всем современным представлениям — рай, ад, персонифицированный Бог, воскресение. Или все, во что я верил,— чушь, или я малость тронулся.

— Совсем не обязательно; более того — вряд ли. Я очень сомневаюсь, что вам доведется когда-нибудь увидеть рай — или ад. Вы будете держаться временной траектории, соответствующей вашей природе.

— Но она же казалась абсолютно реальной.

— Она и была абсолютно реальной. Я сильно подозреваю, что жизнь грядущая, какой ее представляет религия, вполне реальна для тех, кто верит в нее всем сердцем — как Марта. Но вам, скорее всего, предстоит путь, соответствующий вашим агностическим верованиям,— за исключением одного момента: когда вы умрете, то умрете не совсем, сколько бы вы ни говорили, что именно этого и ожидаете. Для человека эмоционально невозможно поверить в собственную смерть. Такое самоуничтожение просто невоз-

можно. У вас тоже будет жизнь грядущая, но — соответствующая вашему материализму.

Но Говард не слушал. Он подергал себя за нижнюю губу и нахмурился.

— А скажите, док, почему все-таки Марта не сказала мне, что случилось с Эстелл? Непорядочно как-то.

— Сомневаюсь, что она знала. Марта направлялась по временной траектории, очень мало отличающейся от нашей, Эстелл захотела испробовать путь, ведущий далеко в прошлое — или будущее. Они практически не существуют друг для друга.

И тут из дома донесся голос, чистое, звонкое контральто.

— Доктор! Доктор Фрост!

Дженкинс резко повернулся.

— Это Эстелл!

Они помчались в дом, профессор мужественно старался не отставать от своего молодого собеседника.

Но это оказалась не Эстелл. В холле стояла Элен Фишер — и в каком виде! Грязный, разорванный свитер, чулки куда-то делись, на щеке отчетливо выделялась начинающая поджиывать ссадина. Фрост остановился и оглядел ее.

— Ты в порядке, девочка?

Элен по-мальчишески улыбнулась.

— Я-то в порядке. А вот посмотрели бы вы на того парня...

— Расскажи нам все.

— Сейчас. Только как насчет чашки кофе для блудной дочери? Да и от яичницы я бы не отказалась. И от хлеба — только побольше. Понимаете, там, где я была все это время, кормят как-то нерегулярно.

— Конечно, конечно. Сию секунду,— ответил Фрост.— Только где ты все-таки была?

— А нельзя девочке сперва поесть? Я ничего от вас не утаю. Что это Говард такой кислый?

Профессор шепотом объяснил. Элен посмотрела на Дженкинса с состраданием.

— Так ее еще нет? А я-то думала, что вернулась последней, я же так долго отсутствовала. Какое сегодня число?

Фрост посмотрел на часы.

— Вы явились вовремя: сейчас ровно одиннадцать.

— Какого черта! Простите, доктор. «„Все страньше и страньше",— сказала Алиса». Значит, всего пару часов. Между прочим, я отсутствовала по крайней мере несколько недель.

Запив третьей чашкой кофе последний тост, она начала:

— Проснувшись, я почувствовала, что падаю вверх — через какой-то страшный бред. Только не просите меня описать, как это было,— никто бы не смог. Так продолжалось, пожалуй, с неделю, затем потихоньку все начало упорядочиваться. Мне не очень ясно, в какой последовательности все происходило, но, когда окружающее немного успокоилось и пришло в фокус, я оказалась в маленькой, совершенно голой долине. Было холодно; разреженный, едкий воздух обжигал горло. В небе светили два солнца — одно большое, тусклое, красноватое, а другое — поменьше и такое яркое, что глазам больно.

— Два солнца! — воскликнул Говард.— Но это невозможно, у двойных звезд не бывает планет!

Эллен посмотрела на него.

— Это уж как хотите, только я была там. Едва я успела осмотреться, как что-то прожужжало у меня над головой, и я пригнулась. Больше я не видела этого места.

Следующая остановка была на нашей Земле — во всяком случае мне так кажется — в каком-то городе. Большой, запутанный город. Я оказалась посреди улицы, по которой мчались какие-то автомобили. Я попыталась остановить одну из этих машин — длинную такую, ползучую штуку, вроде гусеницы, с полусотней, не меньше, колес. Но тут я рассмотрела водителя и рванула назад. Это был не человек, но и не животное. Я лично таких не видела и о таких не слышала. И не птица, не рыба, даже не насекомое. Я бы лично не стала поклоняться тому богу, который создал обитателей этого города. Не знаю уж, кто они такие, только они ползают и от них жутко воняет. Фу!

Пару недель я пряталась по углам и задворкам этого города, пока не сумела снова вскочить на временную дорожку.

Я была уже в отчаянии и думала, что ваше внушение — вернуться через два часа — не сработало. Найти какую-нибудь еду по большей части не удавалось, так что у меня все время голова кружилась от голода. Пила я из чего-то, что, возможно, было их канализационной системой, но спросить было не у кого, да лучше и не знать. Я умирала от жажды.

— А людей вы видели?

— Не знаю, видела какие-то смутные тени, кружком сидевшие на корточках в одном из туннелей под городом, но они чего-то испугались и смылись, прежде чем я смогла их толком рассмотреть.

— А что еще там происходило?

— А ничего. Той же ночью я опять припомнила фокус, как это делается, и убралась оттуда подобру-поздорову. Боюсь, мне было как-то не до науки, профессор. Меня совсем не интересовало, как там живут все эти местные.

На сей раз мне повезло побольше. Я снова оказалась на Земле, только теперь в приятной холмистой местности — очень похоже на Блу-Ридж. Стояло лето, и все было очень мило. Я нашла какой-то ручей, разделась и выкупалась. Просто великолепно. Потом я нашла вполне спелые ягоды, потом легла погреться на солнышке и уснула.

А вот пробуждение было не очень. Надо мной наклонился мужчина, и далеко не красавец. Вроде неандертальца. Мне бы убежать, но я попыталась схватить свои одежки, а он тем временем схватил меня. И я была препровождена в их лагерь. Этакая пленная сабинянка со спортивным костюмом под мышкой.

Все оказалось не так уж и страшно. Похититель мой был то ли старейшиной, то ли вождем и воспринимал меня как некое домашнее животное вроде собак, дравшихся вокруг груды костей, а не как наложницу из своего гарема. Кормежка была ничего — если только не быть чересчур уж разборчивой,— я-то после жизни в этом милом городочке разборчивой не была ничуть.

Вообще-то неандертальцы — вполне приличные парни; разве что грубоваты иногда. Вот так я и заработала эту штуку.

Элен осторожно потрогала подживающий шрам.

— Я решила было остаться у них на какое-то время — поизучать их, значит,— но потом совершила промашку. Утро было холодное, и я оделась, впервые за все время у них. Один из юных жеребчиков увидел это, и в нем, видимо, взыграла романтическая натура. А старика рядом не было, так что остановить его было некому.

Я и опомниться не успела, как он сцапал меня и попытался продемонстрировать глубину своего чувства. Говард, ты никогда не бывал в нежных объятиях пещерного человека? Не жалей. У них жутко воняет изо рта, не говоря уж обо всем прочем. Я слишком ошалела, чтобы сосредоточиться и снова проделать этот временной фокус, а то бы ускользнула в пространство-время — и пусть бы он лапал пустое место.

Доктор Фрост был в ужасе.

— Господи, девочка! И что же ты сделала?

— Что сделала? Пришлось продемонстрировать ему прием джиу-джитсу, которому меня научили на спортивной кафедре, а потом драть оттуда со всех ног. Я мигом вскарабкалась на дерево, досчитала до ста, стараясь успокоиться, и — снова через бред, куда-то вверх, но уж лучше бред, чем такие вот радости.

— И тогда ты вернулась?

— Хорошо, если бы так, но все оказалось значительно сложнее. Я приземлилась здесь, и где-то в это время и, похоже, на этой временной траектории, только как-то не так. Очухалась я на южной стороне Сорок второй улицы в Нью-Йорке. Это я сообразила сразу: мне бросились в глаза большие буквы световой газеты, бегущие по фасаду небоскреба «Таймс». Только бежали они почему-то не в ту сторону. Я пыталась сообразить, что значит: МЯЧЕЙ ДЕВЯТЬ В ПРЕИМУЩЕСТВОМ С ДЕТРОЙТ ПОБИЛИ ЯНКИ — и вдруг увидела рядом двух копов, бегущих со всех ног — задом наперед.

Доктор Фрост что-то глухо пробормотал.

— Что вы сказали?

— Перевернутая энтропия. Вы вступили на эту траекторию задом наперед — ваш временной вектор оказался направленным назад.

— Так я и подумала. Потом, когда было время подумать. А тогда у меня других забот хватало. Я стояла среди толпы, на свободном пятачке, и кольцо людей вокруг меня сжималось. Они бежали спинами вперед. Копы исчезли в толпе, а люди подбежали прямо ко мне и начали орать. А тут еще переключился светофор, машины помчались в обе стороны — и все задом наперед. Для маленькой Элен это было уж чересчур, и я хлопнулась в обморок. Потом я, похоже, побывала еще во многих местах.

— Секундочку,— прервал ее Говард.— А как же все это получилось? Раньше я думал, что понимаю насчет энтропии, но тут что-то не врубаюсь.

— Ну, проще всего будет сказать, что она двигалась попятно во времени,— объяснил Фрост.— Ее будущее было их прошлым — и наоборот. Слава богу, она вовремя успела оттуда убраться. Я не уверен, что в таких условиях возможно поддержание нужного человеку обмена веществ.

— Хм-м... Ну, рассказывай, Элен.

— Все это было бы потрясающе, только вот я уже находилась на грани полного эмоционального истощения. Я просто сидела и наблюдала, что происходит, словно в кино. Сценарий писал не иначе как Сальвадор Дали. Пейзажи сдвигались и колыхались, как море в непогоду. Силуэты людей становились текучими, плавно превращались в растения. Я думаю, что и с моим телом иногда происходило нечто подобное, но не совсем уверена. Как-то раз я оказалась в таком месте, где вокруг была только изнанка объектов, а не внешние их формы. Кое-что я пропущу — то, во что и сама не могу поверить.

Потом я притормозила в каком-то месте, обладавшем, видимо, дополнительным пространственным измерением. Все вещи казались мне нормальными, трехмерными, но только вот меняли свои очертания, стоило мне о них подумать. Выяснилось, что я могу заглядывать внутрь предметов — достаточно лишь захотеть. Когда мне надоело знакомиться с интимными тайнами камней и растений, я взялась за себя — получилось ничем не хуже. Теперь я знаю об анатомии и физиологии ничуть не меньше любого медика.

Очень интересно смотреть, как бьется твое сердце — симпатичная такая штука.

А вот аппендикс мой оказался распухшим и воспаленным. Выяснилось, что я могу даже протянуть руку и потрогать его; трогать было больно. Аппендикс и раньше иногда меня беспокоил, и я решила, что надо срочно оперироваться. Я просто отщипнула его ногтями. Больно почти не было, показалось немного крови, и все сразу заросло.

— Господи, девочка! Да ты же могла умереть от перитонита!

— Не думаю. Мне кажется, что ультрафиолет проходил через меня насквозь, так что все микробы мгновенно дохли. У меня и вправду был некоторое время жар, но это, скорее всего, от внутреннего ожога ультрафиолетом — как бывает, если долго загораешь, только тут загорала не кожа, а все мое тело насквозь.

Забыла сказать, что там я не могла передвигаться и вообще не могла прикоснуться ни к чему, кроме себя самой. Если я пыталась за что-то уцепиться, рука моя просто уходила в пустоту. Убедившись, что это бесполезно, я расслабилась. Было хорошо и спокойно, как медведю, спящему в берлоге.

Прошло много времени — очень, очень много,— я крепко уснула, а проснувшись, оказалась в вашем кресле. Вот и все.

* * *

Элен тоже не смогла успокоить Говарда — с Эстелл она не встречалась.

— Да ты просто подожди. Она же, собственно, еще и не опаздывает.

Их прервал звук открывающейся двери. В комнату вошел невысокий подтянутый человек в коричневой блузе и плотно облегающих коричневых же бриджах.

— Где доктор Фрост? О доктор, мне необходима помощь!

Это оказался Монро, но Монро, изменившийся почти до неузнаваемости. Роберт и раньше не был особенно высоким, но теперь его рост вряд ли превышал пять футов; зато плечи

сильно раздались, на них играли мускулы. Коричневое одеяние с заостренным капюшоном делало его похожим на гнома, как их обычно представляют.

Фрост торопливо подошел к студенту.

— В чем дело, Роберт? Чем я могу тебе помочь?

— Сперва вот это.

Монро показал свою левую руку. Сквозь дырку в разодранной, опаленной ткани виднелся страшный ожог.

— Он меня только зацепил, но лучше бы сделать с этим что-нибудь, а то так можно и без руки остаться.

Фрост, не дотрагиваясь, осмотрел ожог.

— Тебе нужно в больницу, и как можно скорее.

— Нет времени, я должен вернуться. Они нуждаются во мне — и я могу им помочь.

Доктор покачал головой.

— Боб, тебе нужно обработать рану. К тому же, как бы тебя там ни ждали, сейчас ты на другой временной траектории. Время, потерянное здесь, совсем не обязательно потеряно там.

— Мне кажется,— прервал его Монро,— что у этого мира и моего один и тот же темп времени. Мне надо спешить.

Элен Фишер встала между ними.

— Дай я посмотрю твою руку. Да-а... страшноватенько, но попробую перевязать. Профессор, вскипятите в чайнике немного воды. Как только закипит — бросьте туда горсть чая.

Пошарив на кухне, она нашла большие ножницы и аккуратно обрезала лохмотья рукава вокруг раны. Монро тем временем говорил:

— Говард, сделай мне одолжение. Возьми карандаш и записывай. Мне нужна уйма всякой всячины — все такие вещи, которые можно найти в общежитии. Сходить придется тебе — меня в таком виде сразу выкинут. В чем дело? Ты не хочешь?

Элен торопливо объяснила, чем озабочен Говард.

— О! Суровая, старик, история.— Он на секунду задумался.— Но послушай, ты же ничем не помогаешь Эстелл, сидя вот так здесь, а мне нужна твоя помощь, хотя бы на полчаса. Сделаешь?

Джейкинс согласился, хотя и с явной неохотой. Монро продолжал:

— Ну и прекрасно! Я тебе очень благодарен. Сперва пойди в мою комнату и возьми все математические справочники, а заодно и логарифмическую линейку. Там есть еще справочник по радиотехнике — такой, на тонкой бумаге. Он тоже мне нужен. Я хотел бы и твою полуметровую логарифмическую линейку. Можешь взять себе моего Рабле и «Забавные истории». Мне нужен твой «Справочник инженера» Маркса, а заодно и любые другие технические справочники, которых у меня нет. Возьми у меня взамен все, что хочешь. Потом сходи в комнату Вонючки Бинфилда и прихвати его «Справочник военного инженера», «Химическое оружие» и книги по баллистике и артиллерийской матчасти. Да, и «Химию взрывчатых веществ» Миллера, если у него есть. Если нет — возьми у кого-нибудь другого, проходящего военную кафедру,— это очень важно.

Элен ловко накладывала примочку. Когда еще теплые чайные листья легли на больное место, Роберт поморщился от боли, но продолжал:

— У Вонючки есть пистолет, лежит он обычно в верхнем ящике комода. Сопри этот пистолет или вымани как-нибудь. Принеси как можно больше патронов. Я напишу доверенность на продажу моей машины на его имя. А теперь давай. Я расскажу доктору про все свои дела, а он тебе перескажет. Вот. Возьми мою машину.— Порывшись в брючном кармане, он явно огорчился.— Вот черт! У меня нет ключей.

— Возьми мои, в сумочке на столе,— пришла ему на помощь Элен.

Говард встал.

— О'кей, сделаю все, что смогу. Если меня заметут, принесите в камеру сигареты.

Он вышел.

Элен наконец забинтовала руку.

— Ну вот и порядок. Думаю, теперь все будет хорошо. Что ты чувствуешь?

Роберт осторожно согнул руку.

— Хорошо. Отличная работа, красавица. Сразу стало полегче.

— Все заживет, если продолжать обработку раствором танина. Там, в этом твоем месте, можно достать чайные листья?

— Да, и таниновую кислоту — тоже. Все будет тип-топ. А теперь, наверное, стоило бы кое-что объяснить. Профессор, у вас найдется сигарета? Да и от кофе я бы не отказался.

— Ну конечно, Роберт.

— Все это довольно-таки диковато,— начал Монро, сделав первую затяжку.— Проснувшись, я обнаружил себя вот в этой самой одежде и в этом самом виде. Мы шли строем по тропе по дну длинной глубокой траншеи. Судя по всему, «мы» были каким-то военным подразделением. Самое странное, что меня это ничуть не удивило. Я знал, где я нахожусь, почему я здесь и кто я такой. Я уже не был Робертом Монро; там меня звали Айгор.

Гортанный звук у Роберта прозвучал очень глубоко, а «р» — раскатисто.

— И не то чтобы я забыл о Монро, скорее, я вдруг о нем вспомнил. У меня была одна индивидуальность и два прошлых. Словно я проснулся после очень отчетливого сна, только тут сон был абсолютно реальным. Я знал, что Монро был в действительности, равно как не сомневался в реальности Айгора. Этот мир оказался очень похожим на Землю, чуть поменьше, но почти с той же силой тяжести. Люди вроде меня — доминирующая раса, мы цивилизованы примерно в той же степени, что и вы, только нашей культуре пришлось довольно туго. Чуть не половину времени мы проводим под землей. Там находятся наши жилища и большая часть промышленности. Видите ли, у нас под землей тепло и не совсем темно — из-за слабенькой радиоактивности, которая не приносит нам вреда. Но все равно корни нашей расы — на поверхности планеты, там она выросла. Мы не можем быть ни здоровыми, ни счастливыми, оставаясь все время в подземельях. Сейчас идет война, и уже восемь или девять месяцев как нам и носа не высунуть. Войну мы проигрываем. Мы утратили

контроль над поверхностью планеты, и мою расу низвели до положения каких-то кротов, которых выслеживают и уничтожают. Дело в том, что мы сражаемся не с людьми. Я не знаю, с кем мы имеем дело — может быть, с какими-то инопланетными существами. Мы просто не знаем. Они напали на нас в нескольких местах одновременно с огромных летающих колец; прежде никто никогда не видел таких аппаратов. Они нападают неожиданно, без предупреждения, и все сжигают. Многие из нас спаслись под землей; под землей они нас не преследуют — видимо, им необходим солнечный свет. Делать им было нечего — и они начали нас травить под землей газами. Ни одно из этих существ никогда не попадало к нам в руки, поэтому мы совсем ничего о них не знаем. Немного дало и изучение разбившегося кольца — там не оказалось ничего хоть отдаленно напоминающего органическую жизнь, не было даже никаких устройств для поддержания такой жизни. Я имею в виду — ни запасов пищи, ни санитарных устройств. Мнения разделились — одни считают, что нам попалось автоматическое или управляемое на расстоянии кольцо, а другие — что наши враги — разумные непротоплазменные структуры полевого характера или что-нибудь еще столь же экзотическое. Главное наше оружие — такой луч, который порождает стасис в эфире и накрепко все замораживает. Или, вернее будет сказать, должен это делать. По идее, такой луч должен уничтожать любую жизнь, прекращая движение молекул, но проклятые кольца только временно теряют управление. Если нам не удается удержать луч на кольце вплоть до того момента, когда оно расшибется о землю, оно мгновенно приходит в себя и уматывает. А потом появляются его дружки и сжигают начисто все наши позиции. Еще мы по ночам минируем и взрываем их лагеря на поверхности планеты; тут дело идет значительно успешнее — ведь мы, понятно, прирожденные саперы. Но нам необходимо лучшее оружие. Поэтому я и послал Говарда за книгами. У меня появились две мысли. Если враг — некая разумная полевая структура или нечто в этом роде, можно попробовать использовать против них радио. Мы за-

полним эфир помехами и — если повезет — просто уничтожим их. Если окажется, что пришельцев этим не пронять, возможно, их одолеет старый добрый зенитный огонь. Как бы там ни было, здесь существует уйма технологий, которых нет у нас и которые вполне могут пригодиться. Жаль, что у меня не было времени прихватить сюда кое-что из их хозяйства взамен того, что я возьму с собой.

— Ты твердо решил вернуться, Роберт?

— Конечно. Мое место там. Здесь у меня нет семьи. Не знаю уж, как это объяснить вам, доктор, но там — мой народ, мой мир. Думаю, при других условиях все могло быть наоборот.

— Понятно,— сказала Элен.— Ты сражаешься за жену и детей.

— Не совсем так,— Роберт повернул к ней изможденное лицо.— Я и там холостяк, но все равно у меня есть семья, за которую я должен бороться; штурмовым отрядом, в котором я служу, командует моя сестра. Да, да, в нашем отряде есть женщины — маленькие и крепкие, вроде тебя, Элен.

— А как ты заработал эту штуку? — Элен коснулась забинтованной руки.

— Ожог? Помнишь, я говорил, что мы были на марше. Мы отходили после вылазки на поверхность. Казалось, что все кончилось вполне удачно, но тут вдруг сверху свалилось кольцо. Большая часть наших успела рассеяться, но я — младший техник и вооружен этим самым стасисным излучателем. Я попытался привести его в боевое положение, чтобы отразить атаку, но не успел; они достали меня раньше. К счастью, я отделался довольно легко — несколько других наших были поджарены заживо. Я даже не знаю, что с моей сестрой. Это — одна из причин, почему я так спешу. Один из уцелевших техников успел достать свой излучатель и прикрыл наше отступление. Меня утащили под землю и отвели в лазарет. Врачи начали хлопотать вокруг меня, но тут я отключился и очнулся в кабинете профессора.

Раздался звонок в дверь, и профессор пошел открывать; Элен и Роберт последовали за ним. В комнате появился Говард, нагруженный добычей.

— Ты все принес?

В голосе Роберта звучала озабоченность.

— Вроде да. Вонючка оказался дома, но мне удалось уговорить его одолжить книги. С пистолетом было посложнее, но я позвонил одному приятелю и попросил перезвонить в общежитие и позвать Вонючку. И как только он вышел, я стащил пистолет. Так что я теперь похититель — государственной собственности к тому же.

— Ты настоящий друг, Говард. Когда тебе все расскажут, ты поймешь, что правильно сделал. Верно, Элен?

— Абсолютно верно.

— Хотелось бы надеяться,— сказал Говард без большой уверенности.— Я тут прихватил еще кое-что на всякий случай.

В руках его была книга.

— «Аэродинамика и основные принципы конструирования самолетов»,— прочел вслух Роберт.— Господи, как раз то, что надо! Спасибо, Говард.

За несколько минут Монро разобрался со своей добычей и крепко привязал все к туловищу. Он уже объявил, что готов, но тут вмешался профессор.

— Секунду, Роберт. А почему ты уверен, что эти книги отправятся вместе с тобой?

— А как же еще? Ведь я их привязал.

— Разве в первый раз твоя одежда осталась на тебе?

— Не-ет.

Лицо Роберта стало озабоченным.

— А что же мне делать, доктор? Я же не смогу выучить наизусть все, что надо знать.

— Не знаю, сынок. Давай немного подумаем.

Фрост замолк и уставился в потолок. Элен осторожно тронула его за рукав.

— Профессор, может быть, я могу помочь?

— Помочь? Каким образом, Элен?

— Похоже, что я совершенно не меняюсь, переходя с одной траектории на другую. На мне все время была одна и та же одежда. Почему бы мне не поработать для Боба носильщиком?

— Хм, возможно, в этом что-то есть.

— Нет,— прервал Монро,— я не могу этого допустить. Тебя могут ранить или даже убить.

— Ничего, рискну.

— У меня есть идея,— сказал Дженкинс.— А не может доктор Фрост дать инструкцию, чтобы Элен отправилась туда и сразу, не задерживаясь, вернулась?

— М-м-м... да, пожалуй.

Но Элен отрицательно покачала головой.

— Плохо. Все это хозяйство сразу же прыгнет назад, вместе со мной. Я вернусь безо всяких инструкций. Да и вообще мне, пожалуй, нравится мир, описанный Бобом. Может, я там тоже останусь. Кончай играть в благородство, Боб. Что мне особенно понравилось в том мире — так это равенство мужчин и женщин. Так что снимай с себя все эти причиндалы и вешай на меня. Я пойду с тобой.

Вскоре Элен стала напоминать новогоднюю елку. К самым разным местам ее крепкой, маленькой фигуры было привязано больше дюжины книг, на ремне висел пистолет, а за ремень были заткнуты две логарифмические линейки — короткая и длинная.

Прежде чем расстаться с длинной линейкой, Говард любовно ее погладил.

— Береги эту штуку, Боб. Мне пришлось шесть месяцев не курить, чтобы за нее расплатиться.

Фрост усадил их на диванчик; Элен взяла Боба за руку. Когда зеркальный шар начал вращаться, профессор жестом попросил Дженкинса выйти и, прикрыв за ним дверь, начал монотонно произносить формулы внушения.

Через десять минут он почувствовал легкое движение воздуха, замолчал и включил свет. На диванчике не было никого — и ничего.

Но Эстелл все еще не появлялась; Фрост с Дженкинсом продолжали ждать. Говард нервно расхаживал по кабинету, разглядывая совершенно не интересовавшие его предметы и прикуривая одну сигарету от другой. Профессор сидел в кресле,

изображая полное спокойствие, которого в действительности совершенно не ощущал. Беседа их была несколько бессвязной.

— Вот я одного не понимаю,— говорил Дженкинс.— Почему это Элен побывала во многих местах и ничуть не изменилась, а Боб попал в одно-единственное место и вернулся почти неузнаваемым. Ниже, плотнее, в какой-то странной одежде. И вообще — куда девалась та одежда? Вот как вы объясните эти факты, профессор?

— Хм... А я их никак не объясняю, я их просто наблюдаю. Возможно, он изменился, а Элен нет, потому что Элен была во всех этих местах только гостем, посетителем, а Монро принадлежал к тому миру. Ты же слышал, что он сразу стал частью его структуры. Возможно, его переход из нашего мира в тот — часть замысла великого зодчего.

— Что? Господи, доктор, неужели вы верите в божественное предопределение?

— Возможно, я бы это не так назвал. Но, Говард, знали бы вы, как я устал ото всех вас, механистических скептиков! Ваша наивная способность верить, что все вещи «сами собой выросли», граничит с детской доверчивостью. Если согласиться с вами, то и за появление бетховенской Девятой тоже ответственна некая закавыка в росте энтропии.

— Ну, это нечестно, доктор. Вы же не можете ожидать, чтобы человек поверил в то, что противоречит его здравому смыслу, если ему не будут представлены достаточно разумные объяснения.

Фрост фыркнул.

— Именно что могу — если человек сам все видел, или слышал, или пользуется источником, заслуживающим полного доверия. Факту, чтобы быть верным, не нужны никакие эти ваши разумные объяснения. Понятно, что рациональный мозг ищет их, однако отвергать факты только потому, что они не укладываются в твое мировоззрение — крайняя глупость.

А вот все эти сегодняшние события, которые вы тщитесь объяснить в рамках ортодоксальной науки, дают ключ к множеству случаев, которые прежде ученые отбрасывали по причине полной их необъяснимости. Вы слышали когда-нибудь

историю про человека, обошедшего вокруг лошадей? Нет? Где-то около 1819 года Бенджамен Бэтхорст, британский посол в Австрии, подъехал в своей карете к гостинице немецкого городка Перлсберга. С ним были лакей и секретарь. Карета остановилась на ярко освещенном дворе. Бэтхорст вышел и на глазах двоих спутников, а также нескольких посторонних лиц обошел запряженных в карету лошадей. Больше его не видели нигде и никогда.

— А что с ним случилось?

— Никто не знает. Думаю, он очень задумался и забрел нечаянно на другую временную траекторию. И этот случай совсем не исключителен — есть буквально сотни подобных происшествий, так много, что над этим просто нельзя смеяться. А в рамках теории двумерного времени все они легко объяснимы. Правда, я подозреваю, что в некоторых случаях работали и еще какие-то законы природы — законы, о которых никто понятия не имеет.

Говард перестал расхаживать и подергал себя за нижнюю губу.

— Может, оно и так, доктор. Я очень тревожусь, и мне как-то плохо думается. Послушайте, уже ведь час. Разве она не должна была уже вернуться?

— Да, и давно, сынок.

— Вы хотите сказать, что она не вернется?

— Боюсь, что да.

Со сдавленным криком Говард упал на диванчик, плечи его судорожно вздрагивали.

Постепенно дрожь прекратилась, только губы юноши продолжали непрерывно шевелиться; Фрост с удивлением подумал, что он, похоже, молится.

— Неужели нельзя совсем ничего сделать?

На Фроста с надеждой смотрело искаженное мукой лицо.

— Трудный вопрос, Говард. Мы не знаем, куда она отправилась; ей было внушено двигаться по какой-либо из временных петель в прошлое или в будущее — это все, что нам известно.

— А нельзя отправиться вслед за ней по тому же самому пути и как-нибудь ее отыскать?

— Не знаю. Я никогда не пробовал.

— Но я просто должен сделать что-нибудь или сойду с ума.

— Успокойся, сынок. Дай мне немного поразмыслить.

Фрост молча курил, а Говард тем кременем с трудом сдерживал желание закричать, начать ломать мебель, крушить все вокруг.

В конце концов профессор стряхнул пепел с сигареты и аккуратно положил ее на край пепельницы.

— Я могу предложить только один вариант. Но возможность добиться успеха крайне мала.

— Сделайте хоть что-нибудь!

— Я сам прослушаю ту же запись, которую слушала Эстелл, и совершу переход. Сделаю это в полном сознании, непрерывно думая о ней. Возможно, мне удастся установить с Эстелл некую экстрасенсорную связь, которая и приведет меня к ней.— Говоря это, Фрост занимался приготовлениями.— Я хочу, чтобы вы все время оставались в комнате; таким образом вы убедитесь, что это возможно.

Говард молча смотрел, как профессор надевает наушники. Фрост не стал садиться; он стоял неподвижно, с закрытыми глазами. Прошло пятнадцать минут, он сделал короткий шаг вперед.

Наушники со стуком упали на пол. Говард остался в кабинете один.

Фрост почувствовал, как его затягивает лишенное времени чистилище, всегда предшествующее собственно переходу. Он снова обратил внимание, что ощущения очень похожи на чувство полета во сне, и в сотый раз лениво подумал, не являются ли сны реальными событиями. Пожалуй, да. Затем, со внезапным чувством вины, он вспомнил о цели своей миссии и сконцентрировал все мысли на Эстелл.

* * *

Он шел по дороге, залитой слепящим солнцем. Перед ним высились городские ворота. С удивлением посмотрев на странно одетого путника, стражник пропустил его.

Он торопливо пошел по широкой аллее, которая (он это знал) вела из космопорта к Капитолийскому холму. Потом свернул на Дорогу Богов и шел по ней, пока перед ним не появилась Роща Жриц. Здесь он отыскал нужный ему дом. Мраморные стены здания розовели на солнце, утренний бриз доносил журчание фонтанов.

Он вошел в дом. Седой привратник, покачивая головой, впустил его. Стройная как тростинка молоденькая служанка провела его во внутренние покои. Хозяйка дома поднялась на локте, в глазах ее, устремленных на посетителя, не было ни малейшей искорки интереса. Фрост заговорил.

— Пора возвращаться, Эстелл.

Брови жрицы удивленно приподнялись.

— Старый человек, ты изъясняешься на языке варварском и странном, но — и в этом тайна — я понимаю тебя. Что тебе надо?

— Эстелл! — В голосе Фроста звучало нетерпение.— Я говорю, что пора возвращаться.

— Возвращаться? Что за пустая болтовня? Возвращаться куда? К тому же мое имя Светоносная Звезда, а не Эсс Телл. Кто ты и откуда пришел?

Она внимательно изучала лицо Фроста, а затем указала на него тонким, изящным пальцем.

— Теперь я тебя узнала! Ты пришел из моих снов. Там ты был учителем, наставлявшим меня в мудрости древних.

— Эстелл, ты помнишь юношу из этих снов?

— Опять это странное имя! Да, там был юноша. Он был прекрасен — прекрасен, прям и высок, как горная сосна. Я часто вижу его во сне.

Она привстала на ложе.

— Так что же юноша?

— Он ждет тебя. Пора возвращаться.

— Возвращаться! В сон нет возврата!

— Я могу отвести тебя туда.

— Это что, богохульство? Разве ты жрец? А если нет, почему ты занимаешься магией? И почему священная жрица любви должна уходить в мир снов?

— Это не магия. Он страдает, потеряв тебя. Я отведу тебя к нему.

Эстелл помедлила, в глазах ее мелькнуло сомнение.

— Предположим даже, что ты можешь это сделать. Но зачем мне менять свое почетное священное положение на холодную пустоту сна?

— А что тебе подсказывает сердце, Эстелл?

Голос профессора звучал мягко, завораживающе.

Девушка смотрела на него широко открытыми глазами; казалось, еще секунда — и из этих глаз брызнут слезы. Но потом она снова упала на ложе и отвернулась. Фрост услышал сдавленный голос:

— *Убирайся. Этого юноши нет — он существует только в моих снах. Там я и буду его искать.*

Больше она не произнесла ни слова, сколько Фрост ни бился. Убедившись в тщетности своих стараний, он ушел.

* * *

Говард вцепился в его руку.

— Ну как, профессор? Как? Нашли вы ее?

Фрост устало плюхнулся в кресло.

— Да, нашел.

— Как она там? И почему ее нет с вами?

— В полном здравии, но не соглашается вернуться — как я ее ни уговаривал.

Говарда словно ударили по лицу.

— А вы сказали, что я ее жду?

— Сказал, но она мне не верит.

— Не верит?

— Видите ли, Говард, она забыла почти все, относящееся к прежней жизни. Ей кажется, что это был только сон.

— Но это же просто невозможно!

Фрост выглядел очень усталым.

— А не пора ли тебе, сынок, перестать использовать это слово?

— Доктор! — Говард явно не горел желанием отвечать на риторические вопросы.— Вы обязаны отвести меня к ней.

Было видно, что доктор сомневается.

— Вы сможете, доктор?

— Пожалуй, смогу, если, конечно, вы преодолели свое неверие. Но все равно...

— Неверие! Мне просто пришлось поверить. Давайте быстрее займемся делом.

Фрост не двинулся с места.

— Я еще не уверен, что соглашусь. Видите ли, Говард, там, куда попала Эстелл, совершенно другая обстановка. Ей там нравится, и я не уверен, что брать вас туда — милосердный поступок.

— А в чем дело? Она не хочет меня видеть?

— Нет, почему же, конечно, хочет. Я уверен, что она встретит вас с радостью, но... Там совершенно иная обстановка.

— А мне, собственно, наплевать, какая там такая обстановка. Надо двигаться.

Фрост встал.

— Очень хорошо. Пусть будет по-вашему.

Он усадил Дженкинса в кресло и пристально посмотрел ему в глаза. Затем начал монотонным, усыпляющим голосом произносить формулы внушения.

* * *

Фрост помог Говарду встать с земли и отряхнул его одежду. Говард смеялся, вытирая с ладоней белую дорожную пыль.

— Вот это да, учитель! Мне показалось, что какой-то жук выхватил из-под меня кресло.

— Не надо было вас сажать.

— Пожалуй.

Он вытащил из-за пояса большой неуклюжий пистолет и внимательно его осмотрел.

— Хорошо еще, что бластер был на предохранителе, а то оказались бы мы в стратосфере. Идем?

Фрост оглядел спутника; шлем, короткий военный килт, на бедре короткий меч в кожаных ножнах. Он поморгал.

— Да. Да, конечно.

— А вы знаете,— спросил Фрост, когда городские ворота остались позади,— куда мы идем?

— Конечно. В рощу, к вилле Светоносной Звезды.

— И вы знаете, что это за вилла?

— А, вы имеете в виду тот разговор. Я знаком со здешними обычаями, и они меня ничуть не смущают. Мы со Светоносной Звездой великолепно поймем друг друга. Она ведь из этих, у которых с глаз долой — из сердца вон. Но теперь, когда я вернулся с Ультима Туле, она оставит свое занятие, мы будем жить семьей и вырастим уйму пухленьких детишек.

— Ультима Туле? Вы помните мой кабинет?

— Конечно, помню. И Роберта, и Элен, и остальных.

— И это вы называете Ультима Туле?

— Не совсем. Слушайте, учитель, я не могу этого объяснить. Ведь я — человек военный, практический. Такими головоломками надо заниматься вам — учителям и жрецам.

Они остановились перед домом Эстелл.

— Вы зайдете, учитель?

— Нет, пожалуй, не буду. Мне пора возвращаться.

Говард хлопнул профессора по плечу.

— Вы были отличным другом, учитель. Первого пащенка мы назовем в вашу честь.

— Спасибо, Говард. Прощайте — и всякой вам удачи, обоим вам.

— И вам тоже.

Говард уверенно вошел в дом.

Фрост медленно побрел назад, к воротам; в его голове крутились мириады мыслей. Похоже, что этим изменениям и комбинациям нет конца — изменениям материи и духа. Марта, Роберт, Элен — а теперь вот Говард и Эстелл. Вероятно, можно построить такую теорию, которая сможет описать все эти события.

В задумчивости он споткнулся о перекосившуюся плиту мостовой и упал... в свое кресло.

* * *

Фрост понимал, что не так-то просто будет объяснить исчезновение пяти студентов — понимал и не говорил никому ничего. Только в воскресенье к вечеру их отсутствие начало привлекать внимание. В понедельник пришел полицейский, желавший задать несколько вопросов.

Ответы профессора мало прояснили ситуацию — он счел за лучшее и не пытаться рассказать, как все было в действительности. Окружной прокурор заподозрил серьезное преступление — похищение или даже массовое убийство. А может быть, нечто связанное с одним из расплодившихся за последнее время сексуально окрашенных культов — кто их знает, этих профессоров!

Во вторник утром он выписал ордер; сержант Изовски отправился арестовывать Фроста.

Профессор вел себя совершенно спокойно и прошел к черному фургону без малейшего протеста.

— Слушайте, док,— сказал сержант, ободренный такой покорностью.— А почему бы вам самому не рассказать, куда вы их спрятали? Ведь ясно, мы их найдем, дайте нам только время.

Фрост повернул голову, посмотрел полицейскому в глаза и улыбнулся.

— Время... а, ну конечно же, время... да, если дать вам время — вы найдете их. Там.

Затем он вошел в фургон, сел на скамейку, закрыл глаза и сосредоточился.

Тем временем сержант поставил ногу на подножку, загородив своей тушей дверь, и вынул блокнот. Кончив писать, он поднял глаза.

Профессор Фрост исчез.

* * *

Вообще-то Фрост намеревался навестить Говарда и Эстелл, однако в самый критический момент его мысли перескочили на Элен и Роберта. «Приземлившись», он обнаружил

себя совсем не в том мире будущего, который посещал перед этим дважды. Он не знал, где находится,— видимо, на Земле, где-то и когда-то.

Вокруг расстилалась холмистая местность, напоминавшая Нью-Джерси или южную Миссури. Слабое знакомство с ботаникой не позволяло Фросту сказать, привычные вокруг деревья или нет. Да и размышлять об этом оказалось некогда.

Он услышал крик, на который сразу же откликнулись другие голоса. Из леса выскочили фигуры и рассыпались неровной цепью. Сперва Фросту показалось, что атакуют его; он беспомощно оглянулся, но спрятаться было негде. Однако они пробегали мимо, не обращая на него никакого внимания; только один окинул его беглым взглядом, что-то крикнул и тоже исчез.

Фрост остался стоять посреди маленькой полянки, один и в полном недоумении.

Но не успел он хоть сколько-нибудь переварить происходящее, как одна из фигур вернулась и что-то крикнула, на этот раз — точно ему; слова сопровождались недвусмысленным жестом: он должен был следовать за этим человеком.

Фрост стоял в нерешительности. Человек подбежал к нему и точной подножкой сбил его с ног. Следующие секунды профессор не совсем понимал происходящее, а когда сумел немного прийти в себя, оказалось, что он видит мир вверх тормашками; незнакомец бежал уверенной рысцой, перекинув его через плечо.

По лицу Фроста хлестнули ветки кустов, затем «носильщик» направился куда-то вниз, пробежал еще несколько ярдов и небрежно скинул свою ношу на землю. Профессор сел, протер глаза и осмотрелся.

Он находился в туннеле, один конец которого поднимался вверх, к свету, а другой уходил вниз, одному Богу известно на какую глубину. Вокруг мелькали какие-то фигуры, не обращавшие, впрочем, на него ни малейшего внимания. Двое устанавливали перед входом в туннель непонятный аппарат. Они работали очень проворно, закончили свое дело буквально за секунды и отошли назад. Раздалось негромкое жужжание.

Устье туннеля словно затуманилось; скоро стало понятно почему — неизвестный аппарат плел нечто вроде паутины, перекрывавшей туннель. Паутина, сперва едва заметная, постепенно теряла свою прозрачность, становилась матовой. Жужжание продолжалось несколько минут, странная машина все уплотняла и уплотняла паутину. Одна из фигур взглянула на свой пояс, произнесла короткую команду, и жужжание смолкло.

Было видно, что окружающие успокоились, вздохнули с облегчением. Фрост тоже ощутил это облегчение и расслабился, понимая интуитивно, что всем им удалось избежать какой-то серьезной опасности.

Человек, приказавший машине остановиться, повернулся, заметил Фроста и подошел к нему, задавая какие-то вопросы голосом, звучавшим спокойно, но в то же время как-то безапелляционно. Фрост неожиданно осознал три вещи: лидером группы была женщина, именно она и спасла его в лесу, и — третье — одежда и внешность этих людей были похожи на одежду и внешность преобразившегося Роберта Монро.

Лицо профессора озарила улыбка. Все будет хорошо.

Женщина повторила свой вопрос; в ее голосе появились нотки нетерпения, Фрост почувствовал, что надо отвечать, хотя он не понимает здешнего языка, а женщина, конечно же, не понимает английский. Но как бы там ни было...

— Мадам,— сказал он по-английски, встав и отвесив ей вежливый поклон.— Я не знаю вашего языка и не понимаю вопроса, но мне кажется, что вы спасли мою жизнь. Я вам очень благодарен.

С видом озадаченным и несколько раздраженным женщина спросила что-то еще; во всяком случае Фросту показалось, что это другой вопрос. Он был в тупике, языковой барьер казался непреодолимым. Пройдут многие дни, недели и даже месяцы, пока появится хоть какая-то возможность общения. А эти люди заняты своей войной, вряд ли они будут в настроении возиться с бесполезным, ничего не понимающим чужаком.

Этак, чего доброго, и на поверхность выставят.

До чего же глупо, думал Фрост, прямо до отвращения глупо. Вероятно, Монро и Элен где-то рядом — и в то же время можно дожить здесь до глубокой старости, так их и не увидев. Ведь как узнаешь, где они конкретно? Ну каким, скажите, образом американец, скинутый в Тибете, сумеет объясниться, если единственный переводчик бродит где-то по Южной Америке? Или вообще неизвестно где? И каким образом довести до понимания тибетцев, что где-то есть этот самый переводчик? Это же надо — попасть в такое дурацкое положение?

Но все же стоит попробовать. Как же звали Роберта здесь? Эган? Нет, Айгор. Вот-вот, так он и говорил — Айгор.

— Айгор,— сказал Фрост.

Предводительница прислушалась.

— Айгор? — спросила она.

Фрост энергично закивал головой.

— Айгор.

Неожиданно она повернулась и крикнула в сторону: «Айгор!»

Гортанный звук был очень отчетлив, а «р» — раскатисто, в точности как у Монро.

Один из людей вышел вперед. Профессор с надеждой всмотрелся в его лицо, но это был какой-то незнакомец, почти неотличимый от своих собратьев. Предводительница ткнула пальцем в его сторону.

— Айгор,— констатировала она.

Все сложнее и сложнее, подумал Фрост, видимо, Айгор здесь — распространенное имя. Чересчур распространенное. Тут профессора озарила новая идея.

— Айгор,— сказал он.— Элен Фишер.

Теперь его слова явно привлекли внимание предводительницы.

— Илен Фиишер? — повторила она.

— Да, да! Элен Фишер.

На секунду предводительница задумалась; было ясно, что для нее эти слова — не пустой звук. Затем, хлопнув в ладоши,

она что-то скомандовала. Вперед вышли двое, и она, по-прежнему быстро и повелительно, произнесла несколько слов.

Двое подошли к Фросту, взяли его под руки и куда-то потащили. На секунду задержавшись, Фрост спросил через плечо:

— Элен Фишер?

— Илен Фиишер! — заверила его предводительница. Оставалось только удовлетвориться этим ответом.

* * *

Прошло часа два. Обращались с ним прилично, поместили во вполне удобную комнату или, точнее, камеру — во всяком случае ее заперли снаружи. Как знать — вдруг он сказал что-то не то; вдруг «Элен Фишер» здесь — не имя, а нечто совсем другое?

Комната была абсолютно пустая и освещалась только тусклым сиянием, исходившим от стен,— как везде в тех частях подземного мира, с которым он успел познакомиться. Постепенно Фросту стало надоедать это место; он уже подумывал, не стоит ли устроить небольшой скандал, как снаружи послышались шаги.

Дверь распахнулась, на пороге стояла предводительница; ее немолодое, довольно-таки мрачное лицо озаряла неожиданная улыбка. Сказав что-то на своем языке, она добавила:

— Айгор... иленфиишер.

Повернувшись, женщина вышла; Фрост последовал за ней.

Мерцающие стены проходов, оживленные площади, любопытные взгляды людей, заполнявших эти площади, лифт, к удивлению профессора резко рванувший вниз, прежде чем тот сообразил, что это — лифт. Последним, что его удивило, была какая-то транспортная капсула, в которой они герметично закупорились, после чего капсула рванулась с колоссальной — если судить по перегрузкам на старте и при торможении — скоростью. Все это время Фрост послушно следовал за своей провожатой, почти совсем не понимая, что происходит

вокруг, но не имея возможности расспрашивать. Он пытался расслабиться и по возможности получать удовольствие от новых впечатлений; его спутница, по всей видимости, была настроена достаточно доброжелательно, хотя манеры ее остались резкими — манерами человека, привыкшего отдавать приказания, а не болтать попусту с каждым встречным.

Повернув за угол, женщина вошла в какую-то дверь. Фрост последовал за ней — и чуть не был сбит с ног. Кто-то схватил его за обе руки.

— Доктор! Доктор Фрост!

Это оказалась Элен Фишер, одетая в общий для всего — без различия пола — подземного населения костюм. За ней виднелось расплывшееся в улыбке лицо похожего на гнома Роберта — или, если хотите, Айгора.

Профессор осторожно высвободился из рук Элен.

— Моя дорогая! Это представить себе только, найти вас здесь!

Фраза звучала довольно глупо, но ничего лучшего ему в голову не пришло.

— Это представить себе только, найти вас — здесь! — повторила девушка.— Господи, доктор, да вы же плачете!

— Нет, нет, совсем нет,— торопливо возразил профессор и повернулся к Монро.— И вас, Роберт, я тоже очень рад видеть.

— А я — вдвойне рад видеть вас.

Женщина сказала что-то Монро. Быстро ответив ей на местном языке, тот повернулся к Фросту.

— Доктор, это моя старшая сестра — Маргри, ак-туут Маргри — это можно приблизительно перевести как «майор Маргри».

— Она была очень добра ко мне,— сказал Фрост и поклонился.

Маргри громко хлопнула ладонями на уровне пояса и, сохраняя совершенно бесстрастное лицо, резко наклонила голову.

— Она приветствовала вас как равного,— объяснил Роберт-Айгор.— Я растолковал ей, сколько мог, что обозначает звание «доктор»; теперь она считает, что вы равны ей по рангу.

— И что же должен делать я?

— Ответьте ей тем же.

Фрост так и сделал, правда, крайне неуклюже.

* * *

Доктор Фрост рассказал своим бывшим студентам, как обстояли дела до настоящего момента — хотя применяемость этого термина была крайне сомнительна для случая различных временных осей.

— Бедняжка! Да какое они имели право! — в негодовании воскликнула Элен, узнав о чуть было не состоявшемся аресте профессора.

— О, я бы так не сказал,— возразил Фрост.— Все это было вполне разумно, если исходить из известных им фактов. Однако боюсь, я не смогу теперь вернуться.

— И не надо,— сказал Айгор.— Мы очень рады вам.

— Возможно, я смогу чем-нибудь помочь вам в вашей войне.

— Возможно. Но вы и так сделали уже больше, чем кто-либо другой, дав мне возможность принести сюда все это. Вот, видите, мы работаем.

Он обвел всю комнату широким жестом.

Айгора сняли с боевых дежурств и прикомандировали к штабу, чтобы он попытался снабдить воюющих земной техникой. Элен ему помогала.

— Кроме сестры, мне никто не верит,— признался он.— Однако я сумел кое-что продемонстрировать — вполне достаточно, чтобы они осознали важность того, чем я обладаю. Тогда мне предоставили полную свободу и буквально каждую секунду заглядывают через плечо в ожидании, что я сумею сделать. Мы уже успели организовать работы по строительству реактивного истребителя и ракет для его вооружения.

Фрост удивился. Каким образом можно было сделать так много — и так быстро? Может быть, различие темпов времени? Может быть, Элен с Айгором перешли сюда много недель назад, если считать по временной оси этого мира?

Нет, объяснил ему Айгор, но здешний народ, даже при отсутствии многих областей земной техники, далеко обогнал землян по части технологии. Они используют один-единственный унифицированный тип станка для производства почти всего. В этот станок закладывают некую схему, для которой Айгор не смог придумать лучшего названия, чем «синька», хотя в действительности это — точная масштабная модель устройства, которое надо сделать. Машина сама оснащает себя нужными инструментами и вскоре выдает готовое изделие. Один из таких станков сейчас изготавливает пластиковые корпуса истребителей — из одного куска и за одну операцию.

— Мы хотим вооружить самолеты как стасисными лучами, так и ракетами,— сказал Айгор.— Сперва заморозить, а потом расшибить проклятые бублики, пока они не поддаются управлению.

После нескольких минут разговора Фрост начал замечать в Айгоре признаки беспокойства. Догадавшись о причине, он попросил разрешения уйти. Айгор охотно согласился.

— Мы увидимся позднее,— сказал он с видимым облегчением.— Я пошлю кого-нибудь подыскать вам жилье. По правде говоря, мы очень спешим. Работа на войну — вы должны нас понять...

Засыпая, Фрост размышлял, как он сможет помочь своим юным друзьям и всему здешнему народу в их борьбе.

* * *

Но из этого ничего не получилось. Образование Фроста было чисто академическим, в практике он смыслил мало. Техническая литература, захваченная Айгором и Элен, оказалась для него малопонятна, словно была написана на древнегреческом,— в действительности еще непонятнее, ведь он знал древнегреческий. Жил он вполне комфортабельно, в почете и уважении — ведь Айгор убедил всех, что лишь благодаря услугам профессора получает бесценное новое оружие, но этого ему было мало. Вскоре он понял, что совершенно не

пригоден к работе, которую вел Айгор,— даже в роли переводчика.

Он превратился в обузу, безвредную, но обузу, пенсионера — и прекрасно это понимал.

К тому же подземная жизнь действовала ему на нервы. Ему мешал этот навязчивый, везде и всегда присутствующий свет. Все заверения Айгора не могли уменьшить необъяснимый, рожденный незнанием страх Фроста перед радиоактивностью. Война подавляла его. Его темперамент не подходил для того, чтобы стойко выдерживать связанное с ней нервное напряжение. Неспособность помочь в работе над военными проектами, отсутствие друзей, праздность — все это усугубляло подавленное настроение профессора. Однажды он забрел в лабораторию, где работали Айгор и Элен, надеясь немного поболтать, если те не слишком заняты. Они не были заняты. Айгор расхаживал по комнате, а Элен обеспокоенно смотрела на него.

Фрост откашлялся.

— Э-э... у вас что-нибудь не так?

— Многое,— кивнув, ответил Айгор и снова задумался.

— Понимаете,— сказала Элен,— несмотря на новое оружие, мы проигрываем войну. Айгор пытается придумать, что делать дальше.

— Понятно. Извините.— Фрост повернулся, чтобы уйти.

— Не уходите. Присядьте.

Профессор сел. Его не оставляла мысль, что вся эта ситуаций просто невыносима.

— Боюсь, от меня помощи немного,— сказал он наконец, обращаясь к Элен.— Жаль, что здесь нет Говарда Дженкинса.

— Думаю, это не имеет значения. В наших книгах собраны самые последние достижения земной инженерии.

— Я не про это. Я имею в виду самого Говарда — Говарда, какой он есть в том мире. У них там, в будущем, есть небольшое устройство, которое они называют «бластер». Насколько я понимаю, очень мощное оружие.

Расслышав последние слова, Айгор резко повернулся.

— А что это такое? Как эта штука работает?

— Понимаете ли, по правде говоря, я не знаю. Вы же знаете, что я не очень разбираюсь в таких вещах. Вроде бы какой-то там дезинтегрирующий луч.

— А вы можете сделать набросок? Думайте, вспоминайте!

Фрост попытался. В конце концов он оставил это занятие.

— Боюсь, от этого не будет толку. Я мало что запомнил, а что там внутри — и совсем не знаю.

Айгор со вздохом сел и запустил пятерню себе в волосы.

Несколько минут прошли в мрачном молчании, затем Элен спросила:

— А не можем ли мы его добыть?

— Как это? Каким образом ты найдешь Говарда?

— А не можете ли найти его вы, профессор?

Фрост выпрямился.

— Не знаю,— несколько нерешительно ответил он.— Но можно попробовать.

* * *

Вот и город. Да, и те же самые ворота, через которые он уже проходил дважды.

Светоносная Звезда была рада его появлению, но не особенно удивлена. Интересно, подумал Фрост, а может ли хоть что-нибудь удивить эту сонно-мечтательную девушку? Но энтузиазм Говарда с лихвой восполнил ее безразличие. Фрост получил удар по спине, вполне достаточный, чтобы заработать травматический плеврит.

— Добро пожаловать, учитель! Здесь ваш дом. Я не знал, придете ли вы к нам когда-нибудь или нет, но мы всегда готовы вас принять. Я пристроил специальную комнату — для вас, и только для вас, на случай, если вы когда-нибудь появитесь. Ну что вы думаете об этом? Вы должны жить с нами. Какой смысл возвращаться в этот ваш дурацкий университет?

Поблагодарив, Фрост перешел к делу.

— Но я пришел не просто так. Мне нужна ваша помощь — и срочно.

— Помощь? Так рассказывайте, рассказывайте!

Фрост объяснил ситуацию.

— Теперь вы понимаете, что мне нужно передать Роберту и Элен секрет вашего бластера. Им это совершенно необходимо. Они должны получить такое оружие.

— Должны — значит, получат,— согласился Говард.

* * *

Но все оказалось не так просто. Как Фрост ни старался, он был не в состоянии впитать технические знания, необходимые для того, чтобы передать сородичам Айгора секрет оружия. В похожем положении оказался бы неграмотный дикарь, пытающийся настолько понять радиотехнику, чтобы потом научить строительству радиостанций инженеров, незнакомых с радио. И Фрост совсем не был уверен, что сумеет пронести бластер через безбрежные просторы Времени.

— Ну что ж,— сказал в конце концов Говард.— Получается, что мне нужно будет просто отправиться туда вместе с вами.

Светоносная Звезда, до этого слушавшая беседу молча, впервые проявила очевидное волнение.

— Но, дорогой! Ты ни в коем случае не должен...

— Прекрати.— Говард упрямо выдвинул подбородок.— Это мой долг. И не лезь в такие дела.

Фрост почувствовал себя крайне неловко, как это бывает всегда, когда присутствуешь при чужой семейной ссоре.

Когда все было готово, Фрост взял Говарда за руку.

— Смотрите мне в глаза. Вы помните, как это было в прошлый раз?

Говард слегка дрожал.

— Помню. Скажите, учитель, а вы правда сможете сделать это — и не потерять меня?

— Надеюсь. А теперь расслабьтесь.

* * *

Они оказались в том же самом помещении, из которого Фрост отправлялся, что доставило ему большое облегчение. Слава богу — теперь не придется пересекать половину планеты,

чтобы попасть к своим друзьям. Он не совсем понимал, каким образом пространственные измерения согласуются с временными. Потом, когда-нибудь, он займется изучением этого вопроса, разработает теорию и попытается ее проверить.

Айгор и Говард не стали терять время и расшаркиваться. Не успела еще Элен толком поздороваться с профессором, а они уже с головой ушли в технические проблемы.

Прошло много времени и...

— Ну вот,— сказал Говард.— Думаю, это все. Свой бластер я оставлю в качестве образца. Есть еще вопросы?

— Нет,— ответил Айгор.— Теперь я все понимаю; к тому же каждое твое слово записано. Да можешь ли ты понять, старик, что это такое для нас? Твоя машинка выиграет нам войну — я ничуть не сомневаюсь.

— Охотно верю. Ведь на этой штуковине держится мир во всей нашей системе. Вы готовы, доктор? Я начинаю немного нервничать.

— Но вы же не уйдете от нас, доктор? — воскликнула Элен. В ее голосе звучали и вопрос, и протест.

— Мне надо отвести его назад.

— Да,— подтвердил Говард.— И к тому же он остается жить с нами. Ведь правда, учитель?

— Нет, нет! — снова запротестовала Элен.

— Не уговаривай его.— Айгор обнял Элен за плечи.— Ты же знаешь, что ему не было здесь хорошо. Думаю, дом Говарда больше подойдет профессору. Он вполне заслужил покой.

Немного подумав, Элен подошла к Фросту, положила руку ему на плечи и, привстав на цыпочки, поцеловала.

— Прощайте, доктор.

Голос ее срывался.

— Или, во всяком случае, au revoir!

Фрост успокаивающе похлопал по ее руке, лежавшей у него на плече.

* * *

Он лежал на солнце, впитывая тепло старыми своими костями. Он скучал немного без Элен и Айгора, но подозревал,

что они не очень скучают без него. А жизнь с Говардом и Светоносной Звездой подходила ему больше. Он считался наставником их детей — если и когда таковые будут. А пока он проводил время в праздности и безделье, чего ему хотелось всегда; времени у него было сколько угодно. Время... Время.

Интересно бы узнать, что сказал сержант Изовски, заглянув в полицейский фургон и никого там не обнаружив. Возможно, он подумал, что это невозможно.

А впрочем — какая разница. Он был слишком ленивым и сонным, чтобы беспокоиться. Еще хватит времени вздремнуть немного перед обедом. Времени хватит...

Время.

22.17, пятая временная зона (ВОСТ.), 7 ноября 1970, Нью-Йорк — «У Папаши».

Когда я протирал очередную рюмку, вошел Мать-Одиночка. Я засек время — 22.17, Пятая временная зона, восточное время, седьмое ноября, тысяча девятьсот семидесятый год. Темпоральные агенты всегда обращают внимание на время и дату — это наша обязанность.

Мать-Одиночка был двадцатипятилетним парнем ростом не выше меня, обладал не слишком мужественными чертами лица и взрывоопасным характером. Внешность его мне никогда не нравилась, но именно его мне предстояло завербовать. Это был мой парнишка. Я подарил ему лучшую барменскую улыбку.

Может быть, я излишне пристрастен? Не знаю. Но прозвище относилось не ко внешности — просто всякий раз, ко-

© П. Вязников, перевод

гда какой-нибудь излишне любопытный тип спрашивал о роде его занятий, он получал ответ: «Я — мать-одиночка». Если Мать-Одиночка был настроен не очень кровожадно, то добавлял: «...четыре цента за слово. Я пишу душещипательные признания читательниц».

Если же Мать-Одиночка пребывал в скверном расположении духа, он ждал, чтобы собеседник позволил себе какую-нибудь шутку на этот счет. Дрался он страшно — так дерутся разве только женщины-полицейские, был мастером ближнего бокса. Это, между прочим, одна из многих причин, по которым он и требовался мне. Но не единственная.

Он был под мухой, и выражение его лица говорило, что Мать-Одиночка сейчас презирает людей больше обычного. Я молча налил ему двойную порцию «Старого белья» и поставил рядом бутылку. Он выпил и налил по новой. Я протер стойку.

— Ну как, по-прежнему выгодно быть матерью-одиночкой?

Пальцы Матери-Одиночки стиснули стакан — казалось, он сейчас бросит им в меня. Я опустил руку под стойку, нащупывая дубинку. При темпоральной манипуляции стараешься учесть все, но при таком количестве факторов зря рисковать не стоит.

Он едва заметно расслабился, точнее, едва заметно — для не прошедших спецподготовку на курсах Темпорального Бюро.

— Не злись. Я всего лишь спросил, как бизнес. Если не нравится, считай, что я спросил о погоде.

Он кисло посмотрел на меня.

— Бизнес в порядке. Я строчу, они публикуют, я ем.

Я налил и себе, наклонился к нему через стойку.

— Между нами говоря, ты неплохо сочиняешь — я читал эти «признания». Тебе просто здорово удается понять женскую точку зрения.

Это был риск — он никогда не называл своих псевдонимов. Но он достаточно завелся, чтобы услышать только конец фразы.

— «Женская точка зрения!» — фыркнул он.— Да, кто-кто, а уж я ее знаю! Кому как не мне знать...

— Да?..— с некоторым сомнением спросил я.— Сестры?..

— Нет. И если я расскажу, ты не поверишь.

— Ну-ну,— кротко сказал я,— бармены и психиатры знают, что нет ничего более диковинного, чем правда. Если б ты, сынок, слышал истории, какие довелось выслушать здесь мне,— ты бы разбогател. Невероятные дела случаются, знаешь...

— Ты даже представить себе не можешь, что такое «невероятно».

— Да ну? Нет, сынок. Меня ничем не удивишь — что бы ты ни рассказал, я скажу, что слыхал истории и почище.

Он опять фыркнул.

— Хочешь поспорить на все, что осталось в бутылке?

— На целую.— Я поставил на стойку полную бутылку.

— Ну...

Я махнул своему помощнику — мол, поработай за двоих. Мы были на самом конце стойки; тут у меня уединенный уголок с одним только табуретом, а чтобы никто не мешал, я заставляю стойку возле этого места банками пикулей и прочим. Несколько клиентов у другого конца стойки смотрели бокс по телевизору, один выбирал пластинку в музыкальном автомате. Нам никто не мешал — полный интим, как в постели.

— Ладно,— начал он.— Начать с того, что я ублюдок. Выражаясь культурно (он что, ожидал, что я усмехнусь?) — внебрачный ребенок. Мои родители не были женаты.

— Ну и что? — пожал я плечами.— Мои тоже.

— Когда...— он замолк и впервые посмотрел на меня по-человечески.— Правда?

— Правда. На все сто процентов. И кстати,— добавил я,— в моей семье никто никогда не женился. И все поголовно — внебрачные дети, ублюдки, если угодно.

— Не пытайся меня переиграть. Ты-то сам женат! — Он показал на мое кольцо.

— А, это...— Я показал кольцо поближе.— Оно только похоже на обручальное; я ношу его, чтобы отваживать бабцов.

(Колечко это я купил по случаю у коллеги-оперативника. Антикварная вещь: он привез ее из дохристианского Крита.) Видишь — это Уроборос... Мировой Змей, пожирающий свой хвост вечно и без конца. Символ Великого Парадокса.

Он едва удостоил колечко взглядом.

— Ну, если ты правда незаконнорожденный — ты знаешь, каково это. Когда я был маленькой девочкой...

— Эй,— перебил я,— я не ослышался?

— Кто из нас двоих рассказывает?.. Так вот, когда я был маленькой девочкой... Слушай, тебе когда-нибудь приходилось слышать о Кристине Йоргенсон? Или о Роберте Коуэлл?

— Э-э... изменение пола? Ты что, хочешь сказать...

— Не перебивай, не то не стану рассказывать. Я был подкидышем, меня оставили в кливлендском приюте, когда мне был всего месяц от роду. В тысяча девятьсот сорок пятом. И когда я был... я была маленькой девочкой, все время завидовала детям, у которых есть родители. Позже, когда я узнала, что такое секс... а в приюте, можешь мне поверить, такие вещи узнают рано...

— Я знаю.

— ...Я поклялась, что у моих детей будут и папа, и мама. Благодаря этой клятве я осталась нетронутой — для приюта это почти подвиг. Мне пришлось научиться драться. Когда я стала старше, то поняла, что шансов выйти замуж у меня очень немного, по тем же причинам, по каким меня никто не удочерил. Лошадиное лицо, кроличьи зубы, плоская грудь, волосы сосульками.

— Ты выглядишь не хуже меня.

— Да кого волнует внешность бармена? Или писателя? Но когда берут ребенка из приюта, то выбирают маленьких голубоглазых, золотоволосых дурочек. Позже ребятам нужны груди буфером, смазливая мордашка и манеры типа «о, *какой ты классный, крепкий парень!*» — *он пожал плечами.*— Я не могла тягаться с такими девицами. И потому решила идти в ДЕВКИ-КИСКИ.

— А?

— Добровольческий Естественнотехнический Военизированный Корпус Исполнительниц — Команда Индивидуального Содействия Космонавтам-Истребителям. Теперь это называется Армейская Нестроевая Группа Евгеники и Лечебной Обработки Чинов Космического Истребительного Легиона... как-то так. «Космические Ангелы», знаешь?

Я знал оба названия. Правда, в мое время эта элитная космическая военная служба зовется иначе — Боевой Легион Ясельной Дестрессизации Истощенных Космонавтов-Истребителей. В темпоральном прыжке изменение значения слов и появление новых терминов — это главная головная боль. Вот, например, знаете ли вы, что словами «станция обслуживания» когда-то обозначалось место продажи нефтяных фракций? Помнится, как-то, когда у меня было задание в Эре Черчилля, одна дама сказала мне: «Я буду ждать вас на станции обслуживания, за углом». Это значило вовсе не то, о чем вы подумали; на тогдашних станциях обслуживания кроватей не было.

Он продолжал:

— Как раз тогда пришли к заключению, что нельзя отправлять мужчину в космос на месяцы и годы без возможности расслабиться, сбросить напряжение. Помнишь, может, как голосили тогда пуритане? Мало кто отважился вступить в Корпус, и это здорово повысило мои шансы. Девицы должны были быть порядочными, желательно — именно девицами, поскольку с нуля учить всегда проще, чем переучивать; они должны были быть умственно выше среднего уровня и эмоционально уравновешенны. Но большинство волонтерок были старыми потаскухами или невротичками, которым грозило сумасшествие после десяти дней в космосе. Внешность моя была ни при чем: если меня принимали на службу, то поправляли мои зубы, делали волосы волнистыми и пышными, учили походке, танцам, умению внимательно и ласково выслушивать мужчину и многому другому — плюс, естественно, основной специальности. При необходимости в ход шла пластическая хирургия — «Ничего не пожалеем для наших храб-

рых парней!».И это еще не все: они заботились, чтобы сотрудница не забеременела во время срока службы, а после увольнения замужество было гарантировано почти на сто процентов. У «ангелочков» сейчас то же самое, они выходят за космонавтов — им легко найти общий язык. Восемнадцати лет меня определили на должность «помощницы матери-хозяйки». Разумеется, я была нужна как почти дармовая прислуга, но я не возражала — все равно на службу принимали только с двадцати одного года. Я работала по дому и посещала вечернюю школу, говорила, что продолжаю изучать машинопись и стенографию, а на самом деле записалась на курс «Обаяние» — чтобы повысить шансы на вступление в корпус. А потом я встретила этого мошенника. Сотенными бумажками карман у него был просто набит.

Мать-Одиночка скривился.

— Я говорю буквально: как-то он показал мне толстенную пачку сотенных и сказал: бери, мол, сколько надо. А я не взяла, потому что он мне понравился. Это был первый мужчина, который был со мною ласков и притом не пытался стянуть с меня трусики. Чтобы чаще с ним встречаться, я бросила вечернюю школу. И это были самые счастливые дни моей жизни!.. Ну а потом... Однажды ночью, в парке, я и сняла трусики.

Он умолк.

— И что потом? — осторожно спросил я.

— И потом ничего! Больше я его не видела. Он проводил меня домой, сказал, что любит, поцеловал на прощанье... и больше не появлялся.— Мать-Одиночка помрачнел.— Если б нашел — ей-богу, убил бы мерзавца!

— Да,— с сочувствием сказал я,— хорошо представляю, каково тебе было. Но убивать его... В общем дело-то житейское, естественное. Хм-м... ты ему сопротивлялся?

— А?.. При чем здесь это?

— Очень даже при чем. Может быть, он и заслуживает, чтобы ему сломали одно-два ребра — за то, что он тебя бросил, но...

— Он заслуживает, чтобы ему все кости переломали! Погоди вот, сейчас расскажу. Короче, никто не узнал, а я решила,

что все к лучшему. Я его не любила по-настоящему и, думаю, никого уже не полюблю. А после этой истории я еще больше захотела вступить в ДЕВКИ-КИСКИ; девственность там была не обязательна, хотя и желательна, так что я не особо расстроилась. Но скоро юбки стали мне жать.

— Забеременела?

— И еще как! Мои скряги делали вид, что ничего не замечают, пока я могла работать, а потом вышвырнули, и обратно в приют меня уже не взяли. И я приземлилась в палате благотворительной больницы и таскала горшки, пока мне не пришло время рожать. И в один прекрасный вечер уснула на столе — «расслабьтесь и глубоко дышите: раз, два...» — а проснулась в кровати, и ниже груди у меня была точно сплошная деревяшка. Тут входит мой хирург и весело так, сволочь, спрашивает: «Ну-с, как мы себя чувствуем?» «Как египетская мумия»,— говорю. «Естественно: вы в бинтах, действительно, не хуже мумии, и нашпигованы лекарствами, чтобы не болело. Все будет в норме, но кесарево — это вам не заусеницу обрезать».

«Кесарево?! Док... мой ребенок погиб?!»

«О нет. С ним все прекрасно».

«Фу. Мальчик, девочка?»

«Девочка, здоровая крепкая девочка. Пять фунтов и три унции». Тут я маленько расслабилась: родить ребенка — это, скажу тебе, кое-что значит. Ну, думаю, как-нибудь устроюсь: перееду, назовусь «миссис», а малышка пусть думает, что папочка помер. Моя дочь в приюте не окажется! Но хирург еще не все сказал, оказывается. «Скажите,— говорит,— э-э...— Гляжу, замялся и по имени меня не назвал.— Скажите, у вас никогда не было проблем с железами внутренней секреции? Ничего странного?» «А? — спрашиваю.— Ничего конечно. Куда это вы клоните?» Он помялся, помялся... «Ладно,— говорит,— вывалю на вас все разом, а потом сделаю укольчик; поспите — придете в себя. Это вам понадобится». «В чем дело?» «Приходилось вам слышать о шотландском враче, который до тридцати пяти лет был женщиной, а потом его прооперировали, и он стал мужчиной — с юри-

дической и медицинской точки зрения? Он даже женился, и все было в порядке». «А при чем здесь я?» «Вот я же и говорю— вы теперь мужчина». Я попыталась сесть в постели. «ЧТО?!!» «Ну только не волнуйтесь. В общем, вскрыл я полость, смотрю — просто черт ногу сломит. Велел позвать главного, а сам пока извлек ребенка; потом устроили прямо у стола консилиум, все обсудили и принялись за дело. Несколько часов возились, старались спасти что можно. У вас оказалось два полных набора половых органов, оба недоразвиты, хотя женские созрели достаточно, чтобы вы забеременели. Но это их доконало, больше они бы вам не пригодились — вот мы их и убрали и сделали так, что теперь вы сможете развиться в настоящего мужчину.— Тут он меня осторожненько так похлопывает по плечу, утешает: — Не беспокойтесь. Вы молоды, скелет перестроится, за железами вашими мы посмотрим, гормончиков подкинем — и сделаем из вас парня на заглядение». А я заревела. «А как же,— плачу,— моя девочка?» «Ну, кормить ее вы все равно не можете — у вас молока и для котенка не хватит. На вашем месте я бы не стал даже смотреть на нее, чтобы не мучиться, а отдал бы на удочерение...» «НЕТ!..» Он плечами пожал. «Нет так нет, дело ваше. Вы мать... то есть родитель. Но пока не думайте об этом — сперва вас на ноги поставим...» Назавтра выносят мне девочку, показывают, и каждый день так: я к ней хотела привыкнуть. До того я детей никогда не видела и не представляла, как они жутко выглядят. Моя дочка походила на оранжевую мартышку. Но я твердо решила... решил, что не брошу ее, а воспитаю и все такое. Только четыре недели спустя это уже ничего не значило.

— То есть?

— Ее украли.

— Украли?

Мать-Одиночка чуть не сбил со стойки бутылку, на которую мы поспорили.

— Похитили! Украли прямо из больничных яслей! — он тяжело дышал.— Как это называется — отнять у человека последнее, ради чего он живет?!

— Скверное дело,— согласился я.— На, выпей еще. Так что, и никаких следов?

— Ничего, что могло бы помочь полиции. Пришел человек, назвался ее дядей, нянька отвернулась на минутку, а он схватил ребенка и был таков.

— Она его лицо запомнила?

— Человек как человек, лицо как лицо — запросто спутаешь с тобой или со мной.— Он нахмурился.— Я-то думаю, это был сам папаша, который меня бросил. Нянька, правда, клянется, что он гораздо старше, но он, наверно, загримировался. Кто еще стал бы красть моего ребенка? Бездетные матери, бывает, устраивают такие штуки. Но чтобы мужчина?..

— А с тобой что было?

— Со мной... Ничего. Еще одиннадцать месяцев в этой больничной дыре, три операции. Через четыре месяца у меня начала расти борода; перед выпиской я уже брился ежедневно и больше не сомневался, что я — мужчина.— Он криво ухмыльнулся.— Я даже начал пялиться на груди медсестер...

— Ну,— заметил я,— по-моему, все обошлось. Ты нормальный мужик, хорошо зарабатываешь, особых проблем вроде у тебя нет. А у женщин, знаешь, жизнь непростая.

Он сердито уставился на меня.

— Ты-то много об этом знаешь!

— А что?

— Слыхал такое выражение — «погибшая женщина»?

— М-мм... да, но уже много лет назад. Сейчас это ничего не значит.

— Так вот, этот мерзавец меня действительно погубил. Я был самой погибшей из всех женщин: ведь я и женщиной-то быть перестал... а мужчиной быть не умел.

— Наверно, действительно нужна привычка.

— Ты и представить не можешь. Я не говорю о привычке к новой одежде или о том, чтобы отвыкнуть заходить в женский туалет; всему этому я научился еще в больнице. А вот как жить! Чем зарабатывать? Какую работу я мог найти? Черт, я ведь даже машину водить не умел! У меня не было профессии, а к неквалифицированному физическому труду я

был негоден — слишком много шрамов и соединительной ткани, я бы не выдержал. Я ненавидел его и за то, что из-за него я не попал в Корпус... но как я его ненавидел, я понял только когда попробовал записаться в Военно-Космические силы. Один взгляд на мой живот — и все: «к военной службе негоден». Медик из комиссии потратил на меня полчаса из чистого любопытства — он где-то читал отчет о моем случае. Так вот, я изменил имя и переехал в Нью-Йорк. Сначала работал младшим поваром — жарил картошку; потом купил пишущую машинку и попробовал зарабатывать машинописью и стенографией — один смех! За четыре месяца я перепечатал четыре письма и одну рукопись. Рукопись предназначалась для «Жизни, как она есть». Чистой воды перевод бумаги — но ведь напечатали же ее! Это и навело меня на мысль; я купил целую пачку журналов, где публикуются все эти «исповеди», и проштудировал ее.

Он скривился.

— Ну вот, теперь тебе ясно, откуда у меня подлинно женский взгляд на жизнь матери-одиночки... хотя единственный вариант истории, который я не написал,— это подлинный. Так как, бутылка моя?

Я подвинул бутылку к нему. Его рассказ выбил из колеи и меня, но работа есть работа.

— Сынок,— промолвил я,— ты все еще хочешь встретить того типа?

Его глаза загорелись хищным огнем.

— Тихо-тихо,— придержал я его.— Ты ведь его не убьешь, а?

Он нехорошо усмехнулся:

— Проверь.

— Главное — спокойно. Видишь ли, я знаю об этой истории больше, чем ты думаешь. Я могу тебе помочь. Я знаю, где его искать.

Он дернулся через стойку.

— Где он?!

— Сначала отпусти мою рубашку,— мягко сказал я,— не то ненароком вылетишь на улицу, а полицейским скажем, что это просто обморок.— Я показал ему дубинку.

Он отпустил меня.

— Извини. Но все-таки где он? — он пристально взглянул на меня.— И откуда тебе столько известно?

— Всему свое время. Существуют записи — в архивах больницы, приюта, и все такое. Матрону в вашем приюте звали миссис Феверидж, так? Когда ты был девочкой, тебя звали Джейн — так? И ты мне ничего этого не говорил — так?

Это его озадачило и слегка напугало.

— Что все это значит? Ты хочешь сделать мне какую-нибудь гадость?

— Ни в коем случае. Я искренне хочу тебе добра. И этого типа могу выдать тебе прямо на руки. Поступай с ним как знаешь — и я гарантирую, что тебе все сойдет с рук. Не думаю, правда, что ты его убьешь. Тебе надо быть психом, чтобы убить его, а ты не псих. Не совсем псих, во всяком случае.

Он отмахнулся.

— Ближе к делу. Где он?

Я плеснул ему немного виски; он уже изрядно набрался, но злость его поддерживала в бодром состоянии.

— Не спеши так. Давай договоримся: я — тебе, ты — мне.

— Э-э... что?

— Ты не любишь свою работу. Ну а что ты скажешь, если я предложу постоянную высокооплачиваемую работу с неограниченными накладными и представительскими расходами, причем ты будешь, в общем, сам себе хозяин и не станешь чувствовать недостатка в разнообразии и приключениях?

Он вытаращился на меня.

— Скажу: «Убери своего чертова оленя с моей крыши, дед, Рождество еще далеко!» Брось, Папаша — не бывает такой работы.

— Ладно, договоримся так: я тебе его нахожу, ты с ним разбираешься, а затем пробуешь мою работу. Если я соврал и она не такая, как я описал,— что ж, держать не стану.

У него уже немного начал заплетаться язык — подействовала последняя порция.

— Когда т' его д'ставишь? — спросил он.

— Если ты согласен на мое предложение — прямо сейчас!

Он протянул руку.

— Согласен!

Я кивнул помощнику, чтобы тот пока присматривал за баром, отметил время (23.00) и уже нагнулся, чтобы пролезть под стойкой, но тут музыкальный ящик грянул: «Я сам себе был дедом!..» Я сам заказал зарядить проигрыватель только старой американской музыкой, поскольку не в состоянии был переваривать то, что считалось «музыкой» в 1970 году. Но я понятия не имел, что там есть и эта пластинка.

— Выключи это! И верни клиенту деньги! — рявкнул я и добавил: — Я на склад, на минуту.

И мы с Матерью-Одиночкой пошли на склад. Он у меня находится в конце коридора, напротив туалетов, за железной дверью, ключ от которой есть только у меня и у моего дневного менеджера; а со склада еще одна дверь ведет в комнату, ключ от которой есть только у меня. Туда мы и вошли.

Он пьяно оглядел стены без окон.

— И-игде он?

— Секундочку.

Я открыл чемоданчик — единственный предмет в комнате; а в чемоданчике помещался портативный преобразователь координат ТК США, выпуск 1992 года, модель 2. Любо-дорого посмотреть: никаких движущихся частей, вес при полном заряде 23 кг, оформлен под обыкновенный «дипломат». Я настроил его заранее, самым точным образом, и оставалось только раскрыть металлическую сеть, которая ограничивает область действия преобразующего поля. Что я и сделал.

— Что это? — озадаченно спросил он.

— Машина времени,— объяснил я, набрасывая сеть на нас.

— Эй! — крикнул он, отступая на шаг.

Тут нужен расчет: сеть надо бросить так, чтобы объект при инстинктивном движении наступил на нее; остается задернуть сеть, внутри которой находитесь вы оба,— не то можно запросто оставить в покидаемом времени подметки, а то и кусок ноги или, наоборот, прихватить с собой кусок пола. Но

этим вся хитрость в обращении с преобразователем и заканчивается. Некоторые агенты просто заманивают объект в сеть; я предпочитаю сказать правду и, воспользовавшись затем мигом удивления, нажать выключатель.

Что я и сделал.

10.30, зона V, 3 апреля 1963 — Кливленд, Огайо-Апекс-Билдинг.

— Эй! — повторил он.— Сними с меня эту дрянь сейчас же!

— Извини,— покладисто сказал я, снял сеть, сложил ее, убрал в чемоданчик и закрыл его.— Но ты же сказал, что хочешь его встретить.

— Но... ты сказал, что это машина времени!

Я указал на окно.

— Это похоже на ноябрь? Или вообще на Нью-Йорк?

Пока он таращился на молодые почки и весеннюю погоду, я вновь открыл чемоданчик, вынул пачку стодолларовых билетов и проверил, чтобы номера и подписи соответствовали деньгам, имевшим хождение в 1963 году. Темпоральное Бюро не волнует, сколько ты тратишь (ему-то это ничего не стоит), но излишних анахронизмов оно не любит. Слишком много ошибок — и трибунал сошлет тебя на год в какое-нибудь особенно мерзкое время, скажем, в 1974-й, с ограниченными пайками и принудительным трудом. Ну да я таких ошибок не делаю. Деньги были в порядке. Он обернулся и спросил:

— Что это было?

— Он здесь. Иди и найди его. Это тебе на расходы,— я сунул ему деньги и добавил: — Разберешься с ним, потом я тебя заберу.

Стодолларовые купюры гипнотически действуют на человека, который не привык их видеть. Он, не веря своим глазам, крутил пачку в руках, а я выставил его в коридор и запер дверь. Следующий прыжок был совсем легким — только во времени, причем недалеко.

17.00, зона V, 10 марта 1964, Кливленд, Огайо-Апекс-Билдинг.

Под дверью белела бумажка, извещавшая, что срок аренды помещения истекает на следующей неделе; в остальном комната выглядела так же, как и мгновение назад. Деревья за окном были еще голыми, лежал снег; я задержался только чтобы проверить свои деньги и надеть пиджак, шляпу и плащ, которые я оставил в комнате, когда снимал ее. Затем я взял напрокат машину и поехал в больницу. Двадцати минут болтовни хватило, чтобы надоесть дежурной сестре в яслях так, что она отошла и я смог без помех унести ребенка. С ним я поехал обратно, в Апекс-Билдинг. На этот раз с настройкой пришлось повозиться чуть дольше — в 1945 году это здание еще не построили. Но у меня все было рассчитано заранее.

01.00, зона V, 20 сентября 1945, мотель «Кливленд-Скайвью».

Я с ребенком и преобразователем прибыл в загородный мотель. Я заранее снял здесь комнату, зарегистрировавшись как «Грегори Джонсон, Уоррен, Огайо», так что мы оказались в комнате с задернутыми шторами, запертыми окнами и дверями на засове; все отодвинуто, чтобы очистить место на случай возможного отклонения. Оказавшийся не на месте стул запросто может наградить вас здоровенным синяком — то есть, конечно, не сам стул, а вызванный им люфт преобразующего поля.Разумеется, все прошло благополучно. Джейн крепко спала, я вынес ее на улицу и пристроил в коробке из бакалейного магазина на сиденье заранее взятой машины. Затем отвез ее к приюту, положил перед дверью, отъехал на два квартала, до «станции обслуживания» (в которой, напомню, тогда продавались нефтепродукты вроде бензина, масел и прочего), позвонил в приют, вернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как коробку с Джейн вносят внутрь, но не остановился, а доехал до мотеля, бросил там машину, вернулся в номер и прыгнул вперед, в Апекс-Билдинг, в 1963 год.

22.00, зона V, 24 апреля 1963, Кливленд, Огайо-Апекс-Билдинг.

Я прибыл почти точно — а точность попадания зависит от дальности прыжка, кроме возвращения в исходную точку. Если я верно рассчитал, Джейн как раз в этот момент в парке душистой весенней ночью обнаруживает, что она все же не такая «добронравная», как думала раньше.

Я взял такси, доехал до дома, где жили те скряги, велел водителю ждать за углом, а сам спрятался в тени напротив дома.

Скоро показалась моя парочка — не спеша, в обнимочку шли по улице. Он довел ее до самых дверей, на крыльце подарил ей долгий прощальный поцелуй — куда дольше, чем я представлял. Потом она вошла в дом, он сошел с крыльца и зашагал прочь. Я догнал его, взял под руку.

— Все, сынок,— тихо сказал я.— Я за тобой.

— Ты! — он чуть не задохнулся.

— Я. Ну вот, теперь ты знаешь, кто он,— а если подумаешь, сообразишь и кто такой ты... а если подумаешь как следует, поймешь и кто у нее родится... а заодно — и кто я такой.

Он не ответил, слишком уж был потрясен. И правда, кого не потрясет открытие того, что ты, оказывается, не устоял перед искушением соблазнить сам себя?..

Я отвел его в Апекс-Билдинг, и мы снова прыгнули.

23.00, зона VII, 12 августа 1985, подземная база «Скалистые Горы».

Я разбудил дежурного сержанта, предъявил свой пропуск, велел сержанту дать новичку успокоительное и уложить спать, а утром направить для поступления на службу. Сержант смотрел на нас кисло, но звание есть звание вне зависимости от эпохи; он выполнил приказ — без сомнения, думая при этом, что в следующий раз полковником может оказаться он, а сержантом — я. Что ж, в нашем Корпусе и такое бывает.

— Как его зовут? — осведомился он.

Я написал. Он вздернул брови.

— Даже так? Хм-м...

— Делайте свое дело, сержант.— Я повернулся к своему спутнику.— Ну, сынок, твои беды позади. Ты поступаешь на лучшую работу, какую только может получить человек, и ты многого в ней добьешься. Я это знаю.

— Но...

— Никаких «но». Ложись, а утром соглашайся на эту работу. Она тебе придется по душе.

— Это точно! — кивнул сержант.— Вот посмотри на меня: родился в тысяча девятьсот семнадцатом, а все еще жив-здоров, молод и наслаждаюсь жизнью.

А я вернулся в зал переброски и поставил наводку на нужный момент.

23.01, зона V, 7 ноября 1970, Нью-Йорк — «У Папаши».

Я вышел со склада с бутылкой апельсинового ликера «Драмбуи», чтобы она объяснила цель моего минутного отсутствия. Мой помощник спорил с клиентом, который завел «Я сам себе был дедом».

— Да пусть его играет,— сказал я.— Доиграет — выключишь эту штуку.

Я зверски устал.

Дело нелегкое и не всегда приятное, а завербовать человека в последнее время стало весьма нелегко, особенно после Ошибки 1972 года. Можно ли придумать лучший источник кадров, чем люди, у которых все в их времени складывается неудачно? Предлагаешь им хорошо оплачиваемую и очень интересную (пусть и небезопасную порой) работу, да еще и во имя хорошего дела... Сейчас всякий знает, почему не удалась Неудачная война 1963 года: просто не взорвалась бомба, сброшенная на Нью-Йорк, да и многое другое пошло не так, как планировалось,— и все благодаря таким, как я.

А вот с Ошибкой 1972 года вышло не так; то была наша вина, и с этим уже ничего не поделать; парадокса нет, изменить

ничего невозможно. Событие, или объект, или человек либо есть, либо его нет, ныне и присно и во веки веков, аминь. Но Ошибка не повторится — приказ от 1992 года гарантирует это, в любом году оставаясь Приказом Номер Один.

Я закрыл заведение на пять минут раньше обычного, а в кассе оставил письмо, в котором сообщал своему дневному менеджеру, что принимаю его предложение о продаже,— пусть зайдет к моему юристу, так как сам я уезжаю на длительный отдых. Может быть, Бюро снимет деньги, которые он заплатит, может, нет — но оно требует, чтобы агенты оставляли свои дела в порядке.

Затем я снова пошел в комнату за складом и проследовал из нее прямо в 1993 год.

22.00, зона VII, 12 января 1993, «Скалистые Горы», Вспомогательный штаб Темпорального Корпуса.

Я отметился у дежурного офицера и направился в свою комнату, намереваясь проспать как минимум неделю подряд. Бутылку виски, на которую мы спорили, я взял с собой (выиграл-то все же я) и, перед тем как приступить к составлению отчета, плеснул себе немного. Вкус показался мне мерзким — странно, почему это мне всегда нравилось «Старое белье»?.. Но сейчас это лучше чем ничего; я не люблю, когда я трезвый,— тогда я слишком много думаю. Но я и не пью чересчур много: кому мерещатся змеи, а мне — люди.

Я надиктовал машинке свой рапорт: сорок человек завербованы и благополучно прошли освидетельствование Психологической службы. Это считая меня, поскольку я наверняка знал, что пройду комиссию. Ведь я уже тут, верно?.. Потом я напечатал рапорт о переводе на оперативную работу; вербовка у меня уже вот где сидела. Сунул оба рапорта в щель доставки и пошел к кровати. Мой взгляд упал на «Правила Работы со Временем», висящие над ней:

Никогда не откладывай на вчера то, что надо было сделать завтра.
Если у тебя все наконец получилось, не пробуй еще раз.
Во времени стежок девять миллиардов сбережет.
На каждый парадокс есть свой парадоктор.
Думать надо прежде.
Предки тоже люди.

Сейчас шутливый плакатик уже не воодушевлял меня так, как в мою бытность новичком-рекрутом; тридцать субъективных лет прыжков во времени дают себя знать. Я разделся догола, глянул на свой живот. После кесарева сечения остается шрам, но я теперь так зарос волосами, что не замечаю его, если не вспомню специально.

Потом я посмотрел на кольцо на своем пальце.

Змей, вечно пожирающий свой хвост, знак бесконечности... Я знаю, откуда появился я,— но откуда явились все вы, зомби?.. Начала болеть голова — но порошков от головной боли я не принимаю никогда. Как-то попробовал — и все вы пропали.

Поэтому я лег и свистнул автомату, чтобы тот погасил свет.

Вас на самом деле здесь нет. Здесь нет никого, кроме меня — Джейн — и я один и одна в темноте!

Мне так одиноко без вас!..

Как появился этот диск, Боб Вилсон не видел. Не видел он и того, как сквозь него в комнату шагнул какой-то человек и, остановившись, уставился на Боба, прямо ему в затылок. При этом он дышал несколько учащенно, словно обуреваемый сильными и необычными чувствами.

У Вилсона не было ни малейшего повода подозревать чье-либо присутствие в комнате, наоборот, он имел все основания для уверенности в обратном. Он заперся в своей комнате, намереваясь одним продолжительным усилием завершить свою дипломную работу. Другого выхода у него не было: завтра наступал последний срок сдачи работ, а вчера его собственная работа состояла всего лишь из заглавия: «Анализ некоторых математических аспектов метафизического метода».

Тринадцать часов непрерывного труда, пятьдесят две выкуренные сигареты и четыре опустошенных кофейника прибавили к заглавию еще семь тысяч слов.

© В. Гольдич, И. Оганесова, перевод

Что касается научной ценности работы, то Боб не дал бы за нее и ломаного гроша. Но довести ее до конца было сейчас его единственным страстным желанием. Довести до конца, сдать и, опрокинув три стаканчика чистого, завалиться спать на неделю.

Он поднял голову, остановив взгляд на двери платяного шкафа, где у него была припрятана почти полная бутылка джина. Нет, строго сказал сам себе Боб, нет, еще один глоток, и ты, старина, в жизни не покончишь с этой обузой.

Человек за его спиной хранил молчание.

Вилсон снова склонился над машинкой.

«...но также невозможно представимое явление назвать возможным, даже если его можно описать математически. Для примера возьмем концепцию путешествия во времени. Сама идея путешествий во времени может быть основана на базе любой из существующих теорий времени. Тем не менее эмпирическое знание о природе некоторых свойств времени, опровергает возможный характер данного явления. Продолжительность есть атрибут сознания, но не среды. Следовательно...»

Клавишу заело, три литерных рычага сцепились между собой. Вилсон устало чертыхнулся и протянул руку, чтобы наставить гадкую машинку на путь истинный.

— Брось, не трать время,— услышал он вдруг.— Все это чушь собачья.

Вилсон резко выпрямился и медленно обернулся. Он искренне надеялся, что сзади действительно кто-то стоит. В противном случае...

Вид незнакомца заставил его вздохнуть с облегчением.

— Слава Богу,— пробормотал он себе под нос.— Я уже было испугался, что у меня не все в порядке с головой.

Но облегчение стремительно перешло в раздражение.

— Какого дьявола вы забрались в мою комнату? — решительно спросил он.

Оттолкнув стул, Боб поднялся и пошел к двери. Дверь была по-прежнему заперта на задвижку. Через окна тоже невозможно было забраться — стол стоял к ним вплотную и выходили они на людную улицу, шумевшую в трех этажах под ними.

— Как вы попали сюда? — добавил он.

— Вот сквозь это,— ответил незнакомец и указал пальцем на диск.

Вилсон только теперь обратил внимание на странный предмет, появившийся в его комнате. Моргнув, он посмотрел еще раз. Действительно, между ними и стеной в воздухе висел диск. Большой диск цвета пустоты, которую можно увидеть, если крепко зажмуриться. Вилсон старательно потряс головой. Диск не хотел исчезать. Боже, подумал Боб, значит, я действительно слегка двинулся мозгами...

Он шагнул к диску, намереваясь потрогать его.

— Не трогайте! — выпалил незнакомец.

— Отчего же? — раздраженно поинтересовался Вилсон, но тем не менее до диска не дотронулся.

— Я объясню. Но сначала давайте немного выпьем.

Он направился прямо к платяному шкафу, открыл дверку и извлек на свет бутылку джина.

— Эй! — воскликнул Вилсон.— Что вы делаете? Это мой джин!

— Твой джин...— незнакомец призадумался на мгновение.— Прошу прощения, надеюсь, вы не будете против, если и я угощусь?

— Думаю, что не буду,— констатировал Боб Вилсон с мрачным видом.— И мне заодно налейте.

— Прекрасно,— согласился незнакомец.— А потом я все объясню.

— Да уж, постарайтесь,— значительно заметил Вилсон.

Он осушил свой стакан и осмотрел незнакомца. Перед ним был человек примерно такого же роста и сложения, как сам Боб, и примерно того же возраста, может, чуточку старше, хотя, видимо, такое впечатление создавала трехдневная

щетина на его подбородке. Глаз у незнакомца был подбит, а верхняя губа распухла. Вилсон решил, что физиономия у субъекта неприятная. Самое странное, что лицо его показалось Вилсону странно знакомым, он чувствовал, что должен был бы узнать его, так как, несомненно, видел это лицо не один раз.

— Вы кто? — неожиданно спросил Боб.

— Кто я? — переспросил странный гость.— Так вы меня не узнаете?

— Кажется, я вас уже где-то видел,— признался Вилсон.— Хотя я не уверен.

— Возможно, и видели...— протянул гость.— Впрочем, оставим пока...

— А как вас зовут?

— Зовут? Ну, зовите меня просто... э-э... Джо.

Вилсон опустил стакан.

— Ну, хорошо, мистер Джо, как вас там, давайте ваши объяснения и как можно короче.

— Сейчас вы все поймете,— пообещал Джо.— Вот эта штука, через которую я прошел,— он указал на диск,— это временны́е ворота.

— Какие ворота?

— Временные. Время течет по обе стороны ворот,— но оба потока разделены несколькими тысячелетиями, сколько в точности — я не знаю. Еще пару часов ворота будут открыты. Вы можете попасть в будущее всего лишь пройдя сквозь диск.

Боб забарабанил пальцами по крышке стола.

— Продолжайте, я внимательно слушаю. Все это чрезвычайно интересно.

— Вы мне не верите? Так я вам сейчас покажу.

Джо снова отправился к шкафу и завладел шляпой Боба, его любимой и единственной шляпой, которую шесть лет нелегкой университетской жизни привели к нынешнему жалкому состоянию. Джо метнул шляпу прямо в диск.

Шляпа прошла сквозь его поверхность без видимого сопротивления и исчезла из виду.

Вилсон встал со стула, зашел за диск и внимательно осмотрел пол. Там ничего не было.

— Ловкий фокус,— признался он.— Буду очень вам благодарен, если вернете мне шляпу.

Незнакомец покачал головой.

— Сами ее найдете, как только окажитесь на той стороне.

— Как? На той стороне?

— Именно так. Слушайте...

И незнакомец вкратце рассказал ему все, что касалось ворот времени. Бобу, сообщил гость, выпал шанс, который случается раз в миллион лет. Он должен не мешкать и смело шагнуть сквозь диск. Более того, было очень важно, чтобы Вилсон шагнул сквозь него. Почему — этого Джо подробно объяснить не мог.

Боб Вилсон угостил себя вторым стаканчиком джина, а потом и третьим, что придало ему уверенности.

— Почему? — спросил он без лишних слов.

Джо был в отчаянии.

— Проклятье, если ты только шагнешь сквозь ворота, то отпадет надобность во всех объяснениях. К тому же...

Как получалось из объяснений Джо, на той стороне был какой-то субъект, которому очень требовалась помощь Джо. Если Джо поможет, они втроем будут управлять целой страной. Какого рода требовалась помощь — этого Джо не мог или не хотел уточнять. Вместо этого он налегал на невероятные, уникальные возможности, которые предоставляло для жизни Вилсона это приключение.

— Неужели ты намерен убить свою жизнь, натаскивая тупиц в какой-нибудь заплесневелой школе? — настаивал он.— Это твой звездный час. Так не упускай его!

В глубине души Боб Вилсон вынужден был согласиться, что степень доктора философии — не совсем то, чем его можно было осчастливить. И все же место преподавателя — это уже верный заработок. Тут его взгляд упал на бутылку джина, уровень жидкости в которой значительно понизился. Объяснение происходящего было найдено.

Боб поднялся на нетвердые ноги.

— Не выйдет, мой милый друг,— заявил он.— Мне ваша карусель не по вкусу. А знаете почему?

— Почему?

— Потому, что я пьян, вот почему. Вас тут нет на самом деле. И этого тоже здесь нету,— широким жестом он указал на диск.— Здесь только я один и выпил лишнего. Перетрудился малость,— добавил он извиняющимся тоном.— И теперь намерен отдохнуть.

— Ты совсем не пьян.

— Нет, я пьян. На дворе дрова, на дрове трава.

Он направился к кровати. Джо схватил его за плечо.

— Это невозможно,— сказал он.

— Оставь его в покое!

Оба резко обернулись. Прямо перед ними у диска стоял третий человек. Боб посмотрел на новоприбывшего, потом перевел взгляд на Джо и попытался сосредоточиться. Однако как они похожи, подумал он, будто братья. Или просто у него двоится в глазах? Какая гадость этот джин! Давно пора перейти на ром. Ром — это совсем другое дело. Хочешь пей, хочешь — ванну принимай. Да, во всем виноват джин. Не было бы джина, не было бы и Джо.

Да нет же, как он мог их спутать, ведь у Джо глаз подбит. Тогда кто такой этот второй тип? Почему двое приятелей не могут спокойно выпить, обязательно кто-то помешает?

— Вы кто? — негромко, но с достоинством спросил Боб новенького.

Новенький поглядел на него, потом указал на Джо.

— Он меня знает,— многозначительно сказал он.

Джо не спеша оглядел его с головы до пят.

— Да,— сказал он,— думаю, что знаю. Но какого бога ты сюда явился? Зачем ты план срываешь?

— Времени для объяснений нет. Я знаю больше, чем ты,— этого ты отрицать не будешь — и поэтому могу судить лучше. Он не пойдет в ворота.

— Я не собираюсь признавать ничего...

Вдруг зазвонил телефон.

— Ответь! — приказал новоприбывший.

Боб собрался было возмутиться его тоном, но потом передумал. Его темперамент не позволял игнорировать трезвонящий телефон. Он поднял трубку:

— Алло?

— Привет,— ответила трубка.— Это Боб Вилсон?

— Да. А кто говорит?

— Неважно. Я только хотел убедиться, что вы на месте. Я так и думал, что вы там. Попал же ты в переплет, парень, ну уж попал...

Вилсон услышал, как на другом конце провода захихикали, потом пошли гудки отбоя. Он потряс трубку пару раз, потом опустил на рычаг.

— Кто звонил? — спросил Джо.

— Никто. Просто какой-то ненормальный с извращенным чувством юмора.

Телефон опять зазвонил.

— Ага, это опять он.

Боб схватил трубку.

— Слушай, ты, обезьяна с мозгами бабочки! Я человек занятой, а это не общественный телефон.

— Что-о? Боб, что ты...— послышался возмущенный женский голос.

— А, гм, это ты? Прости, Женевьева, я очень извиняюсь...

— Еще бы ты не извинялся!

— Дорогая, ты не понимаешь. Как раз перед твоим звонком мне позвонил какой-то идиот, и я думал, что это снова он. Ты же знаешь, я бы никогда не позволил себе так разговаривать с тобой, моя крошка.

— Не сомневаюсь, особенно после того, что ты мне сегодня сказал, после того, что было...

— Что? Сегодня? Ты сказала «сегодня»?

— Конечно, сегодня. Я решила позвонить, потому что ты забыл у меня свою шляпу. Я заметила ее буквально через несколько минут после твоего ухода. К тому же,— добавила она

застенчиво,— это предоставило мне возможность еще раз услышать твой голос, Боб.

— Ну понятно, спасибо,— механически ответил он.— Но послушай, малыш, я сейчас ужасно занят, день выдался просто сумасшедший. Я загляну к тебе вечерком, и мы все выясним. Ну, пока.

И он поспешно положил трубку. Боже, подумал Боб, еще одна проблема. Он повернулся к своим собеседникам.

— Ну, Джо, все в порядке, я готов двигаться, если и ты готов.

Он не мог бы сказать точно, в какой момент к нему пришла мысль согласиться пройти сквозь временное устройство, но тем не менее она пришла. И вообще, кто этот второй такой, чтобы лишать свободного человека, такого как Боб, свободы выбора поступков?

— Прекрасно,— облегченно вздохнул Джо.— Просто шагай прямо в диск. Больше ничего не требуется.

— Нет, ты не пойдешь!

Это опять был надоедливый второй незнакомец. Он встал на пути между Вилсоном и Воротами Времени.

Боб Вилсон смерил его взглядом.

— Послушайте, вы! Вы сюда ворвались, лезете не в свои дела, может вы думаете, что вам все позволено? Если вам что не по вкусу, так можете утопиться! Я вам с удовольствием помогу.

Незнакомец попытался схватить Боба за воротник. Вилсон ответил боковым ударом, но не самым лучшим — кулак его двигался не быстрее улитки. Незнакомец без труда уклонился и угостил Боба прямым в челюсть — костяшки пальцев у него были ужасно твердые. Джо поспешил на помощь Бобу. Некоторое время они обменивались свингами и хуками, при этом Боб с энтузиазмом старался внести и собственную лепту. Но единственный панч, который ему удался, угодил в Джо — теоретически его союзника. Но предназначался он, естественно, второму незнакомцу.

Это было ошибкой, так как незнакомец, воспользовавшись промахом Джо, отличным боковым свингом слева лишил Боба

возможности принимать активное участие в боевых действиях.

Постепенно Боб снова начал воспринимать окружающее. Он сидел на полу, который почему-то несколько покачивался. Кто-то склонился над Бобом.

— У тебя все в порядке? — спросил кто-то.

— Вроде бы,— глухо ответил Боб. Губы саднили, он дотронулся пальцем до губы — на пальце осталась кровь.— Голова болит.

— Еще бы не болела. Вы влетели просто кувырком. Я испугался, уж не разбили ли вы голову, когда приземлились.

Мысли постепенно прояснялись. Влетел? Он внимательно посмотрел на говорящего. Это был мужчина средних лет с густой шевелюрой, в которой уже начала просвечивать седина и с коротко подрезанной бородкой. Одет он был, как решил Боб, в нечто напоминавшее свободный пижамный костюм пурпурного цвета.

Но больше всего Боба беспокоила комната, в которой он находился. Она была совершенно круглая и потолок выгибался таким плавным куполом, что трудно было сказать, какой он высоты. Ровный мягкий свет заливал комнату из невидимого источника. Мебели в комнате не было, не считая пультообразного возвышения поблизости от стены, лицом к которой сидел Боб.

— Влетел? Куда влетел?

— В Ворота, конечно. То есть сквозь ворота,— у незнакомца был несколько странный акцент.

Боб не мог определить его характер, но у него появилось чувство, что этот человек не привык постоянно разговаривать по-английски. Вилсон повернул голову и посмотрел через плечо, в направлении взгляда незнакомца. Там он увидел диск.

Голова от этого еще больше заболела.

«Боже всесильный,— подумал он,— на этот раз я уж действительно свихнулся. Почему я не просыпаюсь?» Он потряс головой, стараясь прояснить взор.

Лучше бы он этого не делал. Верхушка головы едва не отвалилась — такое, во всяком случае, создавалось у него впе-

чатление, а диск все равно остался там же, где и был. Его плоскую глубину заполняли невообразимые аморфные силуэты неопределенных цветов.

— Я сквозь это влетел?

— Да.

— Где я?

— В зале Ворот в Высоком замке Норкаал. Но куда важнее не «где», а «когда». Вы попали в будущее немногим больше, чем на три тысячи лет.

«Я с самого начала подумал, что сошел с ума»,— сказал про себя Вилсон.

Он поднялся на нетвердые ноги и заковылял к Воротам.

— Куда вы собрались? — рука незнакомца легла на его плечо.

— Ну-ну, не так быстро. Можете поверить моему слову — вы не вернетесь туда. Но прежде позвольте перевязать вам раны. Кроме того, вам необходим отдых. Мне нужно объяснить вам некоторые вопросы, а потом, когда вы вернетесь туда, я попрошу вас выполнить для меня одно поручение — к нашей обоюдной выгоде. Нас ждет великое будущее — для тебя и для меня!

Вилсон нерешительно приостановился. Его несколько беспокоила настойчивость незнакомца.

— Мне это все не нравится.

Человек пристально взглянул на Боба.

— Может выпьем по стаканчику на дорожку?

Вилсон чувствовал, что он совсем не против. Стаканчик чистого — это как раз то, что ему нужно.

— Ладно, давай.

— Пойдем со мной.

Человек провел Боба мимо непонятного устройства у стены прямо к двери, ведущей в проход. Шагал он размашисто и Вилсону приходилось поторапливаться, чтобы не отстать.

— Между прочим,— спросил он пока они шли длинным проходом,— как вас зовут?

— Зовут? Ну, можете звать меня Диктор. Все остальные зовут меня так.

— Хорошо. Следует ли мне тоже представляться?

— Вы? — Диктор усмехнулся.— Вам представляться нет надобности. Ваше имя мне известно — вы Боб Вилсон.

— Вот как? Гм, наверное, это Джо вам сказал.

— Джо? Я такого человека не знаю.

— Не знаете? А вот он, как я понял, вас знает. Эй, послушайте, может вы не тот, с кем я должен встретиться?

— Нет, это я. Я, в своем роде, поджидал вас. Джо... Джо... А! — Диктор хихикнул.— Просто выскочило из головы! Он сказал, чтобы вы его звали Джо, правильно?

— А что, это не его имя?

— Имя особого значения не имеет, и Джо — не хуже любого другого. Ну вот, мы и пришли,— он ввел Боба в небольшую, но веселую комнатку. Мебели в ней совсем не было, зато пол был мягким и теплым, как живая плоть.— Садитесь и отдыхайте. Я через минуту вернусь.

Боб огляделся, соображая, на чем же здесь можно сидеть, потом повернулся спросить Диктора, но тот уже исчез, более того, исчезла также и дверь, через которую они вошли. Боб сел прямо на мягкий пол и постарался расслабиться.

Диктор вскоре вернулся. Вилсон видел, как двери расступились, чтобы пропустить его, но он не понял, как это получилось. Диктор принес с собой графин, в котором плескалась какая-то жидкость.

— А ну-ка, прочистим мозги,— весело сказал он и щедро налил в принесенную с графином чашку на четыре пальца.— Глотай!

Боб принял чашку.

— А вы не будете?

— Сначала я займусь вашими повреждениями.

— Ладно,— Вилсон опрокинул в себя содержимое чашки с несколько несолидной поспешностью. «Неплохая штука,— решил он,— напоминает шотландское, но покрепче, пожалуй».

Диктор тем временем смазывал ранки Боба мазью. Сначала сильно пекло, потом жжение утихло.

— Позвольте еще одну?

— Сделайте милость.

Боб уже без спешки выпил вторую чашку. До конца он ее не допил — чашка выскользнула из пальцев, оставив красновато-коричневое пятно на полу. Боб захрапел.

Боб Вилсон проснулся совершенно отдохнувшим. Чувствовал он себя прекрасно. Настроение было отличное. Почему? Он и сам не знал. Расслабившись, он лежал с закрытыми глазами, окончательно просыпаясь. Отличный должен быть денек. Ну правильно, он ведь дописал трижды проклятый диплом. Нет, погоди, ведь он его не закончил... Рывком Боб поднялся и сел. Вид незнакомых стен вернул его в реальность. Но прежде чем он успел обеспокоиться, дверь образовала вход и в комнату вошел Диктор.

— Ну, как, лучше?

— Неплохо. Послушайте, что это все значит?

— Немного терпения, мы обо всем поговорим. Как насчет завтрака?

В данный момент на шкале ценностей завтрак для Боба находился непосредственно после его собственной жизни и даже впереди возможности получить бессмертие. Диктор провел его в другую комнату — первую комнату с окнами, которую Боб видел в этом здании. Вернее, одной стены в комнате не было, ее заменял балкон, выходивший наружу и открывавший обширный вид на утопающие в зелени окрестности. Мягкий, теплый летний ветерок гулял по комнате. И пока Диктор говорил, они начали завтрак, окруженные роскошью достойной римских императоров. Боб Вилсон слушал объяснения Диктора не совсем внимательно, поскольку его отвлекло появление девушки-служанки, подававшей еду. Она вошла, неся большой поднос с фруктами. Несла она его на голове. Фрукты были изумительные. То же самое можно было сказать и о девушке. Как Боб ни старался, он не смог найти в ней ни одного изъяна. Платье ее тоже не обременяло.

Сначала она подошла к Диктору, одним грациозным движением опустилась на колено и протянула поднос с фруктами.

Диктор выбрал какой-то небольшой красный плод и жестом отпустил девушку. Она перешла на сторону Боба и тем же движением предложила фрукты ему.

— Как я уже сказал,— продолжал Диктор,— доподлинно не известно, когда именно Высшие покинули Землю, так же как не известно, откуда они пришли и куда ушли. Я лично склонен думать, что они вернулись обратно во Время. Во всяком случае, они правили здесь в течение двадцати тысяч лет и от земной культуры в том виде, как вы ее знаете, ничего не осталось. Но главное значение для вас и для меня имеет то воздействие, которое они оказали на природу человека. Один самый обыкновенный предприимчивый человек двадцатого века с некоторыми задатками авантюриста мог бы делать здесь все, что ему пожелается. Вы следите за мной?

— Что? А, ну, да, естественно. Слушайте, что за великолепная девушка,— взгляд Боба все еще был устремлен на вход, где исчезла девушка.

— Кто? Ах, да, но ничем особенным она здесь не выделяется.

— Трудно поверить.

— Она вам нравится? Отлично, она ваша.

— Как?

— Она рабыня. Успокойтесь, это в переносном смысле. Они здесь все рабы по своей натуре. Если она вам нравится, я ее вам подарю. Она будет счастлива, вот увидите.

Девушка как раз вернулась. Диктор обратился к ней на незнакомом Бобу языке.

— Ее зовут Арма,— заметил он попутно, затем снова что-то сказал девушке.

Та засмеялась, но тут же с серьезным лицом направилась к Вилсону, опустилась на оба колена, склонила голову и протянула перед собой сложенные чашей ладони.

— Дотронься до лба,— сказал Диктор.

Боб дотронулся. Девушка встала на ноги и в ожидании спокойно стояла рядом с ним. Диктор заговорил с ней. Девушка казалась озадаченной, но вышла из комнаты.

— Я сказал, что несмотря на ее новое положение, вы желаете, чтобы она продолжала подавать завтрак.

Завтрак продолжался, и Диктор возобновил свой рассказ.

Новое блюдо внесли Арма и еще одна девушка. Когда Боб ее увидел, то только тихо свистнул. Он понял, что несколько поторопился, позволив Диктору подарить ему Арму. Или стандарты женской красоты поднялись на невообразимую высоту, подумал он, или Диктору пришлось попотеть, пока он набрал себе домашнюю прислугу.

— ...вот почему,— продолжал Диктор,— вам необходимо вернуться. Во-первых, нужно вернуть назад того парня. Потом еще одно небольшое дельце — и мы на коне. Дальше мы будем только получать и делить. Я и вы. А делить здесь есть что. Я... Да вы не слушаете!

— Конечно слушаю, чиф! Каждое ваше слово.— Боб пощупал подбородок.— Слушайте, у вас не найдется лишней бритвы? Я хочу побриться.

Диктор негромко выругался сразу на двух языках.

— Перестаньте глазеть, никуда они от вас не денутся. Слушайте, что я говорю, дело не шуточное и предстоит работа!

— Ясно, ясно, я все понял, и я ваш человек. Когда начнем?

Вилсон уже принял решение почти сразу после того, как вошла Арма с подносом фруктов. Вообще у него было такое чувство, будто он попал в какой-то очень приятный сон. Если сотрудничество с Диктором позволит этот сон продлить, то почему бы и нет? Ко всем чертям академическую карьеру-у-у! К тому же все что от него требовалось, это снова пройти сквозь Ворота, но в обратном направлении, и заставить парня на той стороне выйти в них. В худшем случае он просто снова окажется в двадцатом веке. Он ничего не теряет.

Диктор поднялся на ноги.

— Приступим сразу к делу,— коротко сказал он.— Пока ваше внимание вновь не распылится. Пойдемте.

Диктор привел Вилсона в зал Ворот.

— Шагайте сквозь Ворота, вот и все. Вы окажетесь в двадцатом столетии, в своей собственной комнате. Заставьте человека,

которого увидите там, пройти сквозь Ворота. Он нам необходим. Потом тоже возвращайтесь.

Боб поднял руку, соединив кончики большого и указательного пальцев вместе.

— Дело в шляпе, босс. Считайте, что он уже здесь.

Он двинулся к Воротам.

— Подождите! — скомандовал Диктор.— Вы не знакомы с путешествиями во времени, поэтому вы должны приготовиться к некоторому потрясению. Этот второй человек, на той стороне, вы его сразу узнаете.

— Кто он?

— Я не буду вам говорить, потому что вы все равно не поймете. Но его сразу узнаете, как только увидите. Помните вот что — с путешествиями во времени связаны некоторые странные парадоксы. Не давайте сбить себя с толку в случае чего. Действуйте точно так, как я вам говорил, и все будет в порядке.

Диктор зашел за возвышение у стены.

— Я установил приборы. Теперь порядок. Двигайте! — сказал он.

И Боб Вилсон шагнул сквозь нечто, называемое Воротами Времени.

Переход не был связан с каким-либо особенным ощущением. Будто сквозь занавешенный вход входишь в темную комнату. Он остановился, давая возможность привыкнуть к освещению. Действительно, он был в своей комнате.

За столом, его столом, сидел какой-то человек, Диктор не ошибся. Значит, именно его он должен переслать на сторону Ворот. Диктор сказал, что он его узнает. Отлично, посмотрим, кто же это.

Боб чувствовал некоторое раздражение, видя кого-то за *своим* столом, в *своей* комнате. С другой стороны, комната сдается всем желающим, и естественно, как только Боб исчез, ее снял кто-то другой. Боб не мог сказать, сколько времени он отсутствовал. Проклятье, возможно прошла почти неделя!

Парень за столом действительно был Бобу странно знаком, хотя видна была одна только спина. Кто же это? Заговорить,

чтобы он повернулся? Боб отчего-то не хотел этого делать, пока не знал кто сидит за столом. «Желательно,— сказал он сам себе,— сначала выяснить с кем имеешь дело, прежде чем предпринять что-либо до такой степени диковинное, как принуждение невинного человека пройти сквозь Ворота».

Человек за столом продолжал печатать, лишь на секунду он отвлекся, чтобы погасить сигарету. Он положил ее в пепельницу и придавил сверху пресс-папье.

Этот жест был знаком Бобу Вилсону.

По спине у него пробежали холодные мурашки.

«Если он закурит новую сигарету,— прошептал он себе самому,— так, как я думаю...».

Человек за столом взял новую сигарету, постучал сначала по одному концу, потом по другому, слегка выровнял бумагу на конце с помощью ногтя большого пальца и сунул ее этим концом в рот.

Вилсон почувствовал как запульсировала в горле кровь.

За столом, спиной к нему, сидел он сам, БОБ ВИЛСОН!

Он чувствовал, что еще немного, и ему станет плохо. Он закрыл глаза и оперся о спинку стула. «Я так и знал,— подумал он,— все это просто бред. Я сошел с ума. Особый случай раздвоения личности. Мне не следовало слишком переутомляться».

Пишущая машинка продолжала стучать.

Боб взял себя в руки и еще раз все обдумал. Диктор предупреждал его, что он может пережить сильное потрясение, природу которого не следует сообщать заранее, так как в нее невозможно поверить. «Ну хорошо, допустим, что я вовсе не сошел с ума. Если путешествие во времени возможно, то почему я не могу вернуться в прошлое и увидеть себя самого в этом прошлом. И если я в своем уме, то все именно таким образом и обстоит...» «А если я свихнулся, то тогда и беспокоиться не о чем, делай, что хочешь».

«И далее,— добавил Боб сам себе,— если я ненормальный, то я могу оставаться ненормальным и вернуться обратно сквозь Ворота! Хотя от этого ничего не меняется. А, ну его к черту!»

Он осторожно подкрался ближе к столу и заглянул через плечо сидящего.

«Продолжительность есть атрибут сознания. Следовательно...» — прочел он. «Надо же,— подумал он,— вернуться именно в этот момент и увидеть себя самого, пишущего свой собственный диплом».

Машинка стучала.

«Следовательно...»

Два литерных рычага сцепились. Двойник Боба чертыхнулся и протянул руку, чтобы поправить рычаги.

— Брось, не трать времени,— неожиданно для себя самого произнес Боб.— Все это чушь собачья.

Второй Боб Вилсон резко выпрямился, потом осторожно поглядел назад. Выражение удивления на его лице сменилось раздражением.

— Какого дьявола вы забрались в мою комнату? — решительно потребовал он ответа. Потом, не дожидаясь, встал из-за стола, быстро подошел к двери и проверил задвижку.

— Как вы сюда попали?

«Однако,— подумал Боб,— попробуй объясни».

— Вот сквозь это,— ответил он, указывая на Ворота Времени.

Двойник взглянул в указанном направлении, сморгнул, еще раз присмотрелся и начал осторожно приближаться к диску, намереваясь потрогать его.

— Не трогайте! — вскричал Вилсон.

Двойник приостановился.

— Почему это? — поинтересовался он.

Почему именно — это не было ясно и самому Вилсону, но его определенно охватило чувство надвигающейся катастрофы, едва двойник приблизился к диску. Он растянул паузу, сказав:

— Я объясню. Но сначала давай немного выпьем.

Стаканчик джина — хорошая идея. И сейчас капля алкоголя требовалась Вилсону как никогда. Совершенно машинально он направился к своему тайнику с бутылкой в платяном шкафу. Бутылка была на месте.

— Эй! — запротестовал двойник.— Что вы там делаете? Это мой джин!

— *Твой* джин...

Тысяча чертей, это действительно *его* джин. То есть нет, это не его, это *их* джин. Ах, проклятье! Как все это запуталось, теперь не объяснишь!

— Прошу прощения. Надеясь, вы не будете против, если и я угощусь?

— Думаю, что не буду,— мрачно ответствовал двойник.— И мне тоже налейте.

— Прекрасно,— согласился Вилсон.— А потом я все объясню.

Но он чувствовал, что объяснение будет, мягко говоря, затруднительным. Он сам не понимал всего до конца.

— Да уж, постарайтесь,— предупредил его второй Вилсон и, потягивая джин, начал рассматривать Вилсона.

Вилсон смотрел на свое более молодое эго, охваченный весьма смешанными и с трудом сдерживаемыми эмоциями. Неужели этот тупица не узнал собственного лица? И если он не сможет *увидеть*, что это за ситуация, то как ему еще объяснить?

У Боба совсем выскочило из головы, что узнать его было нелегко — после всех пережитых приключений плюс небритая щетина. И что было еще важнее, он упустил из виду, что всякий человек видит свое лицо, даже в зеркале, не совсем теми глазами, что чужое. Какой человек в здравом рассудке заподозрит, что у незнакомца *его* собственное лицо? Вилсон видел, что его вид озадачил собеседника, но узнать он его не узнал.

— Вы кто? — неожиданно спросил двойник.

— Кто я? — переспросил Вилсон.— Так вы меня не узнаете?

— Кажется, я вас уже где-то видел. Хотя я не уверен.

— Возможно, что и видели...

Вилсон чувствовал, что застрял. Ну как ему объяснить, что он и Вилсон — родственники немного более близкие, чем два брата-близнеца?

— Впрочем, оставим пока...

— А как вас зовут?

— Зовут? Ну...

«Ого-го-го, чем дальше, тем хуже! Что за нелепая ситуация!» Боб раскрыл было рот, чтобы сказать «Боб Вилсон», но промолчал, чувствуя полную беспомощность. Как и многие до него, Боб осознал, что должен соврать, потому что правде просто не поверят.

— Зовите меня просто Джо.

Собственные слова неожиданно удивили его. В этот момент он понял, что он и есть тот самый Джо. Джо, с которым он уже встречался перед этим. Словно молнией вдруг озарило в голове Боба тот факт, что это была не просто такая же ситуация, через которую прошел он сам, а это была именно *та самая* ситуация. Только теперь он воспринимал ее с другой точки зрения.

Во всяком случае, так оно должно было быть. Абсолютно в этом он не был уверен, повторяется ли вся сцена в точности. Он не помнил первого разговора дословно.

Сейчас Боб был готов отдать за полную стенограмму того диалога почти любую цену, хоть двадцать пять долларов плюс налог.

«Нет, погодите»,— ведь он действовал без всякого принуждения. Все, что он говорил,— результат свободы воли. Хотя он не помнит разговора дословно, но некоторые вещи Джо наверняка не говорил. «У нашей Мэри есть баран», например. Сейчас он прочтет стишок и наконец спрыгнет с проклятой карусели повторений. Боб открыл рот...

— Ну хорошо, мистер Джо-как-вас-там, выкладывайте ваше объяснение, и как можно короче, пожалуйста,— заметило его альтер эго, поставив на стол пустой стакан, в котором еще недавно содержалось четверть пинты джина.

Боб раскрыл рот, чтобы ответить, потом закрыл.

«Спокойно, сынок, спокойно,— сказал он сам себе.— Ты ведь свободен. Ты хочешь рассказывать детский стишок, ну так и рассказывай, разорви заколдованный круг».

Но чувствуя на себе недружелюбный, даже враждебный взгляд двойника, Боб вдруг не смог припомнить ни одного

стишка. Его мыслительный процесс на секунду дал осечку. Тогда он сдался.

— Сейчас вы все поймете. Вот эта штука, через которую я прибыл, называется Ворота Времени.

— *Какие Ворота?*

— Времени. Время течет по обе стороны от ворот...— пока он говорил все это, его бросило в пот, он был совершенно уверен, что дает объяснение именно так, теми же словами, которые говорили ему,— ...в будущее, всего лишь ступив сквозь диск.

Он замолчал и вытер лоб.

— Продолжайте,— неумолимо подстегнул его двойник,— я внимательно слушаю вас. Все это чрезвычайно интересно.

Боб вдруг засомневался — он ли это сидит перед самим собой? Что за нелепая поза, что за догматизм? Это просто бесит! Ну ладно, ладно, он ему покажет. Он быстро прошел к шкафу, вытащил шляпу и швырнул ее в диск Ворот.

Второй Вилсон проследил, как исчезла шляпа, потом, без всякой перемены выражения, поднялся на ноги и зашел за диск, передвигаясь осторожными шажками человека в легкой степени опьянения, которой ни за что не желает это выдать.

— Ловкий фокус,— похвалил он, удостоверившись, что шляпа бесследно исчезла.— Буду очень вам благодарен, если вернете мне шляпу.

Вилсон покачал головой.

— Сами ее найдете, как только окажетесь на той стороне,— рассеянно ответил он. «Интересно, сколько же шляп находится на той стороне Ворот?»

— Как? На той стороне?

— Именно так. Слушайте...

Вилсон, как только мог, убедительно постарался объяснить двойнику, что от него требуется, вернее, попытался его соблазнить, не стесняясь количеством золотых гор, якобы ждущих за Воротами. Любые разумные объяснения в данном случае были неприемлемы. Боб предпочел бы растолковать тензорное исчисление австралийскому аборигену, хотя сам на смыслил в этом разделе математики ни черта.

От двойника помощи тоже не было никакой. Он явно больше интересовался бутылкой джина, чем объяснениями Боба.

— Почему? — спросил он вдруг задиристо.

— Проклятье,— вырвалось у Боба.— Если ты только шагнешь сквозь ворота, то отпадет необходимость во всех объяснениях. К тому же...

И Боб пересказал все, что предлагал ему Диктор. С раздражением он отметил про себя, что Диктор обрисовал *свои* предложения слишком схематично, поэтому Бобу приходилось касаться их лишь в общем, налегая в основном на эмоциональную сторону. Здесь он чувствовал себя на твердой почве — кто как не он мог знать, до чего надоела Бобу-второму затхлая атмосфера университета с ее академизмом и нудной зубрежкой.

— Неужели ты намерен убить свою жизнь, натаскивая уму-разуму тупиц в какой-нибудь заплесневелой школе? — заключил он.— Это твой звездный шанс. Так хватай его!

Вилсон пристально наблюдал за собеседником, и, как ему показалось, он уловил положительный отклик в его лице. Он явно заинтересовался словами Боба. Но тут он вдруг осторожно поставил стакан на стол и, посмотрев на бутылку джина, ответил наконец:

— Не выйдет, мой милый друг. Мне ваша карусель не по вкусу. А знаете почему?

— Почему?

— Потому что я пьян, вот почему. Вас тут нет на самом деле. И этого тоже здесь нет.

Широким жестом он указал на диск Ворот, при этом с трудом удержавшись на ногах.

— Здесь только я один, и хлебнул я лишку. Перетрудился малость,— пробормотал он.— И теперь я намерен отдохнуть.

— Ты совсем не пьян,— без всякой надежды запротестовал Вилсон.

«Тысяча чертей,— подумал он,— если человек не умеет пить, то ему нельзя давать в руки бутылку».

— Нет, я пьян. На дворе дрова, на дрове трава.

Двойник покачиваясь направился к кровати.

Вилсон схватил его за плечо.

— Это невозможно!

— Оставь его в покое!

Вилсон резко повернулся, увидел, что у диска стоит третий человек и... тут же узнал его. Его собственные воспоминания об этой сцене не отличались ясностью — сказывалось воздействие джина. Он ожидал появления третьего, но память не подготовила его к потрясению, которое Боб пережил, обнаружив, кто этот третий.

Он узнал себя — еще одну точную копию.

С минуту он стоял молча, стараясь осмыслить этот факт и как-то привязать его к законам логики. Он беспомощно закрыл глаза. Нет, этого уже слишком много. Доберусь до Диктора — скажу ему парочку приятных слов.

— Вы кто?

Боб открыл глаза и понял, что это его более раннее эго обращается к третьему, самому последнему изданию Вилсона. Спрашиваемый повернулся и пронзительно глянул на Боба.

— Он меня знает.

Вилсон ответил не сразу. События со всей очевидностью ускользали из-под контроля.

— Да,— согласился он,— думаю, что знаю. Но какого бога ты сюда явился? Зачем ты план срываешь?

Третий близнец резко оборвал Боба.

— Времени для объяснений нет. Я знаю об этом больше, чем ты. Этого ты отрицать не станешь, и поэтому я могу судить лучше.

Такая неприкрытая самонадеянность возмутила Боба:

— Я не собираюсь признавать ничего...

Его прервал звонок телефона.

— Ответь,— скомандовал вновь прибывший.

Номер Первый воинственно вздернул брови, но трубку снял.

— Алло... Да, а кто говорит?.. Алло!! — и он швырнул трубку на рычаги.

— Кто звонил? — спросил Боб, несколько раздраженный тем, что сам не успел ответить.

— Никто. Просто какой-то ненормальный с извращенным чувством юмора.

Тут телефон опять зазвонил.

— Ага, это опять он.

Вилсон попытался первым схватить трубку, но этот алкоголик Номер Первый опередил его.

— Слушай, ты, обезьяна с мозгом бабочки! Я человек занятой, а это не общественный телефон... А, гм-м, это ты? Прости, Женевьева, я очень извиняюсь... Дорогая, ты не понимаешь! Как раз перед твоим звонком мне позвонил какой-то глупый шутник, и я подумал, что это снова он. Ты же знаешь, я бы никогда не позволил бы себе так разговаривать с тобой, моя крошка... Что? Сегодня? Ты сказала «сегодня»?.. Ну понятно, спасибо... Но послушай, малыш, я сегодня ужасно занят, день выдался просто сумасшедший. Я загляну к тебе вечерком, и мы все уладим. Но только я наверняка знаю — шляпу у тебя не забывал. Во всяком случае, вечером мы все выясним. Ну, пока.

Слушая, как его первый двойник тарахтит по телефону, стараясь уступить притязаниям этой прилипчивой особы, Боб пришел почти что в бешенство. Да бросил бы просто трубку, и все! Арма — вот это да! Одно только воспоминание придало Бобу решительности довести план Диктора до конца.

Положив трубку, более ранний Вилсон поднял глаза на Боба, подчеркнуто игнорируя присутствие третьего.

— Ну, Джо, все в порядке,— объявил он,— я готов двигаться, если и ты готов.

— Прекрасно,— с облегчением согласился Боб.— Просто шагай прямо в диск. Больше ничего не требуется.

— Нет, ты не пойдешь! — номер третий загородил путь.

Уилсон начал было спорить, но первая копия опередила его, сказав:

— Послушайте, вы! Вы ворвались сюда, лезете не в свои дела, может, вы думаете, что вам все позволено? Если вам что не по вкусу, так можете утопиться! Я вам с удовольствием помогу.

И почти в тот же миг обе копии начали обмениваться ударами. Вилсон осторожно приблизился, выбирая момент, когда одним ударом можно будет успокоить надоедливого третьего.

Он зря упустил из виду своего нетрезвого союзника.

Единственный приличный свинг, на который тот был способен, пришелся как раз в едва начавшую заживать верхнюю губу. Бобу показалось, что он сейчас умрет. Он зашатался и отскочил в сторону.

Сквозь окутавший его туман боли донесся какой-то звук.

Смммакк! Он заставил глаза повернуться в сторону звука и успел увидеть, как чьи-то ноги исчезают в диске Ворот. Номер третий все еще стоял рядом с диском.

— Ну что, добился своего? — с горечью сказал он Бобу.

Правой рукой он поглаживал костяшки пальцев на левой. Это явно несправедливое обвинение настигло Боба в самый неподходящий момент. Его лицо все еще напоминало последствия упражнений в садизме.

— Я? — зло переспросил он.— Это ты его ударил, я до него и пальцем не коснулся.

— Да, но виноват во всем ты! Если бы ты не вмешался, я бы этого не сделал.

— Я вмешался? Ах ты, лицемер... сам явился откуда ни возьмись, все перепортил. Кстати, ты мне должен кое-что объяснить, и проклят буду, если ты этого не сделаешь. Что за идея...

Но номер Третий перебил Боба:

— Брось ты это,— мрачно сказал он.— Поздно, он уже на той стороне.

— Поздно что? — настаивал Боб.

— А то, что теперь уже не разорвать эту причинную цепочку.

— А зачем ее разрывать?

— Потому что Диктор обвел меня... то есть тебя... нас — обвел нас вокруг пальца, как остолопов. Смотри, он сказал тебе, что вы оба станете большими, очень большими шишками там, на той стороне? — он показал на Ворота.— Правильно?

— Правильно,— согласился Боб.

— Так вот, все это вранье, чистой воды брехня! Все, что ему нужно — запутать нас парадоксами этой штуки — Ворот Времени — до такой степени, что мы уже никогда не разберемся, что к чему.

Вилсон почувствовал, что и в нем начинает зарождаться сомнение. А вдруг все так и обстоит на самом деле? Если рассудить здраво, то действительно, зачем Диктору понадобилась его, Боба, помощь? Причем до такой степени, что он согласен делить с Бобом очень и очень даже теплое местечко?

— Откуда ты знаешь? — спросил он третьего двойника.

— Опять двадцать пять,— устало протянул номер Третий.— Ну почему ты не можешь поверить моему слову?

— А почему я должен верить?

На лице собеседника Боба выразилось абсолютное отчаяние.

— Если ты не веришь моему слову, то чему же еще ты тогда поверишь?

Неумолимая логика слов номера третьего начала раздражать Боба. Он упрямо не желал следовать за своим опережающим двойником.

— Мы ребята с Миссури,— парировал он,— сами разберемся.

И направился к Воротам.

— Ты куда?

— Обратно. Хочу найти Диктора и задать ему пару вопросов.

— Не делай этого,— сказал номер Третий.— Возможно, что мы еще сможем разорвать цепь, прямо сейчас.

Вилсон упрямился. Номер Третий вздохнул:

— Хорошо, ступай. Рой себе яму, я умываю руки.

Вилсон приостановился у самых Ворот.

— Умываешь, да? А как же это может быть моей ямой, если и не твоей тоже?

Номер Третий сначала не понял, потом догадка начала вырисовываться на его лице. Это было последнее, что видел Боб прежде, чем ступил сквозь Ворота.

Когда он оказался на другой стороне, в зале Ворот не было ни души. Он посмотрел вокруг, но шляпы не обнаружил и в поисках выхода, который, как он помнил, должен был быть где-то в этом месте, начал обходить пультообразную платформу. Здесь он сразу же едва не столкнулся с Диктором.

— А, вы уже вернулись! — приветствовал его Диктор.— Отлично, отлично. Теперь осталось почти что ничего, и мы будем в полном порядке. Должен сказать, что я очень доволен вами, Боб, очень доволен.

— Ах, вы довольны, правда? — Боб был настроен агрессивно.— Очень жаль, что не могу сказать того же о вас. Зачем понадобилось впихивать меня в это... колесо вместо белки, и без всякого предупреждения? Что вся эта ерунда значит? Почему вы меня не предупредили?

— Спокойно, спокойно,— сказал Диктор.— Не надо так волноваться. Не предупредил... Хм-м, если бы я сказал вам, что вы возвращаетесь, чтобы лицом к лицу столкнуться с самим собой, вы бы мне поверили, а? Ну как, поверили бы?

Вилсону пришлось признать, что он наверняка не поверил бы.

— Стало быть,— вздохнув, продолжал Диктор,— не было никакого смысла предупреждать вас, правильно? И если бы вы не поверили мне, то, другими словами, у вас сложилось бы неверное представление о том, что вам предстоит. Не лучше ли не иметь никакого представления вообще, чем иметь неправильное представление о положении вещей?

— Возможно, но...

— Подождите. Я не старался преднамеренно ввести вас в заблуждение. Наоборот, если бы я открыл вам правду, то вы как раз и оказались бы обманутым, потому что правду вы бы не приняли. Самым верным способом убедить вас было позволить вам увидеть все собственными глазами. Иначе...

— Минуту, минуту! — перебил его Вилсон.— Вы меня совсем запутали. Я готов забыть прошлое, если вы будете играть в открытую. Зачем вообще вы меня послали назад?

— Забыть прошлое...— повторил Диктор.— Ах, если бы мы только могли! Но это невозможно. Поэтому я вас и послал, чтобы вы могли попасть на эту сторону Ворот.

— Погодите, ведь я уже попал на эту сторону.

Диктор покачал головой:

— Подумайте сами. Когда вы вернулись в свое время, вы застали себя самого в своей комнате, застали там свое собственное, но более, так сказать, раннее эго.

— М-м-м, ну правильно...

— Он, то есть вы номер Первый, еще не проходили сквозь Ворота, так?

— Так, я...

— И как же вы могли бы пройти сквозь Ворота, если бы вы настоящий не заставили его, то есть себя раннего, сделать это?

Голова у Боба Вилсона закружилась. Ему уже не совсем было ясно, кто сделал что и кому. И кто будет отвечать.

— Но это невозможно! Не хотите сказать, сказать, что я сделал что-то потому, что до этого уже сделал это!

— Но ведь так и произошло, верно?

— Нет, я... то есть, да, так получилось, но все выглядело по-другому!

— А как же иначе? Ведь это явление совершенно для вас новое.

— Но... но...— Вилсон глубоко вздохнул и постарался взять себя в руки. Потом он припомнил все, что слышал на лекциях по философии и что писал в собственной дипломной работе.— Но это противоречит всем теориям причинности. Вы хотите, чтобы я поверил будто причинная цепочка может замыкаться в окружность! Это абсурд.

— Хорошо, но что же тогда случилось с вами?

Вилсон не знал, что ответить. Диктор продолжал:

— Не стоит об этом беспокоиться. Причинность, к которой вы привыкли, действует только в определенных услови-

ях, являясь частным случаем более общего закона. Причинность в общем понимании не может быть и не ограничивается человеческим восприятием продолжительности.

Вилсон обдумывал с минуту услышанное. Звучало неплохо, но что-то ему все-таки в этом не понравилось.

— Одну секунду,— сказал Боб.— А как быть с энтропией? *Энтропию вы куда денете?*

— Ох, ради бога,— запротестовал Диктор,— замолчите! Вы мне напоминаете того математика, который доказал, будто построить аэроплан невозможно.— Он повернулся и направился к двери.— Пойдемте, у нас еще есть работа.

Вилсон поспешно последовал за ним.

— А что случилось с остальными двумя?

— С кем?

— Ну, с моими двумя другими персонами? Где они? Когда мы наконец распутаемся?

— Распутывать тут нечего. Вы ведь считаете себя одной личностью, так?

— Да, но...

— Тогда можете ни о чем не волноваться.

— Но как же? А что случилось с тем парнем, который прошел сквозь Ворота передо мною?

— Разве вы не помните? Кстати...

Диктор ускорил шаги, провел Боба по проходу и раздвинул в стене дверь.

— Можете поглядеть.

Вилсон заглянул в комнату. Комната оказалась небольшой, без окон и без мебели. Он ее сразу узнал. На полу растянулся, мирно похрапывая, Боб Вилсон номер Первый.

— Когда вы в первый раз прошли сквозь Ворота,— объяснил Диктор,— я привел вас сюда, обработал раны и ушибы и дал вам напиток, в котором содержался усыпляющий наркотик. Вы проспали тридцать шесть часов подряд, что и требовалось. Вам нужно было хорошенько отдохнуть. Теперь, когда вы проснетесь, я накормлю вас завтраком и объясню, что нужно делать.

Голова у Вилсона снова начала болеть.

— Только не надо,— попросил он,— не надо называть этого парня мною. Он — не я. Я — вот он, стою здесь.

— Как хотите,— сказал Диктор.— Это человек, который, скажем, были вы. Ведь вы помните все, что потом с ним случилось, не так ли?

— Правильно, но от всего этого у меня голова кружится. Лучше закройте, пожалуйста, дверь.

— Хорошо,— сказал Диктор.— Но нам надо спешить. Как только цепочка образовалась, времени терять нельзя. Пойдемте. И они вернулись в Зал Ворот.

— Я хочу, чтобы вы вернулись в двадцатый век и раздобыли там некоторые вещи. Вещи эти невозможно найти здесь, и они очень пригодятся нам в э-э-э... развитии... да, развитии этой страны.

— Что именно я должен достать?

— Самые разнообразные вещи. Я приготовил для вас список — некоторые справочники, кой-какие товары... Простите, но я должен установить приборы управления.

Диктор взобрался на платформу с пультом. Вилсон последовал за ним и обнаружил, что устройство имеет коробообразную форму без крышки и Ворота были хорошо видны поверх высоких стенок.

Приборы — это было что-то чрезвычайное.

Четыре цветные сферы размером с мраморный шарик для известной детской игры были насажены на концы хрустальных стержней, ориентированных относительно друг друга таким образом, что образовывали четыре основные оси тетраэдра. Три сферы, составлявшие основание тетраэдра, были красного, желтого и голубого цветов, вершину обозначала белая сфера.

— Три пространственных и один временной регулятор,— объяснил Диктор.— Все очень просто. За точку отсчета берется настоящий момент и настоящее положение в пространстве. Перемещение любого регулятора в сторону от центра удаляет выход Ворот от настоящего времени и пространства.

Вперед или назад, вправо или влево, вниз или вверх, в будущее или в прошлое — все это регулируется простым перемещением шарика по стержню.

Вилсон осмотрел прибор.

— Понятно,— сказал он.— Но откуда вы знаете, где находится выход Ворот? И в каком времени? Я не вижу никаких делений.

— Они не нужны. Можно просто увидеть. Вот...

Он коснулся точки под рамой прибора на стороне, обращенной к Воротам. Панель отодвинулась, и Вилсон увидел маленькое подобие Ворот. Еще одно касание — и Вилсон понял, что может видеть сквозь эти Ворота. Он видел свою собственную комнату, но как будто сквозь перевернутую подзорную трубу. Он мог различить две фигуры, но масштаб был слишком мелким, чтобы понять, что они делают. Кроме того, черты лица тоже невозможно было разобрать, и Боб не мог сказать, кто именно находился в комнате. Это его совсем расстроило.

— Выключайте,— сказал он.

Диктор выключил изображение.

— Не забудьте список.

Из рукава он достал листок бумаги и протянул Бобу.

— Вот, держите.

Вилсон машинально взял листок и сунул его в карман.

— Вот что плохо,— сказал он.— Каждый раз на той стороне я наталкиваюсь на себя самого. От этого все только запутывается. Я чувствую себя подопытной крысой. Я и на половину еще не понял, в чем же здесь дело, а вы снова заталкиваете меня в Ворота. Давайте на чистоту. Выкладывайте, в чем тут дело.

Первый раз за все время Диктор дал волю чувствам:

— Вы просто невежественный молодой дурак. Я сказал вам все, что вы можете сейчас понять. Настоящий момент истории пока вне вашего понимания. Нужны недели, чтобы вы начали хоть что-то соображать. Всего за полчаса работы без лишних слов вам предлагают половину мира, а вы тут еще

болтаете! Кончайте упрямиться, вот что я вам скажу. Так, теперь посмотрим, куда вас высадить...

— Не трогайте регуляторы! — приказал Вилсон. Постепенно у него начала формироваться мысль.— Кто вы такой, в конце концов?

— Я? Я — Диктор.

— Я не это имею в виду, и сами вы прекрасно понимаете это. Откуда вы знаете английский?

Диктор молчал. Лицо его оставалось совершенно спокойным.

— Ну, что же вы замолчали? — настаивал Вилсон.— Вы не могли его выучить здесь, это ясно. Значит, вы тоже из двадцатого века.

Диктор невесело усмехнулся.

— Меня как раз интересовало, как быстро вы дойдете до этой мысли.

Вилсон кивнул.

— Возможно, я не очень-то сообразителен, но я не такой уж дурак, как вы думаете. Так что выкладывайте все без утайки.

Диктор потряс головой.

— В данный момент это не имеет значения. И мы не можем терять времени.

Вилсон расхохотался.

— Слишком часто вы повторяете эти слова. Как мы можем потерять время, если у нас есть вот *это*? — он показал на регуляторы и Ворота.— Если вы меня не обманули, мы можем управлять временем, можем использовать любой его кусок. Нет, вы торопили меня, очевидно, по другой причине. Или вы хотели меня убрать отсюда поскорее, или то что мне предстоит — чертовски опасно. Поэтому я вот что сделаю — вы пойдете со мной.

— Вы сами не понимаете, что говорите,— медленно сказал Диктор.— Это невозможно. Я должен оставаться здесь и следить за регуляторами.

— Нет, не выйдет. Я предпочитаю не спускать с вас глаз.

— Невозможно,— повторил Диктор.— Вам придется довериться мне.

Он снова наклонился к регуляторам.

— А ну, убирайтесь отсюда! — взревел Вилсон.— Убирайтесь или я вас огрею!

Видя угрожающе занесенный кулак Боба, Диктор отошел от регуляторов.

— Ну вот, так-то лучше,— добавил Боб, когда они снова оказались вместе стоявшими на полу Зала рядом с пультом.

Мысль, формировавшаяся в его сознании, наконец обрела полную форму. Выход Ворот, как он знал, был по-прежнему настроен на комнату, которую Боб снимал в 1952 году. Время — тот самый день, с которого все началось,— это Боб понял, глядя в наблюдательный глазок регуляторов.

— Стойте где стоите,— велел он Диктору.— Мне нужно кое-что посмотреть.

Он подошел к диску Ворот, как будто намереваясь что-то выяснить, и без остановки шагнул в него.

На этот раз он был лучше подготовлен к тому, что увидел на той стороне Ворот. И тем не менее не так-то легко было снова оказаться лицом к лицу с самим собой, да и притом же во множественном числе.

Он опять оказался в своей комнате. И остальные два Боба Вилсона тоже были там. Они были очень заняты друг другом. Это дало Бобу несколько секунд, чтобы разобраться, кто есть кто. У одного глаз был закрыт синяком, разбита губа, и он явно нуждался в помазке и бритве. Ясно, значит, что этот уже побывал на той стороне. На лице второго следов сражений не наблюдалось, хотя и ему не мешало побриться.

* * *

Теперь Боб точно знал, где и когда он находится.

Все-таки очень запутанная штука — временные переходы, но имея позади предшествующий — нет, не предшествующий, а уже имеющийся опыт, Боб лучше представлял, чего следует ожидать. Он опять оказался в самом начале цепочки событий, и на этот раз он положит им конец. Прекратит эту несусветную нелепицу раз и навсегда.

А эти двое опять спорили. Один, слегка покачиваясь, рвался плюхнуться на кровать. Второй держал первого и не пускал.

— Это невозможно! — сказал второй.

— Оставь его в покое! — отрывисто приказал Вилсон.

Те двое резко повернулись и оглядели Боба. Вилсон заметил, что более трезвый двойник вдруг понял, кто перед ним, и удивление на его лице сменилось понимающей гримасой. А более ранний Вилсон, судя по всему, вообще с трудом сфокусировал на Бобе взгляд.

«Трудно придется,— подумал Боб,— он уже набрался. И какой дурак хлещет джин на пустой желудок? Это не только глупо, это еще и трата в пустую доброй выпивки». И ему, Бобу, они, конечно, ничего не оставили.

— Вы кто? — поинтересовался упившийся двойник.

Вилсон повернулся к «Джо».

— Он меня знает,— многозначительно сказал он.

«Джо» начал рассматривать Боба.

— Да,— признался он,— думаю, что знаю. Но какого бога ты сюда явился? Зачем ты срываешь план?

— Времени для объяснений нет,— перебил Вилсон.— Я знаю об этом больше, чем ты,— этого ты отрицать не будешь — и поэтому могу судить лучше. Он не пойдет в Ворота.

— Я не собираюсь признавать ничего...

Затрезвонил телефон, прервав реплику двойника. Боб почувствовал облегчение. Неправильно он поступил, не с того начал. Но этот, двойник-то, ну и гусь. Неужели, он, Боб, действительно так выглядит со стороны? Неужели он и вправду такой туповатый?

Но времени для самокопания на было.

— Ответь! — скомандовал он Бобу Вилсону, который напился.

Тот было хотел возмутиться, но трубку все-таки снял, заметив, что Боб Вилсон, который «Джо», тоже намерен ответить по телефону.

— Алло... Да. А кто говорит?.. Алло!

— Кто звонил? — спросил Джо.

— Никто. Просто какой-то ненормальный с извращенным чувством юмора.

Телефон снова зазвонил.

— Ага, это опять он.

Боб-упившийся схватил трубку прежде, чем все остальные успели двинуться с места.

— Слушай, ты, обезьяна с мозгами бабочки! Я человек занятой, а это не общественный телефон... А, гм-м, это ты? Прости, Женевьева...

Дальше Боб уже не прислушивался к телефону — он слышал этот разговор уже достаточное число раз, и его занимали более важные вещи. Самый ранний двойник слишком пьян, с ним не договоришься, поэтому нужно основное внимание обратить на «Джо», иначе...

— ...вечером мы все выясним. Ну, пока...— разговор по телефону завершился.

«Сейчас,— подумал Боб,— вот самый подходящий момент. Пока этот пьяный дурак не успел раскрыть рот. Но что сказать? Чтобы прозвучало убедительно».

Но первым заговорил ранний двойник.

— Ну, Джо, все в порядке, я готов двигаться, если и ты готов.

— Прекрасно,— обрадовался «Джо».— Просто шагай прямо в диск. Больше ничего не требуется.

Опять все идет наперекосяк, события уходят из-под контроля.

— Нет, ты не пойдешь! — зарычал Боб и одним прыжком загородил дорогу к Воротам. Нужно дать им понять, что происходит, и как можно скорее. Но ранний двойник не дал ему возможности осуществить свой план. Сначала он обругал Боба, потом попытался обойти его. Терпение у Вилсона лопнуло. Он вдруг почувствовал, что уже давно подспудно его томит желание — отвесить кому-нибудь хорошенькую оплеуху. Да что они о себе думают, чертовы остолопы!

Ранний двойник вяло замахал руками. Боб уклонился и ударил левой в челюсть. Это был хороший панч, такой уложил

бы и трезвого, но этот алкоголик только замотал головой, явно напрашиваясь на добавку. К нему присоединился «Джо». Вилсон решил как можно скорее покончить с ранним двойником и все внимание потом перенести на «Джо» — наиболее опасного противника.

Небольшое недоразумение, возникшее между союзниками, предоставило Бобу отличную возможность исполнить свой план. Он отступил на шаг, хорошенько примерился и изо всех сил ударил левой — несомненно, это был самый мощный удар, который ему приходилось наносить в жизни. Ранний двойник полетел с ног.

В этот момент Боб с запоздалой досадой понял, что удар направлен неверно относительно положения Ворот и что цепочка событий пришла к своему традиционному завершению. Теперь в комнате оставались только он и «Джо», ранний Вилсон исчез в диске Ворот Времени.

— Ну что, добился своего? — зло и с горечью спросил Боб у «Джо».

Реакция Боба была не совсем справедливой, но вполне человеческой — «смотри — что — ты — наделал».

— Я? — оскорбился «Джо».— Это ты его ударил, я до него и пальцем не дотронулся.

— Да,— вынужден был признать Вилсон,— но виноват во всем ты! Если бы ты не вмешался, я бы этого не сделал.

— Я вмешался? Ах ты, лицемер... сам явился откуда ни возьмись, все перепортил. Кстати, ты мне должен кое-что объяснить, и пусть я буду проклят, если ты этого не сделаешь. Что за идея...

— Брось ты это,— остановил его Боб.

Он не любил ошибаться, а еще больше он не любил признавать свои ошибки вслух. С самого начала его попытка была обречена, теперь он это понял. Безнадежность тяжелым камнем легла ему на плечи.

— Поздно, он уже на той стороне.

— Поздно что?

— А то, что теперь уже не разорвать эту причинную цепочку.

Теперь он понимал, что так получалось каждый раз — всегда было слишком поздно что-то изменить. Он уже видел себя сидящим на полу по ту сторону Ворот, потом хранящим в комнате без окон и мебели. Бесполезно, события неумолимо пойдут своим чередом.

— А зачем ее разрывать?

Не стоило тратить свои силы на объяснения, но Боб чувствовал необходимость как-то оправдаться перед самим собой.

— Потому,— сказал он,— что Диктор обвел меня... то есть тебя... нас — обвел нас вокруг пальца, как остолопов. Смотри, он сказал тебе, что вы оба станете большими, очень большими шишками там, на той стороне? Правильно?

— Правильно...

— Так вот, все это вранье... чистой воды брехня! Все что ему нужно — запутать нас парадоксами этой штуки — Ворот Времени — до такой степени, что мы уже никогда не разберемся, что к чему.

— Откуда ты знаешь? — резко спросил «Джо».

Поскольку Боб ничего, кроме собственных подозрений, в качестве доказательства привести не мог, он почувствовал себя в затруднительном положении.

— Опять двадцать пять,— ушел он в сторону от ответа.— Ну почему ты не можешь поверить моему слову?

— А почему я должен верить?

«Почему ты должен? Эх ты, дурья башка, неужели не можешь сообразить? Я — это ты, только более, более опытное я. Ты должен мне верить!» Вслух Боб сказал:

— Если ты не веришь моему слову, то чьему же еще ты тогда поверишь?

— Мы ребята с Миссури,— хмыкнул «Джо»,— сами разберемся.

Вилсон вдруг понял, что «Джо» собирается пройти в Ворота.

— Ты куда?

— Назад. Хочу найти Диктора и задать ему пару вопросов.

— Не делай этого,— просительно сказал Боб.— Возможно, что мы еще можем разорвать цепь, прямо сейчас.

Но упрямое лицо двойника убедило его в бесплодности всяких просьб. Нет, от этого, видно, никуда не уйдешь — что должно случиться, то случится.

— Хорошо,— вздохнул Боб.— Ступай. Рой себе яму, я умываю руки.

«Джо» задержался у кромки Ворот.

— Умываешь, да? А как же это может быть моей ямой, если и не твоей тоже?

Пораженный Боб безмолвно проводил глазами «Джо», исчезнувшего в диске Ворот. Эта мысль ему почему-то в голову не пришла. Внезапно его охватило желание броситься вдогонку за «Джо». Этот болван может натворить что угодно, нельзя терять его из виду! А если с ним случится несчастье и он погибнет? Что тогда станет с Бобом Вилсоном? Ничего, то есть ничего от Боба не останется!

А может действительно ничего не случится? Может ли смерть человека на многие тысячелетия в будущем повлиять на него сейчас, в 1952 году?

Ситуация показалась Бобу абсурдной, и он облегченно вздохнул. «Джо» не причинит ему вреда — он помнит все, что ему предстоит сделать. «Джо» начнет ссору с Диктором и в соответствии с ходом событий пройдет сквозь Ворота, оказавшись снова здесь. Потому что «Джо» — это ведь и есть он, Боб Вилсон. Нужно как следует это запомнить. И тот первый парень — это тоже он. Они будут оба двигаться по своим дорожкам событий, пока не окажутся здесь.

Погодите... но ведь в таком случае все наконец-то распуталось! Он отделился от Диктора, «Джо» и двойник номер Первый отправлены по назначению, все обошлось малой кровью — не считая клочка волос и разбитой губы. Ну что же, теперь с него довольно. Побриться и за работу, Боб, старина.

Во время бритья он рассматривал собственную физиономию в зеркале, удивляясь почему он ее сразу не узнал. Очевидно, он никогда не старался взглянуть на себя как бы со стороны. Поэтому Боб едва не растянул сухожилия на шее, стараясь уловить уголками глаза собственный профиль в зеркале.

Выйдя из ванной, он снова увидел диск Ворот. Почему-то Боб считал, что теперь Ворота исчезнут. Но они остались. Боб осторожно, не прикасаясь к диску, обошел Ворота со всех сторон. Неужели они останутся навсегда? Ведь свое дело Ворота сделали, почему Диктор их не уберет?

Боб остановился перед диском, чувствуя своеобразное притяжение, сродни тому, что заставляет человека нырять с высокой скалы. Что произойдет, если он вернется в будущее? Что он там увидит?

Он вспомнил Арму. И ту, вторую девушку — как ее звали? Диктор, кажется, не сказал ему ее имя.

Но, напрягая волю, Боб удержался и, поборов искушение, сел за стол. Если он намерен остаться здесь — а он намерен так и сделать,— то он должен закончить работу. Он должен зарабатывать на жизнь, и чтобы получить приличное место, ему необходимо ученое звание. Итак, на чем он остановился?

Через двадцать минут Боб пришел к выводу, что работу придется переписать от начала до конца. Избранная им первоначальная тема — приложение эмпирического метода к некоторым проблемам метафизики — и найденные им для этого точные формулировки можно оставить, но теперь у него имеется масса нового материала, который нужно обработать и использовать.

Перечитывая рукопись, Боб только удивлялся, насколько ограниченным и догматичным он был. Как часто впадал он в грех декартезианства, подменяя верное мышление «правильным». Он начал набрасывать план нового варианта работы, но понял почти сразу, что ему придется столкнуться с двумя проблемами, еще решительно не проясняющимися в его сознании: проблемой единства личности и проблемой свободы выбора. Когда они все трое находились в этой комнате — кто из них был настоящее «эго», кто был настоящий Вилсон? И как получилось, что он не смог изменить ход событий, как ни старался?

Тут же он нашел простой до абсурда ответ на первый вопрос. Настоящим Вилсоном был он. «Я» есть «я», воспринимаемая истина. Ну, а те двое? Они тоже были уверены в

подлинности своих собственных «я». Боб попытался сформулировать определение человеческого «я»: «я» — как последняя в данный момент точка на постоянно растущей в будущее линии памяти, составляющей сознание...

Нужно попробовать сформулировать математически. В вербальном языке слишком много семантических ловушек.

Зазвонил телефон.

Боб рассеяно поднял трубку.

— Да.

— Это ты, Боб?

— Да. А кто это?

— Как, ведь это я, Женевьева. Что с тобой сегодня, мой дорогой? Вот уже второй раз ты не узнаешь моего голоса.

Боб почувствовал, как в нем растет раздражение. Еще одна проблема — что ж, он покончит с ней немедленно.

— Послушай, Женевьева,— сказал он, не обращая внимания на жалобный тон девушки,— ведь я просил не беспокоить меня, когда я работаю. Пока.

— Ну, знаешь, из всех... Ты не имеешь права говорить со мной таким тоном, Боб Вилсон! Во-первых, сегодня ты не работал. Во-вторых, с чего ты взял, что можешь сначала чуть ли не руки целовать, а через два часа рычать как дикий зверь? Что-то мне не слишком улыбается такое замужество!

— Замужество? Откуда такая нелепая идея?

Несколько секунд трубка едва не развалилась от треска и шипения, потом катаклизм несколько утих. Тогда Боб счел возможным продолжить:

— Ну-ну, успокойся. Это ведь не «веселые девяностые», правда? Если молодой человек несколько раз пригласил девушку на танцы и в кино, это еще не значит, что он намерен жениться на ней.

Последовала короткая пауза.

— Значит, конец игры? — ответил, наконец, голос на другом конце провода. Голос был холоден и до такой степени сварлив, что Боб едва узнал его.— Ну погоди, я знаю, как поступать с такими, как ты! Женщина не настолько уж беззащитна в нашей стране!

— Тебе лучше знать,— свирепо ответствовал Боб.— Ты крутишься вокруг университета не первый год.

На другом конце бросили трубку.

Боб вытер пот со лба. Эта мадам вполне может наделать ему немало неприятностей, это он хорошо знал. Его предупреждали, еще когда он только начал за ней ухаживать, но он был настолько уверен в том, что сам о себе позаботится! Раньше думать надо было, старина, но кто мог подумать, что она поведет дело так круто!

Он попытался вернуться к работе над дипломом, но не мог сосредоточиться. Последний срок — завтра, десять часов утра. Он посмотрел на часы — они стояли. Он поставил их по настольным — четверть пятого пополудни. Даже если он просидит всю ночь, работу переделать он не успеет.

Кроме того, еще Женевьева...

Опять зазвонил телефон. Боб не притронулся к трубке. Телефон не унимался, тогда он просто снял трубку. С ней он больше говорить не будет.

Он опять вспомнил Арму. Да, вот образец идеальной женщины... Он подошел к окну и посмотрел вниз, на шумную пыльную улицу. Почти неосознанно, он сравнил ее с безмятежным зеленым пейзажем, которым он любовался с балкона во время завтрака с Диктором. А это что? Вшивый мир и вшивый народишко!

Мозг Боба внезапно пронзили отчаянная мысль. Ворота все еще открыты. Ворота все еще открыты!! Так ли уж опасен Диктор? Он сам себе хозяин. Вернуться в будущее и попробовать все сначала — ведь он ничего не теряет, в конце концов, а получить может все!

Он шагнул к Воротам, но приостановился. Разумно ли он поступает? Что ему, собственно, известно об этом времени? Тут Боб услышал, как по лестнице за дверью кто-то поднимается. Вот шаги приближаются к его двери... Внезапно он понял, что это Женевьева,— это придало ему решительности. Он шагнул в диск.

1

Сперва Потифар Брин не обратил внимания на раздевающуюся девушку.

Она стояла на автобусной остановке футах в десяти от него. Потифар сидел в аптеке рядом с остановкой и их разделяло лишь витринное стекло да несколько случайных прохожих.

Тем не менее он и глазом не повел, когда девица принялась снимать с себя одежду. Перед ним на стойке лежала развернутая лос-анджелесская «Таймс», а рядом еще нечитанные «Геральд экспресс» и «Дейли ньюс». Потифар скрупу- лезно просматривал газету, хотя на крупных заголовках его внимание не задерживалось. Его заинтересовали показатели максимальной и минимальной температур в Браунсвилле, штат Техас, и он занес их в свою аккуратную записную книжечку, туда же вписал сведения о росте цен на акции трех лидирующих и двух самых занюханных корпораций или отстающих компаний? На

© В. Ковалевский, Н. Штуцер, перевод

нью-йоркской бирже, а также общую стоимость проданных там ценных бумаг. Потом мельком пробежал небольшие заметки время от времени что-то помечая в записной книжке. То, что он выписывал, не имело между собой ничего общего: Мисс Национальная Неделя Творога объявила о своем намерении выйти замуж и подарить будущему супругу двенадцать отпрысков, если он докажет пожизненную приверженность вегетарианству; обстоятельная, но совершенно невероятная информация о летающих тарелках, призыв молиться о дожде по всей Южной Калифорнии.

Когда Потифар записал имена и адреса трех жителей калифорнийского города Уейтса, которых чудесным образом исцелил восьмилетний евангелист, преподобный Дикки Боттомли, что произошло на митинге общины «Все мы братья во Истине», состоявшемся под открытым небом, и уже вознамерился приняться за «Геральд-Экспресс», он взглянул поверх очков для чтения и увидел любительское представление на углу улицы. Тогда он встал, вложил очки в футляр или в очешник, сложил газеты и аккуратно разместил их в правом кармане пиджака, оставил на стойке сумму, соответствующую счету, плюс двадцать пять центов чаевых, затем снял с вешалки плащ, перекинул его через руку и вышел на улицу. К этому моменту девица была в чем мать родила. Потифар успел заметить, что мать родила ее весьма аппетитной. Самое удивительное, что это зрелище не произвело фурор. Разве что мальчишка-газетчик на углу перестал выкрикивать названия свежих катастроф и, ухмыляясь, уставился на нее, да парочка трансвеститов, поджидавших автобус, посмотрела в ее сторону.

Люди бросали на девицу беглые взгляды и с безразличием, необычным для настоящих южно-калифорнийцев, спешили по своим делам. Трансвестисты разглядывали девушку нисколько не таясь.

Мужчина носил женскую плиссированную блузку, а в качестве юбки — консервативный шотландский килт, тогда как его подруга была одета в деловой мужской костюм и фетровую,

мужскую же шляпу. Она наблюдала за происходящим с огромным интересом.

Когда Брин подошел к девушке, она как раз повесила нейлоновые трусики на скамейку и наклонилась, чтобы снять туфли. Потный и крайне раздосадованный полицейский, дождавшись зеленого света, перешел улицу и возник рядом.

— Хватит! — сказал он устало.— Ну-ка, напяливайте свои шмотки, да выметайтесь отсюда, мэм.

Женщина-трансвестит вынула изо рта сигару.

— А вам что тут надо, мистер? — спросила она.

Полицейский повернулся к ней.

— Не суйтесь не в свое дело! — он оглядел женщину с ног до головы, потом проделал тоже самое с ее спутником.— Пожалуй, придется захватить заодно и вас обоих.

Дама подняла брови.

— Значит, нас вы арестуете за то, что мы одеты, а ее — за то, что раздета? Что ж, мне это нравится,— она повернулась к девушке, замершей в неподвижности и до сих пор не сказавшей ни слова, будто она и сама не понимала, что здесь происходит.— Я — адвокат, милочка.

Она достала из верхнего карманчика пиджака визитную карточку.

— Если этот неандерталец в форме и дальше будет вам досаждать, я с удовольствием им займусь.

Мужчина в шотландской юбке сказал:

— Грейс, ну пожалуйста...

Она стряхнула его руку.

— Перестань, Норман, мы обязаны заняться этим! — и, обращаясь к полицейскому, продолжала: — Ну, так что же? Почему вы не вызываете полицейскую машину? А пока что моя клиентка отказывается отвечать на ваши вопросы.

Полицейский выглядел таким несчастным, что, казалось, он вот-вот расплачется. Его лицо налилось кровью, что не предвещало ничего хорошего. Брин спокойно шагнул вперед и накинул свой плащ на плечи девушки. Она с удивлением посмотрела по сторонам и впервые за все это время заговорила:

— Ох, спасибо! — Она закуталась в плащ.

Женщина-адвокат оглядела Брина, потом перевела взгляд на полицейского.

— Ну, так как, мистер? Будете нас сажать?

Полицейский сунулся прямо к ее лицу:

— Не собираюсь доставлять вам такое удовольствие,— потом вздохнул тяжело и добавил: — Благодарю вас, мистер Брин. Эта леди — ваша знакомая?

— Я о ней позабочусь. Забудьте об этом деле, Кавонски.

— Рад был бы. Впрочем, если она останется с вами, то значит все в порядке. Только, пожалуйста, забирайте ее отсюда поскорее, мистер Брин.

Тут снова вмешалась женщина-адвокат:

— Минуточку... не приставайте к моей клиентке!

Кавонски рявкнул:

— А ну, заткнитесь! Вы слышали, что сказал мистер Брин — это его знакомая.

— Ну... да... я ее друг. Я позабочусь о ней.

Трансвеститка с подозрением пробубнила:

— Я что-то не слыхала, чтобы дама подтвердила факт знакомства...

Спутник трансвеститки снова заныл:

— Грейс, ну, пожалуйста... вон наш автобус...

— А я не слыхал от леди, что она ваш клиент,— перебил их полицейский.— А выглядите вы, как...— его голос утонул в скрипе автобусных тормозов...— а кроме того, ежели ты сейчас же не влезешь в автобус и не уберешься с моего участка, то я... я...

— И что же вы сделаете?

— Грейс, мы упустим автобус...

— Минутку, Норман. Милочка, а что, этот мужчина, действительно, ваш знакомый? Вы и в самом деле с ним?

Девушка неуверенно взглянула на Брина, затем прошептала:

— О, да... все в порядке...

— Что ж...— спутник адвокатессы тянул ее за рукав.

Она всучила визитную карточку Брину и вскочила в автобус, который тут же отошел от остановки. Брин спрятал карточку в карман. Кавонски утер пот на лбу.

— Зачем вы это затеяли, леди? — спросил он сварливо.

Девушка, похоже, сама пребывала в недоумении:

— Я... я... не знаю.

— Слыхали, мистер Брин? И вот так они все отвечают. А если ее забрать, то наутро их на том же месте штук шесть. Шеф сказал...— он тяжело вздохнул.— В общем, если бы я забрал ее, как того хотела та въедливая баба, то завтра же к утру оказался бы на самом тяжелом участке и мечтал бы об отставке. Так что увозите ее отсюда поскорее, ладненько?

Девушка робко пробормотала:

— Но...

— И никаких «но», леди. Радуйтесь, что такой джентльмен, как мистер Брин, захотел вам помочь.

Кавонски собрал все ее вещи и протянул ей. Когда девушка попыталась их взять, снова обнаружилась несколько большая, чем нужно, площадь обнаженной натуры, и Кавонски поспешил передать вещи Брину, который рассовал их по карманам. Девушка позволила Брину отвести себя к автомобилю, села в салон и так плотно закуталась в плащ, что теперь казалась куда более одетой, чем большинство девиц на улице. Она внимательно приглядывалась к Потифару.

* * *

Это был мужчина среднего роста самой заурядной наружности, ему только недавно перевалило за тридцать пять, но выглядел он старше своих лет. Его взгляд имел то мягкое и отстраненное выражение, которое свойственно глазам людей, постоянно носящих очки, но в данную минуту их лишившихся; волосы начали седеть на висках и редеть на макушке; пиджак из материи «в елочку», черные ботинки, белая сорочка и скромный галстук скорее соответствовали вкусу восточных штатов, чем калифорнийскому.

Брин, в свою очередь, увидел лицо, которое скорее определил бы как хорошенькое или даже простенькое, чем очаровательное или прекрасное. Лицо это обрамлялось светло-каштановыми волосами. Брин дал девушке лет двадцать пять, плюс-минус полтора года. Потифар приветливо улыбнулся, молча влез в машину и включил зажигание.

Он свернул на Доуни-драйв, затем повернул на восток по Сансет.

Подъезжая к Ла-Сьенега, Потифар сбросил скорость.

— Ну, теперь вам лучше?

— Вроде бы да... Мистер Брин...

— Зовите меня Потифаром. А как зовут вас? Впрочем, если не хотите, не говорите.

— Меня? Я... Мид Барстоу.

— Вот и ладно, Мид. Куда вас отвезти? Домой?

— Пожалуй. Я... О, боже, не могу же я явиться домой в *таком* виде!

И она еще плотнее завернулась в плащ.

— Родители?

— Нет, квартирная хозяйка. Да ее кондрашка хватит от ужаса.

— Ну, так куда же?

Она задумалась.

— Может быть, остановимся у заправочной станции, а там я попытаюсь незаметно проскочить в туалет?

— Мм-м... можно попробовать. Послушайте, Мид... Моя квартира всего в шести кварталах отсюда, и в нее есть вход прямо из гаража. Вы сможете попасть туда так, что вас никто не увидит,— Потифар покосился на девушку.

Она ответила ему таким же взглядом.

— Потифар... но вы же совсем *не похожи* на сексуального маньяка...

— Как это не похож! Еще как похож-ж! — он скорчил страшную рожу.— Видите? Но по средам я выходной.

Девушка взглянула на Потифара, и на щеках у нее появились ямочки.

— Идет! Пожалуй, лучше рискну сразиться с вами, чем с миссис Мегит. Поехали!

Он свернул в холмистую часть города. Холостяцкое пристанище Потифара представляло собой один из тех панельных домишек, что лепятся, как опята, по бурому склону гор Санта-Моника. Гараж был вырублен прямо в холме, а дом располагался над ним. Потифар въехал в гараж, выключил зажигание и провел Мид по хлипкой винтовой лестнице в гостиную.

— Идите туда,— показал он.— Располагайтесь со всеми удобствами.

Потом принялся вытаскивать из своих карманов отдельные детали туалета Мид и вручил их ей. Девушка покраснела, схватила одежду и исчезла в спальне. Потифар слышал, как она повернула в двери ключ. Затем он уселся в кресло, вынул записную книжку и раскрыл «Геральд-экспресс». Он уже приканчивал «Дейли-Ньюс», добавив некоторую толику заметок к своей коллекции, когда Мид вышла из спальни. Волосы девушки были причесаны, лицо приведено в порядок. Ей даже удалось разгладить скомканную юбку. Ее свитер не слишком подчеркивал формы тела, да и глубоким вырезом не обладал, но приятно круглился всюду, где надо. Почему-то при взгляде на Мид вспоминалась прохладная колодезная вода и вкусный завтрак где-нибудь на ферме.

Потифар взял из ее рук свой плащ, повесил его на вешалку и сказал:

— Садитесь, Мид.

Она ответила без особой уверенности:

— Я лучше пойду.

— Если вы торопитесь, то идите, но мне хотелось бы поговорить с вами.

— Что ж...— Мид присела на краешек кушетки и огляделась.

Комната была не так уж и велика, но чиста, как воротничок Потифара, и аккуратна, как узел его галстука. Камин вычищен. На полках, расставленных и развешанных, где только можно, книги. Один угол занят старомодной контор-

кой с плоским верхом. Бумаги на ней в идеальном порядке. Рядом с конторкой на особой приставке — небольшой компьютер. Справа от Мид — большая застекленная дверь, ведущая в крошечную лоджию над гаражом. Дальше — панорама огромного города, кое-где уже горят неоновые рекламы.

Мид села немного свободнее.

— Чудесная комната, Потифар. Очень похожа на вас.

— Будем считать, что это комплимент. Спасибо.

Она не отозвалась, и он продолжил:

— Выпить хотите?

— Еще как! — Ее прямо передернуло.— Меня, кажется, бьет озноб.

Потифар встал.

— Неудивительно. Что будете пить?

Мид выбрала шотландское с содовой, без льда. Потифар оказался сторонником бурбона с имбирным элем. Мид отпила половину своей порции, поставила стакан на пол, расправила плечи и сказала:

— Потифар...

— Да, Мид?

— Послушайте... Если вы привезли меня сюда, чтобы сделать гнусное предложение, то валяйте, делайте. Из этого, правда, ничего хорошего не получится, но сам процесс ожидания меня нервирует.

Потифар ничего не ответил, выражение его лица ничуть не изменилось. Мид продолжала, явно волнуясь:

— И не в том дело, что я обижусь... учитывая обстоятельства... я даже *благодарна* вам... но... ну, я просто не могу...

Он подошел и взял ее руки в свои.

— Дорогая, но у меня нет ни малейшего желания делать вам гнусное предложение. И вам не следует чувствовать себя хоть в чем-то обязанной. Я ведь ввязался в эту историю только потому, что меня заинтересовал ваш случай.

— Мой случай? А вы что — врач? Психиатр?

Он покачал головой.

— Я математик. Точнее — статистик.

— Гм... не понимаю...

— Ну и не стоит из-за этого переживать. Однако я хотел бы задать вам несколько вопросов.

— О, ради бога! Уж это-то, как минимум, я должна для вас сделать.

— Ничего вы мне не должны. Выпьем чего-нибудь послаще?

Она допила свой виски и протянула ему стакан. Затем прошла за ним в кухню. Потифар тщательно приготовил коктейль и подал гостье.

— Ну, а теперь расскажите мне — зачем вы разделись?

Мид нахмурилась.

— Я не знаю. Я *не* знаю. Я *не знаю*. Наверно, шарики за ролики заехали,— и добавила, удивленно округлив глаза: — Но я не чувствую себя сумасшедшей. А можно свихнуться и не заметить этого?

— Да не сошли вы с ума... Во всяком случае, не больше, чем все остальные,— поправился он.— Скажите, а не случалось ли вам видеть, чтобы кого-нибудь вел себя таким же образом?

— Как вы сказали? Нет, не приходилось.

— А может, читали об этом?

— Нет. Хотя... минуточку... эти люди в Канаде... что-то вроде духов...

— Духоборы. И это все? В совместных купаниях голышом не участвовали? В покер на раздевание не играли?

Она покачала головой.

— Нет. Вы не поверите, но в детстве я была из тех девчонок, что раздеваются, накинув поверх одежды ночную рубашку,— она покраснела и добавила: — Я и теперь... разве только вовремя соображу, что это глупо.

— Верю. А может, газет начитались?

— Нет... Впрочем, кажется, что-то читала... Недели две назад... о той девушке, что в театре... я имею в виду в фойе... Я еще подумала, что это для рекламы. Вы же знаете, на какие штуки они способны.

Теперь покачал головой Потифар:

— То была не реклама. Третьего февраля, Большой театр, миссис Элвин Копли. Обвинение не предъявлено.

— Как?! А *вам* откуда это известно?

— О, простите! — Потифар подошел к телефону и набрал номер городского агентства новостей.— Альф? Это Пот Брин. Вы еще собираете информацию по той проблеме? Да-да, досье «Цыганская роза»... Сегодня что-нибудь есть? — пока он ждал, показалось, что она слышит, как на том конце провода кто-то ругается.— Ладно, ладно, Альф, не пыли — эта жара не будет продолжаться вечно. Девять? Вот как! Можешь добавить еще одну — бульвар Санта-Моника, сразу после полудня. Ареста не было.— Потом добавил: — Нет, имя неизвестно... женщина средних лет, косоглазая. Я там случайно оказался... Кто? Я? А зачем мне вмешиваться в такую историю? Да, в целом картина получается занятная.

Потифар положил трубку.

Мид пробурчала:

— Косоглазая, надо же такое выдумать!

— Хотите, я перезвоню и назову ваше имя?

— Ой, нет!

— Хорошо. А теперь, Мид, мы вроде бы установили для вашего случая источник информации — миссис Копли. Я хотел бы знать, что вы чувствовали, о чем думали, когда... ну, когда делали это?

Мид сосредоточенно нахмурилась:

— Подождите, Потифар. Я правильно вас поняла, еще *девять* девушек выкинули то же, что и я?

— О нет! Девять — это только *сегодня*. Вы,— тут он сделал короткую паузу,— вы — триста девятнадцатый случай в округе Лос-Анджелес с первого января сего года. Данных по всей стране у меня нет, но указание не давать в газеты такого рода информацию поступило из телеграфных агентств восточных штатов сразу же, как только мы передали сообщение о первом случае в Калифорнии. Это доказывает, что проблема стала общенациональной.

— Вы хотите сказать, что женщины стали раздеваться по всей стране? Да это же ужасно!

Потифар не ответил. Мид покраснела и продолжала:

— Да, ужасно, даже если речь идет обо мне самой!

— Нет, Мид. Один случай — ужасно, а триста случаев — это просто научная проблема. Вот почему мне так важно выяснить ваши ощущения. Расскажите мне.

— Но... Ладно, попытаюсь. Я уже говорила, что не знаю, зачем это сделала. Я и теперь не знаю. Я...

— Но вы помните, как это было?

— О, да! Я помню, как встала со скамейки, как начала снимать свитер. Помню, как расстегнула молнию на юбке. Помню, еще подумала, что надо торопиться, так как увидела свой автобус в двух кварталах от остановки. Помню, что мне стало совсем *хорошо*, когда... когда наконец...— Она замолкла, лицо приняло удивленное выражение.— Но я до сих пор не знаю, почему!

— О чем вы думали, когда встали со скамейки?

— Не помню.

— Ну, представьте себе — вот улица. Кто-нибудь в это время проходил мимо вас? В каком положении были ваши руки? Ноги у вас были скрещены или расставлены? Кто сидел рядом? О чем вы думали?

— Ну.. на скамейке никого больше не было. Руки лежали на коленях. Эта парочка психов-перевертышей была неподалеку, но на них я внимания не обращала. И ни о чем не думала, кроме того, что туфли жмут, что хочется домой... что жарко и душно... Потом...— взгляд стал отсутствующим.— ...внезапно я поняла, что надо делать, и еще, что надо делать, и поняла, что это надо делать немедленно. Я встала и... и... и я...— голос Мид поднялся почти до визга.

— Спокойно! — сказал Потифар.— Только не вздумайте начинать все сначала.

— Что?! Господи, мистер Брин, у меня даже в мыслях ничего такого не было!

— Разумеется, разумеется. Ну, а потом?

— А *потом вы набросили на меня плащ, вот и все,*— она посмотрела Брину прямо в глаза.— Скажите, Потифар, а почему у вас с собой был дождевик? Вот уже несколько недель, как не выпало ни капли дождя — это самый засушливый сезон дождей за все годы.

— Если быть точным, то за за шестьдесят восемь лет.

— Вот как!

— И тем не менее, я ношу с собой дождевик. Это, разумеется, причуда, но я предчувствую, что когда дождь наконец начнется, это будет чудовищный ливень.— Потифар помолчал и добавил: — И идти он будет сорок дней и сорок ночей.

Мид подумала, что Потифар острит и засмеялась.

Он продолжал:

— Значит, вы не помните, в связи с чем родилась у вас эта идея?

Мид повертела в руке стакан и ответила:

— Нет, ничего не помню.

Он кивнул:

— Так я и думал.

— Не понимаю, что вы хотите сказать. Вы что, считаете меня психопаткой? Вы и в самом деле так думаете?

— Ни в коем случае. Я думаю, что вы и в самом деле были принуждены поступить, как поступили, что вы действительно не могли преодолеть эту настоятельную потребность, а теперь ничего не в состоянии объяснить.

— Но *вы-то* сами знаете, почему я так поступила! — в голосе ее звучал упрек.

— Возможно. Во всяком случае, у меня есть кое-какие соображения. Вы когда-нибудь интересовались статистикой, Мид?

Она покачала головой.

— Цифры вгоняют меня в сон. Но к черту статистику, *я хочу знать, почему сделала то, что сделала!*

Он очень серьезно посмотрел на нее.

— Я думаю, что мы с вами лемминги, Мид.

* * *

Сначала Мид удивилась, потом испугалась:

— Вы имеете в виду тех пушистых зверьков, вроде мышей? Тех, кто...

— Тех самых, что периодически совершают гибельные миграции, пока миллионы, сотни миллионов леммингов не потонут в водах океана. Спросите у лемминга, зачем он это делает. И если вам удастся удержать одного из них от бега к смерти, можно держать пари, что он придумает какое-нибудь рациональное объяснение своим поступкам, не хуже любого человека с высшим образованием. Но в действительности он делает это потому, что должен это делать. Вот так и мы с вами.

— Какой ужас, Потифар!

— Пожалуй. Я покажу вам данные, которые меня поражают,— Брин подошел к конторке, выдвинул один из ящиков и достал оттуда стопку каталожных карточек.— Вот вам первый случай: две недели назад некто подал в суд на весь Совет округа, обвинив весь Совет в попытке соблазнить его жену. И судья принял дело к производству. Или вот второй: патентная заявка на изобретение, которое положит земной шар набок, что даст возможность растопить ледяные шапки на полюсах. Патент не зарегистрирован, но автору удалось, прежде чем вмешались власти, продать желающим земельные участки вокруг южного полюса на сумму свыше трехсот тысяч долларов. Теперь он судится с правительством и вроде бы даже имеет шансы на успех. А вот еще: очень известный епископ предлагает организовать в средних школах практические занятия по курсу «Взаимоотношение полов»,— Потифар отбросил карточку в сторону.— А это уж самый смак: проект закона, внесенного на рассмотрение в нижнюю палату Законодательного собрания штата Невада. Он отменяет законы атомной энергетики, причем не юридические, а физические — законы атомной физики,— и делает это в самых резких выражениях. Поистине безбрежна глупость человеческая!

— Да они все просто спятили!

— Нет, Мид. Один такой случай — сумасшествие, а множество — это исход леммингов, ведущий к гибели. Нет, нет, не возражайте, лучше посмотрите составленные мной графики. Последний раз нечто подобное имело место в так называемую «Эпоху Удивительного Абсурда», но сейчас все куда серьезней,— Потифар полез в нижний ящик и вытащил график .— Амплитуда теперь вдвое больше, и это при том, что мы еще очень далеки от пика значений. Каков будет этот пик, я даже предположить боюсь — видите, тут три разных ритма, и все они наслаиваются друг на друга .

Мид внимательно рассматривала графики.

— Вы хотите сказать, что тип, продававший участки в Антарктиде, тоже попал в один из графиков?

— Да, он тоже учтен. А вот на этом — сидетели на флагштоке, глотатели живых рыбок, любители танцевальных марафонов, человек, вкативший носом горошину на вершину Пайкс-Пик. А вы, Мид, дадите сегодня, когда я учту вас в этом графике, дадите нóвый толчок росту вон той кривой.

Мид поморщилась.

— Мне это как-то не по душе.

— Мне тоже. Но картина яснее годового банковского отчета. В этом году человечество явно сидит с нечесаной гривой, ковыряет в носу и лепечет *эне-бене-рес*.

Мид вздрогнула.

— Можно, я еще выпью? А уж потом двинусь домой.

— Я предложу вам кое-что получше. Считаю, что задолжал вам ужин за честные ответы. Выбирайте, куда пойдем. Там и выпьем по коктейлю.

Мид задумчиво покусывала нижнюю губку.

— И ничего-то вы мне не должны. Да я и не люблю ресторанной толчеи. И еще я боюсь... боюсь...

— Бояться не надо,— резко оборвал он ее.— Дважды это не повторяется.

— Вы уверены? Все равно, терпеть не могу толпу,— Мид бросила взгляд на кухонную дверь.— Какая-нибудь провизия у вас есть? Готовить я умею.

— Есть кое-что для завтрака, еще фунт фарша в морозилке и булочки — я иногда делаю котлеты, когда лень идти в закусочную.

Мид встала и подошла к двери.

— Пьяная или трезвая, одетая... или не очень, но готовить я умею. Вот увидите.

И он, действительно, увидел. Гамбургеры на поджаренной булочке, вкус которых не забивали, а только подчеркивали ломтики бермудского лука и мелко нарезанный укроп; салат из чего-то найденного в холодильнике, картофель, хрустящий, а не жесткий как резина.

Они ели на крошечной лоджии, запивая еду холодным пивом.

Потифар вздохнул и вытер рот.

— Да, Мид, готовить ты умеешь.

— Вот как-нибудь я приду, захвачу все необходимое с собой и отплачу вам за этот ужин. Вот тогда и увидите!

— Но ведь вы уже все доказали. Тем не менее, предложение принято. Однако я уже в третий раз должен повторить, что вы мне ничем не обязаны.

— Разве? Не случись там защитника угнетенных, я провела бы всю ночь в каталажке.

Брин покачал головой.

— У полиции есть приказ спускать такие дела на тормозах, чтобы не провоцировать новые случаи. Вы же сами видели... И, моя дорогая, в ту минуту вы не были для меня личностью. Я ведь даже лица не рассмотрел. Я...

— Ясно, ясно, вы в это время рассматривали нечто совсем иное!

— Сказать по правде, нет. Вы были для меня лишь статистической единицей.

Мид повертела в руках столовый нож и, разделяя слова длинными паузами, произнесла:

— Может, я чего-то не понимаю, но мне кажется, меня тут оскорбляют. За все двадцать пять лет, в течение которых я постоянно более или менее успешно оборонялась от мужских

приставаний, меня обзывали по-всякому, но никто еще не называл меня статистической единицей. Пожалуй, возьму-ка я вон ту логарифмическую линейку и поколочу вас как следует.

— Моя дорогая юная леди...

— Вот что я не леди — это уж точно, но зато я и *не статистическая единица!*

— Ладно, тогда, моя дорогая Мид! Должен вам сказать, чтобы предотвратить возможные недоразумения: в колледже я боксировал в полусреднем весе.

Мид улыбнулась, отчего у нее на лице снова появились ямочки.

— Вот это другой разговор, это разговор безусловно приятный для девушки. А я уж было начала опасаться, что тебя делали где-нибудь на фабрике счетных машин! Потти, а ведь ты молодец!

— Если Потти — уменьшительное от моего имени, оно мне нравится, но если это намек на мою талию, я категорически возражаю.

Мид потянулась через стол и потрепала его по животу.

— Твоя талия меня устраивает: с худыми и голодными мужчинами лучше дела не иметь. Если я буду готовить для тебя и дальше, то тебе придется еще немножко потолстеть.

— Разрешите считать это официальным предложением?

— Ну хватит, хватит... Послушай, Потти, ты, действительно, предполагаешь, что вся страна рехнулась?

Потифар мгновенно протрезвел:

— Хуже.

— То есть?

— Пойдем в комнату, я тебе покажу,— пока они собирали тарелки и складывали их в раковину, Брин продолжал говорить: — Еще ребенком меня заворожили числа. Числа очаровательны, они складываются в такие интересные комбинации. Я получил степень, разумеется, по математике и должность младшего актуария в страховой компании на Среднем Западе. Это было очень интересно: вот ведь как получается — нет никакой возможности определить время грядущей смерти

конкретного человека, но зато с полной уверенностью можно сказать, что в такой-то возрастной группе к определенной дате умрет такое-то число людей. Графики прекрасны и предсказанное ими всегда сбывается. Всегда. И не надо знать, *почему*. Прогнозировать можно с абсолютной уверенностью, а вот знать, почему — нет. Просто уравнения таковы. Запрограммированные кривые всегда безошибочны. А еще меня занимала астрономия. Эта наука основана на математике и индивидуальные числа в ней срабатывают с безукоризненной точностью, вплоть до последнего десятичного знака, допускаемого разрешающей способностью приборов. В сравнении с астрономией другие науки смахивают на плотницкое дело или на кухонную химию. Вскоре я обнаружил, что в астрономии есть такие углы и закоулки, где обычной математики недостаточно, где нужна математическая статистика. Это заинтересовало меня еще больше. Я вступил в «Общество любителей астрономии» и, возможно, стал бы в конце концов профессиональным астрономом, а не теперешним консультантом по бизнесу, если бы не пришло еще одно увлечение.

— Консультантом по бизнесу? — повторила Мид,— Это то, что имеет отношение к налогам?

— О нет, налоги — дело слишком скучное. Я консультант-статистик в одной из фирм. Я могу точно предсказать скотоводу, сколько бычков из его стада херефордов окажутся стерильными. Или кинопродюсеру, какую сумму ему следует предусмотреть для страховки от дождливой погоды при планировании съемок в данной местности. Или какой величины компания является оптимальной в данной отрасли и какие размеры производства позволяют ей отказаться от страховки работников от несчастных случаев. И я оказываюсь прав. Я всегда прав.

— Погоди-ка, но мне кажется, что любая крупная компания просто обязана страховать своих служащих.

— Совсем наоборот. Настоящая большая корпорация является как бы особым статистическим миром, внутри которого действуют собственные законы.

— Как это?

— Не важно. В общем, вышло так, что меня увлекли циклы. Цикличность, Мид, существует во всем. Приливы, времена года, войны, любовь — все это цикличные явления. Циклы есть всюду. Всем известно, что весной склонность или вкус, или пристрастие молодых мужчин легко оборачивается к тому, о чем девушки никогда не перестают думать. Но знаешь ли ты, что в этом деле существует свой цикл, протяженностью в восемнадцать с половиной лет? Знаешь ли ты, что девушка, родившаяся в период спада этого цикла, имеет гораздо меньше шансов выйти замуж, чем ее старшая или младшая сестра?

— Вот как! Так, может, именно по этой причине я торчу в старых девах?

— Тебе сколько? Двадцать пять? — Потифар погрузился в расчеты.— Что ж, вполне возможно, хотя сейчас твои шансы поднимаются, кривая идет на подъем. Кроме того, помни, что ты только статистическая единица, а кривая отражает ситуацию во всей возрастной группе. Некоторые индивиды из нее могут выходить замуж хоть по нескольку раз в год.

— Не смей называть меня статистической единицей!

— Извини. Кстати, известно, что число браков коррелируется с размерами посевной площади пшеницы, только тут существует небольшой временной лаг. Пшеница опережает. Можно даже сказать, что сев заставляет людей жениться.

— Звучит не очень-то вразумительно.

— А это и есть глупость. Вся наша система причин и следствий, возможно, не что иное, как чистое суеверие. Но тот же цикл брачности хорошо коррелируется с циклом строительства новых домов, хотя тоже с небольшим лагом во времени.

— Что ж, в этом есть хоть какой-то смысл.

— Ты думаешь? А сколько молодоженов ты знаешь, которые могут позволить себе начать строить дом? Нет, эта корреляция имеет не больше смысла, чем корреляция с посевами пшеницы. Дело в том, что мы не знаем *почему*. Знаем лишь, что корреляция *существует*.

— Может, пятна на Солнце?

— Видишь ли, можно скоррелировать солнечную активность с изменением цен на акции, можно с ходом лосося в реках Колумбии, можно с длиной женских юбок. И можно с тем же основанием рассматривать динамику солнечных пятен как следствие изменения длины женских юбок, а можно обвинять солнечную активность в изменениях миграции лосося. Нам ничего не известно, кроме того, что эти графики сходны.

— Но должен же быть какой-то *смысл* во всем этом?

— Должен? А собственно, почему должен? Факты не имеют отношения к вопросу «почему?». Факт есть факт, он существует сам по себе. Почему ты разделась сегодня на улице?

— Это нечестно!

— Возможно. Но мне хотелось показать тебе, почему я так встревожен,— Потифар вышел в гостиную и вернулся с толстым рулоном миллиметровки.— Мы расстелем его на полу. Вот смотри, тут они все. Вот пятидесятичетырехлетний цикл, видишь, как хорошо в него укладывается Гражданская война? Вот цикл в восемнадцать лет и одну треть года, вот девятилетний плюс какая-то мелочь, вот коротышка в сорок один месяц, вот три ритма солнечной активности. Все они нанесены на один лист. Вот график наводнений на Миссисипи, вот колебания пушного промысла в Канаде, вот изменения цен на бирже, вот выплод саранчи, вот браки, эпидемии, ограбления банков, разводы, прирост древесины, войны, атмосферные осадки, колебания земного магнетизма, заявки на строительство домов, убийства. Назови, что хочешь — тут есть все.

Мид рассматривала это чудовищное скопище извилистых линий.

— Но, Потти, что все это значит?

— Это значит, что всем явлениям свойственен определенный ритм, который от нас не зависит. Это значит, что когда юбкам предназначено стать короче, то никакие усилия парижских модельеров не смогут заставить их удлиниться. Это значит, что когда цены должны упасть, то все государственные программы контроля и поддержания цен не смогут их

поднять,— Потифар указал на график.— Взгляни на объявления о продаже бакалейных лавок. Потом прочти финансовые колонки в газетах, и ты увидишь, как Мозговой трест безуспешно пытается уговорить лавочников отказаться от намерений продать свои дела. Это значит, что когда эпидемия должна начаться, она обязательно начнется, несмотря на все усилия органов здравоохранения. А в конечном счете, это означает, что мы лемминги.

Мид двумя пальцами оттянула нижнюю губу.

— Ох, как мне это не нравится. Но я же хозяйка своей судьбы и все такое, Потти. Я же обладаю свободой воли. Я знаю, что обладаю ей, я чувствую это.

— Думаю, что каждый нейтрон в атомной бомбе считает точно так же, как ты. Он думает, что может *вылететь*, а может сидеть себе спокойненько на месте — в зависимости от собственного желания. Но законы статистики действуют независимо от желаний. И бомба взрывается, к чему я и веду. А ты видишь что-нибудь странное в этих графиках, Мид?

Мид пристально вгляделась в графики, пытаясь найти что-то главное.

— Мне кажется, они все поднимаются вверх по мере приближения к правому краю.

— Ты совершенно права — именно это и происходит. Видишь эту пунктирную вертикальную линию? Она показывает положение на сегодняшний день, и это положение весьма паршивое. А теперь посмотри на ту толстую линию — она показывает, что будет через шесть месяцев. Вот там-то мы все и получим. Взгляни-ка на все эти циклы — короткие, длинные — у всех у них либо пик, либо провал совпадают с этой линией или совсем точно или хотя бы приблизительно.

— А это *плохо*?

— А ты как думаешь! В тысяча девятьсот двадцать девятом году самые низкие точки совпали только у трех больших циклов, и то начался великий кризис, который разорил нас. И это при том, что пятидесятичетырехлетний цикл был для нас тогда благоприятен. Теперь же этот цикл находится в стадии

гигантского спада, а несколько маленьких циклов, имеющих сейчас восходящий характер, тут погоды не делают. Ни пиковые значения нашествия гусениц, ни заболевания гриппом наших дел не поправят. Понимаешь, Мид, если статистика верна, то эта дряхлая планета скоро попадет в такую переделку, какой не видала с тех пор, как Ева занялась яблоками. Я боюсь, очень боюсь, Мид.

В выражении его лица она пыталась прочесть истину.

— Потти, а ты не разыгрываешь меня? Может ты пользуешься тем, что я не могу проверить тебя?

— Хотел бы, чтоб ты оказалась права. Нет, Мид, когда дело касается математики, я никогда не шучу. Просто не умею. Дело обстоит именно так. Год, когда банк будет сорван, наступил.

* * *

Всю дорогу, пока Потифар вез Мид домой, она молчала. Только когда они добрались до Западного Лос-Анджелеса, она заговорила:

— Потти!

— Что Мид?

— А что же нам *делать?*

— А что можно сделать с ураганом? Можно зажать уши. А с атомной бомбой? Разве что постараться быть подальше от взрыва. Что же еще?

— Ох! — Несколько секунд она обдумывала сказанное, потом произнесла: — Потти, а ты скажешь мне, в какую сторону прыгать?

— Что? Ну конечно. Если сам смогу что-нибудь сообразить.

— Потти!

Он обернулся:

— Да, Мид?

Девушка обхватила его за шею и с какой-то яростью поцеловала прямо в губы.

— Ну, как — похоже это на статистическую единицу?

— Гм ... пожалуй, нет.

— Посмел бы только сказать, что похоже,— проговорила она с угрозой в голосе.— Потти, мне кажется, я внесу некоторые изменения в твой график.

2

«РУССКИЕ ОТВЕРГАЮТ НОТУ ООН».

«НАВОДНЕНИЕ НА РЕКЕ МИССУРИ ПРИЧИНИЛО УЩЕРБ, ПРЕВОСХОДЯЩИЙ УРОВЕНЬ 1951 ГОДА».

«МИССИСИПСКИЙ МЕССИЯ ВЫИГРАЛ ДЕЛО В СУДЕ».

«КОНГРЕСС НУДИСТОВ СИЛОЙ ЗАХВАТИЛ ПЛЯЖ БЕЙЛИ».

«ПЕРЕГОВОРЫ МЕЖДУ ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ И ИРАНОМ ВСЕ ЕЩЕ НЕ ВЫШЛИ ИЗ ТУПИКА».

«РАЗРАБОТЧИКИ ОБЕЩАЛИ СОЗДАТЬ ОРУЖИЕ, ДЕЙСТВУЮЩЕЕ БЫСТРЕЕ СКОРОСТИ СВЕТА».

«ТАЙФУН СНОВА ПОВЕРНУЛ НА МАНИЛУ».

«БРАК ЗАКЛЮЧЕН НА ДНЕ РЕКИ ГУДЗОН.— *Нью-Йорк, 13 июля.* В специально сконструированном скафандре на двоих Мередит Смис — девица, широко известная в определенных светских кругах, и князь Оги Шлезвиг из Нью-Йорка и Ривьеры были обвенчаны епископом Далтоном. Церемония бракосочетания транслировалась по телевидению с помощью оборудования ВМС США».

* * *

По мере того как год Сорванного Банка приближался к своей середине, Брин получал все больше грустного удовлетворения, добавляя новые и новые факты к той информации,

которая свидетельствовала о безукоризненной верности прогноза. Необъявленная мировая война продолжала кровить в полудюжине горячих точек земного шара. События, с ней связанные, Брин в своих графиках не учитывал: газетные заголовки, посвященные этим событиям, были известны всем и каждому. Брин концентрировал свое внимание на тех странных фактах, что находили себе пристанище на последних страницах газет, на фактах, которые будучи взятые в отдельности, никому ничего не говорили, а все вместе демонстрировали тенденции самого разрушительного свойства.

Он учитывал информацию о биржевых ценах, об атмосферных осадках, о предполагаемых урожаях, но больше всего Брина интересовали факты, относящиеся к тому, что получило название «Сумасшедшего лета». Разумеется, люди, совершающие глупости, были во все времена, но как важно определить, где лежит та точка, когда, так сказать, природная глупость становится широко распространенной, имманентно присущей обществу? Где лежит та точка, когда, так сказать, полная глупость становится самым обычным делом. Где он — тот час, когда, например, общепринятым мерилом американского представления о женственности стали зомбиобразные манекенщицы? Или когда люди стали относиться с одинаковым интересом к Национальной неделе борьбы с раком и к Национальной неделе любителей марафонского бега? В какой именно день американцы потеряли свой здравый смысл?

Или взять, например, трансвестизм. Конечно, разница между мужской и женской одеждой условна, но она корнями уходит в историю культуры. Когда же начался крах этих устоев? Может, с приталенных жакетов Марлен Дитрих? К концу сороковых годов не осталось ни одного предмета мужской одежды, которого женщины не носили бы в общественных местах. Но когда стали переходить на одежду противоположного пола мужчины? Следует ли считать первыми психологическими уродами уже тех, кто задолго до нынешнего разгула трансвестизма сделал термин «педик» одним из самых популярных в Гринвич-Вилледже и в Голливуде? Или то были частные яв-

ления, никак не связанные с ростом графика Брина? А может, все началось с какого-нибудь неизвестного мужчины, который, отправившись на маскарад, обнаружил, что женская юбка удобнее и практичнее штанов? А может, начало положила реставрация шотландского национализма, заставившая многих американцев шотландского происхождения носить килт?

Спросите леммингов, каковы мотивы их действий! Ну а последствия — вон они тут, перед Брином, напечатаны черным по белому в газете. Трансвестизм среди уклоняющихся от службы в армии привел в Чикаго к массовым арестам, которые закончились грандиозным судебным процессом. Процесс начался с того, что заместитель окружного прокурора явился в суд в женском сарафане и потребовал, чтобы судья добровольно прошел экспертизу на предмет выявления его половой принадлежности. Судью хватил удар, и он скоропостижно скончался, после чего суд отложили, скорее всего, как думал Брин, навсегда. И Брин очень сомневался, что этот пункт законодательства будет когда-нибудь применен вновь.

Или взять хотя бы дела об эксгибиционизме. Попытка ограничить распространение синдрома «цыганской розы», игнорируя таковой, принесла успокоение только стражам порядка. А вот сообщение о церкви Всех Душ в Спрингфилде, где пастор ввел обряд всеобщего обнажения. «Вероятно, впервые за тысячу лет, если не считать нескольких вконец свихнувшихся лос-анджелевских религиозных сект, культивирующих групповой секс»,— подумал Брин. Достопочтенный джентльмен заявил, что эта процедура идентична танцам верховных жриц в храме Карнака.

Что ж, возможно. Хотя у Брина была кое-какая информация из частных источников о том, что «верховная жрица» до получения последнего ангажемента подвизалась в бурлесках и ночных клубах, угощавших своих клиентов стриптизом. Во всяком случае, святой отец собирал целую толпу последователей и не был арестован.

Две недели спустя аналогичные развлечения практиковались в ста девяти церквях, разбросанных по тридцати трем штатам страны. Все это Брин в своих графиках учел.

Эти странные происшествия, на взгляд Брина, не имели связи с удивительным распространением по территории США диссидентских евангелических общин. Такие секты были искренни, серьезны и бедны, но число их множилось.

После начала последней войны оно росло будто на дрожжах. Иронией статистики казалась мысль о том, что США снова становятся богобоязненной страной. Брин попробовал обнаружить здесь сходство с распространением трансцендентализма и с исходом мормонов в прошлые времена... и — все сходилось. Кривая рвалась вверх.

Пришло время выплат многомиллиардных военных займов. Браки военного времени дали пик численности детей школьного возраста в Лос-Анджелесе. Река Колорадо обмелела и почти пересохла, дамба на озере Мид чуть ли не целиком вылезла, а жители Лос-Анджелеса продолжали совершать медленное самоубийство, обильно поливая газоны. Администрация центрального водохозяйственного округа попыталась прекратить это безобразие, но ничего не добилась из-за разнобоя в действиях полиции пятидесяти суверенных муниципалитетов, входящих в округ. Водопроводные краны оставались открытыми, высасывая последние капли жизни из благословенных верховьев реки.

Состоялись съезды четырех партий: настоящих республиканцев, других настоящих республиканцев и демократов, но они привлекли очень мало внимания, так как партия «агностиков» еще не проводила съезда. Тот факт, что «Американское Ралли», как предпочитали называть себя «агностики», партией вроде бы не являлось, нисколько не умалял их силу. Их происхождение было так темно, что Брину пришлось изрядно порыться в старых подшивках газет, а между тем только на этой неделе ему прямо в его собственной конторе дважды сделали предложение присоединиться к агностикам — один раз это был его непосредственный начальник, другой — вахтер.

Тем не менее, учесть «агностиков» в своих графиках Брину не удалось. К тому же, они вызывали у него приступы страха. Брин вырезал относящиеся к ним заметки и обнаружил, что количество публикаций о них стремительно падает, тогда как численность членов растет с неимоверной быстротой.

Восемнадцатого июля произошло извержение вулкана Кракатау. Это обеспечило первую интересную трансокеанскую телепередачу. Влияние извержения на краски заката, на силу солнечного освещения, атмосферные осадки и средние температуры должно было сказаться только в конце года. Тектонический разлом Сан-Андреас, так и не затянувшийся со времени землетрясения в Лонг-Бич в 1933 году, способствовал усилению беспокойства, являя собой незаживающую рану, протянувшуюся вдоль всего тихоокеанского побережья США. Произошли извержения вулканов Пеле и Этны, но Мауна Лоа пока еще спал.

«Летающие тарелки», казалось, приземлялись чуть ли не ежедневно в каждом из пятидесяти штатов. Правда, на земле их никто не видел, но возможно, что министерство обороны объявило такую информацию секретом. Брину было мало тех сплетен и слухов, которые до него доходили, поскольку от них весьма явственно попахивало алкоголем. А вот морской змей на пляже Вентуры оказался вполне реальным: Брин сам его видел. Что касается неандертальца из штата Теннеси, то удостоверить его существование не удалось...

За последнюю неделю июля в США произошло тридцать одно крушение самолетов местных линий. Саботаж? Или просто очередной пик графика? Потом началась эпидемия неополиомиэлита, вспыхнувшая в Сиэттле и докатившаяся до Нью-Йорка. Что это — начало эпидемических вспышек? График как будто это подтверждал. Но тут кривая обнаружила начинающийся спад. А может бактериологическое оружие? Откуда *диаграмме* было известно, что некий биохимик славянского происхождения в нужное время доведет до совершенства механизм создания вируса и способ его распространения? Чушь!

Кривые, если они вообще что-нибудь означали, должны были бы учитывать и такое явление, как «свободная воля». Они формировались под воздействием среднестатистической величины миллионов воль. Каждое утро три миллиона свободных воль отправлялись из пригородов к центру Нью-Йорка, а каждый вечер отбывали в обратном направлении — и все это по собственной воле, но по весьма легко предсказуемому графику.

Спросите у лемминга! Спросите у *всех* леммингов — живых и мертвых — пусть они обсудят этот вопрос и проголосуют! Брин отшвырнул свою записную книжку и позвонил Мид.

— Это моя любимая статистическая единица?

— Потти! А я как раз думала о тебе!

— Естественно! У тебя ведь сегодня выходной день.

— Да, но есть и другая причина. Потифар, ты когда-нибудь видел Большую пирамиду?

— Я даже Ниагарского водопада не видал! Все ищу богатую женщину, чтобы попутешествовать.

— Ладно, ладно, я тебе дам знать, когда получу свой первый миллион, но...

— На этой неделе это, по-моему, первое твое мне предложение.

— Утихомирься, пожалуйста. Ты когда-нибудь слышал о пророчествах, записанных на стенах?

— Послушай, Мид, ведь это почти то же самое, что астрология, то есть годится лишь для людей с куриными мозгами. Пора бы уже повзрослеть.

— Ладно. Но, Потти, мне казалось, что ты интересуешься всем необычным. А это и есть необычное.

— Вот как? Хорошо, прошу прощения. Если это относится к «дурацкому лету», то согласен взглянуть.

— Отлично. Сегодня для тебя готовлю я?

— А почему бы и нет? Ведь сегодня среда?

— Когда увидимся?

Он взглянул на часы.

— Подхвачу тебя через одиннадцать минут,— потом ощупал подбородок.— Нет, через двенадцать с половиной.

— Буду готова. Между прочим, миссис Мегит полагает, что наши встречи означают, будто ты собираешься жениться на мне.

— Не обращай внимания. Она всего лишь статистик. А я — точка, выпадающая из кривой.

— Что ж, ладно, у меня уже есть двести сорок семь долларов в счет того первого миллиона! Пока!

Приобретение Мид было обычной розенкрейцеровской брошюрой, великолепно отпечатанной и содержащей фотографию (разумеется, ретушированную, по мнению Брина) той самой, сто раз обсуждавшейся линии на внутренней стене пирамиды, которая, как полагали некоторые, содержала прогноз будущего хода истории человечества. На ней будто бы были отмечены все важные события: падение Рима, вторжение норманнов, открытие Америки, наполеоновские и мировые войны. Что придавало ей особый интерес — так это внезапный обрыв где-то на наших временах.

— Ну, что ты скажешь, Потти?

— Думаю, каменотес притомился. А может, его прогнали с работы. Или назначили нового главного жреца со свежими идеями в голове,— но Брин все же положил брошюру в ящик своего стола.— Спасибо. Я потом придумаю, куда бы ее пристроить.

И тут же снова вытащил брошюрку, а вместе с ней циркуль-измеритель и лупу.

— Линия утверждает, будто конец света настанет в августе, хотя это может быть просто мушиная точка.

— Утром или вечером? Надо же мне знать, как одеться!

— В любом случае надевай туфли. Все божьи дети носят сандалии.

Брин опять спрятал буклет. Мид помолчала, потом спросила:

— Потти, а не пришло ли нам время прыгать?

— Что? Господи, девочка, да не *расстраивайся* ты из-за этой чепухи. Это все просто *дурацкое лето.*

— Пускай! Но посмотри-ка ты на *свои* графики!

Все же на следующий день Брин отпросился с работы пораньше и провел день в справочном зале библиотеки, подбирая литературу о предсказаниях. Нострадамус показался ему надутым глупцом, а мамаша Шиппи — еще хуже. В их предсказаниях каждый мог отыскать то, что хотел услышать. У Нострадамуса ему, тем не менее, попалось одно интересное местечко: «И Муж Востока сойдет со своего трона и промчится по небу, по водам и по снегам и сразит он каждого оружием своим».

Это звучало почти как прогноз военного министерства того, что ожидает Западный союз в случае нападения «красных». С другой стороны, тот же текст годился для описания любого вражеского вторжения, сохранившегося в памяти человечества. Чушь!

Когда Брин добрался до дому, он разыскал отцовскую Библию и открыл ее на «Откровении». Он ничего не понял там, но его заинтересовало частое упоминание цифр и точных дат. Потом он стал открывать книгу наугад, и его глаза остановились на абзаце: «Не полагайся на завтрашний день, ибо неведомо тебе, что он принесет». Брин отложил Библию, ощущая смирение, но не чувствуя себя ободренным.

Дождь начался утром следующего дня. Тогда же Корпорация водопроводчиков избрала некую Утреннюю Звезду «Мисс Сантехникой», а Общество похоронных дел объявило ее же «Телом, которое я мечтал бы забальзамировать», в связи с чем одна знаменитая парфюмерная фирма отказалась от ее услуг. Конгресс после долгого обсуждения утвердил компенсацию в виде одного доллара тридцати семи центов некому Томасу Джефферсону Миксу за убыток, причиненный ему, когда он под Рождество 1936 года работал внештатным разносчиком телеграмм, а затем, затратив на это восемь минут, принял решение о назначении пяти генерал-лейтенантов и одного посла, после чего разъехался на каникулы. В одном

из детских домов Среднего Запада огнетушители оказались наполненными обыкновенным воздухом. Руководитель какого-то футбольного клуба основал фонд для снабжения членов Политбюро мирными посланиями и витаминами. Акции на Бирже упали еще на девятнадцать пунктов, а тикеры, не выдержав, сломались через два часа.

Город Уичита в штате Канзас все еще был залит водой, в то время как в Финиксе, штат Аризона, муниципалитет прекратил снабжение питьевой водой жителей всех поселков, лежащих за пределами официальной городской черты. Обнаружилось также, что Потифар забыл свой дождевик у Мид Барстоу.

Он позвонил ее квартирной хозяйке, но миссис Мегит, к его удивлению, передала трубку самой Мид.

— Почему ты дома? Сегодня же пятница?

— Директор театра меня уволил. Теперь-то уж тебе придется жениться на мне.

— *Для этого ты еще недостаточно богата.* Нет, серьезно, девочка, что случилось?

— Да я все равно собиралась бросить эту помойку. Последние полгода доход приносил только автомат, продававший воздушную кукурузу. Сегодня от нечего делать пришлось дважды посмотреть фильм «Как я был юным битником». Так что все правильно.

— Я сейчас приеду.

— Через одиннадцать минут?

— Идет дождь, так что если повезет, то через двадцать.

Но практически прошло около часа. Бульвар Санта-Моника превратился в судоходную реку. Бульвар Сансет был перегружен транспортом и походил на метро в часы пик. Когда же Брин попытался переехать вброд ручей, ведущий к дому миссис Мегит, ему пришлось менять покрышку, что в условиях бешеного напора воды было серьезной проблемой.

— Потти! Ты мокрый как мышь!

— Сейчас оживу.

И он немедленно оказался укутан в купальный халат покойного мистера Мегита, с кружкой горячайшего какао в руках, в то время как миссис Мегит сушила на кухне его промокшее одеяние.

— Мид, я... я тоже свободен.

— Как! Ты ушел с работы?

— Не совсем. У нас со стариной Уилли уже несколько месяцев как обнаружились расхождения в оценке моих прогнозов. Слишком уж явно вылезал фактор «конца света» в тех расчетах, которые я готовил для клиентов. Сам бы я такого не сказал, но шеф счел меня излишне пессимистичным.

— Но ты же был прав!

— А с каких это пор правота приближает служащего к сердцу его босса? Однако он уволил меня не за это, это был лишь предлог. Ему нужен человек, который подкрепил бы программу «Агностиков» научным жаргоном. А мне не захотелось к ним присоединиться,— Брин подошел к окну.— Льет все сильнее.

— Но у «Агностиков» нет же никакой программы.

— Знаю.

— Потти, ты должен был вступить в их общество, это же пустяки! Я вот уже три месяца, как вступила. Ну и что?

— За каким чертом?

Она пожала плечами.

— Ты платишь доллар, посещаешь пару их собраний, и они тебя оставляют в покое. Благодаря этому я три лишних месяца продержалась на работе. Ну и что?

— Что ж... И все же мне неприятно, что ты так поступила, вот и все. Ладно, давай забудем об этом, Мид. Смотри-ка, вода вышла за бровку тротуара.

— Пожалуй, тебе лучше переночевать здесь.

— Мм-м... не хотелось бы оставлять мою красавицу «Энтропию» на улице на всю ночь в такой ситуации... Мид?

— Что, Потти?

— Мы теперь оба безработные. Может отправимся на север через Мохаве и поищем местечко посуше?

— С радостью. Но, Потти, это что — предложение путешествовать или предложение руки и сердца?

— Ты мне брось эти или-или. Пока это всего лишь соображения по поводу отпуска. Дуэнья у тебя есть?

— Нету.

— Тогда укладывай вещи.

— Сию минуту. Только, Потифар, *как* их укладывать? Не хочешь ли ты сказать, что пришло *время прыгать?*

Он посмотрел на нее, потом на окно.

— Не знаю,— произнес он задумчиво.— Но этот дождь, похоже, может затянуться надолго. Не бери ничего, без чего можешь обойтись, но не оставляй дома ничего, без чего обойтись нельзя.

Потифар забрал у миссис Мегит свою одежду, а Мид ушла наверх. Она спустилась одетая в брюки, неся два больших чемодана. Одной рукой Мид придерживала пожившего и потрепанного плюшевого медведя.

— Это Винни.

— Какой Винни? Винни Пух?

— Нет, это Винни Черчилль. Когда мне плохо, он обещает мне «кровь, труд, слезы и пот», и тогда мне становится легче. Ты же сам велел мне взять все, без чего нельзя обойтись.

Она с тревогой посмотрела на Брина.

— Верно.

Он взял чемоданы. Миссис Мегит, казалось, была вполне удовлетворена его объяснениями насчет необходимости нанести визит его (мифической) тетке в Бейкерсфилде, прежде чем заняться поисками работы. Тем не менее, она заставила Брина покраснеть, расцеловав его на прощание и повелев хорошенько заботиться «о ее милой девочке».

Бульвар Санта-Моника был закрыт для движения. Пока они плелись в непрерывном потоке машин вверх по Беверли Хиллз, Брин все время крутил ручку радиоприемника, обнаруживая лишь треск и свист, пока наконец не наткнулся на местную станцию: «...фактически,— говорил резкий высокий голос,— Кремль приказал нам убраться из города до заката.

По мнению вашего корреспондента, в такие дни каждый американец обязан держать порох сухим. А теперь слово...» Брин выключил радио и посмотрел Мид прямо в глаза.

— Не надо волноваться,— сказал он,— в этом духе они вещают уже многие годы.

— Ты думаешь, они блефуют?

— Этого я не говорил. Я сказал — не волнуйся.

В своих собственных сборах, которыми он занимался с помощью Мид, Брин использовал принцип терпящих бедствие: консервы, вся бывшая в доме теплая одежда, спортивная винтовка, из которой он уже два года как не стрелял, комплект автомобильных запчастей и инструментов, содержимое домашней аптечки. Содержимое конторки Брин сложил в картонный ящик и засунул его под заднее сиденье машины вместе с консервными банками и пальто, прикрыв эту кучу всеми обнаруженными в доме одеялами. Потом они поднялись по шаткой лестнице наверх для последней проверки.

— Потти, а где твои графики?

— Скатаны в рулон и лежат над задним сиденьем. Я думаю, что... О, погоди-ка минутку! — Брин стал вытаскивать с книжной полки, висящей над столом, тоненькие невзрачные журналы.— Чуть было не забыл выпуски «Западного астронома» и «Труды Астрономической Ассоциации».

— А зачем они тебе?

— Как это зачем? Я уж чуть ли не с год не брал их в руки. Теперь, возможно, у меня найдется время и для чтения.

— Гм-м ... Наблюдать, как ты будешь глотать научные труды — не очень-то вяжется с моим представлением об отпускных радостях.

— Молчи, женщина! Ты взяла Винни — я возьму журналы.

Она промолчала и помогла Брину увязать журнальную пачку. Брин бросил тоскливый взгляд на калькулятор, но решил, что, забрав его, он обретет сходство с Белым Рыцарем Льюиса Кэрролла. Хватит и логарифмической линейки.

Когда машина, разбрызгивая воду во все стороны, выехала на улицу, Мид спросила:

— Потти, а как у нас с деньгами?

— Как? Да нормально, я полагаю.

— Нет, я имею в виду, что мы уезжаем в часы, когда банки уже закрыты.— Мид прижала к груди сумочку.— Мой банк — вот. Денег маловато, но они нам пригодятся.

Он улыбнулся и потрепал ее по коленке.

— Молодчина! Я тоже сижу на своем банке. С первого января этого года я начал превращать все ценные бумаги в наличные.

— О! А я закрыла свой банковский счет сразу после нашей первой встречи.

— Вот как? Значит, моя болтовня произвела на тебя впечатление?

— К тебе я с самого начала относилась серьезно.

Каньон Минт они проехали, делая по пять кошмарных миль в час, видимость была ограничена красными габаритными огнями ехавшего впереди грузовика. Когда они остановились, чтобы проглотить по чашке кофе в придорожном кафе, подтвердилось то, что и так было очевидно: перевал Кахон был закрыт, и весь поток машин, направлявшихся к шоссе N 66, должен был двигаться через другой перевал.

Много, много времени спустя они достигли соединительной ветки у Викторвилла и тут поток машин чуть-чуть спал, что было прекрасно, так как один из «дворников» отказал, и они ехали по системе: «один смотрит, другой рулит». Подъезжая к Ланкастеру, Мид внезапно спросила:

— Потти, а твоя старушка оборудована шноркелем?

— Никак нет.

— Тогда нам лучше остановиться. Вон там мелькает свет.

Увидев двуспальную кровать, Брин ничего не сказал. Мид легла со своим Винни в обнимку, даже не попросив поцеловать ее на сон грядущий. Уже наступал серый мокрый рассвет.

Они встали далеко за полдень, решив остаться в мотеле и на следующую ночь, а затем ехать на север к Бейкерсфилду. Брин починил «дворник», купил пару новых покрышек, чтобы

заменить негодную запаску, кое-какие туристские принадлежности, а для Мид — пистолет 32-го калибра, дамскую игрушку на случай самозащиты. Отдавая ей подарок, он сконфузился.

— А это зачем?

— У тебя при себе такие большие деньги.

— А я-то думала, чтобы защищаться от твоих домогательств!

— Ну, Мид...

— Да ладно уж! Спасибо, Потти.

Они только поужинали и начали загружать покупки в машину, когда началось землетрясение. Пять дюймов атмосферных осадков за двадцать четыре часа создали массу около трех миллиардов тонн, давившую на разлом Сан-Андреас, уже и без того перегруженный, в результате чего возник страшный, сокрушающий удар. Мид так и села прямо на мокрую землю. Брин удержался от падения, изогнувшись, как конькобежец на крутом вираже. Когда толчки прекратились, на что потребовалось не менее тридцати секунд, он помог Мид встать на ноги.

— Как ты?

— Мои брюки промокли насквозь! — А потом капризно: — Но, Потти! В дождливую погоду землетрясений не бывает. *Никогда* не бывает!

— А в этот раз было!

— Но...

— Помолчи, пожалуйста.— Он открыл дверцу машины, включил радио и с нетерпением ждал, пока приемник нагреется. Затем принялся искать на всех волнах.— Ни одной, черт бы ее побрал, станции Лос-Анджелеса не слышно!

— Может, от толчка побились лампы?

— Помолчи.

Раздался треск, Брин искал настройку.

— «...говорит радиостанция Риверсайда, Калифорния. Слушайте нашу передачу, мы сообщаем подробности. Пока еще трудно дать оценку масштабов катастрофы. Разрушен

акведук Колорадо. О размерах разрушений и о том, сколько времени понадобится для ликвидации последствий, ничего не известно. Насколько мы знаем, акведук Оуэнс, по-видимому, цел, но жителям Лос-Анджелеса рекомендуется запасать воду. Наш вам совет — выставить тазы под дождь, не вечно же он будет лить. Если у нас останется время, мы дадим в эфир шлягер "Прохладная вода", чтобы напомнить вам какова она на вкус. Теперь прослушайте несколько выдержек из правил поведения при стихийных бедствиях: "Кипятите воду. Оставайтесь в домах, не паникуйте. Держитесь дальше от шоссе. Поддерживайте контакт с полицией и оказывайте помощь..." Джо! Да держи ты этот проклятый телефон! "...оказывайте, если это необходимо. Не пользуйтесь телефонами, если..." Внимание! Чрезвычайное сообщение! По неподтвержденной информации из Лонг-Бич набережные Уимингтона и Сан-Педро затоплены водой на высоту пять футов. Повторяю, данные эти не проверены. А вот приказ генерала Марча Филда: "Немедленно всем военнообязанным явиться..."»

Брин выключил радио.

— А ну, быстро в машину!

— Куда мы едем?

— На север.

— Но мы же оплатили номер, разве нельзя...

— В машину!

В городе Потифар сделал остановку, ему удалось тут купить шесть пятигаллоновых жестяных бидонов и запасную канистру к джипу. Все это он доверху залил бензином и, обложив одеялами, устроил на заднем сиденье, увенчав эту кучу дюжиной банок машинного масла. Автомобиль отправился в путь.

— Куда мы едем, Потифар?

— Хочу выехать на Западное шоссе.

— В каком-нибудь определенном месте?

— Именно. А там посмотрим. Ты займись радио, но и на дорогу поглядывай. Этот склад горючего на заднем сиденье меня очень беспокоит.

Через городок Мохаве и на северо-запад по шоссе 466, что ведет в горы Техачапи. Приемник в узком ущелье плохо работал, но то, что Мид удалось разобрать, подтверждало первое впечатление: все было хуже, чем в 1906 году, хуже, чем в Сан-Франциско, Манагуа и Лонг-Бич вместе взятых.

Когда они выбрались из каньона, погода разъяснилась, появилось несколько звезд. Брин свернул с шоссе налево и объехал Бейкерсфилд по окружной дороге, выбравшись на суперавтостраду 99 чуть южнее Гринфилда. Как он и опасался, автострада была забита беженцами. Брину пришлось тащиться в их потоке мили две, после чего, возле Гринфилда он прорвался на запад в направлении Тафта. Они остановились на западной окраине этого городка — и перекусили в круглосуточно открытом ресторанчике для дальнобойщиков.

Они уже собирались садиться в машину, когда на юге неожиданно взошло «солнце». Ярко-розовое сияние мгновенно расширилось, заполнив собой все небо, а затем исчезло. Там, где оно первоначально возникло, рос, поднимаясь в небесную высь, красно-багровый столб дыма, верхушка которого расходилась в грибовидное облако.

Брин сначала уставился на него, потом взглянул на часы и резко скомандовал:

— В машину!

— Потти, это... это был...

— Это был... это когда-то был Лос-Анджелес. Садись в машину.

Молчание длилось несколько минут. Мид была в шоке и не могла произнести ни слова. Когда до них дошла звуковая волна, Брин опять взглянул на часы.

— Шесть минут, девятнадцать секунд. Все верно.

— Потти, *нам надо было забрать с собой миссис Мегит!*

— Откуда ж мне было знать,— сказал он раздраженно.— А кроме того, старое дерево на новое место не пересаживают. Если она погибла, то этого даже не почувствовала.

— Господи, ну хоть бы так!

— Забудь. Подтянись и держи хвост морковкой. Нам потребуются все силы, какие у нас есть, чтобы спастись самим.

Я хочу повернуть у Тафта на север, а затем двигаться к побережью.

— Хорошо, Потифар.

— И покрути радио.

Она притихла и выполнила все, что было приказано. Радио молчало, молчала даже радиостанция Риверсайда. На всех волнах динамик фонил странными звуками, похожими на звук дождя в оконное стекло. Приближаясь к Тафту, Брин сбросил скорость и Мид указала ему поворот к северу на федеральное шоссе. Почти в ту же минуту какая-то фигура выпрыгнула прямо на дорогу, бешено размахивая руками. Потифар нажал на тормоза.

Человек подошел к левой дверце машины и постучал в окно. Брин опустил стекло. И глупо уставился в дуло пистолета, который мужчина держал в левой руке.

— Выходи из машины! — резко сказал тот.— Она мне нужна.

Он сунул руку внутрь, пытаясь нащупать дверную защелку. Мид перегнулась через Потифара и, сунув свой маленький пистолетик в лицо мужчины, нажала гашетку. Брин почувствовал как вспышка обожгла его лицо, но выстрела не услышал. Мужчина, казалось, удивился, но в верхней губе у него появилась аккуратная, даже не кровоточащая дырочка, а затем он медленно повалился в сторону от машины.

— Вперед! — высоким голосом сказала Мид.

Брин перевел дыхание:

— Молодчина!

— Вперед! *И быстрее!*

Они добрались до Национального парка Лос-Падрес и за все время остановились только раз, чтобы долить бак из канистры. Затем свернули на гравийный проселок. Мид все время старалась поймать что-нибудь по радио, один раз услышала станцию Сан-Франциско, но разобрать что-либо из-за странного фона было невозможно. Затем поймала Солт-Лейк-Сити, слышно было слабо, но отчетливо: «поскольку наши радарные станции ничего не зарегистрировали, можно полагать, что бомба в Канзас-Сити была подложена, а не заброшена

ракетой. Это вполне возможная гипотеза, хотя...» — тут машина въехала в глубокое ущелье, и что было дальше, они не услышали.

Когда приемник снова заработал, говорил уже другой голос: «Коунлард,— вещал он отрывисто,— обращается к вам через все радиостанции страны. Слухи о том, что Лос-Анджелес разрушен атомной бомбой, безосновательны. Наша западная столица перенесла сильнейший сейсмический толчок. Официальные государственные лица и представители Красного Креста уже прибыли на место, чтобы позаботиться о жертвах, но — и повторю — *никакой атомной бомбардировки не было*. Поэтому успокойтесь и не покидайте домов. Всякая безответственная болтовня может повредить Соединенным Штатам не меньше, чем вражеские бомбы. Не выезжайте на автострады и слушайте...»

Брин выключил радио.

— Кто-то,— сказал он с горечью,— опять решил, что «мама лучше знает, что делать». Нас не хотят огорчать плохими известиями.

— Потифар,— резко спросила Мид,— но ведь это *была* атомная бомба, правда?

— Конечно. И теперь мы не знаем, это только Лос-Анджелес и Канзас-Сити, или разрушены все крупные города страны. Все, что мы знаем, это то, что нам лгут.

— Может, я попробую поймать другую станцию?

— Да черт с ними.

Он сосредоточился на дороге, та была очень плохой. Когда занялся рассвет, Мид спросила:

— Потти, а ты знаешь куда ехать? Или просто стараешься держаться подальше от городов?

— Думаю, что знаю. Я не заблудился,— он огляделся по сторонам.— Нет, все верно. Видишь тот холм с тремя жандармами на склоне?

— Жандармами?

— Ну, вон те высокие каменные столбы. Это хорошая отметка. Я ищу частную дорогу. Она ведет к охотничьей хижи-

не, принадлежащей двум моим друзьям. Это скорее старое ранчо, но как ранчо оно себя не окупало.

— А они не рассердятся, что мы там поселились?

Брин пожал плечами.

— Когда они приедут, мы спросим. *Если* они приедут. Они ведь жили в Лос-Анджелесе, Мид.

— Ах да, могла бы и догадаться.

Частная дорога когда-то была всего лишь полузаросшей тропой. Теперь она стала почти непроходимой. И все же, в конце концов, они въехали на невысокий холмик, откуда открывался вид почти до Тихого океана, а затем спустились в укромную долинку, где пряталась хижина.

— Пассажирам выходить, девочка. Поезд дальше не идет.

Мид вздохнула.

— Здесь божественно.

— Ну как, ты сможешь соорудить завтрак, пока я буду разгружать машину? Наверно, в сарае есть дрова. Ты умеешь обращаться с печкой?

— А ты меня испытай!

Два часа спустя Брин стоял на холме, курил сигарету и смотрел на запад. Что это там за облако, там, в направлении Сан-Франциско? Не грибовидное ли? Возможно, игра воображения, решил он, если учитывать расстояние. На юг, разумеется, смотреть не имело смысла.

Из домика вышла Мид:

— Потти!

— Тут я.

Мид подошла, взяла его руку, вынула из его пальцев сигарету и глубоко затянулась. Выдохнула дым и сказала:

— Я знаю, что это грешно, но уже много месяцев я не была так спокойна.

— Я понимаю.

— Ты видел, сколько консервов в кладовке? Мы можем продержаться долгую и суровую зиму.

— Возможно, и придется.

— Продержимся. Хорошо бы завести корову.

— А что ты с ней станешь делать?

— До того, как поступить в школу, я каждое утро доила четырех коров. Могу и борова забить.

— Постараюсь добыть для тебя какого-нибудь боровка.

— Найди, и я закопчу тебе окорок.— Мид зевнула.— Так и клонит ко сну.

— Меня тоже. И неудивительно.

— Идем спать.

— Гм ... Ладно... Мид?

— Да, Потти?

— Мы тут можем застрять надолго. Ты это понимаешь, правда?

— Да, Потти.

— Лучше всего было бы дождаться тут времени, когда кривые начнут подниматься и расходиться. А они обязательно начнут.

— Конечно. Я это давно поняла.

Брин помолчал, потом сказал:

— Мид, ты выйдешь за меня замуж?

— Да.— Она прижалась к нему.

Потом он ласково оттолкнул ее от себя и проговорил:

— Моя дорогая, о, моя дорогая, как ты думаешь, а не отыскать ли нам в ближайшем поселке какого-нибудь священника?

Она твердо посмотрела на него:

— Не думаю, что эта мысль годится. Я хочу сказать, никто не знает, что мы здесь, и, пожалуй, вряд ли нам захочется, чтобы кто-нибудь об этом узнал. Кроме того, машина может и не осилить обратной дороги.

— Да, пожалуй, идея и впрямь не из лучших. Только мне хочется, чтобы все у нас было по-хорошему.

— Так все же хорошо, Потти. *Все правильно и хорошо.*

— Ну, тогда... встань на колени рядом со мной и повторяй. Мы вместе произнесем все слова.

— Хорошо, Потифар.

Она опустилась рядом, и он взял ее за руку. Брин закрыл глаза и молился молча. Когда он открыл глаза, то спросил:

— Что случилось?

— От гравия больно коленкам.

— Что ж, встанем.

— Нет. Слушай, Потти, а почему бы нам не пойти в дом и не помолиться там?

— Что?! Черт возьми, женщина! Там мы можем и забыть, что сначала надо помолиться. Ну, а теперь повторяй за мной: я, Потифар, беру тебя, Мид...

— Хорошо. Я, Мид, беру тебя, Потифар...

3

«Официальное сообщение. Всем станциям в зоне слышимости продублировать. Правительственный бюллетень N 9.

Опубликованные ранее правила поведения на дорогах в ряде случаев нарушаются. Патрулям отдан приказ стрелять без предупреждения, а маршалы-профосты имеют право выносить смертные приговоры за незаконное владение бензином. Ранее объявленные правила бактериологического и радиационного карантина будут соблюдаться со всей строгостью.

Да здравствуют Соединенные Штаты! Харли Дж. Нил, генерал-лейтенант, временный глава правительства. Всем станциям продублировать».

«Говорит Свободное Радио Америки. Передавайте это всем, ребята. Губернатор Брэдли сегодня принес президентскую присягу временному Верховному судье Робертсу, согласно закону о передаче власти. Президент назначил Томаса Дью государственным секретарем, а Пола Дугласа военным министром. Его следующим указом было лишение ренегата Нила воинского звания и объявление его вне закона. Дополнительные сообщения позже. Передавайте это всем, кому сможете».

«Алло! CQ. CQ. CQ. Говорит W5 KMR. Фрипорт QRR, QRR. Всем, кто меня слышит! Всем! Мы здесь мрем как

мухи. Что случилось? Болезнь начинается с лихорадки и невероятной жажды, но глотать невозможно. Нужна помощь. Слышите меня? Алло! CQ-75. CQ-75. Это W5 километров. Ромео вызывает QRR. CQ-75 вызывает всех, кто слышит. Всех, кто слышит!»

«Говорит радиостанция Время Господне, чьим спонсором является "Эликсир Свана", тоник, делающий ожидание Царства Господня вполне терпимым. Сейчас вы услышите слово утешения судьи Блумсфилда, помазанного викария Царствия Земного. Но сначала объявление: посылайте ваши дары по адресу: Мессия, город Клинт, Техас. Не делайте это почтой. Посылайте либо с гонцом Царства, либо через пилигрима, отправляющегося в эти места. А теперь хор молитвенного дома, ведомый гласом викария Царствия Земного...»

«Первый симптом — мелкая красная сыпь под мышками. Она чешется. Больных немедленно укладывать в постель, укутывать и держать в тепле. Здоровым тщательно мыть руки, а на лице носить марлевую повязку. Как передается это заболевание — пока неизвестно. Эту информацию передайте соседям».

«...новых следов высадки десанта на континенте не обнаружено. Предполагается, что парашютисты, которым удалось уцелеть, скрываются где-то в глуши. При встрече стреляйте первыми, но будьте осторожны, а то по ошибке пристрелите собственную тетю. Передача окончена. До завтра».

* * *

Кривые на графиках расходились. Теперь Брин в этом уже не сомневался. Возможно, уже не было смысла прятаться тут, в горах Сьерра-Мадре, всю наступающую зиму, хотя, скорее всего, им придется здесь перезимовать. Место оказалось в высшей степени удачным. Долина находилась к западу от места взрыва и зоны выпадения радиоактивных осадков. Было просто глупо спускаться вниз и идти по следам отступающей эпидемии, рискуя быть подстреленными каким-ни-

будь нервным стражником. Еще несколько месяцев ожидания — и все решится само собой.

Да и дрова на зиму заготовлены. Он бросил взгляд на свои мозолистые ладони — работа на сегодня была закончена и, ей-богу, можно с полным правом предаться отдыху.

Брин направился к вершине холмика, надеясь насладиться закатом и часок почитать. Проходя мимо машины, он искоса взглянул на нее, подумав, что неплохо было бы покрутить приемник. И тут же подавил свое желание: две трети бензина были уже израсходованы — лишь для того, чтобы подзарядить батареи,— а ведь шел только декабрь. Придется сократить число радиосеансов до двух в неделю. А это так хорошо — послушать в полдень передачу Свободной Америки, а затем немного повертеть ручку настройки, пробуя поймать что-нибудь еще.

Последние три дня Свободная Америка в эфир не выходила, может быть, из-за нехватки энергии. Был слух, что президента Брэдли убили, но официально передачи этого не подтверждали, хотя и не опровергали. Отсутствие опровержения само по себе было добрым знаком. И все-таки неизвестность тяготила. И еще эти слухи о будто бы поднявшейся в результате землетрясения Атлантиде и о том, что Азорские острова стали теперь маленьким континентом. Вообще-то, скорее всего, это просто отрыжка «дурацкого лета», а все же интересно узнать продолжение.

Несмотря на внутреннее сопротивление, он позволил себе подойти. Было нечестно слушать радио без Мид. Он дал приемнику нагреться и медленно прошелся индикатором по всей шкале туда и обратно. Ни одной станции, ничего, кроме мощного фона. Так ему и надо.

Брин вскарабкался на холм, сел на скамейку, которую притащил сюда довольно давно. Это была их заветная скамья, свидетельница того, как Мид стояла коленками на остром щебне.

Сел и вздохнул. Его тощее брюхо было плотно набито олениной и кукурузными лепешками, так что до полного счастья ему не хватало только табака. Цвета вечерних облаков

отличались необыкновенной яркостью, а погода для декабря — необычайной теплотой. И то и другое, думал он, следствие вулканической пыли, а может быть, и атомных взрывов.

Удивительно, с какой быстротой все развалилось после появления первых признаков краха. Не менее удивительно, как, судя по ряду признаков, все стало стремительно возвращаться к норме. Кривые достигли низшей отметки и теперь шли на подъем. Третья мировая война оказалась самой короткой из всех больших войн: сорок городов уничтожено, включая Москву, и другие славянские города, а также и американские, а затем — уф-ф — ни одна из сторон не смогла продолжать боевые действия. Разумеется, много значило то, что обе стороны запускали свои ракеты дальнего действия через полюс, когда там стояла самая жуткая стужа со времен коммодора Пири. «Непонятно,— думал Брин,— как нескольким десантным самолетам противника все же удалось прорваться».

Он вздохнул и вытащил из кармана ноябрьский номер «Западного Астронома» за 1951 год. Где он остановился? Ах да, вот оно! «Некоторые соображения по поводу стабильности звезд типа G, в особенности нашего Солнца», автор Динковский, институт имени Ленина, перевод Генриха Лея. Бог ты мой, Динковский — крупный математик, очень разумное использование рядов Фурье и убийственная логика. Брин начал отыскивать то место, где остановился, но тут он заметил маленькую сноску, которую ранее пропустил. Сноска относилась к фамилии Динковского: «Монография названа в "Правде" реакционным романтическим бредом сразу же после выхода из печати. С тех пор о профессоре Динковском ничего не известно, возможно, он был ликвидирован».

— Бедняга! Впрочем, теперь он и его убийцы все равно превратились в атомную пыль. Интересно, выловили ли мы всех их парашютистов?

Брин свою норму выполнил. Если бы он не подстрелил тогда олениху всего в четверти мили от хижины и не вернулся сразу домой, Мид пришлось бы плохо. Он расстрелял их сзади и зарыл за поленницей дров. Было странно свежевать и

разделывать тушу ни в чем не повинной оленихи, зная, что эти бандиты захоронены по-человечески неподалеку.

Да. Кроме математики есть еще только два стоящих дела — убивать врага и любить женщину. Он испытал и то, и другое. Счастливчик! А сейчас Брин предвкушал то огромное удовольствие, которое доставит ему чтение. Этот Динковский — крепкий орешек! Разумеется, то, что звезды типа G, к которым относится и Солнце,— неустойчивы и могут взрываться и превращаться в белых карликов, было известно давно. Но до Динковского никому еще не удавалось с такой точностью описать условия, предшествующие этой катастрофе, и никто еще не разрабатывал так тщательно математические средства диагностики нестабильности и процесса ее нарастания.

Брин поднял взгляд, утомившись чтением мелкого шрифта, и увидел, что солнце затянуто тонким низким облаком, что дает человеку редкую возможность видеть его невооруженным взглядом. Может быть, эта вулканическая пыль в воздухе играет роль закопченного стекла? Он вгляделся пристальнее. Или его обманывало зрение, или солнечные пятна сливались в одно огромное пятно. Он слышал, что при определенных условиях солнечные пятна видны невооруженным глазом, но самому ему до до этого ничего подобного видеть не приходилось. Эх, телескоп бы сюда!

Брин поморгал. Да, вот оно — в верхней правой части диска. Большое. Неудивительно, что радио в машине звучало невнятно, как речь Гитлера!

Он вернулся к статье, стремясь дочитать до конца, пока еще было достаточно светло. Сначала Брин испытывал чисто интеллектуальное наслаждение от неопровержимости и изящества расчетов автора.

Трехпроцентная несбалансированность в солнечной константе, да, это известно, звезда при таком изменении обречена стать новой. Но Динковский пошел дальше, он с помощью совершенно оригинального математического аппарата рассчитывал серию вероятностных «вилок», разбив историю звезды на ряд отрезков, в которых это событие могло произойти, и в

каждом из них выявил «вилки» второго, третьего и даже четвертого порядка, установив, таким образом, точку наибольшей вероятности катастрофы. Блестяще! Динковский даже определил точные даты достижения экстремальных значений вилок первого порядка, как это и должен был сделать настоящий статистик!

Но по мере чтения текста и анализа формул, настроение Брина стало меняться, интеллектуальное наслаждение превращалось в гораздо более острое переживание. Динковский же говорил не просто о типичной звезде класса G! В последней части работы он писал прямо о Солнце, о Солнце самого Брина, о том самом огромном лике с крупным родимым пятном на краю!

Черта с два — с родимым пятном ! Это была дыра, в которую запросто можно было засунуть целый Юпитер! Теперь Брин понял все.

О времени иногда говорят: когда звезды состарятся, а Солнце остынет — но эта характеристика полностью лишена конкретных примет, подобно разговорам о смерти вообще. Теперь же мысли Брина приобрели вполне определенную направленность.

Сколько времени, с момента нарушения стабильности, потребуется, чтобы вызванная этим явлением волна достигла Земли? Полчаса — ответил здравый смысл. Полчаса разделяют эту минуту и мгновение, когда с Землей будет покончено навсегда.

Догадка вызвала у Брина чувство горечи и тоски. Неужели никогда? Неужели никогда больше? Не будет наполненного прохладой утра в каньоне Колорадо... Бостонского шоссе с осенним дымом костра, висящим в воздухе... Графства Бакс в весеннем великолепии своего наряда... сырых запахов Фултоновского рыбного рынка... хотя, нет, рынка уже не существует... не будет чашечки кофе в «Утреннем зове»... лесной земляники на склонах холмов в Нью-Джерси с ее вкусом, тающим на губах, как поцелуй... рассветов в Тихом океане и ощущения легкой прохлады под рубашкой и тишины, не на-

рушаемой ни одним звуком, кроме шепота воды, лижущей борта старого железного корыта... как же назывался этот пароход? Ах, да — «Мэри Брюстер»...

И Луны тоже не станет, когда Земле придет конец. Звезды... но некому будет любоваться ими...

Он взглянул еще раз на даты, проставленные на отрезках вероятностных «вилок» Динковского, и ощутил острую потребность в присутствии Мид.

Он встал со скамьи. Мид сама шла ему навстречу.

— Привет, Потти. Можешь идти без опаски — посуду я помыла.

— А я хотел тебе помочь.

— Нет уж, ты делай мужскую работу, а женскую буду делать я. Так будет справедливо,— она прикрыла глаза рукой.— Ну и закат! Так, пожалуй, пожелаешь, чтобы каждый год взрывалось по вулкану.

— Садись, будем смотреть вместе.

Она села рядом, Брин взял ее за руку.

— Видишь пятно на Солнце? Его можно видеть невооруженным глазом.

Мид удивилась:

— Разве это пятно? Оно выглядит так, будто кто-то откусил край диска.

Брин прищурился. Будь он проклят, если пятно не выросло.

Мид вздрогнула.

— Мне холодно. Обними меня.

Брин обнял ее свободной рукой, продолжая держать ладонь Мид в другой. Да, пятно стало еще больше — оно росло.

Зачем вообще нужно человечество? Обезьяны, подумал он, обезьяны, с капелькой поэтического восприятия, болтливые, загадившие второстепенную планету в третьестепенной солнечной системе. Впрочем, им случается умирать с достоинством.

Мид прижалась к нему.

— Согрей меня.

— Скоро тут станет жарко... Я хочу сказать, что согрею тебя.

— Милый Потти!

Она посмотрела вверх:

— Потти, что-то странное происходит с закатом.

— Нет, милая, не с закатом, а с Солнцем.

— Я боюсь...

— Я же с тобой, дорогая.

Он посмотрел на журнал, все еще лежавший раскрытым возле скамьи. Ему не надо было складывать два числа, а потом делить их на два, чтобы получить правильный ответ. Вместо этого Брин крепко стиснул ладонь Мид, с нездешней силой и горечью ощущая, что это наступил

КОНЕЦ

1. «ИМЕЮЩИЙ ГЛАЗА, ДА УВИДИТ»

— Здорово, мясник! — Доктор Филип Хаксли положил на стол коробочку с игральными костями, которую вертел в руках, и ногой пододвинул стул.— Садись.

Доктор Коуберн, демонстративно проигнорировав это приветствие, отдал свой желтый плащ и промокшую шляпу негру-гардеробщику факультетского клуба, уселся на стул и возмущенно заявил:

— Слышал, Пит? Этот знахарь, возомнивший себя психологом, имеет наглость называть меня, дипломированного врача, хирурга, мясником!

— Осторожно, Пит, не давай ему запудрить тебе мозги,— сказал Хаксли.— Если доктор Коуберн заманит тебя в операционную, он вскроет тебе череп просто из любопытства — чтобы посмотреть, что там у тебя тикает. А потом сделает себе из него пепельницу.

© Т. Тихонова, перевод

Негр осклабился, вытирая столик, но ничего не ответил.

Коуберн хмыкнул и покачал головой:

— И мне приходится выслушивать такое от знахаря! Все ищешь Человечка, Которого Не Было, Фил?

— Если ты говоришь о парапсихологии, то да.

— Ну и как успехи?

— Неплохо. В этом семестре у меня, слава богу, поменьше лекций. Ужасно надоело объяснять наивным желторотикам, как мы мало знаем о том, что у нас в котелках варит. Хочу заняться наукой.

— Наукой все хотят заняться. Набрел на что-нибудь стоящее?

— Похоже. Сейчас вот развлекаюсь с одним студентом с юридического — Вальдесом.

Коуберн поднял брови:

— Ну и? Что-то интересное?

— Вроде. Он немного ясновидящий. Если видит одну сторону предмета, то и другую тоже видит.

— Вздор!

— «Если ты такой умный, почему бедный?» Я проверял его очень тщательно: он действительно может видеть невидимое.

— Хм... Как говаривал мой покойный дедушка Стоунбендер: «У Бога много козырей в рукаве, он не все на стол выкладывает». Да, с твоим студентом я бы в покер играть не сел.

— Между прочим, он профессиональный игрок. Потому и сделал ставку на юридический факультет.

— Ты выяснил, как ему удаются эти фокусы?

— Нет, черт побери! — Хаксли озабоченно забарабанил пальцами по столу.— Будь у меня хоть немного денег, я бы собрал достаточно материала, чтобы начать серьезную работу. Помнишь, каких результатов Раин добился в Дьюке?

— Так почему бы тебе не поднять шум? Пойди в совет и выбей из них деньги. Скажи, что ты прославишь Западный университет.

Хаксли помрачнел еще больше.

— Не выйдет. Я говорил с деканом; он даже не разрешает мне обсудить этот вопрос с ректором. Боится, что старый олух прижмет факультет еще больше. Понимаешь, официаль-

но мы считаемся бихевиористами. Любой намек на то, что в сознании есть нечто необъяснимое с точки зрения физиологии или механики, воспримут с таким же удовольствием, как сенбернара в телефонной будке.

На стойке у гардеробщика зажегся красный телефонный сигнал. Он выключил передачу новостей и снял трубку.

— Алло... Да, мэм, есть. Сейчас позову. Вас к телефону, доктор Коуберн.

— Переключи сюда.— Коуберн повернул видеофон экраном к себе, на нем появилось лицо молодой женщины. Хирург поднял трубку: — Что там? И давно это случилось?.. Кто ставил диагноз?.. Прочитайте еще раз... Покажите-ка мне историю болезни.— Он внимательно изучил картинку на экране, затем сказал: — Хорошо. Сейчас выхожу. Готовьте больного к операции.

Коуберн выключил видеофон и повернулся к Хаксли:

— Придется идти, Фил. Несчастный случай.

— Какой?

— Тебе будет интересно. Трепанация черепа. Возможно частичное иссечение головного мозга. Автомобильная авария. Идем, посмотришь, если у тебя есть время.

Говоря это, он надел плащ, затем повернулся и размашистым шагом вышел через заднюю дверь. Хаксли схватил свой плащ и поспешил следом.

— А почему,— спросил он, поравнявшись с другом,— им пришлось тебя искать?

— Я оставил радиотелефон в другом костюме,— ответил Коуберн.— Специально: хотел немножко отдохнуть. Не повезло.

Они быстро шагали на северо-запад по галереям и проходам, соединявшим студенческий клуб с научным комплексом, игнорируя слишком медленно ползущие пешеходные дорожки. Но, добравшись до конвейерного туннеля под Третьей-авеню напротив Медицинского института Поттенгера, обнаружили, что он затоплен, и были вынуждены сделать крюк до туннеля на Фэрфакс-авеню. Коуберн, как человек справедливый, ругательски ругал всех подряд, стараясь никого не забыть,— и инженеров, и комиссию по планированию,

и торговую палату,— за то, что Южную Калифорнию весной то и дело заливают жуткие дожди.

Они сняли мокрые плащи в ординаторской и пошли в хирургическую раздевалку. Санитар помог Хаксли надеть белые шаровары и полотняные чехлы на ботинки. Коуберн предложил Филу вымыть руки, чтобы он мог вблизи наблюдать за операцией. Ровно три минуты, по маленьким песочным часам, они драили руки едким зеленым мылом, а затем молчаливые ловкие медсестры надели на двух друзей халаты и перчатки. Хаксли чувствовал себя неловко оттого, что ему помогала одеваться медсестра; ей пришлось встать на цыпочки, чтобы натянуть рукава халата. Наконец, подняв руки в перчатках, словно держа на них моток пряжи, друзья прошли через стеклянную дверь в третью операционную.

Больной уже лежал на столе с приподнятой и зафиксированной головой. Кто-то щелкнул выключателем, и слепящий бело-голубой круг высветил единственную не закрытую простынями часть тела — правую половину черепа. Коуберн окинул взглядом операционную; Хаксли тоже огляделся вокруг: светло-зеленые стены, две операционные сестры, совершенно бесполые в своих халатах, масках и шапочках; санитарка, суетящаяся в углу; анестезиолог; приборы, регистрирующие дыхание и пульс пациента.

Медсестра приподняла историю болезни так, чтобы хирург мог ее прочитать. По просьбе Коуберна анестезиолог на миг приоткрыл лицо больного. Смуглые впалые щеки, орлиный нос, глубоко посаженные, закрытые глаза. Хаксли с трудом удержался от восклицания. Коуберн удивленно поднял брови:

— В чем дело?

— Это Хуан Вальдес!

— Ты его знаешь?

— Да я же тебе говорил — студент с юридического, ясновидящий.

— Хм... На сей раз острый глаз подвел его. Повезло еще, что жив остался. Фил, стань туда, тебе будет лучше видно.

Коуберн отключился, забыв о присутствии Хаксли и сосредоточив все свои интеллектуальные способности на иска-

леченной плоти, лежащей перед ним. На черепе была вмятина — по-видимому, след резкого удара о какой-то твердый предмет с тупыми углами. Над правым ухом виднелась небольшая рана. До обследования невозможно было сказать, сильно ли пострадала костная структура и сам мозг.

Поверхность раны промыли, сбрили вокруг нее волосы и смазали кожу йодом. Рана обозначилась в виде четкого отверстия в черепе. Оно слегка кровоточило и было заполнено тошнотворной смесью из запекшейся темной крови, белой ткани, серого вещества и желтоватого вещества.

Тонкие длинные пальцы хирурга в светло-оранжевых перчатках осторожно и проворно двигались в ране, как будто жили и действовали сами по себе. Они убрали разрушенную ткань с обломками кости, иссекли поврежденную твердую мозговую оболочку и серую мозговую ткань. Ткань погибла совсем недавно, и составляющие ее клетки еще не ощутили этого. Хаксли заворожила мини-драма, разыгравшаяся у него перед глазами; он потерял счет времени и не мог бы восстановить в памяти последовательность операции. Он помнил только краткие приказы медсестре: «Зажим!», «Ранорасширитель!», «Тампон!» Помнил звук крохотной пилы, глуховатый вначале и противный, как у бормашины, потом, когда пила врезалась в живую кость. Помнил, как хирург осторожно уложил шпателем поврежденные мозговые извилины. Не веря в реальность происходящего, Фил смотрел, как скальпель вонзается в разум, строгает тонкую стенку рассудка.

Медсестра трижды стирала пот с лица хирурга.

Воск сделал свое дело. Вителлиевый сплав заменил кость, повязка предотвратит инфекцию. Хаксли наблюдал бессчетное количество операций, но сейчас опять, словно впервые, испытал то острое чувство облегчения и победы, которое появляется, когда хирург отворачивается от стола и по дороге в раздевалку начинает снимать перчатки.

Выйдя из операционной, Фил увидел, что Коуберн уже сбросил маску и шапочку и пытается достать сигарету из кармана под халатом. Хирург снова стал обыкновенным человеком. Улыбнувшись, Коуберн спросил:

— Ну что, понравилось?

— Здорово! Я впервые наблюдал за трепанацией так близко. Ведь из-за стекла не слишком хорошо видно, сам знаешь. А он поправится?

Коуберн посерьезнел.

— Ах да, он ведь твой друг! А я и забыл. Извини. Да, я уверен, что все будет в порядке. Он молод, силен и отлично перенес операцию. Дня через два можешь сам зайти посмотреть.

— Ты ведь удалил большую часть речевого центра. Он сможет говорить, когда поправится? Не наступит ли афазия или еще какое-нибудь расстройство речи?

— Речевой центр? Да я к нему даже не приближался!

— Что?

— Фил, в следующий раз возьми камешек в правую руку. Ты же стоял напротив меня, не помнишь? Я оперировал на правом полушарии, а не на левом.

Хаксли недоуменно вытянул перед собой руки, перевел взгляд с одной на другую, затем лицо его прояснилось, и он рассмеялся:

— Ну конечно! Знаешь, я их вечно путаю. И в бридже всю жизнь забываю, чья очередь сдавать. Но постой-ка: у меня так прочно засело в голове, что ты оперировал на левом полушарии... Я перепутал. Как ты думаешь, это скажется на его нейрофизиологии?

— Да нет, если судить по моему прошлому опыту. Он и не заметит, что у него чего-то недостает. Я оперировал в terra incognita, дружище, в неизвестной области. Если у той части мозга, в которой я копался, и есть какая-то функция, то самые знаменитые физиологи не смогли пока выяснить, какая именно.

2. «ТРИ СЛЕПЫЕ МЫШКИ»

Дз-з-зинь!

Джоан Фримэн машинально протянула руку и выключила звонок будильника, плотно зажмурив глаза в тщетной попытке удержать ускользающий сон. Она не сразу пришла в

себя. Воскресенье. Ведь в воскресенье не нужно рано вставать. Так зачем же она поставила будильник? Внезапно все вспомнив, Джоан выскочила из постели, шлепая по прохладному полу теплыми босыми ногами. Пижама полетела на пол, а сама Джоан — под холодный душ. Взвизгнув, она включила горячую воду, потом опять холодную.

К тому времени, когда колеса машины, поднимавшейся по склону холма, зашуршали по гравию подъездной дорожки, Джоан уже успела уложить в корзинку еду и наполнить термос. Она поспешно надела кроссовки, застегнула брюки и взглянула на себя в зеркало. Неплохо. Конечно, не Мисс Америка, но и не пугало какое-нибудь.

Послышался стук в дверь, звонок в дверь и баритон — все разом. Баритон спросил:

— Джоан! Ты одета?

— Почти. Заходи, Фил.

За Хаксли, одетым в слаксы и тенниску, шел другой мужчина. Хаксли представил их друг другу:

— Джоан, это Бен Коуберн, доктор Бен Коуберн. Доктор Коуберн, это мисс Фримэн.

— Я чрезвычайно признателен вам, мисс Фримэн, за то, что вы разрешили мне приехать.

— Не стоит благодарности, доктор. Фил так много рассказывал мне о вас, что я просто жаждала познакомиться.

Поток светских условностей лился легко и естественно, словно заученное наизусть ритуальное песнопение.

— Джоан, называй его Беном. Сбей с него спесь.

Пока Джоан и Фил укладывали в машину вещи, Коуберн осматривал жилище девушки. Отделанная сосновыми панелями большая комната, огромный, но уютный камин, полки беспорядочно заставлены книгами — в общем, можно составить представление о личности хозяйки. Он прошел через открытую застекленную дверь в крошечный дворик, мощенный кирпичами, поросшими мхом. Во дворике стоял шандал для жарки мяса, маленький пруд в углу блестел в лучах утреннего солнца. Бен услышал, как его зовут:

— Док! Поторапливайся! Время не ждет!

Он еще раз оглядел дворик и вернулся к машине.

— Мне нравится ваш дом, мисс Фримэн. Зачем уезжать с Бичвуд-драйв, если в Гриффит-парке ничуть не лучше?

— Как это зачем? Если остаться дома, получится не пикник, а просто завтрак. Зовите меня Джоан.

— А можно как-нибудь напроситься к вам на «просто завтрак»?

— Отшей этого типа, Джоан,— театральным шепотом посоветовал Фил.— У него грязные намерения.

Джоан собрала остатки еды. Три большие обглоданные кости, бывшие недавно толстыми аппетитными бифштексами, оберточная бумага и завалявшаяся булочка полетели в костер. Джоан встряхнула термос. В нем забулькали остатки жидкости.

— Хотите еще грейпфрутового сока? — предложила она.

— А кофе есть? — спросил Коуберн и вновь обернулся к Хаксли: — Так, говоришь, его дар ясновидения совсем пропал?

— Сколько угодно,— сказала Джоан.— Наливайте сами.

Доктор налил кофе себе и Хаксли. Фил ответил:

— Совершенно пропал, я уверен. Вначале я думал, что это нервный шок после операции; попробовал под гипнозом, но результат все равно оказался отрицательным. Джоан, ты прекрасная повариха. Усынови меня!

— Ты уже совершеннолетний.

— *Я выдам ему свидетельство о недееспособности*,— предложил Коуберн.

— Незамужним женщинам не разрешают никого усыновлять.

— А вы выходите за меня замуж, и все будет в порядке. Мы вместе его усыновим, и вы будете готовить на троих.

— Ну, не скажу, что я согласна, но и не скажу, что не согласна. Скажу только, что за сегодняшний день это пока самое лучшее предложение. О чем вы говорили между собой?

— Заставь его сделать тебе предложение в письменном виде, Джоан. Мы говорили в Вальдесе.

— Ах да, ты же собирался протестировать его вчера. Ну и как?

— Дохлый номер, если иметь в виду его способность к ясновидению. Она пропала.

— Хм-м... А контрольные тесты?

— Тест темперамента по Хамм—Водсворту дал тот же результат, что и до несчастного случая, с поправкой на точность методики. Коэффициент умственных способностей в пределах нормы. Ассоциативные тесты тоже ничего нового не показали. По всем стандартам он остался той же самой личностью, если не считать двух моментов: в коре его головного мозга не хватает кусочка, и он больше не может видеть невидимое. Кстати, он недоволен тем, что потерял этот дар,

Они помолчали; потом Джоан спросила:

— По-видимому, это окончательно, да?

Хаксли повернулся к Коуберну;

— Как ты считаешь, Бен?

— Трудно сказать. Ты хочешь заставить меня признать, что та часть серого вещества, которую я вырезал, дает способность к ясновидению — не подтвержденную, кстати, ортодоксальной теорией медицины?

— Ничего я не хочу. Просто пытаюсь понять.

— Хорошо. В таком случае, если предположить, что все твои первоначальные данные тщательно проверены, а условия опыта абсолютно корректны...

— Так оно и есть.

— ...и что последующие отрицательные результаты проверены не менее тщательно...

— Ну разумеется! Черт возьми, да я целых три недели работал, все перепробовал!

— Тогда выводы напрашиваются сами собой. Во-первых,— Бен начал разгибать пальцы,— наш субъект мог видеть без участия физических органов зрения; а во-вторых, эта необычная, мягко говоря, способность каким-то образом связана с участком мозга правого полушария.

— Браво! — внесла свою лепту в обсуждение Джоан.

— Спасибо, Бен,— поблагодарил Фил.— Я, разумеется, пришел к тому же выводу, но все-таки приятно услышать подтверждение своим мыслям.

— Ну хорошо, а дальше что?

— Да не знаю. В общем-то я стал заниматься психологией по той же причине, по которой другие уходят в религию: потому что чувствовал непреодолимое желание понять себя самого и окружающий мир. Когда я был студентом, мне казалось, что современная психология даст мне ответы на все вопросы. Но скоро я понял, что величайшие психологи мира сами ни черта не понимают. Я отнюдь не охаиваю проделанную ими работу: она была необходимой и по-своему полезной. Только никто из них так и не узнал, что такое жизнь, что такое мышление, существует ли свобода воли или она не более чем иллюзия, а также есть ли какой-нибудь смысл в этом последнем вопросе. Лучшие из ученых сознаются в своем невежестве, худшие — цепляются за абсурдные догмы. Некоторые бихевиористы, например, считают, что если Павлов мог вызвать слюнотечение у собаки при звоне колокольчика, то они понимают, как Падеревский писал музыку!

Джоан, которая молча лежала под большим дубом и слушала мужчин, спросила:

— Бен, вы ведь нейрохирург, верно?

— Один из лучших,— заверил ее Фил.

— Вы видели разные мозги, и видели их живьем, в отличие от большинства психологов. Как вы считаете, что такое мышление? С вашей точки зрения, что у нас там тикает?

Он усмехнулся.

— Сдаюсь, детка! Понятия не имею. Это не мое дело, я всего лишь ремесленник.

Она села.

— Дай-ка мне сигаретку, Фил. Я, в общем-то, в том же тупике, что и Фил, только пришла туда другим путем. Отец хотел, чтобы я изучала юриспруденцию. Скоро я поняла, что меня больше интересуют законы, лежащие за пределами законов человеческих, и перешла на философский факультет. Но философия не дала мне ответа. В философии на самом-то деле ничего нет. Вы когда-нибудь ели сладкую вату, которую продают на ярмарках? Ну так философия вроде этой ваты: выгля-

дит внушительно, красивая такая, приятная на вид; но когда попробуешь укусить — там одна пустота, и ты глотаешь свою же слюну. Философия — всего лишь игра словами, и смысла в ней не больше, чем в щенячьей погоне за собственным хвостом. Я уже должна была защищать диплом на философском факультете, но бросила его, перешла на естественный и занялась психологией. Думала, что если буду терпеливой и усидчивой девочкой, то все узнаю. К чему это привело, Фил уже рассказал. Я стала подумывать: может, заняться медициной или биологией... Но вы, Бен, разбили последние иллюзии. Может, вообще не стоит учить женщин читать и писать?

Бен рассмеялся.

— У нас получается нечто вроде коллективной исповеди в сельской церкви. Давайте уж и я признаюсь. Наверное, большинство медиков вначале хотят узнать о человеке все, в том числе и чем он думает. Но это обширная проблема, окончательные ответы все время ускользают. Кроме того, всегда так много рутины, и она так заедает, что перестаешь интересоваться вечными вопросами. Мне по-прежнему хотелось бы знать, что такое жизнь, мышление и так далее. Но я вспоминаю о подобных материях, только когда у меня бессонница. Фил, а ты и правда всерьез собираешься заняться этим?

— В общем, да. Я собираю данные о всяких явлениях, которые противоречат ортодоксальной психологии. Все, что называют парапсихологией: телепатия, ясновидение, яснослышание, левитация, йога, стигматы и прочее.

— Разве многие их этих вещей нельзя объяснить естественными причинами?

— Конечно, можно. Потом можно вывернуть наизнанку общепринятую теорию, наплевать на статистический закон вероятности и объяснить почти все остальное. А потом объявить то, что останется, шарлатанством, излишней доверчивостью и самогипнозом, плюнуть на все и завалиться спать!

— Бритва Оккама,— пробормотала Джоан.

— А?

— Бритва Уильяма Оккама. Так называется один принцип в логике: если факты объясняются двумя гипотезами,

выбирай более простую. Когда ученый-традиционалист вынужден вывернуть наизнанку общепринятую теорию, так что она начинает напоминать фантазии Руба Голдберга, он тем самым игнорирует принцип бритвы Оккама. Казалось бы, гораздо проще выдвинуть новую гипотезу, чтобы она объяснила все факты, чем выворачивать наизнанку старую, которая, кстати, и не обязана их объяснять, ибо они находятся вне ее сферы. Но ученые любят свои теории больше, чем жен и детей.

— И подумать только,— с восхищением сказал Хаксли,— какие мысли бродят под этим перманентом!

— Бен, подержите его, я побью его термосом!

— Извини. Душенька, ты совершенно права. Я решил наплевать на теории и изучать экстраординарные явления как самые обычные факты. Посмотрим, куда меня это приведет.

— И что за материал ты нарыл? — спросил Бен.

— Да всего понемножку — факты, слухи. Кое-что — правда, очень немногое — удалось проверить в лабораторных условиях, как в случае в Вальдесом. Вы, конечно, слыхали, какие чудеса приписывают йоге. А в западном полушарии их воспроизвести почти не удается — веский довод против чудес, верно? И все-таки компетентные и трезвомыслящие наблюдатели засвидетельствовали в Индии немало необъяснимых явлений: телепатию, точные предсказания, ясновидение, хождение по раскаленным углям и всякое другое.

— А почему ты включил в парапсихологию хождение по углям?

— Потому что тут действуют какие-то тайные механизмы, с помощью которых сознание управляет телом и другими предметами.

— Хм-м...

— Эта мысль кажется тебе более странной, чем то, что ты можешь заставить свою руку почесать в затылке? Мы одинаково мало знаем о механизме действия силы воли как в первом случае, так и во втором. Возьми, например, островитян с Огненной Земли. Они спят голые на земле даже при нулевой температуре. А ведь человеческое тело не может приспосабли-

ваться абсолютно к любым условиям. Не встроен в него такой механизм — это тебе любой физиолог скажет. Если обнаженный человек находится при нуле градусов на улице, он должен двигаться — иначе он умрет. Но островитяне ничего не знают о метаболизме — они просто спят, и им уютно и тепло.

— Пока ты ходишь лишь кругом да около. Если весь твой материал такой же, то с моим дедушкой Стоунбендером случались чудеса и похлеще.

— Сейчас дойду до сути. Не забудь о Вальдесе.

— А что было с дедушкой Бена? — поинтересовалась Джоан.

— Джоан, в присутствии Бена ничем невозможно похвастаться. Сразу выясняется, что его дедушка Стоунбендер все то же самое делал быстрее, проще и лучше.

Коуберн печально взглянул на друга: на больных, мол, не обижаются.

— Ну, Фил, ты меня удивляешь. Если бы я сам не был Стоунбендером, и к тому же человеком терпимым, я бы оскорбился. Принимаю твои извинения.

— Так вот, ближе к делу. Про Вальдеса вы знаете. А еще в моем родном городе Спрингфилде, штат Миссури, был человек с часами в голове.

— Как это?

— А так: он знал точное время, не глядя на часы. Если ваши часы показывали не то, что он говорил, они оказывались неисправными. Кроме того, он молниеносно считал — давал немедленный ответ на самые сложные арифметические задачи. Правда, что касается остального, то он был слабоумным.

Бен кивнул.

— Довольно распространенное явление — одаренные кретины.

— Приклеивание ярлыка ничего не объясняет. Некоторые люди со странными способностями действительно слабоумные, но далеко не все. Я думаю, умных среди них гораздо больше, просто мы редко слышим о них. У людей умных хватает сообразительности, чтобы понять, что общество начнет

досаждать им или даже преследовать их, если обнаружит, что *они не похожи на окружающих.*

Бен опять кивнул.

— Что-то в этом есть, Фил. Продолжай.

— Многие люди с невероятными способностями были вполне нормальными. Например, Борис Сайдис...

— Этот мальчик-вундеркинд, да? Но он же вырос и растерял все свои таланты!

— Возможно. Хотя мне кажется, он просто ушел в тень и не хочет, чтобы другие знали, что он чем-то от них отличается. У него было множество удивительных способностей. Например, абсолютная память: он запоминал страницу текста, едва взглянув на нее. А помните Слепого Тома, пианиста-негра? Ему достаточно было лишь раз услышать какое-то произведение, чтобы его сыграть. Другой пример: несколько лет назад в округе Лос-Анджелес один парнишка играл в пинг-понг и прочие подобные игры с завязанными глазами. Я сам его проверял — он и вправду мог это делать. А еще был Мгновенное Эхо.

— Ты мне никогда о нем не говорил,— заметила Джоан.— Что он делал?

— Он мог воспроизвести твою речь, используя твои же слова и интонацию, на любом языке, даже если и не знал этого языка. И настолько точно, что со стороны никто бы не разобрал, где ты говоришь, а где он. Он имитировал твою речь так же быстро и легко, как тень следует за движениями тела.

— Подумать только! Это трудно объяснить теорией бихевиоризма. А ты не сталкивался со случаями левитации, Фил?

— У людей — нет. Хотя я видел одного местного медиума — правда, не профессионала. Славный парнишка, бывший мой сосед. Так вот, он взглядом поднимал в воздух разные предметы у меня в комнате. Клянусь, я в тот день не пил. Либо это было на самом деле, либо он меня загипнотизировал, как хотите. Кстати о левитации: знаете, что говорили о Нижинском?

— И что же?

— Говорили, что он летал. И у нас, и в Европе тысячи людей (те, что не умерли во время войны) могут засвидетель-

ствовать, что в балете «Видение розы» он подпрыгивал, зависал на какое-то время в воздухе, а потом опускался. Называйте это массовой галлюцинацией, если хотите; правда, сам я этого не видел.

— И опять бритва Оккама,— сказала Джоан.

— То есть?

— Массовую галлюцинацию объяснить еще труднее, чем полет одного человека в течение нескольких секунд. Существование массовых галлюцинаций еще никто не сумел доказать, и списывать на них все из ряда вон выходящие факты — значит уподобиться тому деревенскому простаку, который, увидев впервые в жизни носорога, заявил: «Не бывает такой животной!»

— Может, и так. Если хочешь, Бен, я еще расскажу о всяких фокусах. У меня миллион таких историй.

— А как насчет прорицателей и телепатов?

— То, что телепатия существует, неопровержимо доказывают опыты доктора Раина, правда, ничего не объясняя. Да и до него ее наблюдали сотни людей, так часто, что сомневаться в ее существовании просто нелепо. Например, Марк Твен. Он описывал случаи телепатии за пятьдесят лет до Раина, причем со всеми подробностями и документами. Конечно, он не ученый, но у него был здравый смысл, и пренебрегать его свидетельством не стоит. И свидетельством Эптона Синклера тоже. С прорицателями несколько сложнее. Все слышали множество историй о том, как сбывались разные предчувствия, но в большинстве случаев они бездоказательны. Можете почитать «Эксперимент со временем» Дж. В. Данна — это настоящий научный отчет о видениях прорицателей во время специального эксперимента.

— Фил, а дальше-то что? Ты же не просто собираешь факты из серии очевидное-невероятное?

— Конечно, не просто. Но мне пришлось собрать кучу данных, прежде чем удалось сформулировать рабочую гипотезу. Сейчас она у меня есть.

— Вот как?

— Ты мне ее подсказал, оперируя Вальдеса. У меня и раньше были подозрения, что люди с необычными и на первый взгляд невероятными способностями случайно раскрыли в себе потенциальные возможности, заложенные в каждом из нас. Скажи-ка, когда ты вскрыл череп Вальдеса, ты заметил внешне что-нибудь необычное?

— Нет. Если не считать раны, ничего особенного.

— Хорошо. Тем не менее, после того как ты удалил поврежденную часть мозга, Вальдес утратил способность к ясновидению. Ты вырезал кусочек мозга из той доли, функции которой неизвестны. Для современной психологии и физиологии многие участки головного мозга — белые пятна с точки зрения функций. Но ведь нелепо предполагать, что самый высокоразвитый и наиболее специализированный человеческий орган имеет доли, не несущие никаких функций. Гораздо логичнее предположить, что мы о них просто ничего не знаем. И все-таки у некоторых людей удаляют немалые доли мозга, и при этом никаких заметных нарушений умственной деятельности у них не происходит, если сохраняются участки, контролирующие нормальные физиологические функции.

В данном случае, с Вальдесом, мы обнаружили прямую связь между неисследованной долей мозга и необычной способностью, а именно ясновидением. Моя рабочая гипотеза как раз отсюда и исходит: потенциально у всех нормальных людей имеются все (или почти все) необычные способности — телепатия, ясновидение, особый математический дар, умение управлять своим телом и его функциями и так далее. И центры, контролирующие эти потенциальные способности, размещаются в неисследованных участках мозга.

Коуберн поджал губы.

— М-м-м... ну, не знаю. Если у нас у всех такие чудесные способности, почему тогда мы не может их использовать?

— Я пока ничего не утверждаю. Это же рабочая гипотеза! Но я приведу аналогию. Эти способности не похожи на зрение, слух и осязание, которыми мы бессознательно пользуемся с рождения. Они скорее похожи на способность к речи; в

нашем мозгу с рождения есть особые центры речи, но эту способность нужно развивать. Как ты думаешь, если ребенка будут воспитывать глухонемые, научится он разговаривать? Да ни в жизнь! Он тоже будет казаться глухонемым.

— Сдаюсь,— признался Коуберн.— Ты выдвинул гипотезу и достаточно убедительно обосновал ее. Но как ее проверить? Не вижу, за что тут можно уцепиться. Очень интересная догадка, но без рабочей методики она так и останется догадкой.

Хаксли перевернулся на спину и с несчастным видом посмотрел сквозь ветви деревьев на небо.

— В том-то вся и загвоздка. Я потерял свой самый лучший образец необычной способности... Теперь не знаю, с чего начать.

— Но, Фил,— возразила Джоан,— тебе ведь нужны нормальные люди. Это у них ты должен выявить особые таланты. Я думаю, это просто замечательно! Когда мы начинаем?

— Что начинаем?

— Да опыты со мной, конечно же! Возьми хотя бы способность к молниеносным подсчетам. Если ты поможешь мне развить ее, я буду считать тебя волшебником. На первом курсе я завалила алгебру. А таблицу умножения не знаю до сих пор!

3. КАЖДЫЙ ЧЕЛОВЕК САМ СЕБЕ ГЕНИЙ

— Ну что, начнем? — спросил Фил.

— Нет, подожди,— возразила Джоан.— Давай сначала спокойно выпьем кофе. Пусть обед уляжется! Мы уже две недели не видели Бена. Я хочу послушать о том, что он делал в Сан-Франциско.

— Спасибо, душенька,— отозвался хирург,— но лучше уж я послушаю о Безумном Ученом и его Трильби.

— Да какая там Трильби! — запротестовал Хаксли.— Она попросту самонадеянная нахалка. И все-таки кое-что мы можем показать тебе, док.

— Правда? Интересно! Что же?

— Ну, ты помнишь, в первые два месяца особых сдвигов не наблюдалось. Но мы не сдавались. У Джоан проявилась некоторая способность к телепатии, только она оказалась непостоянной. Что же до математики, таблицу умножения она выучила, зато с треском провалилась на молниеносных подсчетах.

Джоан вскочила, прошла между врачами и камином и направилась в свою крохотную встроенную кухоньку.

— Я помою посуду и поставлю в сушилку, а то муравьи наползут. Говорите погромче, чтобы мне тоже было слышно.

— Так что же Джоан умеет теперь делать, Фил?

— Не скажу. Подожди — сам увидишь. Джоан! Где карточный столик?

— За кушеткой. И не ори так, я тебя прекрасно слышу с тех пор, как обзавелась слуховой трубочкой для бабушек-щеголих.

— Ладно, детка, нашел. Карты на месте?

— Да. Я сейчас приду.

Она вернулась в комнату, на ходу сняла веселенький цветастый передник, забралась на кушетку и уселась, обхватив колени руками.

— Великий комик, Голливудский вампир готов! Все видит, все знает, а говорит еще больше. Предсказываем будущее, дерем зубы, культурно развлекаем всю семью!

— Перестань паясничать. Начнем с простой телепатии. Сосредоточься, пожалуйста. А ты, Бен, сними карты.

Коуберн снял.

— А теперь что?

— Сдавай их по одной — так, чтобы мы с тобой видели, а Джоан нет. Называй, малышка.

Бен начал медленно сдавать. Джоан монотонно заговорила:

— Семерка бубновая; червовый валет; червовый туз; тройка пик; десятка бубновая; шестерка трефовая; десятка пиковая; восьмерка трефовая...

— Бен, я впервые в жизни вижу тебя удивленным.

— Так ведь она назвала всю колоду без единой ошибки! Даже у дедушки Стоунбендера не получилось бы лучше!

— Высокая оценка, дружище. Давай попробуем по-другому. Я отвернусь и не буду смотреть на карты. Не знаю, что получится: мы всегда работали с ней вдвоем. Теперь попробуй ты.

Через несколько минут Коуберн положил последнюю карту.

— Здорово! Ни одной ошибки.

Джоан встала и подошла к столу.

— А почему в этой колоде две червовые десятки? — Она вытащила из колоды карту.— Ага! Ты думал, седьмая карта — червовая десятка, а это бубновая десятка. Видишь?

— Верно,— согласился Бен.— Извини, что я сбил тебя с толку. Здесь довольно темно.

— Джоан больше озабочена художественным эффектом освещения, чем собственным зрением,— объяснил Фил.— Я рад, что так случилось; это доказывает, что она применяла телепатию, а не ясновидение. Теперь попробуем немножко математику. Опустим элементарное, вроде кубических корней, сложения и логарифмов гиперболических функций. Можешь поверить мне на слово: все это для нее семечки. Позже, если захочешь, проверишь сам. Мы продемонстрируем тебе кое-что получше. Тут тебе и скоростное чтение, и абсолютная память, и работа с немыслимым количеством перестановок и сочетаний, и математический поиск выбора. Ты пасьянс умеешь раскладывать, Бен?

— Ну конечно.

— Тогда хорошенько перемешай карты и разложи пасьянс Кэнфилда слева направо, а потом раскрывай из оставшейся колоды до тех пор, пока не застрянешь.

— Ладно. А в чем тут смысл?

— Когда пасьянс застопорится, стасуй колоду разок и подними карты по одной так, чтобы Джоан быстро взглянула на картинку. Потом подожди минутку.

Коуберн молча сделал все, что его просили. Джоан сказала:

— Придется тебе повторить, Бен. Я вижу только пятьдесят одну карту.

— Наверное, две слиплись. Постараюсь поаккуратнее.

Он повторил процедуру.

— Теперь пятьдесят две. Хорошо.

— Ты готова, Джоан?

— Да, Фил. Поехали, складывай: черви на шестерку, бубны на четверку, пики на двойку, трефы не трогай.

Коуберн взглянул с недоверием.

— Ты хочешь сказать, что пасьянс сойдется?

— Попробуй и увидишь.

Бен начал медленно собирать пасьянс. В одном месте Джоан его прервала.

— Нет, сюда лучше положи кучку с червовым королем, а не с пиковым. Если положишь пикового короля, то откроется трефовый туз, но как минимум три червовые карты окажутся недоступными.

Коуберн ничего не сказал, но последовал ее совету. Она еще дважды останавливала его и предлагала другой выбор.

Пасьянс сошелся в точности так, как она предсказала.

Коуберн взъерошил волосы и уставился на карты.

— Джоан,— спросил он смиренно,— у тебя головка не бо-бо?

— От этой чепухи? Да тут и думать-то не о чем.

— Знаешь,— серьезно проговорил Хаксли,— мне кажется, она действительно не напрягалась. Насколько я могу судить, мыслительный процесс совсем не требует потребления энергии. Очевидно, любой человек способен правильно думать без усилия. У меня есть подозрение, что как раз ошибочное мышление вызывает головную боль.

— Но, черт подери, как она это делает, Фил? Да у меня голова начинает болеть, как только я представлю себе, сколько времени ушло бы на решение этой проблемы обычными математическими методами!

— Не знаю, как она это делает. И она сама не знает.

— Тогда как же она научилась этому?

— Об этом поговорим позже. Сначала посмотри наш коронный номер.

— Нет, больше не могу. Я и так обалдел.

— Тебе понравится.

— Погоди-ка, Фил. Я сам хочу провести эксперимент. С какой скоростью Джоан читает?

— С мгновенной.

— Хм...— Бен вытащил из кармана пиджака пачку листов с напечатанным текстом.— У меня здесь второй экземпляр статейки, которую я сейчас пишу. Пусть Джоан прочтет страничку. Ладно, Джоан?

Коуберн вынул одну страницу из середины и протянул Джоан. Она мельком взглянула на нее и отдала ему. Он недоуменно спросил:

— В чем дело?

— Ни в чем. Проверяй, я начинаю.— И она быстро забубнила: — Страница четыре: ...согласно Каннингэму, издание пятое, страница 547, «...другой пучок волокон, а именно fasciculus spinocerebellaris (задний), проходящий вверх в боковой finiculus medulla spinallis, постепенно уходит из этой части medulla oblongata. Этот участок лежит на поверхности, и он...»

— Довольно, Джоан, остановись. Бог знает, как тебе это удалось, но ты за долю секунды прочла и запомнила целую страницу, напичканную специальными терминами.— Он лукаво улыбнулся: — Однако на некоторых словах ты слегка спотыкалась. А дедушка Стоунбендер произнес бы все без запинки!

— Чего ты хочешь? Я не понимаю значения половины слов!

— Джоан, как ты научилась всему этому?

— Честное слово, доктор, не знаю. Это вроде того, как учишься ездить на велосипеде: свалишься раз, другой, третий, а потом в один прекрасный день садишься и едешь как ни в чем не бывало. А через неделю ездишь уже без руля и пробуешь всякие трюки. Вот так и со мной случилось — я знала, чего хочу, и в один прекрасный день научилась. Давайте продолжим, а то Фил уже нервничает.

Коуберн погрузился в задумчивое молчание и безропотно позволил Хаксли подвести себя к письменному столу в углу комнаты.

— Джоан, можно открыть любой ящик? О'кей. Бен, вытаскивай ящик, все равно какой, вынимай из него что захочешь и клади туда что душе угодно. А потом не глядя перемешай все в кучу, вытащи несколько предметов и положи в другой ящик. Я хочу исключить возможность телепатии.

— Фил, я рада, что тебя не волнует, какой кавардак будет у меня в столе. Мои бесчисленные секретарши с наслаждением наведут там порядок, когда ты наиграешься.

— Малышка, не становись на пути у науки. А кроме того,— добавил Фил, заглянув в ящик,— здесь порядок не наводили по меньшей мере полгода. Так что особого вреда не будет.

— Ха! А чего ты хочешь, если я все свое время трачу, разучивая для тебя всякие салонные фокусы? И вообще, я знаю, где что лежит.

— Вот этого я и боюсь, а потому хочу, чтобы Бен ввел сюда элемент произвольности. Ну давай же, Бен.

Когда хирург выполнил все, о чем его просили, и закрыл ящик, Хаксли продолжил:

— Джоан, возьми карандаш и лист бумаги. Вначале перечисли все, что видишь в ящике, а потом нарисуй схему, как вещи лежат.

— Ладно.

Джоан села за стол и стала быстро записывать:

«Большая черная кожаная сумка. Шестидюймовая линейка».

Коуберн остановил ее:

— Постой-ка. Все неверно. Я бы заметил такой большой предмет, как сумка.

Джоан наморщила лоб:

— Какой ты сказал ящик?

— Второй справа.

— Мне послышалось «верхний».

— Возможно, я оговорился.

Девушка начала снова:

«Медный ножик для бумаги. Шесть разных карандашей и еще красный карандаш. Тринадцать резинок. Перочинный ножичек с перламутровой ручкой».

— Бен, это, наверное, твой ножик. Очень хорошенький; почему я раньше его не видела?

— Я купил его в Сан-Франциско. Господи боже, малышка! Ты же действительно не видела его!

«Один спичечный коробок с рекламой отеля сэра Фрэнсиса Дрейка. Восемь писем и два счета. Два использованных билета в театр Фолли Бурлеск».

— Доктор, ты меня удивляешь!

— Давай пиши дальше.

— Только если пообещаешь в следующий раз взять меня с собой.

«Один термометр с зажимом. Клей и корректирующая лента для пишущей машинки. Три разных ключа. Один тюбик помады "Макс фактор № 3". Блокнот и несколько картотечных карточек, исписанных с одной стороны. Маленький коричневый бумажный пакетик, а в нем пара чулок девятого размера темно-коричневого цвета».

— А я и позабыла, что купила их; сегодня утром весь дом обыскала, хотела найти приличную пару.

— Что же ты не включила свои рентгеновские глаза, миссис Гудини?

Джоан страшно удивилась:

— А знаешь, мне это и в голову не пришло! Я еще не привыкла пользоваться ими.

— Есть еще что-нибудь в ящике?

— Ничего, только пачка бумаги для заметок. Секундочку: сейчас нарисую.

Минуты две она рисовала, высунув кончик языка; глаза ее перескакивали от бумаги к закрытому ящику и обратно.

— Тебе обязательно нужно смотреть в направлении ящика, чтобы увидеть, что внутри? — спросил Бен.

— Нет, но так лучше. У меня голова кружится, когда я вижу какую-то вещь, а смотрю не на нее.

Проверили содержимое ящика и как расположены в нем вещи: все совпало. Закончив проверку, доктор Коуберн молча уселся в кресло. Хаксли, задетый отсутствием реакции, не выдержал:

— Ну, Бен, что ты думаешь? Понравилось тебе?

— Ты и сам знаешь, что я думаю. Ты полностью доказал свою теорию; но я думаю о ее значении и о некоторых возможностях. Представь себе, каким это может оказаться благом для хирурга! Джоан, ты можешь видеть внутренности человеческого организма?

— Не знаю. Я еще не...

— Посмотри-ка на меня.

Она пристально посмотрела на Коуберна:

— Ой... ой, я вижу, как у тебя сердце бьется! Я вижу...

— Фил, ты можешь меня научить видеть, как она?

Хаксли потер рукой нос.

— Не знаю. Может быть...

Джоан наклонилась над шезлонгом, в котором лежал хирург.

— Не получается, Фил?

— Ни черта. Я все перепробовал, разве что молотком по черепу не стучал. Там, по-видимому, вообще нет мозгов, так что и гипнотизировать нечего.

— Не злись, лучше попробуй еще раз. Бен, как ты себя чувствуешь?

— Нормально, только сна ни в одном глазу.

— Я выйду из комнаты. Может, это я тебя отвлекаю. Будь послушным мальчиком и засни — баю-бай!

Девушка вышла. Минут через пять Хаксли позвал ее:

— Иди сюда, малютка. Уснул.

Она вернулась и взглянула на Коуберна, растянувшегося на шезлонге.

— Он готов к общению со мной? — спросила Джоан.

— Да. Приготовься и ты тоже.

Она легла на кушетку.

— Ты знаешь, что мне нужно; постарайся установить связь с Беном, как только заснешь. Тебя нужно гипнотизировать, чтобы усыпить?

— Нет.

— Тем лучше — спи!

Неподвижная, совсем расслабленная, она лежала на кушетке.

— Ты под гипнозом, Джоан?

— Да, Фил.

— Можешь ли ты проникнуть в мозг Бена?

Немного помолчав, она ответила:

— Да.

— Ну и что там?

— Ничего. Вроде как пустая комната, но уютная. Постойка — он приветствует меня.

— Что говорит?

— Приветствует без слов.

— Бен, ты меня слышишь?

— Ну конечно, Фил.

— Вы чувствуете друг друга?

— Да, безусловно.

— Слушайте меня внимательно, оба. Медленно проснитесь, не разрывая связи. Потом Джоан обучит Бена, как проникать взглядом в невидимое. Сможете?

— Да, Фил, сможем,— сказали они в один голос.

4. ОТПУСК

— Честное слово, мистер Хаксли, не могу понять, почему вы так упрямитесь.— Взгляд немного выпученных глаз ректора Западного университета покоился на второй пуговице жилетки Фила.— Вам были предоставлены все условия для глубокой и основательной исследовательской работы над серьезными проблемами. Вас специально не перегружали преподаванием, чтобы вы могли доказать свои бесспорные способности. Вы временно исполняли обязанности заведующего кафедрой в прошедшем семестре. Однако вместо того чтобы использовать эти прекрасные возможности, вы, по вашему собственному признанию, увлеклись ребяческой игрой в бабушкины сказки и дурацкие небылицы. Видит бог, дружище, я вас не понимаю!

Фил ответил, сдерживая раздражение:

— Но, доктор Бринкли, если позволите, я покажу вам...

Ректор поднял руку:

— Прошу вас, мистер Хаксли. Не будем повторять все сызнова. Да, кстати, я случайно узнал, что вы вмешиваетесь в работу медицинского факультета.

— Медицинского факультета! Ноги моей там не было вот уже несколько недель...

— Из совершенно достоверного источника мне стало известно, что под вашим влиянием доктор Коуберн делает операции, абсолютно игнорируя советы диагностов — между прочим, лучших диагностов на всем Западном побережье.

Хаксли постарался сохранить вежливо-равнодушный тон:

— Предположим на мгновение, что я и в самом деле оказал какое-то влияние на доктора Коуберна — я, впрочем, это отрицаю,— но можете ли вы привести хоть один пример, когда отказ доктора Коуберна следовать советам диагностов привел бы к неадекватному лечению больного?

— Дело не в этом. Дело в том, что я не могу позволить, чтобы мои сотрудники вмешивались в работу других факультетов. Вы, безусловно, не можете с этим не согласиться.

— Я не признаю, что я вмешивался в чью-то работу. Более того, я это отрицаю.

— Боюсь, придется мне самому принять решение.— Бринкли встал из-за стола и подошел к Хаксли.— Мистер Хаксли, вы разрешите мне называть вас Филипом? Люблю, чтобы мои подчиненные относились ко мне как к другу. Я дам вам такой же совет, какой дал бы своему сыну. Через денек-другой семестр кончается. Полагаю, что вам необходим отдых. У совета возникли некоторые сомнения, стоит ли возобновлять с вами контракт, если вы до сих пор не закончили докторантуру? Я взял на себя смелость заверить совет, что вы представите диссертацию в следующем академическом году. Я совершенно уверен, что вы в состоянии сделать это, если сосредоточите свои усилия на серьезной, конструктивной работе. Уходите в

отпуск, а когда вернетесь, можете представить мне тезисы диссертации. Я не сомневаюсь, что в таком случае совет не станет возражать против возобновления с вами контакта.

— Я намерен обобщить в диссертации результаты моей нынешней исследовательской работы.

Бринкли поднял брови с выражением вежливого удивления:

— Вот как? Но об это не может быть и речи, мальчик мой, вы ведь знаете! Вам действительно необходимо отдохнуть. Итак, до свидания; на случай, если мы с вами не увидимся до окончания семестра, разрешите пожелать вам приятно провести отпуск.

Когда массивная дверь закрылась за ним, Хаксли забыл о своих претензиях на светские манеры и помчался по университетскому городку, не обращая внимания ни на преподавателей, ни на студентов. Он нашел Коуберна и Джоан на их любимой скамейке, где они сидели, глядя в ямы Ла Бри на Уилширский бульвар.

Хаксли плюхнулся на скамейку рядом с ними. Мужчины молчали, но Джоан, не в силах сдержать нетерпение, спросила:

— Ну, Фил? Что сказал старый хрыч?

— Дайте-ка сигаретку.— Коуберн протянул ему пачку и выжидающе взглянул на друга.— Да, в общем, мало что сказал. Пригрозил уволить с работы и испортить мне научную репутацию, если я не подчинюсь и не буду плясать под его дудку. Разумеется, все это говорилось в самых любезных выражениях.

— Но, Фил, почему ты не предложил ему привести меня и показать, каких успехов ты добился?

— Я не хотел тебя впутывать; к тому же это бесполезно. Он отлично знает, кто ты такая. Он слегка проехался по поводу того, что молодым преподавателям не следует встречаться со студентками во внеслужебное время и все бубнил о высоком моральном облике университета и о наших обязательствах перед обществом.

— Ах он старый грязный козел! Да я его на куски разорву!

— Спокойно, Джоан,— мягко прервал ее Бен Коуберн.— Скажи-ка, Фил, чем именно он тебе угрожал?

— Отказался продлить контракт со мною сейчас. Хочет промурыжить меня все лето, а если осенью я приду и заблею овечкой, он, может, и продлит — если пожелает. Чтоб ему пусто было! Но чем он меня достал больше всего, так это предположением, что я сдаю и мне нужно отдохнуть.

— Ну и что ты будешь делать?

— Работу искать, наверное. Есть-то нужно.

— Преподавательскую?

— Скорее всего, Бен.

— Не слишком-то много у тебя шансов, пока официально не уволишься из университета. Тебе могут здорово подпортить репутацию. Пожалуй, в этом смысле ты ничуть не свободнее, чем профессиональный футболист.

Хаксли помрачнел, Джоан вздохнула, поглядела на болотца, окружающие Ямы. Потом, улыбнувшись, сказала:

— Давайте заманим старого шута сюда и столкнем в яму!

Коуберн улыбнулся, но ничего не ответил. Джоан пробурчала про себя что-то насчет трусливых зайцев. Коуберн обратился к Хаксли:

— А знаешь, Фил, предложение старика насчет отпуска было не таким уж дурацким. Мне и самому отпуск не помешал бы.

— Ты серьезно?

— Ну да, более или менее. Я живу здесь уже семь лет, а штата еще не знаю по-настоящему. Мне бы хотелось поехать куда глаза глядят. Можно махнуть через Сакраменто на север Калифорнии. Говорят, там чудесно. А на обратном пути можно заехать в Хай-Сьерры и в Бит Триз.

— Звучит заманчиво.

— Возьми с собой записи, по пути мы их обсудим. А если тебе понадобится что-то дописать, остановимся и подождем.

Хаксли протянул руку.

— Идет, Бен. Когда выезжаем?

— Как только закончится семестр.

— Значит, мы сможем выехать в пятницу вечером. Чью машину возьмем, твою или мою?

— Мою, двухместную. У нее большой багажник.

Джоан, которая с интересом прислушивалась к разговору, вмешалась:

— Почему твою, Бен? В двухместной машине неудобно втроем.

— Втроем? Почему втроем? Ты не едешь, светлоглазка!

— Да? Это только ты так думаешь! Вы от меня так легко не отделаетесь: я подопытный кролик.

— Но, Джоан, это чисто мужское дело.

— А меня, значит, под зад коленом?

— Джоан, мы этого не говорили. Но будет ужасно неприлично, если ты станешь шататься повсюду с двумя мужчинами...

— Трусы! Слюнтяи! Ханжи! Боитесь за свою репутацию.

— Вовсе нет. За твою боимся.

— Неубедительно. Если девушка живет одна, у нее нет никакой репутации. Пусть она чище куска туалетного мыла, все равно сплетники разберут ее по косточкам. Чего вы испугались? Мы же не будем выезжать за границы штата...

Бен с Филом переглянулись: так глядят друг на друга мужчины, когда неразумная женщина настаивает на своем.

— Джоан, осторожнее!

Большой красный автобус из Санта-Фе вывернул из-за поворота навстречу и промчался мимо. Джоан, обогнав на своей полосе бензовоз и трейлер, обернулась к Хаксли, сидевшему на заднем сиденье.

— В чем дело, Фил?

— Да мы бы разбились в лепешку, если бы столкнулись с двадцатитонным подвижным составом из Санта-Фе!

— Не нужно нервничать; я вожу машину с шестнадцати лет и еще ни разу не попадала в аварию.

— Ничего удивительного — первая же твоя авария будет и последней. Слушай, неужели ты не можешь глядеть на дорогу? Я ведь не слишком много прошу, верно?

— Мне вовсе не обязательно смотреть на дорогу. Гляди.

Она развернулась к нему лицом: глаза были плотно закрыты. Стрелка спидометра показывала девяносто миль в час.

— Джоан! Прошу тебя!

Она открыла глаза и отвернулась.

— Да мне же не нужно глядеть, чтобы видеть. Ты меня сам научил, не помнишь, что ли?

— Да, только мне и в голову не приходило, что ты будешь проделывать такие фокусы за рулем!

— А почему бы и нет? Я самый безопасный в мире водитель: я вижу на дороге все, даже за поворотом. Если нужно, я читаю мысли других шоферов и узнаю, что они намерены делать.

— Фил, она права. Я немного понаблюдал за тем, как она ведет машину: не придерешься, я и сам не смог бы лучше. Вот почему я не нервничаю.

— Ладно, ладно,— пробурчал Хаксли.— Но вы, пожалуйста, не забывайте, супермены, что у вас на заднем сиденье есть обычный нервозный смертный, который не видит, что там, за углом.

— Я исправлюсь,— смиренно сказала Джоан.— Я не хотела пугать тебя, Фил.

— Объясни мне, Джоан,— попросил Коуберн.— Ты сейчас сказала, что не смотришь на то, что хочешь увидеть. У меня так не получается. Помню, раньше ты говорила — у тебя голова кружится, если ты смотришь назад, а видишь то, что впереди.

— Было, Бен, но я с этим справилась. И ты тоже справишься. Нужно просто перебороть старые привычки. Для меня теперь все «впереди» — вокруг, вверху и внизу. Могу сосредоточить внимание на любом направлении или на двух-трех направлениях сразу. Могу даже выбрать точку вдали от того места, где я нахожусь физически, и посмотреть на обратную сторону предмета. Но это труднее.

— Из-за вас обоих я себя чувствую чем-то вроде матери Гадкого Утенка,— с горечью сказал Хаксли.— Вы хоть помя-

нете меня добрым словом, когда вырветесь за пределы человеческого общения?

— Бедный Фил! — воскликнула Джоан. В голосе ее звучало искреннее сочувствие.— Ты нас научил, а мы про тебя и забыли. Послушай, Бен, что я скажу: давайте сегодня вечером остановимся на стоянке — выберем какую-нибудь поспокойнее в окрестностях Сакраменто и пробудем там денька два, научим Фила тому, чему он нас научил.

— Я согласен. Хорошее предложение.

— Жутко благородно с вашей стороны, компаньоны,— язвительно заметил Фил. Тем не менее он явно обрадовался и смягчился.— А когда вы со мной закончите, я тоже сумею водить машину на двух колесах?

— Почему бы тебе не научиться левитации? — предложил Коуберн.— Это проще, не требует так много энергии, и ничего из строя не выходит.

— Когда-нибудь, возможно, и научимся,— вполне серьезно ответил Хаксли.— Неизвестно, куда заведет нас этот путь.

— Да, ты прав,— не менее серьезно сказал Коуберн.— Я уже дошел до того, что готов поверить в любое чудо света, особенно на голодный желудок. Так на чем ты прервался, когда мы обгоняли бензовоз?

— Я пытался изложить тебе одну идею, которую обмозговываю в последние недели. Очень важная идея, такая важная, что самому не верится.

— Ну, выкладывай.

Хаксли начал разгибать пальцы:

— Мы доказали — или пытались доказать,— что нормальный человеческий рассудок обладает ранее неизвестными способностями, верно?

— Да, в порядке рабочей гипотезы.

— Способностями, намного превосходящими те, которые обычно использует человеческий род в целом.

— Да, безусловно. Продолжай.

— И у нас есть причины считать, что эти способности существуют благодаря участкам мозга, которым ранее физиологи

не приписывали никаких функций. Иначе говоря, у них есть органическая основа, точно так же, как глаз и зрительные центры в мозгу,— это органическая основа для обычного зрения.

— Да, конечно.

— В принципе, можно проследить эволюцию любого органа — от примитивного начального состояния до сложной высокоразвитой формы. Причем любой орган развивается, только если им пользуются. В эволюционном смысле функция порождает орган.

— Конечно. Это элементарно.

— Ты что, не понимаешь, что это означает?

Коуберн взглянул озадаченно; потом лицо его прояснилось. Хаксли продолжал, и в голосе звучал восторг:

— Ага, ты тоже понял? Вывод неизбежен: наверняка когда-то весь род человеческий пользовался экстраординарными способностями с такой же легкостью, как слухом, зрением или обонянием. И, конечно же, в течение долгого периода — сотен тысяч, а может быть, и миллионов лет — эти способности развивались у всего рода в целом. Не могли они развиться у отдельных индивидов, как не могут, скажем, у меня вдруг вырасти крылья. Это должно было происходить у всего рода, причем достаточно долго. Теория мутации тут тоже не годится: мутация развивается маленькими скачками и сразу проявляется на практике. Нет-нет: эти странные способности — пережиток тех времен, когда они имелись у всех людей и все пользовались ими.

Хаксли замолчал. Коуберн погрузился в глубокую задумчивость. Машина отмахала уже миль десять, а хирург не проронил ни слова. Джоан хотела что-то сказать, но потом передумала. Наконец Коуберн медленно произнес:

— Вроде ты рассуждаешь правильно. Неразумно предполагать, что большие участки мозга со сложными функциями ни на что не нужны. Но, братец, ты же переворачиваешь с ног на голову всю современную антропологию!

— Это меня беспокоило, когда я набрел на свою концепцию. Потому-то я и молчал. Ты что-нибудь знаешь про антропологию?

— Ничего. Так, какие-то пустяки, как любой медик.

— И я не знал, но всегда относился к ней с уважением. Профессор имярек, бывало, восстановит кого-то из наших прадедушек по ключичной кости и челюсти, напишет длиннющую диссертацию о его духовном мире, а я заглатываю ее целиком — со всем крючком, и леской, и грузилом — и балдею от восхищения. Но в последнее время я почитал эту литературу более внимательно. Знаешь, что оказалось?

— Говори.

— Ну, во-первых, на каждого знаменитого антрополога найдется другой, не менее знаменитый, который называет первого несусветным вруном. Они не способны прийти к согласию по поводу простейших элементов своей так называемой науки. А во-вторых, у них нет почти никаких вещественных доказательств, подтверждающих их домыслы о происхождении человека. Никогда не видал, чтобы из мухи такого слона делали! Книгу пишут за книгой, а факты-то где? Даусоновский человек, синантроп, гейдельбергский человек, еще какой-то человек — вот и все находки, к тому же не целые скелеты, а так, пустяки — поврежденный череп, парочка зубов да две-три кости.

— Да ну тебя, Фил, ведь нашли же массу останков кроманьонцев!

— Верно, но они были настоящие люди. А я говорю о наших недоразвитых эволюционных предшественниках! Понимаешь, я пытался найти доказательства того, что я ошибаюсь. Если развитие человека шло по восходящей кривой — сначала человекообезьяны, потом дикари, потом варвары, впоследствии создавшие цивилизацию... и все это лишь с небольшими периодами упадка — в несколько столетий, самое большее — в несколько тысячелетий... и если наша культура представляет собой наивысшую стадию, когда-либо достигнутую человечеством... Если все это верно, тогда неверна моя концепция. Ты ведь понимаешь, что я хочу сказать? Внутреннее устройство нашего мозга доказывает, что человечество в своей прошлой истории достигло таких высот, о каких мы нынче и мечтать не смеем. Каким-то образом человечество

скатилось назад — скатилось так давно, что мы нигде не находим упоминания об этом факте. Звероподобные недоразвитые существа, которыми так восхищаются антропологи, не могут быть нашими предками: они слишком примитивны, слишком молоды, они появились слишком недавно. У человечества не хватило бы времени на развитие тех способностей, наличие которых мы подтвердили. Либо антропология — вздор, либо Джоан не может делать того, что мы видели.

Джоан не отреагировала. Она сидела за рулем большой машины, зажмурив глаза от солнца, и видела дорогу необъяснимым внутренним зрением.

Они провели пять дней, обучая Хаксли разным трюкам, и на шестой вновь очутились на шоссе. Сакраменто остался далеко позади. Время от времени сквозь просветы между деревьями проглядывала гора Шаста. Хаксли остановил машину на смотровой площадке, ответвлявшейся от шоссе № 99, и повернулся к своим спутникам.

— Отряд, на выход! — сказал он.— Полюбуемся на окружающий пейзаж.

Все трое стояли и смотрели поверх глубокого ущелья, по дну которого струила свои воды река Сакраменто, на гору Шасту, возвышавшуюся милях в тридцати. День был знойный, а воздух чистый, как детский взгляд. Пик с обеих сторон обрамляли громадные ели, спускавшиеся вниз, в ущелье. Снег еще лежал на вершине и на склонах, доходя до самой границы леса.

Джоан что-то пробормотала. Коуберн повернул голову.

— Что ты сказала, Джоан?

— Я? Ничего, просто повторила строчки из стихотворения.

— Какого?

— «Священная Гора» Тай Чженя. «Здесь простор и двенадцать свежих ветров. Их окутывает вечность — белый мгновенный покой, зримое присутствие высших сил. Здесь прекращается ритм. Времени больше нет. Это конец, не имеющий конца».

Хаксли откашлялся и смущенно прервал молчание.

— Я, кажется, понимаю, что ты хочешь сказать.

Джоан повернулась к ним обоим.

— Мальчики,— заявила она,— я сейчас заберусь на Шасту.

Коуберн смерил девушку бесстрастным взглядом и заявил:

— Джоан, не мели ерунды.

— А я и не мелю. Я же вас не заставляю — я сама туда заберусь.

— Но мы в ответе за твою безопасность, и меня, между прочим, совсем не прельщает мысль забираться на четырнадцать тысяч футов.

— Ни за что ты не в ответе. Я свободная гражданка. И вообще, тебе не повредит подъем. Сбросишь немножко жира, который за зиму накопил.

— С чего тебе вдруг приспичило туда забраться? — спросил Хаксли.

— И вовсе не вдруг. С тех пор как мы уехали из Лос-Анджелеса, мне все время снится один и тот же сон — что я поднимаюсь и поднимаюсь куда-то наверх... и что я ужасно счастлива. Теперь я знаю, что поднималась во сне на Шасту.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю, и все.

— Бен, что ты об этом думаешь?

Хирург поднял кусочек гранита и швырнул куда-то в направлении реки. Подождав, пока камушек скатится на несколько сотен футов по склону, он сказал:

— Я думаю, нам надо купить горные ботинки.

Хаксли остановился. Коуберн и Джоан, шедшие за ним по узенькой тропке, тоже вынуждены были остановиться.

— Джоан, ты уверена, что мы шли сюда этой дорогой? — с беспокойством спросил Хаксли.

Они сбились в кучку, прижались друг к другу. Ледяной ветер ржавой бритвой резал лицо, снежный вихрь бушевал вокруг, обжигая глаза. Джоан ответила не сразу.

— Пожалуй, да,— сказала она, подумав.— Но даже с закрытыми глазами я ничего не узнаю из-за снега.

— Я тоже. Зря мы отказались от проводника, промашка вышла... Но кто бы мог подумать, что такой прекрасный летний день закончится снежным бураном?

Коуберн потопал ногами, похлопал руками и заторопил своих спутников:

— Пошли-пошли! Даже если это и верная дорога, самый крутой участок еще впереди. Не забывайте о леднике, через который мы прошли.

— Я и рад бы о нем забыть,— ответил Хаксли.— Страшно даже подумать, что придется снова перебираться через него в такую жуткую погоду.

— Мне тоже страшно, но если мы останемся здесь, то замерзнем.

Они осторожно пошли вперед, теперь уже вслед за Коуберном, отворачиваясь от ветра и прикрывая глаза. Через пару сотен ярдов Коуберн предостерег их:

— Осторожно, ребята! Тропинки здесь совсем не видно и очень скользко.

Он сделал еще несколько шагов.

— Лучше бы нам...— Они услышали, как он поскользнулся, проехал по льду на ногах, пытаясь удержать равновесие, и тяжело упал.

— Бен! Бен! — крикнул Хаксли.— С тобой все в порядке?

— Надеюсь,— выдохнул Коуберн.— Я здорово ударил левую ногу. Будьте осторожны.

Они увидели, что он лежит, наполовину свесившись над пропастью. Осторожно ступая, они подошли поближе.

— Дай-ка руку, Фил. Спокойно!

Хаксли вытащил Бена обратно на тропинку.

— Можешь встать?

— Боюсь, что нет. Зверски болит левая нога. Взгляни-ка на нее, Фил. Нет, не снимай ботинок, смотри сквозь него.

— Ну да. Я совсем забыл.— Хаксли с минуту смотрел на ногу.— Плохо дело, парень. Перелом большой берцовой кости дюйма на четыре ниже колена.

Коуберн просвистел несколько тактов из «Реки Саванны», потом сказал:

— Ну и везет же мне! Простой или сложный перелом, Фил?

— Вроде простой, Бен.

— Правда, сейчас это не имеет большого значения. Как же теперь быть?

Ему ответила Джоан:

— Мы сделаем носилки и понесем тебя вниз!

— Слышу слова настоящего скаута! Но ты можешь себе представить, малышка, как вы с Филом потащите меня через ледник?

— Как-нибудь перетащим.— В голосе Джоан звучала неуверенность.

— Не сумеете, детка. Уложите-ка меня поудобнее, а сами спускайтесь вниз за спасательным отрядом. А я посплю, пока вы ходите. Буду рад, если оставите мне несколько сигареток.

— Нет! — запротестовала Джоан.— Мы не бросим тебя одного!

— Твой план не лучше, чем у Джоан,— поддержал девушку Хаксли.— Легко сказать: «Посплю, пока вы ходите». Ты не хуже меня знаешь, что замерзнешь в сосульку, если проведешь ночь на голой земле без укрытия.

— Придется рискнуть. Ты можешь предложить что-нибудь получше?

— Подожди-ка. Дай подумать.— Хаксли сел на уступ рядом с другом и подергал себя за левую мочку.— Самое лучшее, что мне приходит в голову, это отнести тебя в какое-нибудь укрытие и разжечь костер. Джоан останется с тобой и будет следить за огнем, а я пойду за подмогой.

— Все замечательно,— вмешалась Джоан,— только за подмогой пойду я. Ты заплутаешь в этом буране, Фил. Сам ведь знаешь, что твое непосредственное восприятие еще ненадежно.

Оба мужчины запротестовали.

— Джоан, ты не пойдешь одна.

— Мы тебе не позволим, Джоан.

— Все это галантная чушь. Я пойду, и точка.

— Нет,— сказали оба в один голос.

— Тогда мы все останемся здесь на ночь и просидим у костра, прижавшись друг к другу. А утром я спущусь.

— Так будет лучше,— согласился Бен,— если...

— Добрый вечер, друзья.

Высокий старик стоял на уступе скалы позади них. Синие немигающие глаза пристально смотрели из-под кустистых белых бровей. Лицо гладко выбрито, грива на голове такая же белая, как и брови. Джоан подумала, что он похож на Марка Твена.

Коуберн первым пришел в себя.

— Добрый вечер,— ответил он,— если вечер действительно добрый, в чем я сомневаюсь.

Незнакомец улыбнулся одними глазами.

— Меня зовут Эмброуз, мадам. Но вашему другу нужна помощь. Разрешите, сэр...

Старик встал на колени и осмотрел ногу Бена, не снимая ботинок. Наконец он поднял голову:

— Будет немного больно. Предлагаю тебе заснуть, сынок.

Бен улыбнулся, закрыл глаза. Дыхание стало медленным и ровным — видно было, что он уснул.

Человек, назвавшийся Эмброузом, скрылся в темноте. Джоан попыталась проследить за ним внутренним зрением, но это оказалось на удивление трудно. Через несколько минут он вернулся, неся в руках несколько прямых дощечек, которые он разломал на одинаковые куски дюймов по двадцать. Затем незнакомец вынул из кармана брюк скатанный кусок ткани и примотал дощечки к левой голени Бена.

Удостоверившись, что примитивный лубок держится прочно, старик подхватил массивного Коуберна на руки, словно ребенка, и сказал:

— Пошли!

Они без слов последовали за ним тем же путем, которым пришли, идя гуськом сквозь снегопад. Пройдя пятьсот-шестьсот ярдов, старик свернул с проторенной тропинки и уверенно углубился во тьму. Джоан обратила внимание, что на нем всего лишь легкая хлопчатобумажная рубашка без пиджака и без свитера, и удивилась, что он вышел в такую вьюгу, не одевшись потеплее. Он сказал ей через плечо:

— Я люблю холодную погоду, мадам.

Пройдя между двумя большими валунами, он, казалось, скрылся в горе. Джоан и Фил последовали за ним и очутились в коридоре, который шел наискосок внутрь горной породы. Завернув за угол, они попали в восьмиугольную гостиную с высоким потолком, отделанную мягкой древесиной светлого цвета. Окон не было, рассеянный неяркий свет исходил из какого-то невидимого источника. Одну сторону восьмиугольника занимал большой камин, в нем приветливо потрескивали дрова. На полу, вымощенном плитами, не было ковра, но ногам было тепло.

Старик остановился, не опуская своей ноши, и кивком указал на уютные сиденья — три кушетки, тяжелые старинные кресла, шезлонг.

— Устраивайтесь поудобнее, друзья. Я должен убедиться в том, что о вашем спутнике позаботятся. А потом принесу вам что-нибудь на ужин.— И он вышел через противоположную дверь.

Фил и Джоан переглянулись.

— Ну,— сказал Хаксли,— что ты об этом думаешь?

— Мне кажется, мы нашли свой второй дом. Здесь просто шикарно!

— И что мы будем делать?

— Я подвину вон тот шезлонг к камину, сниму ботинки, согрею ноги и высушусь.

Когда Эмброуз вернулся, минут через десять, его гости с блаженным видом грели у камина ноги. В руках у старика был поднос, а на нем тарелки с горячим супом, булочки, яблочный пирог и крепкий чай.

— Ваш друг отдыхает,— сказал хозяин, составив блюда с подноса на стол.— Не стоит тревожить его до утра. Когда подкрепитесь, в коридоре найдете спальни со всем необходимым.— Он указал на дверь, через которую только что вошел.— Вы не ошибетесь: это ближайшие освещенные комнаты. Спокойной ночи, друзья.

Он взял поднос и повернулся к выходу.

— Э-э... послушайте,— нерешительно начал Хаксли.— Мы очень вам благодарны, мистер... э-э...

— Не за что, сэр. Меня зовут Бирс. Эмброуз Бирс. Спокойной ночи.— И он ушел.

5. «...КАК БЫ СКВОЗЬ ТУСКЛОЕ СТЕКЛО...»

Выйдя наутро в гостиную, Хаксли увидел, что на маленьком столике приготовлен основательный завтрак на троих. Пока он поднимал с тарелок крышки и размышлял над тем, требуют ли правила приличия подождать остальных, в комнату вошла Джоан. Он поднял голову.

— Привет, малышка! Здесь неплохой стол накрыт. Взгляни.— Он поднял крышку с одной тарелки.— Хорошо спала?

— Мертвым сном,— она присоединилась к обследованию содержимого тарелок.— Да, наш хозяин понимает толк в еде. Когда мы выходим?

— Когда соберемся здесь все втроем, наверное. Вчера ты была одета по-другому.

— Нравится?

Она медленно повернулась вокруг, покачиваясь, как манекенщица. На ней было жемчужно-серое платье, доходившее до самых пят. Высокую талию подчеркивали два серебряных шнурка: они проходили между грудей и обвивали талию, как пояс. Обута она была в серебряные сандалии. Во всем ее одеянии было нечто старинное.

— Шикарно. Почему это девушкам всегда больше идут простые одежды?

— Простые... хм! Если ты можешь купить такой наряд на Уилширском бульваре за триста долларов, оставь мне адрес магазина.

— Привет, ребята.

В дверях стоял Коуберн. Они оба уставились на него.

— В чем дело?

Хаксли внимательно осмотрел друга:

— Как твоя нога, Бен?

— Об этом я как раз хотел спросить у тебя. Долго я был без сознания? С ногой все в порядке. Может, она вовсе и не была сломана?

— Признавайся, Фил,— поддержала Коуберна девушка.— Ты ее осматривал, а не я.

Хаксли дернул себя за ухо.

— Она была сломана — или у меня совсем крыша поехала. Дай-ка посмотрю.

Коуберн, одетый в пижаму и купальный халат, задрал штанину и показал розовую, совершенно здоровую голень. С силой ударив по ней кулаком, он сказал:

— Видите? Даже синяков нет.

— Хм... Не так уж долго ты был без сознания, Бен. Всего лишь одну ночь. Часов десять-одиннадцать.

— Чего?

— Честное слово.

— Этого не может быть.

— Я с тобой согласен. А теперь давайте позавтракаем.

Они ели в молчании, задумавшись; каждый чувствовал настоятельную потребность найти какое-то разумное объяснение происшедшему. Потом, как по команде, все трое подняли от тарелок глаза. Хаксли первым нарушил молчание:

— Ну... Что скажете?

— Мне все это снится,— предположила Джоан.— Нас занесло вьюгой, мы умерли и попали в рай. Пожалуйста, передай мне джем.

— Это невозможно,— возразил Хаксли, передавая джем,— иначе Бена бы с нами не было. Он прожил жизнь во грехе. Но если серьезно, то некоторые события все-таки требуют объяснения. Давайте перечислим их. Во-первых, вчера вечером Бен ломает ногу, а сегодня утром она уже здорова.

— Погоди-ка: мы абсолютно уверены, что он сломал ногу?

— Я уверен. Да и хозяин наш в этом, похоже, не сомневался: иначе зачем бы он тащил этого бугая на руках? Во-вторых,

наш хозяин обладает внутренним зрением либо сверхъестественным умением ориентироваться в горах.

— Кстати, о внутреннем зрении,— сказала Джоан.— Кто из вас пробовал осмотреться и определить размер этих помещений?

— Я не пробовал, а что?

— Я тоже не пробовал.

— И не пытайтесь. Я пробовала — это невозможно. Мое восприятие не проникает за стены комнаты.

— Хм... пусть это будет в-третьих. В-четвертых, наш хозяин называет себя Эмброуз Бирс. Он хочет сказать, что он тот самый Эмброуз Бирс? Ты знаешь, кто такой Эмброуз Бирс, Джоан?

— Конечно, я девушка образованная. Он исчез еще до моего рождения.

— Именно. Когда началась первая мировая война. Если он тот самый Эмброуз Бирс, ему уже больше сотни.

— А выглядит лет на сорок моложе.

— Н-да. Оставим вопрос открытым. «В-пятых» включает в себя сразу несколько вопросов: почему наш хозяин живет здесь? Откуда взялся этот странный гибрид роскошного отеля с пещерой? Как может один старик управляться с таким хозяйством? Кто-нибудь из вас видел здесь еще хоть одного человека?

— Я не видел,— сказал Коуберн.— Меня кто-то разбудил, но это, наверное, был Эмброуз.

— А я видела,— заметила Джоан.— Меня разбудила какая-то женщина и подарила мне платье.

— Может, миссис Бирс?

— Не похоже. Ей не более тридцати пяти лет. Правда, мы не познакомились, она ушла раньше, чем я окончательно проснулась.

Хаксли перевел взгляд с Джоан на Коуберна.

— Ну так что мы имеем? Сложи все вместе и выдай ответ.

— Доброе утро, мои юные друзья!

Бирс стоял в дверях, и его глубокий низкий голос заполнил всю комнату. Трое друзей вздрогнули, как будто их застали за каким-то непристойным занятием.

Коуберн первым пришел в себя. Он встал и поклонился.

— Доброе утро, сэр. Вы спасли мне жизнь. Боюсь, любые слова благодарности будут недостаточны.

Бирс ответил церемонным поклоном.

— *Мне было приятно оказать вам эту услугу, сэр.* Надеюсь, вы все хорошо отдохнули.

— Да, спасибо, и отлично поели.

— Прекрасно. Теперь, если позволите, мы можем обсудить ваши дальнейшие планы. Угодно ли вам уехать, или мы можем надеяться, что вы побудете с нами еще немного?

— Я полагаю,— немного нервничая, сказала Джоан,— что нам не стоит злоупотреблять вашим гостеприимством. Как погода?

— Погода хорошая, но вы можете остаться здесь, сколько пожелаете. Быть может, вы хотели бы увидеть весь наш дом и познакомиться с другими домочадцами?

— По-моему, это было бы чудесно!

— *Я буду счастлив служить вам, мадам.*

— Откровенно говоря, мистер Бирс,— Хаксли слегка поклонился с серьезным выражением лица,— нам очень даже хотелось увидеть ваш дом и побольше узнать о вас. Мы как раз говорили об этом, когда вы вошли.

— Любопытство — вещь естественная и незазорная. Пожалуйста, спрашивайте.

— Ну...— неуверенно начал Хаксли и вдруг решился: — Вчера вечером Бен сломал ногу. Или не сломал? Сегодня она совершенно здорова.

— Он в самом деле сломал ногу. Ночью ее вылечили.

Коуберн прочистил горло.

— Мистер Бирс, меня зовут Коуберн. Я врач, хирург, но я никогда не слышал о столь мгновенном исцелении. Не расскажете ли вы об этом поподробнее?

— Конечно же. Вы, безусловно, знаете, как проходит регенерация у низших форм жизни. Мы используем тот же принцип, но сознательно управляемый, поэтому заживление идет гораздо быстрее. Вчера вечером я загипнотизировал вас, затем передал контроль одному из наших хирургов. А он заставил

ваш разум приложить свои собственные усилия, чтобы исцелить ваше тело.

Коуберн в замешательстве смотрел на старика. Бирс продолжал:

— Тут нет ничего необычного. Разум и воля в любой момент способны полностью подчинить себе тело. Наш оператор попросту заставил вашу волю возобладать над телесным недугом. Методика совсем несложная, если захотите, мы вас научим. Уверяю вас, обучиться ей проще, чем объяснить ее нашим нескладным и несовершенным языком. Я говорил о разуме и воле как о чем-то раздельном. Это язык заставил меня выразить понятие столь неточно. Ведь ни разум, ни воля не существуют как отдельные явления. Есть только...

Он замолчал. Коуберн почувствовал что-то вроде вспышки в мозгу, как если бы выстрелили из винтовки, только мягко и безболезненно. Что бы это ни было, оно было веселым, как жаворонок или как резвый котенок, и в то же время спокойным и безмятежным.

Он увидел, как Джоан кивает, не спуская глаз с Бирса. И вновь услышал глубокий, звучный голос хозяина:

— У вас есть еще какие-нибудь вопросы?

— Да, конечно, мистер Бирс,— ответила Джоан.— И не один. Например: где мы находимся?

— У меня дома, со мной живут еще несколько моих друзей. Вы лучше нас поймете, когда поближе познакомитесь с нами.

— Спасибо. Но мне все равно непонятно, как ваша община умудрилась сохранить в тайне свое пребывание здесь.

— Мы приняли кое-какие меры предосторожности, мадам, чтобы избежать огласки. Вы позже поймете, какие именно и почему.

— Еще один вопрос, личный, если не хотите, можете не отвечать. Вы тот самый Эмброуз Бирс, который исчез много лет назад?

— Да. Впервые я поднялся сюда в 1880 году, чтобы вылечиться от астмы. В 1914 году я удалился сюда, потому что не

хотел участвовать в грядущих трагических событиях, остановить которые был не в силах.— Он говорил неохотно, словно эта тема была для него неприятна, и тут же перевел разговор.— Хотите, я прямо сейчас познакомлю вас с некоторыми моими друзьями?

Жилые помещения простирались ярдов на сто вдоль поверхности горы и на неопределенные расстояния вглубь. Человек тридцать жили там очень свободно; многие комнаты были не заняты. За утро Бирс познакомил друзей с большинством жителей.

Здесь были люди всех возрастов и нескольких национальностей. Большинство из них занимались какой-нибудь исследовательской деятельностью либо каким-то видом искусства. Во всяком случае, в нескольких комнатах Бирс говорил гостям, что в данный момент жильцы занимаются исследованиями,— но никакой аппаратуры и никаких записывающих устройств не было видно.

Бирс представил их одной группе из трех человек — двух женщин и мужчины, которых окружали вещественные доказательства их работы — биологических исследований. Но и здесь подробности оставались непонятными; двое сидели молча и ничего не делали, а третий трудился за лабораторным столом. Бирс объяснил, что проводятся какие-то очень тонкие эксперименты на предмет активации искусственных коллоидов. Коуберн спросил:

— А те двое наблюдают за работой?

Бирс покачал головой.

— Отнюдь. Они все трое активно работают, но на данном этапе им кажется целесообразным объединить усилия трех умов с парой рук.

Оказалось, что такого рода связь была обычным способом сотрудничества. Бирс привел их в комнату, где находилось шесть человек. Один или двое подняли головы и кивнули, но ничего не сказали. Бирс сделал знак троим друзьям уйти.

— Они занимаются крайне сложным восстановлением, было бы невежливо мешать им.

— Но, мистер Бирс,— заметил Хаксли,— ведь двое же играли в шахматы!

— Ну да. Им не нужна эта часть мозга, вот они ее и выключили. И все-таки они очень заняты.

Проще было наблюдать за работой художников. Правда, в двух случаях друзей поразили методы их работы. Бирс привел их в студию к крохотному человечку, живописцу, работавшему маслом, которого представил просто по имени: Чарлз. Художник, казалось, рад был их видеть и весело болтал, не прерывая работы. Он писал с педантичным реализмом, производившим, впрочем, весьма романтический эффект, этюд танцующей девушки, лесной нимфы, на фоне соснового леса.

Молодые люди одобрительно отозвались о работе. Коуберн заметил, что художник поразительно точен в анатомических деталях даже без натурщицы.

— Но у меня есть натурщица,— сказал художник.— Она была здесь на прошлой неделе. Видите? — Он указал глазами на пустой пьедестал для натурщицы. Коуберн и его товарищи проследили за его взглядом и увидели стоящую на пьедестале девушку, застывшую в той же позе, что и на холсте. Девушка казалась совершенно живой.

Чарлз отвел взгляд. Пьедестал опять опустел. Второй случай оказался не столь эффектным, но еще менее понятным. Друзья познакомились и поболтали с некоей миссис Дрэпер, добродушной, уютного вида дамой, которая во время беседы вязала, раскачиваясь в кресле. Когда они ушли, Хаксли спросил у Бирса, кто она такая.

— Она, пожалуй, наша самая талантливая художница,— ответил Бирс.

— В какой области?

Бирс нахмурил кустистые брови, подыскивая нужные слова.

— Я, наверное, не смогу вам как следует объяснить. Она сочиняет настроения — располагает эмоциональные модели в гармонической последовательности. Это у нас сейчас самый

передовой и гуманный вид искусства. Правда, пока вы сами его не испробовали, мне очень трудно рассказать о нем.

— Как же можно располагать эмоции?

— Вашему прадедушке наверняка показалось бы невозможным записывать музыку. У нас есть соответствующие средства. Позже поймете.

— И что, миссис Дрэпер одна этим занимается?

— Ну нет! Мы почти все пробуем свои силы, это наш любимый вид искусства. Я и сам пытаюсь им заняться, но мои произведения не пользуются популярностью — слишком уж они мрачны.

Вечером трое друзей обсудили увиденное в той самой гостиной, где ужинали накануне. Это помещение было предоставлено в их распоряжение. Бирс распрощался с ними, заявив, что зайдет утром.

Они ощущали настоятельную потребность обменяться мнениями, и в то же время никому не хотелось говорить. Хаксли нарушил молчание.

— Что же это за люди? Из-за них я чувствую себя ребенком, который случайно забрался в мастерскую ко взрослым. А они слишком хорошо воспитаны, чтобы выставить меня. И работают они как-то странно. Я не говорю о том, что они делают — это само собой, но есть что-то странное в их отношении, даже в темпе работы.

— Я понимаю, что ты хочешь сказать, Бен,— согласилась Джоан.— Они постоянно заняты и при этом ведут себя так, будто в их распоряжении вечность, чтобы закончить работу. И Бирс так же себя вел, когда перевязывал тебе ногу. Они никогда не торопятся.— Она повернулась к Хаксли.— Чего ты хмуришься?

— Сам не знаю. Не могу понять. У них множество необычных талантов, но этим нас не смутишь: мы трое кое-что знаем о необычных талантах. Однако в них есть что-то другое, не похожее ни на что.

Двое друзей согласились с ним, но так и не смогли определить, что именно удивило их в жителях горной общины

больше всего. Немного погодя Джоан сказала, что идет спать, и вышла из гостиной.

Мужчины остались, чтобы выкурить по последней сигарете.

Джоан просунула голову в дверь.

— *Я поняла, что отличает всех этих людей,*— заявила она.— Они так полны жизни!

6. «ИХАВОД»!

Филип Хаксли, как обычно, лег спать и заснул. А дальше все было совсем не как обычно.

Он осознал, что находится в теле другого человека и думает другим разумом. Другой знал о присутствии Хаксли, но не разделял его мыслей.

Другой был дома, и, хотя Хаксли никогда раньше не видал таких зданий, дом показался ему знакомым. Он находился на Земле, невероятно прекрасной, каждое дерево и куст вписывались в пейзаж настолько гармонично, будто были творением художника. Дом рос из земли.

Другой вышел из дома вместе с женой, они собирались в столицу планеты. Хаксли сам назвал место назначения «столицей», хотя и знал, что мысль о правительстве, навязанном силой, чужда этим людям. «Столица» была попросту обычным местом встречи группы людей, чьим советам следовали все, когда дело касалось вопросов, затрагивающих человечество в целом.

Другой и его жена, сопровождаемые сознанием Хаксли, прошли в сад, взлетели в воздух и помчались над деревьями, летя рука об руку. Зеленая плодородная местность была ухоженной, словно парк; кое-где виднелись отдельные здания, но городских скоплений домов Хаксли нигде не видел.

Они быстро миновали крупный водный массив величиною приблизительно с нынешнее Средиземное море и приземлились на полянке в оливковой роще.

«Молодые Люди» — так мысленно окрестил их Хаксли — требовали решительной реформы обычаев: во-первых, чтобы древними знаниями награждали за способности, а не по праву рождения, как это делается сейчас, а во-вторых, чтобы слабые подчинялись сильным. Локи выдвинул эти требования, подняв свое надменное лицо, увенчанное шапкой ярко-рыжих волос. Он говорил словами, и это раздражало хозяина Хаксли, поскольку естественным способом ведения серьезной дискуссии считалась телепатическая связь. Но Локи закрыл свой разум для окружающих.

Юпитер ответил ему от имени всех:

— Сын мой, твои слова пусты и лишены подлинного смысла. Мы не можем понять, что ты имеешь в виду на самом деле, ибо ты и твои братья решили закрыть от нас свой разум. Ты просишь, чтобы древние знания были наградой за способности. А разве когда-нибудь было иначе? Разве наша сестра, обезьяна, летает по воздуху? Разве младенец не связан по рукам и ногам голодом, сном и телесными недугами? Разве иволга сровняет гору с землей одним взглядом? Властью, которая отличает нас среди более молодых созданий этой планеты, сейчас пользуются только те члены нашего рода, кто наделен способностями, и никто более. Как же мы можем сделать то, что и так уже сделано?

Ты требуешь, чтобы сильные правили слабыми. А разве сейчас это не так? Разве не всегда было так? Разве матерью командует сосунок? Разве ветер поднимается потому, что трава колышется? Какая еще власть тебе нужна, кроме власти над самим собою? Ты хочешь приказывать твоему брату, когда ложиться спать и когда садиться за стол? Если да, то зачем?

Незаконченную речь старика прервал Вулкан. Хаксли почувствовал, как волна возмущения прошла среди членов совета. Им было неприятно столь откровенное пренебрежение приличиями.

— Хватит словами играть. Мы знаем, чего хотим, и вы тоже это знаете. Мы намерены добиться своего, что бы там ни решил совет. Осточертела нам эта овечья жизнь. Надоело липовое

равенство. Мы положим ему конец. Мы сильные и смелые, мы по праву вожди человечества. А остальные пусть идут за нами и прислуживают нам, как требует нормальный порядок вещей.

Юпитер в задумчивости опустил взгляд на кривую ногу Вулкана.

— *Тебе следовало дать мне исцелить твою вывихнутую ногу, сын мой.*

— Никто не может вылечить мою ногу!

— Верно. Никто, кроме тебя самого. И пока ты не вылечишь вывих в мозгу, не сможешь вылечить и вывихнутую ногу.

— Нет у меня вывиха в мозгу!

— Так вылечи ногу.

Молодые Люди смущенно зашевелились. Все понимали, что Вулкан поставил себя в дурацкое положение. Меркурий отделился от группы и вышел вперед.

— Послушайте меня, Отец. Мы не собираемся воевать с вами. Напротив, мы намерены прославить вас еще больше. Объявите себя царем всего сущего под солнцем. Мы будем вашими наместниками и распространим ваше владычество на все создания, которые ходят, плавают или ползают по земле. Вы воссядете на троне в ореоле повелителя, в сиянии победной славы. Мы сохраним древние знания для тех, кто их понимает, а ничтожные твари пусть довольствуются своим невежеством. Не следует всем без разбора открывать святая святых. Наоборот — пусть многие служат горсточке избранных, и тогда, объединив свои усилия, мы быстро продвинемся вперед по пути, одинаково выгодному и для хозяина, и для слуг его. Ведите нас, Отец! Будьте нашим царем.

Старик медленно покачал головой.

— Ты ошибаешься. Не существует других познаний, кроме познания человеком самого себя. А это познание должно быть доступно любому, у кого хватит сообразительности, чтобы научиться. И не существует другой власти, кроме власти над самим собой. А ее невозможно ни дать, ни отнять. Что же до очарования верховной власти, так это уже было. Ни к

чему начинать все заново. Если романтика подобного рода привлекает вас, наслаждайтесь ею, перечитывая архивы, не стоит снова заливать планету кровью.

— Это последнее слово совета, Отец?

— Это наше последнее слово.

Юпитер встал и плотно запахнул свой плащ, давая тем самым понять, что заседание окончено. Меркурий пожал плечами и вернулся к своим единомышленникам.

На другом, заключительном заседании совета решали, что делать с ультиматумом Молодых Людей. Мнения членов совета разделились, как это обычно бывает у людей. Впрочем, они и были людьми, а вовсе не суперменами. Некоторые высказывались за то, чтобы оказать сопротивление Молодым Людям всеми доступными способами: переместить непокорных в другое измерение, промыть им мозги, даже сокрушить их насильственными методами.

Но насилие противоречило всей их философии.

— Свободная воля — это основное благо Космоса. Если мы нарушим волю хотя бы одного человека, то испортим и загубим все, ради чего работали. Неужто вы решитесь на это? — образумил собравшихся Юпитер.

Фил понял, что Старшие не собираются оставаться на Земле. Они намеревались удалиться куда-то в другое место, понимание природы которого было недоступно разуму Хаксли — он сознавал лишь, что оно находится за пределами известного ему пространства и времени.

Вопрос состоял в следующем: все ли они сделали, чтобы помочь сохранить равновесие рода? Правы ли они, что отрекаются от своей власти?

Решили, что да; одна из женщин — членов совета, которую, как показалось Хаксли, звали Деметрой, заметила, что следует оставить архивы: они могут помочь тем, кто переживет неотвратимую катастрофу.

— Правда, каждый член рода должен сам стать сильным и мудрым. Тут мы ничем не можем им помочь. Однако после того как по Земле промаршируют голод, война и ненависть,

пусть у людей останется хоть какое-нибудь сообщение об их наследии.

Члены совета согласились, и хозяин Хаксли, архивариус, получил задание подготовить архивы и оставить их потомкам. Юпитер добавил еще одно распоряжение:

— Укрепи силовые структурные связи, чтобы они не рассыпались во время катастрофы. Помести архивы там, где им не будут угрожать никакие землетрясения и извержения вулканов, пусть сохранятся хотя бы некоторые.

Сон кончился. Но Хаксли не проснулся: ему сразу же приснился другой сон, и теперь он видел его не чужими глазами, а так, как если бы смотрел стереофильм и знал в нем каждый кадр.

Первый сон, при всей его трагичности, не слишком сильно взволновал Хаксли; но все время, пока ему снился второй сон, его мучила душераздирающая печаль и чувство непреодолимой усталости.

После отречения Старших Молодые Люди добились своего и установили свой порядок. Установили огнем и мечом, световыми лучами и тайными силами, обманом и мошенничеством. Будучи убеждены, что власть принадлежит им по праву, они убедили себя и в том, что любые средства хороши для достижения цели.

И в конце концов родилась империя Мю — самая могущественная империя, праматерь всех империй.

Хаксли увидел ее в расцвете и едва не подумал, что Молодые Люди все-таки были правы, ибо она была великолепна! Слезы наворачивались на глаза при мысли о том, что это поразительное, захватывающее дух великолепие исчезло из мира навсегда.

Бесшумные гигантские лайнеры в небе, громадные корабли в гаванях, груженные зерном, кожами и пряностями, красочные процессии, в которых участвовали жрецы, послушники и простые верующие, блеск и роскошь власти — Хаксли видел всю изысканную красоту империи и оплакивал ее неизбежный конец.

Ибо в самом ее разбухшем могуществе гнездился упадок. Атлантида, богатейшая колония империи, достигла политической зрелости и возжаждала независимости. Раскол и отступничество, недовольство и измена повлекли за собой суровые репрессии — а они вызвали мятеж.

Мятежи возникали, и их подавляли. Наконец вспыхнуло такое восстание, которое подавить не удалось. Менее чем за месяц погибли две трети обитателей планеты; оставшихся мучили болезни, голод, и их зародышевую плазму повредили те страшные силы, что сами люди выпустили на волю.

Но жрецы все еще хранили древние знания.

То были уже не прежние жрецы — спокойные и гордые своей высокой миссией. Они были напуганы, затравлены, они видели, как пошатнулась их власть. Такие жрецы были у обеих враждующих сторон, и по сравнению с развязанными ими войнами прежние беды казались детскими игрушками.

Катаклизмы нарушили изостатическое равновесие земной коры.

Мю содрогнулась и опустилась на две тысячи футов. Приливные волны дошли до ее середины, откатились назад, дважды обошли земной шар, залили Китайские равнины и плескались у подножий Верхних Гималаев.

Атлантида задрожала, загудела и раскололась; через три дня вода накрыла ее. Лишь немногие жители спаслись, улетев оттуда и приземлившись на почве, еще влажной от морской воды, либо на высоких горных пиках, недоступных приливным волнам. Там им пришлось вести тяжелую борьбу за существование, ибо почва была скудной, а к физическому труду они не привыкли; и все же некоторым удалось выжить.

От Мю не осталось и следа. Что до Атлантиды, то лишь ряд островков, несколько дней назад бывших горными вершинами, указывали на ее местоположение. Волны перекатывались через двуглавую Башню Солнца, а в садах вице-короля плавала рыба.

Хаксли переполняла невыносимая горечь. Он, казалось, слышал, как кто-то говорит внутри него:

— Увы мне, увы! Будь проклят Локи! Будь проклята Венера! Будь проклят Вулкан! Трижды проклят я сам, Ораб, Первосвященник Благословенных Островов и их отступник. Горе мне! И проклиная, я тоскую по Мю, великой и грешной. Двадцать один год назад, ища себе смерти, на этой горной вершине я наткнулся на архив наших могущественных предков. Двадцать один год я трудился, чтобы дополнить архив, выискивая в потаенных глубинах моего рассудка давно затерянное знание, скитался по равнинам в поисках знания, мне неведомого. И вот теперь, на восемьсот девяносто втором году мой жизни в и году триста пятом после разрушения Мю я, Ораб, возвращаюсь к моим праотцам.

Хаксли был очень рад, когда наконец проснулся.

7. «ОТЦЫ ЕЛИ КИСЛЫЙ ВИНОГРАД, А У ДЕТЕЙ НА ЗУБАХ — ОСКОМИНА»

Бен уже был в гостиной, когда Фил пришел завтракать. Вслед за ним появилась Джоан. Под глазами у нее были круги, и выглядела она несчастной. Бен угрюмо спросил:

— Что с тобой, Джоан? У тебя такой вид, будто вот-вот наступит Судный день.

— Пожалуйста, Бен,— ответила она устало,— не критикуй меня. Мне всю ночь скверные сны снились.

— Вот как? Извини. Скверные, говоришь? Знала бы ты, какие кошмарики мучили меня!

Фил просмотрел на них обоих:

— Послушайте, так значит, вы тоже видели странные сны?

— У тебя что, уши заложило? — Бен явно был не в духе.

— Что вам снилось?

Они промолчали.

— Погодите-ка. Мне самому снились необычные сны.— Хаксли вытащил из кармана блокнот и вырвал три листочка.— Я хочу кое-что выяснить. Пожалуйста, запишите свои сны и пока ничего не рассказывайте... Вот тебе карандаш, Джоан.

Они немного поартачились, потом согласились.

— Прочти-ка вслух, Джоан.

Она взяла листок Коуберна и прочла: «Мне снилось, что твоя теория о вырождении человечества оказалась абсолютно правильной». Положив листок, Джоан взяла записку Хаксли: «Снилось, что я присутствовал при падении богов и видел, как рухнули Мю и Атлантида».

В гробовой тишине она взяла последнюю запись, свою собственную: «Мне снилось, что люди уничтожили сами себя, когда восстали против Одина».

Коуберн заговорил первым:

— Все эти записи подходят и к моим снам.

Джоан кивнула. Хаксли молча встал, вышел и немедленно вернулся со своим дневником. Открыв его, он протянул дневник Джоан.

— Малышка, прочти, пожалуйста, вслух, начиная с записи «Шестнадцатое июня».

Девушка медленно читала, не поднимая глаз от дневника. Фил подождал, пока она закончит и закроет тетрадь, потом спросил:

— Ну, что скажете?

Бен затушил окурок: сигарета догорела до самого фильтра и обожгла ему пальцы.

— Удивительно точное описание моего сна, только ты называешь старшего Юпитером, а я окрестил его Ахурамаздой.

— А я воспринимала Локи как Люцифера.

— Оба вы правы,— согласился Хаксли.— Я не помню, чтобы кто-то называл их по имени. Мне просто казалось, что я знаю, как их зовут.

— И мне тоже.

— Послушайте,— вдруг сказал Бен.— А ведь мы говорим так, будто эти сны настоящие. Будто мы все смотрели один и тот же фильм.

Фил повернулся к нему.

— Ну а ты-то что думаешь?

— Да, наверное, то же, что и вы. Я сбит с толку. Если не возражаете, можно я позавтракаю или хоть кофе выпью?

Когда Бирс вошел, они еще не успели обсудить свои сны; с общего молчаливого согласия за завтраком этой темы не касались.

— Доброе утро, мадам. Доброе утро, джентльмены.

— Доброе утро, мистер Бирс.

— Вижу,— сказал хозяин,— что вы сегодня не в лучшем настроении. Ничего страшного: так бывает со всеми, кто переживает воспоминания.

Бен оттолкнул свой стул и, наклонившись, впился глазами в Бирса:

— Так нам специально показали эти сны?

— Конечно! Но мы были уверены, что вы готовы извлечь из них пользу. Я пришел пригласить вас на встречу со Старейшим. Ему и зададите все вопросы — так будет проще.

— Со Старейшим?

— Вы с ним еще не знакомы. Так мы называем человека, который, по нашему мнению, способен наилучшим образом координировать нашу деятельность.

Лицо Эфраима Хоу сразу вызывало в памяти горы Новой Англии, а худые шишковатые руки выдавали бывшего столяра-краснодеревщика. Он был уже немолод, и в его худой, долговязой фигуре было какое-то изысканное изящество. Все в нем — искорки в светло-голубых глазах, пожатие руки, протяжная манера речи — располагало к откровенности.

— Садитесь же,— сказал он.— Я перейду сразу к делу.— (Он произнес: «ди-елу».) — Вы столкнулись с массой загадочных вещей, и вы имеете право узнать зачем. Вы видели старинные архивы — правда, частично. Я расскажу вам, как возникло наше сообщество, для чего оно существует и почему мы собираемся пригласить вас присоединиться к нам. Подождите минутку, па-а-а-даждите-ка минутку,— добавил он, подняв руку.— Пока ничего не отвечайте... Когда фра Хуниперо Серра в 1781 году впервые увидел гору Шасту, индейцы сказали ему, что это святое место, где могут обитать только

знахари. Он уверил их, что он и есть знахарь и служит великому Господину. Чтобы не выдать себя, монах дотащился, хотя был стар и болен, до линии снегов, где и остался на ночь. Сон, который он там увидел — про сады Эдема, грехопадение и всемирный потоп — убедил его, что это и впрямь святое место. Вернувшись в Сан-Франциско, монах хотел учредить на Шасте миссионерскую общину. Однако у старика было слишком много забот — так много душ надо было спасти, так много ртов накормить. Два года спустя он отошел в мир иной, но перед смертью взял клятву с одного своего собрата-монаха осуществить его намерение. Если верить архивам, тот монах ушел из северной миссионерской общины в 1785 году и не вернулся. Индейцы кормили праведника, жившего на горе до 1843 года, и к этому времени вокруг него собралась группа неофитов — трое индейцев, русский и горецянки. Русский возглавил общину после смерти монаха, а затем к ним присоединился китаец, сбежавший от хозяина. За несколько недель китаец добился большего, чем русский — за половину жизни, и поэтому русский с радостью уступил ему главенство. Хотя прошло уже более ста лет, китаец все еще был жив, но давным-давно отстранился от управления. Он наставлял членов общины в области эстетики и юмора. Единственная цель нашей общины,— продолжал Эфраим Хоу,— это предотвратить повторение того, что произошло с Мю и Атлантидой. Мы отвергаем все то, за что ратовали Молодые Люди. Мы понимаем мировую историю как ряд кризисов, происходящих из-за конфликта между двумя противоположными философиями. В основе нашей философии лежит концепция, признающая, что в мире нет более важных вещей, чем жизнь, сознание, разум и личность.— Он на миг прикоснулся к троим друзьям способом телепатии, и они вновь почувствовали то полное жизни ощущение, которое пережили раньше с Эмброузом Бирсом и которое не могли выразить словами.— Это привело нас к конфликту со всеми силами, стремящимися разрушить, загубить и принизить человеческий дух либо вынудить его поступать вопреки своей же природе. Мы чувствуем, что

приближается новый кризис; нам нужно пополнение. Мы выбрали вас. Кризис зреет уже со времен Наполеона. Европу мы потеряли, Азию тоже: они выбрали авторитаризм, «принцип вождя», тоталитаризм, они заковали свободу цепями и обращаются с людьми как с экономическими и политическими единицами, а не как с личностями. Никакого достоинства — делай что приказано, верь во что положено и не вякай. Рабочие, солдаты, производители... Если бы смысл жизни сводился к такому вздору, то не стоило наделять человека сознанием! Этот континент,— продолжал Хоу,— был прибежищем свободы, тем местом, где душа может расти. Но силы, задушившие просвещение в остальном мире, проникают и сюда. Мало-помалу они сводят на нет человеческую свободу и достоинство. Это они принимают репрессивные законы, оболванивают в школах учеников, насильно навязывают людям разные догмы, заставляя слепо верить в них под страхом наказания,— догмы, которые закабалят людей и наденут на глаза им шоры, чтобы они никогда не вспомнили о своем утраченном наследии. Нам нужны помощники, чтобы бороться со злом.

Хаксли встал:

— Рассчитывайте на нас!

Прежде чем Джоан и Коудерн открыли рот, Старейший остановил их.

— Не отвечайте пока ничего. Вернитесь к себе и все обдумайте. Отложим решение до утра, а потом опять поговорим.

8. «ПРАВИЛО НА ПРАВИЛО...»

Если бы община на горе Шасте была университетом и выпускала учебные программы (чего она не делала), то предложенный перечень, возможно, включал бы следующие дисциплины.

Телепатия. Основной курс, обязательный для всех студентов, без экзамена. Практические занятия, включающие телепатическую связь. Обязателен на всех отделениях. Лабораторные занятия.

Рационализация. 1. Память. 2. Восприятие; ясновидение и яснослышание; овладение массой-временем-пространством; нематематические зависимости, порядок и структура; гармоническая форма и интервал. 3. Процессы раздвоенного и параллельного мышления. Отрешенность. 4. Медитация (семинар).

Автокинетика. Дискретная кинестезия. Эндокринный контроль и особенности его применения для подавления усталости, эмоциональных срывов, регенерации, трансформации (клинические аспекты ликантропии), изменения пола, инверсии, автоанестезии, омоложения.

Телекинетика. Континуум жизнь-масса-пространство-время. Обязательна: автокинетика. Телекинез и общие действия на расстоянии. Проекция. Динамика. Статика. Ориентирование.

История. Курсы по договоренности. Специальные семинары по психометрии с изучением телепатических архивов и по метапсихозу. Оценка обязательна.

Эстетика. Семинар. Автокинетика и методика телепатической регистрации (психометрия) обязательны.

Этика. Семинар. Читается параллельно со всеми другими курсами. Консультации с руководителем.

Быть может, ценность обучения была бы не столь высока, если бы оно было разбито на вышеуказанные отдельные курсы. Но эксперты, жившие на Шасте, могли обучать по всем предметам — и обучали. Хаксли, Коуберн и Джоан Фримэн учились у своих наставников умению заниматься самообучением и погрузились в занятия так же естественно, как угорь погружается в море: они словно вернулись домой после долгого отсутствия.

Все трое быстро делали успехи; поскольку они уже владели начатками восприятия и телепатии, наставники могли обучать их непосредственно, без слов. Вначале они научились управлять своим телом. Они добились контроля над каждой функцией, каждой мышцей, каждой тканью и каждой железой — то есть, добились того, чем должен владеть каждый человек, но что забыли все, кроме горсточки никому не известных

восточных кудесников. Они испытывали глубокое, восхитительное наслаждение, заставляя свое тело повиноваться и ощущая, как оно слушается их. Они познали свои тела в мельчайших подробностях, и тела больше не имели власти над ними. Усталость, голод, холод и боль уже не мучили их, а воспринимались скорее как полезные сигналы того, что за хорошим двигателем нужно ухаживать.

Да и двигатель уже не требовал такого ухода, как раньше. Телом управлял рассудок, который точно знал возможности организма и их пределы. Более того — осознание этих возможностей позволило развить их до максимума. Проработать целую неделю без отдыха, пищи и воды стало теперь столь же привычным, как раньше — проработать все утро. Умственная же деятельность вовсе не прекращалась, разве что они сами прекращали ее волевым усилием. Она продолжалась и во сне, ей не мешали ни послеобеденная истома, ни тоска, ни внешние раздражители, ни мышечная активность,

Приятнее всего оказалась левитация.

Летать по воздуху, зависать в мягкой перине какого-нибудь облака, спать, как когда-то Магомет, паря под потолком,— это были совершенно неизведанные чувственные наслаждения, недоступные им ранее. Только во сне, пожалуй, прежде приходилось им смутно испытывать нечто подобное. Особенно пристрастилась к новой забаве Джоан. Однажды она исчезла на целых два дня, совсем не опускаясь на землю, паря в небесах, и ветер овевал ее, а ледяной воздух горных вершин ласкал ее тело. Она пикировала вниз и взмывала вверх, делала петли, спирали, а потом, поджав колени к подбородку, падала из стратосферы на макушку дерева.

Ночью Джоан пристроилась в сопровождение к трансконтинентальному самолету. Невидимая, так как находилась выше самолета, она пролетела вместе с ним около тысячи миль. Когда ей это надоело, она на миг прижалась щекой к освещенному иллюминатору и заглянула внутрь. Пораженный оптовый торговец, встретившись с ней взглядом, решил, что сподобился увидеть ангела. Прибыв на место, он прямо из

аэропорта отправился в адвокатскую контору и учредил стипендии для студентов-богословов.

Хаксли левитация давалась с трудом. Его пытливый ум требовал объяснения, каким образом, почему воля способна отменить неумолимый «закон» тяготения,— а сомнения ослабляли его волю. Наставник терпеливо убеждал Фила:

— Вы знаете, что неосязаемая воля может влиять на перемещение массы в континууме, вы ощущаете это всякий раз, когда двигаете рукой. Разве у вас пропадает возможность двигать рукой оттого, что вы не можете дать рациональное объяснение этой загадке? Жизнь способна воздействовать на материю, вы это знаете, вы непосредственно пережили это. Это факт. А существование любого факта не требует причины в том неограниченном смысле, в каком вы задаете вопрос. Факт просто предстает перед нами во всей своей наготе — и мы принимаем его. Можно заметить связи фактов друг с другом, а связи — это тоже факты; но проследить связи до их конечных значений рассудком невозможно: ведь он сам по себе относителен. Сначала скажите мне, почему вы существуете... а потом я вам скажу, почему возможна левитация. Давайте попробуем,— продолжил он.— Установите со мной связь и попытайтесь почувствовать, что я ощущаю во время левитации.

Фил сделал очередную попытку.

— Не получается,— заметил он с несчастным видом.

— Посмотрите вниз.

Фил взглянул, в ужасе разинул рот и упал на пол с трехфутовой высоты. В ту же ночь он отправился вместе с Беном и Джоан летать над Сьеррами.

Наставника немного позабавило рвение, с которым они предались новому виду спорта, ставшему им доступным благодаря недавно обретенной способности управлять своим телом. Наставник знал, что их радость естественна и нормальна, что она вполне соответствует уровню их развития, как знал он и то, что вскоре они сами поймут, чего стоит эта радость, а тогда примутся за более серьезную работу.

— Нет, брат Хуниперо вовсе не один наткнулся на архивы,— уверил их Чарлз, не прекращая рисовать во время разговора.— Вы наверняка заметили, что в любой религии горы имеют важное значение. Должно быть, в тайниках на некоторых из них хранятся старинные архивы.

— Разве точнее ничего не известно? — спросил Фил.

— Точно известно, к примеру, про Верхние Гималаи. Но я говорю о тех выводах, которые может сделать умный человек из всем известных фактов. Посмотрите, сколь многие горы имеют первостепенное значение в различных религиях, Олимп, Попокатепетль, Мауна Лоа, Эверест, Синай, Тяньшань, Арарат, Фудзияма, некоторые вершины Анд. И в каждой религии есть рассказ о том, как Учитель приносит людям наставления, полученные им на горе. Гаутама, Иисус, Джозеф Смит, Конфуций, Моисей. Все они спускаются с гор и рассказывают истории о сотворении мира, грехопадении и искуплении.

Самый лучший из всех старых рассказов — «Бытие». Если принять во внимание, что он впервые был записан на языке диких кочевников, то это точный и подробный отчет.

Хаксли ткнул Коуберна кулаком в бок:

— Как тебе это нравится, дорогой скептик? — Затем обратился к Чарлзу: — Бен — убежденный атеист с тех пор, как впервые обнаружил у Санта-Клауса накладные усы; его задевает тот факт, что столь дорогие его сердцу сомнения опровергнуты.

Коуберн невозмутимо усмехнулся.

— Спокойнее, сынок. Я и сам могу выразить мои сомнения, без посторонней помощи. Кстати, некоторые из них пришли мне в голову во время вашего рассказа, Чарлз. Не все эти горы достаточно стары; вряд ли их могли использовать для хранения старинных архивов — ну, например, Шасту. Она вулканического происхождения и, пожалуй, слишком молода для подобной цели.

Отвечая, Чарлз продолжал быстро рисовать.

— Вы правы. Вполне возможно, что Ораб сделал копии с первоначальных архивов и разместил эти копии со своими

дополнениями на нескольких горных вершинах по всему земному шару. Не исключено также, что и другие, уже после Ораба, но задолго до нас прочли архивы и перепрятали их. Найденная Хуниперо Серрой копия, возможно, пролежала там всего двадцать тысяч лет, не более.

9. ПТЕНЦЫ ВЫЛЕТАЮТ ИЗ ГНЕЗДА

— Мы можем болтаться здесь полвека, обучаться всяким трюкам, и все без толку. Я, например, готов вернуться.— Хаксли потушил сигарету и посмотрел на друзей.

Коуберн, сжав губы, медленно кивнул:

— Я того же мнения, Фил. Разумеется, мы можем учиться бесконечно, но наступает момент, когда необходимо применить свои познания на практике, иначе они просто лишаются смысла. Думаю, нам надо поговорить со Старейшим и приниматься за дело.

Джоан кивнула с решительным видом:

— Угу. Я тоже согласна. Предстоит работа, и работать нужно в Западном университете, а не здесь, в пустыне. Ей богу, мне просто не терпится увидеть, какую рожу скорчит старикан Бринкли, когда мы разделаемся с ним!

Хаксли вызвал на связь разум Эфраима Хоу. Двое друзей ожидали, пока он изложит Хоу свое мнение, из вежливости не делая попыток вступить в телепатическое общение.

— Он говорит, что рассчитывал это услышать и намерен созвать общее совещание. Он встретится с нами здесь.

— Общее совещание? Со всеми, кто живет на горе?

— И со всеми остальными тоже. Похоже, так у них принято, когда новые члены общины решают, чем будут заниматься.

— Вот те на! — воскликнула Джоан.— Я волнуюсь, как перед выступлением на сцене. А кто будет говорить от нашего имени? Только не малютка Джоан!

— Может быть, ты, Бен?

— Ну... если хотите.

— Тогда давай.

Они соединили свои сознания, чтобы Бен мог выражать мнение всех троих. Эфраим Хоу зашел к ним один, но они знали, что разум его связан не только с братьями, живущими на Шасте, но и с двумя сотнями гениев, рассеянных по всей стране.

Совещание происходило путем непосредственного обмена мнениями одного объединенного разума с другим:

— Мы считаем, что нам пора приниматься за работу. Правда, мы обучились далеко не всему, но можем уже применить полученные знания.

— Хорошо, Бенджамин, так и должно быть. Вы научились всему, что мы могли преподать вам на данный момент. Теперь вы должны нести ваши знания в мир, применять их, чтобы они созрели и стали мудростью.

— Не только по этой причине мы хотим уйти. Есть еще одна, более насущная. Как вы сами сказали, приближается кризис. Мы хотим бороться с ним.

— Каким образом вы предполагаете бороться с теми силами, которые вызовут кризис?

— Ну...— Бен не произнес этого междометия, но небольшая заминка в мыслях произвела именно такое впечатление.— Как мы понимаем, для того чтобы люди стали свободными и могли развиваться как люди, а не как животные, нам необходимо отменить все, что сделали Молодые Люди. Молодые Люди не позволили никому, кроме избранных одиночек, распоряжаться древними знаниями. Чтобы человечество снова стало свободным, сильным и независимым, надо вернуть ему старинные знания и старинные способности.

— Все верно, но как вы намерены это сделать?

— Прежде всего — рассказать людям о том, что они утратили. Мы трое работаем в системе образования и можем заставить себя услышать. Я — на медицинском факультете Западного университета, Фил и Джоан — на психологическом. С нашей подготовкой мы быстро перевернем традиционные представления. Мы сможем положить начало возрождению

образования и подготовить молодежь к принятию той мудрости, которой вы, старшие, владеете.

— Вы полагаете, что все так просто?

— Почему бы и нет? Впрочем, мы не ожидаем, что все будет просто. Нам предстоит неминуемое столкновение с самыми излюбленными людскими предрассудками, но само это столкновение можно обратить на пользу дела. Главное — привлечь к себе внимание общества. Вы многому нас научили, и мы сможем доказать людям свою правоту. Вы представляете, например, что будет, когда мы устроим публичный показ левитации и покажем тысячам людей, на что способен человеческий разум? И когда продемонстрируем, что телепатия доступна каждому, стоит лишь овладеть методикой? Да за год-другой все жители страны станут телепатами и смогут прочесть архивы, со всеми вытекающими последствиями!

Разум Хоу безмолвствовал несколько долгих минут. Трое друзей неловко поеживались под задумчивым, спокойным взглядом Старейшего. Наконец они услышали его мысль:

— Если бы все было так просто, неужели мы не сделали бы этого давным-давно?

Теперь уже трое друзей, в свою очередь, замолчали. Хоу мягко продолжал:

— Высказывайтесь, дети мои. Не бойтесь. Свободно передавайте ваши мысли. Вы нас не обидите.

В ответной мысли Коуберна чувствовалась нерешительность:

— Нам трудно... Многие из вас очень стары, и нам известно, что все вы мудры. Нам, молодым, тем не менее кажется, что вы слишком долго выжидали, чтобы начать действовать. Мы чувствуем... чувствуем, что ваше стремление понять подорвало в вас волю действовать. Вы ждали год за годом, добиваясь совершенства — а достичь его невозможно,— в то время как буря, которая может перевернуть весь мир, набирала силы.

Старшие поразмыслили, прежде чем Эфраим Хоу ответил:

— Возможно, вы и правы, возлюбленные дети, но нам так не кажется. Мы не пытались отдать древние знания всем, ибо

лишь немногие готовы воспринять их. Они столь же небезопасны для детских умов, как спички в детских руках. И все же... может быть, вы правы. Так думал и Марк Твен, и ему позволили рассказать все, что он узнал. Он так и сделал, и написал столь доходчиво, что любой, кто хотел, мог понять его. Его не понял никто. В отчаянии он изложил во всех подробностях, каким образом можно обрести способность к телепатии. И снова никто не принял его всерьез. Чем серьезнее он говорил, тем больше смеялись его читатели. Он умер, полный горечи. Мы не хотим, чтобы у вас создалось впечатление, что мы ничего не делали. Эта республика, с ее особым уважением к личной свободе и человеческому достоинству, не продержалась бы так долго без нашей помощи. Это мы выбрали Линкольна. Оливер Уэнделл Холмс был одним из нас. Уолт Уитмен был нашим возлюбленным братом. Мы находили тысячи путей, чтобы при необходимости подать руку помощи, чтобы не допустить отступления назад, к рабству и тьме.

После паузы он продолжил:

— И все же пусть каждый действует по своему разумению. Ваше решение неизменно?

Бен сказал громко и твердо:

— Неизменно!

— Да будет так! Вы помните историю Салема?

— Салема? Где проводились судилища над колдуньями? Вы имеете в виду, что нас могут подвергнуть преследованиям как колдунов?

— Нет. Сейчас не существует законов, запрещающих колдовство. Было бы лучше, если бы они существовали. Мы не имеем монополии на знания. Не ждите легких побед. Берегитесь тех, кто владеет частью древних знаний и использует их для какой-то гнусной цели — колдунов... чернокнижников!

Совещание закончилось, связь ослабела. Эфраим Хоу с торжественным видом пожал всем руки и попрощался.

— Завидую вам, ребятки,— сказал он.— Вы уходите, как Джек — Победитель Великанов, бороться со всей системой образования. Вы сами избрали себе это поприще. Помните,

что говорил Марк Твен? «Бог на пробу сотворил идиота, а потом сотворил школьный совет». И все-таки хотел бы я быть с вами.

— Почему бы вам не пойти с нами, сэр?

— А? Нет, не могу. Честно говоря, я не очень-то верю в успех вашего плана. Помнится, еще в те годы, когда я развозил скобяные товары по штату Мэн, у меня частенько появлялось искушение научить людей некоторым штучкам. Но я этого не делал. Люди привыкли пользоваться резаками и холодильниками, и они вас не поблагодарят, если вы покажете, как можно обойтись без этих вещей, полагаясь лишь на свой разум. Люди просто выгонят вас вон — а может, еще и линчевать будут. Но я все-таки постараюсь не упускать вас из виду.

Джоан поднялась и поцеловала его на прощание. И они ушли.

10. В ПАСТИ У ЛЬВА

Чтобы привлечь к себе внимание газетчиков, Хаксли решил провести демонстрацию в самой большой аудитории.

До сих пор они вели себя очень осторожно: вернулись в Лос-Анджелес и начали осенний семестр, не выдавая своих сверхъестественных возможностей. Джоан обязали не увлекаться левитацией, не разыгрывать спектаклей, управляя неодушевленными предметами, и вообще не пугать посторонних никакими трюками. Она согласилась с такой кротостью, что Коуберн встревожился.

— Это ненормально,— заявил он.— Не могла же она мгновенно дорасти до такого совершенства. Ну-ка, покажи язык, милая!

— Э-э-э! — сказала Джоан, высунув язык совершенно неподобающим для диагностики образом.— Мастер Линь говорил, что я дальше продвинулась по Пути, чем вы оба.

— Восток — дело тонкое. Он, наверное, просто подбадривал тебя. Серьезно, Фил, может, нам лучше загипнотизировать

ее и отослать обратно на гору, пусть поставят диагноз да подрегулируют?

— Только попробуй взглянуть на меня, Бен Коуберн,— тут же без глаз останешься!

Хаксли тщательно организовал свою первую демонстрацию. Лекции его были достаточно невинны по содержанию, и он не опасался выговоров или взысканий, спокойно позволяя декану время от времени инспектировать занятия. Однако в целом содержание его лекций должно было эмоционально подготовить студентов к проведению демонстрации. Тщательно подобранные задания по параллельному чтению увеличивали шансы на успех.

— Гипноз — явление пока еще неизученное,— начал он лекцию в намеченный день.— Раньше его считали суеверием, таким же, как колдовство и магия. Сегодня это обыденное, легко демонстрируемое явление. И даже самые консервативные психологи вынуждены теперь признать его существование и попытаться изучить его особенности.— Он весело продолжал, излагая банальности и общие места и в то же время оценивая эмоциональное состояние группы.

Почувствовав, что они готовы воспринять простые гипнотические явления, Хаксли попросил Джоан выйти вперед и без труда погрузил ее в легкий гипнотический сон. Вдвоем они быстро продемонстрировали обычный набор гипнотических явлений — каталепсию, подчинение воле гипнотизера, постгипнотическое внушение. Все время, пока шел опыт, Хаксли рассказывал о связи между разумом гипнотизера и субъекта, о возможности прямого телепатического управления, об экспериментах Раина и тому подобных явлениях: общепризнанные сами по себе, они все же граничили с ересью.

Затем он предложил аудитории сделать попытку проникнуть в разум субъекта телепатическим способом.

Каждому студенту предложили написать что-нибудь на листочке бумаги. Добровольная комиссия собрала листки и по одному передавала их Хаксли. С торжественным видом фокусника-иллюзиониста он смотрел на каждую записочку,

а Джоан читала ее вслух. Для вящей убедительности она разок-другой запнулась.

— Славная работа, крошка.

— Спасибо, дружище. Можно мне чуток повеселить вас?

— Нечего умничать. Продолжай, как начала. Они у нас теперь совсем ручные.

Вот так ненавязчиво Хаксли подвел студентов к мысли, что разум и воля могут осуществлять значительно более полный контроль над телом, чем обычно происходит в жизни. Затем он плавно перешел к рассказам об индусских праведниках, которые могут подниматься в воздух и даже летать из одной точки в другую.

— У нас имеется уникальная возможность практически проверить все эти истории,— сказал он.— Субъект целиком и полностью доверяет любому заявлению гипнотизера. Сейчас я скажу мисс Фримэн, что она должна усилием воли подняться над поверхностью пола. Она, разумеется, поверит, что сможет это сделать. Ее воля окажется в оптимальном состоянии, чтобы выполнить мой приказ, если он вообще выполним. Мисс Фримэн!

— Слушаю, мистер Хаксли.

— Напрягите волю и поднимитесь в воздух!

Джоан поднялась футов на шесть и головой чуть не коснулась высокого потолка.

— Ну как, дружище?

— Шикарно, крошка, просто восторг! Смотри, как глаза выпучили!

В этот момент Бринкли в ярости ворвался в аудиторию.

Минут через десять после столь печального окончания демонстрации Хаксли стоял в личном кабинете ректора.

— Мистер Хаксли, вы нарушили свое слово, вы опозорили наш университет!

— Я ничего вам не обещал. И не позорил университет,— ответил Фил так же резко.

— Вы проделываете дешевые трюки, занимаетесь каким-то липовым колдовством специально, чтобы бросить тень на свой факультет!

— Так я, значит, мошенник, да? Ах вы старый упрямый болван! Ну-ка попробуйте объяснить вот это!

— Что объяснить?

К изумлению Хаксли, ректор, по-видимому, не замечал ничего необычного. Он по-прежнему глядел туда, где только что была голова Фила. Казалось, что он испытывает лишь легкое замешательство и досаду из-за неуместного замечания Хаксли.

Возможно ли, чтобы старый маразматик до такой степени свихнулся, что уже не видит вещей, происходящих прямо у него перед носом, если они противоречат его предубеждениям? Фил попытался свои разумом посмотреть, что происходит в голове у Бринкли. В жизни своей он не был так удивлен! Он ожидал найти сбивчивое мышление одряхлевшего старика, а обнаружил... холодный расчет, ясный ум и под ними — зло настолько абсолютное, что Хаксли стало плохо.

Он успел бросить лишь мимолетный взгляд: его тут же выкинули прочь таким пинком, что мозг его ненадолго занемел. Бринкли обнаружил шпионаж и выставил оборону — крепкую оборону дисциплинированного разума.

Фил резко опустился на пол и вышел из комнаты, не сказав ни слова на прощание и даже не обернувшись.

Из газеты «Студент Западного» от 3-го октября:

«Преподаватель психологии уволен за обман» — «...рассказы студентов расходятся в подробностях, но все согласны, что зрелище было отличным. Бейсболист Арнольд Сплетник сообщил нашему репортеру:

"Мне неприятно, что так случилось, профессор Хаксли славный парень, и он устроил нам замечательный капустник. Ясное дело, я-то понял, как он это делает: Великий Артуро показывал такие же трюки прошлой весной в Орфеуме. Но я понимаю и точку зрения доктора Бринкли: нельзя разрешать всякие обезьяньи выходки в серьезном учебном центре"».

Президент Бринкли сделал «Студенту» следующее официальное заявление:

«С большим сожалением вынужден заявить о прекращении сотрудничества мистера Хаксли с нашим учреждением,

исключительно для блага университета. Мистер Хаксли неоднократно получал предупреждения о том, к чему могут привести его увлечения. Это весьма способный молодой человек. Будем искренно надеяться, что нынешний случай послужит ему хорошим уроком на любом дальнейшем поприще...»

Коуберн вернул Филу газету.

— А знаешь, что случилось со мной? — спросил хирург.

— Что-нибудь новенькое?

— Предложили подать в отставку... Без шума, просто намекнули. Мои больные слишком быстро поправляются, ты же знаешь — я больше не прибегаю к хирургии.

— Гнусность какая! — возмутилась Джоан.

— Ну,— подумав, сказал Бен,— я не слишком обвиняю заведующего медицинской частью, это Бринкли вынудил его. Похоже, мы недооценили старого черта.

— Да уж! Бен, он ничуть не глупее любого из нас, а мотивы его... мне даже подумать о них страшно!

— А я-то считала его тихим, как мышка,— горестно проговорила Джоан.— Надо было нам столкнуть его в яму весной. Я же вам говорила! Ну, что теперь будем делать?

— Продолжать,— с угрюмой решимостью ответил Фил.— Выжмем из этой ситуации все, что возможно; нам сделали рекламу — так воспользуемся ею!

— На чем сыграем?

— Опять на левитации. Это самое выигрышное зрелище для толпы. Обзвоним газетчиков и скажем, что завтра в полдень публично продемонстрируем левитацию на Першинг-сквер.

— А если газеты не захотят соваться в такое подозрительное дело?

— Возможно, и не захотят, но мы их соблазним: обставим все как можно более эксцентрично, покажем массу забавных фокусов, чтобы было о чем писать. Тогда у них будет сенсационный материал, а не просто репортаж. Все запреты сняты, Джоан: можешь делать все, что захочешь, и чем больше они обалдеют, тем лучше. Вперед, гвардия! Я позвоню в отдел теленовостей, а вы займитесь газетами.

Репортеры, разумеется, заинтересовались. Их заинтересовала прекрасная внешность Джоан, они вдоволь похихикали над свободным галстуком и чопорными манерами Фила, но оценили его вкус в области виски. И явно впечатлились, увидев, как Коуберн вежливо налил всем по стаканчику, не прикасаясь к бутылке.

Но когда Джоан полетела по комнате, а Фил поехал по потолку на несуществующем велосипеде, репортеры встали на дыбы.

— Честное слово, док,— сказал один из них,— нам кушать нужно! Неужели вы надеетесь, что кто-то пойдет и расскажет редакторам о таких выкрутасах? Давайте начистоту: это что, из-за виски или просто гипноз?

— Назовите как хотите, джентльмены. Только обязательно напишите, что все это мы повторим завтра в полдень на Першинг-сквер.

Обличительную речь Фила, направленную против Бринкли, репортеры сочли реакцией на срыв ректором демонстрации, но все же добросовестно ее записали.

В этот вечер Джоан легла спать в несколько подавленном настроении. Возбуждение, после того как они развлекали газетчиков, прошло. Бен предложил поужинать вместе и потанцевать, чтобы отметить окончание их прежней жизни, но идея оказалась неудачной. Началось с того, что у них лопнула шина, когда они спускались по крутому склону. Они наверняка серьезно расшиблись бы, если бы не умели автоматически управлять собственным телом.

Осмотрев разбитую машину, Фил недоуменно сказал:

— С шинами все было в порядке. Сам проверял их сегодня утром.

И все же он настоял на том, чтобы пойти развлечься.

Представление в ночном клубе показалось им неинтересным, а шутки грубыми и примитивными по сравнению с легким живым юмором, которым они наслаждались, общаясь с мастером Линем. Девицы-хористки, молоденькие красотки, очень понравились Джоан, но она совершила промах, попы-

тавшись вникнуть в их разум. Их плоские, пошлые умишки лишь усилили ее подавленность.

Она обрадовалась, когда представление кончилось и Бен пригласил ее танцевать. Оба ее друга хорошо танцевали, особенно Коуберн, и она с удовольствием погрузилась в ритм танца. Однако удовольствие оказалось недолгим; какая-то пьяная парочка постоянно сталкивалась с ними. Мужчина оказался задиристым, а его партнерша злобно и пронзительно кричала. Джоан попросила своих спутников отвезти ее домой.

Все эти мелочи не давали ей покоя. Джоан, никогда в жизни не переживавшая сильного физического страха, боялась лишь одного — грязных, разъедающих душу эмоций нищих духом. Злоба, зависть, неприязнь, подлые оскорбления мелочных и тупоумных людишек — вот что могло причинить ей боль, даже если она сама не подвергалась оскорблениям, а лишь присутствовала при унижении другого. Джоан еще недостаточно созрела и не успела вооружиться равнодушием к мнениям людей недостойных.

После лета, проведенного в обществе свободных людей, инцидент с пьяной парочкой привел Джоан в смятение. Соприкосновение с ними как будто испачкало ее. Даже хуже: она почувствовала себя лишней, чужой в чужой стране.

Она проснулась среди ночи от мучительного чувства одиночества. Джоан остро ощущала присутствие более чем трехмиллионного населения, и в то же время ей казалось, что ее окружают лишь злобные, завистливые твари, жаждущие утащить ее в свою низменную клоаку. Эта атака на ее дух, попытка уничтожить святая святых ее внутреннего мира, обрела почти осязаемую форму, как будто нечто, деловито сопя, вгрызалось в ее разум.

В ужасе Джоан позвала Бена и Фила. И не получила ответа: ее сознание не находило их.

Мерзкое нечто, угрожавшее ей, почувствовало ее неудачу, Джоан ощутила, как оно ухмыльнулось. В панике она позвала Старейшего.

Ответа не было. На сей раз агрессор заговорил:

— Там тоже закрыто.

Истерический ужас охватил ее, вся внутренняя защита рухнула. И тут ею овладел некий более сильный разум; спокойная мягкая его доброта обволокла девушку, ограждая от вползавшего в нее зла.

— Линь! — воскликнула она,— Мастер Линь!

И разрыдалась с облегчением.

Джоан почувствовала успокаивающую веселость его улыбки; разум китайца протянул свои нежные ладони и снял напряженность и страх. В конце концов она уснула.

Разум Линя не покидал ее всю ночь и беседовал с ней, пока она не проснулась.

Коуберн и Хаксли озабоченно выслушали рассказ Джоан.

— Все ясно,— решил Фил.— Мы были слишком беззаботны. Отныне будем поддерживать связь круглосуточно, во сне и наяву. Кстати, я тоже плохо провел ночь, хотя и не так ужасно, как Джоан.

— И я, Фил. Что было с тобой?

— Да ничего особенного, только постоянно снились кошмары, и в них я все больше разуверялся в том, чему научился на Шасте. А что снилось тебе?

— Почти то же самое. Всю ночь оперировал, и все мои больные умирали на столе. Не слишком-то приятно... Но случилось еще кое-что, и уже не во сне. Ты ведь знаешь, я пользуюсь старомодной опасной бритвой. Утром, как обычно, я начал бриться — и вдруг бритва выпрыгнула у меня из руки и здорово порезала горло. Видишь? Царапина еще не зажила.— И он показал на тонкую красную линию, проходившую наискось по правой стороне шеи.

— Господи, Бен! — вскрикнула Джоан.— Ты ведь мог зарезаться насмерть!

— Вот и я так же подумал,— сухо согласился он.

— Знаете, ребятки,— медленно проговорил Фил,— все это не случайно...

— Эй, вы, открывайте!

Приказ прозвучал из-за двери. Все трое дружно направили чувство прямого восприятия через прочную дубовую

дверь и осмотрели говорившего. Гражданская одежда не способна была скрыть профессию верзилы, стоявшего за дверью, даже если бы они не разглядели золотистую бляху полицейского у него на пиджаке. Рядом стоял еще один человек, поменьше ростом и тоже без формы.

Бен открыл дверь и спокойно спросил:

— Чего вы хотите?

Верзила попытался войти. Коуберн не пошевелился.

— Я спросил, чего вы хотите.

— Умничаешь, да? Я из полицейского управления. Это ты Хаксли?

— Нет.

— Коуберн?

Бен кивнул.

— Отлично. А вот этот тип за тобой — Хаксли? Вы что, дома вообще не бываете? Всю ночь здесь провели?

— Нет,— ледяным тоном ответил Коуберн.— Впрочем, это не ваше дело.

— Это уж мне решать. Мне нужно с вами обоими поговорить. Я из отдела по борьбе с мошенничеством. Что за фокусы вы показывали вчера газетчикам?

— То, что мы показывали, вовсе не фокусы. Приходите сегодня в полдень на Першинг-сквер и увидите.

— Представление на Першинг-сквер отменяется.

— Почему?

— Приказ комиссии по паркам.

— Кем он утвержден?

— Чего?

— Назовите мне акт или указ, запрещающий гражданам использовать общественное место, не нарушая порядка. Кстати, кто это с вами?

Низкорослый представился:

— Я Фергюсон, из прокуратуры федерального судебного округа. Ваш приятель Хаксли обвиняется в злостной клевете. Вы двое будете свидетелями.

Взгляд Бена стал еще более холодным.

— А есть ли у кого-либо из вас,— спросил он чуть презрительно,— ордер на арест?

Полицейские переглянулись, но ничего не ответили.

— Тогда вряд ли целесообразно продолжать наш разговор, не так ли? — сказал Бен и закрыл дверь у них перед носом. Затем повернулся к друзьям и усмехнулся: — Ну, с этими покончено. Посмотрим, что в газетах.

Они нашли только одну статью. Там ничего не говорилось о предполагавшейся демонстрации, зато сообщалось, что доктор Бринкли выдвинул против Фила иск по обвинению в клевете.

— Впервые вижу, чтобы четыре городские газеты отказались от сенсационного материала,— заметил Бен.— Что ты будешь делать с иском Бринкли?

— Ничего,— ответил Фил.— Может быть, еще поклевещу. Если он будет настаивать, у нас появится отличная возможность защитить наши права в суде. Кстати, нам надо позаботиться о том, чтобы сегодняшнее выступление все-таки состоялось. Эти сыщики могут вернуться с ордерами на арест в любую минуту. Где мы спрячемся?

По совету Бена они провели время, укрывшись в маленькой городской библиотеке. Без пяти двенадцать друзья остановили такси и поехали на Першинг-сквер.

Они вышли из машины — и тотчас очутились в объятиях шестерых дюжих полицейских.

— Бен, Фил, долго мы еще будем терпеть это?

— Спокойно, малышка. Не нервничай!

— Да я не нервничаю, но зачем нам оставаться здесь, если мы можем смыться когда захотим?

— В том-то и дело, что можем. Поэтому мы пока останемся. Никто из нас еще не бывал под арестом; поглядим, на что это похоже.

В тот же вечер друзья собрались у камина в доме Джоан. Побег оказался нетрудным, но им пришлось дождаться, пока тюрьма затихнет, чтобы доказать, что каменные стены не устерегут человека, владеющего всеми силами разума.

— На мой взгляд, у нас достаточно данных, чтобы подвести итоги,— сказал Бен.

— А именно?

— Сам сформулируй.

— Ладно. Мы спустились с Шасты, полагая, что придется бороться с глупостью, невежеством и с обычным для людей ослиным упрямством. Теперь мы уже не столь наивны. Любая попытка дать людям хотя бы основы древних знаний встречается с решительным и хорошо организованным сопротивлением. Человека, отважившегося на такой шаг, пытаются уничтожить или покалечить.

— На самом деле все еще хуже,— сказал Бен.— Пока мы сидели в каталажке, я многое узнал. Любопытно мне было, отчего это федеральный прокурор так заинтересовался нами. Я заглянул в его разум, усек, кто его шеф, а потом заглянул в разум шефа. И там я нашел такие занятные вещи, что решил отправиться в столицу штата и посмотреть, кто там заправляет делами. Это привело меня на Спринг-стрит и в финансовый район. И представляете, что оказалось? Что главные заправилы — весьма уважаемые столпы общества. Духовные лица, светские дамы, ведущие бизнесмены и так далее.— Он замолчал.

— Ну и что? Только не говори, что все они отпетые негодяи, а то сейчас разревусь!

— Нет, и это самое странное. Как раз почти все эти деятели — славные ребята, с которыми приятно иметь дело. Но как правило — не всегда, но в большинстве случаев,— над славными ребятами стоит кто-то, кому они доверяют. Кто-то, кто помог им забраться наверх,— и эти «кто-то» уже совсем не славные ребята, мягко говоря. Я не смог пробиться в разум ко всем этим негодяям, но у тех, к кому пробился, обнаружил то же, что Фил нашел у Бринкли: холодный расчет и злобу. Все они прекрасно осознают, что их власть держится на людском неведении.

Джоан поежилась.

— Веселенькая история, Бен, особенно на ночь глядя. Что делаем дальше?

— А ты что предлагаешь?

— Я-то? Я еще ничего не решила. Может, займемся этими подонками и разгромим их одного за другим?

— А ты, Фил?

— Мне тоже ничего другого в голову не приходит. Но военную кампанию нужно будет вести с умом. Разработать какой-нибудь хитроумный план...

— У меня несколько иное предложение.

— Выкладывай.

— Признаем, что мы взвалили на себя больше, чем можем потянуть. Вернемся на Шасту и попросим помощи.

— Что ты, Бен! — разочарованному возгласу Джоан вторило не менее красноречивое, хотя и безмолвное, уныние Фила. Но Бен упрямо продолжал:

— Конечно, я согласен, что это унизительно, но гордость нам сейчас не по карману, дело слишком...— Он замолчал, заметив выражение лица Джоан. — Что случилось, малышка?

— Давайте быстро примем какое-то решение — перед воротами остановилась полицейская машина.

Бен повернулся к Филу:

— Ну что, останемся и примем бой или вернемся за подкреплением?

— Ты был прав. Я подумал об этом, как только заглянул в разум Бринкли, просто ужасно не хотел сознаваться.

Трое друзей вышли в патио, взялись за руки и взмыли в воздух.

11. «И ДАМ ИМ ОТРОКОВ В НАЧАЛЬНИКИ...»

— Добро пожаловать! — Эфраим Хоу встретил их, когда они приземлились.— Рад, что вы вернулись.

Старейший отвел их в свои личные апартаменты.

— Отдохните, пока я немного раздую огонь.— Он подбросил в камин сосновое полено, подвинул уютное старое крес-

ло-качалку так, чтобы оно было обращено и к камину, и к гостям, и уселся.— Ну, теперь можете рассказать мне все. Нет, я не связан с остальными. Доложите совету, когда будете готовы.

— Собственно говоря, мистер Хоу, разве вы не в курсе всего, что с нами приключилось? — Фил посмотрел Старейшему прямо в глаза.

— Нет, не в курсе. Мы предоставили вам полную самостоятельность, а Линь лишь присматривал за тем, чтобы вам не слишком вредили. Он мне ничего не докладывал.

— Хорошо, сэр.

Они по очереди рассказывали Хоу о случившемся и порою давали ему заглянуть непосредственно в их разум и увидеть те события, в которых они принимали участие. Когда друзья закончили, Хоу взглянул на них со своей лукавой улыбкой и спросил:

— Значит, вы соглашаетесь с точкой зрения совета?

— Нет, сэр! — ответил ему Фил.— Более чем когда-либо мы убеждены в необходимости действовать решительно и без промедления. Но мы убедились также и в том, что у нас не хватит ни сил, ни мудрости, чтобы действовать в одиночку. Мы пришли просить о помощи, а еще мы надеемся убедить совет отказаться от его обычной тактики обучать лишь тех, кто демонстрирует свою готовность. Мы просим обучить всех, чей разум способен воспринять знания.

— Видите ли, сэр, наши противники не ждут. Они все время действуют, и действуют активно. Они уже добились победы в Азии, они господствуют в Европе и могут прийти к власти и у нас в Америке, пока мы будем выжидать удобного случая.

— Есть ли у вас какой-то конкретный план?

— Нет, потому-то мы и вернулись. Когда мы попытались обучить людей тому, что знаем сами, нас тут же остановили.

— В том-то вся и загвоздка,— согласился Хоу.— Я долгие годы мечтал начать действовать, но сделать это трудно. Ведь наши знания в книге не напечатаешь и по радио не передашь. Они должны передаваться непосредственно от одного разума

к другому, и мы не упускаем случая, когда находим разум, готовый к восприятию.

Они закончили обсуждение, но никакого решения так и не нашли. Хоу попросил их не беспокоиться.

— Пойдите,— сказал он,— попробуйте посвятить несколько недель медитации и не прерывайте связи. Когда вам покажется, что вы наткнулись на стоящую идею, сообщите мне. Я созову совет, и мы все вместе рассмотрим ее.

— Но, Старейший,— запротестовала Джоан от лица всего трио,— понимаете... Мы надеялись, что совет поможет нам разработать план. Мы не знаем, с чего начать, иначе мы бы не вернулись.

Хоу покачал головой.

— Вы самые младшие из братьев, моложе всех по возрасту и наименее опытные. Это ваши достоинства, а не недостатки. Тот факт, что вы не провели долгих лет жизни в раздумьях о вечности и человечестве, дает вам немалое преимущество. Слишком широкий взгляд, чересчур философский подход парализуют волю. Я хочу, чтобы вы обдумали все втроем.

Так они и сделали. Несколько недель они обдумывали проблему объединенным разумом, обсуждали ее, разговаривая вслух, погружались в медитацию, размышляя о возможных последствиях. Разумом они прочесали все население страны, исследуя человеческую сущность политиков и общественных деятелей. По архивам они узнали, к какой тактике прибегали в прошлом братья общины, когда свобода мысли и действия в Америке находилась под угрозой. Предлагались и тут же отвергались десятки планов.

— Нужно удариться в политику,— сказал Фил,— как братья поступали раньше. Если бы кто-нибудь из старших заделался министром образования, он смог бы основать государственную академию, которая стала бы источником подлинного свободомыслия и распространения древних знаний.

Джоан возразила:

— А если мы потерпим поражение на выборах?

— А?

— Несмотря на все способности братьев, нелегко будет набрать делегатов на национальный съезд, чтобы выдвинуть нашего кандидата, а затем заставить избрать его вопреки всей политической машине, лоббистам, прессе, всяким блатным ребятам, и прочая, и прочая. И еще не забудьте: оппозиция может вести любые грязные игры, но нам придется играть честно, иначе мы навредим себе сами.

Бен кивнул.

— Боюсь, что она права, Фил. Но и ты тоже прав, по крайней мере в одном: это и в самом деле проблема образования.

Коуберн замолчал, погрузившись в медитацию и обратив свой разум внутрь себя.

Наконец он снова заговорил:

— А может, мы не с того конца решаем эту проблему? Мы все думаем, как перевоспитать взрослых, закосневших в своих предубеждениях. Может, начнем с детей? Они еще восприимчивы к новому — не легче ли попробовать обучить сначала их?

Джоан села, глаза у нее заблестели.

— Бен, ты нашел то, что нужно!

Фил упрямо покачал головой:

— Нет. Мне жаль вас обескураживать, только тут мы ничего не добьемся. Дети все время под присмотром взрослых, нам до них не добраться. Не забывайте о местных школьных советах — это самые жесткие олигархии во всей политической системе.

Они сидели под соснами на склоне Шасты. Внизу показалась группка людей, которые начали карабкаться наверх. Дискуссию на время прекратили. Троица смотрела на пришельцев дружелюбно, но без особого внимания.

Группа состояла из мальчиков от десяти до пятнадцати лет; только вожак с серьезным достоинством шестнадцатилетнего нес нелегкое бремя ответственности за безопасность и здоровье младших, вверенных его попечению. На мальчиках были шорты и рубашки цвета хаки, шапочки военного образца и шейные платки, на которых красовались вышитая ель

и слова «Горный патруль, отряд I». Каждый нес палку и рюкзак.

Когда процессия подошла к сидевшим взрослым, вожак отряда помахал им в знак приветствия и нашивки на его рукаве блеснули на солнце. Все трое помахали в ответ, глядя, как ребята карабкаются дальше к вершине.

Фил стремительным взглядом следил за скаутами.

— Хорошие были денечки! — сказал он.— Я почти завидую этим малышам.

— Ты тоже был скаутом? — спросил Бен, не спуская глаз с мальчиков.— Помню, и гордился же я, когда получил нашивку за экзамен по оказанию первой медицинской помощи!

— Ты прирожденный врач, да, Бен? — заметила Джоан с выражением материнской гордости в глазах.— Я не... послушайте!

— Что с тобой?

— Фил! Вот тебе и ответ! Вот как мы доберемся до детей, несмотря на родителей и школьные советы.

И она переключилась на телепатическую связь, взволнованно передавая свои мысли в их разум. Потом они отутюжили все детали. Спустя некоторое время Бен кивнул и сказал:

— Может, и сработает. Пошли, обсудим все с Эфраимом.

— Сенатор Моултон, вот те молодые люди, о которых я вам рассказывал.

Джоан взглянула на маленького седого старика с почти благоговейным трепетом: его имя давно стало синонимом неподкупной честности. Она испытывала такое же желание прижать руки к груди и поклониться, как и при виде мастера Линя. Бен и Фил, заметила Джоан, тоже почему-то казались по-жеребячьи неуклюжими.

Эфраим Хоу продолжал:

— Мы вместе разобрали их схему, и она кажется мне вполне осуществимой. Если вы с этим согласитесь, то совет возьмется осуществить ее. Но решение в основном зависит от вас.

Сенатор взглянул на троих друзей с улыбкой — той самой улыбкой, которая покоряла сердца двух поколений прожженных политиков.

— Расскажите мне все,— предложил он. Они рассказали о том, как сделали попытку в Западном университете и как она провалилась; как они ломали голову в поисках подходящего решения и как группа мальчиков, ходивших в поход на гору, подала им идею.

— Видите ли, сенатор, если бы мы могли собрать здесь *одновременно достаточно много мальчиков* — юных и еще не испорченных жизнью, но уже воспитанных в духе вечных идеалов добра, уважения к себе и другим, взаимовыручки и умения постоять за себя — словом, в духе идеалов, включенных в скаутский кодекс; если бы, повторяем, у нас было здесь хотя бы пять тысяч мальчиков одновременно, мы обучили бы их телепатии и искусству передавать это знание другим. Когда мы обучим и отошлем их домой, каждый станет своего рода центром распространения знаний. И наши противники не смогут остановить это движение: оно будет распространяться подобно эпидемии. Через несколько лет каждый ребенок в стране овладеет приемами телепатии и даже сможет обучить своих родителей — тех, конечно, кто не слишком закоснел и способен к обучению. А когда люди станут телепатами, мы поведем их за собой и откроем им древнюю мудрость.

Моултон кивнул, рассуждая вслух:

— Да. Да, действительно, это можно осуществить. К счастью, Шаста — часть территории национального парка. Дай бог памяти, кто там члены комитета? Понадобится принять совместную резолюцию и выделить небольшие ассигнования. Эфраим, дружище, если мне придется заключить небольшую сделку в сенате, ты простишь мне этот грех?

Хоу добродушно усмехнулся.

— Я говорю серьезно,— продолжал Моултон.— Люди так нетерпимы, так резки в суждениях по поводу политической беспринципности — в том числе и некоторые из наших братьев. Дайте подумать: года через два, пожалуй, мы сможем организовать первый лагерь.

— Так долго ждать? — разочарованно спросила Джоан.

— Увы, да, милая. В конгресс нужно будет представить два законопроекта, и придется немало потрудиться, чтобы впихнуть их в список, предназначенный к обсуждению. Нужно будет договориться с железной дорогой и автобусными фирмами о специальных скидках, чтобы дети смогли приехать. Мы должны провести рекламную кампанию и популяризировать вашу идею. И потом, нужно время, чтобы как можно больше наших братьев были избраны в органы управления этим движением и могли бы воспитывать детишек в лагерях. К счастью, я являюсь государственным попечителем детских организаций. Да, полагаю, года за два я справлюсь.

— Господи Боже! — возразил Фил.— Не проще ли телепортировать ребят сюда, обучить их и тем же способом отправить обратно?

— Мальчик мой, вы сами не понимаете, что вы говорите. Можно ли уничтожить насилие, если сам применяешь его? Каждый шаг должен быть сделан добровольно, под влиянием разума и убеждения. Каждый человек должен сам себя освободить: свободу невозможно навязывать силой. Да и так ли это долго — два года, чтобы выполнить работу, которая ждет своего часа со времен всемирного потопа?

— Извините меня, сэр.

— Не извиняйтесь. Ведь именно ваше юношеское нетерпение побудило нас заняться делом.

12. «И ПОЗНАЕТЕ ИСТИНУ...»

Лагерь вырос на нижних склонах горы Шасты, возле Мак-Клауда. Глубоко в ущельях и на северных гребнях горы еще лежал весенний снег, когда тяжелые армейские грузовики загрохотали по дороге, построенной осенью военными инженерами. Из кузовов вынимали палатки и ставили их рядами на низменные места покатых склонов. Среди палаток появились кухни, лазарет, здание штаб-квартиры. Мало-помалу лагерь «Марк Твен», вначале существовавший только на бумаге, становился реальным.

Сенатор Моултон, сняв мантию и надев бриджи, гетры, рубашку цвета хаки и шапочку с надписью «Директор лагеря», обходил свои владения, подбадривал рабочих, принимал решения за мелких руководителей и беспрестанно изучал разум любого, кто входил в лагерь или хотя бы появлялся в пределах видимости. Друг он или враг? Не явился ли сюда шпионить для отколовшихся братьев, выступивших против проекта? Сейчас нельзя себе позволить ни малейшей оплошности: слишком многое поставлено на карту.

В западных и южных штатах, в Нью-Йорке и Новой Англии, в горах и на морских побережьях мальчишки укладывали чемоданы, покупали специальные билеты туда и обратно до лагеря на Шасте, обсуждали поездку со сверстниками, завидовавшими счастливцам.

И по всей стране забеспокоились противники человеческой свободы и достоинства: рэкетиры, продажные политики, нечистоплотные адвокаты, мошенники от религии, владельцы потогонных предприятий и мелкие деспоты — все, кто наживается на человеческой нищете и угнетении и при этом неплохо разбирается в человеческой психологии, хорошо осознавая, сколь опасно могущество знания. Вся эта человеческая шушера забегала и заволновалась, не понимая, что происходит. Для них Моултон олицетворял все, что они ненавидели и боялись; гору Шасту им никогда не удавалось тронуть даже пальцем: самое название ее было им ненавистно. Они припоминали старые истории и содрогались от страха.

Они содрогались от страха — но они действовали.

Мальчиков будут перевозить в специальных трансконтинентальных автобусах — может, подкупить кого-то из шоферов? Или завербовать? Может, удастся испортить двигатель или колеса? Молодежь будут перевозить и в поездах — может, перевести где-нибудь стрелку? Или попробовать отравить питьевую воду?

Но и другая сторона была настороже. Поезд с мальчишками шел на запад; в нем сидел или над ним летел человек, чьим единственным заданием было проследить за безопасностью путешествия. Внутренним зрением этот человек обозревал

окрестности и исследовал побуждения каждого, кто находился в радиусе многих миль от его подопечных.

Быть может, кому-то из мальчиков и не удалось бы добраться до Шасты, если бы врагов свободы не застали врасплох. Ибо порок несет в себе недостаток: он не бывает по-настоящему умным. В самих его побудительных причинах кроется слабость. Спорадические попытки помешать мальчикам добраться до Шасты не имели успеха. Братья перешли в наступление, и меры, предпринятые ими, были более решительны и разумны, чем у их противников.

В лагере плотный заслон окружал всю территорию национального парка горы Шасты. По совету Старейшего братья установили круглосуточный патруль, чтобы не допустить проникновения злобных и низких духом. Лагерь тоже подвергся проверке. Двух членов лагерного совета и десятка два мальчишек пришлось отправить домой, ибо после обследования оказалось, что их души уже испорчены. Мальчишкам не сообщили истинной причины отправки, а привели какие-то вполне правдоподобные объяснения.

На первый взгляд лагерь ничем не отличался от сотен других скаутских лагерей. Проводились обычные курсы по ориентации в лесу. Как обычно, собирались суды чести, чтобы проэкзаменовать кандидатов. Вечерами, как водится, пели песни у костров, а перед завтраком делали зарядку. И почти не ощущалось, что здесь придавали чуть более серьезное значение клятве и законам скаутской организации.

Каждый мальчик в течение лагерной смены хотя бы на одну ночь уходил в поход. Группами по пятнадцать-двадцать человек они отправлялись утром в сопровождении члена совета, то есть одного из братьев. Мальчики несли свернутые одеяла, рюкзаки с припасами, фляжки, ножи, компас и маленький топорик. Ночевали они на берегу горной речушки, куда стекали ледниковые воды, и под шум ее бурных вод ужинали.

Фил вышел в поход с одной из таких групп в первую же неделю лагерной смены. Он повел мальчиков по восточному

склону горы, чтобы держаться как можно дальше от обычных туристских тропинок.

После ужина все уселись у походного костра. Фил рассказывал ребятам о восточных праведниках и их чудесных способностях, о святом Франциске и птицах. Как раз посреди одного из рассказов в круге света, отбрасываемом костром, появился человек.

Вернее, не только человек. Они увидели старика, одетого так, как мог бы одеться Дэви Крокетт. По бокам его шли звери: слева — горный лев, он заворчал при виде огня, а справа — олень с ветвистыми рогами, спокойно глядевший на ребят своими кроткими карими глазами.

Кто-то из мальчиков испугался, но Хаксли тихонько предложил ребятам потесниться и дать место новоприбывшим. Они немного помолчали: детям нужно было время, чтобы привыкнуть к присутствию животных. Наконец один из ребят робко погладил огромную кошку, а лев перевернулся на спину и выставил напоказ брюхо. Мальчик поднял глаза на старика и спросил:

— А как его зовут, мистер...

— Эфраим. Его зовут Свобода.

— Ого, да он совсем ручной! Как вы его приручили?

— Он читает мои мысли и верит мне. Многие звери относятся к тебе дружелюбно, если они тебя знают. И многие люди тоже.

Мальчик удивился:

— Как же он может читать ваши мысли?

— Это нетрудно. Ты тоже можешь читать его мысли. Хочешь, научу прямо сейчас?

— Господи боже!..

— Погляди-ка мне в глаза. Хорошо! А теперь взгляни на него.

— Ой... ой... правда могу!

— Конечно, можешь. И мои мысли можешь читать. Я ведь не говорю вслух, ты заметил?

— И правда не говорите. Я читаю ваши мысли!

— А я твои. Несложно, верно?

С помощью Фила всего за час Хоу научил ребят общаться путем передачи мысли. А потом, чтобы успокоить мальчишек, целый час рассказывал им истории, составлявшие важную часть их учебной программы. Он помог Филу уложить ребят спать и ушел в сопровождении зверей.

На следующее утро перед Хаксли сразу же предстал юный скептик:

— Скажите, тот старик с пумой и оленем — они мне приснились?

— Приснились?

— Вы же читаете мои мысли!

— Конечно. А ты читаешь мои. Иди и расскажи всем мальчикам об этом.

Перед возвращением в лагерь Хаксли посоветовал ребятам не рассказывать о своих приключениях тем, кто еще не ходил в ночной поход, но между собой и с другими посвященными общаться телепатическим способом, чтобы приобрести навыки.

Все шло хорошо, пока одному мальчику не пришлось вернуться домой: ему сообщили о болезни отца. Старшие не хотели стирать из его разума вновь приобретенные знания, но за ним внимательно следили. Через какое-то время мальчик проболтался, и противники почти сразу же узнали обо всем. Хоу отдал приказ усилить телепатический патруль.

Патрулю удавалось не пропускать в лагерь злоумышленников, но он был не слишком многочислен, не мог уследить за всем. Однажды глубокой ночью с подветренной стороны лагеря начался лесной пожар. Рядом с местом загорания никого не оказалось: совершенно очевидно было, что пользовались телекинезом.

Но если, управляя материей на расстоянии, можно содеять зло, то так же можно его и исправить. Моултон усилием воли потушил пожар.

На какое-то время враг, казалось, оставил попытки причинить мальчикам физический вред. Но враг не сдался. Од-

нажды к Хаксли в панике обратился один из малышей, умоляя его немедленно прийти к ним в палатку: командир их отряда заболел. Фил обнаружил парнишку-командира в истерическом состоянии, соседи по палатке держали его, чтобы он не поранился. Он пытался перерезать себе ножом горло и пришел в безумную ярость, когда один из мальчиков схватил его за руку. Хаксли быстро оценил ситуацию и вызвал Бена.

— Бен! Немедленно приходи. Ты мне нужен.

Коуберн промелькнул в воздухе и влетел в палатку. Фил успел только уложить мальчика на койку и начал приводить его в состояние транса. Ребята, взволнованные происшедшим, не сразу осознали, что доктор Бен летел — ведь сейчас он, как и все люди, стоял рядом с их наставником.

Бен соединился с разумом Фила, не давая мальчикам подключиться к их связи.

— В чем дело?

— Они добрались до него... и чуть не погубили, черт их побери!

— Как?

— Завладели его разумом. Пытались заставить его покончить с собой. Мне удалось разорвать этот контакт. И как ты думаешь, кто пытался его уделать? Бринкли!

— Не может быть!

— Точно. Ты оставайся здесь, а я поищу Бринкли. Скажи Старейшему, чтобы присматривали за всеми ребятами, владеющими телепатией. Как бы до них не добрались прежде, чем мы обучим их приемам самообороны.

И он удалился; мальчики так и не поняли, видели они левитацию или нет.

Хаксли не успел далеко улететь. Он еще набирал скорость, когда в голове у него зазвучал знакомый голос:

— Фил! Фил! Подожди меня!

Он чуть притормозил. Маленькая фигурка подлетела к нему и схватила за руку.

— Как хорошо, что я не прерываю связь с вами обоими! Ты бы удрал разбираться с этим грязным старым козлом без меня.

Он попытался быть строгим:

— Если бы я думал, что ты мне понадобишься, Джоан, я бы тебя позвал.

— Вздор! И чушь собачья! Ты можешь попасть в беду, если будешь разбираться с ним в одиночку. А кроме того, я непременно столкну его в яму.

Он вздохнул и, сдаваясь, сказал:

— Джоан, милая, ты такая кровожадная девушка, что придется тебе пройти десять тысяч перевоплощений, прежде чем ты достигнешь блаженства.

— Не нужно мне блаженства, хочу отделать старика Бринкли.

— Тогда полетели. И давай поспешим.

Они находились немного южнее Теачапи и быстро приближались к Лос-Анджелесу. Пролетев над цепью Сьерра-Мадре и долиной Сан-Фернандо, они промчались над вершиной горы Голливуд и опустились на полянке в резиденции ректора Западного университета. Бринкли увидел или почувствовал их появление и попытался бежать, но Фил вступил с ним в схватку. Он быстро мысленно сказал Джоан:

— Не вмешивайся, малышка, пока я не попрошу помощи.

Бринкли не желал сдаваться. Его разум попытался поглотить разум Фила. Хаксли почувствовал, что начинает отступать перед злобным натиском. Казалось, его затягивают, пытаются утопить в грязном зыбучем песке.

Но он собрался с силами и нанес ответный удар.

Когда Фил покончил с Бринкли, он поднялся и вытер руки, словно желая стереть духовную слизь, налипшую на них.

— Ну, пойдем,— сказал он Джоан.— У нас мало времени.

— Что ты с ним сделал, Фил?

Она с отвращением уставилась на существо, лежащее на земле.

— Да ничего особенного, просто парализовал. Его нужно оставить в живых — на время. Полетели, девочка. Прочь отсюда, пока нас не заметили.

И они взлетели вверх, унося за собой тело Бринкли, которое удерживала прочная телекинетическая связь. Над обла-

ками они остановились. Бринкли плавал рядом в воздухе, выпучив глаза, разинув рот, с бессмысленным выражением гладкого розового лица.

— Бен! — позвал Хаксли.— Эфраим Хоу! Эмброуз! Ко мне! Ко мне! Поспешите!

— Лечу, Фил! — ответил Коуберн.

— Я слышу тебя.— Спокойная сила мысли выдавала присутствие Старейшего.— Что случилось, сын мой? Скажи.

— Некогда! — отрезал Фил.— Вы, Старейший, и все, кто может! Сюда! Спешите!

— Летим.

Мысль была по-прежнему спокойной и неторопливой. Но в палатке Моултона появилось две дыры. Моултон и Хоу уже покинули лагерь «Марк Твен».

Они стремительно летели, рассекая воздух,— горсточка братьев, стерегущих священный огонь. Пятьсот миль на север пролетели они, словно голуби, спешащие домой. Лагерные наставники, две трети небольшой группы сестер-хозяек, несколько человек из разных уголков страны — все они откликнулись на зов Хаксли о помощи и сигнал тревоги, подобный набатному колоколу, поступивший от Старейшего. В каком-то городе домохозяйка вдруг выключила плиту и исчезла в небе. Шофер такси остановил машину и без единого слова оставил изумленных пассажиров. Исследовательские группы на Шасте разорвали свою закрытую для всех связь, бросили любимую работу и прилетели — мигом!

— Итак, Филип? — Хоу сказал это вслух, остановив полет и зависнув рядом с Хаксли.

Фил показал на Бринкли.

— Он знает то, что нам нужно знать, если мы хотим нанести внезапный удар. Где мастер Линь?

— Он и миссис Дрэпер охраняют лагерь.

— Он мне нужен. Может она справиться одна?

Ясный и мелодичный голос миссис Дрэпер прозвучал в его голове с расстояния в половину штата:

— Могу!

— Черепаха вылетает.

Во второй мысли была та всегдашняя спокойная веселость, по которой можно было безошибочно узнать старого китайца.

Джоан почувствовала, как что-то мягко коснулось ее разума, а затем мастер Линь оказался с ними, аккуратно усевшись по-турецки в пустоте:

— Я здесь, мое тело скоро прибудет,— заявил он.— Может быть, продолжим?

И тут Джоан заметила, что он воспользовался ее разумом, чтобы очутиться в их обществе быстрее, чем его тело преодолеет пространство. Она почувствовала себя чрезвычайно польщенной выбором китайца.

Хаксли начал без промедления.

— Через его разум,— он указал на Бринкли,— я узнал о многих других наших смертельных врагах. Их следует немедленно отыскать и покончить с ними, пока они не опомнились и не собрались с силами. Но мне нужна помощь. Мастер, могли бы вы продлить настоящее время и обследовать этого типа?

Линь учил их, как проникать во время и как воспринимать настоящее, научил удаляться на какое-то расстояние, чтобы вычленить из вечности временной отрезок. Но он был намного искуснее своих учеников. Линь мог разбить крохотное мгновение на тысячу дискретных отрезков или охватить тысячелетие как один миг жизненного опыта. Его умение проникать во время и пространство не ограничивалось ни его метаболизмом, ни молярными размерами.

Линь начал тщательно прощупывать мозг Бринкли, как будто искал потерянную драгоценность в куче мусора. Он нашел модели памяти своего противника и обозрел его жизнь как единую картину. С изумлением Джоан заметила, как всегдашняя улыбка мастера сменилась гримасой отвращения. Линь оставил свой разум открытым для наблюдения. Джоан с любопытством заглянула в него, затем отключилась. Если в мире действительно так много злобных духом, то она предпочитает встречаться с ними по одному, а не со всеми одновременно.

Тело мастера Линя тоже присоединилось к ним, незаметно перейдя в свою проекцию.

Хаксли, Хоу, Моултон и Бирс с напряженным вниманием следили за тонкой работой китайца. Лицо Хоу было бесстрастно; Моултон, напротив, выразительно морщил свое мягкое, немного старушечье лицо, неодобрительно цокая языком при виде столь беспредельной подлости. Бирс более обычного походил на Марка Твена, обуреваемого беспощадной, разрушительной яростью.

Мастер Линь поднял голову.

— Да, да,— произнес Моултон,— видимо, нужно действовать, Эфраим.

— У нас нет выбора,— заявил Хаксли, не сознавая даже, что нарушает этикет.— Быть может, вы дадите каждому задание, Старейший?

Хоу пристально посмотрел на него.

— Нет, Филип. Нет. Продолжайте. Работайте!

Хаксли, опомнившись, ругнул себя за бестактность и тут же принялся за дело:

— Вы поможете мне, мастер Линь. Бен!

— Готов!

Они прочно сцепили свой разум и попросили Линя показать им противника и все необходимые данные.

— Понял? Помощь нужна?

— Мне хватит дедушки Стоунбендера.

— Ладно. Ноги в руки — и пошел.

— Можешь поставить галочку.

И Бен улетел, стремительно рассекая воздух.

— Это задание для вас, сенатор Моултон.

— Понял.

Моултон также улетел.

Хаксли давал задания, и братья улетали, по одному или парами, чтобы выполнить то, что на них возложено. Никто не спорил. Многие знали задолго до Хаксли, что день начала действий обязательно наступит, и только ждали, спокойно занимаясь текущими делами, чтобы семя созрело во времени.

В особняке на Лонг-Айленде, в звуконепроницаемом, надежно запертом и охраняемом кабинете без окон, с вычурной мебелью собралось пятеро сообщников — трое мужчин, женщина и нечто в кресле-каталке. Нечто в кресле с чудовищной яростью смотрело на четверых своих собеседников, смотрело без глаз, ибо бледный лоб его гладко переходил прямо в щеки.

Халат, свободно подоткнутый вокруг кресла, не скрывал того, что у существа не было ног.

Оно ухватилось за подлокотники.

— Я что, все время должен думать за вас, идиоты? — спросило оно тихим приятным голосом.— Вы, Артурсон, не помешали Моултону протолкнуть в сенате этот законопроект о Шасте. Маразматик.

Последнее слово прозвучало ласкающе.

Артурсон заерзал на стуле.

— Я обследовал его разум. Законопроект был совсем безобидным. Он шел в обмен на сделку о долине Миссури, я же вам говорил.

— Значит, вы уверены, что обследовали его разум? Ха, да он устроил вам специальную экскурсию по своим мозгам, болван вы этакий! Законопроект о Шасте! И когда только вы, безмозглые идиоты, поймете, что от Шасты вечно одно беспокойство? — Существо одобрительно улыбнулось.

— Ну откуда мне было знать? Я думал, может, лагерь на горе будет раздражать их... ну, тех, вы понимаете, о ком я говорю.

— Безмозглый идиот. Недалеко то время, когда я обнаружу, что вполне могу обойтись без вас.— Существо не стало ждать, пока его собеседник осознает угрозу, и продолжило: — Ладно, хватит об этом. Нужно действовать, чтобы исправить положение. Они перешли в наступление. Агнес...

— Да,— отозвалась женщина.

— Ваши проповеди должны набрать обороты!

— Я сделала все, что в моих силах.

— Этого мало. Нам нужна волна религиозной истерии, которая смоет к чертовой матери Билль о правах до того, как

лагерь на Шасте закроется на лето. Нужно действовать быстро, не упуская момента и чтобы все эти дурацкие законы нам не мешали.

— Но это невозможно!

— Заткнитесь. Все возможно. На этой неделе в ваш храм поступят пожертвования, и вы используете их на широковещательные телепрограммы. А в нужный момент найдете нового мессию.

— Кого?

— Брата Артемиса.

— Этого ничтожного пьянчужку? А меня, значит, побоку?

— Вы свое получите. Но на должность мессии не претендуйте, страна не примет женщину-лидера. Вы вдвоем возглавите поход на Вашингтон и осуществите государственный переворот. «Сыны семьдесят шестого» пополнят ваши ряды в уличных боях. Вимс, это ваша задача.

Человек, к которому существо обратилось, возразил:

— Мне понадобится месяца три-четыре, чтобы их натаскать.

— Получите три недели. И постарайтесь справиться.

Третий мужчина, до сих пор молчавший, спросил:

— Что за спешка, шеф? Зря вы так паникуете из-за нескольких ребятишек.

— Это уж мне судить. Вам же нужно выбрать время так, чтобы повальные забастовки связали страну по рукам и ногам во время нашего похода на Вашингтон.

— Мне бы парочку каких-нибудь инцидентов.

— Вы их получите. Займитесь профсоюзами, лигу торговцев и коммерсантов я беру на себя. Организуете мне завтра маленькую забастовку. Выставите пикеты, а я позабочусь о том, чтобы нескольких пикетчиков подстрелили. Пресса будет наготове. Агнес, произнесите по этому поводу проповедь.

— С каким уклоном?

Существо закатило несуществующие глаза под потолок.

— Я что, обо всем должен думать? Это же элементарно! Пошевелите мозгами.

Третий мужчина осторожно положил сигару и спросил:

— И все-таки, шеф, объясните, что за пожар?

— Я вам уже сказал.

— Нет, не говорили. Вы закрыли свой разум и не даете нам прочесть ваши мысли. Вы давным-давно знали про лагерь на Шасте. К чему вдруг эта спешка? Может, вы решили слинять? Давайте-ка начистоту. Как вы можете ждать от нас послушания, если сами хотите смыться?

Безглазое существо внимательно взглянуло на него.

— Хэнсон,— сказало оно нежным голосом,— вы что-то совсем обнаглели в последнее время. Может, хотите померяться со мной силами?

Его собеседник взглянул на свою сигару.

— Я не против.

— Померяемся. Только не сегодня. Сейчас у меня нет времени выбирать и обучать новых подручных. Так вот, я вам скажу, отчего мы спешим. Я не могу разбудить Бринкли. Он выпал из общения. У нас нет больше времени...

— Вы правы,— сказал вдруг чей-то голос,— времени у вас больше нет.

Все пятеро, как марионетки, повернули головы в ту сторону, откуда исходил голос. Плечом к плечу в кабинете стояли Эфраим Хоу и Джоан Фримэн.

Хоу *посмотрел на существо.*

— Я ожидал этой встречи,— весело сказал он.— Я, можно сказать, давно мечтаю о ней.

Существо выбралось из каталки и двинулось по воздуху к Хоу. Его рост и манера передвигаться создавали неприятное впечатление, что оно идет на невидимых ногах. Хоу просигналил Джоан.

— Оно начинает. Ты сможешь удержать остальных, милая?

— Думаю, что да.

— С Богом!

И Хоу постарался сосредоточить все знания, полученные за сто тридцать лет непрерывного труда, на одной-единствен-

ной цели — на телекинетическом контроле. Он избегал контакта с разумом злобного существа, противостоявшего ему, и направил все усилия на то, чтобы разрушить его физическую оболочку.

Существо остановилось.

Медленно, очень медленно, как это бывает с неосторожным ныряльщиком, когда его сплющивают морские глубины, или с апельсином, попавшим в соковыжималку, сокращались пространственные пределы его существования. Невидимая сфера заключила его в себя и уменьшила.

Существо втягивалось в нее все глубже и глубже. Короткие обрубки ног прижались к плотному туловищу. Голова пригнулась к груди, чтобы избежать неумолимого давления. На миг оно собрало всю свою извращенную злую волю и попыталось дать отпор. Джоан мгновенно захлестнуло тошнотворной злобной волной.

Но Хоу был неколебим; сфера вновь начала уменьшаться.

Безглазый череп раскололся. И сфера сразу сократилась до ничтожных размеров. Двадцатидюймовый шарик повис в воздухе, он был столь омерзителен на вид, что вглядываться в него не хотелось.

Хоу, частицей разума удерживая на месте теперь уже безвредную кучку грязи, спросил:

— С тобой все в порядке, милая?

— Да, Старейший. Когда мне стало плохо, мастер Линь пришел на помощь.

— Я это почувствовал. А теперь давай займемся остальными.— Вслух он сказал: — Что вы предпочитаете: присоединиться к вашему шефу или же забыть то, что вы знаете? — И он пошевелил пальцами, как будто сжимая что-то.

Человек с сигарой пронзительно завопил.

— Понял ваш ответ,— сказал Хоу.— Джоан, передавай их мне по одному.

Он провел тонкую работу с их мозгом, разглаживая некоторые лишние извилины, образовавшиеся в результате жизненного опыта.

Через несколько минут в комнате осталось четверо человек — вполне вменяемых, но несколько инфантильных — и кучка кровавой грязи на коврике.

Коуберн вошел в комнату незваным гостем.

— Игра окончена, голубчики,— весело объявил он и направил указательный палец на одного из троих мужчин.— Вот тебе!

Из пальца с треском выбилось пламя и объяло врага.

— И тебе.

Пламя вылетело вновь.

— Ты тоже получай!

И третий подвергся очищению огнем.

Брат Артемис, «Божий Гнев», стоял перед телевизионной камерой.

— А если все это неправда,— гневно проговорил он,— да поразит меня Господь на этом месте!

Заключение, составленное следователем о том, что причиной внезапной смерти Артемиса был инфаркт, никак не объясняло, почему его останки нашли обгоревшими.

Политический митинг пришлось отменить, поскольку главный оратор так и не появился. У микрофонов обнаружили неизвестного бродягу, который свалился на землю и что-то бессвязно лепетал. Директор девятнадцати крупных корпораций довел до истерики свою секретаршу: диктуя очередное распоряжение, он вдруг запнулся, вступил сам с собой в дискуссию и под конец впал в беззаботный идиотизм. Исчезла прославленная телезвезда. Поспешно пришлось сочинить некрологи для семи конгрессменов, нескольких судей и двух губернаторов.

В тот вечер традиционную вечернюю песню в лагере «Марк Твен» пели без директора Моултона. Он был на общей конференции братьев, собравшихся во плоти впервые за многие годы.

Войдя в зал, Джоан огляделась.

— А где мастер Линь? — спросила она у Хоу.

Несколько мгновений он молча смотрел на нее. Впервые за два года, прошедшие после их первой встречи, ей показалось, что Хоу растерялся.

— Милая,— мягко сказал он,— ты, должно быть, успела понять, что мастер Линь оставался с нами ради нас, а не ради себя самого. Кризис, которого он ожидал, успешно разрешился, остальную работу нам предстоит выполнить без него.

Джоан прижала руку к горлу.

— Вы... вы хотите сказать...

— Он был очень стар и очень, очень устал. Последние сорок лет его сердце продолжало биться только благодаря постоянному контролю.

— Но почему же он не омолодился?

— Он этого не хотел. Он не мог оставаться с нами до бесконечности после того, как вырос.

— Да.— Она прикусила дрожащую губу.— Да. Верно. Мы все еще дети, а у него есть другие дела... но... О Линь! Линь! Мастер Линь! — И она опустила голову на плечо Хоу.

— Почему ты плачешь, Маленький Цветок?

Резким движением она подняла голову.

— Мастер Линь!

— Разве не может произойти то, что уже происходило? Разве существует прошлое или будущее? Неужели ты так плохо усвоила мои уроки? Разве я сейчас не с тобой, как всегда? — И своей мыслью она ощутила волнующую, неподвластную времени веселость, ту любовь к жизни, которая была отличительной чертой доброго китайца.

Мысленно Джоан сжала руку Хоу.

— Извините,— сказала она.— Я была не права.

Она расслабилась, как учил ее Линь, и позволила своему сознанию погрузиться в грезы, обнимающие время в единый бессмертный поток настоящего. Хоу, видя, что она успокоилась, занялся конференцией и связал всех присутствующих в единую телепатическую сеть.

— Полагаю, все вы знаете, зачем мы собрались,— подумал он.— Я отслужил свой срок; мы вступаем в иной, более

активный период, требующий от Старейшего таких качеств, какими я не обладаю. Я созвал вас, чтобы обдумать ситуацию и утвердить избранного мной преемника.

Хаксли почему-то вдруг стало трудно следить за мыслями. «Должно быть, я просто устал»,— подумал он про себя.

И тут же вновь услышал мысли Хоу.

— Да будет так; мы все согласны! — Старейший посмотрел на Хаксли.— Филип, принимаешь ли ты назначение на этот высокий пост?

— Что?!

— Ты теперь Старейший. Избран единогласно.

— Но я... я еще не готов.

— Мы тоже так считаем,— спокойно ответил Хоу.— Но нам нужны твои таланты. Именно сейчас. А под бременем ответственности ты быстро вырастешь.

— Выше нос, дружище! — пришло личное послание от Коуберна.

— Все будет в порядке, Фил.

Это уже Джоан. На секунду Хаксли показалось, будто он слышит рассыпчатый довольный смешок мастера Линя.

— Я попробую,— сказал Фил.

В последний день перед закрытием лагеря Джоан сидела рядом с миссис Дрэпер на террасе Дома Шасты и глядела вниз на долину. Из груди девушки вырвался вздох. Миссис Дрэпер подняла глаза от вязания и улыбнулась.

— Грустишь, что лагерь закрывается?

— Нет, совсем нет. Я рада этому.

— Тогда почему вздыхаешь?

— Просто я подумала... мы столько сил и трудов положили на то, чтобы его открыть. И потом непрерывно следили за его безопасностью. Завтра мальчики разъедутся по домам — и за каждым из них придется присматривать, пока они не окрепнут настолько, чтобы самостоятельно защищаться от зла, еще оставшегося в мире. А через год сюда приедет следующая смена, потом еще и еще. И так без конца, что ли?

— Почему без конца? Все когда-то кончается. Ты же смотрела архивы — помнишь, как было со Старшими? Когда мы

выполним здесь все, что нам положено, мы уйдем туда, где нас ждут другие дела. Человечество не останется тут навеки.

— Все равно это кажется бесконечным.

— Ну да, если смотреть на вещи с такой точки зрения. А чтобы все было интереснее и быстрее, нужно подумать, что будешь делать дальше. Вот ты, например,— что ты собираешься делать дальше?

— Я? — Джоан растерялась, потом лицо ее просветлело.— Я... Я собираюсь выйти замуж!

— Я так и думала,— заметила миссис Дрэпер, быстро работая спицами.

13. «...И ИСТИНА СДЕЛАЕТ ВАС СВОБОДНЫМИ!»

Земной шар все еще кружится под Солнцем. Времена года сменяют друг друга. Солнце все так же светит на горных склонах, так же зеленеют холмы и буйно цветут долины. Река стремится в морские глубины, потом поднимается вверх облаком и падает в горах дождем. Скот пасется в долинах; в кустах лиса подстерегает зайца. Циклы морских приливов и отливов соответствуют лунным фазам, и, когда наступает отлив, на влажном песке играют чайки. Земля прекрасна и обильна жизнью; жизнь кишмя кишит, переполняет землю, как вода переполняет русло реки в половодье.

Но человека нет нигде.

Ищите его в горах, обшарьте долины. Обследуйте зеленые джунгли в поисках его следов. Зовите его, кричите. Проберитесь в самые недра земли, погрузитесь в неизведанные морские пучины.

Человек ушел; дом его пуст и дверь в нем открыта.

Крупная обезьяна с чересчур большим для ее нужд мозгом и с каким-то томлением в груди ушла из своего стада в тишину высокогорья, простирающегося над джунглями. Час за часом карабкалась она на вершину, побуждаемая непонятным

стремлением. Она добралась до ровной площадки, оставив далеко внизу зеленые купы родных деревьев; никто из ее сородичей не забирался еще так высоко. Там она увидела широкий плоский валун, нагретый солнечными лучами. Обезьяна улеглась на валун и заснула.

Но сон ее был неспокоен. Странные видения мерещились ей — раньше она не знала подобных. Видения эти пробудили ее, и она проснулась с головной болью.

Пройдет немало поколений, прежде чем кто-то из ее потомков поймет, что оставили здесь ушедшие.

«УЧЕНЫЙ РАСКРЫВАЕТ ТАЙНУ КАМЕННЫХ СТАТУЙ ОСТРОВА ПАСХИ!»

Профессор Дж Хоуард Эрленмейер, доктор философии, член Королевского общества, руководитель экспедиции на остров Пасхи под эгидой Археологического общества утверждает: «Теперь не осталось уже никаких сомнений в назначении гигантских монолитных статуй, открытых на острове Пасхи. Учитывая ведущую роль религиозных культов во всех первобытных культурах и сравнивая указанные статуи с культовыми атрибутами, которыми полинезийские племена пользуются и по сей день, неизбежно приходишь к выводу о глубочайшем религиозном смысле указанных статуй. Вне всяких сомнений, их грандиозные размеры, присущее им гротескное преувеличение черт лица и словно бы случайное, а на деле строго определенное размещение неопровержимо доказывают, что создавались они для поклонения, как воплощение...»

© И. Гурова, перевод

* * *

На исходе дня жаркое солнце заливало слепящими лучами бело-зеленый город Мурию, раззолачивая лабиринт кривых улиц — концентрированных кругов, рассеченных радиальными проспектами. Башни Хранителей, вздымающиеся над сочной зеленью холмов, сверкали, как отполированная слоновая кость. Шум торговых родов под высоким куполом затих: купцы отдыхали в прохладной тени сочной пышной листвы, попивали освежающую окреду и поглядывали на величественные крутоносые корабли, покачивающиеся на якорях в гавани зелено-алые корабли из Хиндоса, из Китая, из дальних колоний Атлантиды.

На всем обширном континенте Му не было города прекраснее и богаче Мурии, столицы провинции Лак.

Но ласковый блеск солнца, моря и неба не рассеивал странного напряжения, пронизывавшего воздух, словно он был скручен в тугую спираль, готовую вот-вот развернуться... словно малейшая искра могла вызвать космический взрыв.

По городу свистящим шепотком разносилось имя. Оно повторялось везде — с отвращением и страхом или с надеждой, в зависимости от того, кто его произносил. И всегда в нем крылась сила громового удара.

Талус!

Талус, кумир простых людей, Талус, чьи призывные слова дарили надежду миллионам его сограждан. Талус — кандидат в губернаторы провинции Ла.

В сердце трущоб неподалеку от вонючей набережной ютилась редакция «Возрождения Му», газеты, которую выпускала организация, поддерживающая кандидатуру Талуса. Там царила такая же тишина, как всюду в Мурии, но это было затишье урагана, истощившего свою силу. На полу валялись клочки пергамента, опрокинутые табуреты, пустые фляги из-под пива. У большого круглого, видавшего виды стола сидели три молодых человека в позах, говорящих о глубоком унынии. Один с горькой усмешкой смотрел на огромный плакат, занимавший почти всю стену. На нем был изображен об-

лаченный в зеленую тогу высокий величественный мужчина с курчавой седеющей бородой. Правую руку он поднимал благословляющим жестом. Поверху под ало-лиловыми скрещенными знаменами Мурии вилась надпись:

«ТАЛУСА В ГУБЕРНАТОРЫ!»

Глядевший на плакат тяжело вздохнул, сам того не заметив. Другой, чертивший по листу пергамента затупившимся стилосом, поднял голову и спросил:

— Что тебя грызет, Робар?

Тот ткнул пальцем в плакат.

— Просто я смотрел на нашу великую надежду! До чего красив! Объясни, Дольф, как может человек столь благородного облика быть таким безнадежным тупицей?

— Только боги знают! А я понятия не имею.

— Ребята, вы несправедливы! — вмешался третий.— Старикан вовсе не туп, а просто не от мира сего. Вы же не будете отрицать, что его План полон конструктивной государственной мудрости, какой наш век еще не знал.

Робар перевел на него усталый взгляд.

— Кто спорит! И губернатор бы из него вышел отличный. Я ведь не отрицаю. Не верь я в осуществимость Плана, разве я торчал бы здесь, не зная отдыха ни днем, ни ночью? Надрывал бы сердце из-за проклятущей предвыборной кампании? Конечно, он благороден. Иной раз до того, что блевать хочется. Я о другом: вам когда-нибудь доводилось работать на кандидата, который бы так по-ослиному упирался, чуть речь заходит о том, как завоевать голоса и победить на выборах?

— Ну-у... Нет, конечно.

— Меня, Клевум, доводит то, что он мог бы добиться избрания без всякого труда. У него же есть все! Предвыборная платформа, способная увлечь массы, безупречное прошлое, замечательный ораторский талант и внешность для кандидата ну просто идеальная! В сравнении с Нетопырьухим он прирожденный губернатор. Алле-оп! И готово! Однако, как пить дать, переизбран будет Нетопырьухий.

— Боюсь, ты прав,— грустно согласился Клевум.— Нас обойдут, как стоячих. Одно время мне казалось, у нас есть шансы, на теперь... Вы видели, что утром тиснула о нем «Вся царская рать»?

— Этот помойный листок! Так что же?

— Вдобавок к гнусным намекам на золото Атлантиды они обвинили его в намерении уничтожить мурийские семейные очаги и покуситься на неприкосновенность мурийских женщин. И призвали всех стопроцентных мурийцев отправить это коварное чудовище туда, откуда оно явилось. Дурно пахнущие поклепы! Но чернь глотает и облизывается.

— Еще бы! Я же про это и говорил. Губернаторская шайка без передышки швыряет грязь горстями, но стоит нам швырнуть хоть комочек в губернатора Вортуса, как Талус закатывает истерику. В его представлении забористая превыборная статья — это увлекательные статистические изыскания для сравнительного анализа сельскохозяйственных налогов в разных провинциях Му... Дольф, что ты рисуешь?

— А вот! — И он показал ядовитую карикатуру на губернатора Вортуса с его длинной физиономией, узкими губами и лысым лбом под высокой алой губернаторской шапкой. Гигантские оттопыривающиеся уши придавали зловещему лицу сходство с развернувшим крылья стервятником. Простая подпись под карикатурой призывала:

«НЕТОПЫРЬУХОГО В ГУБЕРНАТОРЫ!»

— Вот-вот! — вскричал Робар.— Именно то, что там требуется. Юмор! Если бы мы могли поместить эту карикатуру на первой странице «Возрождения Му» и подсунуть по номеру под дверь каждого избирателя в провинции, это сразу же все изменило бы. Один взгляд на эту рожу — они обхохотались бы и кинулись голосовать за нашего Талуса! — Он отодвинул набросок на расстояние вытянутой руки и разглядывал его, сосредоточенно сдвинув брови. Потом посмотрел на своих друзей.— Слушайте, олухи, а почему бы и нет? Хоть последний номер приперчим. Ну, как? Идет?

Клевум сказал с тревогой:

— Ну... не знаю. Откуда ты возьмешь деньги? И даже если Орик раскошелится, как мы сумеем распространить такой тираж? А в случае удачи неизвестно, чем это обернется для нас — у противника хватит денег и времени для ответного удара.

Робар скривил губы.

— Вот чем вознаграждаются идеи в этой кампании — возражения, возражения и снова возражения!

— Погоди, Робар,— вмешался Дольф.— У Клевума есть основания брыкаться, но в главном ты нрав. Главное — чтобы Простой Избиратель от души посмеялся над Вортусом, верно? Так почему бы не отпечатать листовки с моей карикатурой и не раздавать их перед участками в день выборов?

Робар побарабанил пальцами по столу и вынес приговор:

— Хм-м... нет! Ничего не выйдет. Держиморды Вортуса насажают синяков нашим активистам и отберут листовки.

— Ну а если перерисовать Нетопырьухого на полотнища и развесить их возле избирательных участков так, чтобы голосующие их обязательно увидели?

— Та же беда. Держиморды посрывают их еще до открытия участков.

— Знаете, ребята,— вмешался Клевум.— Нам требуется что-то большое, видное отовсюду, притом прочное и массивное, с чем губернаторским прихвостням не справиться. Каменные истуканы в два этажа высотой были бы в самый раз.

Робар искривил губы еще сильнее.

— Клевум, если ничего умнее ты придумать не можешь, так хоть помолчал бы! Да, истуканы — прекрасная идея, будь у нас в распоряжении сорок лет и десять миллионов золотых.

— Робар, подумать только,— съязвил Дольф со злоехидной усмешкой,— отдай тебя твоя матушка в жрецы, ты мог бы насгущать столько истуканов, сколько пожелал бы, без тревог, хлопот и расходов.

— Верно, умник. Но тогда бы я не занимался политикой... Погодите!

— А?

— Сгущение! А что, если мы сгустим столько истуканов Нетопырьухого...

— Каким это образом?

— Знаете Кондора?

— Траченного молью петуха, который опивается в «Пляшущем ките»?

— Ага. Бьюсь об заклад, он их налепит столько, сколько нам надо.

— Из него же песок сыплется! И к тому же он не инициирован. Так, дешевый колдунишка. Читать по ладони в харчевнях да составлять гороскопы — вот и все, на что он способен. Даже любовное зелье жарить толком не умеет. Я как-то на собственном опыте убедился!

— Не воображай, будто ты его хорошо знаешь! Однажды вечером он нализался и поведал мне историю своей жизни. Прежде он был жрецом в Египте!

— И почему же он там не остался?

— В том-то и соль! Он не ладил с Верховным жрецом и как-то ночью напился, да и сгустил статую Верховного жреца в таком месте, где она всем бросалась в глаза, и такую большую, что видна она была издалека. Вот только голову Верховного жреца он насадил на туловище зверя.

— О-го-го!

— Ну и утром, когда он протрезвел и вспомнил, что натворил, то сразу ударился в бега. Устроился в Красном море на грузовое судно, да и приплыл сюда.

Во время этого разговора лицо Клевума вытягивалось все больше и больше. Наконец он не выдержал.

— Вы, два идиота, даже не вспомнили, как карают за противозаконное использование жреческих тайн!

— Заткнись, Клевум! Если Талус победит, он все уладит. А если мы проиграем выборы... так на всем Му для нас не найдется безопасного убежища, устроим мы эту штуку или нет.

Убедить Орика оказалось очень непросто. Как политик, он был сама любезность, но как организатор предвыборной кампании Талуса и, следовательно, шеф Робара, Дольфа и

Клевума он, в чем юноши не замедлили убедиться, оказался крайне осторожным, хотя и сохранял приятельский тон.

— Хм-м... да... право не знаю,— сказал он.— Боюсь, Талусу это не понравится.

— А зачем ему знать заранее?

— Ну, мальчики... право же! Э... не хотите же вы, чтобы я скрыл от него...

— Орик, но ты же прекрасно понимаешь, что мы наверняка проиграем, если не примем какие-то меры, и побыстрее.

— Робар, откуда такой пессимизм? — Выпуклые глаза Орика излучали фальшивую уверенность в будущем.

— А соломенное голосование? Не слишком-то много оно обещает! В сельских местностях мы проигрываем один к двум!

— Ну-у... Может быть, ты и прав, мой мальчик.— Орик дружески положил ладонь на плечо юноши.— Хорошо, предположим, что мы и правда проиграем выборы. Му же не один день строился. И я хочу, чтобы вы знали, как высоко мы ценим ваше самоотверженное усердие, независимо от исхода. Талус его не забудет, как и... э... я... Благодаря вам и таким, как вы, мы, старшее поколение, можем не опасаться за судьбу Му!

— Нам не нужно, чтобы нас высоко ценили, нам нужно победить на выборах!

— Безусловно, безусловно! Мы все этого хотим, и я в первую очередь. Э... в какую сумму обойдется эта ваша задумка?

— Сгущение обойдется недорого. Предложим Кондору единовременный гонорар и пообещаем какую-нибудь должность после победы. Основные расходы придутся на вино для него. Другое дело переброска истуканов на избирательные участки. Мы планируем простую коммерческую переброску.

— Она... э... обойдется дорого.

— Дольф заходил в храм справиться о цене.

— Боги! Неужели вы открыли жрецам свой план?

— Нет, почтеннейший. Он просто уточнил тоннаж и расстояние.

— И сколько он запросил?

Робар ответил, и на лице Орика появилось такое выражение, будто у него на глазах волки пожирали его первенца.

— Ни в коем случае! — отрезал он.— Даже и не заикайтесь!

Но Робар не отступил.

— Дороговато, конечно, но куда дешевле избирательной кампании, которая не принесет результата. Кроме того... Да, я знаю, что официально жрецы стоят вне политики, однако с твоими связями уж наверное удастся найти такого, кто займется этим частным образом за плату поменьше или даже в кредит. Ему это ничем не грозит, а если наш план осуществится, то победа обязательно будет нашей. Это твердо.

Орик сказал — и впервые в его голосе прозвучал искренний интерес:

— М-м-м, да. Пожалуй, ты прав.— Он тщательно соединил кончики пальцев. Беритесь за дело, мальчики. Обеспечьте изготовление истуканов. А организацией переброски займусь я.— И с озабоченным видом он направился к двери.

— Минуточку! — возопил Робар.— А деньги, чтобы подмаслить старика Кондора? Орик остановился.

— А, да-да. Как я рассеян! — Он вытащил три серебряные монеты и протянул их Робару.— Наличными и без расписки, э? — Он подмигнул.

— Да, кстати, почтеннейший! — вставил Клевум.— Как насчет моего жалованья? А то квартирная хозяйка мне проходу не дает.

Орик изумился.

— Как? Я тебе еще не заплатил? — Он пошарил в складках тоги.— Ты очень деликатен. Такое терпение и патриотизм! Но ты же понимаешь, у меня столько разных забот, а спонсоры далеко не все исполняют свои обещания в ими же назначенные сроки! — Он протянул Клевуму одну-единственную монету.— Напомни мне в первый же день следующей недели, мой мальчик. Не допусти, чтобы я снова забыл.

И он торопливо удалился.

Дружная троица пробиралась по узким улочкам, запруженным лотошниками, моряками, ребятишками и домашни-

ми животными, ловко избегая всякого мусора и помоев из ведер, которые бесцеремонно опоражнивали прямо с балконов. Харчевня «Пляшущий кит» дала о себе знать густым благоуханием квартала за два. Кондор, как обычно, привалился к стойке в уповании, что пьющие вокруг мореходы угостят и его.

Когда юноши пригласили его выпить с ними, он согласился со всей поспешностью. Робар выждал, пока пара кружек пива не привела старика в благодушное настроение, и только тогда заговорил о деле. В ответ на прямой вопрос Кондор выпрямился с пьяней гордостью.

— Умею ли я сгущать подобия? Сын мой, ты видишь перед собой того, кто сотворил Сфинкса! — Он элегантно икнул в кулак.

— Но сумеешь ли ты сделать это здесь и теперь? — гнул свое Робар. Разумеется, за гонорар,— прибавил он.

Кондор опасливо огляделся.

— Осторожнее, сын мой. Нас могут подслушать... Тебе требуется первичное сгущение или простое кодирование?

— А какая разница?

Кондор со вздохом возвел глаза к потолку и вопросил:

— И чему только учат в нынешних школах? Первичное сгущение требует большей затраты сил, ибо приходится тревожить самую сердцевину эфира. А копирование сводится к простой перегруппировке атомов в заданные конфигурации. Для каменной статуи сгодится простой булыжник.

— Значит, копирование! А нужно нам...

— Для первого завода хватит. Останови грузчиков! — Кондор отвернулся и подслеповато уставился в ветхий пергамент, шаря налитыми кровью главами по выцветшим иероглифам.

Они собрались в заброшенном карьере за дальним полем дядюшки Дольфа, который получили в полное свое распоряжение без всяких хлопот: ведь, как рассудительно указал Робар, раз почтенный старец не знает, что на его земле творится беззаконие, какие у него могут быть возражения?

Их компания пополнилась шестью краснокожими грузчиками из Земли Инков, неутомимыми внлачами, обладавшими,

помимо всего, одним важнейшим достоинством — они ни слова не говорили по-муйски. Они загрузили серой галькой бункер необычной конструкции — без выпускного отверстия, и теперь невозмутимо ждали дальнейших распоряжений. Кондор засунул свиток в складки видавшей виды туники и извлек из того же тайничка серебряную трубочку.

— Твоя конфигурация, сын мой?

Дольф протянул ему восковую модельку, вылепленную по карикатуре на Нетопырьухого. Кондор поставил слепок перед собой и уставился на него в серебряную трубочку. То, что он увидел, как будто его удовлетворило. Во всяком случае, он монотонно забубнил себе под нос, покачивая в такт лысой головой.

Примерно в пятидесяти шагах от них на каменном пьедестале начал возникать образ, вначале словно клуб дыма, но затем сгустился, пошел рябью, уплотнился и затвердел. Кондор оборвал бормотание и обозрел плод своих усилий. Высотой в три человеческих роста перед ними красовался истукан Нетопырьухого весь насквозь из бесхитростного обычного камня.

— Клевум, сын мой,— сказал Кондор,— передай-ка мне кувшин.

В бункере не осталось ни камешка.

За два дня до выборов их посетил Орик. Робар растерялся: Орик не только привел с собой какого-то незнакомца, но и походил с ним между рядами массивных истуканов. А потом, когда их шеф попрощался с ними, он отвел его в сторону и зашептал:

— Что это за тип?

— Вполне надежный,— заверил Орик с обезоруживающей улыбкой.— Один из наших... мой друг.

— Но доверять ему можно? Я, по-моему, ни разу его не видел. За все время кампании.

— О, безусловно! И кстати, ребятки, вас надо поздравить с тем, что вы тут натворили! Ну, мне пора. Я еще загляну к вам...

— Минутку, Орик! Переброска у тебя на мази?

— О да! Да-да. А как же? Они все будут доставлены на избирательные участки заблаговременно. Каждый истукан.

— А когда?

— Робар, почему бы тебе не оставить все эти мелочи мне?

— Ну-у... ты бесспорно босс, но, по-моему, нам следует знать, когда готовиться к переброске.

— Что ж, раз тебя это так заботит, то, скажем, в полночь перед выборами.

— Отлично. У нас все будет готово.

Накануне выборов Робар с облегчением ждал полуночи.

Кондор потрудился на славу. Гротескные истуканы стояли длинными рядами по паре для каждого избирательного участка в провинции Лак, и Кондор усердно возобновлял знакомство с винным кувшином. Ведь непрерывное напряжение, которого потребовала эта работа, почти совсем вернуло его на стезю трезвости.

Робар созерцал истуканы с глубоким удовлетворением.

— Жаль, мы не увидим, какую рожу скорчит губернатор, когда взглянет на наши статуэтки! С первого взгляда ясно, чьи это бюсты. Дольф, ты гений. Ничего кошмарнее я в жизни не видел.

— Лестная похвала, друг мой,— отозвался Дольф.— Но куда запропастился этот жрец? Я успокоюсь, только когда увижу, как наши куколки разлетаются по избирательным участкам.

— Не волнуйся зря. Орик меня твердо заверил, что жрец придет заблаговременно. И переброска — дело секундное. Едва он приступит к делу, как даже истуканы, предназначенные для глухомани и северного полуострова, окажутся на месте через минуту-другую.

Однако проходили часы, и становилось все очевиднее, что произошла какая-то накладка. Робар в тринадцатый раз вернулся с ведущей в город дороги и сообщил, что на ней по-прежнему не видно ни души.

— Что же делать? — спросил Клевум.

— Не знаю. Ясно одно: случилось что-то непредвиденное.

— Так чего мы ждем? Пошли в храм, попробуем его найти.

— Какой смысл? Мы же не знаем, с кем договорился Орик. Пошли к нему.

Они оставили Кондора сторожить истуканы, а сами помчались в город. Орика они перехватили в тот момент, когда он выходил из штаб-квартиры. С ним был незнакомец, которому два дня назад он показывал истуканы. Появление юношей, казалось, удивило Орика.

— Привет, ребятки! Кончили так рано?

— Он не пришел! — пропыхтел Робар.

— Не пришел? Только подумать! А вы уверены?

— Конечно! Мы же там были все время.

— Как зовут жреца, с которым ты договорился? — спросил Дольф.— Мы сбегаем в храм и найдем его.

— Как его зовут? Нет, нет, вам не следует идти туда. Вы можете все осложнить. Я пойду сам.

— И мы с тобой!

— Это лишнее! — раздраженно отрезал Орик.— Вернитесь в карьер и проверьте, все ли готово.

— Великие боги! Орик, все проверено и перепроверено десятки раз! Пусть хоть Клевум пойдет с тобой, чтобы показать жрецу дорогу.

— Об этом я позабочусь сам! А теперь идите, идите! Юноши неохотно подчинились. Возвращались они в угрюмом молчании, которое у самого карьера прервал Клевум.

— Знаете, ребята...

— Да не тяни ты!

— Тип, который был с Ориком. Он ведь тот самый, что приходил с ним в карьер, так?

— Ну и что?

— Я все старался вспомнить, почему он показался мне знакомым. И сейчас сообразил: недели две назад я видел, как он выходил из губернаторской штаб-квартиры.

Все трое онемели.

Потом Робар сказал ошеломленно:

— Преданы! Все ясно. Орик продался и предал нас.

— Так что же нам делать?

— А что мы можем?

— Хоть убейте — не знаю.

— Погодите, ребята,— умоляюще произнес Клевум.— Кондор же был жрецом. Может, он способен наладить переброску?

— Верно! Надо попытаться. Бежим!

Но Кондор валялся на земле в пьяном забытьи. Они трясли его, лили ему на голову воду, подняли и принялись водить взад и вперед. Наконец он протрезвел настолько, что уже мог отвечать на вопросы. Задавал их Робар.

— Слушай, папаша, это очень важно. Ты можешь устроить переброску?

— Кто? Я? Само собой. А то как же мы воздвигли бы пирамиды?

— Да ну их, пирамиды. Вот сейчас ты сумеешь перебросить эти изваяния?

Кондор уставился на него воспаленными глазами.

— Сын мой, великие законы магии едины для всего времени и всего пространства. Что было сделано в Египте в Золотом веке, может быть сделан в Му сегодня ночью.

Дольф не сдержался.

— Боги! Что же ты, папаша, раньше молчал?

Ответ был исполнен достоинства и логики:

— А вы меня спрашивали?

За работу Кондор взялся тут же, но с такой медлительностью, что юноши чуть не визжали от нетерпения. Сначала он начертил на земле широкий круг.

— Дом тьмы! — возвестил он торжественно и добавил полумесяц Астарты.

Затем начертил второй большой круг, сопредельный с первым.

— А это дом света,— объяснил он и добавил символ солнечного бога.

В первом ряду первый слева истукан покачнулся на пьедестале, затем взмыл в воздух и молниеносно исчез за горизонтом на востоке.

Юноши дружно испустили радостный вопль, а по лицу Робара заструились слезы.

Взмыл второй истукан и уже устремился вперед, как вдруг Кондор икнул. Изваяние рухнуло на пьедестал и раскололось пополам. Старик оглянулся на своих нанимателей.

— Извиняюсь, с другими буду поосторожнее,— пробурчал он.

И он, правда, попытался, но алкоголь в крови брал свое. Кондора пошатывало, и он целился куда попало. Каменные фигуры летели во все стороны, но недалеко. Группа из шести с оглушительным плеском рухнула в гавань. Три четверти еще ждали своей очереди, когда Кондор вяло опустился на колени, опрокинулся и замер.

Дольф кинулся к нему и начал трясти. Но без малейшего толку. Он оттянул веко старика и вгляделся в зрачок.

— Бесполезно! Его и через пять часов в себя не привести,— вздохнул он.

Робар тоскливо смотрел на истуканы и их обломки. «Стоят,— думал он,— а что проку? Их же никто никогда не увидит — наглядная агитация, пропавшая втуне... Самая замечательная из моих идей!»

Тягостную тишину нарушил Клевум:

— Порой,— простонал он,— я начинаю думать, что Му только хорошее землетрясение исправит!

* * *

«...их верховного божества. Хотя археология и не свободна от ошибок, в данном случае, вне всяких сомнений, ошибка невозможна. Статуи эти носят сугубо религиозный характер. Такая неопровержимая предпосылка позволяет вдумчивому ученому с высокой достоверностью проанализировать их назначение...»

ОРКЕСТР МОЛЧАЛ, И ФЛАГИ НЕ ВЗЛЕТАЛИ...

Эту историю заказал мне журнал «Шахтеры» — коротенькую-коротенькую, говорили они, полторы тысячи слов, не более. Потом я попробовал пристроить ее в журнал американских легионеров, но там меня выбранили за то, что лечение ветеранов изображено в рассказе весьма далеким от совершенства. Тогда я отправил историю нескольким издателям НФ — и мне сообщили, что это не научная фантастика. (Вот здорово, черт бы их побрал! Полеты со сверхсветовой скоростью — это научно, а терапия и психология — нет. Должно быть, я чего-то не понимаю.)

Но у рассказа и впрямь есть изъян, который обычно бывает фатальным. Попробуйте определить его. Я вам подскажу ответ, но только в самом конце.

* * *

— Самый храбрый человек, которого я встречал в жизни! — сказал Джонс, начиная уже надоедать своей болтовней.

© С. Трофимов, перевод

Мы — Аркрайт, Джонс и я,— отсидев в госпитале ветеранов положенное посетителям время, возвращались к стоянке. Войны приходят и уходят, а раненые всегда остаются с нами — и черт возьми, как мало внимания им уделяется между войнами! Если бы вы не сочли за труд убедиться в этом, а убеждаться мало кому охота, то нашли бы в некоторых палатах искалеченные человеческие останки, датируемые годами Первой мировой войны.

Наверное, поэтому каждое воскресенье и каждый праздник наш округ назначает несколько комиссий для посещения больных. Я в этом деле участвую уже тридцать лет — и если вы таким образом не оплачиваете долг, то по крайней мере должны иметь какой-то интерес. Чтобы остаться на такой работе, вам это просто необходимо.

Но Джонс, совсем молодой парень, участвовал в посещении первый раз. Он был в совершенно подавленном состоянии. И скажу честно, я бы презирал его, будь это не так; нам достался свежий урожай — прямиком из Юго-Восточной Азии. Сначала Джонс держался, но, когда мы вышли из госпиталя, его понесло, и в заключение он выдал свою громкую фразу.

— Интересно, какой смысл ты вкладываешь в слово «храбрость»? — спросил я его. (В общем-то Джонс был прав — парень, о котором он говорил, потерял обе ноги и зрение, но не унывал и держался молодцом.)

— А сами-то вы какой в него вкладываете смысл? — завелся Джонс, но тут же добавил «сэр», уважая скорее мою седину, чем мнение. В его голосе чувствовалось раздражение.

— Не кипятись, сынок,— ответил я.— То, что помогло этому парню вернуться живым, я бы назвал «мужеством», или способностью терпеть напасти, не теряя присутствия духа. И в моих словах нет никакого пренебрежения; возможно, это качество даже более ценное, чем храбрость. Но я определяю «храбрость» как способность сознательно пойти навстречу опасности, несмотря на страх и даже имея выбор.

— А при чем тут выбор?

— При том, что девять человек из десяти пройдут любое испытание, если им его навяжут. Но чтобы самому взглянуть

опасности в лицо, требуется нечто большее, особенно когда сходишь с ума от страха и есть возможность улизнуть.— Я взглянул на часы.— Дайте мне три минуты, и я расскажу вам о самом храбром человеке, с которым мне довелось повстречаться.

Между Первой и Второй мировыми войнами, совсем еще молодым пареньком, я попал почти в такой же госпиталь, какой посетила наша троица. На маневрах в зоне Панамского канала я получил воспаление легких, и меня отправили на лечение. А если вы помните, это были годы, когда терапия легких только развивалась — ни тебе антибиотиков, ни специальных лекарств. В то время применяли френикотомию — вам перерезали нервы, которые управляли диафрагмой, и лишали грудную клетку подвижности, чтобы дать легкому поправиться. Если это не удавалось, использовали искусственный пневмоторакс. А если и он не помогал, врачи ломились с «черного хода» — отрубали несколько ребер и снабжали несчастных корсетами.

Все эти ухищрения были нужны для того, чтобы удержать легкое в покое и дать ему восстановиться. При искусственном пневмотораксе больному просовывают между ребрами пустотелую иглу так, чтобы ее конец оказался между стенкой ребер и стенкой легкого, а потом заполняют пространство между ними воздухом, таким образом сжимая легкое, как губку.

Но кислород вскоре поглощается, и тебя закачивают воздухом снова и снова. Утром, каждую пятницу, те из нас, кто был на «пневмо», собирались в приемной хирурга, чтобы уколоться. Не так уж мы и печалились, легочники — веселые люди; они всегда найдут, над чем посмеяться. В нашем отделении размещались только офицеры, и мы превратили приемную в нечто вроде клуба. Вместо того чтобы толпиться в очереди в коридоре, мы заваливали в комнату, растягивались в креслах, усаживались на стол, курили сигареты хирурга и кормили друг друга байками, пока шла процедура. В то утро нас было четверо, и мне выпал первый номер.

Когда вставляют иглу, это не очень больно — просто легкий укол. Но если вы попросите об анестезии кожи, то даже укола не почувствуете. Процедура занимает несколько минут, вы снова надеваете халат и отправляетесь в постель. В тот раз

я не спешил уходить, потому что второй пациент, парень по фамилии Сондерс, рассказывал очень непристойную хохму, которую мне еще не доводилось слышать.

И вот он обрывает ее на середине и забирается после меня на стол. Хирург нашего отделения ушел в отпуск, и нас обслуживал его помощник — молодой парень, чуть ли не со школьной скамьи. Нам он нравился, и мы чувствовали, что у него задатки великого хирурга.

Что бы вы там ни думали, в общем-то закачка воздухом не опасна. Вы можете сломать себе шею, свалившись с лестницы, или задохнуться до смерти, подавившись куриной косточкой. Вы можете поскользнуться в дождливый день, удариться головой и утонуть в небольшой луже. При искусственном пневмотораксе тоже возможны непредвиденные случайности. Если игла проходит чуть дальше и проникает в легкое и если потом воздушный пузырек попадает в кровеносный сосуд и умудряется дойти до сердца, то в сердечных клапанах может образоваться газообразный тромб. Случай крайне редкий — врачи называют его воздушной эмболией. Таким образом, при стечении всех этих маловероятных случайностей вы можете умереть.

Одним словом, мы так и не услышали окончание веселой истории Сондерса. Он отдал концы прямо на столе.

Молодой хирург делал все возможное, чтобы спасти его; прибежали другие врачи. Они пытались вернуть Сондерса к жизни, перепробовали самые разные фокусы, но все напрасно. В конце концов в помещение принесли мясную корзину и утащили парня в морг.

А мы трое так и стояли, не говоря ни слова. Весь мой завтрак вывернуло, но я благодарил судьбу за то, что еще дышу. Полевой писарь по фамилии Джозефс должен был идти на укол следующим, полковник Хостеттер — за ним. Хирург поднял голову и посмотрел на нас. Он весь вспотел, выглядел ужасно — видимо, потерял своего первого пациента, ведь доктор был совсем еще мальчишка. Он повернулся к доктору Арманду из соседнего отделения. Не знаю, хотел ли паренек попросить старика закончить процедуры или хотел отложить

их на день, но по его лицу было видно — он и рукой не может шевельнуть после смерти Сандерса.

Как бы там ни было, сказать он ничего не успел, потому что Джозефс мигом сбросил свой халат и забрался на стол. Только что прикуренную сигарету он передал санитару:

— Подержи сигаретку, Джек, пока доктор...— и он называет имя нашего парнишки,— не накачает меня воздухом.

С этими словами Джозефс начинает снимать пижаму.

Вы, наверное, знаете, что молодых летчиков отправляют в полет сразу после первой аварии. В такой же ситуации оказался и наш молоденький доктор: он должен был повторить процедуру и доказать себе, что это всего лишь неудача и он не мясник на бойне. Парень сам бы не решился — вот Джозефс ему и помог. В тот момент любой из нас мог погубить его как хирурга, отказавшись от процедуры или дав ему время довести себя до нервного срыва, но Джозефс заставил мальчишку взяться за дело.

Джозефс умер прямо на столе.

Игла вошла, все было нормально, а потом писарь тихо вздохнул и умер. На сей раз рядом стоял доктор Арманд. Он взял руководство в свои руки, но ничего не помогло. А мы смотрели этот фильм ужасов по второму разу. Появились те же четверо и унесли тело в морг — возможно, в той же корзине.

Наш хирург и сам выглядел как труп. Доктор Арманд распорядился;

— Вы двое идите по койкам,— сказал он Хостеттеру и мне.— Полковник, после обеда зайдете в мой кабинет, я сделаю вам укол.

Хостеттер покачал головой.

— Нет, благодарю вас,— решительно ответил он.— Мой хирург и сам может это сделать.

Он снял халат. Молодой паренек был ни жив ни мертв. Полковник подошел к нему и потянул за руку.

— Ладно, доктор, давай, а то опоздаем на ланч.

С этими словами он влез иа стол и подставил свои ребра.

Через несколько минут полковник уже надевал пижаму. Работа была сделана, и наш хирург снова выглядел человеком, хотя перепотел, как в бане.

Я остановился, чтобы перевести дыхание. Джонс серьезно кивнул и произнес:

— Теперь мне ясно, что вы хотели сказать. Да, поступок Хостеттера требует больше хладнокровия и мужества, чем любое сражение.

— Да нет же,— вмешался Аркрайт.— Он хотел тебе сказать о другом. Он имел в виду не полковника, а молодого врача. Доктору пришлось собраться и делать свое дело — причем не один раз, а дважды! Хостеттер только поддержал его.

Я почувствовал себя старым и больным.

— Одну секунду. Вы оба не правы. Помните, я определил храбрость как состояние, в котором человек имеет выбор... и идет навстречу опасности, несмотря на свой страх. Нашего хирурга заставили принимать решения, поэтому он не в счет. Полковник Хостеттер был ветераном, закаленным в боях, к тому же Джозефс подал ему пример. Нет, полковнику тоже не видать приза как своих ушей.

— Но это несправедливо,— возмутился Джонс.— Конечно, ваш Джозефс был храбрецом, но если уж он едва заставил себя пойти на стол, то полковнику это было вчетверо труднее. Ведь вам наверняка уже всем казалось, что любой, кто попадет на этот стол, живым оттуда не слезет.

— Да-да,— подхватил я.— Именно так мне и казалось. Но ты не даешь мне закончить. Я точно знаю, что приз за храбрость заслужил именно Джозефс. Видишь ли, вскрытие показало, что у него не было воздушной эмболии. Джозефс умер от страха.

[в перевернутом виде :

ОТВЕТ: Я закамуфлировал его, чтобы вы не сразу догадались; изъян заключается в том, что это правдивая история. Я сам там был. Я поменял имена, место действия и даты, но не события.]

Вы когда-нибудь опускали ногу на верхнюю ступеньку лестницы, которой там не оказывалось?

Вот что я ощутил, когда увидел моего достопочтенного соперника на должность городского советника от третьего избирательного округа.

Том Гриффит позвонил мне после регистрации кандидатов и назвал моих противников.

— Альфред Мак-Най,— сказал он,— и Фрэнсис Кс. Нельсон.

— Мак-Ная можно сбросить со счетов,— заметил я, прикидывая.— Он выставил свою кандидатуру только для рекламы. Так что бороться будем мы трое: я, этот Нельсон и нынешний советник судья Джоргенс. Может, все решится на предварительных выборах.

Наш чудный город пользуется системой, которую в насмешку окрестили «беспристрастной» — кандидат может пройти еще на первичных выборах, получив чистое большинство.

© И. Гурова, перевод

— Джоргенс своей кандидатуры не выставил, Джек. Старый вор не добивается переизбрания.

Я обдумал эту новость.

— Значит, Том, собранный на него материал можно просто выбросить. По-твоему, босс Тулли и его ребята отказываются от нашего округа?

— Отказаться от третьего округа в этом году машина Тулли никак не может. Следовательно, Нельсон — их кандидат.

— Пожалуй... Не Мак-Най же! И что ты о нем знаешь?

— Ничего.

— Вот и я ничего. Ладно, сегодня вечером успеем на него наглядеться.

«Гражданская лига» устраивала вечером «встречу с кандидатами». Я поехал на стоянку прицепов, где обосновался, принял душ, побрился, надел жмущие ботинки и вернулся в город. Времени на размышления у меня было предостаточно.

Не так уж редко политическая машина заменяет (на время!) своего человека, чья репутация начинает попахивать слишком уж сильно, незапятнанным гражданином пока без сомнительного прошлого. Я мысленно уже видел этого Нельсона — молодой, с мужественным лицом, возможно адвокат и, несомненно, ветеран. Такой политически наивный, что выставит свою кандидатуру и не поморщится, или же такой честолюбивый, что закроет глаза на необходимость идти на поводу у машины. И так и эдак, он машину устроит.

Я чуть не опоздал, меня представили с ходу, и я занял место на эстраде. Нельсона я нигде не углядел, зато увидел, что Клифф Мейерс беседует с какой-то девицей. Мейерс — мальчик на посылках у босса Тулли, и, следовательно, Нельсона следовало искать где-то поблизости.

Мак-Най откликнулся на зов народа двумя-тремя сотнями слов, затертых до блеска, а затем был представлен Нельсон, «ветеран этой войны и кандидат на ту же должность».

Девица оторвалась от Мейерса и поднялась на трибуну.

Раздались хлопки, а на галерее кто-то одобрительно свистнул. Она, вместо того чтобы смутиться, поглядела туда с улыбкой и сказала:

— Благодарю вас!

Тут все снова захлопали, засвистели, затопали ногами. Я не блещу сообразительностью — так и не научился «махать ручкой», а «ладушки» и вовсе не освоил. Вот я и ждал, что она извинится за отсутствие Нельсона, назвавшись его женой, сестрой или там свояченицей... Так что она кончала четвертую фразу, когда я наконец сообразил, что она сама и есть Нельсон! Фрэнсис Кс. Нельсон! Вернее, Франсес Кс. Нельсон. За что мне это? Ну за что?!

Даже в лучшем случае соперничать на выборах с женщиной — мука смертная. Ты не смеешь себе позволить даже самых безобидных выпадов, а ей разрешается пускать в ход все — от хлыста из змеиной кожи до отравы, подлитой тебе в кофе.

А прибавьте изящную красоту, несомненный ум, умение держаться на трибуне. А в довершение еще и ветеран! Где уж мне... Я попытался перехватить взгляд Тома Гриффита, но он смотрел только на нее и прямо-таки упивался.

Нельсон, извините, мисс Нельсон, ставила на жилищную проблему.

— Пока он воевал, вы обещали ему потом все самое лучшее. А что он получил? Лачужку в трущобах, диван в гостиной зятя, гараж без удобств! Если меня выберут, я начну с того...

Против такого не пикнешь. Хорошие дороги, хорошая погода, американский семейный очаг и жилищная программа для ветеранов — у кого могут найтись возражения?

Когда встреча закончилась, я поймал Тома, вместе мы разыскали руководство ассоциации третьего округа и отправились домой к одному из активистов.

— Вот что, дорогие мои,— начал я,— когда я согласился выставить свою кандидатуру, мы ставили себе целью ущемить машину, подставив ножку Джоргенсу. Но теперь положение изменилось, и мне еще не поздно забрать залог. Что скажете?

Миссис Холмс (миссис Бигсби Холмс), отличнейшая женщина, все зубы съевшая на избирательных кампаниях, уставилась на меня с изумлением.

— Джек, какая муха тебя укусила? Избавиться от Джоргенса еще полдела. Нам нужен советник, на которого можно

положиться. И для нашего округа самый подходящий кандидат — ты.

Я замотал головой.

— Мне хотелось быть не кандидатом, а организатором! Нам нужен ветеран...

— Так ты же во время войны показал себя не хуже других,— перебил Дик Блейр.

— Может быть. Но политически это не стоит ничего. Нам нужен ветеран.

(Я тасовал документы в юридическом отделе Манхэттенского проекта — в гражданской форме — и настаивал на кандидатуре Дика Блейра, десантника, медаль «Пурпурное Сердце». Но Дик дал себе самоотвод, а кто посмеет настаивать, чтобы ветеран и фронтовик приносил еще жертвы во имя своего народа?)

— Джоргенс тоже не ветеран, вот я и подчинился воле большинства. Ну а теперь... Черт подери, по-вашему, я могу ее обойти? Она донельзя сексапильна политически!

— И не только! — выкрикнул Том.

Но тут заговорил доктор Поттер, и мы прикусили языки. В нашей команде ему принадлежит роль старого мудреца.

— Ты неверно ставишь вопрос, Джек. Ветеран ты или не ветеран — значения не имеет.

— Я не верю в пользу от безнадежной борьбы, доктор.

— А я верю. Если мисс Нельсон ставленница Тулли, мы обязаны выступить против нее.

— Так за ней машина? Это точно? — спросила миссис Холмс.

— Конечно,— отозвался Том.— Разве вы не видели, как Клифф Мейерс волок ее на буксире? Марионетка со светло-каштановыми волосами.

Я потребовал голосования. Они дружно проголосовали против моего предложения.

— Ну, ладно,— сдался я.— Если вы стерпите, то и я как-нибудь уж стерплю. Но хлопот добавится. Мы думали, у нас хватит грязи против Джоргенса, а теперь надо снова копать и копать.

— Не волнуйся, Джек,— успокоила меня миссис Холмс.— Мы копнем, и копнем поглубже. Работу в избирательных участках я беру на себя.

— А мне казалось, ваша дочь в Денвере вот-вот родит.

— Так и есть. Но я доведу дело до конца.

Вскоре я ушел, но на душе у меня было много легче — и не из-за того, что я вдруг поверил в свою победу, а просто потому, что на свете есть доктор Поттер, миссис Холмс и им подобные. Дух сотрудничества во время предвыборной кампании — чудесная штука. Я вновь его ощутил, и ко мне вернулась довоенная энергия.

До войны наша общественность была в отличной форме. Мы приструнили местную избирательную машину, подтянули чиновников, отправили в тюрьму лейтенанта полиции и добились, чтобы строительные контракты заключались строго на конкурсной основе. Причем добились всего этого не с помощью воскресных молитв, а благодаря усилиям честных граждан, добровольно обходивших улицы, нажимая на дверные замки.

Потом началась война и все переменилось. Те, кто добросовестно круглый год отдавал свои силы местной политике, разумеется, к войне отнеслись со всей серьезностью. И с Перл-Харбора до Хиросимы на политику они не могли выкроить и минуты. Просто поразительно, как никто во время войны не слямзил ратушу. Разве что она наглухо привинчена к фундаменту.

По дороге я остановился у автомобильной закусочной, чтобы съесть гамбургер и поразмыслить. Ко мне почти вплотную притиснулась еще машина. Я покосился на нее и заморгал.

— Чтоб мне! Мисс Нельсон! Кто вас отпустил гулять одну?

Она обернулась, готовая отбрить меня, но тут же включила предвыборную приветливость.

— Вы меня напугали! Вы же мистер Росс, правда?

— И ваш будущий городской советник,— согласился я.— Вы тоже меня напугали. Ну как вам жнется на политической ниве? И где Клифф Мейерс? Спустили его в канализацию?

Она хихикнула.

— Бедный мистер Мейерс! Я пожелала ему доброй ночи у моей двери, а потом поехала сюда. Жутко есть хочется.

— Так за победу на выборах не борются. Почему вы не пригласили его зайти и не изжарили яичницу?

— Ну, мне не хотелось... Вернее, мне хотелось подумать наедине с собой. Вы на меня не наябедничаете? — Она бросила на меня взгляд, означавший — только не вы, такой сильный, благородный мужчина!

— Я ведь враг, не забывайте! Но я вас не выдам. Мне тоже удалиться?

— Не обязательно. Раз уж вы станете моим городским советником, мне следует познакомиться с вами получше. Но почему вы так уверены, что победите меня, мистер Росс?

— Джек Росс — ваш друг и мой. Не разрешите ли угостить вас сигарой? И я вовсе не уверен, что обойду вас. Где мне против ваших природных преимуществ и шайки Тулли у вас за спиной.

Она прищурилась Предвыборная улыбка исчезла.

— О чем вы? — спросила она медленно.— Я независимый кандидат.

Мне предлагалось поджать хвост, но я воздержался.

— И вы думаете, я поверю? Клифф Мейерс торчит у вас за плечом и...

Договорить мне помешал официант. Мы заказали, каждый свое, и я хотел продолжать, но она перебила:

— Я правда хочу побыть одна!

И, поставив меня на место, начала поднимать стекло.

Я положил ладонь на верхний край стекла.

— Минуточку! Это политика, и о вас судят по друзьям, которыми вы себя окружаете. А на первую встречу с избирателями вы являетесь под крылышком Клиффа Мейерса.

— Но что тут такого? Мистер Мейерс настоящий джентльмен.

— И трогательно заботится о старушке матери. Он — человек без видимых средств к существованию на посылках у

босса Тулли. Я, как и все в зале, решил, что босс поручил ему опекать желторотого кандидата.

— Неправда!

— Неужели? Вас поймали с поличным. А ваша версия?

Она прикусила губу.

— Я не обязана ничего вам объяснять.

— Безусловно. Но обстоятельства говорят сами за себя.

Она промолчала, и мы принялись за еду, игнорируя друг друга. Но когда она включила зажигание, я сказал:

— До вашего дома я буду ехать за вами.

— Благодарю вас, этого не требуется.

— После войны наш город стал небезопасен. Вечером молодой женщине не следует быть на улице одной. Даже Клифф Мейерс лучше, чем ничего.

— Поэтому я и позволила им... Поступайте как знаете!

Мне пришлось проскакивать на красный свет, но я держался за ней, точно пришитый, и не сомневался, что она поспешит войти к себе и хлопнуть дверью погромче. Но она остановилась на краю тротуара и сказала:

— Благодарю вас, мистер Росс, что вы столь любезно проводили меня до дома.

— Не стоит благодарности.

Я поднялся с ней на крыльцо-веранду и пожелал ей доброй ночи.

— Мистер Росс, мне не так уж важно, что вы обо мне думаете, но босс Тулли ко мне никакого отношения не имеет. Я независимый кандидат.

Я промолчал, и она добавила:

— Вы мне не верите!

Большие красивые глаза заблестели от слез.

— Я ничего не утверждал, но я ищу какого-нибудь объяснения.

— Да что тут объяснять!

— Очень и очень многое! — Я сел на качели, украшавшие веранду.— Идите-ка сюда и объясните дедушке, почему вы решили выставить свою кандидатуру.

— Ну-у...— Она села рядом со мной, и на меня волнующе повеяло ее духами.— Началось с того, что я не могла найти квартиру. Нет, не с этого, а гораздо раньше. На юге Тихого океана. Я мирилась с жарой и с насекомыми. Даже идиотизм армейских порядков меня не слишком раздражал. Но мы выстаивали очереди к умывальникам. Доходило до рационирования воды! Вот это меня бесило. Ночью я не могла заснуть от жары и ворочалась на койке, мечтая о ванной — моей личной ванной. Только моей! Глубокая ванна, полная воды до краев, и сколько угодно времени, чтобы нежиться в ней. Шампуни, маникюрные принадлежности и огромные пушистые полотенца! Я грезила, как запрусь в своей ванной. Как поселюсь в ней навеки. А потом я демобилизовалась...

— И?

Она пожала плечами.

— Единственная квартира, которую мне удалось отыскать, оказалась мне не по карману.

— Ну а родной дом чем вам не угодил?

— Этот? Он принадлежит моей тетке. В ее семье семь человек. Я восьмая, а ванная одна на всех. Если я успеваю почистить зубы, это уже счастье. А сплю я на детской кровати вместе с восьмилетней двоюродной сестричкой.

— Вот как... Но это не объясняет, почему вы выставили свою кандидатуру.

— Именно что объясняет! Как-то дядя Сэм зашел в гости, а я вся кипела из-за жилищной проблемы и расписывала, что я сделала бы с конгрессом, и он сказал, так почему бы мне не заняться политикой? Я ответила: с радостью бы, будь у меня такая возможность. На следующий день он позвонил и спросил, не хочу ли я выставить свою кандидатуру на его место. И я ответила...

— Дядя Сэм? Сэм Джоргенс?

— Ну да. Вообще-то он мне не дядя, но я его знаю чуть не с пеленок. Я перепугалась, но он сказал, что бояться не надо — он будет помогать мне, советовать... Ну, я и выдвинула свою кандидатуру. Вот и все. Теперь видите?

Как не увидеть! Политическое чутье пасхального барашка. Только барашек мне, пожалуй, даст вперед сто очков.

— Ладно,— сказал я ей.— Но на одной жилищной проблеме далеко не уедешь. Как насчет привилегий газовой компании, например? И завода для переработки мусора? А налогообложение? Кому, по-вашему, следует поручить строительство аэропорта? Считаете ли вы, что вопрос о зонировании не следует слишком заострять? Как быть с шоссе?

— Я займусь жилищной проблемой. Остальное может и подождать.

Я насмешливо фыркнул.

— Ждать вам не позволят. Пока вы будете кататься на своем коньке, ловкачи подчистую оберут город — еще раз.

— Конек! Позвольте вам сказать, мистер Умник, что обрести дом — это для бездомного человека самое главное. Будь вы в таком положении, вам бы все представлялось иначе.

— Не горячитесь так! Я живу в прицепе с протекающей крышей. И всецело за широкую программу жилищного строительства. Но как вы будете ее осуществлять?

— Как? Ну, это уже глупо! Буду поддерживать меры по ее ускорению...

— Например? Вы считаете, что строительство должен вести город? Или частные компании? Выпускать ли нам облигации и открывать кредит? Ограничитесь ветеранами или поможете и мне? Только для семейных или не забудете и себя? Как насчет сборных домов? Насколько совместимо то, что вы намерены сделать, со строительными законами, принятыми в тысяча девятьсот одиннадцатом году? — Я перевел дух.— Ну так как же?

— Вы стараетесь меня уязвить, Джек!

— Да, стараюсь. Но я не перечислил еще и половины. И буду предлагать вам вести дебаты обо всем, начиная с собачьего налога и кончая патентованными покрытиями для мостовых. Честная чистая предвыборная кампания — и пусть победит достойнейший. При условии, что его фамилия — Росс.

— Я не соглашусь.

— И пожалеете. Мои мальчики и девочки на всех ваших встречах с избирателями будут засыпать вас ехидными вопросами.

Она смерила меня взглядом.

— Какая грязь!

— Вы же кандидат, деточка. И обязаны знать ответы на все вопросы.

Она как будто расстроилась.

— Я же говорила дяде Сэму,— пробормотала она почти про себя,— что слишком мало знаю о подобных вещах, но он сказал...

— Ну-ну, Франсес, что он сказал?

Она мотнула головой.

— Я и так уже наговорила лишнего!

— Ну хорошо, я сам вам скажу. Не забивайте свою хорошенькую головку всякой чепухой, потому что он всегда будет рядом и подскажет вам, как голосовать. Верно?

— Ну, не совсем. Он сказал...

— Но смысл был этот. И он познакомил вас с Мейерсом и обещал, что Мейерс покажет и объяснит вам, что к чему. Вы не хотели создавать проблем и делали все, как говорил вам Мейерс? Правильно?

— Вы отвратительно все передергиваете.

— Но это еще не все. Вы искренне считаете себя независимой, но действуете по указке Сэма Джоргенса, а Сэм Джоргенс, ваш милый старый дядюшка Сэм, носков не сменит без разрешения босса Тулли.

— Неправда.

— А вы проверьте. Поговорите с репортерами. Поразнюхайте.

— Так я и сделаю.

— Вот и хорошо. Узнаете подноготную и про капусту, и про аистов.— Я встал.— Ну, пора и честь знать. Увидимся на баррикадах, товарищ!

Я уже почти спустился со ступенек, когда она меня окликнула.

— Джек!

— Что, Франсес?

Я вернулся на веранду.

— Я выясню, какая связь существует — если существует! — между Тулли и дядей Сэмом, но, в любом случае и как бы то ни было, я независима. Если меня водят за нос, долго это продолжаться не будет!

— Умница.

— Погодите! Я намерена дать вам бой, решительный бой. Разгромить вас вдребезги и стереть самодовольную ухмылку с вашей рожи!

— Браво! Так держать, детка. Мы отлично проведем время.

— Спасибо. Ну, так спокойной ночи.

— Секундочку.— Я обнял ее за плечи, но она настороженно сбросила мою руку.— Кто пишет вам речи?

Меня больно пнули в лодыжку, и нас разделила дверь с проволочной сеткой.

— Спокойной ночи, мистер Росс!

— Еще одно. Ваше второе имя? Не Ксавье же? Так что означает «Кс»?

— Ксантиппа. Кушайте на здоровье!

Дверь окончательно захлопнулась.

Весь следующий месяц дел было по горло, и я выкинул Франсес Нельсон из головы. Вам доводилось выставлять свою кандидатуру на выборную должность? Да легче, чтобы тебе удаляли аппендикс у брачного алтаря в бочке, которая крутится в струях Ниагарского водопада! Минимум одна встреча с избирателями в день, но обычно не одна; званые завтраки в клубах деловых людей по субботам и воскресеньям; или же в полдень званый завтрак в торговой палате, а может быть, и еще где-нибудь; затем — в суд (правда, не каждый день), бесконечная переписка, телефонные звонки, конференции, а в довершение — столько посещений избирателей на дому, сколько удается втиснуть в остающееся время.

Это была ставка на простых людей в лучшем смысле слова, но сил требовала максимум. Миссис Холмс выскребла бочку

до дна и нашла-таки достаточно добровольцев, чтобы охватить три четверти избирательных участков. Остальные остались на мою долю. Охватить их всех было выше человеческих возможностей, но я рьяно пытался.

И каждый день требовал денег. Пусть политическая кампания ведется на строго добровольческих началах, деньги все равно нужны — много денег. Типография, почтовые расходы, аренда зала, телефонные счета, оплата бензина и обедов в закусочных тех активистов, кто не в состоянии тратиться на них из собственного кармана. Доллар туда, доллар сюда — и вот у тебя уже три тысячи долларов долгу.

Судить о том, как идет кампания, очень трудно: невольно внушаешь себе и другим то, во что хочется верить. Мы провели предварительную проверку — звонили по телефону, посылали открытки с оплаченными ответами, опрашивали устно на улицах. Том, миссис Холмс и я отправились на разведку — так сказать, понюхать, чем пахнет. В течение дня я залил бак бензином тут, выпил «кока-колу» там, купил пачку сигарет еще где-то и всюду, не называясь, заводил разговор о выборах. К тому времени, когда мы собрались у миссис Холмс сравнить полученные результаты, мне казалось, что я точно знаю свои шансы.

Сопоставив свои оценки, мы подвели итоги. У меня: Росс — 45%, Нельсон — 55%, Мак-Най — практически нуль. У Тома: пятьдесят на пятьдесят. Миссис Холмс определила: «Вялая кампания, малая активность избирателей с легким уклоном не в нашу пользу». После обработки мы получили такие официальные цифры: Росс — 43%, Нельсон — 55%, Мак-Най — 5%. Возможные колебания — плюс-минус 9%.

Я поглядел на миссис Холмс с Томом.

— Ну как, заблаговременно отступим или доблестно ринемся навстречу поражению?

— Нас еще не побили,— указал Том.

— Пока нет, но побьют. Мы ведь опираемся только на предпосылку, что из меня советник получится лучше, чем из большеглазой девчушки, но Обывателя Джо это абсолютно не интересует. А ваше мнение, миссис Холмс? Вы сумеете добиться какого-нибудь перелома в участках?

Она посмотрела мне прямо в глаза.

— Откровенно говоря, Джек, все идет кое-как. Наших старых боевых коней я совсем загнала, а завербовать новых мне не удается.

— Нам необходимо что-нибудь с перчиком! — сокрушенно вздохнул Том.— Давайте-ка начнем швыряться грязью.

— Какой? — спросил я.— Обвинишь ее в том, что она перекидывалась записочками на уроках? Что в армии смывалась в самоволку? Она ничем не запятнана.

— Так потягайся с ней в жилищном вопросе. Ты зря позволяешь ей прикарманить такую козырную карту.

Я покачал головой.

— Будь у меня что предложить, я бы не ютился в прицепе. А пустых обещаний я давать не собираюсь. У меня есть три законопроекта — в поддержку федерального закона, о пересмотре существующего строительного законодательства, о субсидировании жилищного строительства. Последний — очень твердый орешек. И все они мало чего стоят. Жилищную проблему нам с ходу не решить.

— Джек, тебе не следовало выставлять свою кандидатуру, если ты не находишь в себе солнечного оптимизма, обязательного для любого политика.

— А что я вам все время твердил? — буркнул я.— У меня натура организатора. А кандидат, сам организующий свою предвыборную кампанию, обрекает себя на раздвоение личности.

Миссис Холмс сдвинула брови.

— Джек, в любом случае о жилищной проблеме ты знаешь больше, чем она. Давайте устроим дебаты на эту тему.

— Согласен. Я же тут прислуга за все. И я предупредил ее, что намерен вести с ней дебаты по всем темам — от трамваев до налогов. Как, по-твоему, Том?

— Да что угодно, лишь бы побольше шума.

Я тут же позвонил.

— Это марионеточка со светло-каштановыми волосами?

— Джек Росс? Привет, язва. Ну, как вам поцелуйчики младенцев?

— Липковатые. Помните, я обещал побеседовать с вами о всяких проблемах? Пятнадцатого в среду в восемь вечера подойдет?

— Не кладите трубку,— попросила она, и я услышал приглушенное рокотание, а затем снова ее голос.— Джек? Ведите свою кампанию, а я буду вести свою.

— Детка, лучше согласитесь. Мы бросим вам публичный вызов. Открыть кавычки. «Мисс Нельсон трусит поставить вопрос ребром?» Закрыть кавычки.

— Всего хорошего, Джек!

— Дядя Сэм не разрешает, э?

В трубке щелкнуло.

Но мы продолжали бороться. Я продал несколько облигаций военного займа и заказал специальный номер «Бюллетеня Гражданской лиги» с первой страницей под шапкой «Росса — в советники!» в качестве затравки для сообщения о собрании — призы, аттракционы, кинофильмы и суперколоссальная словесная эпохальная схватка между Россом в этом углу и Нельсон в противоположном. В воскресенье поздно вечером мы загромоздили гараж миссис Холмс газетными пачками. Утром в семь тридцать позвонила миссис Холмс.

— Джек! — охнула она в трубку.— Приезжай сейчас же!

— Иду. А что не так?

— Все! Сам увидишь.

Она сразу повела меня в гараж, и я увидел сам; кто-то распотрошил наши бесценные пачки и облил их машинным маслом.

Мы еще созерцали погром, когда подъехал Том.

— Домовые расшалились,— сказал он.— Сейчас же позвоню в типографию.

— Не трудись,— перебил я с горечью.— За новый тираж нам нечем заплатить.

Он все равно отправился звонить, а тут начали подходить ребята, которые должны были разносить газеты. Мы заплатили им и отправили восвояси. Вернулся Том.

— Поздно! — сказал он.— Пришлось бы набирать с самого начала, а на это нет времени, да и слишком дорого.

Я кивнул и пошел в дом: мне тоже не терпелось позвонить.

— Алло! — крикнул я в трубку.— Это мисс Нельсон, независимый кандидат?

— У телефона Франсес Нельсон. Это Джек Росс?

— Да. Как вижу, вы ждали моего звонка.

— Нет. Я просто узнала ваш приятный голос. Чем обязана такой честью?

— Мне бы хотелось показать вам, как замечательно ведут предвыборную кампанию ваши мальчики.

— Минутку... В десять у меня встреча, но до тех пор я свободна. Но, собственно, о чем вы говорите? Какие мальчики? Какая кампания?

— Увидите,— ответил я и повесил трубку.

И продолжал молчать, пока не показал ей разгром в гараже.

— Грязнейшая подлость, Джек,— сказала она, уставясь на промасленные газеты.— Но почему вы показываете их мне?

— А кому же?

— Но... Послушайте, Джек. Не знаю, чьих рук это дело, только я тут ни при чем.— Она обвела нас взглядом.— Да поверьте же мне! — Внезапно у нее в глазах мелькнуло облегчение.— Все ясно! Это не я, и, значит — Мак-Най.

Том хмыкнул, а я сказал мягко:

— Послушайте, радость моя, Мак-Най — пустое место. Он двести десятая спица в колеснице и кандидатуру свою выставил только для того, чтобы его фамилия попала в газеты. Победы он не ищет, а потому пакостить тут не стал бы. Кроме вас некому... Погодите вспыхивать! Не вас лично, а машины. Вот что происходит, когда принимаешь поддержку темных сил.

— Но вы же ошибаетесь! Да, ошибаетесь! Машина меня вовсе не поддерживает.

— Ах так? А кто ведет вашу предвыборную кампанию? Кто платит по счетам?

Она мотнула головой.

— Этим занимается комитет. Мое дело выступать на митингах и проводить встречи.

— А откуда взялся этот комитет? Аист принес в клюве?

— Не говорите глупостей! Меня выдвинула и организовала комитет для моей поддержки Лига домовладельцев третьего избирательного округа.

Я не психолог, но было видно, что она говорит правду — то, что считала правдой.

— Вам когда-нибудь доводилось слышать о дутых организациях, детка? Единственная ваша связь с этой «Лигой домовладельцев» — Сэм Джоргенс, так?

— Да нет же... то есть... пожалуй, так.

— А я уже говорил вам, что Джоргенс — дрессированный пудель Тулли.

— Говорили, но я проверила, Джек. Дядя Сэм все мне объяснил. Тулли действительно его поддерживал, но они порвали отношения, так как дядя Сэм отказался идти на поводу у машины. И не его вина, если раньше машина поддерживала его.

— И вы ему поверили?

— Вовсе нет! Я потребовала доказательства. Вы же сами посоветовали мне навести справки в газетах... А дядя Сэм предложил мне поговорить с редактором «Геральда».

Том хмыкнул.

— Он подразумевает,— объяснил я Франсес,— что «Геральд» принадлежит машине. Я ведь советовал вам навести справки у репортеров. Они в большинстве люди честные и хорошо знают, как обстоят дела за кулисами. Просто не понимаю, откуда в вас такая наивность. Я знаю, вы долго отсутствовали, но неужели до войны вы совсем не читали газет?

После чего выяснилось, что с пятнадцати лет из-за школы, а затем из-за войны она в городе бывала редко и за местной политикой не следила вовсе. Тут вмешалась миссис Холмс.

— Джек! Но у нее же просто нет права выставлять свою кандидатуру! Она не прожила в городе указанный в законе срок.

Я покачал головой.

— Как юрист ручаюсь, что баллотироваться она вправе. Отсутствие по таким причинам не прерывает срока прожива-

ния, и тем более, если она записалась в армию здесь. А вы не сварите нам кофе, миссис Холмс?

Миссис Холмс нахмурилась. Догадываясь, что она не желает брататься с врагом, я взял ее под локоть и увел в дом, нашептывая:

— Не будьте так строги к девочке, Молли. И вы, и я допускали ошибки, пока разбирались в подоплеке этих игр. Вспомните Смити!

Смити был на редкость благообразным взяточником и высосал из нас всю кровь. Миссис Холмс немного смутилась и стала заметно мягче.

Мы беседовали о жаре, о шансах на ближайших президентских выборах, а потом Франсес сказала:

— Я ничего не признаю, Джек, но за газеты заплачу,

— А, ладно! — ответил я.— Меня больше устроило бы свести счеты с Тулли. Но вот что: у вас в запасе есть еще час, так я вам кое-что покажу.

— Мне поехать с вами, Джек? — спросил Том, глядя на Франсес.

— Если хочешь. Спасибо за кофе, миссис Холмс. Я скоро вернусь и приберу в гараже.

Мы отправились в приемную доктора Поттера и достали из сейфа материалы, собранные на Джоргенса. Объяснять мы ничего не стали, и я просто расположил фотокопии в наиболее логичном порядке. Франсес тоже молчала, но бледнела все больше и больше. Наконец она сказала:

— Вы не отвезете меня домой, мистер Росс?

Мы проваландались еще три недели — с утра до вечера гонялись за голосами, а потом до поздней ночи облизывали марки, рисовали по шаблонам плакаты и жутко не высыпались. Вскоре мы заметили странную вещь: Мак-Най все больше вылезал на первый план. Сначала плакаты и листовки, затем рекламная кампания, и вскоре к нам начали поступать сведения, что на избирательных участках усиленно агитируют за Мак-Ная.

Нас это ошеломило так, словно республиканская партия выдвинула в президенты отпетого демократа. И мы провели

еще одну проверку. Миссис Холмс, доктор Поттер и я оценили результаты. Росс и Нельсон — ноздря в ноздрю, Мак-Най на третьем месте, но не так уж отстает и набирает темпы.

— Что вы думаете, миссис Холмс?

— То же, что ты: Тулли бросил Нельсон и тащит Мак-Ная.

Поттер кивнул.

— Бороться вы будете с Мак-Наем. Нельсон держится пока по инерции благодаря прошлой поддержке машины, но скоро выйдет в тираж.

В эту минуту вошел Том.

— Ну, не знаю,— сказал он.— Тулли рассчитывает победить на предварительных выборах, а если не выйдет, то постарается оставить его соперницей девочку — у нее же нет никакой организации, а у нас есть.

— Тулли не может исходить из того, что я окажусь третьим. Даже в самом худшем случае вторым буду я, а не Франсес.

Том взглянул на меня с загадочной улыбкой.

— Ты видел вечерний выпуск «Геральда», Джек?

— Нет. Они разоблачают меня как тайного алкоголика?

— Хуже! — Он бросил мне газету. «ЕСТЬ МНЕНИЕ, ЧТО РОСС НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ГОРОДСКИМ СОВЕТНИКОМ»,— гласила шапка.

Под ней красовалось напечатанное в три цвета фото моего прицепа со мной в дверях. Заметка под ним объясняла, что каждый отец города обязан прожить в нем до выборов по меньшей мере два года, причем хотя бы шесть месяцев из них в своем избирательном округе. Стоянка прицепов находилась за городской чертой.

— Они могут снять твою кандидатуру, Джек ? — встревожился доктор Поттер.

— В суд им обращаться не с чем,— успокоил его я.— Юридически под меня не подкопаешься. Местожительство вовсе не пространственное понятие, а осуществление намерения — ваш дом, это место, куда вы намерены вернуться, уезжая. Официально я проживаю в квартире, где жил до войны,—

просто я поселил в ней моего партнера, когда отправился в Вашингтон. И мои вещи по-прежнему там, однако у него семья — жена и близнецы. Таким образом, прицеп всего лишь временное убежище и юридически ровно ничего не значит.

— Хм-м... А *политически*?

— Это другое дело.

— И какое! — подхватил Том.— А вы что скажете, миссис Холмс?

— Том прав,— озабоченно сказала она — Отличный материал для устных намеков в сочетании с враждебной газетной шумихой. Зачем отдавать голос человеку, который даже не живет в вашем округе? Ну и так далее.

— Что же, идти на попятный уже поздно, однако, друзья, посмотрим правде в глаза: все наши усилия и деньги пошли крахом.

Против обыкновения они не заспорили, и Поттер тут же выдвинул новую идею.

— Что такое мисс Нельсон в человеческом плане? Нельзя ли нам отдать свою поддержку ей?

— Она даже очень хороший человечек,— заверил я его.— Ее обвели вокруг пальца, и ей очень не хотелось признать это. Но в любом случае она несравненно лучше Мак-Ная.

— Еще бы! — воскликнул Том.

— Настоящая леди, как выражались в старину,— заявила миссис Холмс.

— Но как мы можем поддержать ее в финале? — возразил я.— На Мак-Ная у нас ничего нет, а она совсем не обстреляна и не выдержит того, что на нее обрушит машина в оставшиеся недели. Тулли не дурак.

— Боюсь, ты прав,— согласился доктор Поттер.

— Джек,— сказал Том,— ты вроде бы убежден, что нас уже победили.

— Спроси у миссис Холмс.

Миссис Холмс не стала дожидаться вопроса и сказала:

— Мне горько говорить так, и я не выхожу из игры, но пройти Джек может только чудом.

— Ладно! — воскликнул Том.— Так, может, мы перестанем изображать бойскаутов и порезвимся напоследок. Мне не по вкусу то, как ведет свою кампанию босс Тулли. Мы играли честно, а нам отвечали грязными трюками.

— Так что же ты предлагаешь?

Он объяснил, и я кивнул.

— Полностью поддерживаю. У меня тоже кое-что припасено. Во всяком случае повеселимся, и у нас есть шанс победить.

— Так звони ей!

Трубку взяла Франсес Нельсон, и я сказал:

— Франсес, это Джек Росс. Что-то я давно вас не видел, деточка. Как идет кампания?

— А, это...— В ее голосе прозвучала усталость.— Какая кампания, Джек?

— Вы сняли свою кандидатуру? В газетах ничего не было.

— Зачем? Я объяснилась с Джоргенсом напрямую, и тут же моя кампания оборвалась. Комитет испарился. Джек, мне бы хотелось увидеться с вами и извиниться.

— Бросьте! Но мне тоже надо бы вас повидать, так я заеду за вами?

Мы посвятили ее в наши планы. Она удивленно посмотрела на нас.

— Джек, это же бессмысленно. Я проголосую за вас, вот и все.

— А? Забудьте. Такой возможности вам просто не представится.— И я показал ей статью в «Геральде».— Чистейшей воды липа, но меня уже положили на обе лопатки. Мне бы следовало сразу сыграть на моей бездомности, а я, как дурак, подарил эту карту им. И теперь уже поздно: когда кандидат начинает оправдываться, значит, он получил в челюсть и вот-вот свалится в нокауте. И раньше я мог бы протиснуться только на самом минимальном преимуществе, а теперь о нем и речи нет.

Она смотрела на меня широко раскрытыми глазами, прижав кулачок ко рту.

— Джек... Боже мой! Я и тут...

— Тут?

— Навредила вам. Я ведь передала Сэму Джоргенсу наш первый разговор во всех подробностях. Упомянула и о том, что вам пришлось поселиться в прицепе. Мне...

Я отмахнулся от ее признания.

— Ерунда. Они все равно докопались бы. Слушайте: мы хотим поддержать вас и, возможно, добьемся, что вас выберут.

— Но я не хочу, Джек. Я хочу, чтобы выбрали вас.

— Поздно, Франсес. Но мы намерены прокатить это запасное колесо — Мак-Ная. Машина все еще поддерживает вас, чтобы покончить со мной на предварительных выборах, разделив голоса, не́ купленные ею. А потом избавится от вас. Я тут кое-что придумал, но сначала... Вы называете себя независимым кандидатом. Вот про это забудьте!

— О чем вы? Я ни за что на свете не соглашусь сдать свою позицию.

— И женщинам дали право голоса! Послушайте, деточка! Кандидат может не подчиняться боссу и все равно независимым не станет. Независимость — подростковая иллюзия. Чтобы обрести поддержку, вы должны связать себя с чем-то, вот и каюк вашей независимости.

— Но я... Политика — это такая мерзость!

— Ну, сколько можно? Политика так же чиста — или грязна,— как люди, которые ее делают. И грязной ее называют те, кому лень внести свою лепту.

Она спрятала лицо в ладонях, я схватил ее за плечи и встряхнул.

— А теперь слушайте! Я повторю нашу программу пункт за пунктом. Если вы с ней согласитесь и возьметесь провести ее в жизнь, вы наш кандидат. Договорились? Так будет честно?

— Да, Джек...— ее голос перешел в шепот.

Мы пробежались по программе, разумной, практичной, привлекательной для всякого, кто не преследует своекорыстных интересов. И у нее не нашлось никаких возражений. Пункты, для нее неясные, мы временно отложили. Особенно ей понравились мои предложения по жилищному вопросу,

так что мало-помалу она приободрилась и говорила уже как уверенный в себе кандидат.

— Ну, хорошо,— сказал я под конец.— А вот мой план: я снимаю свою кандидатуру, и все решится на предварительных выборах. Сделать это по своей инициативе я опоздал, но тут они сыграли мне на руку. Ее снимет суд, указав, что я не имею права баллотироваться не по месту проживания.

— Что-что, сынок? — Доктор Поттер посмотрел на меня укоризненно.— По-моему, ты говорил, что с юридической точки зрения твое положение неуязвимо.

Я ухмыльнулся.

— *Бесспорно... если бы я стал возражать. А я не стану.* План таков: через парочку подставных лиц мы вносим в суд протест. Суд дает распоряжение, чтобы я представил свои возражения. Я ничего не представляю, и суду остается только вычеркнуть мою фамилию из списка кандидатов. Раз, два, три — готово!

Том захлопал, я поклонился.

— С этой минуты доктор Поттер — председатель вашего нового комитета. Вы продолжаете по-прежнему: отправляетесь, куда вас пошлют, произносите такие же речи. Ах да! Я дам вам для проработки материал по другим проблемам, кроме жилищной. Ну а Том и я — мы заведуем эффектами и трюками. Просто забудьте, что мы существуем.

Три дня спустя меня вычеркнули из списка кандидатов. Том подал все так, словно за этим стояли Мак-Най и Тулли. Миссис Холмс выпала деликатная задача убедить наших активистов в избирательных участках, что Франсес — наша новая великая надежда. Доктор Поттер и Дик Блейр добились, чтобы Гражданская лига поддержала Франсес. Впрочем, лига поддержала бы и большую панду, лишь бы противопоставить кого-то кандидату Тулли. А Дик Блейр обработал и союз ветеранов.

Мы с Томом были свободны для всяких веселых игр и фокусов. Во-первых, мы заручились чудесным фото Франсес — прямо-таки аллегория «Свобода, несущая свет миру». Огромные глаза и благородный лоб. Фото это мы увеличили

для плакатов — на шесть листов. (Фото в двадцать четыре листа наталкивает на мысль о подозрительно большом денежном фонде.)

Обзавелись мы и отличным фото Мак-Ная. То есть отличным для наших целей. Способ такой: досылаете двух фотографов на митинг, где выступает ваш объект. Первый ослепляет его лампой-вспышкой, а второй повторяет то же самое в следующую секунду, прежде чем ваша жертва успевает совладать со своими рефлексами. Затем первый снимок выбрасываете. На нашей фотографии Мак-Най запечатлелся с выпученными глазами, разинутым ртом и немыслимо идиотским выражением лица — дебил, выдающий себя за олигофрена. Она была настолько великолепной, что пришлось ее слегка отретушировать. Затем я уехал в другой город и втайне отпечатал плакаты.

Мы выждали до последних дней и взялись за дело. Для начала мы будто исподтишка наклеивали призывы на наши собственные щиты поперек красивой мордочки Франсес, так что ее трогательно-печальные глаза смотрели на вас с мольбой прямо над надписью: «ГОЛОСУЙТЕ ЗА МАК-НАЯ!» Две ночи спустя мы расклеили плакатики с его дивным фото: «ГОЛОСУЙТЕ ЗА МАК-НАЯ! МЕСТО ЖЕНЩИНЫ — ДОМ И КУХНЯ!» Их мы наклеили и на частных домах и изгородях.

Утром мы с Томом поехали полюбоваться делом своих рук.

— Прелесть! — мечтательно произнес Том.— А нельзя ли, Джек, устроить так, чтобы Мак-Ная поддержала коммунистическая партия?

— Не вижу как,— ответил я с сожалением.— Но если это обойдется не очень дорого, то у меня есть в запасе парочка военных облигаций.

— Ничего не получится! — он с сожалением покачал головой.— Но какая прекрасная мысль!

Главный удар мы припасли для кануна выборов. Обошелся он недешево... Но, погодите, все по порядку. В субботу мы, используя связи Тома, наняли десяток темных личностей, обязав их явиться в понедельник с двухдневной щетиной на

мордах, а тогда скормили каждому по бутерброду с чесноком, снабдили листовками и устными инструкциями — позвонить в дверь, хорошенько дыхнуть в лицо хозяйке и сунуть ей листовку, злобно рявкнув: «Голосуйте вот так, дамочка!» Листовка содержала призыв «ГОЛОСУЙТЕ ЗА МАК-НАЯ!», его неповторимое фото, а также и избранные двусмысленные цитаты из высказываний Мак-Ная. Края обрамляла надпись: «100% американец — 100% американец».

Мы поручили каждой образине примерно по четыре участка, главным образом в богатых районах.

А вечером была устроена факельная процессия в духе старого доброго времени — работа миссис Холмс и заключительный аккорд законной предвыборной кампании. Во главе шествовали символы республиканской и демократической партий — слон и осел. (Только Богу известно, где миссис Холмс раздобыла слона.) Первого украшал плакат «Я ЗА ФРАНСЕС!», «И Я ТОЖЕ!» — вещал плакат на втором. За ними следовал детский оркестр, факельщики — наши умученные добровольцы — и отряд ветеранов женских вспомогательных служб армии и флота. За ними двигался открытый автомобиль с Франсес. Вид у нее был испуганный и очаровательный.

Мы с Томом полюбовались процессией и вновь взялись за работу. В эту ночь нам было не до сна.

Мы опять клеили плакатики — теперь на ветровых стеклах клеем по тексту. (Честное слово, в городе добрая половина машин не имеет гаражей — опять-таки жилищная проблема!) До рассвета мы охватили все кварталы нашего округа. Том вел машину, а я сидел у открытого окна с ведерком воды, губкой и наклейками. Он притормаживал у очередной легковушки, а я нашлепывал наклейку так, чтобы она закрывала обзор водителю... и ее пришлось бы счищать со стекла. Надпись призывала: «ГОЛОСУЙТЕ ЗА МАК-НАЯ! СОХРАНИТЕ АМЕРИКУ ЧИСТОЙ!»

Мы полагали, что это напомнит владельцам о выборах и подтолкнет проголосовать.

Сам я проголосовал, едва открылись избирательные участки, и завалился спать.

Проснулся я как раз вовремя, чтобы провести вечер в нашей штаб-квартире — пустующем здании, которое мы арендовали на последний месяц кампании. Наблюдение на участках за верностью подсчета голосов меня не интересовало — эта была сфера миссис Холмс, но пропустить поступление сведений о результатах с участков я никак не хотел.

Все вечера ожидания результатов похожи друг на друга — те же дружелюбные алкоголики, те же тесно сгрудившиеся у радиоприемника люди, то же нарастающее напряжение. Я взял банку пива с картофельной соломкой и присоединился к обществу у приемника.

— Есть что-нибудь? — спросил я у миссис Холмс.— А где Франсес?

— Пока нет. Я заставила ее прилечь.

— Лучше приволоките ее сюда. Кандидат должен быть на виду. Когда люди трудятся за ради дружеского похлопывания по плечу, им надо обеспечить это похлопывание.

Но тут явилась Франсес без всякой подсказки и повела себя так, как положено кандидату — дружески, любезно, искренне, благодаря всех и каждого. Я прикинул, не выдвинуть ли ее в конгресс.

Том с мутными от бессонницы глазами пришел как раз тогда, когда начали поступать первые результаты. Все — в пользу Мак-Ная. Франсес услышала — и улыбка соскользнула с ее губ. К ней подошел доктор Поттер и сказал:

— Пустяки! Первыми всегда поступают результаты с участков, контролируемых машиной.

Она вновь прилепила улыбку к губам.

Мак-Най повел со значительным преимуществом, но затем начали сказываться плоды наших усилий — Нельсон сократила разрыв. К десяти тридцати они уже шли ноздря в ноздрю, а затем все сильнее создавалось впечатление, что наш советник избран.

В полночь Мак-Най выступил по радио и признал свое поражение.

И вот я негласный секретарь советника. Сижу у барьера на всех заседаниях городского совета. Если я почесываю правое ухо, советник Нельсон голосует «за», если левое, то «против» — чаще всего.

Женился я на ней? Женился на ней Том, и они заняты строительством своего дома с одной спальней и двумя ваннами. То есть когда сумеют достать оборудование для обеих.

Эту телеграмму доктор естествознания, доктор философии и вообще большой ученый Арчибальд Дуглас прочитал с явным раздражением.

ПРИБЫВАЮ ГОРОД СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ ТЧК ПРОШУ КОНСУЛЬТАЦИИ ХОЛОДНОГО СВЕТА ТЧК БУДУ ВАШЕЙ ЛАБОРАТОРИИ ДЕСЯТЬ ВЕЧЕРА
подпись: *ДР. М.Л. МАРТИН.*

Прибываю, значит? Прошу, значит? Да что ему тут — отель? Может быть, этот Мартин думает, что он, Арчибальд Дуглас, склонен тратить свое время на любого неощипанного гуся, который может раскошелиться на телеграмму? Про себя он уже составлял изысканно-обескураживающий ответ, но тут заметил, что телеграмма послана из какого-то аэропортика на Среднем Западе. Черт с ним, пусть едет. Встречать его Дуглас, во всяком случае, не собирается.

© Д. Старков, перевод

Однако естественное любопытство побудило Дугласа достать справочник «Кто есть кто в науке» и отыскать нахала. Справочник гласил: Мартин, М.Л., биохимик и эколог, доктор мирангологии, магистр артоники и телеологии, ведущий специалист в области пыльцево-чешуйчатых калахари и эмфатических эвфемизмов драмадоидов, руководитель кафедры преднатольного эндемогенеза — в общем, степеней у него на шестерых хватит... Хм-м — член редколлегии Гуггенхеймовского обзора фауны Ориноко; автор «Вторичного симбиоза коррупчатых долгоносиков», и так далее — еще три дюйма мелкого шрифта. Да, непростой такой старикашка, что и говорить.

Немного погодя Дуглас обследовал свою персону в зеркале лабораторного умывальника. Грязный рабочий халат он снял, вытащил из жилетного кармана расческу и тщательно расчесал блестящие темные волосы. Элегантный клетчатый пиджак, шляпа с широкими полями — ну вот, и на люди показаться можно. Дуглас потрогал шрам, светлым штрихом прорезавший смуглую щеку.

Неплохо, даже со шрамом. Если бы не перебитый нос, вид был бы просто шикарный!

Ресторан, где он обычно ужинал в одиночестве, был наполовину пуст. И оживленней здесь не станет, пока театры не закроются, однако на вкус Дугласа еда здесь была что надо, и свинг-бэнд тоже. Он как раз заканчивал ужин, когда мимо прошла молодая женщина и села за соседний столик лицом к нему. Он ненавязчиво осмотрел ее. Ничего себе, штучка! Фигуркой, как балерина, роскошные, пшеничного цвета волосы, огромные, томные глазищи! Лобик, впрочем, несколько узковат, но слишком уж ты многого хочешь.

Он решил предложить ей выпить. Если все пойдет как надо, доктор Мартин может катиться ко всем чертям. Дуглас написал приглашение на обороте меню и подозвал официанта.

— Лео, это — одна из ваших девочек?

— Нет, м'сье. Никогда раньше не видел.

Дуглас откинулся на спинку стула и принялся ждать результатов. Он всегда безошибочно узнавал этот призывный взгляд и в исходе своего предприятия был абсолютно уверен.

Незнакомка прочла записку и, слегка улыбнувшись, оглядела его. Он подмигнул. Девица подозвала официанта, попросила у него карандаш и написала что-то на обороте меню. Лео тут же вручил ему ответ.

Благодарю за любезное приглашение, но сегодня вечером я занята другими делами.

Оплатив счет, Дуглас вернулся в лабораторию.

Лаборатория располагалась на последнем этаже фабрики, принадлежавшей Дугласу-старшему. В ожидании доктора Мартина Арчибальд оставил входную дверь и лифт внизу открытыми, а чтобы не терять времени даром, решил выяснить, почему это с недавних пор стала дребезжать центрифуга. Ровно в десять загудел лифт, и Арчибальд направился к двери встречать гостя.

Перед ним стояла та самая сладкая блондиночка, которую он пытался подцепить в ресторане.

Дуглас немедленно возмутился:

— Как вы сюда попали? Шли за мной?

Блондинка опешила.

— У меня встреча с доктором Дугласом. Пожалуйста, передайте ему, что я уже здесь.

— Черт побери! Что это за шуточки?!

Она с трудом держала себя в руках.

— Думаю, доктор Дуглас знает об этом лучше вас. Доложите ему, что я приехала — немедленно!

— Да я и есть доктор Дуглас!

— Вы? Вы больше похожи на бандита с большой дороги.

— И тем не менее. Так что, прекрати валять дурака, сестренка, и расскажи, в чем дело. Как тебя зовут?

— Я — доктор М.Л. Мартин.

На мгновение Дуглас растерялся, но затем ухмыльнулся.

— Без дураков? А вы не морочите голову своему деревенскому братишке? Входите, док.

Она последовала за ним с настороженностью бездомной кошки, готовой чуть что выпустить коготки. Усевшись в кресло, она снова засомневалась:

— Но вы — действительно доктор Дуглас?

Он усмехнулся.

— Во плоти — и могу это доказать. А вот вы... Я все еще думаю, что меня хотят надуть.

Она пожала плечами.

— Чего же вы хотите? Может, мне вам показать свидетельство о рождении?

— А может, вы прикончили этого бедного старикана — доктора Мартина,— а тело сбросили в шахту лифта?

Она встала, взяла сумочку и перчатки:

— Ради этой встречи я проехала полторы тысячи миль. Извините за беспокойство. До свидания, доктор Дуглас.

Арчибальд смутился.

— Да вы не обижайтесь, это я так... Забавно, что известный доктор Мартин, оказывается вылитой копией Мерилин Монро. Садитесь.

Он мягко отобрал у нее перчатки.

— Позвольте мне еще раз предложить вам выпить.

Она еще сердилась, но скоро природное легкомыслие взяло верх.

— Ладно уж... Шрамоносец.

— Вот так-то лучше. Скотч или бурбон?

— Бурбон — и поменьше воды.

Но когда коктейли были готовы, а сигареты раскурены, напряжение возникло вновь.

— Скажите,— начал Дуглас,— а чем я обязан вашему визиту? Я ведь в биологии — ноль.

Она выпустила колечко дыма, отогнав его наманикюренным пальчиком.

— Помните свою статью в апрельском номере «Физикл Ревью»? О холодном свете и возможных путях работы над этой проблемой?

— Хемилюминесценция против электролюминесценции,— кивнул он.— Для биолога не так уж много интересного.

— Не скажите, я довольно давно работаю над той же проблемой.

— С какой точки зрения?

— Хотела выяснить, как светятся светлячки. В Южной Америке мне попалось несколько очень ярких экземпляров, вот я и заинтересовалась.

— Хм... Наверное, в этом что-то есть. И что вам удалось выяснить?

— Не больше того, что уже и без меня известно. Как вы, наверное, знаете, светлячки как источник света эффективны до неправдоподобности: КПД почти девяносто шесть процентов. А какая эффективность у обычной лампы накаливания?

— В лучшем случае два процента.

— Вот именно, глупый маленький жучок выдает в пятьдесят раз больше, даже в ус не дуя. Сравнение не в нашу пользу, верно?

— Да уж,— признал Дуглас.— Давайте дальше о светляках.

— Так вот. В брюшке у них содержится очень сложное активное органическое вещество под названием «люциферин». Окисляясь в присутствии катализатора, оно превращается в люциферазу, и вся энергия окисления преобразуется в зеленоватый свет, причем совершенно без выделения тепла. Восстановите люциферин с помощью водорода — и процесс можно повторять до бесконечности. Я выяснила, как добиться этого в лабораторных условиях.

— Да?! Так поздравляю! Я вам не нужен и могу прикрывать свою лавочку.

— Не спешите с выводами. На практике у меня ничего не вышло. Слишком сложная технология, а достаточной интенсивности света не получается. И потому я приехала к вам. Не могли бы мы объединить наши знания и силы?

Через три недели, в четыре утра доктор М. Л. Мартин — для друзей просто Мэри Лу — жарила яичницу на бунзеновской горелке. На ней были шорты и свитер, поверх них — длинный резиновый фартук, золотая гривка распущена по спине, круглая попка и ножки — будто взяты с обложки журнала.

Обернувшись к Дугласу, распластанному в кресле, она сказала:

— Послушай-ка, ты, горилла, кажется кофеварке пришел конец. Не сварить ли кофе во фракционном дистилляторе?

— А я думал, ты змеиный яд там держишь...

— Ну да. Но я сполосну, ты не бойся.

— Женщина! Если тебе плевать на то, что может случиться со мной, ты хоть бы себя пожалела...

— Ерунда. Раз уж та гадость, которую ты пьешь, еще не довела тебя до язвы желудка, от змеиного яда тем более вреда не будет.

Она отшвырнула фартук и села, закинув нога на ногу.

— О, закрой свои бледные ноги! Мэри Лу, для моей романтической души это слишком!

— Плевать, а души у тебя вообще нет, одни низменные инстинкты. Давай лучше займемся делом. На чем мы остановились?

Дуглас запустил пятерню в волосы и закусил губу.

— Остановились мы, похоже, перед каменной стеной. Все, что мы испробовали, не оставляет никаких надежд.

— Но ведь проблема, судя по всему, лишь в том, чтобы довести лучистую энергию до видимого спектра.

— Ух ты, ясочка моя! Просто-то как: взять и довести до спектра...

— Ты свой сарказм оставь. Именно там при обычном электрическом освещении потери и возникают. Вольфрамовая нить раскаляется добела, может быть, два процента превращаются в свет, а остальное уходит в инфракрасное и ультрафиолетовое излучение.

— Красиво, а главное — истинная правда.

— Чурбан ты этакий, конечно, ты устал, однако слушай, что старшие говорят. Должен же существовать способ точной настройки длины волн, ну, как в радио.

Дуглас слегка оживился.

— В нашем случае это не подойдет, даже если б тебе удалось разработать индукционно-емкостный контур с естественной резонансной частотой в пределах видимого спектра. Слишком сложная конструкция для каждого светящегося

фрагмента. А если настройка будет неточной, то вообще никакого света не получится.

— Но разве способ контроля частоты только один?

— Практически один. Правда, в некоторых — особенно любительских — передатчиках используются специально вырезанные кварцевые кристаллы. Они имеют свою естественную частоту и, таким образом контролируют длину волн.

— А почему мы не можем вырезать кристалл, имеющий естественную частоту в области видимого спектра?

Дуглас резко выпрямился.

— Детка! Похоже, ты попала в точку!

Он поднялся и стал расхаживать взад-вперед, рассуждая вслух:

— Для обычных частот используются обычные кристаллы кварца, а для коротких волн — турмалин. Частота вибрации зависит непосредственно от формы кристалла. Существует простая формула...

Дуглас взял с полки толстый справочник.

— Ага, вот. Для кварца — каждый миллиметр кристалла удлиняет волну на сто метров. А частота, естественно, обратна длине волны. И для турмалина — то же самое, но волны более короткие...

Он продолжал читать вслух:

— При воздействии электрических разрядов кристаллы изгибаются, и, напротив, будучи изогнуты, выдают электрический разряд. Период колебания — является неотъемлемым качеством кристалла, зависящим от его геометрических пропорций. Будучи подключенным к передающему радиоконтуру, кристалл заставляет весь контур работать на одной постоянной частоте, присущей самому кристаллу. Вот оно, малыш, вот! Если нам удастся найти подходящий кристалл и обработать его так, чтобы он вибрировал на частоте видимого спектра,— то способ преобразования электроэнергии в световую без потерь на тепло у нас в кармане!

Мэри Лу восхищенно охнула:

— Вот какой у нас мальчик! Способный, только ленивый! Ведь может, если захочет!

* * *

Почти полгода спустя Дуглас пригласил в лабораторию своего отца, чтобы продемонстрировать достигнутые результаты. Проводив тихого, седого джентльмена в свою святая святых, он сделал знак Мэри Лу — задернуть шторы, а затем показал на потолок.

— Вот, пап. Холодный свет — его стоимость составляет лишь ничтожную долю от стоимости электрического освещения!

Старик поднял глаза и увидел подвешенный к потолку серый экран, размером и формой напоминавший крышку ломберного столика. Мэри Лу повернула выключатель. Экран засиял мягким светом перламутровой раковины. Сильный, нерезкий свет заливал комнату.

Молодой ученый улыбался отцу. Он был счастлив и ожидал похвалы, как щенок ожидает ласки.

— Ну как, пап? Сто свечей — электролампы сожрали бы сто ватт, а у нас тут — всего ничего, пол-ампера на четыре вольта!

Старик растерянно заморгал, глядя на экран.

— Замечательно, сынок. Вправду замечательно. Хорошо, что вам удалось добиться этого.

— Пап, а знаешь, из чего сделан экран? Вид силиката алюминия. Дешево, потому что можно использовать для производства любую глину: бокситы, криолиты, да почти все что угодно — лишь бы содержало алюминий! То есть сырья — в любом штате хоть экскаватором греби!

— Ты, сынок, уже готов запатентовать процесс?

— Конечно!

— Тогда давай перейдем в твой кабинет: нам нужно кое-что обсудить. И даму свою пригласи.

Торжественная серьезность отца несколько омрачила ликование Арчибальда. Когда все сели, он спросил:

— Что-нибудь случилось, отец? Нужна моя помощь?

— Боюсь, Арчи, ты ничем не сможешь мне помочь. Мало того, у меня к тебе просьба: я хочу просить тебя закрыть свою лабораторию.

Арчибальд не повел и бровью.

— Вот как?

— Ты знаешь, я всегда гордился твоей работой. А с тех пор как умерла твоя мама, моей главной целью было — обеспечить тебя необходимым оборудованием и средствами.

— Да, пап, ты всегда был щедр на этот счет.

— Мне хотелось предоставить тебе как можно больше возможностей. Но теперь настали трудные времена. Фабрика больше не в состоянии финансировать твои исследования. Мне, вероятно, придется просто закрыть предприятие.

— Неужели так плохо, пап? Я думал, что у нас заказов хватает...

— Заказов у нас больше, чем достаточно, но дела обстоят так, что никакой выгоды нам это не сулит. Помнишь, я говорил тебе про закон о коммунальных услугах, который приняли на последней законодательной сессии?

— Да, что-то такое припоминаю... Но разве губернатор не наложил на него вето?

— Они обошли вето губернатора. Такой бесстыдной коррупции в нашем штате еще не бывало — лоббисты продали и душу и тело!

Голос старика задрожал в бессильном гневе.

— А нас это касается?

— Этот билль якобы уравнивает тарифы на электроэнергию согласно обстоятельствам. Но на самом деле он просто позволяет контрольной комиссии вертеть потребителями как ей хочется. А ты знаешь, что это за комиссия... В политику я никогда не ввязывался, но теперь они и меня приперли к стенке. Я больше не выдерживаю конкуренции.

— Силы небесные! Они не смеют так поступать! Надо подать на них в суд!

Старик поднял брови:

— В нашем штате?

Дуглас встал и принялся расхаживать по комнате.

— Но ведь что-то мы можем!

Отец покачал головой.

— Меня бесит, что они проделывают такие фокусы с рессурсами, которые фактически принадлежат народу! Программа федерального правительства позволила нам получать *много дешевой энергии. Страна могла бы богатеть, однако* местные пираты наложили на электричество лапу и пользуются этим, чтобы подчинить себе сограждан.

Когда старый джентльмен удалился, Мэри Лу положила руку на плечо Дугласа и заглянула ему в глаза.

— Бедный ты мой...

Арчибальд был подавлен.

— Так-то вот, Мэри Лу. И как раз на самом интересном месте. Я ведь занимался этим в основном из-за отца.

— Я знаю.

— Но теперь эти толстопузые рэкетиры подмяли под себя весь штат.

Вид у Мэри Лу был разочарованный и немного презрительный.

— Ну и слюнтяй же ты, Арчи Дуглас! Неужели ты так все и спустишь этим мерзавцам?

Дуглас мрачно посмотрел ей в глаза.

— Нет, не спущу. Я буду драться. Но наверняка проиграю. Такие штуки — не по моей части.

Она прошлась по комнате.

— Я тебе удивляюсь! Ты изобрел величайшую вещь со времен динамо и еще что-то болтаешь о проигрыше?!

— Это ты изобрела...

— О, Господи! А кто разработал состав? Кто смешивал его, чтобы получить полный спектр? Это твое дело и твои заслуги! В чем проблема? Энергия! Из-за энергии тебя скрутили в бараний рог! Но ты ведь физик. Найди способ получить энергию, не кланяясь кому попало!

— Какую тебе нужно? Атомную?

— Это ты загнул. Ты — пока что не комиссия по ядерной энергетике.

— Можно поставить ветряк на крыше.

— Уже лучше, простенько, но со вкусом. Ты пошевели как следует мозгами, а я пока кофе сварю. Похоже, нам опять предстоит бессонная ночь.

Он усмехнулся.

— Ладно, Совесть Нации, сейчас примусь шевелить.

Она счастливо улыбнулась.

— Вот это разговор!

Он подошел к ней, обнял за талию и поцеловал. Она притихла в его объятиях, но когда поцелуй завершился, вдруг резко его отпихнула.

* * *

Когда рассвет окрасил их лица болезненной бледностью, они принялись устанавливать два экрана холодного света — один напротив другого. Арчи сближал их до тех пор, пока между ними не осталось пространства шириной в дюйм.

— Ну вот, практически весь свет попадет на второй. Эй, красотка, включай первый!

Мэри Лу повернула выключатель. Первый экран засветился, отдавая свой свет второму.

— Сейчас поглядим, насколько эта замечательная теория верна.

Дуглас присоединил к клеммам второго экрана вольтметр и нажал кнопку. Стрелка отклонилась за два вольта.

Мэри Лу озабоченно оглянулась:

— Ну как?

— Работает! Безо всяких! Экраны работают в двух направлениях! Дай им энергию — получишь свет. Дай им свет — получишь энергию!

— А каковы потери, Арчи?

— Сейчас.

Он подключил амперметр и вытащил логарифмическую линейку.

— Так... Около тридцати процентов. Большей частью — утечка света по краям экрана.

— Арчи, солнце встает. Попробуем вытащить второй экран на крышу и посмотрим, как ему понравится солнышко.

Через несколько минут экран и измерительные приборы оказались на крыше под лучами восходящего солнца. Арчи подключил вольтметр, стрелка снова отклонилась за отметку в два вольта.

Мэри Лу чуть не запрыгала от радости:

— Работает!

— Должен работать,— заметил Арчи.— Если свет с одного экрана смог заставить его генерировать энергию, то солнце — тем более. Подключи амперметр: посмотрим, что мы тут имеем.

Амперметр показал восемнадцать и семь десятых ампера.

Мэри Лу взяла линейку и высчитала результат.

— Восемнадцать и семь на два... Получается — тридцать семь и четыре десятых ватта, около пяти лошадиных сил. Не слишком-то много: я думала, выйдет больше.

— Все правильно, малыш. Мы ведь используем только видимый спектр, а солнце, как источник света, эффективно процентов на пятнадцать, остальные восемьдесят пять приходятся на инфракрасную и ультрафиолетовую области. Дай-ка линейку.

Получив линейку, Дуглас продолжал:

— Солнце излучает около полутора лошадиных сил, или один и одну восьмую киловатта на каждый квадратный ярд земной поверхности, расположенной перпендикулярно лучам. Около трети поглощает атмосфера — даже в жаркий полдень над Сахарой... Значит, одна лошадка на квадратный ярд. А на восходе — и для наших широт — получится не больше трети лошадиной силы. Из расчета эффективности в пятнадцать процентов — около пятисот лошадей. Проверяем — что и требовалось доказать. Что ты глядишь так мрачно?

— Я думала, на этой крыше мы сможем получить энергию для всей фабрики. Но если на одну лошадиную силу нужно двадцать квадратных ярдов...

— Не вешай нос, детка! Мы создали экран, вибрирующий только в области видимого спектра. А можем, наверное, скон-

струировать и другой — так сказать, атонический,— чтобы реагировал на волны любой длины. Он будет усваивать всю лучистую энергию, какая на него попадет, и превращать ее в электрическую. В ясный полдень, да с такой крышей мы хоть тысячу лошадей получим! Только надо будет завести цепь аккумуляторов, чтоб копить энергию для пасмурных дней и ночных смен.

Большие голубые глаза Мэри Лу смотрели на него с восторгом:

— Арчи, а голова у тебя когда-нибудь болит?

Через двадцать минут он снова сидел за своим столом, погрузившись в расчеты, а Мэри Лу пыталась наскоро сообразить завтрак.

— Мэри Лу Мартин,— оторвался от бумаг Арчибальд,— не стоит тратить время на кулинарные изыски.

Обернувшись, она замахнулась на него сковородой.

— Слушаю и повинуюсь, мой господин. И все же, Арчи, ты — простой, темный неандерталец и в радостях жизни ничего не смыслишь!

— Может, и так. Но ты сюда посмотри: вот он — экран, который будет вибрировать по всем имеющимся частотам.

— Серьезно, Арчи?!

— Без дураков, малыш. В наших прежних экспериментах это уже было, но мы этот вариант прохлопали — слишком увлеклись экраном, вибрирующим в заданных пределах. И еще я тут кое-что выяснил.

— Так расскажи мамочке!

— Мы сможем создать экраны, излучающие в инфракрасной области, почти так же легко, как экраны холодного света. Понимаешь? Это же — нагревательные элементы любого вида и размера, экономичные, не требующие больших мощностей, без высоких температур — то есть не огнеопасные и не представляющие угрозы, скажем, для детей. Я думаю, реально спроектировать такие экраны, чтобы можно было, во-первых,— он загнул палец,— использовать солнечную энергию с максимальной эффективностью; во-вторых, вырабатывать

энергию в виде холодного света, или, в-третьих, тепла, или, в-четвертых, электричества. Можем соединить экраны последовательно и получить любой вольтаж, можем — параллельно, получая любую силу тока. И вся энергия — практически бесплатно, только вот на саму установку придется потратиться!

Прежде чем что-либо сказать, Мэри Лу несколько секунд молча смотрела на Дугласа.

— И все это — ради того, чтобы получать свет подешевле... Ладно уж, молотилка ты этакая, давай завтракать. Мужчин нужно кормить, иначе от них никакого проку.

Ели молча — каждый был занят новой идеей. Наконец Дуглас заговорил:

— Мэри Лу, ты хоть понимаешь, что мы с тобой придумали?

— Вроде бы понимаю.

— Это же бесподобно! Мы можем располагать таким количеством энергии... Солнце постоянно отдает Земле двести тридцать триллионов лошадиных сил, а мы до сих пор ни одной из них не использовали.

— Арчи, неужели действительно так много?

— Да, я своим же расчетам было не поверил, пока в справочник Ричардсона не заглянул! Выходит, в любом квартале города можно получить больше двадцати тысяч лошадей! Понимаешь, что отсюда следует? Даровая энергия! Богатство для всех! Это — величайшее достижение со времен паровой машины!

Тут он замолк, увидев мрачную мину Мэри Лу.

— В чем дело, малыш? Я ошибся?

Она вертела в пальцах вилку.

— Нет, Арчи, все правильно. Я тоже сейчас подумала... Разукрупнение больших городов, машины, облегчающие физический труд, всякие удобства... Это прекрасно. Однако у меня такое чувство, что тут-то и начнутся для нас главные неприятности. Знакомо тебе такое название — Брикейджес Лтд?

— Это что, переработка вторсырья?

— Разве что на первый взгляд... Арчи, ты в своей жизни читал хоть что-нибудь, кроме «Докладов американского обще-

ства инженеров-физиков»? Хотя бы Бернарда Шоу? У него в одной пьесе, кажется, «Назад к Мафусаилу», есть весьма язвительное описание того, как индустриальные корпорации противостоят любым переменам, угрожающим их прибылям. А ты, сынок, угрожаешь всему промышленному укладу — вот прямо сейчас сидишь и угрожаешь! Следовательно, с этого момента ты сам в опасности. Что, по-твоему, произошло с ядерной энергией?

Дуглас откинулся на спинку кресла.

— Да ерунда это все. Ты просто устала, вот и дергаешься. Индустрия всегда приветствовала изобретения. Все крупные корпорации имеют свои исследовательские отделы, где собирают лучших ученых страны. И именно сейчас они по горло заняты ядерной физикой.

— Конечно. И каждый молодой-талантливый может получить там работу. Вот тут-то он и попался, потому что изобретения его принадлежат компании, и только те из них, которые способны дать компании богатство и власть, имеют шанс когда-либо увидеть свет. А остальным — крышка! Ты что, думаешь, они позволят вольному стрелку, вроде тебя, пустить псу под хвост их миллиарды, уже вложенные в дело?

Он сдвинул брови, но затем рассмеялся.

— Да плюнь на них, малыш! Это несерьезно.

— Хорошо бы! Ты слыхал когда-нибудь о силанезной вуали? Нет? Это такой синтетический материал, вроде шифона, он лучше носится и легче стирается и стоит около сорока центов за метр, а шифон — в четыре раза дороже. Но этого замечательного материала больше нигде не достанешь. А бритвенные лезвия? Пять лет назад мой брат купил одно. Его не нужно было затачивать, и он все еще им пользуется, но если когда-нибудь потеряет, придется опять вернуться к старым бритвам. В продаже таких больше нет. А приходилось ли тебе слышать о тех ребятах, которые нашли топливо, куда лучше и дешевле газолина? Около четырех лет назад один из них все же появился на публике и доказал справедливость своих требований, однако через несколько недель утонул. Несчастный

случай! Я не утверждаю, что его убили, но как ни смешно, его расчетов так и не нашли. Или вот еще. Я когда-то читала в «Лос-Анджелес Дейли Ньюс», что некто купил в Сан-Диего машину — обычную машину вроде пикапа, заправился и поехал в Лос-Анджелес. Бензина на это ушло всего два галлона. Затем *он поехал в Агуа-Калиенте, а оттуда — обратно в* Сан-Диего.И израсходовал три галлона. Через неделю фирма разыскала его и предложила крупную сумму, если он согласится вернуть машину. По ошибке ему достался образец, не предназначенный для продажи, карбюратор в нем был с каким-то фокусом. Ты видел когда-нибудь тяжелый лимузин, потребляющий галлон на семьдесят миль? Нет. То-то и оно. И не увидишь — пока делами заправляет «Брикейджес Лтд». И это чистая правда, если хочешь, можешь посмотреть архивы. У нас ведь автомобили делают не для того, чтобы на них ездить, они должны быстрее изнашиваться, чтобы потребитель раскошеливался на новые. Вот паровые машины гораздо реже попадали бы в аварии, да вдобавок служили бы по крайней мере лет по тридцать.

Дуглас засмеялся.

— Балаболка ты моя, оставь эти мрачные мысли. Мания преследования какая-то! Давай лучше о чем-нибудь поприятней — к примеру, о нас с тобой. Ты так здорово умеешь варить кофе... Словом, не купить ли нам лицензию на совместное проживание?

Она не отвечала.

— В самом деле, почему нет? Я молод, здоров... Бывают гораздо хуже.

— Арчи, я еще не рассказывала об одном вожде из Южной Америки? Ради меня он был готов на все!

— Не припомню. И что?

— Он хотел, чтоб я вышла за него замуж. Даже предложил заколоть семнадцать прежних жен для свадебного пира.

— И как это отразится на моем предложении?

— Все познается в сравнении. В наши дни девушке не стоит упускать такого шанса.

* * *

Арчи нервно курил, расхаживая по лаборатории. Мэри Лу испуганно наблюдала за ним с рабочего табурета и, когда он остановился, чтобы прикурить новую сигарету от предыдущей, робко спросила:

— Как наши дела, Бамбула?

Он прикурил, обжегся, невнятно выругался и ответил:

— Ты, Кассандра, пожалуй, была права. Теперь у нас неприятностей больше, чем я мог себе представить. Для начала: наш электромобильчик, работавший от солнечной энергии, кто-то облил керосином и сжег. Этому я значения не придал: думал, так себе, случайность. Но когда я отказался отдать им на откуп все наше дело, они буквально завалили нас дурацкими судебными исками! Выше крыши!

— Законных оснований у них нет.

— Знаю... Зато денег у них немерено, чего о нас не скажешь. Они в состоянии месяцами тянуть эти процессы. Может, и годами. Но мы-то и года не выдержим.

— Что будем делать? Ты пойдешь на переговоры?

— Не хотелось бы. Опять станут покупать или запугивать каким-нибудь новым хитроумнымм способом. Если бы не отец, давно бы послал их куда подальше. Он для подобных игр слишком стар — уже два раза кто-то ломился к нему в дом.

— Думаю, конфликты на фабрике ему покоя не добавляют.

— Еще бы. А раз неприятности начались, как только мы запустили экраны в серийное производство, то это наверняка по их указке. Раньше у отца никаких проблем с персоналом не было. С профсоюзами он всегда ладил, а к рабочим относился, как к домочадцам. Понятно, что теперь он весь на нервах! Меня и самого эта вечная слежка раздражает.

Мэри Лу выпустила колечко дыма.

— За мной хвост уже недели две.

— Ах вот как... Ладно. С этим я прямо сегодня разберусь.

— Пойдешь продаваться?

— Нет.

Подойдя к столу, Дуглас вынул из ящика свой автоматический пистолет 38-го калибра и сунул в карман. Спрыгнув с табурета, Мэри Лу бросилась к нему. Положив руки на плечи Дугласа, она заглянула ему в глаза.

— Арчи...

— Что, детка?— мягко ответил он.

— Арчи, не руби сгоряча! Ведь случись что с тобой, ни с кем другим я жить не смогу...

Он погладил ее по голове.

— Это — лучшее, что я слышал за последнее время.

* * *

Вернулся Дуглас около часу дня. Мэри Лу встретила его у лифта.

— Как?

— А-а, все та же старая песня. Несмотря на мои смелые заявления, ничего не выходит.

— Угрожали?

— Ну, не то чтоб... Только спросили, на сколько я застраховал свою жизнь.

— А ты что сказал?

— Ничего. Полез за носовым платком и позволил им посмотреть на пушку в кармане. Думаю, это заставит их изменить ближайшие планы на мой счет, если, конечно, они у них были. После этого наша беседа как-то увяла, и я ушел, но хвост за мной был. У Мэри был ягненочек, собаки он верней... Как только Мэри со двора — ягненочек за ней...

— Это тот, вчерашний?

— Да. Или другой, из того же инкубатора. Хотя вряд ли — вместе такие не рождаются, иначе со страху бы передохли, посмотрев друг на друга, когда родились.

— Да-а-а... Ты обедал?

— Нет еще. Пойдем в столовую, схватим чего-нибудь. А дела, они от нас никуда не денутся...

Столовая была пуста. Они почти не разговаривали. Голубые глаза Мэри Лу были устремлены к потолку. После второй чашки кофе она тронула Дугласа за плечо.

— Я знаю, что делать.

— Поподробней, пожалуйста.

— Из-за чего они на нас взъелись?

— У нас есть то, что им требуется.

— Неправильно. У нас есть то, что они хотели бы спрятать подальше, чтобы этого вовсе никто никогда не узнал. Поэтому они пытаются купить тебя или запугать. А не подействует — придумают чего-нибудь и похлеще. Секрет в твоих руках, поэтому ты опасен для них, а значит, и сам в опасности. А если представить себе, что никакого секрета нет? Что он всем известен?

— Они здорово расстроятся!

— Да, но что они смогут сделать? Ничего! Эти бонзы практичны донельзя. Они за твою жизнь ни цента не дадут, если это не принесет им выгоды.

— Что же ты предлагаешь?

— Раскрыть секрет. Рассказать всему миру, как это делается! И пусть эти энергетические и световые экраны производят все кому не лень. Процесс тепловой обработки смеси настолько прост, что любой химик-производственник сможет его повторить, если будет знать технологию. Тысячи фабрик смогут изготовлять эти экраны на имеющемся оборудовании — сырье ведь прямо под ногами валяется!

— Господь с тобой, Мэри Лу, а мы с чем останемся?

— Да что мы теряем? Ты заработал каких-то две тысячи, пока держал процесс в тайне. А если раскрыть тайну — патент все равно у тебя, и ты можешь получать свои проценты, пусть самые ничтожные, скажем, десять процентов с каждого квадратного ярда. В первый же год выпустят миллионы квадратных ярдов: значит, у тебя будут сотни тысяч долларов. На всю жизнь хватит! Сможешь завести себе лучшую лабораторию в стране!

Дуглас хлопнул салфеткой о стол.

— Малыш! Похоже, ты права!

— И при этом не забывай, что ты делаешь это для своей страны! Повсюду, где много солнечного света, по всему юго-западу, эти фабрики будут расти, как грибы! Энергия — даром! Да на тебя молиться будут!

Дуглас встал. Глаза его сияли.

— Так и сделаем. Погоди, сейчас расскажу обо всем отцу, а потом устроим газетчикам встряску!

Через два часа телетайпы всех информационных агентств страны выстукивали сообщение. Непременным условием публикации Дуглас поставил наличие полного технологического описания своего открытия. Когда они с Мэри Лу выходили из здания Ассошиэйтед Пресс, на улицах уже продавали экстренный выпуск. ГЕНИЙ ДАРИТ НАРОДУ БЕСПЛАТНУЮ ЭНЕРГИЮ!!! Купив газету, Арчи подозвал мускулистого парня, неотступно следовавшего за ними.

— Поди-ка сюда, сынок. Да ладно, кончай дурака валять. Тут для тебя дело есть.

Он протянул топтуну газету. Тот взял ее с неохотой. На протяжении всей его долгой и безрадостной карьеры с ним еще ни разу не обращались столь бесцеремонно.

— Снеси-ка ты газетку своим хозяевам: скажешь, мол, им валентинка от Арчи Дугласа. Понял? Так не стой столбом, давай, тащи пока не схлопотал!

Арчи еще следил, как топтун растворяется в толпе, когда Мэри Лу взяла его за руку:

— Ну как? Моей деточке стало лучше?

— Еще бы!

— Больше тебя ничто не беспокоит?

— Только одно.

Схватив Мэри Лу за плечи, Дуглас повернул ее к себе лицом.

— Пора мне и с тобой разделаться, а уж как, я знаю.

Крепко сжав запястье Мэри Лу, он поволок ее через улицу.

— Арчи, какого черта?! Отпусти сию минуту!

— Ну нет! Вон тот дом видишь? Это суд. И прямо там, рядом с окошком, где выдают лицензии на собак, мы сможем с тобой пожениться.

— А я не собираюсь за тебя замуж!

— Еще как собираешься! Или сейчас, прямо тут, посреди улицы, возьму и заору!

– Шантаж!?

При входе в здание она еще немного поупиралась — но больше для вида.

Когда Советский Союз отверг наши предложения по контролю за атомным оружием, я плюнул на «Спасение мира». Хватит! Никаких больше проповедей. Никаких попыток предупредить о смертельной опасности. С меня довольно!

Через полтора года, на закате 47-го, я отказался от прежних убеждений. Если события нельзя остановить откровенным описанием последствий, возможно, стоит сгустить краски, обратившись к жанру фантастики.

И вновь меня постигло разочарование.

Через пятнадцать лет мы пережили огромную панику, когда Советы разместили на Кубе ракеты средней дальности. Потом их убрали, во всяком случае, так нам сказали, и паника улеглась. Но почему? Почему мы успокоились и сейчас и тогда? Сколько лет уже советские подводные лодки шныряют вдоль обоих побережий! Будем надеяться, что они вооружены рогатками? Или дамскими пуховками?

© С. Трофимов, перевод

Эта история сегодня еще более актуальна, чем тридцать лет назад, когда я ее написал; опасность стала неизмеримо больше.

И вновь мое предупреждение останется без внимания. Но оно не отнимет у вас много времени; оно не так и велико — чуть больше двух тысяч слов.

* * *

— Пэдди, можешь пожать руку парню, который сделал атомную бомбу,— сказал профессор Уорнер, обращаясь к бармену.— Он и Эйнштейн слепили ее как-то вечером на кухне.

— С помощью четырехсот других ребят,— добавил незнакомец, слегка повышая голос, чтобы перекричать грохот подземки.

— Не будем углубляться в детали. Пэдди, это доктор Мэнсфилд. Джерри, познакомься с Пэдди... Эй, Пэдди, я забыл твою фамилию.

— Фрэнсис К. Хьюс,— представился бармен, вытерев руку и протянув ее гостю.— Рад познакомиться с другом профессора Уорнера.

— Я тоже рад встрече с вами, мистер Хьюс.

— Называйте меня Пэдди, как все. А вы действительно один из тех ученых, которые создали атомную бомбу?

— Боюсь, что так.

— Да простит вас Господь. И вы тоже из Нью-Йоркского университета?

— Нет, я перебрался в новую лабораторию Брукхэвена.

— Ясненько.

— Бывали там когда-нибудь?

Хьюс покачал головой.

— Единственное место, куда я езжу, так это домой, в Бруклин. Но я читаю газеты.

— Пэдди привык к подушкам и тапочкам,— объяснил Уорнер.— Слушай, старина, а что ты будешь делать, если они

сбросят бомбу на Нью-Йорк? Ведь тогда твой распорядок, пожалуй, нарушится?

Бармен поставил перед ними заказанные напитки и налил себе пива.

— Если это все, что мне угрожает, то я, пожалуй, доживу до глубокой старости, не слезая со своей диванной подушки.

На секунду веселое лицо профессора Уорнера омрачилось; он посмотрел на свой бокал, словно джин в нем внезапно превратился в полынь.

— Хотел бы я иметь твой оптимизм, Пэдди, но у меня его нет. Рано или поздно это все равно произойдет.

— Не надо шутить такими вещами, профессор.

— А я и не шучу.

— Опять решили посмеяться?

— Хотел бы, да не могу. Спроси его, создателя этой чертовой штуки.

Хьюс вопросительно поднял брови, и Мэнсфилд пояснил:

— Я вынужден согласиться с профессором Уорнером. Они могут сделать это... я имею в виду атомную бомбардировку Нью-Йорка. И мое мнение основано не на догадках, а на проверенных фактах. А раз могут, то скорее всего и сделают.

— Кто такие «они»? — спросил бармен.— Вы имеете в виду русских?

— Не обязательно. Любого, кто разработает оружие, способное уничтожить нас.

— Все верно,— согласился Уорнер.— Каждому хочется пнуть толстого богатого мальчишку. Нам завидуют и нас ненавидят. Мы живы только потому, что ни у кого из них нет оружия, необходимого для тотального уничтожения — пока нет!

— Одну минуту, джентльмены...— вмешался Хьюс.— Я вас не понимаю. Вы говорите, что какие-то страны хотят разрушить Нью-Йорк атомными бомбами? Но как они их сделают? Разве производство атомного оружия не держится в секрете? Или вы считаете, что, пока мы зевали по сторонам, какой-то шпион уже разнюхал тайну?

Мэнсфилд взглянул на Уорнера, повернулся к бармену и мягко сказал:

— Мне очень жаль смущать ваш душевный покой, мистер Хьюс, то есть Пэдди, но в этой области нет никаких секретов. Любая страна, которая пойдет на определенные трудности и затраты, может создать свое атомное оружие.

— Это официальное мнение,— добавил Уорнер,— и поскольку в мире торжествует политика силы, то совершенно ясно, что над созданием атомного оружия сейчас работает целая дюжина стран.

Хьюс смутился, но затем его лицо прояснилось:

— А-а, я понял, что вы хотите сказать. Конечно, со временем они могут докопаться до решения задачи сами. Но в таком случае, джентльмены, позвольте налить вам еще по одной, и давайте выпьем за крушение их надежд. Не стоит волноваться о том, что может произойти через двадцать лет. При нынешнем сумасшедшем движении на дорогах ни один из нас, вероятно, столько не протянет.

Мэнсфилд удивленно поднял брови.

— А почему именно двадцать лет, Пэдди?

— Ну... Кажется, я читал что-то в газетах. Так говорил тот генерал... как его? Главный босс во всем этом ядерном бизнесе.

Мэнсфилд небрежным взмахом руки послал генерала подальше.

— Чушь! Его оценка совершенно безосновательна. Типичное патриотическое бахвальство. Времени почти не осталось.

— Что значит — почти? — спросил Хьюс. Мэнсфилд пожал плечами.

— А что бы ты сделал, Пэдди,— с любопытством поинтересовался Уорнер,— если бы узнал, что какая-то страна уже изготовила атомную бомбу? И что эта страна как раз из тех, кому мы не нравимся?

По стойке прошелся кот — любимец бара. Хьюс задумчиво скормил ему ломтик сыра и ответил:

— У меня нет вашего образования, джентльмены, но Пэдди Хьюс не дурак. Если кто-нибудь пустит в ход эти дьявольские

штучки, то Нью-Йорк можно считать обреченным. Америка держит марку чемпиона, и, если какой-нибудь новый задира претендует на победу, ему придется сокрушить ее, а значит, Нью-Йорк будет тем самым местом, куда он пальнет в первую очередь. Но даже у Растяпы...— он ткнул пальцем в пухлого кота,— хватит ума удрать из горящего дома.

— Все верно, но что бы ты сам придумал в такой ситуации?

— Мне не надо думать, я и так знаю. Я бы сделал то же самое, что и раньше. Еще в молодости, когда парни в коричневых гимнастерках дышали мне в затылок, я сел на пароход и даже не подумал обернуться... и любой при желании мог забрать все мое барахло — ну и черт с ним!

Уорнер тихо рассмеялся.

— Да, ты парень что надо, Пэдди. Но я не верю, что ты повторишь это еще раз: не тот возраст. Ты по голову врос в свой быт, и он тебе нравится — как и мне, и еще шести миллионам человек в этом городе. Вот почему бегство не спасет — оно невозможно.

Хьюс кивнул.

— Да, это будет тяжело.

Он-то знал, как будет тяжело. После стольких лет бросить уютный гриль-бар старого Шрайбера, уйти и знать, что сам Шрайбер не сможет справиться с работой и растеряет всех постоянных клиентов. Тяжело терять друзей по церковной скамье, тяжело расставаться с домом, где прямо за углом могила Молли. И если города будут разрушены, людям придется вернуться к сельскому хозяйству. А он, уезжая в новую страну, обещал себе, что никогда, никогда, никогда больше не возьмется за надрывный труд пахаря. Но, возможно, если погибнут города, то землевладельцев тоже больше не останется? Пусть даже придется пахать, но по крайней мере не на хозяина. Конечно, все равно будет трудно... и могила Молли останется где-то под грудами щебня.

— Но я бы ушел.

— Значит, думаешь, тебе это удастся?

— Я даже не вернусь в Бруклин, чтобы поменять рубашку. А выручка за неделю у меня здесь.— Он похлопал по карману жилета.— Схвачу шляпу и пойду.— Бармен повернулся к Мэнсфилду.— Скажите правду, доктор... если не через двадцать лет, то когда?

Мэнсфилд достал листок бумаги и начал что-то вычислять. Уорнер хотел вставить слово, но Хьюс остановил его.

— Не сейчас, пусть он закончит!

— Только не давай ему задурить себе голову, Пэдди,— с иронией проворчал Уорнер.— После Хиросимы он даже по ночам работает над этим вопросом.

Мэнсфилд поднял голову.

— Все верно. Я постоянно надеюсь получить другой ответ. Но никак не удается.

— Так какой же ответ? — настаивал Хьюс.

— Пэдди, вы, конечно, понимаете,— нерешительно начал Мэнсфилд,— что проблема включает в себя множество факторов, не все из которых определены окончательно. Во-первых, для создания атомного оружия нам потребовалось четыре года. Но у нас более чем хватало денег и людей — такого не может себе позволить ни одна страна, кроме России. Так что по идее еще десяток-другой лет мы могли бы жить спокойно. Но это только по идее. На самом же деле все гораздо хуже. Военный департамент опубликовал отчет, отчет Смита — возможно, вы слышали? — в котором любой, кто умеет читать, найдет все принципы ядерного оружия, разве что за исключением окончательных формул. Так вот, обладая этим отчетом, компетентными людьми, урановой рудой и значительно меньшей суммой денег, чем затратили мы, любая страна может изготовить бомбу очень быстро.

Хьюс покачал головой.

— Мне не нужно объяснений, доктор. Я хочу услышать ваш ответ. Сколько осталось?

— Мне приходится объяснять ситуацию, потому что ответ остается неопределенным. Я думаю, от двух до четырех лет.

Бармен тихо присвистнул.

— Два года. Еще два года, а потом надо уходить. И начинать новую жизнь.

— Нет-нет, мистер Хьюс! — возразил Мэнсфилд.— Два года, но не с сегодняшнего дня, а с момента падения первой бомбы.

Хьюс нахмурился в отчаянной попытке понять.

— Позвольте, джентльмены,— запротестовал он,— так ведь с тех пор как упала первая бомба, прошло уже больше двух лет.

— В том-то и дело.

— Не ломай себе голову, Пэдди,— попытался успокоить его Уорнер.— Бомба сама по себе ничего не значит. Возможно, пройдет еще лет десять, прежде чем кто-то разработает ракетоноситель, который можно будет запускать через Северный полюс или из-за океана, нацеливая ядерный заряд на какой-то конкретный город. А пока что нам грозят лишь обычные бомбардировки с самолета, то есть бояться особенно нечего.

Мэйсфилд сердито засопел.

— Ты сам это начал, Дик. Так что же ты теперь льешь ему на уши успокоительный сиропчик? Наша страна открыта со всех сторон, и, чтобы превратить ее в Перл-Харбор, не нужны никакие управляемые ракеты. Бомбы можно тайно привезти сюда и взорвать с помощью телеуправления. Возможно, прямо сейчас какое-то грузовое судно бросает якорь в гавани Ист-ривер...

Уорнер уныло сгорбился.

— Конечно, ты прав.

Хьюс отбросил полотенце:

— Вы хотите сказать, что Нью-Йорк может взлететь на воздух прямо сейчас или в любую минуту?

Мэнсфилд кивнул.

— Так оно и есть,— сказал он спокойно.

Бармен перевел взгляд с одного посетителя на другого. Кот спрыгнул вниз, потерся о его лодыжку и замурлыкал. Хьюс отодвинул его ногой.

— Да вы меня просто разыгрываете! Брехня все это!

— Почему же?

— Потому! Если бы вы говорили всерьез, стали бы вы сидеть здесь и пьянствовать? Просто вам захотелось подурачиться и подшутить надо мной. Я, конечно, не найду ошибки в ваших рассуждениях, но вы же сами не верите в то, что говорите.

— Хотел бы я не верить,— прошептал Мэнсфилд.

— Мы верим, Пэдди,— сказал Уорнер.— И, честно говоря, я лично собираюсь слинять отсюда. Я уже разослал письма полудюжине коллег и только жду момента, когда закончится мой контракт. А док Мэнсфилд просто не может уехать. Здесь его лаборатория,

Хьюс задумался, а затем покачал головой.

— Нет, какая-то ерунда. Ни один человек в здравом уме не станет цепляться за работу, если при этом приходится сидеть на горячей сковородке и ждать, когда кто-то нажмет на кнопку. Вы водите меня за нос.

Мэнсфилд словно не заметил его слов.

— В любом случае,— сказал он Уорнеру,— политические факторы могут на какое-то время отсрочить нанесение удара.

Уорнер яростно вскинул голову.

— И кто теперь льет на уши сиропчик? Политические факторы лишь ускоряют события. Если какая-то страна задумает сокрушить нас, она обязательно сделает это быстро, с первого раза, чтобы мы не успели раскрыть ее планы и нанести упреждающий удар. Они будут спешить, пока мы не разработали настоящее оборонительное оружие — если это вообще возможно.

Мэнсфилд выглядел больным и усталым.

— Да, ты прав. Я просто сам себя подбадриваю. Мы так и не создали предупредительной системы; у нас нет никакой реальной обороны. От атомного взрыва можно спастись только одним способом: оказаться там, где его нет.— Он повернулся к бармену.— Налей еще по одной, Пэдди.

— А мне сделай «манхэттен»,— добавил Уорнер.

— Минуточку. Профессор Уорнер, доктор Мэнсфилд, вы действительно не обманываете меня? И каждое ваше слово вы можете подтвердить, как перед Богом?

— Это такая же истина, как то, что ты стоишь перед нами, Пэдди.

— А доктор Мэнсфилд... Профессор Уорнер, вы доверяете выкладкам доктора Мэнсфилда?

— В Соединенных Штатах нет человека более осведомленного. И его оценка верна, Пэдди.

— Ладно, все ясно...— Бармен посмотрел в ту сторону, где у дальней стены над кассовым аппаратом что-то сонно насвистывал сквозь зубы его работодатель.— Эй, Шрайбер! Давай сюда, за стойку! — И Пэдди начал стягивать передник.

— Подожди,— удивился Уорнер.— Ты куда? Я же заказывал «манхэттен»!

— Смешай себе сам,— ответил Хьюс.— Я ушел.

Он схватил шляпу, повесил на другую руку плащ и исчез за дверью.

Через сорок секунд он садился на городской экспресс. Выйдя на 34-й улице, он уже через три минуты купил себе билет на запад, А еще через десять минут Хьюс почувствовал, как поезд тронулся в путь, увозя его из огромного города.

Меньше чем через час им овладели сомнения. А не слишком ли он поспешил? Профессор Уорнер прекрасный человек, но он не раз откалывал такие шутки — закачаешься! Вдруг это просто розыгрыш? Что, если Уорнер сказал своему приятелю: давай, мол, похохмим и напугаем старого ирландца до потери пульса?

А еще он забыл попросить кого-нибудь подкармливать кота. У Растяпы слабый желудок, но кого это волнует, кроме Пэдди Хьюса? И могила Молли... в среду он должен был прополоть траву. Конечно, отец Нельсон по доброте душевной позаботится о том, чтобы кто-то полил цветы, но все же...

Когда поезд остановился в Принстоне, Пэдди выбежал из вагона и нашел телефон. В уме уже крутились слова, которые он хотел сказать профессору Уорнеру. Время сейчас обеден-

ное, думал он, и, возможно, эти джентльмены решили остаться в баре и заказать по бифштексу. «Профессор Уорнер,— скажет он,— вы отличный парень, и я первый признаю, что ваша шутка была превосходна, я даже оплачу вашу выпивку, но только скажите как мужчина мужчине: неужели в том, что вы и ваш друг мне говорили, есть хоть доля правды?» И тогда я успокоюсь, думал он.

Наконец его соединили с баром; в трубке раздался раздраженный голос Шрайбера:

— Алло, кто говорит?

Внезапно линия отключилась. Хьюс подергал рычаг. Ему ответил оператор:

— Одну минуту, извините... Это оператор Принстона. Вы звоните в Нью-Йорк?

— Да. Я...

— У нас временные неполадки на линии. Будьте добры, повесьте трубку и перезвоните через несколько минут, пожалуйста.

— Но я просто хотел спросить...

— Будьте добры, повесьте трубку и перезвоните через несколько минут, па-а-жалста!!!

Выходя из телефонной будки, Хьюс услышал крики. Он закрыл за собой дверь — и увидел огромный, величественно прекрасный, золотой с пурпурными пятнами гриб, который поднимался к небесам с того места, где прежде находился Нью-Йорк.

Он с неудовольствием отметил, что Долина была гораздо жарче, чем обычно,— а обычно в ней и так стояла ужасная жара. Долина Империал была сущей духовкой; лежала на двести пятьдесят футов ниже уровня моря, отгороженная от Тихого океана горами за Сан-Диего, а от залива Байя-Калифорния ее защищал более высокий участок земли южнее. Ну, а на западе от буйных вод Колорадо долину заслоняли Шоколадные Горы.

Он припарковал машину у отеля «Барбара Уорт», что в Эль Центро, и вошел в бар.

— Скотч.

Наполнив стопку, бармен поставил рядом стакан ледяной воды.

— Спасибо. А ты, однако, уже принявши?

— Тебе-то какая разница...

Клиент приложился к своей выпивке, затем запил из стакана.

© Б. Иванов, перевод

— Единственный случай, когда вода — к месту. А то у меня, понимаешь, гидрофобия.

— Чего?

— Воды терпеть не могу. С тех пор как, еще мальцом, чуть-чуть не утонул, боюсь ее страшно...

— Вода для мытья не слишком подходит,— согласился бармен,— но вот поплавать я люблю.

— Не, это не для меня. Почему я люблю Долину. Здесь воду всегда держат в узде ирригационные каналы, тазы, ванны и стаканы. Как подумаешь, что треба отсюда обратно в Лос-Анджелес — жуть берет.

— Если боишься утонуть,— ответил бармен,— так лучше уж в Эл-Эй, чем в Долине. Мы ж тут — под уровнем моря! Со всех сторон воды — куда выше головы. Представляешь, чего будет, ежели кто пробку вытащит.

— Бабушку свою пугай. Какие еще тебе пробки в Береговых Хребтах?

— А ну как землетрясение?

— Идиотизм! Не может землетрясение горные хребты двигать.

— Ну ладно, не обязательно землетрясение. Ты про потоп 1965-го слыхал? Когда Колорадо вышла из берегов, и образовалось озеро Солтон. Да и про землетрясения лучше уж шибко уверенно не говорить. Долины, что ниже уровня моря, ведь не сами по себе вырастают. *Что-то* же такое их сделало? Сдвиг. Каньон Сан-Андреас огибает эту долину, точно вопросительный знак. Ты вообрази себе: какой толчок должен быть, чтобы опустить тысячи квадратных миль под уровень Тихого океана?

— Слушай, кончай меня доставать. Это все случилось тысячи лет назад. На вот.

Он шлепнул купюрой по прилавку и вышел. Вот кайфолом! Нельзя таких типов допускать к содержанию бара...

В тени дверного проема термометр показывал 118° по Фаренгейту. За порогом его нещадно окатило жесточайшее солнце, иссушая легкие и слепя глаза, даже несмотря на

тент над тротуаром. Машина — известное дело — так раскалилась, что не дотронуться; надо было в гараж, что ли, какой поставить... Обойдя машину, он увидел человека, нагнувшегося над левой дверцей. Он остановился.

— Ты, какого хрена?!

Человек резко обернулся, зыркнув тусклыми, увертливыми глазками. Одет он был в «деловой» костюм, грязный и давненько не глаженный. Человек был без галстука, руки грязные, под ногтями — траурная кайма, но грязь та была не от работы — мозолей на руках не было. Безвольные губы портили более-менее удовлетворительные в прочих отношениях черты лица.

— Да не, не хотел я ничего такого,— извиняющимся тоном сказал человек.— Просто твою регистрационную карточку читал. Ты, смотрю, из Эл-Эй,— не подбросишь туда?

Владелец машины, почти не слушая, заглянул в салон.

— Значит, просто хотел поглядеть, откуда я, так? А в бардачок за каким хреном лазил? Надо бы тебя свести, куда требуется...— он взглянул через плечо бродяги на двух помощников шерифа в униформе, с ленцой фланировавших по противоположной стороне улицы.— Ладно, давай-ка отсюда своей дорогой.

Человек проследил за его взглядом и быстро слинял куда-то в противоположную сторону. Владелец машины влез в салон, где от жары было не продохнуть, и проверил бардачок. Карманный фонарь пропал.

Прикинув мысленно все «за» и «против», он поехал в Броули, лежавший на 15 миль севернее. Жара, даже для Долины Империал, была просто подавляющей. Самая погодка для землетрясения, сказал он себе, дав волю любимому суеверию всякого калифорнийца, но затем жестко пресек подобные мысли. Что за скот это чертов самогонщик — вбил идейку в голову... Самый обычный для Долины день. Может, только чуть жарче, чем всегда.

* * *

Дела вели его к нескольким, стоявшим на отшибе, ранчо между Броули и Солтон. Он направился назад, к главному

шоссе, по старой, гравием посыпанной, дороге, и вдруг машину затрясло, точно на большой решетке. Он заглушил двигатель, но тряска продолжилась, сопровождаемая низким рокотом.

Землетрясение! Он пулей вылетел из машины, зная о подобных ситуациях только лишь первое правило: выбираться на открытое место, избегая качающихся высотных зданий и падающих кирпичей. Но здесь вокруг никаких построек не было — лишь пустыня до самого горизонта, да поля с ирригационными каналами.

Он вернулся в машину, причем желудок его встряхивало при каждом следующем толчке. Правая передняя шина спустила. Камень, наверное, подумал он — и тут машину подбросило первым серьезным толчком.

Снимая шину, он чуть не надорвал себе сердце. Разогнувшись наконец по окончании работы, он почувствовал, что жара и напряжение его почти доконали.

Еще толчок — послабее первого, но все же мощный — опять вселил в него панический ужас, и он побежал было, но упал: земля под ногами точно взбесилась. Поднявшись, он вернулся к машине.

Она пьяно завалилась набок; старый товарищ, сбитый с ног толчком...

Ему захотелось бросить машину, однако пыль, поднятая толчком, точно туман обступала его — только вот благословенной туманной прохлады не было. Он знал: до города несколько миль, и вряд ли ему хватит сил добраться туда пешком.

Он принялся за работу, потея и отдуваясь. Через час и пятнадцать минут после первого толчка запасное колесо было установлено на место. Земля продолжала рокотать и трястись время от времени. Он решил, что вести машину следует помедленнее, чтобы не потерять управления, если последуют еще сильные толчки. Кроме того, в такой пылище всяко не шибко-то разгонишься.

* * *

Медленно пробираясь к главному шоссе, он мало-помалу успокаивался, но внезапно услышал доносящийся издали

шум поезда. Шум приближался, перекрывая стук двигателя — небось, экспресс спускается в долину, решил он. Мысль эта на миг проскочила в его сознании, но он тут же понял, почему звук какой-то не такой: поезда ведь не ходят, когда землетрясение, им ведь оно тоже мешает, да еще проверить прежде надо, где рельсы разошлись, где что...

И тут он узнал этот звук. ВОДА!

Звук ночных кошмаров, сидящих в самой глубине подсознания, звук детских страхов... Он узнал его. Тот же самый звук был после того, как прорвало плотину, и он — еще ребенок — едва-едва не утонул. Вода! Где-то там, в пыли, громадная стена воды, и она охотится на него. На него!

Нога его вдавила акселератор в пол; машина рванулась вперед и тут же заглохла. Он снова нажал на педаль, приказывая себе успокоиться. Запасок больше нет, да и на такой дороге нельзя рисковать, набирая слишком большую скорость. Он изо всех сил сдерживал себя, пока машина ползла со скоростью тридцать пять миль в час, прикидывая, далеко ли вода и куда она движется, и читал молитвы.

Вот из пыли вынырнула гладь главного шоссе, и он едва не въехал под колеса большой машины, с ревом пронесшейся на север. За ней — еще одна, за той — овощной грузовик, затем — трактор с грузовым полуприцепом.

Теперь он знал все, что хотел. Он повернул к северу.

Он обогнал овощной грузовик, потом — какой-то драндулет, типа тех, на каких ездят рабочие из Оклахомы, с семейством. Ему что-то кричали, но он не замедлил ход. Несколько машин помощнее обогнали его, а он зато обогнал еще несколько развалюх, на каких ездят поденщики, нанимающиеся к фермерам, и после этого дорога оказалась в полном его распоряжении: встречных машин не было.

«Шум поезда» позади нарастал.

Он взглянул в зеркальце заднего вида, но сквозь густую пыль ничего не смог разглядеть.

* * *

У дороги сидела плачущая девочка — лет этак восьми. Он не хотел останавливаться, но все-таки нажал на тормоз.

Он сказал себе, что поблизости должны быть еще люди, а потому — не его это дело, но затем, проклиная себя, дал задний ход, развернулся, почти проехав мимо в клубах пыли, затем развернулся еще раз, без заднего хода, и вырулил прямо к девочке.

— Полезай!

Она подняла грязное, мокрое, несчастное личико:

— Я не могу. Ногу больно.

Он выпрыгнул из машины, сгреб девочку в охапку и плюхнул на правое сиденье, отметив между тем, что ее правая нога здорово распухла.

— Как это тебя угораздило? — спросил он, выжимая сцепление.

— Когда... когда это все началось. У меня перелом? — теперь она перестала плакать.— Ты меня отвезешь домой?

— Я... Я за тобой пригляжу. И вообще, много будешь знать — скоро состаришься. Не задавай лишних вопросов.

— Хорошо.— В голосе ее чувствовалось сомнение.

Рев позади становился все громче. Он хотел бы ехать побыстрее, но мешала пыль, да еще необходимость щадить последние баллоны. В пыли показался человек, и он резко свернул в сторону. К машине поспешил мальчик-нисей.

Девочка выглянула в окно.

— Это Томми!

— Чего? Какой еще Томми? Просто япошка какой-то, богом проклятый.

— Томми же! Томми Хаякава, из нашего класса,— помолчав, девочка добавила: — Может, это он меня ищет.

Он снова выругался под глубокий вздох, повернул машину так, что она едва не завалилась набок, и поехал назад. К этому ужасающему звуку...

— Это он, он! — взвизгнула девочка.— Томми! Томми!

— Залезай,— скомандовал он, притормозив возле мальчугана.

— Залезай, Томми,— добавила его пассажирка.

Мальчик колебался. Водитель, перегнувшись через девочку, ухватил его за рубашку и втащил внутрь.

— Утонуть хочешь, дурень?

Стоило ему переключиться на вторую скорость и более-менее разогнаться, как в пыли, едва ли не перед самой машиной, возник еще один человек, размахивавший руками. Он мельком увидел лицо махавшего, и машина пошла быстрее. Это был давешний воришка.

Ну, тут уж можно не сомневаться, подумал он, продолжая езду. Туда ему и дорога, пусть его тонет.

Но ужас его детства снова выплыл из подсознания; перед его глазами вновь (на этот раз мысленно) появилось лицо бродяги. Тот отчаянно барахтался в воде — налитые кровью глаза переполнены ужасом, рот широко раскрыт в бессловесном крике о помощи...

Водитель остановил машину. Из страха истратить лишние секунды на разворот, он дал задний ход и как можно скорее поехал назад. Ехать было недалеко, вдобавок бродяга уже бежал к машине.

Рванув на себя дверцу, он ввалился внутрь и выдохнул:

— Спасибо, друг! Давай-ка сматываться отсюда!

— Верно.

Он глянул в зеркальце, затем выглянул в окно и посмотрел назад. Сквозь пыль он увидел графитно-черную стену, футов тридцати — а может ста? — в высоту, несущуюся за ними, вот-вот накроет! Рокот воды, казалось, разносил черепушку изнутри.

Он врубил вторую, быстрее, быстрее, выжать из машины все, что можно, кой черт теперь в баллонах.

— Как оно! — крикнул он.

Бродяга оглянулся:

— Отрываемся. Так держать!

Он резко свернул, огибая останки чьей-то машины, и немного сбросил скорость, помятуя, что на такой высокой скорости *рано или поздно не поможет даже честное слово*, на коем только и держалась их общая безопасность. Девочка захныкала.

— Заткнись! — рыкнул он.

Мальчуган-нисей обернулся назад.

— Что это? — едва ли не с благоговейным трепетом спросил он.

— Тихий океан к нам прорвался,— ответил бродяга.

— Не может быть! — заорал шофер.— Это, должно быть, Колорадо!

— Не, Мак, никакая не Колорадо. Это — залив. Я как раз сидел в кантине в Центро, когда из Калексико по радио передали. Предупреждение — мол, на юге осыпи. Идет, мол, приливная волна. А потом станция вырубилась,— он облизал губы.— Почему я и здесь сейчас.

Водитель не отвечал. Бродяга, которому было явно не по себе, продолжил:

— Тот тип, что обещал меня подвезти, сам — один уехал, когда мы на заправке в Броули остановились.— Он опять оглянулся.— Не видать больше этой пакости...

— Мы оторвались?

— Хрен там — оторвались. Гремит-то по-прежнему. Просто не видно ничего в этой пылюге чертовой.

Машина неслась вперед. Дорога слегка свернула вправо, затем почти незаметно сузилась.

Бродяга, смотревший вперед, внезапно заорал:

— Э! Куда тебя понесло?!

— Чего?

— Мужик, ты же с шоссе свернул! Мы назад едем, к Солтон, а там — нижайшая точка Долины!

— Нам некуда больше ехать. Назад — нельзя.

— Это вперед нельзя, если жить не надоело...

— Ничего, мы ее обгоним. А к северу от Солтон опять пойдет подъем.

— Нам он без толку. Ты посмотри, что у тебя с бензином.

Стрелка счетчика покачивалась у самого левого края шкалы. Два галлона осталось, не больше. Хватит как раз до берега Солтон, который наверняка зальет. В мучительных колебаниях он смотрел и смотрел на стрелку.

— Тут надо влево отрываться, развилка будет,— сказал его пассажир.— По той дороге прямо к холмам доедем.

— Где развилка?

— Давай пока вперед, я скажу, где сворачивать. Я эту дорогу знаю.

Свернув налево, он едва понимал, что теперь их курс почти параллелен ненасытной массе воды, надвигающейся на них с юга. Но дорога шла вверх.

Он глянул влево, пытаясь разглядеть черную водяную стену, от грохота которой едва не рвались барабанные перепонки, однако дорога требовала внимания.

— Ты ее видишь?! — крикнул он бродяге.

— Вижу! Давай, друг, жми!

Он кивнул и сосредоточился на холмах впереди. Холмы, сказал он сам себе, уж обязательно должны быть над уровнем моря. Выше, еще выше — сквозь безвременную нескончаемую пустыню, где нет ничего, кроме пыли, жары и рева. Дорога шла вверх, а затем машина, перевалив вдруг через вершину холма, устремилась вниз, в мелкий овражек — высохшее русло, которое теперь было наполнено водой.

Он въехал в воду прежде, чем понял это, погружаясь все глубже и глубже. Затормозив, он дал задний ход. Мотор кашлянул и заглох.

Бродяга вышиб дверцу, вытащил из машины детишек и, схватив их под руки, бегом зашлепал обратно, наверх. Водитель еще попробовал запустить двигатель, но вид воды, уже заплескивавшейся в салон, привел его в чувство. Он выпрыгнул наружу, упал, споткнувшись, коленями в воду, поднялся на ноги — глубины было по пояс — и побежал следом.

На вершине холма бродяга опустил детишек на небольшой пятачок суши и огляделся.

— Убираться надо отсюда,— выдохнул владелец машины.

— Без толку. Ты вокруг погляди,— покачал головой бродяга.

Стена воды, шедшая с юга, разбилась о вершину их холма. Между ними и холмами, в овражке, где осталась машина, получился небольшой рукав, а основная масса воды проходила, накрыв оставленное ими шоссе, западнее, направляясь к Сол-

тон. Стоило водителю оглянуться — и рукав вновь соединился с основной массой волны. Вода окружила их со всех сторон. Ему страшно захотелось закричать и броситься в черный, бурлящий поток. Наверное, он и закричал, потому что бродяга встряхнул его за плечо.

— Спокойней, друг. Эх, успели бы еще через пару холмов перевалить...

— Что? — Он протер глаза.— А, да. Что теперь делать?

— Я к маме хочу,— решительно заявила девочка.

Бродяга рассеянно погладил ее по голове, а Томми Хаякава обнял ее.

— Я о тебе позабочусь, Лора,— серьезно сказал он.

Вода уже почти накрыла машину и все прибывала. Бурлящая «голова» потока давно миновала холм, и грохот затихал; вода прибывала медленно — однако прибывала.

— Нам нельзя здесь оставаться,— упрямо сказал водитель.

— А придется,— ответил бродяга.

Пятачок суши таял на глазах; теперь он был футов тридцать на пятнадцать. И здесь они были не одни. Койот, американские зайцы, разные мураши, ползуны-грызуны — всех бедных пустынных родственников равно теснила, сужая круг, вода. Койот и зайцы не обращали друг на друга никакого внимания. На самой верхушке холма стоял грубый бетонный столб футов четырех в высоту — обелиск с бронзовой табличкой на боку. Водитель перечел табличку дважды, прежде чем до него дошел смысл написанного.

То был репер, и табличка, наряду с данными о широтедолготе, утверждала, что выгравированная на ней — вот эта самая — линия и есть «уровень моря».

— Эй! Гляди, гляди! Мы спасены! Воде выше, чем вот посюда, не подняться!

Бродяга взглянул на табличку.

— Да, знаю. Я уже видел читал. Так это еще ничего не значит. Отметку-то до землетрясения делали.

— Но как...

— А теперь он, может, выше стал, или ниже... Поглядим.

* * *

Вода все прибывала, она поднялась уже по лодыжку. Зайцы и прочая мелкая живность постепенно перестали барахтаться и пошли ко дну. Теперь они стояли посредине ничем не разделенной глади воды, стремящейся из-за Шоколадных гор к Солтон, на запад, в сторону близлежащих холмов. Койот, на манер собаки, жался к их ногам, а затем, вроде как решившись, скользнул в воду и погреб к холмам. Голова его долго маячила на поверхности, пока не слилась с водой в сгустившихся сумерках.

Вода поднялась до колен, и тогда они подняли детей на руки. Непоколебимость бетонного столба волей-неволей внушала кое-какую уверенность; они просто стояли и ждали, слишком вымотанные, чтобы бояться и дальше. Стояли молча. Даже дети — с тех самых пор, как пришлось бросить машину,— не проронили ни слова.

Темнело. Внезапно бродяга спросил:

— А ты молиться умеешь?

— Да нет... не шибко-то.

— Ладно, тогда я сам попробую,— он сделал глубокий вздох.— Отче всемилостивейший, твое всевидящее око не пропустит и летящего воробья, будь милосерд к недостойным рабам своим. Избави их от сей беды, если будет на то воля твоя.— Чуть помолчав, он добавил: — И сделай это как можно скорее, пожалуйста. Аминь.

* * *

Темнота сомкнулась над ними непроглядная — ни звездочки на небе. Воды они больше не видели, зато слышали и чувствовали ее отлично. Вода была не холодной, и, когда она поднялась до подмышек, стало даже лучше, чем раньше. Дети сидели теперь у них на плечах, опираясь спинами на затопленный столб. Течения теперь было почти не заметно.

Раз что-то натолкнулось на них в темноте — дохлая корова, бревно, а может, труп — как знать? Толкнув их, нечто про-

шло дальше. Раз водителю вдруг показалось, что свет мелькает над водой, и он быстро сказал бродяге:

— Слушай, а фонарь, который ты спер у меня, все еще с тобой?

Последовала долгая пауза, затем бродяга натянуто ответил.

— Ты меня, значит, узнал...

— Ну еще бы. Где фонарь?

— Я его пропил в Центро. Но, слышь, Мак,— рассудительно продолжал бродяга,— кабы я его и не пропил, он бы все равно сейчас в машине лежал, в бардачке... А будь он у меня в кармане, так намок бы и никуда уже не годился.

— А, ладно. Забудь.

— О'кей.— Они немного помолчали, а потом бродяга спросил: — Друг, ты можешь чуток обоих детишек подержать?

— Наверное. А зачем?

— Вода-то все прибывает. Может, и с головой еще накроет. Ты возьми ребятишек, а я заберусь на столб, усядусь сверху и ногами его обхвачу, а ты мне потом их обоих передашь. Так мы дюймов восемнадцать выиграем, а то и целых два фута.

— А я как буду?

— Будешь за мое плечо держаться так, чтобы голова над водой была.

— Ну, давай попробуем.

Получилось. Дети уцепились за бродягу по бокам, поддерживаемые водой и его руками, а шофер уцепился за что мог — сначала за ремень бродяги, потом, когда вода еще поднялась, а ноги не доставали больше до дна, за его ворот. Они все еще были живы.

— Эх, хоть бы светло было, что ли... В темноте хуже.

— Ага,— отозвался бродяга.— Было бы светло, нас бы кто-нибудь заметил.

— Кто?

— Да хоть с самолетов. Когда потоп — всегда самолеты высылают.

Внезапно шофера нещадно затрясло, точно волна ужаса накатила и накрыла с головой. Он вспомнил другой потоп, когда не было никаких спасательных самолетов.

— Что стряслось, Мак? — тут же спросил бродяга.— Спекся?

— Нет, я в порядке. Просто воды не выношу.

— Хочешь, давай поменяемся. Ты держи ребят, а я плавать буду.

— А-а... Не надо. Еще уроним кого... Пускай уж как есть.

— Ладно, не боись. Поменяемся, и все будет в порядке,— бродяга встряхнул ребятишек.— Эй, просыпайтесь! Просыпайтесь, мои хорошие, и держитесь крепче.

Дети перешли на плечи шофера, а он с помощью бродяги обхватил коленями столб. Потом он осторожно умостился на самой верхушке столба; бродяга же столб отпустил и свободно лежал в воде, заякорившись за владельца машины одной рукой.

— Ну как, порядок? — спросил шофер.

Рука бродяги слегка сжала его плечо в темноте.

— Нормально.

— Держись.

— Это уж — будь уверен.

Шофер был пониже бродяги ростом, и ему, чтобы голова не уходила под воду, приходилось сидеть очень прямо. Дети крепко вцепились в него, а он поддерживал их, чтобы было повыше. Потом бродяга спросил:

— У тебя ремень есть?

— Ага. А зачем?

— Сиди смирно.

Вторая рука бродяги зашарила по его поясу, вытащила ремень, и брюки распустились посвободнее.

— Я хочу ноги твои к столбу привязать. Тут что плохо — у тебя икры судорогой свело. Держись-ка покрепче, я сейчас.

Он почувствовал, как руки бродяги нащупывают под водой его ноги, затем вокруг колен обернулся, туго притягивая их к столбу, ремень. Он ослабил хватку. Да, польза от ремня

была, и еще какая — теперь он мог держаться прямо, почти не напрягаясь.

А бродяга с плеском вынырнул где-то неподалеку.

— Где ты?! — в голосе его был страх.

— Да здесь же, здесь!

Он пытался рассмотреть что-нибудь сквозь угольно-черную темень. Безнадежно.

— Сюда! Сюда давай!

Казалось, всплески приближаются. Он закричал снова, но, вопреки ожиданиям, рука из темноты не появилась. Он кричал и кричал, затем стал делать паузы, вслушиваясь. Плеск давно стих, но ему долго еще казалось, что он слышит его.

Он перестал кричать лишь тогда, когда совершенно потерял голос. Маленькая Лора рыдала на его плече, а Томми старался ее успокоить. Из их разговора он догадался, что дети еще не поняли, что произошло, и объяснять не стал.

А вода уже доставала ему только до пояса, и он пересадил детишек к себе на колени. Теперь руки его, невообразимо уставшие, потому что спадавшая вода все меньше и меньше помогала поддерживать детишек, могли отдохнуть. Уровень воды неуклонно понижался, и занимающаяся заря показала ему, что под столбом есть клочок земли, хоть землю эту можно было назвать сушей с большой натяжкой.

Он встряхнул Томми.

— Слышь, парень, я не могу спуститься. Сможешь меня отвязать?

Мальчик моргнул и протер глаза. Осмотревшись, он, похоже, вспомнил все, что с ним произошло, без испуга.

— Конечно. Спустите меня.

С некоторым трудом мальчик расстегнул пряжку, и шофер осторожно оторвался от своего насеста. Он попытался встать, но ноги его не слушались; он вместе с девочкой упал в грязь.

— Больно? — садясь, спросил он у нее.

— Нет,— твердо ответила она.

Он осмотрелся. Рассвет набирал силу, так что уже были видны холмы на западе; теперь путь к ним не преграждала

вода. На востоке дела обстояли иначе: Солтон-Си, как такового, больше не существовало. Водная гладь простиралась на многие мили от северных своих берегов — до самого южного горизонта.

Видна была и его машина. Вода ушла из овражка, оставив после себя лишь редкие лужи. Он спустился к автомобильчику, чтобы размять ноги, и заодно поглядеть, сгодится ли машина еще на что-нибудь. Здесь и нашел он бродягу.

* * *

Тело лежало, уткнувшись в правое заднее колесо, точно оставленное там откатившейся волной.

Он вернулся к ребятишкам.

— К машине не ходите. Ждите здесь,— распорядился он.— Там надо еще кое-что сделать.

Подойдя к автомобилю — ключи все еще торчали из замка зажигания — он с некоторыми усилиями открыл багажник и достал небольшую лопату, которую возил с собой на случай, если забуксует в песке пустыни.

Могила вышла — не шибко-то из себя, просто узкая ямка в мокром песке; едва-едва хватило бы положить и закопать тело. Но он дал себе слово, что после вернется и организует все чин-чинарем. Теперь же — не было времени. Вода, размышлял он, еще вернется, откатившись назад с высшей точки, и ему с детьми нужно успеть добраться до холмов.

Едва засыпав могилу, он подозвал ребятишек.

— Идите сюда, теперь можно!

Впрочем, оставалось еще кое-что. Вокруг валялся плавник — стебли юкки, обломки дерева. Он выбрал две щепки — одну покороче, другую подлиннее, порылся в инструментальном ящике, отыскал кусок проволочки и привязал короткую щепку накрест к длинной. Вышло грубое подобие креста. Он воткнул крест у изголовья могилы.

Отступив назад, он оглядел свою работу. Дети стояли рядом.

Губы его беззвучно шевелились. Наконец он сказал вслух:

— Идемте, ребятишки. Надо отсюда убираться.

Он поднял девочку на плечо, мальчика взял за руку и пошел к западу. Солнце ярко сияло за их спинами.

— Тебе-то всего и нужно четыре очка... Бросай же!

— Спорим, что я выброшу сейчас две двойки?

Никто не отозвался на это предложение. Пожилой солдат побренчал костями в стакане и швырнул их об стенку гальюна. Один кубик сразу же лег двойкой кверху, другой продолжал кувыркаться.

Кто-то заорал:

— Пятерка! Ей-богу, пятерка! Ну, давай же, Фиб!

Кубик остановился. Двойка. Пожилой солдат сказал:

— Я ж говорил, что со мной лучше не связывайся. Ну, кому еще охота заработать деньжонок на сигареты?

— Хватит, папаша! Мы не... Смирр-на!

В дверях гальюна стояли человек в штатском, полковник и капитан. Штатский сказал:

— Верни деньги, Пистолет!

— О'кей, проф,— пожилой солдат вытащил из банка две долларовые бумажки,— эти — мои.

© В. Ковалевский, Н. Штуцер, перевод

— Как бы не так,— возмутился капитан.— Я конфискую все, как вещественное доказательство. А вы, ребята...

Его прервал полковник:

— Майк, забудьте хоть на минуту, что вы адъютант. Рядовой Эндрюс, следуйте за нами,— он вышел, остальные — следом. Они прошли через клуб для рядового состава и оказались на плацу под яростным солнцем пустыни.

Гражданский сказал:

— Пистолет, какого черта...

— Чепуха, проф, попрактиковался немножко.

— А почему бы тебе не практиковаться с Бабулей Уилкинс?

Солдат фыркнул:

— Вы что, меня за дурака держите?

Вмешался полковник:

— Ты заставил ждать себя целую кучу генералов и других важных лиц. Вряд ли это свидетельствует о большом уме.

— Полковник Хэммонд, мне было приказано дожидаться в клубе.

— Но не в гальюне же. А ну, подтянись!

Они вошли в холл штаба, где часовые проверили их документы, прежде чем пропустить дальше. В комнате, заполненной людьми, какой-то штатский говорил:

— ...на этом можно и закончить рассказ об исторических опытах в университете Дьюка. А вот и доктор Рейнолдс вернулся. Сейчас он приступит к демонстрации...

Офицеры сели в заднем ряду. Доктор Рейнолдс подошел к председательскому столу. Рядовой Эндрюс присоединился к группе людей, сидевших особняком от толпы генералов и важных штатских.

В этой группе находился тип, смахивающий на профессионального игрока — он им и был, а рядом с ним — две очаровательные рыжие девицы — точные копии друг друга, явно близнецы. Далее развалился на стуле негритенок лет четырнадцати, который, казалось, спал; по соседству с ним в высшей степени бодрствующая «Бабуля» — миссис Энн

Уилкинс вязала кружева, бросая быстрые взгляды по сторонам. Во втором ряду сидели студенты и весьма неряшливо одетый мужчина средних лет.

На столе лежали доска для игры в кости, колоды карт, альбомчики для рисования, счетчик Гейгера и свинцовая коробочка. Рейнолдс облокотился о стол.

— Экстрасенсорное восприятие или ЭСВ — этикетка, объединяющая собой ряд малоизученных явлений — телепатию, ясновиденье, дальнослышанье, умение предсказывать грядущие события, телекинез. Все они существуют. Мы умеем их измерять. Мы знаем, что некоторые люди обладают такими способностями. Но мы ничего не знаем о внутреннем механизме их действия. В Индии, во время Первой мировой войны англичане обнаружили, что у них украли военные секреты, с помощью телепатии,— увидев на лицах собравшихся недоверие, Рейнолдс добавил: — Вполне возможно, что в данную минуту какой-нибудь шпион, находящийся от нас на расстоянии пятисот миль, извлекает из ваших мозгов сверхсекретную информацию.

Недоверие стало еще более заметным. Генерал ВВС с четырьмя звездами произнес:

— Минуточку, доктор... Если то, что вы говорите, верно, какие меры предосторожности нам следует принять?

— Никаких.

— Это не ответ. Может быть, нужно обшить помещение листовым свинцом?

— Мы пробовали, генерал. Никакого эффекта.

— Глушение токами высокой частоты? Или еще чем-либо на частотах мозговых излучений?

— Возможно, хотя я и сомневаюсь в успехе. Если ЭСВ приобретет военное значение, вам придется иметь дело лишь с теми фактами, которые точно установлены на данный момент. Однако вернемся к нашей программе. Сидящие перед вами леди и джентльмены в полной мере наделены даром телекинеза, то есть даром контролировать материю на расстоянии. Намеченный на завтра эксперимент может оказаться неудачным,

но мы все же надеемся убедить неверующих Фом,— он улыбнулся кому-то в заднем ряду,— что наши попытки не напрасны.

Мужчина в заднем ряду, на которого смотрел Рейнолдс, встал.

— Генерал Хэнби!

Пехотный генерал-майор повернулся в его сторону.

— Да, доктор Уитерс?

— Извините меня, но я вынужден вас покинуть. Мой письменный стол ломится от важнейших материалов, а подобные игры меня совершенно не интересуют.

Генерал Хэнби хотел было что-то ответить, но четырехзвездный гость положил руку ему на локоть.

— Доктор Уитерс, мой письменный стол в Вашингтоне, вероятно, загружен не меньше вашего, но я прибыл сюда по распоряжению Президента. Не будете ли вы добры остаться? Мне необходим взгляд скептика, чтобы корректировать собственные выводы.

Кипя от возмущения, Уитерс сел на место. Рейнолдс продолжал:

— Мы начнем, пожалуй, не с теликенеза, а с других проявлений ЭСВ — между ними все же есть некоторая разница,— он повернулся к одной из рыжеволосых девиц.— Джейн, подойди сюда.

Девушка отозвалась:

— С удовольствием. Только я — Джоан.

— Ладно, пусть будет Джоан. Генерал Ла Мотт, не нарисуете ли вы что-нибудь в этом альбомчике?

Четырехзвездный летчик поднял бровь.

— Что именно?

— Что хотите, только не слишком сложное.

— Ладно, доктор,— генерал немного подумал и сначала нарисовал девушку, потом ухмыльнулся и добавил к ней пучеглазого волка. Спустя несколько мгновений он поднял взгляд от альбома.— Готово.

Все время, пока он рисовал, Джоан возилась со своим альбомом. Рейнолдс протянул его генералу. Рисунки были

идентичны во всем, кроме того, что Джоан пририсовала волку погоны с четырьмя звездами. Генерал взглянул на нее, и она ответила преувеличенно невинным взглядом.

— Уверовал,— сухо сказал генерал.— Что дальше?

— То, что мы показали, можно объяснить ясновиденьем и телепатией. Сейчас мы покажем вам чистую телепатию,— Рейнолдс подозвал вторую близняшку и попросил: — Доктор Уитерс, не поможете ли вы нам?

— Смотря чем...

— Тем же, чем генерал в прошлом опыте, только Джейн будет смотреть на рисунок из-за вашего плеча, а Джоан попытается воспроизвести его. Нарисуйте что-нибудь посложнее.

— Ладно... О'кей...

Уитерс взял альбом и стал набрасывать сложную радиосхему, Джейн внимательно наблюдала. Вместо подписи Уитерс поставил внизу столь любимую радистами фигурку Клема — человечка, заглядывающего за изгородь.

— Отлично,— сказал Рейнолдс.— Ты кончила, Джоан?

— Да, доктор.

Рейнолдс забрал у нее альбом. Чертеж был выполнен безукоризненно точно, но Клему Джоан нарисовала лукаво подмигивающий глаз. Шумок, возникший в зале, Рейнолдс прекратил словами:

— Я не стану вам демонстрировать опыты с картами, а перейду прямо к телекинезу. Нет ли у кого-нибудь в зале пары игральных костей? — так как никто не отозвался, он продолжал: — У нас есть кости, предоставленные лабораторией физики. Игральная доска и пакет опечатаны печатью лаборатории.

Он вскрыл пакетик и высыпал из него дюжину кубиков.

— Пистолет, как насчет программы по собственному выбору?

— Попробую, проф.

— Генерал Ла Мотт, будьте добры, выберите пару костей и положите их в стаканчик.

Генерал повиновался и передал стаканчик Эндрюсу.

— Сколько выбросишь, солдат?

— Шестьдесят пять генерала устроят?

— Устроят, если они у тебя выпадут.

— Не пожелает ли генерал поставить пятерик просто ради интереса? — Эндрюс ждал, глаза широко открыты, взгляд самый что ни на есть невинный.

Ла Мотт усмехнулся.

— Смотри, не продуйся, солдат,— он положил на стол пятидолларовый банкнот. Эндрюс покрыл его своей пятеркой, потряс стаканчик и выбросил кости. Одна упала на банкноты — пятерка. Другая ударилась о спинку стула — шестерка.

— Продолжим, сэр?

— Не считай меня таким уж олухом. Покажи еще что хочешь.

— Как прикажете, сэр.

Пистолет собрал деньги, а затем выбросил 6–1, 5–2, 4–3 и те же цифры, но в обратном порядке. Затем несколько раз подряд выбросил 6–1, а потом вдруг получил «змеиные глаза». Попытался еще раз — вышла двойка с единицей. Солдат сердито поглядел на пожилую даму.

— Мэм,— сказал он,— если хотите играть в кости, то почему бы вам не выйти сюда и не заняться этим делом самой?

— Что вы! Да как вы можете говорить такое, мистер Эндрюс!

Рейнолдс поспешил прервать спор.

— Ваша очередь еще впереди, миссис Уилкинс.

— В толк не возьму, о чем это вы, джентльмены,— сказала она и занялась вязанием.

Полковник Хэммонд подсел к рыженьким близняшкам.

— Вы ведь «Январские близнецы», не так ли?

— Наш зритель! — воскликнула одна радостно.

— По фамилии Браун,— ответила другая.

— Верно, Браун,— согласился полковник,— но как насчет сеансов для наших ребят?

— Доктору Рейнолдсу это может не понравиться,— отозвалась первая.

— Беру его на себя. Нас ведь Управление по культурному обслуживанию армии не обеспечивает — слишком строгий режим секретности. Ну, так как, Джоан?

— Я — Джейн. О'кей, если договоритесь с профом.

— Молодцы,— и он вернулся в Бабуле Уилкинс, которая демонстрировала селекцию — каскад шестерок на доске для игры в кости и при этом ни на секунду не оставляла своего вязания. Доктор Уитерс мрачно глядел на это зрелище. Хэммонд спросил:

— Что скажете, док?

— Эти опыты меня смущают,— признался тот,— но все это идет на молярном уровне и законов элементарных частиц не нарушает.

— А как насчет рисунков?

— Я физик, а не психолог. А вот на элементарные частицы — электроны, нейтроны, протоны — воздействовать невозможно, для этого нужна аппаратура, сконструированная с учетом законов радиоактивности.

Доктор Рейнолдс находился в пределах слышимости и в ответ на замечание Уитерса сказал:

— Спасибо, миссис Уилкинс. А сейчас, леди и джентльмены, еще один эксперимент. Норман!

Цветной мальчуган открыл глаза.

— Чего, проф?

— Подойди ко мне. И попрошу сюда же всю лабораторную группу. У кого-нибудь есть часы со светящимся циферблатом?

Штабные техники присоединили счетчик Гейгера к усилителю, так что аудитория могла слышать негромкие редкие щелчки, говорившие о фоновой радиоактивности; затем к счетчику поднесли часы с радиоактивными цифрами на циферблате. Редкие щелчки сменились градом ударов, сливающихся в барабанный бой.

— Выключите свет,— приказал Рейнолдс.

— Пора, проф?

Тишина нарушалась лишь трескотней усилителя, считывающего уровень радиоактивности светящихся цифр.

— Давай, Норман!

Горящие цифры исчезли. Град щелчков сменился редкими тихими ударами.

* * *

В бункере, расположенном на много миль дальше вглубь пустыни, собралась та же компания. Еще на много миль дальше находился испытательный полигон — в его сторону было обращено окошко-перископ, спрятанное в железобетон и снабженное специальным стеклом-фильтром, толщиной не менее фута. Доктор Рейнолдс беседовал с генерал-майором Хэнби. Капитан флота с радионаушниками и портативным динамиком принимал сообщения. Он повернулся к командующему.

— Самолеты на исходной позиции, сэр.

— Спасибо, Дик.

Динамик громко зарычал:

— Станция «Чарли» Контролю. Все готово.

Моряк снова обратился к Хэнби.

— Все станции готовы. Цель тоже.

— Начинайте отсчет времени.

— Всем станциям подготовиться к отсчету. Готовность минус семнадцать минут. Контролю времени приступить. Пошел отсчет. Повторяю, пошел отсчет.

Хэнби сказал Рейнолдсу:

— Расстояние для вас значение не имеет?

— Мы могли бы находиться в Солт-Лейк-Сити, раз моим коллегам известны все обстоятельства,— он поглядел на часы.— Мои, должно быть, стоят.

— Это всегда так кажется. Вспомните хотя бы метроном при первом испытании на Бикини. Я тогда чуть не спятил.

— Могу себе представить. Хм-м, генерал, кое-кто из моих людей явно нервничает. Может, я что-нибудь сымпровизирую?

Хэнби мрачно усмехнулся:

— У нас тут заготовлен конферанс для гостей. Доктор Уитерс, вы готовы поднять занавес?

Главный физик стоял, склонившись над приборами, он выглядел утомленным.

— Не сегодня,— отозвался он скучным голосом.— Этим займется Саттерли.

Саттерли вышел вперед и усмехнулся, взглянув на высших офицеров, штатских шишек и операторов группы Рейнолдса.

— Я припас шуточку для зрителей, которые не могут выйти из зала. Но сперва...— он взял в руки блестящий металлический шар и поглядел на адептов ЭСВ.— Во время вашей утренней поездки вы уже видели такой. Он был заряжен плутонием. Находится он сейчас там-же, где был и тогда, и готов к тому, чтобы сделать «бух» через... через одиннадцать минут. Этот же шар стальной, если только кто-нибудь их не перепутал. Хорошенькая получилась бы шуточка — нас буквально на клочки разнесло бы от смеха.

Никто не засмеялся, и он продолжал:

— Впрочем, он весит слишком мало, так что с нами все будет в порядке. Этот макет изготовлен для того, чтобы люди доктора Рейнолдса имели перед собой образ, который поможет им сосредоточиться. На атомную бомбу он похож не больше, чем я на Сталина, но изображает (если бы там был плутоний) то, что мы, физики, называем «подкритической массой». Со времени процессов по делам атомного шпионажа всем прекрасно известно, как устроена атомная бомба. Плутоний излучает в единицу времени постоянное число нейтронов. Если масса мала, большая часть нейтронов уходит вовне. Но если она достаточно велика и достигает критических размеров, нейтроны поглощаются в количестве, необходимом для начала цепной реакции. Вся хитрость в том, чтобы создать критическую массу быстро, а потом бежать, спасая свою шкуру. Это занимает буквально считанные микросекунды, сколько времени именно — умолчу, не желая огорчать офицеров из отдела безопасности. Сегодня мы намерены выяснить, может ли мысль влиять на нейтронное излучение. Теория, достаточно надежная, чтобы разрушить два крупнейших города Японии, гласит, что излучение каждого отдельно взятого нейтрона — дело случайное, но суммарное излучение неизменно, как неизменно движение звезд. А если бы дело обстояло иначе, то изготовить атомную бомбу было бы вооб-

ще невозможно. Согласно стандартной теории, то есть теории, которая подтверждена опытом, эта подкритическая масса имеет шансов взорваться не больше, чем обыкновенная тыква. Наша опытная группа попробует доказать, что это не так. Эти люди сконцентрируют свои силы и постараются увеличить вероятность испускания нейтронов, благодаря чему шар взорвется, как настоящая атомная бомба.

— Доктор Саттерли,— спросил вице-адмирал с «крылышками»,— а вы-то сами считаете это возможным?

— Я полагаю это *абсолютно невозможным*,— Саттерли повернулся к операторам группы Рейнолдса.— Только, ради бога, не обижайтесь, ребята.

— Пять минут,— объявил капитан флота.

Саттерли кивнул Рейнолдсу.

— Ваш выход. Желаю успеха.

— Одну минуточку, молодой человек,— затрещала миссис Уилкинс,— эти штучки... нервоны...

— Нейтроны, мадам.

— Ну, я же так и говорю... Так вот, мне кое-что непонятно. Вероятно, про них проходят в старших классах, а я ушла из восьмого. Так обидно...

Саттерли тоже огорчился, но все же попытался выправить положение.

— ...и каждое из этих ядер потенциально способно испустить вот такой м-а-а-ленький нейтрончик. В этом шаре,— он поднял макет,— помещается примерно пять тысяч миллиардов триллионов ядер, каждое из которых...

— Это ведь прямо уйма получается, верно?

— Мадам, вы совершенно правы. Теперь...

— Две минуты!

Вмешался Рейнолдс.

— Миссис Уилкинс, не волнуйтесь. Сосредоточьте внимание на том металлическом шаре, что находится там, далеко, и думайте об этих нейтронах, каждый из которых готов вот-вот сорваться с орбиты. Когда я подам команду, я хочу, чтобы вы все, а особенно ты, Норман, думали бы о том шаре,

представляли бы, что из него летят искры, как от светящегося часового циферблата. Постарайтесь сделать так, чтобы этих искр стало больше. Просто постарайтесь. Если ничего не получится, вас никто бранить не будет. Так что — не бойтесь.

Миссис Уилкинс кивнула.

— Постараюсь,— она отложила вязание и устремила в пространство отсутствующий взгляд.

В то же мгновение всех ослепила неправдоподобно яркая вспышка, прорвавшаяся через массивный стеклянный фильтр. Она высветила каждого присутствующего, а затем погасла.

Капитан флота воскликнул: «Что за черт!», кто-то закричал: «Она взорвалась! Взорвалась!»

Заревел динамик: «Взрыв произошел на отсчете минус одна минута тридцать семь секунд. Контроль, имела место какая-то ошибка... эта штуковина выглядела как водородная бомба!»

Накатила ударная волна и заглушила все прочие звуки. Свет погас, со щелчком зажглось аварийное освещение. Бункер качался, как корабль в штормовом море. Глаза были еще слепы из-за той яркой вспышки, в ушах стоял рев звуковой волны, а физики уже отталкивали локтями офицеров от перископа. В эту-то минуту на весь бункер и раздалось пронзительное сопрано:

— О, Боже!!

— В чем дело, Бабуля? Вы-то в порядке?

— Я? О, да, да... но мне так жаль... Я же не нарочно...

— Что не нарочно?

— Я как раз начала нащупывать, представляя себе эти крохотные кусачие нервоны, готовые соскочить... Но я не собиралась ничего взрывать... во всяком случае до того, как вы скажите...

— Ох! — Рейнолдс повернулся к остальным.— Еще кто-нибудь спускал курок?

Никто не сознался. Миссис Уилкинс сказала виновато:

— Извините, доктор. Может у них найдется вторая? Уж на этот раз я буду поосторожнее.

* * *

Рейнолдс и Уитерс сидели в офицерском клубе, перед ними стояли чашки кофе, причем физик про свою начисто забыл. Его глаза горели, лицо нервно подергивалось.

— Предела не существует! Расчеты показывают, что более девяноста процентов массы превратилось в энергию. Вы понимаете, что это значит?! Если мы примем... впрочем, неважно! Скажем проще: мы можем делать бомбы размером с горошину! Никаких мер предосторожности! Никаких цепей управления! Ничего, кроме...— он помолчал.— К месту бомбежки их будут доставлять небольшие сверхскоростные реактивные самолеты с пилотом, инженером-оружейником и одним из ваших операторов. А бомб сколько угодно! Ни одно государство на Земле не сможет...

— Полегче,— произнес Рейнолдс,— у нас слишком мало операторов. Мы не сможем рисковать ими, сажая их в самолеты.

— Но...

— Впрочем, это и не нужно. Покажите им бомбу, дайте фотографии целей, свяжите по радио с инженером-оружейником... Они редко встречаются, но мы начнем новый поиск людей, обладающих ЭСВ. По моим расчетам таких примерно один на тысячу восемьсот.

— Редко встречаются...— повторил Уитерс.— Миссис Уилкинс одна может управиться с несколькими бомбами... верно, ведь?

— Думаю, да. Испытаем.

— Обязательно испытаем!— Уитерс наконец вспомнил о кофе и выпил его одним глотком.— Извините меня доктор, я лезу прямо напролом. Слишком много старых представлений приходится пересматривать.

— Я знаю. Я сам был бихевиористом.

Вошел капитан Майклер, огляделся и быстрыми шагами двинулся к их столику.

— Генерал ждет вас обоих,— сказал он тихо.— Поторопитесь.

Их провели в охраняемый часовыми кабинет. Кроме генерала Хэнби, тут присутствовали еще генерал Ла Мотт и вице-адмирал Кейтли. Лица военных были мрачны. Хэнби протянул какую-то бумагу. Рейнолдс увидел на ней штамп «Совершенно секретно» и вернул ее генералу.

— Генерал, у меня не тот уровень секретности.

— Заткнитесь и читайте!

Рейнолдс пропустил несколько предваряющих кодовых групп: «Расшифровка. СЕГОДНЯ РУССКОЕ ПОСОЛЬСТВО ВРУЧИЛО НАМ УЛЬТИМАТУМ: ТРЕБОВАНИЕ ПРЕОБРАЗОВАТЬ СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ В «НАРОДНУЮ РЕСПУБЛИКУ» ПОД УПРАВЛЕНИЕМ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОМИССАРОВ, НАЗНАЧАЕМЫХ СССР. ТРЕБОВАНИЕ ПОДКРЕПЛЯЕТСЯ ВОЕННЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ. В НОТЕ СООБЩАЕТСЯ, ЧТО ВАЖНЕЙШИЕ ГОРОДА США (СПИСОК ПРИЛАГАЕТСЯ) ЗАМИНИРОВАНЫ АТОМНЫМИ БОМБАМИ, КОТОРЫЕ БУДУТ ПРИВЕДЕНЫ В ДЕЙСТВИЕ ПО РАДИО, ЕСЛИ США НЕ КАПИТУЛИРУЮТ К ШЕСТНАДЦАТИ НОЛЬ-НОЛЬ БЛИЖАЙШЕЙ ПЯТНИЦЫ».

Рейнолдс перечитал документ. Шестнадцать ноль-ноль в пятницу означало два часа дня послезавтра по местному времени. Наши города заминированы атомными бомбами? Неужели им это действительно удалось? Он с трудом осознал, что генерал Ла Мотт что-то говорит.

— Следует рассматривать эту угрозу как совершенно реальную.

Наша свободная общественная структура делает нас удобным объектом для нападения.

— А может, они блефуют,— сказал адмирал.

Генерал ВВС покачал головой:

— Они знают, что Президента на испуг не возьмешь. Не следует считать русских дураками.

Рейнолдс все еще не мог понять, по какой причине ему разрешается быть участником подобного совещания. Но тут Ла Мотт взглянул на него.

— Адмирал Кейтли и я немедленно отправляемся в Вашингтон. Я задержался только для того, чтобы спросить вас: *ваши люди могут взорвать атомную бомбу, так не могут ли они предотвратить ее взрыв.*

Рейнолдсу показалось, что время растягивается так, будто у него впереди чуть ли не год на то, чтобы обдумать все детали, все, что касается Бабули Уилкинс, Нормана и других.

— Могут,— ответил он.

Ла Мотт встал.

— Тогда это ваша забота, Хэнби. Пошли, адмирал.

— Постойте;— запротестовал Рейнолдс.— Дайте мне бомбу и миссис Уилкинс, и я смело усядусь за эту бомбу. Но сколько там городов? Двадцать? Тридцать?

— Тридцать восемь.

— Значит тридцать восемь бомб, а, может быть, и больше. Где они спрятаны? Как выглядят? На какой срок все это может растянуться? Нет, это совершенно невозможно!

— Разумеется. Но делать-то надо! Или хотя бы попытаться. Хэнби, известите их, что мы вылетели, ладно?

— Конечно, генерал.

— Прощайте, доктор. Или, возможно, до свидания.

Рейнолдс с беспощадной ясностью осознал, что эти двое отправляются, чтобы «сесть» на одну из бомб и продолжать выполнять свои обязанности, пока она их не уничтожит. Он торопливо проговорил:

— Мы постараемся. Мы обязательно постараемся.

Тридцать восемь городов... сорок три часа... семнадцать операторов. Были, конечно, и другие, найденные за годы исследований, но они разбросаны по сорока одному штату. В стране с диктаторским режимом полиция отыскала бы их в одну минуту и доставила бы в нужное место со сверхзвуковой скоростью. Но ведь это — Америка!

Разыскать! Доставить сюда! Немедленно! Хэнби поручил полковнику Хэммонду заботу о выполнении распоряжений Рейнолдса и приказал офицеру Секретной службы передать свои кому угодно, а самому сесть на телефон и, пользуясь

личными связями в ФБР и с другими офицерами безопасности, а через них и с полицией, объявить общую тревогу и найти этих экстрасенсов, ЭСВ. Найти, убедить, используя любые формы давления, и заставить лететь сюда как на крыльях. К вечеру нашли двадцать три, из них одиннадцать уговорили или заставили; двое уже были здесь. Хэнби позвонил Рейнолдсу, в эту минуту жевавшему на ходу сэндвич.

— Говорит Хэнби. Только что звонил Президент.

— Президент?

— Ла Мотт к нему пробился. Он, конечно, в сомнении, но все же распорядился оказать нам всемерную поддержку, разумеется, кроме той, что может снизить готовность обычных оборонительных средств. Один из его помощников уже час назад вылетел из Национального аэропорта реактивным самолетом, чтобы помочь нам здесь. Теперь все пойдет побыстрее.

Но лучше от этого не стало, так как русские передачи, которые не глушились, уже сделали разразившийся кризис всеобщим достоянием. Ровно через тридцать минут Президенту пришлось выступить по телевидению. Рейнолдс Президента не слышал — он был слишком занят. Он имел всего двадцать человек и мог спасти только двадцать городов, а ведь надо было спасать всю страну. Но как? Рейнолдс был уверен, что миссис Уилкинс сможет обезвредить любую атомную бомбу, если ее увидит. Он надеялся, что на это же способны и другие. Но ведь бомбы спрятаны в далеких-далеких городах — их следует сначала обнаружить, причем с помощью одного лишь мозга, потом «обдумать», потом обезвредить, и все это не за ту микросекунду, которая требуется для взрыва, а за миллиарды микросекунд, потребных на их обнаружение. Возможно ли это?

Как помочь своим людям? Конечно, есть наркотики — кофеин, бензедрин. Но ведь людям нужен покой, верно? Он повернулся к Хэммонду.

— Необходима комната с ванной для каждого человека.

— Так это у них уже есть.

— Нет, сейчас в каждой комнате по двое, и ванны — на двоих.

Хэммонд пожал плечами.

— Будет сделано. Придется дать под зад кое-кому из генералитета.

— Пусть кухня работает круглые сутки. Спать им не придется, а есть надо. И что б все время свежий кофе, кока-кола, чай — все, что они потребуют. Можно поставить в каждую комнату телефон и подключить его к отдельному коммутатору?

— О'кей. Что еще?

— Пока не знаю. Надо спросить у них.

О русском ультиматуме все они уже знали, но о том, каковы наши планы,— пока еще нет. Речь Рейнолдса была выслушана в неловком молчании. Рейнолдс повернулся к Эндрюсу.

— Что ты скажешь, Пистолет?

— Кусок-то больно велик, проф, как бы в горле не застрял.

— Верно. А может все же сжуем?

— Полагаю, придется.

— Норман?

— Ну, босс... как же быть, ежели я их не вижу?

— Миссис Уилкинс сегодня утром тоже не видела бомбу. И радиацию часового циферблата ты тоже не видел — она слишком мала. Ты видел только циферблат и думал лишь о нем. Ну, так как?

— Думать о блестящем шаре где-то в городе?

— Да. Нет, постой! Полковник Хэммонд, им нужно иметь представление о внешнем виде объекта, а он будет совсем другим. Здесь ведь есть наши атомные бомбы — им надо на них посмотреть.

Хэммонд задумался.

— Американская бомба, которую сбрасывают или запускают ракетой, не может быть похожа на русскую, предназначенную для запрятывания и взрывания радиосигналом.

— А как выглядят те?

— Отдел G-2, надо полагать, знает. Мы попробуем получить от них рисунок или чертеж. И пусть готовят макет. Придется обратиться к Уитерсу и генералу,— он вышел.

Миссис Уилкинс сказала деловито:

— Доктор, дайте мне Вашингтон. О'кей?

— Хорошо, миссис Уилкинс, вы единственная, кто прошел испытание практикой, хотя тогдашнее задание было прямо противоположным. Значит, Вашингтон за вами. Этот объект исключительно важен.

— Да я не потому. Его я «вижу» лучше остальных.

— В этом что-то есть,— отозвался Эндрюс.— Тогда я возьму Сиэтл.

* * *

К полуночи Рейнолдс распихал всех своих подопечных (числом уже двадцать шесть) по комнатам офицерского клуба. Хэммонд и он сам по очереди дежурили у коммутатора, развернутого в верхнем холле. Дежурства операторов должны начаться незадолго до истечения срока ультиматума. Усталость ослабляла экстрасенсорную энергию, иногда сводя ее до нуля. Рейнолдс надеялся, что последнюю ночь перед вахтой им удастся поспать как следует.

В каждой комнате был установлен микрофон, селекторная связь позволяла слышать, что в ней происходит. Рейнолдсу это было не по душе, но Хэммонд убедил его.

— Разумеется, это вторжение в частную жизнь. Но разве бомба не вторгается в нее? — он нажал на клавишу.— Слышите? Этот парнишка — Норман — что-то выпиливает из фанеры,— он нажал на другую.— Рядовой Эндрюс тоже еще копошится. Мы не можем разрешить им спать во время вахты, когда она начнется, поэтому придется шпионить.

— Возможно, вы правы.

Наверх пришел Уитерс.

— Что-нибудь еще вам нужно?

— Полагаю, что нет,— ответил Рейнолдс.— Как там с макетом бомбы?

— Будет готов на рассвете.

— Насколько он достоверен?

— Трудно сказать. Их агенты, надо думать, изготовили спусковые устройства из деталей, закупленных здесь, но детали эти имеют массу вариантов. Что же касается основы... что ж, пришлось прибегнуть к настоящему плутонию.

— Пойдет. Покажем им сразу же после завтрака.

Дверь комнаты Пистолета приоткрылась.

— Привет, полковник. Проф, она там.

— Кто?

— Да бомба же. Под Сиэтлом. Я ее чувствую.

— Где она находится?!

— На глубине. И там мокро, как мне кажется. Может, они ее в Саунд запихали?

Хэммонд вскочил.

— Она в гавани, чтобы залить город радиоактивным дождем! — он говорил и одновременно набирал номер.— Дайте мне генерала Хэнби!

— Говорит Моррисон,— ответил чей-то голос.— В чем дело, Хэммонд?

— Насчет бомбы в Сиэтле. Ищите ее на дне. Она либо в Саунде, либо где-то поблизости от него под водой.

— Откуда это известно?

— Один из колдунов Рейнолдса. Начинайте! — и он положил трубку.

— Проф, я ее не вижу, я же не ясновидящий,— озабоченно сказал Эндрюс.— Почему бы не вызвать сюда кого-нибудь из них? Например, эту крошку Брентано?

— Боже мой! Ясновидящие! Да ведь они нам просто необходимы!

— Доктор, вы думаете...— воскликнул Уитерс.

— Ничего я не думаю, иначе давно бы придумал это. А как ищут бомбы? Какими приборами?

— Приборами? Бомба защищена так, что даже счетчик Гейгера ни черта не покажет. Их надо вскрывать и смотреть.

— И сколько на это нужно времени? Скажем, на Нью-Йорк?

Ответил Хэммонд:

— Подождите! Рейнолдс, где эти ясновидящие?

Рейнолдс пожевал губами.

— Они попадаются очень редко.

— Куда реже, чем игроки в кости,— добавил Пистолет,— но добудьте эту девочку Брентано... Она нашла ключи, которые я потерял, когда рыл канаву. А ведь они оказались под трехфутовой толщей земли. Я тогда всю казарму чуть не перерыл.

— Да, да, миссис Брентано! — Рейнолдс полез за своей записной книжкой.

Хэммонд потянулся к коммутатору.

— Моррисон? Сейчас мы продиктуем вам несколько имен, разыскать этих людей еще важнее, чем прежних.

Важнее, но и труднее: началась паника. Президент уговаривал население сохранять хладнокровие и не покидать дома, но тем не менее больше тридцати миллионов людей бежали из городов.

Телетайп в офисе командующего отстукивал:

«НЬЮ-ЙОРК, ШТАТ НЬЮ-ЙОРК. ЧТОБЫ РАСЧИСТИТЬ ОТ ОБЛОМКОВ ПОСЛЕ АВАРИИ ЧАСТЬ ТУННЕЛЯ ХОЛЛАНД, ВЕДУЩУЮ ИЗ ЦЕНТРА К ПЕРИФЕРИИ, ПРИШЛОСЬ ПЕРЕКЛЮЧИТЬ ДВИЖЕНИЕ НА ВСТРЕЧНУЮ МАГИСТРАЛЬ. ПОЛИЦИЯ ОТКАЗАЛАСЬ ОТ НАМЕРЕНИЯ ОСТАНОВИТЬ ЭВАКУАЦИЮ. С ПОМОЩЬЮ БУЛЬДОЗЕРОВ ПРОБУЮТ ВОССТАНОВИТЬ ДВИЖЕНИЕ ПО ТРИБОРО-БРИДЖ, СБРАСЫВАЯ ПРЯМО В РЕКУ ИСКОРЕЖЕННЫЕ АВТОМОБИЛИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ТРУПЫ. ПОДТВЕРЖДАЕТСЯ ИЗВЕСТИЕ О КАТАСТРОФЕ С ПАРОМОМ В УИХОКЕН, НО СПИСКА ПОГИБШИХ ПОКА НЕТ. СРОЧНОЕ СООБЩЕНИЕ: МОСТ ДЖОРДЖА ВАШИНГТОНА РУХНУЛ ИЗ-ЗА ПЕРЕГРУЗКИ ИЛИ В РЕЗУЛЬТАТЕ ДИВЕРСИИ — НЕИЗВЕСТНО. ЕЩЕ ОДНО СРОЧНОЕ СООБЩЕНИЕ... ЕЩЕ...»

Нечто подобное происходило повсюду. На автостраде Денвер—Колорадо-Спрингс к полночи было зарегистрировано сто тридцать пять смертельных исходов в результате аварий, по-

том подобной информации уже просто не поступало. Тяжелый ДС-7 врезался в Бербанке в толпу, прорвавшую ограждение. Движение по автостраде Балтимор—Вашингтон было закупорено пробками в обоих направлениях. Все пять выездов из Лос-Анджелеса были забиты едва ползущими машинами. В четыре утра по восточному времени Президент ввел военное положение. Немедленных результатов этот приказ не принес.

К утру у Рейнолдса был уже тридцать один оператор, их распределили по двадцати четырем городам. Ему крайне тяжело далось решение о том, чтобы его люди «держали» лишь знакомые им города. Все решилось окончательно, когда игрок Кэрш Деньги-Ваши-Будут-Наши сказал: «Док, у меня предчувствие — Миннеаполис должен быть моим». Рейнолдс сдался, хотя один из его только что прибывших подопечных был уроженцем этого города. Он посадил на Миннеаполис обоих и молился, чтобы хоть у одного из них предчувствие сработало. Прибыли двое ясновидящих; одному из них, совершенно слепому киоскеру из Чикаго, тут же был поручен поиск бомбы в этом городе; другой — циркачке, читающей чужие мысли, просто дали список городов и велели заняться свободным поиском. Миссис Брентано вторично вышла замуж и переехала; ее разыскивали по всему Норфолку.

В час пятнадцать пополудни, то есть за сорок пять минут до истечения срока ультиматума, все сидели в своих комнатах, вооруженные планами городов, их аэрофотоснимками и фотографиями макетов атомной бомбы. Клуб был полностью очищен от обычных посетителей. Тем нескольким служащим, которые должны были обеспечивать бригаду операторов ЭСВ, приказали соблюдать полнейшую тишину. На шоссе перекрыли движение, самолетам было запрещено летать в этой зоне. Все должно было создавать благоприятную атмосферу для того, чтобы теперь уже сорок два человека могли бы спокойно сидеть и думать.

У коммутатора находились Хэммонд, Рейнолдс и Мак-Клинток — помощник Президента. Рейнолдс оторвал взгляд от списков:

— Время?

— Час тридцать семь,— ответил Хэммонд.— Осталось двадцать три минуты.

— Час тридцать восемь — поправил его Мак-Клинток.— Рейнолдс, как у вас с Детройтом? Нельзя же оставить его без защиты!

— Мне некого на него поставить. Каждый прикрывает тот город, который он знает.

— А близняшки? Я слышал, как они упоминали Детройт.

— Они повсюду выступали, но их родной город — Питсбург.

— Одну из них переведите на Детройт.

Рейнолдсу очень хотелось послать его подальше.

— Они работают только в паре. Вы что, хотите расстроить их и потерять два города?

Не отвечая на вопрос, Мак-Клинток спросил:

— А кто на Кливленде?

— Норман Джонсон. Он оттуда родом, а по своим способностям занимает среди операторов второе место.

* * *

Их разговор был прерван звуком голосов на нижней площадке. По лестнице поднимался мужчина с чемоданом в руках. Увидев Рейнолдса, он воскликнул:

— О, привет, доктор! Что случилось? Я занят важнейшим делом — изготовляю танки, и вдруг меня хватает ФБР! Это ваши штучки?

— Да. Пошли.

Мак-Клинток хотел было что-то сказать, но Рейнолдс уже увел приезжего.

— Мистер Нельсон, вы прибыли со всем семейством?

— Нет, они все еще в Детройте. Если бы я знал...

— Погодите. Выслушайте меня внимательно,— Рейнолдс объяснил ситуацию и показал план города и фотоснимки макета атомной бомбы, находившиеся в комнате, куда они вошли.— Вы все поняли?

Желваки на скулах Нельсона ходили ходуном.

— Неужели это возможно?

— Да, возможно. Все, что надо — это думать о бомбе или о бомбах. Войти с ними в соприкосновение, зажать их, не дать взорваться. Придется попотеть.

Нельсон тяжело перевел дух.

— Постараюсь не заснуть.

— Если вам что-нибудь требуется, звоните по телефону. Желаю удачи.

Рейнолдс возвращался мимо двери ясновидящего слепого. Она была приоткрыта.

— Гарри, это проф. Что-нибудь получается?

Владелец комнаты повернулся на голос:

— Она в Лупе. Я мог бы провести к ней, если б был там. Дом шестиэтажный.

— А более определенно сказать нельзя?

— Передайте, пусть пошарят на чердаке. Когда я «поднимаюсь» вверх, становится теплее.

— Передам немедленно.

Вернувшись почти бегом, он увидел только что прибывшего Хэнби. Рейнолдс набрал номер узла связи.

— Говорит Рейнолдс. Чикагская бомба в шестиэтажном доме в Лупе, вероятно на чердаке. Нет, это все. Будьте здоровы.

Хэнби начал что-то говорить, но Рейнолдс, отрицательно качнув головой, взглянул на часы. Генерал, так ничего и не сказав, взял трубку.

— Говорит командующий. Любые срочные сообщения передавайте сюда,— он положил трубку на рычаг и тоже посмотрел на часы.

Долгие пятнадцать минут прошли в полном молчании. Генерал прервал его, подняв трубку. Он сказал:

— Говорит Хэнби. Есть какие-нибудь новости?

— Нет, генерал. На проводе Вашингтон.

— Вашингтон?

— Да, сэр. Генерал у телефона, мистер секретарь.

Хэнби вздохнул.

— Говорит Хэнби, мистер секретарь. У вас все в порядке? Вашингтон... в норме?

Остальные слушали разговор через усилитель.

— Разумеется, разумеется. Срок ультиматума истек. Но я хотел бы сказать вам: радио Москвы сообщило всему миру, что наши города в огне.

Хэнби искал нужные слова.

— А на самом деле?

— Конечно, ничего подобного. Я напрямую связан с Генеральным штабом, у которого постоянная связь с каждым городом списка. Все они в полном порядке. Не знаю, был ли толк от ваших ненормальных, но так или иначе, тревога оказалась ложной...— линия смолкла.

Лицо Хэнби помертвело. Он с бешенством ударил по клавише.

— Нас прервали!

— Это не у нас, сэр... Никак не могу добиться соединения.

— Продолжайте попытки.

Прошло чуть больше минуты, хотя, казалось, время тянулось бесконечно, пока связист не доложил:

— Связь восстановлена.

— Это вы, Хэнби? — раздался голос.— Надо полагать, что у нас еще будут подобные нарушения на линии. Так вот, насчет этих экстрасенсов... Хоть мы им благодарны и все такое прочее, но я не советую посвящать в это дело газетчиков. Могут истолковать это не так, как хотелось бы.

— Вот как? Это приказ, мистер секретарь?

— О, нет, нет... Просто дела такого рода обычно проходят через мой офис...

— Понятно, сэр,— Хэнби осторожно положил трубку.

— Не следовало вам прерывать разговор, генерал,— сказал Мак-Клинток.— Я хотел узнать, считает ли шеф продолжение нашей работы необходимым.

— Давайте обговорим это у меня,— генерал увел его за собой, но перед этим успел подмигнуть Рейнолдсу.

* * *

В шесть часов у дверей комнат были поставлены подносы с едой, вечером многие попросили кофе. Миссис Уилкинс заказала чай. Дверь в ее комнату была постоянно открыта, и она болтала со всеми, кто проходил мимо.

Гарри-киоскер обследовал Милуоки. Из Чикаго ответ на его сообщение еще не поступил. Миссис Экстейн или «Княгиня Катя» — таков был ее сценический псевдоним — заявила, что «ощущает» передвижной домик в Денвере, а теперь занялась планом Нового Орлеана. После того как срок ультиматума истек, паника немного улеглась, а положение с коммуникационными системами улучшилось. Американцы говорили друг другу, что все время были уверены в том, что проклятые красные просто блефуют.

В три утра Хэммонд и Рейнолдс потребовали еще кофе. Рука Рейнолдса, когда он наливал чашку, слегка дрожала. Хэммонд сказал:

— Вы уже две ночи без сна. Прилягте вон на том диване.

— Как будто вы себя чувствуете намного лучше!

— Я посплю, когда вы проснетесь.

— Не могу спать. Меня волнует то, что может случиться, если заснут они,— он показал на шеренгу закрытых дверей.

— Меня тоже.

В семь утра в коридор вышел Пистолет.

— Та бомба... ее больше нет. Чувство такое, будто разжал кулак, а в нем пусто!

Хэммонд схватил трубку.

— Дайте мне Сиэтл. Местное отделение ФБР.

Пока его соединяли, Пистолет спросил:

— А что теперь, проф?

Рейнолдс попытался сосредоточиться.

— Может, отдохнешь чуток?

— Пока все не кончится, лучше не стоит. У кого Толидо? Мне он знаком.

— Хм... У молодого Барнеса.

Хэммонда соединили. Он назвал себя и задал вопрос. Потом тихонько опустил трубку.

— Они нашли ее,— сказал он шепотом.— В озере.

— Я ж говорил, что там мокро,— буркнул Пистолет.— Так как насчет Толидо?

В семь тридцать пять ворвался Мак-Клинток, за ним спешил Хэнби.

— Доктор Рейнолдс! Полковник Хэммонд!

— Ш-ш-ш-ш! Тихо! Вы им мешаете!

Мак-Клинток понизил голос.

— Извините... Переволновался. Но это очень важно. В Сиэтле нашли бомбу и...

— Да, рядовой Эндрюс нас уже известил.

— А? Да откуда он-то мог знать?

— Неважно,— вмешался Хэнби.— Важно, что бомбу нашли с задействованным спусковым механизмом. Теперь мы уверены, что именно ваши люди спасают города.

— А разве тут могли быть сомнения?

— Ну, в общем... да...

— Но больше их нет,— добавил Мак-Клинток.— Теперь я все беру на себя.— Он наклонился к коммутатору.— Связь? Дайте мне Белый Дом.

— Что вы хотите сказать,— медленно начал Рейнолдс,— этим «беру все на себя»?

— Что? Да просто-напросто беру на себя руководство операцией от имени Президента. Приму меры, чтобы эти люди ни на минуту не покидали своих постов.

— Что же именно вы собираетесь делать?

Хэнби быстро вмешался:

— Да ничего, доктор. Просто с этой минуты мы будем находиться в непрерывном контакте с Вашингтоном.

Они продолжали нести вахту вместе. Рейнолдс буквально кипел от ярости и ненависти к Мак-Клинтоку. Ему захотелось выпить еще чашку кофе, но он решил заменить ее таблеткой бензедрина. Рейнолдс надеялся, что его люди следуют

его примеру, но не переусердствуют. Возбуждающими средствами пользовались все, кроме Бабули Уилкинс, которая не желала к ним даже притрагиваться. Ему очень хотелось проверить всех, но он знал, что не в праве — каждая бомба висела на тоненькой ниточке человеческой мысли — отвлекись на секунду — и все...

Загорелся огонек внешнего вызова. Трубку снял Хэнби.

— Конгресс распустили на каникулы,— объявил он,— и Президент вручил контр-ультиматум русским: обнаружить и обезвредить все бомбы, иначе мы начнем бомбардировку их территории.

Снова вспыхнул огонек внешнего вызова. Хэнби ответил, лицо его просветлело.

— Найдены еще две. Одна в Чикаго — именно там, где указал ваш парень. Другая в Кемдене.

— В Кемдене? А каким образом?

— Они проводят превентивные аресты коммунистов. Одного из них привезли обратно в Кемден для допроса, что ему ужас как не понравилось — знал, что находится всего лишь в миле от бомбы. А кто у нас на Кемдене?

— Мистер Димуиди.

— Старикашка? Тот, что прихрамывает?

— Именно. Почтальон на пенсии. Генерал, мы что — уверены, что в каждом городе только одна бомба?

Ответил ему Мак-Клинток:

— Нет, конечно. Эти люди должны...

Хэнби опять вмешался:

— ЦРУ полагает, что так. Исключения — Нью-Йорк и Вашингтон. Считается, что если бы бомб было больше, то список заминированных городов был бы длиннее.

Рейнолдс ушел, чтобы снять с дежурства мистера Димуиди. Мак-Клинток, кипел он, не способен понять, что человек сделан из плоти и крови.

Димуиди ничуть не удивился.

— Знаете, совсем недавно исчезло вдруг напряжение, и я испугался, что задремал. У меня было ужасное чувство, что я

«опустил» бомбу и она взорвалась, но тут же я понял, что ошибаюсь.

Рейнолдс велел ему отдохнуть, а затем быть готовым прийти на помощь кому-нибудь из товарищей. Они остановились на Филадельфии — Димуиди там жил некоторое время.

Вахта продолжалась. Миссис Экстейн выдала целых три предположения, но ответов пока не было; приходилось попрежнему держать все эти три города под неусыпным наблюдением. И тут Миссис Экстейн заявила, что ее «зрение» притупилось. Рейнолдс сходил к ней в комнату и велел ей ложиться спать, даже не посоветовавшись с Мак-Клинтоком.

Подносы с завтраком появились и исчезли. Рейнолдс трудился изо всех сил, стремясь добиться того, чтобы его операторы могли отдохнуть. Сорок три человека и тридцать пять городов — ах, если бы иметь хоть по двое на каждый город! Возможно, каждый из них способен контролировать любой город? Нет, он не может рисковать.

Проснулся Барнес и принял на себя Толидо. Теперь Пистолет был свободен. Может, поручить ему Кливленд? Норман работает бессменно, а Пистолет как-то раз проезжал через Кливленд на поезде. Цветной мальчуган просто уникум, хотя и склонен к истерике, тогда как Пистолет... Словом, Рейнолдс был уверен, что проведи Пистолет даже неделю без сна, он будет последним, кто сойдет с рельс.

Нет! Нельзя доверить Кливленд человеку, который всего лишь раз проехал через него. Но когда Димуиди возьмет на себя Филадельфию, а Мэри Клиффорд проснется, он сможет посадить ее на Хьюстон, что даст возможность Хэнку поспать, прежде чем его пересадят на Индианаполис, и тогда...

Настоящая шахматная задача, только все пешки в ней — ферзи, а ошибки непоправимы!

* * *

Мак-Клинток забавлялся переключением селектора, вслушиваясь в то, что происходит в комнатах. Внезапно он заорал:

— Кто-то дрыхнет!

Рейнолдс взглянул на номер.

— Естественно. Это комната близняшек. Они работают поочередно. Вы можете услышать храп еще в двадцать первой, тридцатой, восьмой и девятнадцатой комнатах. Там все о'кей. Они спят после вахты.

— Ну, ладно, ладно,— Мак-Клинток явно чувствовал себя уязвленным.

Рейнолдс снова склонился над своими списками. Вскоре Мак-Клинток опять взревел:

— Кто в двенадцатой?

— Что? Подождите-ка... Там Норман Джонсон, Кливленд.

— Вы хотите сказать, что он на вахте?

— Да,— Рейнолдс услышал астматическое дыхание мальчугана, и это его успокоило.

— Он храпит!

— Нет, он не спит.

Но Мак-Клинток уже мчался по коридору. Рейнолдс рванулся за ним, Хэнби и Хэммонд — вслед. Рейнолдс догнал его в тот момент, когда Мак-Клинток уже ворвался в двенадцатую комнату. Норман полулежал в кресле, глаза его по обыкновению были закрыты. Мак-Клинток подбежал к нему и отвесил ему пощечину.

— Продери глаза!

Рейнолдс схватил Мак-Клинтока:

— Проклятый идиот!

Норман открыл глаза и тут же отчаянно разрыдался.

— Она взорвалась!

— Спокойнее, Норман! Все в порядке!

— Нет! Нет! Она взорвалась, и мамми ушла вместе с ней!!!

Мак-Клинток рявкнул:

— А ну, сконцентрируйся, парень! Принимайся за дело!

Рейнолдс повернулся к нему:

— Убирайся! Убирайся отсюда, пока я тебе морду не набил!

Хэнби и Хэммонд стояли в дверях. Генерал опомнился первым:

— Замолчите, доктор, и займитесь мальчиком.

На командном пункте уже горел сигнал внешнего вызова. Хэнби взял трубку, а Рейнолдс пытался успокоить негритенка. Хэнби слушал в мрачном молчании, потом сказал:

— Он прав. Кливленда больше нет.

Мак-Клинток резко вскрикнул:

— Он спал! Убить его мало!

— Заткнитесь,— ответил Хэнби.

— Но...

— Больше нигде не взорвалось, генерал? — спросил Рейнолдс.

— Чего ради?

— А весь этот галдеж? Наверняка не менее десятка людей выбиты из колеи.

— Проверим,— генерал снова вызвал Вашингтон, затем вздохнул с облегчением.— Нет, только Кливленд. Можно сказать... нам повезло.

— Генерал,— стоял на своем Мак-Клинток,— он спал!

Хэнби посмотрел на него.

— Сэр, может вы и помощник Президента, но лично вы военной властью не располагаете. Вон с моего командного пункта!

— Но я направлен Президентом, чтобы...

— Вон с командного пункта, сэр! Возвращайтесь в Вашингтон. Или в Кливленд!

Мак-Клинток окаменел. Хэнби добавил:

— Вы хуже худшего — вы дурак!

— Я буду жаловаться Президенту!!!

— Вмешайтесь еще раз, и Президент вряд ли доживет до той минуты. Пошел вон!

К ночи ситуация резко осложнилась. Угроза все еще висела над двадцатью семью городами, а операторы Рейнолдса выбывали из строя быстрее, чем успевали обнаруживать новые бомбы. Кэрш Деньги-Ваши-Будут-Наши даже после отдыха был не в силах встать на вахту.

— Пуст, как пересохший колодец. Все.

После этого Рейнолдс проверил всех, кто должен был заступить на вахту, и обнаружил, что некоторые из них безнадежны — короткий сон ничего изменить не мог — они были «пусты».

К ночи только восемнадцать операторов на девятнадцать городов. Близняшки со страхом вынуждены были расстаться — и ничего ужасного не произошло. Миссис Уилкинс «держала» Балтимор и Вашингтон — она взяла на себя Балтимор, когда там не оказалось замены.

Но теперь у Рейнолдса уже не было резервов для подмены, и три оператора — Нельсон, Пистолет и Бабуля Уилкинс работали бессменно. Рейнолдс слишком вымотался, чтобы волноваться. Он просто знал, что если хоть один из них достигнет предела своих возможностей, Соединенные Штаты потеряют город. Паника после гибели Кливленда вспыхнула снова. Дороги были забиты. Хаос затруднял поиски бомб, но изменить ситуацию Рейнолдс ничем не мог.

Миссис Экстейн все еще жаловалась на свое «зрение», но работу продолжала. У Гарри-киоскера с Милуоки дело не сдвинулось с мертвой точки, но подменять его смысла не было — другие города были для него «белым пятном». За ночь миссис Экстейн обнаружила бомбу в Хьюстоне. Она, по словам миссис Экстейн, находилась в ящике под землей. Гроб? Да, там есть и могильная плита, но прочесть на ней имя никак не удается.

Из-за этого покой многих недавно опочивших в Хьюстоне был потревожен. В девять часов воскресного утра Рейнолдс пошел сказать Мэри Джиффорд, что она может лечь спать или сменить оператора по Уилмингтону, если у нее еще есть силы. Он обнаружил Мэри в глубоком обмороке, уложил ее на постель, гадая, знает ли она, что бомба в Хьюстоне обезврежена.

Одиннадцать городов и восемь людей. Бабуля Уилкинс «держала» четыре города. Никто, кроме нее, не мог взять на себя даже два. Рейнолдс тупо подумал, какое это чудо, что они все же держатся — это чудо намного превосходило все, что операторы демонстрировали когда-либо.

Когда он вернулся, Хэммонд поднял на него глаза.

— Производили замену?

— Нет. Эта девочка Джиффорд выбыла надолго. Значит, в конце концов мы потеряем не меньше полдюжины городов.

— Наверняка некоторые из них уже обезлюдили.

— Будем надеяться. Еще бомбы найдены?

— Пока нет. А как вы, доктор, себя чувствуете?

— Как покойник трехнедельной давности.

Рейнолдс устало рухнул на стул. Он подумал, не разбудить ли кого-нибудь из спящих и посмотреть, в каком они состоянии, но тут внизу раздался шум. Рейнолдс выбежал на лестничную площадку.

По лестнице поднимался капитан военной полиции.

— Приказано доставить ее к вам.

Рейнолдс поглядел на женщину, шедшую за капитаном.

— Дороти Брентано!!!

— Ныне Дороти Смит!

Сдерживая дрожь нетерпения, он объяснил ей, чего от нее ждут. Она кивнула.

— Все это я еще в самолете усекла. Карандаш есть? Тогда пишите: Сент-Луис — в прибрежном складе с вывеской «Барлетт и сын. Оптовая торговля». Ищите на чердаке. В Хьюстоне... нет, ее уже нашли. Балтимор — на корабле в доках, название «Золотой берег». Какие там еще города? Я потеряла уйму времени, вынюхивая там, где ни черта нет.

Рейнолдс уже во весь голос вызывал Вашингтон.

Последней от вахты освободилась Бабуля Уилкинс. Дороти обнаружила еще одну бомбу в Потомаке, но миссис Уилкинс грубовато велела ей не лениться. В Вашингтоне всего четыре бомбы, о чем миссис Уилкинс, оказывается, знала с самого начала. Дороти нашла их за одиннадцать минут.

Спустя три часа, Рейнолдс, который никак не мог заснуть, зашел в гостиную офицерского клуба. Несколько членов его команды закусывали и слушали радиопередачу о нашем воздушном налете на Россию. Рейнолдс даже слушать не стал — ну, разбомбят там Омск и Томск, Минск и Пинск — ему се-

годня было не до этого. Медленными глотками он пил молоко и думал о том, что никогда в жизни больше не прикоснется к кофе. К его столику подошел капитан Майклер.

— Вас вызывает генерал. Быстро!

— Чего это он?

— Я сказал — быстро! А где тут Бабуля Уилкинс... о, вот она! А кто такая Дороти Смит?

— Та, что сидит рядом с миссис Уилкинс.

Майклер ввел их в кабинет Хэнби. Тот кивнул.

— Садитесь вон там. Вы, леди, тоже. Постарайтесь держаться в фокусе...

Рейнолдс обнаружил, что он находится как раз против экрана телевизора, на котором возникло изображение Президента. Выглядел Президент таким же усталым, каким чувствовал себя Рейнолдс, но все же улыбался.

— Вы доктор Рейнолдс?

— Да, мистер Президент.

— А эти дамы — Миссис Уилкинс и миссис Смит?

— Да, сэр.

Президент тихо сказал:

— Вы трое и все ваши коллеги получите наивысшую благодарность Республики. И мою личную — тоже. Но это подождет. Миссис Смит, бомбы есть еще, только они в России. Не может ли ваш удивительный дар обнаружить их там?

— Право, я не знаю... Я попробую...

— Миссис Уилкинс, а вы можете взорвать эти бомбы, хоть они и находятся так далеко?

Просто невероятно, но она все еще сохраняла блеск в глазах и бодрость.

— А что, господин Президент?

— Так как — сможете?

Взгляд Бабули устремился в неведомые дали.

— А вы дайте нам с Дороти тихую комнату и еще чайник с хорошей заваркой. Только чтоб чайник был побольше...

В 1903 году братья Райт совершили полет на «Китти Хок».

В декабре 1938 года в Берлине доктор Ган произвел расщепление атома урана.

В апреле 1943 года доктор Эстелла Карст, работая на Федеральное Управление Национальной Безопасности, усовершенствовала технологию процесса Карст—Обри для получения искусственных радиоактивных веществ. И это должно было полностью изменить американскую внешнюю политику. Да, ей предстояло стать другой. Непременно. Но ведь дьявольски трудно загнать зов трубы обратно в трубу. Ящик Пандоры — тоже штучка, работающая лишь в одном направлении. Свинью можно превратить в сосиски, а сосиски в свинью — черта с два! Разбитые яйца остаются разбитыми. «Вся королевская конница, вся королевская рать не может Шалтая, не может Болтая, не может Шалтая-Болтая собрать».

Мне-то такие дела хорошо известны — я сам из этой королевской рати. По правилам игры, вроде бы я не слишком под-

© В. Ковалевский, Н. Штуцер, перевод

ходил к этой роли. Когда грянула Вторая мировая война, я не был профессиональным военным, и, когда конгресс принял закон о мобилизации, я уже занимал относительно высокое положение, во всяким случае, достаточно высокое, чтобы продержаться вне армии ровно столько, сколько нужно, чтобы спокойно помереть от старости.

А ведь умереть по такой причине удалось лишь очень немногим людям моего поколения.

Но я был свежеиспеченным секретарем только что избранного конгрессмена, а перед тем руководил его избирательной кампанией, что привело к потере предыдущего места работы. По профессии-то я школьный учитель экономики и социологии, но школьное начальство недолюбливает преподавателей общественных наук, принимающих активное участие в общественных процессах, поэтому мой контракт так и не был возобновлен. Ну, я и ухватился за шанс перебраться в Вашингтон.

Фамилия моего конгрессмена была Маннинг. Ну да, тот самый Маннинг, полковник Клайд К. Маннинг, отставной офицер армии США, он же мистер комиссар Маннинг. Чего вы, пожалуй, может, и не слыхали, так это то, что он был одним из лучших армейских экспертов по химической войне, до тех пор, пока слабое сердце не отправило его «на полку». Я, можно сказать, подобрал его там с помощью группы своих политических единомышленников, и мы выставили его кандидатуру против прохвоста, занимавшего пост священника в одном из приходов в нашем избирательном округе. Нам был нужен крепкий либеральный кандидат, и Маннинг казался чуть ли не специально созданным для этой роли. Целый год он пробыл членом Большого Жюри, в результате чего у него, фигурально выражаясь, прорезался зуб мудрости, и он стал активно заниматься общественной деятельностью.

Положение отставного армейского офицера здорово помогает привлечь на свою сторону голоса консервативных и зажиточных избирателей, но в то же время послужной список Маннинга выглядел внушительно и для тех, кто стоял по

другую сторону баррикады. Меня проблема охоты за голосами не так уж заботила; мне нравился сам Маннинг, нравилось, что, будучи либералом, он в то же время обладал решительностью, которая обычно либералам не свойственна. Большинство либералов верят, что хотя вода всегда бежит вниз по склону, но, по милости Божьей, никогда не иссякает.

А Маннинг был не таков. Он умел логически определить, что именно надо сделать, и действовал, сколь бы ни были неприятны эти действия.

Мы сидели в офисе Маннинга, расположенном в здании палаты представителей, и, пользуясь небольшой передышкой после бурного первого заседания конгресса семьдесят восьмого созыва, пытались разобраться в горе накопившейся корреспонденции, когда вдруг раздался звонок из военного ведомства. Маннинг сам взял трубку.

Мне поневоле пришлось подслушивать — я ведь как-никак был его секретарем.

— Да,— сказал он,— это я. Хорошо, соединяйте. О... приветствую вас, генерал... Отлично, спасибо... Вы сами?

Затем последовало долгое молчание.

Наконец Маннинг заговорил снова:

— Но это же невозможно, генерал, у меня уже есть работа... Что? Да, а кто же будет работать в комитете и представлять мой округ? Думаю, так...— Он взглянул на наручные часы.— Приеду немедленно.

Он повесил трубку, взглянул на меня и буркнул:

— Бери шляпу, Джон. Мы едем в военное министерство.

— Вот как? — отозвался я, собираясь как можно быстрее.

— Да,— ответил он, сопровождая слова встревоженным взглядом.— Начальник штаба считает, что мне нужно вернуться в строй,— он резво зашагал вперед, тогда как я умышленно тащился сзади, чтобы заставить Маннинга снизить темп и не перегрузить свое больное сердце.— Конечно, это невозможно.

Мы поймали такси прямо на стоянке перед нашим зданием и помчались на беседу к военным.

Все, разумеется, оказалось возможным, и Маннинг быстро согласился, когда начальник штаба объяснил ему, в чем дело. Маннинга обязательно нужно было убедить, ибо никто на всем земном шаре, включая самого президента, не может приказать конгрессмену покинуть свой пост, даже если выяснится, что он случайно состоит на военной службе.

Начальник штаба предвидел предстоящие политические затруднения и был настолько предусмотрителен, что уже откопал конгрессмена, принадлежавшего к оппозиционной партии, который должен был одновременно с Маннингом лишиться права голоса на все время существования чрезвычайного положения. Этим другим конгрессменом был достопочтенный Джозеф Т. Брайам, тоже офицер запаса, то ли сам желавший вернуться в армию, то ли соглашавшийся на сделанное ему предложение; я так и не узнал, как обстояло дело в действительности. Поскольку он принадлежал к оппозиционной партии, его голос в палате представителей всегда противостоял бы голосу Маннинга, так что ни одна партия не пострадала от столь мудрого решения проблемы.

Был разговор о том, чтобы оставить меня в Вашингтоне заниматься политическим аспектом дел, связанных с постом конгрессмена, но Маннинг решил иначе, посчитав, что с этим справится его второй секретарь, и объявил, что я должен последовать за ним в качестве адъютанта. Начальник штаба заупрямился было, но положение Маннинга позволяло ему стоять на своем, и начальник штаба сдался.

Если начальникам штабов приспичит, они могут заставить дела крутиться очень быстро. Еще до того как мы покинули здание министерства, меня привели к присяге в качестве «временного» офицера; а задолго до конца дня я уже стоял в банке, выписывая чек за мешковатую униформу, принятую в армии, а заодно и за парадную — с дивным блестящим поясом, которую, как выяснилось позже, я так и не надену.

Уже на следующий день мы выехали в Мэриленд, и Маннинг вступил в должность начальника Федеральной научно-исследовательской атомной лаборатории, которая была

зашифрована как Специальный оборонный проект N 347 военного министерства. Насчет физики я мало чего вообще соображал, а уж по части новейшей физики так и вовсе ничего, если исключить ту белиберду, которую мы читаем в воскресных приложениях газет. Позже я кое-чего поднабрался (полагаю, что перепутав все на свете) в процессе каждодневного общения с теми учеными самых высоких весовых категорий, которыми была укомплектована наша лаборатория.

Полковник Маннинг в свое время окончил военную аспирантуру при Массачусетском технологическом и получил магистерскую степень за блестящую диссертацию по анализу математических теорий атомных структур. Вот почему армейское руководство и назначило его сейчас на эту должность. Впрочем, дело это было давно, и за прошедшее время физика успела проделать немалый путь; он признался мне, что ему приходится грызть гранит науки до посинения, чтобы дойти хотя бы до той точки, откуда он начнет понимать, о чем пишут его высоколобые подопечные в своих отчетах о проделанной работе.

Думаю, он все же преувеличивал степень своего невежества; уверен, что во всех Соединенных Штатах не было никого, кто мог бы заменить полковника на этой должности. Тут требовался человек, способный направлять исследования и руководить работами в высшей степени таинственной и малоизученной области, главное, мог оценивать эти проблемы с точки зрения насущных нужд и интересов армии. Предоставленные сами себе физики купались бы в интеллектуальной роскоши, обеспечиваемой безграничными денежными ассигнованиями, и достигли бы огромных успехов в развитии человеческих знаний, но вряд ли создали бы что-то важное с армейской точки зрения, и даже сама возможность военного применения уже сделанных открытий осталась бы незамеченной еще много лет. Ведь это вроде как на охоте: чтобы вспугнуть птиц, нужна хорошая собака, но только охотник, идущий по следу собаки, может удержать ее от зряшной траты времени на погоню за кроликами. А для этого охотник должен знать обо всем не меньше, чем сама собака.

Я не хочу сказать этим ничего, что умалило бы достоинство ученых. Ни в коем случае! Мы собрали под своим крылышком всех гениев в данной области, которых только можно было найти в Соединенных Штатах — питомцев Чикагского, Колумбийского, Корнеллского университетов, Массачусетского технологического, Калифорнийского технологического, Беркли,— вытащили их из всевозможных лабораторий, где они работали с радиоактивными элементами, да еще прихватили парочку выдающихся атомщиков, одолженных Англией. И эта публика располагала любыми приборами, которые только могла придумать и которые можно было соорудить за деньги. Пятисоттонный циклотрон, первоначально предназначавшийся Калифорнийскому университету, достался нам, но и он уже казался устаревшим в сравнении с теми новыми приборами, которые эти умники придумали, запросили и получили. Канада снабжала нас любым количеством урана — тоннами этого опасного сырья, добытого на берегах Большого Медвежьего озера, неподалеку от Юкона; технология же выделения урана 235 из более распространенного изотопа урана 238 уже была разработана той же группой исследователей из Чикагского университета, которые ранее изобрели более дорогой масс-спектрографический метод.

Кто-то в правительстве Соединенных Штатов уже довольно давно усек ужасные возможности, таящиеся в уране 235, и еще летом 1940 года все американские атомщики были взяты на учет и с них потребовали подписку о соблюдении секретности. Атомная энергия, если ее удастся получить, должна была, таким образом, стать государственной монополией; во всяком случае, хотя бы на то время, пока идет война. Атом имел шанс превратиться в необычайно мощное взрывчатое вещество — такое, что может присниться лишь в кошмарном сне, или же мог стать источником столь же невероятных ресурсов промышленной энергии.

В любом случае, при наличии Гитлера, непрерывно вопившего о своем секретном оружии и выкрикивавшего грязные

оскорбления в адрес демократии, правительство намеревалось держать любые новые открытия в данной области поближе к сердцу.

Гитлер потерял преимущества, вытекающие из положения первооткрывателя уранового секрета, только из-за того, что не принял должных мер предосторожности. Доктор Ган, ставший первым человеком, которому удалось расщепить атом урана, был немцем. Но одна из его помощниц бежала из Германии, спасаясь от еврейских погромов. Она приехала в нашу страну и здесь рассказала все, что ей было известно. В своей лаборатории в Мэриленде мы нащупали путь использования урана 235 для контролируемого взрыва. Мы мечтали о тысячекилограммовой бомбе, которая заменит собой целый воздушный налет и одним-единственным взрывом превратит крупный промышленный центр в руины. Доктор Ридпат из Континентального политехнического утверждал, что он может создать такую бомбу, но пока не в состоянии гарантировать, что она не взорвется сразу же, как только будет заряжена; что же касается силы взрыва... ну... он сам не может заставить себя верить собственным расчетам — уж больно много там приходится писать нулей.

Проблема, как это ни странно, заключалась в том, чтобы создать взрывчатое вещество, которое обладало бы достаточно слабыми внутренними ядерными связями, чтобы взрывать по очереди целые страны, и было бы достаточно стабильно, чтобы делать это только тогда, когда ему прикажут. Если бы мы могли одновременно создать эффективное ракетное топливо, способное понести боевую ракету со скоростью тысяча миль в час или больше, тогда мы оказались бы в состоянии заставить почти любую страну относиться к «дяде Сэму» действительно как к уважаемому дядюшке.

Мы возились с этой проблемой весь остаток 1943 года и значительную часть 1944. Война в Европе и неприятности в Азии продолжались. После того как Италия капитулировала, Англия сумела высвободить достаточное число судов из своего Средиземноморского флота, чтобы ослабить блокаду Бри-

танских островов. С помощью самолетов, которые мы могли теперь ей регулярно поставлять, и тех устаревших крейсеров, которые мы ей одолжили, Англия как-то удерживалась на плаву, зарываясь в землю и переводя туда все больше и больше своих оборонных заводов. Россия, как обычно, склонялась то в одну, то в другую сторону, очевидно, придерживаясь политики не дать ни одной из воюющих сторон получить преимущество, которое позволит довести войну до победного конца. Кое-кто начал рассуждать о возможности «перманентной» войны.

Я убивал время в административном офисе, пытаясь хоть немного улучшить свое умение печатать на пишущей машинке (большую часть докладных Маннинга мне приходилось печатать самому), когда в комнате возник ординарец и доложил о приходе доктора Карст. Я включил внутреннюю связь.

— Пришла доктор Карст, шеф. Вы примете ее?

— Да,— ответил он из своего кабинета.

Я приказал ординарцу впустить посетительницу. Эстелла Карст была совершенно необыкновенная старуха и, я полагаю, первая женщина в инженерных войсках, добившаяся высокого звания. Она имела степень доктора медицины, а также доктора наук и очень напоминала учительницу, которая была у меня в четвертом классе. Думаю, именно поэтому я инстинктивно вскакивал всякий раз, как она входила в приемную — боялся, что она поглядит на меня и презрительно шмыгнет носом. Разумеется, причиной был не ее чин — мы тут с чинами не очень считались.

На ней был рабочий комбинезон и длинный, как у продавца, фартук; поверх всего этого она набросила накидку с капюшоном, чтобы укрыться от снега.

— Доброе утро, мэм,— сказал я и провел ее в кабинет Маннинга.

Полковник приветствовал ее с той вежливостью, которая сделала его столь популярным в женских клубах, и усадил в кресло, предложив сигарету.

— Рад видеть вас, майор,— сказал он ей,— а я как раз собирался на днях заскочить в вашу лавочку.

Я знал, куда он метит: тематика доктора Карст имела медико-физический уклон, он же хотел заставить ее изменить направление исследований, сделав их более актуальными с точки зрения обороны.

— Не смейте называть меня майором! — ответила она недовольно.

— Извините, доктор...

— Я пришла по делу, и мне надо поскорее вернуться обратно. Готова предположить, что вы тоже человек дела. Полковник Маннинг, мне нужна помощь.

— Я тут как раз для этого.

— Ладно. В своих исследованиях я столкнулась с рядом трудностей. Думаю, что один из сотрудников отдела доктора Ридпата мог бы помочь мне, но доктор Ридпат, видимо, не слишком расположен к сотрудничеству со мной.

— Вот как? Что ж, вряд ли я смогу действовать через голову начальника отдела, но все же расскажите мне, в чем дело; может быть, нам удастся решить этот вопрос. Кто вам нужен?

— Мне нужен доктор Обри.

— Специалист в области спектрографии. Хм-м... Я понимаю колебания доктора Ридпата и склонен с ним согласиться. В конце концов, исследуемая проблема сверхмощных взрывчатых веществ — приоритетная тема в нашей конторе.

Она вспыхнула, и мне показалось, что сейчас она прикажет ему, по меньшей мере, остаться в классе после уроков.

— Полковник Маннинг, вы понимаете, какую роль играют искусственные радиоактивные вещества в современной медицине?

— Что ж, полагаю, мне это известно. Тем не менее, доктор, наша главная миссия — это совершенствование оружия, которое может гарантировать безопасность нашей страны в случае войны.

Она шмыгнула носом и кинулась в бой.

— Оружие... чушь собачья! А что, в армии нет медицинской службы, что ли? Разве не важнее знать, как вылечить че-

ловека, нежели разорвать его в клочья? Полковник Маннинг, вы не тот человек, который должен возглавлять наш Проект? Вы... вы... поджигатель войны, вот кто вы такой!

Я чувствовал, что мои уши пылают, но Маннинг даже не шелохнулся. Он мог доставить ей кучу неприятностей, мог отправить под домашний арест, может быть, даже отдать под трибунал, но наш Маннинг не таков! Помнится, он как-то сказал мне, что каждый раз, когда подчиненного отправляют под трибунал, это означает, что некто из старших офицеров опять лопухнулся и не справился со своими обязанностями.

— Мне очень жаль, что вы так считаете, доктор,— сказал он мягко,— и я согласен, что мои технические знания не столь обширны, как хотелось бы. И поверьте, я был бы рад, если б нам пришлось заниматься исключительно проблемами лечения. Кроме того, в любом случае, я еще не отказал вам в вашей просьбе. Давайте пройдем в вашу лабораторию и посмотрим, какие такие у вас проблемы. Весьма вероятно, мы найдем возможность изыскать решение, которое удовлетворит всех заинтересованных.

Полковник уже встал и начал натягивать шинель. Губы доктора Карст чуть дрогнули, и она ответила:

— Отлично. Я сожалею о своих словах.

— Пустяки,— улыбнулся он,— такие уж у нас нервные времена пошли. Ты пойдешь с нами, Джон.

Я поспешил за ними, задержавшись в приемной лишь для того, чтоб взять шинель и сунуть в карман блокнот для заметок.

И всю дорогу, пока мы пробирались чуть ли не восьмую часть мили до лаборатории доктора Карст сквозь рыхлые снежные заносы, они мило болтали о цветоводстве!

Маннинг ответил на оклик часового небрежным жестом руки, и мы вошли в лабораторный корпус. Он спокойно двинулся к дверям, ведущим в глубь лаборатории, но Карст его остановила:

— Сначала «доспехи», полковник!

Нам не сразу удалось подобрать галоши такого размера, которые подошли бы к сапогам Маннинга, настоявшего на

своем праве носить их, несмотря на недавние изменения в форме; он уже хотел было нарушить правила защиты ног, но Карст даже не пожелала слушать его возражений. Она вызвала парочку лаборантов, и те соорудили что-то вроде неуклюжих мокасинов из какой-то ткани со свинцовой прокладкой.

Шлемы отличались от тех, что использовались в лаборатории взрывчатых веществ; они были оснащены дыхательными фильтрами.

— Зачем это? — спросил Маннинг.

— Для борьбы с радиоактивной пылью,— ответила доктор Карст.— Они тут совершенно необходимы.

Мы прошли через обшитый свинцовыми плитами «предбанник» и оказались перед дверью в лабораторию, которую Карст открыла, набрав нужную цифровую комбинацию на замках. Я зажмурился от неожиданно яркого освещения и обнаружил, что воздух лаборатории насыщен мириадами крошечных сверкающих пылинок.

— Хм-м-м... Ну и пылища же тут у вас,— поддержал мое впечатление Маннинг.— Неужели нельзя с ней бороться?

Его голос звучал глухо из-за противопылевого фильтра.

— Последняя стадия процесса должна происходить на воздухе,— объяснила Карст.— Большая часть пыли захватывается вытяжным шкафом. Мы могли бы избавиться от нее совсем, но для этого нам потребуется новое и очень дорогое оборудование.

— Ну с этим все будет в порядке. Мы же не на бюджете, как вам известно. Ведь эти маски очень мешают вам в работе?

— Разумеется,— согласилась Карст.— То оборудование, о котором я говорю, позволило бы нам работать без одежды, защищающей тело. Это было бы в высшей степени удобно.

Тут я внезапно понял, сколько неудобств приходится сносить здешним ученым. Я довольно рослый и сильный человек, и то надетые здесь «доспехи» показались мне слишком тяжелыми для постоянной носки. Эстелла Карст же — эта очень маленькая женщина — безропотно работала день за днем, возможно, по четырнадцать часов в одежде, которая

была ничуть не удобнее, чем водолазный скафандр. И не жаловалась.

Нет, далеко не все герои попадают на первые страницы газет. Эти эксперты по радиации не только подвергались опасности заболеть раком или получить страшные радиационные ожоги, но мужчины имели перспективу, что их гермоплазма подвергнется разрушению и что жены наградят их чем-то ужасным вместо наследников — например, детьми без подбородков или с длинными волосатыми ушами. И тем не менее ученые продолжали работать и даже, казалось, не испытывали раздражения, разве что кроме случаев, когда что-то мешало их непосредственной работе.

Доктор Карст, конечно, уже переступила тот возрастной порог, за которым перестают волноваться за будущее потомство, но принципиально это ничего не меняло.

Я слонялся по лаборатории, разглядывая непонятные приборы, с помощью которых она добывала свои результаты; меня всегда завораживала моя неспособность обнаружить хотя бы что-то знакомое по прежним впечатлениям о физических лабораториях — впечатлениям, сохранившимся со студенческих лет, а потому я был очень осторожен и опасался даже дотрагиваться до приборов. Карст начала объяснять Маннингу, над чем она работает и почему, но я знал, что для меня прислушиваться к технической стороне дела — пустая трата времени. Если Маннингу потребуется что-то записать, он мне продиктует. Мое внимание привлек странный, похожий на ящик прибор, стоявший в углу комнаты. На боковой панели у него было приспособление, напоминавшее загрузочную воронку; оттуда неслись звуки, похожие на гул вентилятора на фоне льющейся из крана воды. Это меня заинтриговало.

Я вернулся обратно к доктору Карст и услышал ее слова:

— Проблема сводится вот к чему, полковник: я получаю радиоактивного материала гораздо больше, чем мне надо, но существует большой разброс в периодах полураспада, казалось бы, одинаковых в остальном проб. Это дает мне основания считать,

что я получаю смесь различных изотопов, но доказать мне свою догадку нечем. И если говорить честно, то моих знаний в этой части проблемы маловато, чтобы предложить существенные изменения в методике работы. Для этого мне нужна помощь доктора Обри.

Полагаю, именно таков был общий смысл ее слов, но, может быть, я передаю неточно, поскольку я в общем-то не физик. Насчет «полураспада» я все же понял. Все радиоактивные материалы продолжают оставаться радиоактивными до тех пор, пока не превратятся в нечто иное, на что теоретически требуется вечность. Но, с практической точки зрения, этот период или «распад» измеряются временем, требующимся на то, чтобы начальная радиация снизилась наполовину. Такое время называется «полураспадом», и каждый радиоактивный изотоп данного элемента имеет свой период полураспада.

Кто-то из наших ученых — не помню, кто именно,— говорил мне, что любой вид материи может рассматриваться в некоторой степени как радиоактивное вещество; разница лишь в длительности периода полураспада и интенсивности излучения.

— Я поговорю с доктором Ридпатом,— ответил ей Маннинг,— и посмотрю, что тут можно сделать. А вы пока разрабатывайте план переоборудования лаборатории с указанием, что для этого необходимо.

— Благодарю вас, полковник.

Я видел, что Маннинг уже собрался уходить, так как задача умиротворения доктора Карст была выполнена; но меня все еще занимал тот большой ящик и издаваемые им странные звуки.

— Не могу ли я узнать, что это такое, доктор?

— Ах это? Кондиционер.

— Какой-то он странный. Я таких никогда не видел.

— Он предназначен не для кондиционирования комнатной среды. Он просто удаляет радиоактивную пыль, прежде чем воздух поступит наружу. Мы вымываем пыль из зараженной атмосферы.

— А куда уходит вода?

— В канализацию. А в конечном счете в залив, я думаю.

Я попытался щелкнуть пальцами, что было невозможно из-за освинцованных рукавиц.

— Вот в чем причина, полковник!

— Причина чего?

— Причина тех обвинений, которые сыплются на нас из Бюро рыболовства. Ядовитая пыль попадает в Чесапикский залив и убивает рыбу.

Маннинг повернулся к доктору Карст.

— Вы полагаете, такое возможно, доктор?

Сквозь щиток ее шлема я видел, как брови доктора сошлись у переносицы.

— Я об этом не думала,— призналась она.— Мне придется сделать кое-какие расчеты, касающиеся возможного уровня концентрации, прежде чем я смогу дать определенный ответ. Но такое возможно; да, возможно,— добавила она с тревогой в голосе,— но ведь можно отвести стоки в специальный колодец.

— Хм-м-м... да.— Маннинг несколько минут стоял молча, внимательно изучая кондиционер. Наконец он произнес: — А что, эта пыль очень ядовита?

— Она летальна, полковник.

И снова наступило долгое молчание. Я понял, что полковник пришел к каким-то выводам, так как он решительно произнес:

— Я собираюсь принять меры, чтобы вы получили помощь доктора Обри. Доктор...

— Вот здорово!

— ...Но взамен я прошу вашей помощи. Я очень заинтересован в успехе ваших исследований, но хочу, чтобы их масштабы были увеличены. Я прошу вас установить как максимальные, так и минимальные периоды полураспада и интенсивности. Я прошу отказаться от сугубо утилитарного подхода и приняться за всеобъемлющие исследования по тем направлениям, которые мы с вами определим во всех деталях немного позже.— Она начала было что-то возражать,

но полковник перебил ее: — По-настоящему глубокая программа исследования окажется в перспективе более важной для решения вашей первоначальной задачи. А я буду считать своей обязанностью обеспечить вам любую материальную базу для претворения такой программы в жизнь. Думаю, нам удастся получить весьма широкий спектр интереснейших результатов,

Полковник немедленно удалился, не дав доктору Карст возможности возразить ему. Всю дорогу к нашему зданию он казался нерасположенным к разговору, так что я тоже молчал. Думаю, что именно в это время у него возникли первые контуры той смелой и жестокой стратегии, которая будет выработана позже, но я уверен, что даже сам Маннинг тогда еще не мог предугадать, к каким неизбежным последствиям приведут нас несколько дохлых рыб. Иначе он никогда не отдал бы приказ об изменении направления исследований.

Нет, в это я, пожалуй, не верю. Он безусловно пошел бы вперед, зная, что если не он, то это все равно сделает кто-то другой. Он принял бы на себя ответственность, с горечью сознавая, какая тяжесть ложится на его плечи. 1944 год, казалось, завершался без особо ярких событий. Карст получила свое новейшее оборудование и столько дополнительных средств, что ее отдел стал самым крупным во всей лаборатории. Исследования в области взрывчатых веществ были сокращены после совещания Маннинга и Ридпата; я застал только самый его конец,— мысль сводилась к тому, что в данный момент нет никакой вероятности использовать взрывную силу урана 235. Как источник энергии — да, конечно, но в отдаленном будущем, когда у нас появится возможность решить исключительно хитрую проблему управления ядерной реакцией. И даже тогда, похоже, это будет не источник для приведения в действие двигателей ракет или автомобилей, а скорее основа для строительства мощных электростанций, по меньшей мере, столь же крупных, как Болдер-Дам.

После этого совещания Ридпат стал кем-то вроде соруководителя в отделе доктора Карст, а оборудование, ранее пред-

назначенное для изучения взрывчатых веществ, было частично заменено и приспособлено для выполнения программы исследований в области получения смертельно опасных искусственных радиоактивных элементов. Маннинг содействовал разделению труда между обоими руководителями, и Карст занялась преимущественно своей прежней проблемой, то есть разработкой методов получения искусственных радиоактивных веществ с заранее заданными параметрами. Надеюсь, она была полностью удовлетворена, нацеливая свой, так сказать, «одноколейный» ум для решения столь глубоко интересующих ее вопросов. До сего дня не знаю, сочли ли Маннинг и Ридпат нужным ставить ее в известность о той цели, к которой они в конечном счете стремились.

Фактически я тогда сам был слишком занят, чтобы думать об этом. Подходило время выборов в конгресс, и я был загружен обеспечением Маннингу большинства голосов избирателей, чтоб он мог вернуться к политической жизни, когда минует нынешняя экстремальная ситуация. Его это не очень интересовало, но он согласился, чтоб его имя было внесено в списки на переизбрание. Я старался издалека выработать методы руководства избирательной кампанией и ругался последними словами из-за того, что не могу быть на месте, чтобы разрешать кучу мелких проблем по мере их возникновения.

Я ограничился наилучшим паллиативом, установив отдельную линию связи, позволявшую председателю избирательного комитета связываться со мной в любое время. Не думаю, что этим я нарушал закон Хэтча, но все же, конечно, немного перегнул палку. Хотя в конце концов все обошлось: Маннинга в этом году снова избрали в конгресс наряду с другими депутатами от военного сообщества. Была сделана попытка замарать его честь сплетней, что он якобы получает два жалованья за одну работу, но мы парировали это обвинение, выпустив памфлет под названием «Стыдитесь!», который разъяснил, что Маннинг получает одно жалованье за две разные работы. В таких случаях действует федеральный закон, и народу следует знать об этом.

Как раз перед Рождеством Маннинг впервые поделился со мной тем, насколько беспокоят его кое-какие возможные последствия технологии Карст—Обри. Он вызвал меня в кабинет по какому-то вопросу, не относящемуся к этому делу, а потом почему-то медлил отпускать. Я видел, что ему надо выговориться.

— Каким количеством «пыли» К-О мы располагаем? — спросил он неожиданно.

— Что-то вроде десяти тысяч единиц,— ответил я.— Если надо, я через полминуты дам вам точную справку.

«Единица» — количество, достаточное для уничтожения тысячи человек при нормальной плотности расселения. Маннинг, конечно, знал все цифры не хуже меня, и я понимал, что он просто тянет резину.

Лаборатория почти незаметно перешла от осуществления чисто исследовательских функций к промышленному производству, что произошло исключительно по инициативе самого Маннинга и под его руководством. Маннинг ни разу не докладывал об этом в министерство, хотя я не исключаю, что устно он поставил в известность начальника штаба.

— Не стоит,— ответил он на мое предложение, а затем добавил: — Ты видел этих лошадей?

— Да,— ответил я коротко.

Говорить на эту тему настроения не было. Я люблю лошадей. Мы реквизировали шесть совершенно разбитых кляч, предназначавшихся для живодерни, и использовали их в качестве подопытных животных. Теперь мы знали, на что способна эта «пыль». После гибели лошадей, любая часть их тела вызывала потемнение фотографических пластинок, а ткань, взятая с верхушек легких и бронхов, светилась сама по себе.

Маннинг минуту или две постоял у окна, глядя на печальный мэрилендский пейзаж, прежде чем ответить мне.

— Джон, как бы я хотел, чтоб радиоактивность не была открыта! Понимаешь ли ты, что это за дьявольская штуковина?

— Ну что ж,— сказал я,— это оружие вроде отравляющих газов... только, пожалуй, более эффективное.

— Черта с два! — выкрикнул он, и на мгновение показалось, что он злится на меня лично.— Это все равно что сравнивать шестнадцатидюймовую пушку с луком и стрелами. Мы впервые в мире получили оружие, против которого нет защиты, абсолютно никакой. Это сама смерть, доставленная наложенным платежом. Ты видел доклад Ридпата? — продолжал он.

Я не видел. Ридпат подавал свои доклады лично Маннингу в единственном рукописном экземпляре.

— Так вот,— сказал он,— с тех самых пор как мы стали производить эту дрянь, я бросил всех относительно свободных талантливых ученых на проблему защиты от радиоактивной пыли. Ридпат говорит, и я с ним согласен, что если она будет применена, то решительно никакие средства борьбы с ней не помогут.

— Ну а что с защитными «доспехами»? — спросил я.

— Конечно, конечно,— ответил он раздраженно.— Они срабатывают, но только в том случае, если ты никогда не будешь их снимать, чтоб поесть, или попить, или еще по какой-нибудь надобности до тех пор, пока радиоактивность не исчезнет сама по себе или ты не уберешься из зараженной зоны подальше. Все эти штуки годятся только для работы в лабораторных условиях. А я говорю о войне.

Я задумался.

— Все равно не вижу причин для беспокойства, полковник. Если эта пыль так эффективна, как вы говорите, значит, вы добились того, к чему стремились с самого начала — получили оружие, которое обеспечит Соединенным Штатам защиту от любой агрессии.

Маннинг круто повернулся ко мне.

— Джон, бывают минуты, когда мне кажется, что ты абсолютный болван.

Я не стал отвечать. Я знал Маннинга и знал, что иногда на его настроение не следует обращать внимания. Тот факт, что он позволил мне стать свидетелем своих истинных чувств, следовало рассматривать как наивысший комплимент, когда-либо мной полученный.

— Посмотри на дело с другой точки зрения,— продолжал он уже более спокойно.— Эта пыль как оружие вовсе не является чем-то гарантирующим Соединенным Штатам безопасность, скорее уж это заряженный пистолет, приставленный к виску каждого мужчины, женщины и ребенка в мире!

— Ну,— сказал я,— и что же? Это наш секрет и, значит, командуем парадом мы. Соединенные Штаты могут остановить и эту войну, и любую другую. Мы можем объявить Pax Americana и силой навязать его кому захотим.

— Хм-м-м... твоими устами да — мед бы пить. Только такое открытие недолго сможет оставаться единоличным секретом. На это никак нельзя рассчитывать. И тут дело не в том, чтобы хранить тайну пуще зеницы ока; ведь все, что нужно кому-то — это всего лишь намек, содержащийся в самой «пыли», а потом уж вопрос времени — когда именно и какая именно держава начнет производить ее промышленным путем. Работу мозга остановить нельзя, Джон; повторное открытие методики производства «пыли» логически неизбежно, как только люди узнают, что именно им следует мекать. Уран — элемент широко известный, его залежи имеются во многих частях земного шара — не забывай об этом! Дело обстоит так: как только наша тайна перестанет быть тайной, а это случится, как только мы пустим «пыль» в ход, весь мир уподобится комнате, битком набитой мужиками, каждый из которых вооружен пистолетом сорок пятого калибра. Бежать из этой комнаты некуда, и жизнь каждого зависит исключительно от доброй воли остальных и еще от того, желают ли они оставаться в живых. Все готовы к нападению, и ни у кого нет от него защиты. Теперь понимаешь, что я имею в виду?

Я пораскинул мозгами, но уяснил, видимо, далеко не все сложности складывающейся ситуации. Мне казалось, что единственный выход заключается в том, что мы насильно установим мир, а также присвоим себе контроль над источниками снабжения ураном. Во мне глубоко сидело свойственное всем американцам убеждение, что наша страна никогда не воспользуется своим могуществом просто ради агрессии

как таковой. Позже я вспомнил о войне с Мексикой, об испано-американской войне, а также о кое-каких наших авантюрах в Центральной Америке, и моя уверенность изрядно поколебалась...

Двумя неделями позже, сразу же после инаугурации, Маннинг приказал мне соединить его с начальником штаба. Я слышал только то, что говорил сам Маннинг.

— Нет, генерал, не могу,— говорил Маннинг,— я не стану обсуждать этот вопрос ни с вами, ни с госсекретарем. Это проблема, которую должен будет решать сам главнокомандующий. Если он не согласится, то необходимо, чтобы никто и никогда не узнал о ней. Это мое глубочайшее убеждение. Что такое? Я согласился принять назначение на мой нынешний пост только при условии, что мои руки будут развязаны, так что вам придется дать мне определенную свободу действий и в данном случае... Пожалуйста, не пытайтесь разыгрывать передо мной роль важной персоны, я вас знал еще курсантом военного училища... О'кей, о'кей, извините! Если военный министр не пожелает внять голосу разума, скажите ему, что я завтра же пересяду обратно в свое кресло в палате представителей... и получу нужную мне привилегию из рук лидера парламентского большинства... Ладно. Пока.

Вашингтон оказался на проводе примерно час спустя. Теперь это был военный министр. На этот раз Маннинг преимущественно слушал и помалкивал. Только в конце разговора он сказал:

— Все, что мне нужно — это тридцатиминутный разговор с глазу на глаз с президентом. Если разговора не получится, значит, не будет и никакого ущерба. Если же мне удастся уговорить его, тогда вы будете ознакомлены со всеми деталями... нет, сэр, я не хочу, чтобы вы снимали с себя ответственность. Я хочу принести пользу... Прекрасно! Благодарю вас, господин министр.

В конце дня позвонили из Белого дома и назначили время аудиенции... На следующий день мы отправились в федеральный округ. Добираться пришлось под омерзительным ледяным

дождем, который в любой момент мог обернуться гололедом. Скверная погода делала обычные пробки на улицах Вашингтона еще более частыми и продолжительными. Мы чуть не опоздали. Я слышал, как Маннинг бормотал себе под нос ругательства, пока мы ползли по Род-Айленд-авеню. Тем не менее, за две минуты до назначенного нам времени мы выбрались из машины у дверей западного крыла Белого дома.

Маннинга ввели в Овальный кабинет почти сразу же, а я остался в одиночестве, стараясь не нервничать и постепенно привыкать к своей новой штатской одежде. После стольких месяцев ношения формы, костюм жал мне повсюду, включая даже те места, где это казалось просто невозможным.

Прошло тридцать минут.

Секретарь президента, ведающий приемом, вошел в кабинет и тут же выскочил оттуда как пробка. Он спешно шмыгнул во внешнюю приемную, и я услышал его голос: «...очень сожалею сенатор, но...» Потом он вернулся, сделал на какой-то бумаге пометку карандашом и передал ее посыльному.

Прошло два часа.

Наконец Маннинг появился в дверях, и секретарь слегка приободрился.

Но полковник, не переступая порога, обратился ко мне:

— Входи, Джон. Президент хочет поглядеть на тебя.

Я чуть не свалился, вылезая из кресла. Маннинг произнес:

— Мистер президент, это капитан Дефриз.

Президент кивнул, я поклонился, не в силах вымолвить ни слова. Он стоял на прикаминном коврике, его красивое лицо было обращено к нам; он здорово смахивал на свой собственный портрет, хотя мне показалось странным, что президент Соединенных Штатов так невысок ростом.

Раньше мне его видеть не приходилось, хотя, конечно, я кое-что знал о нем, в частности, о тех двух годах, когда он был сенатором, а еще раньше — мэром.

Президент сказал:

— Садитесь, Дефриз. Если хотите, курите.

А потом обратился к Маннингу:

— Вы считаете, он справится?

— Думаю, придется рискнуть. Другого выбора у нас нет.

— Вы за него ручаетесь?

— Он возглавлял мою избирательную кампанию.

— Понятно.

Некоторое время президент молчал и, слава богу, я — тоже, хотя чуть не лопался от желания знать, до чего они тут договорились. Наконец президент снова заговорил.

— Полковник Маннинг, я намереваюсь следовать предложенной вами процедуре с теми изменениями, которые мы уже обговорили. Но завтра я приеду к вам, чтобы увидеть собственными глазами, способна ли эта «пыль» производить то действие, которое вы мне обрисовали. Вы успеете подготовить эксперимент?

— Да, мистер президент.

— Хорошо, рассчитываем на капитана Дефриза, если я не придумаю лучшего варианта.

Тут я подумал, что они хотят превратить меня в подопытную морскую свинку, но президент поглядел на меня и продолжал:

— Капитан, я намерен послать вас в Англию в качестве своего личного представителя.

Я подавился слюной.

— Согласен, мистер президент.

Вот и все слова, что я произнес за время своего визита к президенту Соединенных Штатов.

После визита Маннингу пришлось поделиться со мной всеми своими задумками. Я намерен изложить их как можно точнее, даже рискуя показаться скучным и банальным и повторить вещи, которые являются общеизвестными.

Мы владели оружием, которое нельзя было отразить. Любой тип пыли К-О, разбросанный над какой-то территорией, означал, что она станет необитаемой на время, зависящее от длительности периода полураспада данного типа радиации.

Пауза. Точка.

После того как территория опылена, помочь ей ничем нельзя, пока радиоактивность не упадет до уровня, безопасного

для здоровья. Пыль нельзя вымести: она вездесуща. Нет никакого способа противостоять ей — сжечь или заставить войти в химическую реакцию с другим веществом; радиоактивный изотоп оставался таким же радиоактивным и смертельным. Однажды попав на почву, он становился причиной того, что данный участок земли будет не пригоден для любых форм жизни в течение заранее определенного времени. Пользоваться этим оружием бесконечно просто, не требуется никаких сложных бомб, не надо бить по «важным военным объектам». Доставьте пыль на высоту с помощью любого летательного аппарата, выберите позицию где-то поблизости от того района, который вы хотите стерилизовать, и сбрасывайте свой груз. Те, кто находится на зараженной территорий, уже мертвецы — они умрут через час, через день, через неделю, через месяц... в зависимости от дозы облучения. Маннинг сказал мне, что однажды ночью он вполне серьезно размышлял о разработке рекомендации, согласно которой любой человек, включая его самого, знакомый с технологией Карст—Обри, должен быть уничтожен в интересах мировой цивилизации. Правда, на следующий день он понял, что это — сущая чушь: без сомнения, такая простая технология будет обязательно открыта повторно кем-нибудь еще.

Более того, не было смысла выжидать и воздерживаться от применения этого жуткого порошка, ибо кто-то другой непременно улучшит процесс его изготовления и пустит в ход. Единственный шанс не допустить превращения нашего мира в колоссальный морг заключается в том, чтобы мы использовали свое могущество первыми, чтобы оказаться наверху, стать хозяевами положения и удерживать свою позицию достаточно долго.

Формально мы в войне не участвовали, хотя по уши погрязли в ней, бросив свою силу на чашу весов в поддержку демократии еще в 1940 году. Маннинг предложил президенту вручить часть запаса «пыли» Великобритании на выработанных нами условиях и помочь ей таким образом форсировать наступление мира. Но мирные условия будут определены

Соединенными Штатами, так как своего секрета производства «пыли» мы не собирались передавать Великобритании.

Ну а потом — Pax Americana...

У Соединенных Штатов было достаточно сил, чтобы, хочешь не хочешь, установить его. Нам пришлось взять на себя эту роль и навязать миру мир, действуя безжалостно и свирепо, чтобы мир не был захвачен какой-нибудь другой державой. Допустить существование союзников по владению этим оружием было нельзя, фактор времени приобретал решающее значение. Меня выбрали в качестве человека, который будет на месте согласовывать отдельные частности с Великобританией, ибо Маннинг настоял, а президент с ним согласился, что все люди, знакомые с технической стороной процесса Карст—Обри, должны оставаться в лабораторной резервации, так сказать, на положении временно задержанных, а фактически — узников. В их число входил и сам Маннинг. Мне можно было ехать, так как я не обладал знанием тайны — потребовались бы многие годы учебы, чтобы я смог усвоить хотя бы основные принципы открытия; следовательно, и не мог выдать того, что сам не знал, даже под воздействием, скажем, наркотиков. Мы намеривались держать свой секрет под замком столько времени, сколько нужно, чтобы Pax стабилизировался; мы не то чтобы не доверяли своим английским собратьям, но не забывали, что они британцы и их лояльность принадлежит в первую очередь Британской империи, так что ни к чему было подвергать их соблазну. Меня выбрали еще и потому, что я, хотя не понимал науки, понимал политическую подоплеку, а еще потому, что Маннинг мне доверял. Не знаю почему, но президент тоже чувствовал ко мне доверие, возможно, потому, что сама по себе моя задача была не так уж сложна.

Мы взлетели с нового аэродрома в окрестностях Балтимора холодным сырым вечером, весьма подходившим к моему настроению. У меня тоскливо ныл желудок, текло из носа, а в нагрудном кармане застегнутого на все пуговицы кителя были спрятаны бумаги, подтверждающие мой статус специального

представителя президента Соединенных Штатов. Это был удивительный документ, не имевший прецедента в прошлом; он не просто давал мне дипломатический иммунитет, он делал мою особу почти такой же священной, как персона самого президента. Чтобы подзаправиться горючим, мы ненадолго сели в Новой Шотландии, агенты ФБР покинули самолет, мы снова взлетели, и канадские истребители дальнего действия присоседились к нашему самолету. Вся «пыль», которую мы передавали Англии, находилась в моей машине; если бы представителя президента сбили, вместе с ним на дно океана отправилась бы и «пыль».

Нет нужды рассказывать вам о перелете. Меня укачало, я чувствовал себя дико несчастным, несмотря на отличное поведение нашей машины и ее новых шести моторов. Наверняка точно так же себя ощущал бы палач, направляющийся к месту казни; я готов был молиться Богу, чтоб Он снова сделал меня мальчишкой, у которого нет никаких забот, кроме страха перед выступлением в дискуссионном кружке или соревнованиями по легкой атлетике. Когда мы подлетали к Шотландии, я понял, что вокруг нас разыгралось небольшое сражение, но ничего не увидел, так как иллюминаторы салона были плотно зашторены. Наш пилот-капитан игнорировал бой и посадил свою машину на совершенно темный аэродром, пользуясь, я полагаю, лучом радара, хотя точно мне это не известно, да и, откровенно говоря, не очень-то интересовало.

Затем огни снаружи зажглись, и я увидел, что мы находимся в подземном ангаре.

Из самолета я не вышел. Явился командующий, чтобы пригласить меня в свой дом в качестве гостя. Я решительно покачал головой.

— Я останусь тут,— сказал я.— Таков приказ. Вам надлежит рассматривать эту машину как часть территории Соединенных Штатов.

Мне показалось, что командующий готов вспылить, но он все же согласился на компромисс — поужинал со мной на борту.

На следующий день сложилась еще более деликатная ситуация. Я получил распоряжение явиться на королевскую аудиенцию. Но у меня были свои инструкции, и я их твердо придерживался. Я должен был, в буквальном смысле, сидеть на своем грузе «пыли» до тех пор, пока президент не скажет мне, как с ней поступить. Позднее в тот же день меня посетил некий член парламента — никто вслух не признался, что это был премьер-министр. Вместе с ним явился какой-то мистер Виндзор. Говорил преимущественно «член парламента», а я лишь отвечал на его вопросы. Другой гость по большей части молчал, а если и говорил, то медленно и с каким-то усилием. Но о нем у меня сложилось очень благоприятное впечатление. Он показался мне человеком, несущим почти неподъемное для него бремя, но делающего это с гордым мужеством.

А потом начался самый томительный и, казалось, бесконечно долгий период моей жизни. Фактически он продолжался всего лишь немногим больше недели, но каждая ее минута походила на те невероятно насыщенные переживаниями мгновения, которые предшествуют неизбежной автомобильной катастрофе. Президент тянул время, стараясь избежать необходимости применить «пыль». Он провел две телевизионные встречи с новым фюрером. Президент свободно говорил по-немецки, что, казалось, должно было помочь делу. Он трижды обращался ко всем воюющим нациям, хотя сомнительно, чтобы на континенте его услышало много народу, учитывая те полицейские правила, которые там действовали в это время.

Для посла рейха организовали специальный показ результатов применения «пыли». Его прокатили на самолете над безлюдной полосой западной прерии, чтобы он убедился, что сделало единственное опыление со стадом бычков. Это должно было произвести на него впечатление, и полагаю, так оно и случилось — никто не мог бы остаться равнодушным после подобного зрелища; впрочем, какой доклад он отправил своему лидеру, мы так никогда и не узнали.

За этот период ожидания Британские острова неоднократно подвергались налетам вражеских бомбардировщиков,

столь же мощным, как и в течение всей войны. Я находился в безопасности, но о бомбежках слышал и мог убедиться в том, как воздействовали они на моральный дух офицеров, с которыми мне приходилось иметь дело. Нет, бомбардировки их не пугали, напротив, они пробуждали в них ледяную ярость. Налеты нацеливались вовсе не исключительно на заводы и доки, скорее, они носили характер безжалостного уничтожения всего, что попадет под руку, даже мелких сельских поселков.

— Я не понимаю, чего вы, парни, волыните,— жаловался мне командир авиационного «крыла»,— эти фрицы нуждаются только в одном — в солидной дозе своего излюбленного Schrecklichkeit* — урока, использующего все достижения их собственной арийской культуры!

Я покачал головой.

— Мы обязаны руководствоваться собственными правилами игры.

К этой теме командир больше не возвращался, но я хорошо понимал его истинные чувства и чувства его офицеров. У них был традиционный тост, такой же священный, как и тост за здоровье короля,— «Помни о Ковентри». Наш президент потребовал, чтобы во время переговоров королевские ВВС не совершали вылетов на бомбежку, но английские бомбардировщики все равно были завалены работой — континент ночь за ночью буквально заливался дождем листовок, написанных нашими собственными агитаторами и пропагандистами. Листовки, сброшенные во время первых рейдов, призывали граждан рейха положить конец бессмысленной бойне и обещали, что мирные условия не будут для них унизительны. Второй ливень пропагандистских материалов содержал фотографии погибшего стада бычков. Третий же был недвусмысленным предупреждением о необходимости немедленно покинуть города и держаться от них подальше.

По выражению Маннинга, мы трижды крикнули «Остановитесь!», прежде чем выстрелить. Не думаю, чтобы наш

* Schrecklichkeit — Устрашение *(нем.)*

президент считал, будто это сработает, но мы были морально обязаны сделать все от нас зависящее.

Англичане дали мне телевизионную установку типа Симондса—Ярли, исключавшую возможность подслушивания, где сначала, для того чтобы установка вообще заработала, следовало включить прием, а уж тогда особое пусковое устройство само включало передатчик. Такое приспособление впервые в истории обеспечивало полную секретность сугубо важных дипломатических переговоров и было чрезвычайно полезно в кризисных ситуациях. Я привез с собой собственного техника из группы специалистов ФБР, который должен был обеспечить бесперебойную работу триггера и шифратора.

Как-то днем он позвал меня:

— Вашингтон вызывает!

Я устало вылез из самолета и спустился к кабинке, установленной в ангаре, гадая — не есть ли это очередная фальшивая тревога. На экране оказался сам президент. Губы у него были белее мела.

— Приступайте к выполнению полученных вами инструкций, мистер Дефриз.

— Слушаюсь, мистер президент.

Все детали процедуры были разработаны заранее, и, как только я получил от командующего расписку и символическую плату за «пыль», мои обязанности окончились. Но по нашему настоянию англичане пригласили военных наблюдателей от каждой независимой страны и от некоторых временных правительств оккупированных немцами стран. Посол Соединенных Штатов, по предложению Маннинга, сделал одним из этих наблюдателей меня. Наша боевая группа состояла из тринадцати бомбардировщиков. Собственно для доставки к цели потребного количества «пыли» было вполне достаточно одного из них, но «пыль» разделили на небольшие доли, чтобы обеспечить поражение намеченных целей если не всем нашим грузом, то хотя бы большей частью его. Я привез «пыли» на сорок процентов больше, чем, по подсчетам Ридпата, требовалось для осуществления нашей нынешней

миссии, и моя последняя обязанность состояла в том, чтобы удостовериться, что каждый контейнер с «пылью» попал на борт самолетов нашего авиаотряда. До сведения каждого наблюдателя была заранее доведена информация о том, как ничтожно мал вес пыли, которая будет задействована в данной операции.

Мы вылетели как только стемнело, поднялись на высоту двадцать пять тысяч футов, дозаправились в воздухе и поднялись еще выше. Соединение разбилось на тринадцать групп и сквозь разреженную атмосферу устремилось к целям Центральной Европы. Бомбардировщики, на которых мы летели, были, насколько возможно, «раздеты», чтобы обеспечить максимум высоты и быстроты полета. С других английских аэродромов, чуть раньше нас, в воздух поднялись еще несколько авиационных звеньев, чтобы отвлечь от нас внимание противника. Их цели были разбросаны по всей Германии; смысл этих действий заключался в том, чтобы создать в небе рейха переполох и дать нашим самолетам, выполнявшим жизненно важную задачу, возможность полностью избежать обнаружения, так как мы летели к тому же очень высоко — в стратосфере. Все тринадцать бомбардировщиков, несущих груз «пыли», подлетели к Берлину с разных направлений, намереваясь пройти над городом по радиусам, подобно тому, как сходятся спицы в колесе. Ночь была ясной, что отвечало нашим целям, а низкая луна еще более облегчала действия авиации.

Берлин — город, который нетрудно обнаружить, поскольку по площади он превосходит любой другой современный город и расположен на обширной аллювиальной равнине. Я увидел реку Шпрее, как только мы подлетели к ней, увидел и Хафель. Город был затемнен, но городская тьма сильно отличается от темноты сельской местности. Над городом во многих местах уже повисли на парашютах осветительные ракеты, показывая, что королевские ВВС поработали здесь до нас; зенитная артиллерия внизу тоже помогала определить нашу цель. Ниже нас кипело воздушное сражение, но оно, на-

сколько я мог судить, не поднималось выше уровня пятнадцати тысяч футов, то есть высоты, на которой шли мы.

Пилот доложил капитану:

— Мы у цели.

Парень, следивший за показаниями альтиметра, уверенно установил нужную высоту на циферблатах детонаторов, встроенных в контейнеры. Все они были снабжены небольшими зарядами черного пороха, достаточно мощными, чтобы взорвать оболочку контейнера и выпустить в воздух «пыль», когда детонаторы получат соответствующую команду. Такой метод доставки был более эффективен, чем другие. Сама «пыль» дала бы тот же эффект, даже если б ее просто вытряхнули из бумажного пакета, но она не распределилась бы так равномерно по площади города.

Капитан склонился над штурманской консолью, его худое бледное лицо слегка нахмурилось.

— Первый готов! — откликнулся бомбардир.

— Пуск!

— Второй готов!

Капитан взглянул на свои часы.

— Пуск!

— Третий готов.

— Пуск!

Когда последний из десяти небольших контейнеров был сброшен с самолета, мы легли на курс домой.

Никакой подготовки к моему возвращению на родину сделано не было; об этом просто никто не подумал. А ведь именно этого я сейчас желал больше всего в мире. Не то чтобы я себя плохо чувствовал; вернее сказать, я вообще ничего не ощущал. Я был похож на человека, который собрал в кулак все свое мужество и ждал, что ему сделают очень опасную операцию; теперь операция позади, а он из-за перенесенного шока все еще не может вымолвить ни слова, хотя его мозг уже начал работать. И я хотел одного — домой.

Английский командующий отнесся к этому с пониманием; он немедленно подготовил и снабдил командой мой самолет и

дал мне эскорт для перелета через внебереговую зону боев. Весьма дорогостоящий способ отправки единственного пассажира, но кому до этого дело? Мы только что пожертвовали несколькими миллионами жизней в отчаянной попытке прикончить войну, так стоит ли говорить о деньгах? Даже командующий отдавал нужные распоряжения в состоянии некоторой растерянности.

Я принял двойную дозу намбутала и проснулся уже в Канаде. Пока обслуживали корабль, я попробовал получить хоть какую-нибудь информацию, но ее было на удивление мало. Правительство рейха выпустило лишь один официальный информационный бюллетень сразу после нашего рейда. Глумясь над разрекламированным «секретным оружием» британцев, бюллетень сообщал, что главная воздушная атака была нацелена на Берлин и еще на несколько крупных городов Германии, но самолеты были отогнаны и нанесенный ими ущерб ничтожен. Очередной «Лорд Гав-Гав» начал произносить одну из своих исполненных сарказма речей, но так и не смог ее завершить. Диктор заявил, что у «Лорда» сердечный приступ, и запустил пластинку с какой-то патриотической музыкой. Вещание вырубилось на середине песни «Хорст Вессель». Наступила мертвая тишина.

В аэропорту Балтимора мне удалось получить армейский автомобиль и водителя, и мы развили совсем неплохую скорость на магистрали Аннаполис. Даже чуть не проскочили поворот к лаборатории.

Маннинг был у себя в кабинете. Он поглядел на меня, когда я вошел, сказал каким-то бесцветным голосом: «Привет, Джон» — и снова опустил взгляд к исчерканному чернилами блокноту. Потом опять принялся рассеянно выводить какие-то бессмысленные закорючки.

Я внимательно оглядел его и впервые понял, что шеф — старик. У него было серое оплывшее лицо. Глубокие морщины по обеим сторонам рта создавали на лице отчетливый треугольник. Одежда висела на нем, как на вешалке.

Я подошел и положил руку на его плечо.

— Не переживайте, шеф. Это не ваша вина. Мы предупреждали их до хрипоты.

Он снова взглянул на меня.

— Эстелла Карст покончила с собой сегодня утром.

Это мог бы предвидеть любой из нас, но никому не пришло в голову. Почему-то ее смерть поразила меня сильнее, чем гибель бесчисленных незнакомых людей в Берлине.

— Как она умерла?

— От «пыли». Вошла в упаковочную и сняла «доспехи».

Я представил себе ее с высоко поднятой головой и сверкающими глазами и с тем надменно сжатым ртом, который вытягивался в прямую линию, если люди делали нечто, ею не одобряемое. Маленькая старая женщина, у которой дело всей жизни обернулось против нее самой.

— Как жаль,— с трудом выговорил Маннинг,— что мне так и не удалось объяснить ей, почему мы должны были так поступить.

Мы похоронили ее в свинцовом гробу, а потом Маннинг и я отправились в Вашингтон.

Во время пребывания в Вашингтоне нам показали киноленты, запечатлевшие гибель Берлина. Вы их не видели; они так и не стали достоянием публики, но зато оказались весьма полезными для того, чтобы убедить все страны, что мир — совсем неплохая идея. Я видел их, когда они демонстрировались конгрессу,— получил разрешение, поскольку был помощником Маннинга.

Съемки делались двумя пилотами королевских ВВС, которым удалось перехитрить Люфтваффе и прорваться к Берлину. Первые кадры показывали какие-то главные улицы сразу же после того утра, когда состоялся наш рейд. Там, на этих снятых с помощью телеобъектива снимках, было видно не так уж много деталей — просто деловые, кишащие людьми улицы, но если вглядеться повнимательней, то можно заметить неожиданно большое число автомобильных аварий.

На второй день появились попытки эвакуировать город. Центральные кварталы Берлина были практически пусты,

если не считать трупов и разбитых автомобилей, но улицы, ведущие к окраинам, были забиты людьми — преимущественно пешеходами, так как трамваи не ходили. Несчастные жители бежали куда глаза глядят, не зная, что смерть уже гнездится в их собственных телах. Самолет спикировал вниз, и фотограф, с помощью телеобъектива, в течение нескольких секунд показал лицо молодой женщины. Она смотрела в объектив горестным взглядом, который невозможно забыть, а потом споткнулась и рухнула на землю.

Надо думать, ее затоптали. Очень надеюсь, что это так: у одной из тех шести лошадей были точно такие же глаза, когда радиация начала сжигать ее внутренности.

Последняя лента показывала Берлин и дороги в его окрестностях, спустя примерно неделю после рейда. Город был мертв; в нем не было ни единого мужчины, ни женщины, ни ребенка, не было ни кошек, ни собак, ни голубей. Повсюду валялись трупы, но им не грозила опасность быть осквернены ми крысами. Крыс тоже не было.

На дорогах в окрестностях Берлина царило безмолвие. На их обочинах, в кюветах, даже на самом полотне (только в меньшей степени), подобно кучкам золы, выкинутой из паровозных топок, валялись груды тел, бывших когда-то жителями столицы рейха. Впрочем, хватит рассусоливать это зрелище. Что касается меня, то, если у меня и была когда-то душа, я потерял ее в том кинозале, а новой уж так и не удосужился приобрести.

Те два пилота, что сделали эти снимки, вскоре тоже умерли — общее длительное кумулятивное поражение организма «пылью», содержавшейся в воздухе Берлина. Если бы были приняты нужные меры предосторожности, этих смертей могло бы и не быть, но тогда еще сами англичане не были убеждены в необходимости соблюдения наших строгих правил безопасности.

Рейху потребовалась всего одна неделя, чтобы рухнуть. Возможно, дело затянулось бы и на больший срок, да новый фюрер отправился в Берлин на следующий же день после на-

шего рейда, чтобы доказать, что хвастовство англичан совершенно ни на чем не основано. Нет нужды перечислять все временные правительства Германии, которые сменяли друг друга в течение нескольких ближайших месяцев. Единственное, имевшее для нас значение,— это так называемое «реставрационное правительство», оно воспользовалось в качестве символа кузеном бывшего кайзера и запросило мира.

Вот тогда-то и начались наши неприятности.

Когда премьер-министр Великобритании объявил условия своего тайного соглашения с президентом, его заявление в парламенте было встречено молчанием, которое тут же перешло в вопли «Позор! Позор! В отставку!». Полагаю, это было неизбежно: Палата общин отражала дух народа, беспощадно терзаемого вот уже четыре года. Члены парламента посчитали необходимым навязать противнику такой мир, перед которым сам Версальский договор выглядел бы райским блаженством.

Вотум недоверия лишил премьер-министра права выбора. Спустя восемь часов король произнес тронную речь, нарушавшую все конституционные прецеденты, ибо она была написана отнюдь не премьер-министром.

В момент величайшего кризиса за все время его правления, глас короля прозвучал ясно и без всякой аффектации; он сумел внушить парламенту свою идею, и было создано коалиционное национальное правительство. Не берусь утверждать, посмели бы мы опылить Лондон, чтобы навязать ему наши условия, или не посмели; Маннинг полагает, что мы пошли бы на это. Мне кажется, решение зависело бы от характера президента Соединенных Штатов, но достоверно мы этого никогда не узнаем, поскольку принимать решения не пришлось.

Перед Соединенными Штатами и в особенности перед их президентом стояли две неотложные проблемы. Во-первых, нам надлежало немедленно укрепить свое положение, используя временное преимущество, вытекавшее из обладания невероятно грозным оружием, для того чтобы подобное же оружие не смогло быть обращено против нас самих. Во-вторых,

следовало разработать такие меры стабилизации американской внешней политики, которые позволили бы ей успешно справиться с задачей управления тем колоссальным могуществом, которое внезапно свалилось на нас.

Вторая задача была особенно трудной и важной. Если мы хотели установить относительно прочный мир, скажем, лет на сто или около того, используя монополию на столь грозное оружие, что никто даже помыслить не мог, чтобы напасть на нас, то было необходимо, чтобы политика, которую мы станем проводить, была бы куда более долговременной, чем жизнь сменяющих друг друга администраций. Впрочем, подробнее об этом потом...

Первой проблемой надлежало заняться немедленно — тут фактор времени играл решающую роль. Дело в том, что главная опасность проистекала из поразительной простоты самого оружия. Оно не требовало ничего, кроме летательных аппаратов для его доставки к цели и, разумеется, самой «пыли», которую быстро и легко мог получить любой, овладевший секретом процесса Карст—Обри и имевший доступ хотя бы к небольшому запасу урановой руды. А сам процесс Карст—Обри был прост, и какой-нибудь независимый исследователь мог открыть его в любой момент. Маннинг доложил президенту, что по мнению Ридпата, разделяемому самим Маннингом, любая радиационная лаборатория могла разработать сходную технологию за шесть недель, если она воспользуется теми выводами, которые можно сделать на основе берлинских событий, и, следовательно, еще за шесть недель такая лаборатория сумела бы произвести достаточно «пыли», чтобы вызвать самые страшные последствия.

Итак, девяносто дней! Девяносто дней, и это при условии, что работа начнется с нуля, что у них нет разработок, прошедших хотя бы половину пути, ведущего к достижению поставленной цели. Если да, тогда меньше девяноста дней, может быть, даже завтра...

К этому времени Маннинг неофициально уже стал членом кабинета. «Пылевой министр» — так его назвал прези-

дент в одну из своих редких минут хорошего настроения. Что касается меня, то что ж... Я тоже присутствовал на заседаниях кабинета. Поскольку я был единственным непрофессионалом и к тому же свидетелем всего спектакля от начала до конца, то президент хотел, чтоб я всегда был под рукой...

Человек я простой и лишь благодаря стечению совершенно невероятных обстоятельств вдруг оказался засунутым в совет правителей. Но вскоре выяснилось, что правители тоже обыкновенные люди и нередко столь же малокомпетентные, как и я.

А вот Маннинг был человеком необыкновенным. Обычный здравый смысл в нем поднимался до уровня гениальности. О да, я знаю, что сейчас принято взваливать всю вину на него и обзывать его всяческими словами — от предателя до бешеной собаки. Но я и теперь считаю, что он был мудр и благожелателен. И наплевать мне на то, сколько этих историков, крепких задним умом, не согласны со мной.

— Я предлагаю,— сказал Маннинг,— начать с запрещения всем самолетам на земном шаре подниматься в воздух.

Министр торговли высоко поднял брови.

— Не начинаете ли вы,— сказал он,— давать волю своей фантазии, полковник Маннинг?

— Ни в коем случае,— резко возразил Маннинг,— я исхожу из реалистических предпосылок. Ключом к решению нашей проблемы является самолет. Без самолета «пыль» превращается в ничего не стоящее оружие. Единственная возможность, которую я вижу, чтобы выиграть время, необходимое для решения проблемы в целом, это посадить на землю все летательные аппараты и запретить ими пользоваться. Абсолютно все самолеты, то есть, конечно, кроме тех, которые находятся на вооружении армии Соединенных Штатов. После этого мы сможем заняться полным всемирным разоружением и выработкой надежных методов контроля.

— Но послушайте,— возопил министр,— уж не хотите ли вы предложить запретить функционирование коммерческих авиалиний? Это же важнейшая отрасль мировой экономики! Было бы полным идиотизмом пойти на такое!

— Быть убитым — еще больший идиотизм,— упрямо гнул свое Маннинг.— *И я действительно предлагаю эту меру.* Все самолеты. Все!

До сих пор президент внимательно слушал, но в дискуссию не вступал. Теперь же он вмешался:

— А как же те самолеты, от которых зависит сама жизнь некоторых групп населения? Как, к примеру, насчет авиалиний на Аляске?

— Если подобные обстоятельства существуют, самолеты должны быть переданы в эксплуатацию американским военным летчикам и американским военным же экипажам. Без всяких исключений.

Министр торговли выглядел совершенно ошеломленным.

— Могу ли я из этого ответа сделать вывод, что вы намерены распространить подобный запрет не только на другие страны, но и на Соединенные Штаты?

— Естественно.

— Но это же невозможно! Это противоречит конституции! Это нарушает гражданские права!

— Когда человека убивают, его гражданские права тоже нарушаются,— продолжал гнуть свое Маннинг.

— С этим у вас ничего не получится! Любой федеральный суд в нашей стране через пять минут с наслаждением притянет вас к ответу!

— Мне кажется,— медленно начал Маннинг,— что Энди Джефферсон создал нам неплохой прецедент на сей счет, когда посоветовал Джону Маршаллу отправиться подальше и развлечься запуском воздушных змеев.— Он не торопясь обвел глазами лица сидевших за столом, лица, выражение которых варьировалось от нерешительности до явной враждебности.— Проблема необычайно остра, джентльмены, и, пожалуй, нам лучше обсудить ее со всей откровенностью. Перед нами выбор — стать ли нам мертвецами, внешне сохранив порядок, конституционность и соблюдение буквы закона или же сделать то, что должно быть сделано, и остаться в живых, а уж после постараться привести все в соответствие с законами.

Маннинг замолк и спокойно ожидал, что же будет дальше.

Перчатку поднял министр труда.

— Не думаю, что полковник хоть в чем-то исходит из реального положения вещей. Мне кажется, что я тоже вижу эту проблему, и, должен признаться, она представляется мне в высшей степени серьезной. «Пыль» ни под каким видом не должна больше применяться. Если б я узнал о ее существовании хоть немножко раньше, она никогда бы не была использована в Берлине. И я согласен, что какая-то форма международного контроля должна быть обязательно разработана. Но я полностью расхожусь с полковником в вопросе о методах. То, что он предлагает, есть военная диктатура, силой навязанная всему миру. Признайтесь, полковник! Разве не это вы предлагаете?

Маннинг не дрогнул.

— Именно это я и предлагаю.

— Ну, спасибо! Вот теперь все стало ясным! Я, например, не считаю демократические порядки и конституционные процедуры столь маловажными, что способен отбросить их прочь в любой момент, который сочту для этого подходящим. Для меня демократия есть нечто большее, нежели вещь, которую можно выбросить за ненадобностью; для меня это вопрос веры. Либо она спасет меня, либо я вместе с ней пойду на дно.

— И что же вы предлагаете? — спросил президент.

— Чтобы мы рассматривали данную ситуацию как предпосылку создания мирового демократического сообщества! Давайте используем наше нынешнее доминирующее положение и бросим клич всем народам Земли, чтобы они прислали своих представителей на конференцию по выработке Всемирной конституции.

— Лига наций,— услышал я чье-то бормотание.

— Нет,— откликнулся министр на эту реплику,— нет, вовсе не Лига наций. Прежняя Лига была беспомощной, ибо не имела ни опыта, ни сил. Она не обладала механизмом, который позволил бы ей проводить свои решения в жизнь; это был дискуссионный клуб, дешевка. Тут все будет иначе, ведь мы передадим «пыль» в руки нового сообщества.

На несколько минут воцарилось безмолвие. Просто можно было видеть, как они прокручивают эту мысль в своих умах, то сомневаясь, то в чем-то одобряя, заинтригованные, но еще не убежденные.

— Я хотел бы ответить на это,— нарушил молчание Маннинг.

— Валяйте,— разрешил президент.

— Обязательно. Я собираюсь изложить все самым доходчивым языком и надеюсь, министр труда окажет мне честь и поверит, что мной руководит только искренняя и глубокая заинтересованность в деле, а не желание одержать победу в эффектном словесном турнире. Я считаю, что всемирная демократия была бы расчудесной штукой, и прошу вас верить мне, когда я говорю, что с радостью отдал бы свою жизнь ради достижения такой цели. А еще я думаю, как было бы прекрасно, если б лев улегся подремать рядом с ягненком. Только я почти уверен, что единственным восставшим ото сна был бы лев. Если мы хотим попытаться создать мировой демократический порядок, то, боюсь, в этом случае нам уготована роль ягненка. Существует множество прекрасных и добрых людей, которые сейчас по своим взглядам являются интернационалистами. Из каждых десяти таких — девять слегка чокнутые, а десятый — просто олух. Если мы создадим мировую демократию, то на какой избирательный корпус она будет опираться? Давайте проанализируем факты: четыреста миллионов китайцев, у которых такое же представление о процедуре выборов и о гражданской ответственности, как у блохи; триста миллионов индийцев, обладающих в данной области ничуть не большим образовательным уровнем; один бог знает, сколько миллионов в Евразийском Союзе, верящих опять же бог знает во что; весь африканский континент, который вряд ли можно назвать даже полуцивилизованным; восемьдесят миллионов японцев, твердо убежденных в своем божественном праве на руководство миром; наши испано-американские друзья, которые то ли будут с нами, то ли ополчатся против нас, но которые относятся к Биллю о правах со-

вершенно иначе, чем мы; четверть миллиарда человек, принадлежащих к дюжине европейских наций, сердца которых наполняет черная ненависть и жажда мести. Нет, ничего хорошего не выйдет. Нелепо даже говорить о мировой демократии в течение многих и многих лет, ожидающих нас впереди. Если вы откроете тайну радиоактивной «пыли» такой компании, вы вручите миру оружие для самоубийства.

Ларнер ответил ему с ходу:

— Я мог бы опровергнуть многое из сказанного вами, но не стану этого делать. Если говорить прямо, то я вижу, в чем тут дело. Ваша беда, полковник, в том, что вы профессиональный военный и не верите в народ. Солдаты могут приносить пользу в определенных ситуациях, но все равно — худшие из них — тупые солдафоны, а лучшие — почему-то нередко мнят себя прирожденными воспитателями...

Все прочее было выдержано примерно в том же духе.

Маннинг спокойно ждал, когда придет его черед отвечать.

— Может быть, я и есть то самое, о чем вы говорили, но вы ничего не возразили по существу моей аргументации. Что вы собираетесь сделать с сотнями миллионов людей, у которых нет ни демократических традиций, ни любви к демократии? Да, возможно, моя концепция демократии отличается от вашей, но я твердо знаю вот что: здесь, на западе, есть пара сотен тысяч избирателей, пославших меня в конгресс; и я не намерен стоять в стороне и спокойно смотреть, как прокладывается курс, который неизбежно приведет к их гибели или к полному краху. Вот наше вероятное будущее, которое мне видится в случае, если будет реализовано расщепление атомного ядра и начнет развиваться производство смертельно опасных радиоактивных искусственных веществ. Какая-то страна в скором времени создаст у себя запасы радиоактивной «пыли». Она нанесет нам удар первой, чтобы поставить нас на колени и развязать себе руки. В один прекрасный день будут уничтожены Нью-Йорк и Вашингтон, а затем и все наши главные промышленные зоны, и вся страна окажется экономически и политически дезорганизованной. Но в этих городах не будет нашей

армии; у нас сохранится воздушный флот и запас «пыли», спрятанный где-то там, куда не достанет вражеская бомбежка. Наши ребята отважно и с полным правом начнут уничтожать города напавшей на нас страны. Так и будет раскачиваться этот маятник, пока оба государства не ослабнут настолько, что уже не смогут поддерживать тот высокий уровень индустриального развития, который нужен, чтобы строить самолеты и производить «пыль». В результате начнутся голод и эпидемии опаснейших болезней. Детали можете дорисовать сами. А потом в игру вступят другие страны. Конечно, это будет самоубийственная глупость, но, чтобы вступить в драку, больших мозгов не надо. Для этого нужны всего-навсего крохотная группа, рвущаяся к власти, несколько самолетов и маленький запас порошка. Это тот порочный круг, который невозможно разорвать, пока вся планета не опустится ниже того уровня развития экономики, который нужен, чтобы поддерживать технологию, необходимую для своего дальнейшего функционирования. По моим расчетам, такая точка может быть достигнута к тому времени, когда три четверти населения земли уже вымрут от «пыли», болезней и голода, а культура упадет до уровня деревенско-земледельческой. Так где же окажется ваша конституция и ваш Билль о правах, если вы дадите такому свершиться?

Я передаю все это в весьма сокращенном виде, но смысл был именно таков. Считаю безнадежной попытку запоминать каждое слово в этих спорах, длившихся несколько дней.

Следующим за Маннингом принялся дискутировать министр военно-морского флота:

— А вам не кажется, что вы несколько склонны к истерике, полковник? В конце концов, наш мир повидал немало видов вооружения, которые должны были сделать войну неизбежной и такой кровавой, что о ней даже подумать страшно. Отравляющие газы, танки, самолеты, даже, если не ошибаюсь, огнестрельное оружие...

Маннинг криво усмехнулся.

— Вы это тонко подметили, господин министр. «И когда волк действительно пришел, мальчик напрасно звал на помощь». Могу представить себе торговую палату Помпеи, противопоставляющую столь же логичные аргументы какому-нибудь древнему вулканологу, такому осторожному, что он испытывал недоверие даже к Везувию. Попробую доказать оправданность моих опасений. «Пыль» отличается от более ранних видов оружия как своей смертоносностью, так и легкостью применения, но особенно тем, что нам не удалось разработать никаких средств защиты от нее. По ряду веских технических причин я сомневаюсь, что это будет когда-либо сделано; во всяком случае, в нашем столетии это в высшей степени мало вероятно.

— А почему?

— Потому что радиации невозможно противодействовать, если вы не установите между собой и ею свинцовую преграду; к тому же эта преграда должна быть воздухонепроницаемой. Люди смогут выжить только в герметически закрытых подземных городах, но в этих условиях наша специфическая американская культура вряд ли имеет шанс сохраниться.

— Полковник Маннинг,— вступил в разговор государственный секретарь,— мне кажется, вы проглядели весьма очевидную альтернативу.

— Вот как?

— Да. Надо удержать «пыль» в тайне, продолжать идти своим путем и предоставить остальному миру заботиться о своих делах. Это единственная программа, которая опирается на наши национальные традиции.

Государственный секретарь был настоящим джентльменом старой школы, но новые мысли он усваивал с некоторым трудом.

— Мистер секретарь,— почтительно возразил Маннинг,— мне тоже хотелось бы занять позицию невмешательства в чужие дела. Да, я очень хотел бы этого. Но, по твердому убеждению всех экспертов, нам не удастся удержать контроль над

этой тайной, иначе как применяя жесткие полицейские меры. Немцы и раньше чуть ли не наступали нам на пятки в области атомной физики; только по счастливой случайности нам удалось стать первыми. И я прошу вас подумать о Германии, о той Германии, какой она станет год спустя — обладательницей солидного запаса «пыли».

Секретарь ничего не ответил, но я видел, как его губы беззвучно произнесли слово «Берлин».

И все началось по новой. Президент умышленно предоставил Маннингу честь нести на своих плечах основную тяжесть дискуссии, сохраняя весь запас своей спокойной доброжелательности для умиротворения особо ожесточенных противников. Он решил не передавать дело на обсуждение конгресса, так как самолеты-опылители окажутся над нашими головами задолго до того, как все сенаторы успеют высказать свои соображения по данной проблеме. То, что он собирался сделать, возможно, и не вполне соответствовало конституции, но если ему не удалось бы осуществить это, то в скором времени от самой конституции не осталось бы и следа. Тем более что имелись прецеденты — объявление независимости, доктрина Монро, «Луизианская покупка», отмена «хабеас корпус» во время Гражданской войны, соглашение о соотношении морских флотов.

Двадцать второго февраля президент ввел на всей территории страны чрезвычайное положение и отправил «Прокламацию мира» главам всех суверенных государств. Если очистить ее от всякой дипломатической шелухи, то она гласила: Соединенные Штаты обладают возможностью нанести сокрушительное поражение любой державе или любому союзу держав. В соответствии с этим, мы объявляем войну вне закона, и призываем все страны полностью разоружиться. Попросту говоря: «Бросай оружие, ребята! Мы держим вас на мушке».

В приложении формулировалась следующая процедура: все самолеты, способные пересечь Атлантику, должны быть в недельный срок перегнаны на аэродром, точнее, на огромный степной участок, выделенный к западу от Форт-Райли в Кан-

засе. Для машин меньшего радиуса действия в качестве сборных пунктов отводилась территория вблизи Шанхая и в Уэльсе. Меморандум в отношении прочего военного оборудования должен появиться позже. Уран и его руды даже не были упомянуты; это оставлялось «на потом».

И никаких послаблений. Отказ от разоружения будет расцениваться как акт войны против Соединенных Штатов.

В сенате не случилось ни единого апоплексического удара. Почему — понять не могу.

Только три страны были по-настоящему задеты подобным разворотом событий — Англия, Япония и Евразийский Союз. Англия была предупреждена заранее: как-никак мы вытащили ее из войны, которую она уже проигрывала, так что она, а вернее, люди, стоявшие у власти, великолепно знали, что мы можем сделать с ними и что наверняка сделаем в случае необходимости.

Другое дело Япония. Японцы не видели Берлина и даже абсолютно не верили в то, что там действительно что-то произошло. Кроме того, они так долго убеждали друг друга в своей непобедимости, что в конце концов сами полностью уверовали в нее. Слишком крутой и быстрый нажим на японцев не мог дать ожидаемых результатов, так как они скорее умрут, нежели согласятся потерять лицо. Поэтому переговоры с ними велись в исключительно вежливых тонах, но наш флот уже находился на полпути от Перл-Харбор к Кобе, снабженный таким количеством «пыли», чтобы можно было полностью «стерилизовать» шесть самых больших городов страны еще до конца переговоров. А знаете, что сработало лучше всего? До газетчиков так ведь и не дошло, что главным оказалась стилистика текста листовок, которые мы намеривались сбросить, прежде чем приступить к применению «пыли».

Император с удовольствием лично провозгласил наступление Нового Мирового Порядка. По официальной версии, запущенной только для внутреннего употребления, это был результат тесного сотрудничества двух великих дружественных держав, причем инициатива принадлежала самой Японии.

Что касается Евразийского Союза, то он был настоящей загадкой. После неожиданной смерти Сталина в 1941 году, ни одна из стран Запада не знала хорошенько, что же там происходит.

Наши собственные дипломатические отношения с ним почти атрофировались благодаря тому, что нам не удалось заменить там своих дипломатов, отозванных почти четыре года назад. Всем, конечно, было известно, что стоявшая у власти новая клика именовала себя Пятым Интернационалом, но что это означало, никто толком не знал, если исключить отказ от привычки всюду вывешивать портреты Ленина и Сталина.

Но Союз согласился на наши условия и предложил сотрудничество по всем линиям, их руководство подчеркивало, что Союз никогда не принадлежал к числу агрессоров и благодаря этому не принимал участия в последней мировой схватке. Их устраивает, что две оставшиеся великие державы используют свое могущество для обеспечения прочного мира.

Я был в восторге: дело в том, что Евразийский Союз меня всегда очень беспокоил.

Союз спешно обеспечил доставку части своих малых самолетов на сборный пункт вблизи Шанхая. Доклады о количестве и качестве этих машин, видимо, должны были показать, что Союз не без причины не участвовал в войне: самолеты были преимущественно германского производства и в очень плохом состоянии — эти модели Германия сняла с производства еще в самом начале войны.

Маннинг отправился на Запад, чтобы проверить некоторые детали, касавшиеся задачи по выведению из строя самых больших трансокеанских самолетов, сконцентрированных возле Форт-Райли. Мы планировали опрыскать их нефтью, а потом опылить с небольшой высоты, как это делается при обработке полей гербицидами, причем «пыль» должна иметь малую концентрацию и полураспад, равный году. После этого о самолетах можно надолго забыть и на досуге заняться другими делами.

Но тут были свои трудности. Нельзя было допустить, чтобы «пыль» проникла в Канзас-Сити, Линкольн, Уичито, то есть в любой из ближних больших городов. Население маленьких городишек вокруг следовало временно эвакуировать. На всех направлениях нужно было создать опытные станции, которые вели бы тщательное наблюдение за поведением «пыли». Маннинг считал себя персонально ответственным за то, чтобы не допустить ни единого случая облучения среди здешнего населения.

Мы облетели сборочный пункт для самолетов, прежде чем сесть в Форт-Райли. Я увидел три больших аэродромных поля, на которых в спешке велись работы по выравниванию почвы. Посадочные полосы в ярком солнечном свете казались белыми — бетон, затвердевший за двадцать четыре часа, еще не успел загрязниться. Вокруг каждого аэродрома находились десятки парковочных стоянок, где земляные работы велись менее тщательно. На некоторых из них еще продолжали трудиться тракторы и бульдозеры. На самых восточных аэродромах уже разместились германские и английские самолеты, стоявшие тесно крылом к крылу, как стоят только самолеты на взлетных палубах авианосцев; разница была лишь в том, что некоторые машины все еще буксировались на место; крохотные тракторы выглядели с высоты мурашами, которые тащат травинки размером намного больше их самих.

Из Евразийского Союза прибыли только три «летающих крепости». Представители Союза испросили небольшую отсрочку, для того чтобы успеть доставить на свои аэродромы нужное количество высокооктанового топлива. Они заявили, что запасы топлива, способного обеспечить безопасность длительного перелета через Арктику, у них ограничены. Проверить справедливость их утверждений мы не могли, а потому согласились на отсрочку, пока не будет подвезено горючее из Англии.

Мы уже готовились к отлету, Маннинг был вполне удовлетворен мерами обеспечения безопасности, но тут пришла депеша, сообщавшая, что еще до наступления вечера к месту

парковки ожидается прибытие звена евразийских бомбардировщиков. Маннинг захотел дождаться их прилета, и нам пришлось прождать около четырех часов. Когда, наконец, сообщили, что наши истребители встретили евразийские бомбардировщики на канадской границе, Маннинг почему-то вдруг заметно занервничал и заявил, что намерен наблюдать за их посадкой с воздуха. Мы взлетели, набрали высоту и стали ждать.

В звене бомбардировщиков было девять, они шли эшелонированной колонной и были так огромны, что наши крохотные истребители рядом с ними казались почти невидимками. Бомбардировщики сделали круг над аэродромом, и я подивился их гордому достоинству, когда пилот Маннинга — лейтенант Рафферти — вдруг воскликнул:

— Какого черта! Они, кажется, собираются садиться по ветру!

До меня еще ничего не дошло, но Маннинг крикнул второму пилоту:

— Соедини меня с аэродромом!

Тот повозился со своей аппаратурой и объявил:

— Аэродром на линии, сэр.

— Общая тревога! Всем надеть «доспехи»!

Мы, естественно, не слышали сирен, но я видел, как белые плюмажи появились из большого парового свистка на крыше административного здания — три долгих гудка, а потом три коротких. И мне показалось, что почти в то же мгновение выплыло первое облако из евразийского бомбардировщика. Вместо того чтобы приземлиться, бомбардировщики прошли на небольшой высоте над сборным пунктом, забитым машинами со всего земного шара. Каждый эшелон выбрал одну из трех групп стоянок, расположенных вокруг аэродромов, и струи тяжелого коричневого дыма пролились из брюха евразийских кораблей. Я видел, как крохотная фигурка соскочила с трактора и опрометью помчалась к ближайшему зданию. Затем дымовая пелена укрыла все поле.

— Есть ли еще контакт с аэродромом? — спросил Маннинг.

— Да, сэр.

— Переключитесь на главного инженера по безопасности. Быстро!

Штурман включил усилитель, чтобы Маннинг мог разговаривать напрямую.

— Сондерс? Говорит Маннинг. Что у вас происходит?

— Пыль радиоактивна, сэр. Интенсивность семь, запятая, четыре. Они полностью воспроизвели технологию Карст—Обри!

Маннинг отключился и отдал распоряжение аэродромному отделу связи немедленно соединить его с начальником штаба. Последовало истерзавшее нас долгое ожидание, так как сначала нужно было получить Канзас-Сити, а там уговаривать какую-то местную шишку на ровном месте, чтоб она дала распоряжение на время реквизировать междугородную линию, находившуюся в частном коммерческом пользовании. Но все же нам удалось пробиться, и Маннинг доложил обстановку.

Я слышал, как он говорил:

— Вполне вероятно, что другие авиасоединения уже сейчас на подходе к нашей границе... Нью-Йорк и, конечно, Вашингтон... возможно, еще Детройт и Чикаго... остается только гадать...

Начальник штаба закончил разговор без всяких комментариев. Я знал, что американские военно-воздушные силы, уже несколько недель находившиеся в режиме боевой тревоги, через несколько секунд получат приказ и поднимутся в воздух, чтобы встретить и сбить агрессоров, если возможно, еще до того, как те подлетят к намеченным городам.

Я снова оглядел поле боя. Стройный порядок вражеских эшелонов нарушился. Один из евразийских бомбардировщиков был сбит и рухнул на землю в полумиле от аэродрома. Пока я смотрел, один из наших маленьких пикирующих бомбардировщиков с жутким визгом ринулся на евразийского гиганта и обрушил на него бомбы. Они, видно, попали куда надо, но американский летчик позволил себе подойти к цели

слишком близко, не успел отвернуть машину в сторону и погиб даже раньше своей жертвы.

Нет смысла повторять газетную болтовню насчет «Четырехдневной войны». Важно то, что мы могли ее запросто проиграть, если бы не совершенно уникальное сочетание удачи, предусмотрительности и хорошего управления. Очевидно, физики-ядерщики Евразийского Союза продвинулись в своих разработках почти столь же далеко, как и группа Ридпата, а берлинская катастрофа дала им ключ к тому, что надо было делать дальше. Но мы принудили их спешить, заставили предпринять действия еще до того, как они успели подготовиться как следует, заставили своей «Прокламацией мира», которая установила очень жесткие сроки окончательного разоружения.

Если бы президент пошел на то, чтобы дожидаться, пока окончится драка с конгрессом, прежде чем обнародовать свою «Прокламацию», то Соединенные Штаты почти наверняка перестали бы существовать.

Заслуга Маннинга в этом деле никогда не была публично признана, но мне совершенно ясно, что он предвидел возможность чего-то вроде «Четырехдневной войны» и приготовился к ней, разработав с дюжину разных хитрых ходов. Я не имею в виду военные приготовления; этим армия и флот занимались сами. Но то, что конгресс именно в это время оказался распущен на каникулы, отнюдь не было случайностью. Я в какой-то степени сам причастен к торговле голосами и компромиссным сделкам, которые содействовали этому, так что знаю, о чем говорю.

И я спрашиваю вас: неужели полковник стал бы проделывать все эти хитроумные маневры, имевшие целью удалить конгресс из Вашингтона на то время, когда, по его мнению, Вашингтону угрожала опасность атаки, если бы он действительно обладал диктаторскими амбициями? Разумеется, именно президент стоял за этим распоряжением о десятидневных каникулах, которые получили почти все чиновники Вашингтона, и, надо думать, он же лично принял решение о

своей поездке по южным штатам в те же самые дни, но, несомненно, именно Маннинг вложил ему в голову идею о необходимости подобных мер. Невозможно допустить, чтобы президент покинул столицу только для того, чтобы избежать опасности, угрожавшей ему лично.

И еще эта история с паникой из-за чумы. Не знаю, как и когда Маннинг начал действовать в данном направлении — в моих записных книжках об этом нет ни слова, но я просто не могу поверить, что абсолютно ни на чем не основанные слухи насчет эпидемии бубонной чумы могли заставить Нью-Йорк превратиться в полупустыню как раз ко времени налета евразийских бомбардировщиков.

Хотя даже в этом случае мы потеряли более восьмисот тысяч жизней только в одном Манхэттене.

Конечно, вину за потерянные жизни возложили на правительство, и газеты были беспощадны в своей критике его неспособности предвидеть будущее и провести организованно эвакуацию населения вообще всех крупных городов. Но почему, если Маннинг предвидел неприятности, он не потребовал эвакуации?

Что ж, насколько я понимаю, это случилось вот по какой причине.

Большой город не будет эвакуирован и никогда не был эвакуирован с помощью апелляций к разуму. Масштабы эвакуации лондонского населения были, как известно, весьма невелики, а мы сами потерпели неудачу в попытке вызвать массовый исход берлинцев. Жители Нью-Йорка еще в 1940 году пришли к выводу о вероятности воздушных налетов на свой город и с тех пор успели свыкнуться с этой мыслью.

Но страх перед распространившейся опасностью эпидемии чумы вызвал самый массовый исход населения, который когда-либо видели огромные города. И не забывайте о том, что мы сами сделали с Владивостоком, Иркутском и Москвой, а ведь там тоже жили люди, которые ни в чем не виноваты. Война — гнуснейшая штука.

Я уже говорил, что какую-то роль в нашей судьбе сыграла и удача. Навигационная ошибка привела к тому, что один из наших самолетов опылил не Москву, а Рязань, но эта ошибка вывела из строя лабораторию и завод, которые были единственными производителями боевых радиоактивных веществ в Евразийском Союзе. А предположим, что все случилось бы наоборот, что один из евразийских самолетов, атаковавших Вашингтон, округ Колумбия, по ошибке «захватил» бы завод Ридпата, находившийся в сорока пяти милях от столицы — уже в пределах штата Мэриленд?

Конгресс собрался вновь уже во временной столице — Сан-Луисе, и Миротворческая американская экспедиция принялась вырывать клыки у Евразийского Союза. Это не была военная оккупация в полном смысле слова; у нее были две главные цели: обнаружить и опылить все самолеты, все авиационные заводы и аэродромы и отыскать и опылить все радиационные лаборатории, источники получения урана, жилы карнотита и урановой смолки. Никаких попыток изменить состав правительства или заменить его не предпринималось.

Мы прибегли к «пыли» с двухлетним периодом полураспада, что дало нам передышку, достаточную для того, чтобы успеть укрепить свое положение. Информаторам было предложено весьма щедрое вознаграждение, а, как известно, этот прием действует безотказно не только в Евразийском Союзе, но и в подавляющем большинстве других регионов мира.

«Соглядатай» — прибор для вынюхивания радиации, основанный на принципе электроскопии и существенно модернизированный инженерами Ридпата, сильно упростил дело поисков урана и урановых руд. Нужное число «соглядатаев», расположенных так, чтобы они образовывали как бы сетку на подозрительной территории, могло обнаружить даже малое количество урана столь же легко, как локатор обнаруживает тайный передатчик.

Но, несмотря на отменную работу генерала Булфинча и Миротворческой экспедиции в целом, именно ошибочная

бомбежка Рязани помогла завершить указанные выше работы в самые сжатые сроки.

Если кого-то заинтересуют детали миротворческой деятельности, осуществленной в 1945–1946 годах, ему следует обратиться к «Материалам Американского Фонда Социальных Исследований», где опубликована статья, озаглавленная «Результаты проведения американской миротворческой политики с февраля 1945 года». На практике решение проблемы полицейского контроля над вооружениями во всем мире поставило Соединенные Штаты перед еще более важной задачей — задачей усовершенствования политики, способной навсегда исключить переход смертоносного оружия в дурные руки.

Эту задачу сформулировать столь же непросто, как задачу трансформации круга в квадрат, а решить ее и вовсе невозможно. И Маннинг, и президент верили, что Соединенные Штаты, по определению, должны оставаться средоточием могущества на все время, пока не будет создан какой-то постоянный орган, которому можно будет передать эти функции. Вся трудность, конечно, заключалась в том, что внешняя политика находится одновременно под контролем президента и конгресса. На наше счастье в то время мы имели и хорошего президента и адекватный ему конгресс, но ведь не было никакой гарантии, что такое положение сохранится и в будущем. В свое время у нас бывали и никуда негодные президенты, и рвущиеся к власти конгрессмены. О да — были! Почитайте хотя бы историю Мексиканской войны.

Мы стояли на пороге того, чтобы вручить будущим правительствам Соединенных Штатов силу, которая способна превратить весь земной шар в Империю, в нашу Империю. И по трезвой оценке президента, наша весьма специфическая и обожаемая демократическая культура никак не могла бы устоять перед подобным соблазном. Империализм разлагает и угнетателя и угнетаемых. Президент твердо решил, что наша столь внезапно обретенная мощь должна использоваться впредь лишь в самых ограниченных рамках, обеспечивающих

поддержание мира во всем мире, то есть только для самой благородной цели — исключить возможность возникновения новых войн и больше ни для чего. Она не должна была применяться ни для защиты американских инвестиций за рубежом, ни для навязывания выгодных торговых соглашений, словом, ни для чего, кроме сдерживания массовых убийств.

Социология не наука. Возможно, когда-нибудь она и станет наукой, если, например, точная физика породит доскональное знание коллоидной химии, а это, в свою очередь, даст полное понимание биологии, а там уж и дефинитивной психологии. Когда это произойдет, мы, может быть, и начнем разбираться в социологии и политике. Возможно, так оно и случится, но уж никак не раньше пятитысячного года нашей эры, если допустить, что человеческая раса не совершит самоубийства задолго до этого.

А пока нам нужно опираться только на здравый смысл, на правило правой руки, да еще на интуитивное понимание вероятности. Маннинг и президент действовали практически наугад.

Договоры с Великобританией, Германией и Евразийским Союзом, согласно которым мы брали на себя ответственность за поддержание мира во всем мире и в то же время гарантировали право этих народов противиться в случае, если мы совершим серьезные ошибки в применении своих вооруженных сил, были спешно заключены в период расцвета дружелюбия и доверия, наступивший сразу же после окончания «Четырехдневной войны». Мы следовали прецедентам, типа соглашений о Панамском канале, Суэцком канале и о предоставлении независимости Филиппинам.

Подо всем этим скрывалась главная цель — заставить будущие правительства Соединенных Штатов неукоснительно проводить доброжелательную политику по отношению к другим странам.

Для обеспечения действия указанных договоров был принят закон о создании Комитета Мировой Безопасности, после чего полковник Маннинг стал комиссаром Маннингом

с пожизненным пребыванием на этом посту и с поручением подобрать других членов Комитета, каковые обязаны быть несменяемы, неподкупны и свободны от всякого внешнего давления, подобно членам Верховного суда Соединенных Штатов. Поскольку договоры предполагали наличие взаимного доверия, Комитет формировался не обязательно из одних американских граждан, и клятва, которую давали его члены, требовала от них, чтобы они заботились о поддержании мира на земле.

Провести эту статью через конгресс было нелегко. Ведь прежде клятвы такого рода приносились лишь в верности Конституции Соединенных Штатов. И тем не менее Комитет был создан. Он взял на себя заботу об авиационном парке земного шара, провозгласил свой контроль над радиоактивными материалами, естественными и искусственными, и принялся осуществлять весьма непростую задачу по организации Патрульной службы охраны мира. Маннингу патруль виделся как международные полицейские силы, как своего рода полицейская аристократия, которой, благодаря тщательному отбору и специальному обучению, можно будет доверить безграничную власть над жизнью любого человека от мала до велика, проживающего на нашей планете. Ибо власть и мощь патруля будут действительно безграничны, необходимость спасти мир от возможности, что страшное и непобедимое оружие вырвется из-под контроля, аксиоматично требовала, чтобы гаранты безопасности были облечены такой властью, которая, по определению, может считаться почти Божественной. Ведь не будет никого, кто мог бы контролировать или направлять действия этих самодостаточных хранителей. Их личностные характеристики и поголовная слежка друг за другом — вот все, что будет стоять преградой между человеческой расой и ее полным уничтожением.

Впервые в истории высшая политическая сила должна была действовать без механизма корректировки и сбалансирования извне. Маннинг попытался усовершенствовать эту власть, но его не покидало щемящее подсознательное чувство

того, что сделать это не под силу человеческой природе. Состав Комитета пополнялся очень медленно, имена будущих его членов сообщались сенату лишь после долгого обсуждения каждой кандидатуры Маннингом и президентом. Директор Красного Креста, маленький никому не известный историк из Швейцарии и доктор Игорь Римский, который независимо от ученых лаборатории Карст—Обри разработал технологию получения «пыли», а потом уже после «опыления» Москвы обнаруженный американской полицейской службой в тюремной камере — вот эти трое были единственными иностранцами в его составе. Остальные имена вам хорошо известны.

Ридпат и его лаборатория, естественно, превратились в группу технических советников Комитета; из армейских и флотских летчиков набрали первых патрульных. Далеко не все из наличного летного состава годились для этой цели; их биографии подвергались тщательному изучению, их привычки и круг знакомых скрупулезно проверялись, их умственная деятельность, их эмоциональный настрой были протестированы с применением самых современных методов психологического анализа, хоть эти методы сами по себе были не так уж надежны. Окончательное решение о зачислении в патруль зависело от двух личных собеседований — одного с Маннингом, другого — с президентом. Маннинг сказал мне, что больше всего он доверяет президентскому впечатлению о характере будущих патрульных, даже больше чем ассоциативным и прочим проверочным тестам, изобретенным психологами. У него чутье, как у гончей, говорил он, за свои сорок лет работы в сфере практической политики он встречал больше жуликов, чем мы с тобой, вместе взятые, увидим за всю жизнь, и каждый из них пытался ему что-то всучить. Да он их на ощупь в темноте опознает.

План на дальнюю перспективу включал также открытие училищ для подготовки кадетов-патрульных, училищ, куда принимались бы юноши любой расы, любого цвета кожи или национальности, которые после окончания учебы направля-

лись бы охранять мир в любой стране, кроме своей собственной. В родную страну патрульные не могли бы вернуться вплоть до окончания срока службы. Из таких вот людей и предполагалось создать подразделение искусственно лишенных родины янычар, ответственных лишь перед Комитетом и всем Человечеством и спаянных воедино тщательно культивируемым представлением о чести мундира. Такая идея могла сработать. Если бы Маннингу дали еще двадцать лет жизни и деятельности без помех, его оригинальный план можно было бы осуществить. Кандидатура на пост вице-президента на предстоящих выборах получила одобрение в результате политического компромисса. Этот кандидат в вице-президенты, принадлежавший к числу твердокаменных изоляционистов, с самого начала находился в оппозиции к Комитету мира, но выбирать приходилось между ним и расколом в рядах партии, да еще в год, когда оппозиция особенно набрала силу. Президента избрали снова, но число его сторонников в конгрессе явно поубавилось; только право вето дважды спасло от отмены Закон о мире. Вице-президент не делал ничего, чтобы помочь президенту, хотя на публике еще никогда не выступал в роли мятежника.

Маннинг пересмотрел свои планы с целью закончить разработку детальной программы уже к концу 1952 года, поскольку было очень трудно предвидеть, каков будет характер будущей администрации.

Мы оба страшно устали от работы, и я начал понимать, что мое здоровье ушло безвозвратно. Причину не пришлось искать далеко — кинопленка, приложенная к моей коже, темнела уже через двадцать минут. Я страдал от кумулятивного отравления маленькими дозами радиации. Оформившихся раковых опухолей, которые поддавались бы операции, не было, но отмечалась систематическая деградация функций всех органов и тканей. Средства излечения отсутствовали, но зато у меня была работа, которая ждать не могла. Свое состояние я связывал преимущественно с той неделей, которую провел, сидя на контейнерах, сброшенных потом на Берлин.

17-го февраля 1951 года я пропустил срочное телевизионное сообщение о крушении самолета, в котором погиб президент — в это время я валялся больным дома. Маннинг теперь требовал, чтобы я каждый день после обеда отдыхал, хотя от дежурства меня не освобождали. Поэтому я впервые услышал о несчастье от своей секретарши, только когда вернулся в офис, и тут же бросился в кабинет Маннинга. В этом свидании было нечто нереальное. Мне показалось, что мы каким-то образом сместились во времени к тому дню, когда я только что вернулся из Англии, ко дню, когда умерла доктор Карст. Маннинг поднял взгляд.

— Здравствуй, Джон,— сказал он.

И как тогда, я положил ему руку на плечо.

— Не принимайте так близко к сердцу, шеф.

Вот все, что мне удалось из себя выжать. Через сорок восемь часов пришло распоряжение только что приведенного к присяге президента о вызове Маннинга в Белый дом на доклад. Я сам принес ему этот вызов — официальную депешу, которую мне пришлось расшифровать. Маннинг прочел ее с каменным лицом.

— Вы поедете, шеф? — спросил я.

— Что? Ну разумеется.

Я отправился в свой кабинет, чтобы взять цилиндр, перчатки и кейс. Маннинг взглянул на меня, когда я вошел.

— Зря старался, Джон,— сказал он.— Ты не пойдешь.

Думаю, у меня был такой упрямый вид, что ему пришлось добавить:

— Ты не пойдешь, ибо у тебя будет работа тут. Подожди минуту.

Он подошел к сейфу, покрутил диски, открыл дверцу и достал оттуда запечатанный конверт, который швырнул на стол между нами.

— Тут мои распоряжения для тебя. Принимайся за дело.

Он вышел в ту минуту, как только я открыл конверт. Я прочел приказ и принялся за дело. Времени было в обрез.

Новый президент принял Маннинга, стоя в окружении нескольких телохранителей и приближенных. Маннинг уз-

нал сенатора, который возглавлял общественное движение, имевшее целью использовать патруль для возвращения земель, экспроприированных в Южной Америке и Родезии; тот же сенатор был и председателем комиссии по авиации, с которым Маннинг имел несколько абсолютно неудовлетворительных встреч по вопросу о выработке modus operandi* для открытия коммерческих авиалиний.

— Я вижу, вы точны,— произнес президент.— Это хорошо.

Маннинг поклонился.

— Мы можем сразу же перейти к делу,— продолжал глава исполнительной власти.— У нас произойдут некоторые изменения в политике администрации. Я хочу получить ваше заявление об отставке.

— К сожалению, мне придется отказать вам в этом, сэр.

— Ладно, разберемся. А пока, полковник Маннинг, вы освобождаетесь от своих обязанностей.

— Мистер комиссар Маннинг, с вашего разрешения.

Новый президент пожал плечами.

— Хотите так, хотите этак, нам все равно. В любом случае, вы освобождаетесь.

— К сожалению, мне опять придется вам возразить. Мое назначение пожизненное.

— Хватит! — крикнули ему в ответ.— Это Соединенные Штаты Америки! Здесь не может существовать более высокого органа власти! Вы арестованы!

Хорошо представляю себе, как Маннинг после долгого изучения выражения лица президента говорит ему, громко отчеканивая каждое слово:

— Физически вы, конечно, можете меня арестовать, я согласен, но советую все же подождать хотя бы несколько минут,— он подошел к окну.— Поглядите-ка на небо.

Шесть бомбардировщиков Комитета мира кружили над Капитолием.

— Ни один из пилотов не является уроженцем Америки,— продолжал все так же чеканить Маннинг.— Если вы арестуете

---

* modus operandi — Способ действия *(лат.)*

меня, никто из находящихся в этом помещении не доживет до завтрашнего дня.

Позже произошло несколько инцидентов, вроде той неприятной истории в Форт-Беннинге три дня спустя и мятежа в патрульном звене, расквартированном в Лиссабоне, после чего последовали массовые увольнения; но если говорить о практических результатах, то они сводятся к свершившемуся coup d'etat*.

Маннинг стал неоспоримым военным диктатором земного шара.

Может или не может человек, столь ненавистный миру, как Маннинг, воплотить в жизнь идеальную идею того патруля, который виделся ему в мечтах, может ли он сделать эту организацию самовосстанавливающейся и сверхнадежной, я не знаю, а из-за недели, проведенной в подземном английском ангаре, у меня уже не будет времени, чтобы получить ответ на этот вопрос. Сердечное заболевание Маннинга делает будущее еще более непредсказуемым — он может и протянуть еще лет двадцать, а может откинуть копыта уже завтра, и нет никого, кто мог бы занять его место. Все это я пишу для того, чтобы чем-то заполнить то короткое время, которое у меня осталось, а отчасти, чтоб показать — у каждой истории есть две стороны, даже у той, которая касается владычества над миром.

Нет, ни один из возможных вариантов будущего меня не устраивает. Если есть хоть какая-то правда в болтовне насчет жизни-после-смерти, то я очень хотел бы встретиться с тем парнем, что впервые изобрел лук и стрелы; я б с удовольствием разобрал его на части голыми руками. Что же касается меня самого, то я не могу ощущать себя счастливым в мире, где любой человек или любая группа людей могут присвоить себе право миловать или казнить вас, меня, наших соседей, каждого человека, каждое животное, каждое живое существо. Мне не по душе каждый, кто держит в руках такую власть.

И самому Маннингу он тоже не по душе.

---

* coup d'etat — Государственный переворот *(фр.)*.

Для любого из пишущей братии самым дорогим и ценным словом, конечно же, является короткое и круглое англосаксонское NO!!! А одну из особенностей отношения публики к работе прозаика характеризует тот факт, что люди, никогда не ожидающие от таксиста свободного маршрута движения или от рынка свободного набора товаров, без малейшего смущения требуют от профессионального писателя все новых и новых даров его авторучки.

Это нетерпеливое «а ну-ка давай» — повальное заболевание среди фанатов научной фантастики, в острой форме проявляющееся у организованных фанатов НФ и в самой опасной форме — у фанатов-которые-издают-журналы-для-фанатов. Следующая история появилась на свет сразу после продажи моего первого рассказа; то есть возникла в результате того, что я в то время еще не научился говорить NO!

* * *

— Как ты смеешь такое предлагать!

Главный придворный врач упорно стоял на своем.

© С. Трофимов, перевод

— Я бы не осмелился, сир, если бы вашей жизни не грозила опасность.

Кроме доктора Ланса, в отечестве нет другого хирурга, который мог бы сделать пересадку гипофиза.

— А я говорю, оперировать будешь ты!

Медик покачал головой.

— Тогда вы умрете, вождь. Моего искусства недостаточно.

Глава государства стремительно закружил по комнате. Казалось, он вот-вот даст выход одному из тех истерических взрывов гнева, которых так боялись его приближенные. Неожиданно он сдался.

— Приведите его ко мне! — приказал он.

* * *

Сохраняя достоинство — достоинство и присутствие духа, не сломленные в течение трех лет «превентивного заключения»,— доктор Ланс предстал перед вождем. Бледность и истощение выдавали в нем узника концентрационного лагеря; впрочем, люди его расы уже привыкли к притеснениям.

— Я понял,— произнес он.— Да, я понял... Я могу сделать операцию. Каковы условия оплаты?

— Условия оплаты? — возмутился вождь.— Ты еще смеешь говорить об условиях, грязная свинья? Тебе дается возможность хотя бы частично искупить грехи своей расы!

Хирург поднял брови.

— Думаете, я не знаю, что, будь у вас под рукой другой вариант, вы бы никогда не послали за мной? Но вам понадобилась именно моя помощь.

— Ты сделаешь, что тебе скажут! Ты и твой род должны быть счастливы уже тем, что остались живы.

— И все же без гонорара я оперировать не собираюсь.

— А я сказал, тебе еще повезло, что ты жив...— В голосе диктатора чувствовалась неприкрытая угроза.

Ланс молча развел руками в стороны.

— К тому же мне говорили, что у тебя есть семья...

Хирург облизал пересохшие губы. Его Эмми... они могут погубить ее... и маленькую Розу. Но он должен быть мужественным — таким, каким хотела бы его видеть Эмма. И он будет играть по самым высоким ставкам... ради них и только ради них.

— Мертвым им не будет хуже, чем теперь,— твердо ответил он.

Прошло немало времени, прежде чем вождь убедился, что Ланса ему не сломить. Не стоило даже пытаться — хирург впитал мужество вместе с молоком матери.

— Какова твоя цена?

— Разрешение на выезд для меня и моей семьи.

— Скатертью дорога!

— Компенсация за имущество...

— Да подавись им!

— ...выплаченная золотом до операции!

Вождь по привычке хотел возразить, но сдержался. Пусть этот самонадеянный глупец думает что угодно. Вразумить его можно будет и после операции.

— А теперь последнее... операция будет проводиться в зарубежном госпитале.

— Но это нелепо!

— Я настаиваю.

— Так ты не доверяешь мне?

Ланс, не отвечая, смотрел ему прямо в глаза. Вождь ударил доктора — ударил сильно, по губам. Хирург даже не шевельнулся, чтобы избежать удара; он принял его, не изменив выражения лица...

* * *

— И вы действительно согласились на это, Самуэль?

Молодой человек без страха взглянул на доктора и ответил:

— Да, согласился.

— Нет никаких гарантий, что вы оправитесь после операции. Гипофиз вождя поврежден, и ваше молодое тело может не справиться с ним... Вы должны учесть такую возможность.

— Я все понимаю... но тогда я выйду из концлагеря!

— Да. Все верно. Если вы выживете, вас освободят. Я сам буду заботиться о вас, пока вы не будете готовы к путешествию.

Самуэль улыбнулся.

— Да это же просто удовольствие — болеть в стране, где нет концлагерей!

— Тогда все в порядке. Давайте начинать.

Они вернулись к группе людей, которые нетерпеливо, но молча ждали их в другом конце помещения. С точностью до пенни были отсчитаны деньги, которые знаменитый хирург посмел потребовать, несмотря на постановление диктатора о том, что люди его религии не нуждаются в деньгах. Ланс сложил половину золотых монет в широкий пояс и обмотал им талию. Где-то на дородном теле его супруги была укрыта другая половина.

* * *

Через час и двадцать минут Ланс положил на стол последний инструмент, кивнул хирургам-ассистентам и стянул операционные перчатки. Бросив последний взгляд на двух пациентов, он покинул помещение. Скрытые бинтами, оба под стерильными покрывалами, они были неотличимы друг от друга, и неосведомленный человек ни за что бы не разобрал, кто из них диктатор, а кто заключенный. Хотя, если вдуматься, благодаря обмену крошечных желез в жертве сейчас была частица диктатора, а в диктаторе — частица жертвы.

Доктор Ланс вернулся в госпиталь в тот же день к вечеру, после того как устроил жену и дочь в отеле первого класса. Поступок, конечно, не слишком разумный, принимая во внимание их неопределенное положение изгоев и беженцев, но они так давно уже не жили по-человечески там — доктор в мыслях не называл свою страну родиной,— что небольшое безумство им только на пользу.

Вернувшись в госпиталь, доктор осведомился о своем втором пациенте.

Но его здесь нет,— с недоумением ответил дежурный.

— Нет?

— Конечно, нет. Парня увезли домой вместе с Его Величеством — обратно в вашу страну.

Ланс ничего не сказал. Самуэля нагло надули, но помочь бедняге доктор ничем не мог. Он возблагодарил Бога за то, что перед операцией предусмотрительно оградил себя и семью от вероломства диктатора. Хирург простился с дежурным и ушел.

* * *

К вождю возвращалось сознание. В уме все путалось, но он уже вспоминал события, которые предшествовали усыплению. Операция! Значит, она уже прошла! И он жив! Вождь никогда бы не признался в том, как страшил его исход пересадки гипофиза. Но он выжил... он жив!

Глава государства начал нащупывать шнурок колокольчика. Не найдя его, он заставил себя открыть глаза и осмотреться. Что происходит, черт бы их побрал! Как они посмели поместить своего вождя в такую конуру? Он с отвращением разглядывал грязно-белый потолок и голый деревянный пол. А постель! Да это же просто раскладушка!

Он закричал. Кто-то вошел — человек в форме рядового из корпуса его личной охраны. Прежде чем послать солдата под арест, вождю безумно захотелось обругать его. Но диктатора грубо оборвали.

— А ну заткнись, мерзкая свинья!

Вождь онемел от изумления. Потом завизжал как резаный:

— Встань смирно, когда обращаешься к вождю! Честь... отдай мне честь!

Солдат сначала удивился, потом захохотал.

— Может быть, так? — Он подошел к раскладушке и вытянул правую руку в воинском приветствии. В руке была резиновая дубинка.

— Хайль, мой вождь! — проревел солдат и резко опустил руку вниз.

Дубинка раздробила скулу.

Привлеченный шумом, в комнату вошел еще один рядовой. Первый все еще смеялся над своей остротой, тыкая в диктатора пальцем.

— Что за дела, Джон? Знаешь, я бы не стал обходиться так грубо с этой обезьяной: он все еще значится в больничном списке.— Солдат равнодушно осмотрел окровавленное лицо вождя.

— Ты что? Не в курсе? — Первый солдат подошел поближе и что-то прошептал напарнику на ухо.

Второй оскалился в ухмылке.

— Ах вот оно что! Значит, они не хотят, чтобы он поправился? Жаль, я не знал, а то бы уже с утра с ним позабавился...

— Давай позовем Толстяка,— предложил второй.

— Он такой выдумщик по части забав!

— Хорошая идея.— Солдат подошел к двери и крикнул:

— Эй, Толстяк!

И они на самом деле не тронули вождя, пока на помощь не пришел Толстяк.

— Итого, три временных президента,— сказал Лидер — Интересно, сколько их есть еще?

Он вернул клочок папиросной бумаги гонцу, и тот сунул его в рот и стал жевать, как резинку.

Третий пожал плечами:

— Трудно сказать. А меня беспокоит...

Тут его прервал крик пересмешника: «Тойти-тойти-тойти. Тюрлю-тюрлю-тюрлю, перти-перти-перти». Поляна сразу опустела.

— Так я говорил,— шепнул голос третьего в ухо Лидера,— не то важно, сколько их, а вот как нам отличить де Голля от Лаваля? Что ты там видишь?

— Колонна. Остановилась под нами.— Лидер выглянул из кустов и окинул взглядом склон, спускавшийся к берегу реки, прижимая дорогу к самой воде.

Потом дорога уходила влево, пересекая поля и луга долины, и десятью милями дальше достигала пригородов Берклея.

© М. Левин, перевод

Колонна остановилась под ними — восемь грузовиков, а в голове и в хвосте колонны — вездеходы. На замыкающем было установлено расчехленное орудие, готовое к стрельбе. Очевидно, начальник колонны хотел иметь свободу маневра на случай засады.

Из второго грузовика высыпали фигурки в шлемах и собрались около заднего борта. Грузовик стоял на домкрате, и Лидер увидел, что одно колесо снято.

— Влипли?

— Не думаю. Просто привал. Скоро они уедут.— Он подумал, что могло бы быть в грузовиках. Еда, возможно. Рот наполнился слюной. Еще несколько недель тому назад такой случай означал бы хорошую прибавку к рациону, но завоеватели с тех пор поумнели.

Он отбросил бесполезные мысли:

— И не это меня беспокоит, Батя,— вернулся он к оставленной теме.— Мы сможем отличить квислинга от верного американца. Но как отличить мужчину от мальчишки?

— Ты насчет Джо Бенца?

— Может быть. Я много бы дал, чтобы понять, насколько можно доверять Джо. Но я мог иметь в виду и молодого Морри.

— Этому можно верить.

— Наверное. В свои тринадцать он не пьет — и не расколется, даже если ему ноги сожгут. И Кэтлин такая же. Тут не в поле дело и не в возрасте — вот только в чем? А мы должны уметь разбираться в людях.

Внизу зашевелились. Когда колонна остановилась, от нее отделились дозорные согласно существующим на такой случай наставлениям. Теперь двое из них возвращались к колонне, волоча между собой кого-то третьего в штатском.

Пересмешник возбужденно свистнул.

— Это связной,— сказал Лидер.— Дубина тупоголовая, затаиться не мог! Скажи Теду, что мы его видели.

Батя сложил губы трубочкой и свистнул: «Кии-ви, кии-ви, кии-ви, тюрлю!»

Другой пересмешник ответил «тюрлю» и смолк.

— Новая почта понадобится,— сказал Лидер.— Займись, Батя.

— Ладно.

— Это не решение проблемы,— сказал Лидер.— Размер боевых единиц можно уменьшить, чтобы никто не мог выдать многих,— но возьми, например, такую колонию, как наша. Чтобы она действовала, нужно больше дюжины. А это значит, что они все зависимы или что они заваливаются вместе. Получается, что каждый — это заряженный пистолет у виска остальных.

Батя криво улыбнулся:

— Вроде как Объединенные Нации перед Взрывом. Взбодрись, Эд. И нечего сжигать мосты, пока ты через них не перешел.

— Не буду. Смотри, колонна снимается.

Колонна исчезла вдали, и Эд Морган, Лидер, и заместитель его, Батя Картер, встали и потянулись. «Пересмешник» громко и радостно сообщил, что все вокруг чисто и безопасно.

— Скажи Теду, пусть прикроет нас до лагеря,— скомандовал Эд.

Батя засвистел и зачирикал и получил сигнал в ответ. Они пошли в сторону холмов. Все время петляя, они выходили на контрольные точки, откуда могли оглядеть пройденный участок и услышать, что свистнет Тед. Что за Тедом будет хвост, Морган не боялся — он знал, что Тед смог бы выкрасть детеныша из сумки мамы-опоссума. Но привал конвоя мог быть ловушкой — невозможно было проверить, все ли солдаты вернулись в машины. Могли следить и за связным — его подозрительно легко поймали.

Интересно, подумал Морган, что они из него вытащат. Об отряде Моргана он знал мало — только «почтовый ящик», где была встреча, и все.

База группы Моргана была не лучше и не хуже, чем у нескольких тысяч партизанских отрядов сопротивления, рассеянных на той территории, что когда-то называла себя Соединенными Штатами. Двадцатиминутная война застала

врасплох не всех. Зрелище грибов, выросших вдруг над Вашингтоном, Детройтом и сотней других городов, было страшным, но для некоторых — ожидаемым.

Больших приготовлений Морган не делал. Он просто решил, что время как раз подходящее для того, чтобы не терять подвижности и не торчать слишком близко к вероятным целям. Он взял права на разработку заброшенной шахты и начинил ее инструментами, провизией и прочими полезными вещами. У него было только одно желание — просто выжить; и лишь несколько недель спустя после Последнего Воскресенья он понял, что человеку, умеющему предвидеть, не избежать судьбы вожака.

Морган и Батя Картер вошли в шахту по новому стволу через туннель, которого не было на карте, пройдя по голой скале, где даже ищейка не взяла бы след. По туннелю они двигались ползком и смогли поднять головы только в оружейной. Оттуда они вошли в общую комнату колонии, размером десять футов на тридцать и по высоте равной ширине.

Их появление не было неожиданным — иначе бы им не войти живыми. Вмонтированный в туннеле микрофон предварил их появление произнесенным ими паролем. В комнате никого не было, если не считать молодой женщины, хлопотавшей около маленького очага под вытяжкой, и девушки около пишущей машинки рядом с радиоприемником. Сдвинув наушники, она повернулась к вошедшим:

— Привет, босс!

— Привет, Марджи. Что хорошего? — И к другой: — А что на завтрак?

— Суп из топора и новая дырка в поясе.

— Кэтлин, ты меня огорчаешь.

— Тогда — грибы, тушенные в кроличьем жиру. Но их чертовски мало.

— Это уже лучше.

— Лучше скажи своим ребятам смотреть, чего берут. Еще один кролик с туляремией — и еда нас волновать не будет.

— Трудно проследить, Кэт. Ты уж поступай с ними так, как говорит док.— Он повернулся к девушке: — Джерри в верхнем туннеле?

— Да.

— Позови его сюда, ладно?

— Есть, сэр! — Она вытащила лист из машинки, отдала ему вместе с остальными и вышла.

Морган посмотрел сводку. Противник запретил мыльные оперы и поющую рекламу, но нельзя сказать, чтобы радио стало лучше. Очень уж привычно-одинаковой была та пропаганда, что потоком теперь лилась в эфир. Морган просматривал сводку, мечтая хотя бы об одном старомодном, неподцензурном выпуске новостей.

— Вот, смотри! — неожиданно объявил он.— Вот здесь, Батя.

— Прочти вслух, Эд.

Батины очки разбились в Последнее Воскресенье. За тысячу ярдов он мог разглядеть оленя, человека или муху, но читать он уже никогда не сможет.

«Новый центр, 28 апреля. С глубоким прискорбием сообщаем, что Органы Континентальной Координации за Унификацию Мира района Северной Америки объявили о применении санитарных мер к бывшему городу Сент-Джозеф, территория бывшего штата Миссури. Постановлено произвести установку мемориальной стелы на месте расположения бывшего города Сент-Джезеф, как только позволит радиоактивная обстановка. Бывшие жители города, вопреки неоднократным предупреждениям, поддерживали мародерствующие банды поставленных вне закона выродков и способствовали им, предоставляя укрытия в пригородах своей общины. Органы Континентальной Координации выражают надежду, что печальная судьба бывшего города Сент-Джозеф подвигнет местные власти всех общин Северной Америки на принятие необходимых мер к остающимся еще на свободе бандам отбросов общества нашего континента».

Батя поднял бровь:

— Который это уже после их победы?

— Давай посчитаем. Салинас... Колорадо Спрингс... С Сент-Джозефом — шесть.

— Сынок, после Последнего Воскресенья выжило около шестидесяти миллионов американцев. Если так пойдет дальше, за несколько лет нас просто истребят,

— Знаю.— Морган был раздражен.— Нам придется действовать, не привлекая внимания к городам. Слишком много заложников.

Из бокового туннеля вошел невысокий темноволосый человек в грязных джинсах.

— Я вам нужен, босс?

— Да, Джерри. Я хочу вызвать сюда Мак-Кракена. Через два часа, если он успеет.

— Босс, слишком много разговоров по радио. Вы его подставите под пулю, да и нас тоже.

— Я думал, что этот трюк с отражением от скалы нас защищает.

— Хитрость, которую я придумал, кто-нибудь сможет и разгадать. А к тому же у меня аппаратура разобрана. Я ее чинил.

— Долго будет ее наладить?

— От двадцати минут до получаса.

— Так сделай. Может оказаться, что это будет последний случай, когда мы используем радио, разве что при крайней необходимости.

— Понял, босс.

Собрание проходило в общей комнате. По приказу Моргана собрались все, кто мог прийти. Мак-Кракен прибыл, когда Морган уже было решил начать без него. У Мак-Кракена был пропуск на передвижение в сельской местности, поскольку он был ветеринаром. Он держал связь между колонией и ее людьми в Беркли.

— Собрание Роты Свободы Беркли, временной административной единицы Соединенных Штатов, считаю открытым,— формально объявил Морган.— Есть ли у кого-либо

вопрос, который он желал бы представить на рассмотрение Роты?

Он огляделся; ответа не было.

— Ты не хочешь? — спросил он Джо Бенца.— Мне говорили, ты считаешь, что есть вещи, о которых Рота должна знать.

Бенц было заговорил, но остановился и покачал головой:

— Я подожду.

— Не слишком долго,— мягко сказал Морган.— Ладно, у меня есть два момента, которые надо обсудить...

— Три,— поправил Мак-Кракен.— Хорошо, что вы меня позвали.— Он подошел к Моргану и протянул ему большой, многократно сложенный лист бумаги. Морган просмотрел его, сложил и сунул в карман.

— Все сходится,— сказал он Мак-Кракену.— Что говорят в городе?

— Они ждут вестей от вас. Они вас поддерживают — по крайней мере пока.

— Отлично.— Морган повернулся обратно к группе.— Первое — мы сегодня получили сообщение, передаваемое из рук в руки и уже трехнедельной давности, об организации еще одного временного правительства. Курьера схватили прямо у нас перед носом. Может, он струсил, может, был неосторожен — это сейчас к делу не относится. Автор сообщения, достопочтенный Альберт М. Брокман, объявляет себя временным президентом этих Соединенных Штатов согласно преемственности власти, назначает бригадного генерала Дьюи Фентона командующим всеми вооруженными силами, включая силы ополчения — то есть нас,— и призывает всех граждан сплотиться во имя изгнания захватчиков. Все по форме и по правилам. Что будем делать?

— А кто этот достопочтенный Альберт М. Брокман, черт его побери? — спросил кто-то с задних рядов.

— Пытаюсь вспомнить. В письме были перечислены все его должности, включая должность чьего-то секретаря — отсюда, наверное, и «преемственность власти». Но не могу припомнить.

— Я помню,— неожиданно сказал доктор Мак-Кракен.— Я его встречал в бюро разведения домашних животных. Сержант гражданской службы... и канцелярист в душе.

Наступило молчание, которое нарушил Тед:

— Так чего с ним возиться?

Лидер покачал головой:

— Не так все просто, Тед. Нельзя сказать, что он не годится. Наполеон мог бы всю жизнь просидеть в канцелярии, живи он в другое время. А достопочтенный Альберт М. Брокман может быть гением революции под маской чиновника. Не в этом дело. Нам нужно объединение в масштабе нации. И неважно, кто будет называться лидером. Преемственность власти неубедительна, но это единственный способ, чтобы все приняли чье-то лидерство. Малые отряды вроде нашего никогда не отвоюют страны. Нам нужно единство — и вот почему мы не можем игнорировать Брокмана.

— Что меня все время мучает,— со злостью и силой заговорил Мак-Кракен,— так это то, что этого не должно было быть! Мы могли этого не допустить.

— Теперь-то чего полыхать,— ответил Морган.— Сейчас мы видим все ошибки правительства, но я думаю, что оно до последнего пыталось предотвратить войну. Чтобы сохранить мир, нужны усилия всех народов, а развязать войну может в одиночку любой из них.

— Да я же не про это, капитан,— ответил Мак-Кракен.— Я же не говорю, что войну можно было предотвратить. Это можно был сделать — один раз. Но каждый знал, что может случиться другая война, и каждый — каждый, говорю я, знал, что она начнется с бомбардировки американских городов. Каждый конгрессмен, каждый сенатор знал, что в первые минуты войны будет уничтожен Вашингтон, а страна останется без правительства и будет бессмысленно дергаться, как цыпленок с отрубленной головой. Знали — и ничего не сделали!

— А что они могли сделать? Вашингтон нельзя было защитить.

— Что? Да хотя бы составить планы на случай собственной смерти! Они могли принять поправку к Конституции на-

счет альтернативного президента и альтернативного конгресса и потребовать, чтобы альтернативные президент и конгресс не имели права находиться в угрожаемых зонах. Они могли придумать любую схему наследования власти в случае катастрофы. Они могли оборудовать тайные центры управления из бомбоубежищ. Как отец семейства думает о будущем, когда страхует свою жизнь,— точно так же могли подумать и они. А они только курлыкали, как индюки, и позволили, чтобы их убили, не оставив преемников для выполнения своих обязанностей. «Преемственность власти», мать вашу! Это не просто разрушительно, а еще и смешно! Мы были величайшей нацией мира — а кто мы теперь?

— Спокойно, док,— попросил Морган.— Легко предсказывать задним числом.

— Так я же предсказывал и вперед! Я бросил работу в Вашингтоне и занялся сельской практикой еще за пять лет до войны. А конгрессмены что — не могли додуматься?

— Ладно, ты прав. Но мы с тем же успехом можем обсуждать итоги Гражданской войны. Вернемся к нашим делам. Есть мысли насчет Брокмана?

— А что вы предлагаете, босс?

— Я хочу услышать мнения снизу.

— Брось ты эту бодягу, босс,— фыркнул Тед.— Мы тебя выбрали руководить.

— Ладно. Я бы предложил послать человека разведать дорогу к этому Брокману и вынюхать, кто это такой и чем он располагает. Я связался бы с другими группами в нашем штате и за рекой, чтобы добиться согласованных действий. Я бы послал Батю и Морри.

Кэтлин покачала головой:

— Даже с фальшивыми регистрационными картами и разрешениями на передвижения их тут же загребут в Батальоны Восстановления. Пойду я.

— Хрена с два,— отказал Морган.— Тебя тоже схватят, и для кое-чего похуже. Должен идти мужчина.

— Боюсь, что Кэтлин права,— заметил Мак-Кракен.— На восстановление Детройта они набрали двенадцатилетних

мальчишек и стариков-паралитиков. Им все равно, когда те окочурятся от радиации. Это входит в план нашего истребления.

— А в городах все так же плохо?

— Да, как я слышал. Детройт все еще светится, а он был первым.

— Пойду я.— Этот голос, высокий и тонкий, редко слышался на собрании.

— Слушай, мать...— начал Батя Картер.

— Не встревай, Батя. Мужиков и молодых баб загребли бы, а меня никто не тронет. Мне только бумажку, что я иду к внуку, или еще чего-нибудь такого.

Мак-Кракен кивнул:

— Это мы можем.

Морган выдержал паузу и неожиданно объявил:

— Миссис Картер вступит в контакт с Брокманом. Таков приказ. Следующий приказ — о текущих делах. Вы все видели новости насчет Сент-Джозефа — их передали вчера вечером в Беркли. Кроме того, город Беркли постановлено подвергнуть испытанию на способность «местных властей» подавить «банды бесчинствующих уголовников».

По аудитории прошел шумок, но никто ничего не сказал. Большая часть жила когда-то в Беркли, и у всех там были родственники или друзья.

— Я так понимаю, что вы ждете моих слов,— сказал Мак-Кракен.— Мы собрались, как только это получили. Собрались не все — стало трудно собрать хоть сколько-нибудь,— но несогласных не было. Мы на вашей стороне, но просим вас пока действовать немного полегче. Мы предлагаем, чтобы вы ограничили свои экспедиции областью, скажем, не ближе двадцати миль от Беркли и прекратили все убийства, кроме абсолютно необходимых для ухода от ареста. Особенно их выводят из себя убийства — Сент-Джозеф был сожжен после того, как там убили директора округа.

Бенц фыркнул:

— Значит, нам вообще ничего не делать. Все бросить — и помирать с голоду в этих холмах.

— Дай мне закончить, Бенц. Мы не предлагаем дать им нас запугать и поработить навеки. Но случайные рейды не наносят им вреда. Они только дают возможность добыть еду для подполья да еще — удовлетворение от мелкой мести. Мы должны сохранить наши силы, увеличить и организовать их, чтобы потом ударить результативно. Мы не оставим вас голодать. Я организую работу с фермерами, и мы сможем укрыть часть скота от регистрации. Так что мясом мы вас как-то снабдим. И пайками поделимся. Нам сейчас дают тысячу восемьсот калорий на человека, но мы сможем поделиться. С черного рынка тоже что-то добудем. Способы есть.

Бенц презрительно хрюкнул. Морган посмотрел на него:

— Выкладывай, Джо. Что у тебя на уме?

— Сейчас выложу. Это не план, это беспорядочное бегство. Через год мы будем вдвое голоднее и без всяких перспектив — а они за это время хорошо укоренятся и усилятся. Что нам в этом толку?

Морган покачал головой:

— Ты не так понял. Даже если бы нас не вынуждали, мы бы все равно пришли к этой стадии. Роты Свободы должны перестать привлекать внимание. Если мы решим вопрос с едой, то дальше будем вооружаться и наращивать силы. Нам нужна организация и оружие — организация в национальном масштабе — и ножи, пистолеты и гранаты. Эта шахта превратится в фабрику. В Беркли есть люди, которые воспользуются нашим оружием,— но сейчас мы не можем подвергать Беркли смертельному риску. Надо затаиться.

— Эд Морган, ты сам себя дурачишь и это знаешь.

— Почему?

— Почему? Слушай, ты меня уговорил остаться и присоединиться...

— Ты был добровольцем.

— Ладно, добровольцем. На меня подействовало, как ты кипел и брызгал желчью насчет врага, которого мы опрокинем обратно в океан. Ты говорил про Польшу и Францию и

про то, как дрались филиппинцы под игом оккупантов. Я здорово купился на это. Только одного ты мне не сказал.

— Чего же это?

— Что никогда ни одно подполье не освободило своей страны. Их выручали только вторжения извне. А нас никто не собирается выручать.

Наступило молчание. В этих словах было слишком много правды, но об этой правде не позволял себе думать ни один человек из Роты. Нарушил молчание Морри:

— Капитан?

— Говори, Морри.— Морри был бойцом, а потому — гражданином с правом голоса.

— Откуда Джо так хорошо знает, о чем говорит? История не повторяется. Да и к тому же нам могут помочь. Англия, например — или даже Россия.

Бенц фыркнул:

— Слушайте молокососа! Мальчик, Англия так же раздавлена, как и мы, только похуже. И Россия тоже. Пора повзрослеть, мальчик, хватить наяву грезить.

Мальчик посмотрел на него со злостью:

— Откуда ты знаешь? Мы знаем только то, что они нам говорят. А их слишком мало, чтобы держать весь мир, всех и каждого, все время и повсюду. Мы так и не смогли стереть с лица земли племена индейцев. И они нас не сотрут, если мы сами им не дадим. Я тоже историю читал.

Бенц пожал плечами.

— Ладно, о'кей. Давайте все споем «Страна моя, это ты», а потом прочтем вслух Клятву Скаута. Морри будет счастлив.

— Спокойнее, Джо!

— У нас свобода слова, правда ведь? Я что хочу знать: как долго это протянется? Мне надоело конкурировать с койотами за право поедания местных кроликов. Вы знаете, что я хорошо дрался и ходил в рейды. Помните ведь? Меня точно уж не назвать желторотым.

— Ты бывал в нескольких рейдах,— подтвердил Морган

— Отлично. Так вот, я бы тянул эту лямку сколько угодно, если бы у нас был разумный план. Вот почему я спраши-

ваю: «Сколько еще времени это планируется тянуть? Когда выступать? По весне? После Нового года?»

Морган нетерпеливо пожал плечами:

— Откуда мне знать? Это может начаться по весне, а может — через десять лет. Поляки ждали триста лет.

— Вот в этом и дело,— медленно произнес Бенц.— Я думал, ты можешь предложить разумный план. Ждите и вооружайтесь — классная картинка! Самодельные гранаты против атомных бомб. Бросил бы ты лучше себе голову дурить. Мы проиграли! — Он затянул пояс.— Остальные как хотят, а я выхожу из игры.

Морган пожал плечами:

— Я не могу заставить человека драться, если он не хочет. Пойдешь на нестроевую службу. Сдай пистолет и доложи Кэтлин.

— Ты меня не понял, Эд. Я выхожу совсем.

— Это ты не понял, Джо. Из подполья не выходят в отставку.

— Так вы же ничем не рискуете. Я спокойно ухожу и даю себя зарегистрировать как бродягу. На вас всех это никак не скажется. А язык я буду держать за зубами — это уж само собой.

Морган сделал глубокий вдох:

— Джо, я на горьком опыте научился не доверять словам вроде «естественно», «конечно» и «само собой».

— Так вы мне не доверяете?

— Как капитан этой Роты, я не могу позволить себе доверия. Добейся от Роты моего снятия — тогда другое дело, а сейчас действуют мои правила. Ты под арестом, Джо. Сдай револьвер.

Бенц поглядел вокруг, но увидел только ряд бледных суровых лиц. Он потянулся к поясу,

— Левой рукой, Джо!

Но Бенц вдруг отскочил к стенке, внезапно выхватив револьвер.

— Дорогу! — его голос срывался на визг.— Я никого не хочу трогать, только дайте дорогу!

Морган был безоружен. У кого-то из собравшихся мог быть нож, но большинство только что вышло из-за обеденного стола. Носить оружие внутри шахты было не принято.

У Морри была винтовка, поскольку он вернулся из дозора. Пустить ее в ход было трудно из-за тесноты, ноМорган заметил, что парнишка собирается попытаться. И Бенц заметил.

— Брось, Морри! — Морган, не допуская даже мысли о неповиновении, повернулся к остальным.— Пропустите его. Никто ни с места. Иди, Джо.

— Так-то лучше.— Бенц попятился к главному туннелю, к главному входу, скрытому многолетними зарослями бурьяна. Его нетронутый вид был основой всей маскировки, но выбирать не приходилось.

Он попятился в темный проем, не опуская пистолета. Туннель изгибался, и вскоре Бенц скрылся за поворотом.

Как только Бенц исчез, Батя Картер скрылся в другую сторону и тут же появился с чем-то в руках.

— Пригнись! — закричал он и проскочил мимо них следом за Бенцем.

— Батя! — крикнул Морган, но Картера уже не было.

Через секунду по ушам ударил грохот взрыва и поднялась пыль.

Морган встал, отряхнул пыль с одежды и раздраженно сказал:

— Терпеть не могу взрывов в туннелях. Клив, Арт! Посмотрите, что там. Быстро!

— Есть, босс! — они скрылись.

— Остальные — подготовиться к выполнению плана эвакуации. Полного плана, со всей провизией и снаряжением. Джерри, не отсоединяй приемник и линию наблюдения, пока я не скажу. Марджи, поможешь Джерри. Кэтлин, готовься подать на стол все, что нельзя унести. Есть будем сегодня один раз. У приговоренных аппетит хорош.

— Минутку, капитан,— Мак-Кракен тронул его за рукав.— Стоило бы сообщить в Беркли.

— Как только ребята вернутся и доложат. Тебе бы лучше вернуться в город.

— Сомневаюсь. Бенц меня знает. Я думаю, я пока останусь.

— Хм... Ладно, тебе лучше знать. А как твоя семья?

Мак-Кракен пожал плечами:

— Им не будет лучше, если меня возьмут в городе. Я бы хотел, чтобы их предупредили и чтобы они могли при случае ко мне присоединиться.

— Предупредим. Тебе придется дать мне новый контакт.

— Запланировано. Как только придет это сообщение, мой дублер сразу вступит в дело. Его эовут Хебарт — владелец продуктового магазина на Пелэм-стрит.

Морган кивнул.

— Я должен был бы сообразить, что у тебя есть запасной вариант. Хотелось бы только знать...

Его перебил доклад Клива:

— Босс, он ушел.

— Почему не преследовали?

— Кровля обвалилась, когда Батя швырнул гранату. Тунель завалило скалой. Я нашел щель для обзора, но пролезть в нее не смог. Его в туннеле не было.

— Что с Батей?

— Все в порядке. Щелкнуло по голове щебенкой, но ничего серьезного.

Морган остановил двух торопящихся мимо женщин, занятых подготовкой к эвакуации.

— Джин — и вы, миссис Боуэн. Займитесь Батей Картером, а Арту скажите, чтобы быстро шел ко мне. Давайте!

После доклада Арта Морган сказал:

— Вы с Кливом пойдете наружу и найдете Бенца. Будем считать, что он направился в Беркли. Догоните его и, если сможете — приведите обратно. Если нет — убейте его. Ответственный — Арт. Выполняйте.

Он повернулся к Мак-Кракену:

— Насчет сообщения.

Он поискал в кармане бумагу, взял блокнот, который протянул ему Мак-Кракен, оторвал листок и начал писать. Написанное показал Мак-Кракену:

— Годится?

В сообщении Хобарта предупреждали насчет Бенца и просили его по возможности Бенца выследить. Об уходе Роты Свободы Беркли не говорилось, но назначался почтовый ящик для следующей связи — мужской туалет на автобусной станции.

— Насчет почтового ящика лучше выбросить,— посоветовал Мак-Кракен.— Хобарт его и так знает, а мы можем с ним связаться еще кучей других способов. Но я бы попросил его убрать мою семью от греха подальше. Напишите, что нам было прискорбно узнать о кончине тети Дины.

— Этого хватит?

— Вполне.

— Ладно.

Морган изменил текст и позвал:

— Марджи! Зашифруй и дай Джерри отправить. Скажи ему, что это последняя передача. Как только он закончит, может разбивать свои устройства.

— Есть, босс.

Криптографии Марджи не знала. Она использовала жаргон панков, словарь подросткового трепа и тому подобные вещи, которые показались бы бессмыслицей всякому, кроме американского подростка. На другом конце провода была такая же пятнадцатилетняя переводчица, преобразующая эту словесную мешанину в осмысленный текст. Ее старомодные родители посчитали бы это чем-то вроде телепатии, но это работало.

Этой переводчице можно было верить. Вся ее семья, кроме нее, оказалась в Лос-Анджелесе в Последнее Воскресенье.

След Джо Бенца Арт и Клив взяли без труда. На осыпи у главного входа было видно, как он скользил. Следы были ясно видны, потому что с последнего большого дождя здесь никто до него не проходил.

Но след уже двадцать минут как остыл: они вышли из бокового потайного выхода в четверти мили от главного, через который ушел Бенц.

Арт нашел отпечатки, оставленные Бенцом на осыпи, и проследил его путь через опушку с легкостью, достойной ска-

ута степени орла, которым он когда-то был. Бенц не старался замести следы, из чего было ясно, что он хотел выйти кратчайшим путем к шоссе. Двое преследователей гнались за ним с той скоростью, с которой успевали читать следы, жертвуя осторожностью ради быстроты.

Перед выходом на шоссе они осмотрелись.

— Что-нибудь видишь? — спросил Клив.

— Нет.

— Куда он мог пойти?

— Старик сказал, что его надо отсечь от Беркли.

— Верно; а если он вдруг пошел на юг? Когда-то он работал в Викэмптоне и вполне мог туда направиться.

— Босс сказал прикрыть Беркли. Пошли.

Пистолеты пришлось спрятать. С этого момента они могли рассчитывать только на ножи и собственную сообразительность. Вооруженный американец на шоссе привлек бы к себе внимание охраны вернее, чем нудист на дипломатическом приеме.

Главной целью была теперь скорость. Они должны были его догнать или опередить и перехватить.

Девятью милями и двумя с половиной часами позже — сто пятьдесят минут волчьей рыси и времени, потерянного на залегание в придорожных кустах, когда с ревом проносились автоколонны,— они вышли на окраины Беркли. За поворотом, пока еще не видный, находился контрольный пост захватчиков. Здесь и было узкое место; Бенцу было не миновать его, если он шел в Беркли.

— Он впереди или позади? — спросил Клив, выглядывая из кустов.

— Позади, если его не подобрала колонна или он не отрастил крылья. Дадим ему час.

На дороге показался фургон с сеном. Клив присмотрелся. Американцам не разрешалось пользоваться экипажами иначе как под надзором, но этот фермер со своим грузом мог ехать в город по приказу, и тогда ему предстояла только рутинная проверка на посту.

— Мы могли бы спрятаться в сене и поймать его в городе.

— Сначала поймали бы штык под ребро. Не дури.

— Ладно, не кипятись, Эй! Посмотри на это. «Это» было человеческой фигурой, отделившейся от заднего борта фургона, когда тот начал поворачивать за угол; человек перекатился на дальнюю сторону дороги и скрылся из виду.

— Это Джо!

— Ты уверен?

— Точно! Давай за ним!

— Как? — возразил Арт.— Спокойно, друг. Давай за мной.

Они отошли на пару сотен ярдов назад, где можно было незаметно переползти дорогу по дренажной трубе. Там они по другой стороне прошли до того места, где Бенц исчез в зарослях.

Они нашли место, где он был; стебли травы еще не распрямились. Было ясно, куда он направился — к берегу реки, вверх по течению, к городу. На дороге были капли крови.

— Батя промахнулся на волосок,— заметил Клив.

— А жаль.

— Еще одно: он говорил, что хочет сдаться. Я так не думаю, иначе он остался бы в фургоне и явился бы на контрольный пост. Он явно ищет убежища. Кого он знает в Беркли?

— Не знаю. Лучше пойдем дальше.

— Погоди. Если он зацепит сигнал тревоги, они сами его пристрелят вместо нас. Если он пролезет через «окно», мы его потеряем и придется ловить его в городе. В любом случае нет смысла ломиться вперед. Нам придется воспользоваться люком.

Беркли, как и все города, взятые захватчиками, был окружен системой электронного наблюдения. Противник обкорнал город, вгоняя его в систему, взрывая и сжигая все, что мешало созданию непрерывной цепи автоматических часовых. Но остался «люк» — заброшенный и забытый водопровод, проходивший под сигнальным уровнем. Арт о нем знал — он дважды после Последнего Воскресенья бывал в городе.

Они осторожно вернулись к шоссе, пересекли его и направились в холмы. Через тридцать минут они уже были на ули-

цах Беркли в относительной безопасности — надо было только успевать сойти с тротуара при виде встречного оккупанта.

Первый на их пути почтовый ящик — одежный магазин — ничего им не сказал: витрина была пуста. Они пошли на автобусную станцию. Клив изучал объявления для жителей, а тем временем Арт пошел в туалет. Там, на стене, исчерченной всякого рода рисунками и надписями, в основном непристойными, он нашел, что искал — надпись: «Здесь был Киллрой». Ошибочное второе «л» в слове «Килрой» было ключом. Восемнадцать дюймов от него вправо и шесть вверх был адрес: «1745 Спурс — спросить Мэйбл».

Это значило «2856 Пайн» — на квартал дальше, чем «Спурс».

Арт передал адрес Кливу, и они разделились, спеша успеть до комендантского часа, но двигаясь с осторожностью — хотя бы один должен был добраться до цели. Встретились они на заднем дворе указанного в адресе дома. Арт постучал в дверь кухни. Она чуть приоткрылась, и выглянувший человек средних лет им вовсе не обрадовался.

— Ну?

— Мы ищем Мэйбл.

— Здесь таких нет,

— Извините,— сказал Арт.— Мы, наверное, ошиблись.— Он поежился: — Холодновато. Ночи становятся длиннее.

— Когда-нибудь станут и короче,— заметил собеседник.

— Приходится так думать,— закончил Арт. Человек распахнул дверь:

— Заходите. А то вас патруль увидит.— Он отступил назад.— Меня зовут Хобарт. Что у вас случилось?

— Мы ищем человека по имени Бенц. Он мог сегодня проникнуть в город и затаиться где-нибудь.

— Знаю, знаю,— нетерпеливо ответил Хобарт.— Он вошел где-то около часа тому назад и спрятался у одного типа по имени Мойленд.

Во время разговора Хобарт взял из шкафа буханку хлеба, отрезал четыре ломтя, добавил по холодной сосиске и сделал

два сандвича. Он не спросил, хотят ли они есть, а просто дал Арту и Кливу по сандвичу.

— Спасибо, друг. Так он спрятался. Ты что-нибудь предпринял? Его надо заставить молчать, пока не поздно.

— У нас есть подключка к телефонному кабелю. Надо подождать, пока стемнеет. Я не хочу жертвовать хорошими парнями, чтобы заткнуть ему пасть — разве что это нужно позарез.

— Сейчас уже темно, а мы — те самые парни. Так что своих ты можешь отозвать.

— Годится.

Хобарт принялся натягивать ботинки.

— Тебе не надо высовываться,— сказал Арт.— Просто скажи нам, где живет этот Мойленд.

— И подставить вас под нож. Я сам вас проведу.

— А что это за человек, этот Мойленд? Он безопасен?

— Не могу сказать. Он — делец черного рынка, на это ничего не значит. В организацию он не входит, но и против него у нас ничего нет.

Хобарт вывел их к задней изгороди, на темную сторону улицы, через детскую площадку, где они несколько минут пролежали в кустах из-за ложной тревоги, и проскользнул дальше по задворкам и проходным дворам. Он, похоже, чуял противника — больше тревоги не было. Наконец он провел их через дверь погреба частного дома. Они поднялись по лестнице, прошли через комнату, где женщина пеленала ребенка. Она взглянула, но больше никак на их появление не отреагировала. Путь закончился в темной мансарде.

— Эй, Джим! — негромко позвал Хобарт.— Что нового?

Человек, к которому это относилось, лежал, опираясь на локти, и всматривался в ночную темноту через театральный бинокль. Он перекатился на спину, отложив бинокль и сдвинув с головы пару наушников.

— Привет, шеф. Ничего особенного. Бенц, похоже, напивается.

— Я бы хотел знать, куда девался Мойленд,— сказал Хобарт.— Он кому-нибудь звонил?

— Я бы так и лежал, ничего не делая, если бы он звонил? Ему пару раз звонили, но безотносительно к нашему делу, так что я позволил ему говорить.

— Откуда ты знаешь, что безотносительно?

Джим пожал плечами и повернулся обратно к отдушине.

— Мойленд спустил штору,— объявил он.

Арт повернулся к Хобарту:

— Нам некогда ждать. Мы идем туда.

В дом Мойленда Бенц попал не в лучшем виде. Кровоточило плечо, раненное осколком Батиной гранаты. Он перетянул рану платком, но от движений она открылась снова; он дрожал от страха, что его состояние проявит себя раньше, чем он попадет в безопасное место.

Мойленд отозвался из-за двери на его осторожный стук. Бенц, сжавшись, спросил:

— Зак, это ты?

— Я. Кто там?

— Это я — Джо Бенц. Зак, пусти меня — быстро!

Мойленд, казалось, хотел запереть дверь, но вдруг ее распахнул.

— Заходи.

Закрыв за Бенцем дверь и задвинув засов, он спросил:

— Так. А теперь — что случилось? Зачем ко мне пришел?

— Мне где-то надо спрятаться, Зак. Убраться с улицы, пока меня не замели.

Мойленд посмотрел изучающим взглядом:

— Ты не зарегистрирован. Почему?

Бенц не ответил. Мойленд подождал, потом продолжил:

— Ты знаешь, что мне будет за укрывательство беглеца? Ты ведь из подполья?

— Ну что ты, Зак! Я бы не подложил тебе такую свинью. Я просто — просто бродяга. Я собираюсь стать на учет.

— Откуда у тебя кровь на куртке?

— Ну... просто несчастный случай. Может, у тебя найдется пара чистых тряпок и йод.

Мойленд некоторое время смотрел на него без всякого выражения и вдруг улыбнулся:

— Не бойся, все будет путем. Садись. Он отступил к бару и вытащил бутылку бурбона. Налив в чайный стакан на три пальца виски, он протянул его Бенцу.

— Выпей, а я тебя перевяжу. Он вернулся с пригоршней обрывков полотенца и бутылкой.— Сядь спиной к окну и сними рубаху. Вот тебе еще виски. Выпивка тебе понадобится, пока я буду работать.

Бенц нервно дернул головой в сторону окна:

— Почему ты шторы не опустишь?

— Привлечет внимание. Честные люди в наши дни не задергивают шторы. Сиди тихо, сейчас будет больно.

После еще трех порций виски Бенцу стало лучше. Теперь они с Мойлендом сидели за столом и пили, и нервы у Джо постепенно успокоились.

— Ты правильно сделал, что пришел,— сказал Мойленд.— Нет смысла прятаться в нору, как названный кролик, или бодаться с каменной стеной. Глупо это.

Бенц кивнул:

— Я им так и говорил.

— Кому — им?

— Кому? Да никому. Тем ребятам, что встретил на дороге. Бродягам.

Мойленд налил ему еще.

— На самом деле ты был в подполье.

— Я? Не говори глупостей, Зак.

— Слушай, Джо, я не мальчик. И я твой друг. Даже если бы ты мне рассказал, это ничего не изменило бы. Во-первых, у меня нет доказательств. Во-вторых, я симпатизирую подполью — как всякий американец. Я только считаю, что у них негодное руководство и глупая тактика. А то бы я сам к ним примкнул.

— Глупые они — это точно! Здесь ты не ошибешься.

— Так ты там был?

— А? Слушай, не подлавливай меня. Я давал честное слово...

— Остынь! — сказал Мойленд, как бы отмахиваясь.— Не бери в голову. Я ничего не слышал и ничего никому не могу рассказать. Меньше знаешь — дольше живешь.

Он сменил тему.

Жидкости в бутылке постепенно убавлялось, а Мойленд тем временем излагал свой взгляд на события.

— Стыд и позор, что нам пришлось так трудно усваивать свой урок, но реальность такова, что мы фактически стояли на пути прогресса. Когда-то в сорок пятом было время, когда мы могли это сделать сами, да только духу не хватило. Всемирная организация, всемирное правительство. А теперь мы стояли на дороге, вот нас и сровняли с асфальтом. Так должно было случиться, и умный человек мог это предвидеть.

Бенц страшно возмутился, но не сразу нашелся, что сказать.

— Слушай, Зак, так ты хочешь сказать, что тебе это нравится?

— Нравится? Конечно, нет. Но это было необходимо. Если тебе надо будет вырвать зуб, тебе это может не нравиться, но все равно придется. И в любом случае,— продолжил Мойленд,— это не так плохо. Большие города так или иначе были экономически нецелесообразны. Нам бы пришлось самим их взрывать. Можешь назвать это уборкой лома.

Бенц стукнул пустым стаканом:

— Пусть так — но ведь нас превратили в рабов!

— Не так страстно, Джо! — сказал Мойленд, наливая в его стакан.— Ты ведь говоришь абстракциями. Коп на углу мог тебя замести, когда только хотел. Это свобода? И важно ли, с ирландским или каким-нибудь другим акцентом говорит коп? Нет, друг, слишком много чепухи болтают насчет свободы. Свободы нет ни у кого. Ее вообще нет на свете. Есть только различия в привилегиях. Свобода слова? Вот сейчас мы говорим свободно. Или тебе надо обязательно забраться на трибуну? Свобода печати? А ты был владельцем газеты? Не будь фраером. Теперь, когда ты проявил здравый смысл и вернулся, ты увидишь, как мало изменился мир. Чуть больше

порядка и нет страха войны, и это, в общем, все. Девки как давали, так и дают, ушлые ребята загребают монету, а фраерам остаются огрызки.

— Ты прав, Зак,— кивнул Бенц.— Дурак я был.

— Хорошо, что ты понял. Вот, например, те дикари, с которыми ты был. Что у них за свобода? Свобода голодать, свобода спать на холодной земле, свобода быть дичью на охоте.

— Так оно и есть,— согласился Бенц.— Ты спал когда-нибудь в шахте, Зак? Холод — это только полдела. Там еще и мокро.

— Воображаю,— поддержал Мойленд.— В Кэйпхартских копях всегда было полно воды.

— Это не в Кэйпхарте, это в Харкн...— Бенц поймал себя на том, что чуть не проговорился,

— В Харкнессе? Это там база?

— Я этого не сказал! Это ты сказал! Ты...

— Спокойно, Джо. Не волнуйся.— Мойленд подошел к окну и опустил шторы.— Ты ничего не сказал.

— Ничего не сказал,— подтвердил Бенц, тупо глядя на стакан.— Слушай, Зак, где бы мне поспать? Что-то мне нехорошо.

— Я устрою тебя на отличном месте.

— Да? Спасибо, покажи где. Я уже падаю.

— Один момент. Тебе придется сначала стать на учет.

— Чего? Слушай, только не сегодня. Я уже никуда не гожусь.

— Боюсь, что все равно придется. Ты видел, как я опустил шторы? Они вот-вот явятся.

Бенц, слегка шатаясь, вскочил:

— Ты меня заманил в ловушку! — и бросился на Мойленда.

Тот отступил на шаг, положил руку на плечо Бенца и толкнул его обратно на стул.

— Сядь, фраер,— ласково сказал он.— Ты ведь не думаешь, что ради тебя и твоих дружков я подставлю себя под атомную бомбу?

Бенц покачал головой и захныкал.

Хобарт проводил их до дома и сказал Арту, уходя:

— Если вернетесь, скажите Мак-Кракену, что тетя Дина почиет в мире.

— Скажу.

— Дайте мне две минуты и входите. Удачи.

Клив остался прикрывать, Арт вошел внутрь. Задняя дверь была заперта, но филенка была стеклянная. Он разбил филенку рукоятью ножа, просунул руку и отпер дверь. Когда Мойленд вышел на шум, он уже вошел.

Арт двинул Мойленда ногой в живот, а когда он согнулся, вонзил нож ему в шею. Убедившись, что он мертв, Арт отправился на поиски той комнаты, где был Бенц, когда опустились шторы.

Именно там он и нашел Бенца. Тот замигал и начал тереть глаза, как бы не в силах поверить тому, что видит. Наконец он выкрикнул:

— Арт! Господи, это ты! До чего же я рад тебя видеть! Давай выбираться отсюда — тут горячо.

Арт стал приближаться с ножом наготове. Бенц посмотрел на него встревоженно:

— Эй, Арт! Это ошибка. Арт, не делай этого. Я ведь...

Первый удар ножа пришелся в солнечное сплетение, а второй — для верности — перерезал ему горло. После этого Арт быстро покинул дом.

Через тридцать пять минут он вышел из внешнего выхода люка. Глотка у него пересохла и горела, а левая рука безжизненно повисла — то ли сломанная, то ли просто раненая.

Клив лежал мертвым в аллее за домом Мойленда. Он хорошо прикрыл отход Арта.

Добираться до шахты Арту пришлось всю ночь и еще часть утра. Весь путь он проделал по холмам; на шоссе, по его мнению, было слишком горячо. Он не рассчитывал застать Роту на месте. Со стороны Моргана было бы разумно, не имея твердой уверенности, что Бенцу заткнули рот, провести эвакуацию. Арт спешил.

Но он не рассчитывал увидеть то, что увидел,— вертолет, барражирующий в окрестностях шахты.

Он остановился оценить обстановку. Он знал, где искать Моргана, если ему с отрядом удалось выбраться. Если они все еще в шахте, то нужно придумать, как им помочь. Ему очень не нравилась собственная беспомощность — в одиночку с ножом и сломанной рукой против вертолета.

Где-то застрекотала сорока. Без особой надежды он передал свой сигнал. Сорока умолкла, и ответил пересмешник — Тед.

Арт просигналил, что будет ждать на месте. Он думал, что хорошо спрятался, и ждал сигнала, когда Тед подберется поближе, но недооценил Теда. Рука на его плечо легла неожиданно. Он повернулся, вытаскивая нож, и чуть не вывихнул плечо.

— Тед, это ты! До чего же рад тебя видеть!

— Взаимно. Ты его нашел?

— Бенца? Нашел, только не знаю, вовремя ли. Где вся кодла?

— Четверть мили к северу от задней двери. Нас пришпилили. Где Клив?

— Клив не вернется. Что значит «пришпилили»?

— Этому хренову вертолету видно то русло, в котором мы сейчас торчим. Батя вывел наших в укрытие, и сейчас они в безопасности, но они не могут двинуться.

— Что значит «Батя вывел?» Где босс?

— Он не в форме, Арт. Получил автоматную пулю в ребра. Его придется подлечить. Кэтлин погибла.

— А, чтоб тебя!

— Именно так. Марджи и Мод Картер взяли ее ребенка на себя. Но главное, из-за чего нас пришпилили — это босс и ребенок.

Вдалеке раздался голос пересмешника,

— Это Батя,— сказал Тед.— Нам надо вернуться.

— А это возможно?

— Конечно. Только держись за мной. А я постараюсь не слишком отрываться.

Арт пошел за Тедом по крутой, а в одном месте почти отвесной тропе. Отряд укрылся под выступом скалы, в углублении, бывшем некогда руслом потока, а теперь сухим. Возле стены лежал на спине Морган, а родом с ним сидели Батя Картер и доктор Мак-Кракен. Арт подошел и доложил об операции. Морган кивнул; лицо у него было серым от боли. Рубашка была разрезана, а вокруг груди намотан толстый слой бинта.

— Хорошо сработал, Арт. Клива жалко. Тед, мы уходим. Вы впереди, потому что ты понесешь ребенка.

— Ребенка? А как...

— Док ему даст снотворное, чтобы он не пискнул. А ты его привяжешь к себе на спину, как папуас.

Тед задумался.

— Пожалуй, лучше на грудь. Там придется кое-где пробираться почти ползком под низкой кровлей.

— Тебе лучше знать.

— Босс, а как вы будете выбираться?

— Не говори глупостей.

— Послушайте, босс, если вы думаете, что я смоюсь и брошу вас вот так, то вы...

— Прекратить разговоры и выполнять! — От резкого крика усилилась боль; Морган закашлялся и вытер рот.

— Есть, сэр! — Арт и Тед вышли.

— Слушай, Эд,— начал Картер...

— И ты заткнись. Ты точно не хочешь стать капитаном?

— Ты сам знаешь, Эд. Они меня слушались, пока я был твоим заместителем, но капитаном они меня не признают.

— Тогда тебе придется, док.

Мак-Кракен встревожился:

— Они меня не знают, капитан.

— Они тебя примут. Ты можешь командовать, и люди это чувствуют.

— Если я стану капитаном, я все равно не позволю тебе остаться здесь одному. Мы дождемся темноты и понесем тебя.

— И попадем под инфракрасный прожектор, как утки на пруду? К тому же до заката может появиться еще один вертолет с подкреплением.

— Они не дадут мне тебя оставить.

— Это твое дело их приструнить. Я ценю твою гуманность, док, но, когда ты станешь капитаном, начнешь мыслить по-другому. Научишься списывать потери.

Мак-Кракен не ответил. Морган повернулся к Картеру:

— Собери их, Батя.

Они столпились плечом к плечу. Морган обвел взглядом ряд встревоженных лиц и улыбнулся.

— Собрание Роты Свободы Беркли, временной административной единицы Соединенных Штатов, считаю открытым,— неожиданно твердо прозвучал голос Моргана.— Я оставляю пост капитана в связи с физической невозможностью выполнять возложенные на меня обязанности. Есть кандидатуры на этот пост?

Тишину нарушали только щебет птиц и жужжание насекомых.

Морган посмотрел в глаза Бате. Тот прочистил горло:

— Предлагаю дока Мак-Кракена.

— Другие предложения есть? — Он выдержал паузу.— Те, кто за дока, прошу поднять правую руку. Так, теперь — кто против? Доктор Мак-Кракен выбран единогласно. Командуйте, капитан. Удачи.

Мак-Кракен встал, пригнувшись под низкой кровлей.

— Начинаем эвакуацию. Мистер Картер, дайте младенцу еще ложку сиропа, потом помогите Теду. Он знает, что делать. Вы пойдете за ним. Потом Джерри, следующая — Марджи. Выйдя из каньона, разделиться и идти по одному. Рандеву на закате согласно плану капитана Моргана — в пещере.— Он остановился.— Так, пока все. Выход по готовности Теда с ребенком. Теперь все свободны, и не толпитесь тут — капитану Моргану нужен воздух.

Они вышли, и Мак-Кракен наклонился к Моргану, который слабым голосом сказал:

— Не думай, что ты меня последний раз видишь, капитан. Я через несколько дней вас, может быть, догоню.

— Может быть. Я тебе оставлю одеяла и достаточно воды рядом. И еще — таблеток, которые могут облегчить тебе жизнь. Принимай по половинке — они рассчитаны на коров.— Доктор усмехнулся.

— Ладно, половину так половину. Слушай, пусть Батя командует эвакуацией — он отличный заместитель, а я хочу тебе сказать пару слов перед уходом.

— Сейчас.— Доктор подозвал Картера, дал ему инструкции и повернулся к Моргану.

— Когда соединишься с отрядом Пауэлла,— прошептал Морган,— первым делом свяжитесь с Брокманом. Лучше всего отправь миссис Картер прямо после разговора с Пауэллом.

— Так и сделаю.

— Это самое для нас важное, док. Нам нужно единство и один план на всех, от океана до океана. Наступит день, когда за каждым из них будет закреплен американец, и в назначенное время — вжжик! — Он провел большим пальцем поперек шеи.

Мак-Кракен кивнул:

— Может быть. И наверняка будет. Только когда?

— Не знаю. И не думаю про это «когда». Два года, пять лет, столетие, быть может. Не в этом дело. Дело в том, осталось в Америке мужество или нет.— Он посмотрел туда, где уже пятый боец отряда ждал сигнала от Картера, который, в свою очередь, ждал сигнала от Арта, следящего из укрытия за вертолетом.— У этих людей осталось.

— В этом я уверен.

Морган добавил:

— Я понял одну вещь: свободного человека нельзя сделать рабом. Единственный, кто может поработить человека,— это он сам. Нет, сэр — свободного человек рабом не сделаешь. Самое большее — его можно убить.

— Нет спору, Эд.

— Факт. Слушай, док, сигареты есть?

— Тебе это не полезно, Эд.

— Но и вреда тоже нет, правда, док?

— Если и есть, то немного.

Мак-Кракен, не задумываясь, отдал последнюю сигарету и смотрел, как затягивается Морган. Паузу прервал Морган:

— Батя тебя ждет, док. Будь.

— Бывай. И не забудь: полтаблетки на прием. Воды пей сколько хочешь, но не сбрасывай одеял, как бы ни было жарко.

— Полтаблетки, понял. Ладно, удачи тебе.

— Тед тебя навестит завтра.

Морган покачал головой:

— Слишком рано. Не раньше чем через пару дней. Мак-Кракен улыбнулся:

— Так я решил, Эд, Ты, главное, лежи закутанный. Удачи,— он отошел в сторону к поджидающему его Картеру.

— Вперед, Батя. Ты первый, я второй. Дай сигнал Арту.

Картер поколебался, но все же спросил:

— Скажите мне прямо, док. В каком он виде?

Мак-Кракен внимательно посмотрел Бате в глаза и негромко произнес:

— Я думаю, у него еще часа два.

— Я с ним останусь.

— Нет, Батя, ты будешь выполнять приказ.

Но при виде глубокого горя, отразившегося в глазах старика, Мак-Кракен добавил:

— За Моргана не беспокойся. Свободный человек может сам о себе позаботиться. А теперь пошли.

— Есть, сэр!

КОММЕНТАРИИ

К ПОВЕСТИ «НЕПРИЯТНАЯ ПРОФЕССИЯ ДЖОНАТАНА ХОГА»

Стр. 9. ...А.И. Суинберн...— Алджернон Чарлз Суинберн (1837–1909), английский поэт.

Стр. 11. ...поднимать на гривенник, имея на руках две пары...— имеется в виду игра в покер. Две пары — довольно удачная комбинация, хотя и не высокая, на которой можно хорошо поднять ставку.

Стр. 32. ...тут хоть леди Годива со своей кобылой...— Леди Годива, жена Леофрика, графа Мерси, лорда Ковентри. В 1040 году оный граф и лорд обложил жителей графства непосильным налогом. Леди Годива умоляла налог отменить, и супруг согласился — при условии, что его жена обнаженной проедет верхом на лошади через весь город. Женщина приняла вызов и выполнила условие — причем, как утверждает записанная в XIII веке Роджером

Вендоверским легенда, горожане при ее приближении, лишь заслышав стук копыт, опускали взгляд.

Стр. 142. ...маленький чопорный Каспар Милкитост...— Каспар Милкитост — герой серии комиксов Х. Т. Вебстера «Робкая душа», в переносном смысле — мягкий, робкий, стеснительный человек.

К РАССКАЗУ «ОНИ»

Стр. 157. ...велю принести тебе эг-ног...— Эг-ног (от слова egg — яйцо, англ.) — напиток из взбитых яиц с сахаром, молоком, вином или фруктами.

К РАССКАЗУ «НАШ ПРЕКРАСНЫЙ ГОРОД»

Стр. 180. ...«Шапка» гласила: «ДЬЮ ВСТУПАЕТ В МАНИЛУ»...— имеются в виду события испано-американской войны 1898 года, в ходе которой США вели военные действия на Кубе и Филиппинах, формально поддержав освободительную борьбу этих колоний против испанского гнета, а на деле произведя оккупацию Кубы. Манила является столицей и главным экономическим центром Филиппин.

К РАССКАЗУ «...И ПОСТРОИЛ ОН СЕБЕ СКРЮЧЕННЫЙ ДОМИШКО...»

Стр. 202. ...Нейтра, Шиндлер?.. Фрэнк Ллойд Райт?..— Фрэнк Ллойд Райт (1869 — 1959), американский архитек-

тор и теоретик архитектуры, основоположник «органической архитектуры», который рассматривал здания в неразрывной связи с окружающим пространством, природной средой. Ричард Йозеф Нейтра (1892–1970) переехал в США в 1923 году и вскоре принес Райту свой проект «идеального американского города». Впоследствии Нейтра создал много зданий, поражающих технологической смелостью и новизной архитектурных решений.

...теорию Пикара–Вессио...— Эмиль Пикар (1856–1941), французский математик, почетный иностранный член Академии наук СССР, известен как последователь профессора Н.И. Лобачевского, создавшего в 1826 году неевклидову геометрию. Теория Пикара—Вессио относится к области исследований по дифференциальным уравнениям Галуа и к строительству отношения не имеют.

Стр. 204. ...больше похоже на кошачью колыбельку...— известная игра, где веревочка, натянутая между пальцами рук, переходит от одного играющего к другому, каждый раз меняя очертания. Хорошо описана в романе курта Воннегута «Колыбель для кошки».

К РАССКАЗУ «ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ТОРГОВАЛ СЛОНАМИ»

Стр. 229. ...Даже Биндльстиф, хоть и не был невидимым...— Биндльстиф (амер. жаргон) — бродяга или странствующий сезонный рабочий, который таскает с собой одеяло в виде скатки.

...бегает на свободе, на Собачьей звезде...— древние римляне называли Сириус Stella canicula, то есть Собачья звезда.

Стр. 232. ...смоляные ямы в Ла-Бри...— одна из достопримечательностей Лос-Анжелеса, смоляные ямы, некогда место раскопок, а ныне часть парка, где выставлены реконструкции доисторических животных в натуральную величину и прочие экспонаты.

...как минимум 6 шт. для Лиги Союза Штатов...— намек на то, что слон является символом республиканской партии.

...прочесть им «Дорогу на Мандалай»...— в произведении Р. Киплинга «Дорога на Мандалай» есть следующие строки: «Посмотрите, как слоны лес сгружают на реке...»

Стр. 235. ...да пребудет с вами мир и благоволение...— лозунг ярмарки перекликается с цитатой из Библии: «На земле мир, и в человецех благоволение».

Стр. 236. ...чудеса Ф. Т. Барнума, Рипли и всех наследников Томаса Эдисона...— знаменитый деятель шоу-бизнеса Финеас Тэйлор Барнум (1810–1891) был основателем самого известно цирка США. Джордж Рипли (1802–1880) — американский религиозный философ, социалист-утопист и общественный деятель. Томас Эдисон (1847–1931) — всемирно известный американский изобретатель и промышленник.

Стр. 241. ...околачиваюсь на бульваре Голливуд, на Вайне, Таймс-сквер или Канал-стрит...— знаменитые улицы разных городов — Лос-Анджелеса, Сан-Франциско, Нью-Йорка и Нового Орлеана.

...мы бы уже «тихо, беззвучно исчезли»...— как исчезал всякий, повстречавший Снарка, если тот оказывался не Снарком, а Буджумом (в поэме Льюиса Кэрролла «Охота на Снарка»).

...чтобы каллиопа карусели не заглушала его...— каллиопа — паровой органчик, музыкальный инструмент с паровыми свистками, который управляется с клавишной панели или при помощи механического устройства наподобие музыкальной шкатулки.

Стр. 242. ...через секцию Небраски, а Ак-Сар-Бен...— Ак-Сар-Бен («Небраска», если прочитать ее наоборот) — ежегодная ярмарка штата. В рассказе упоминаются различные ярмарки, выставки и праздники США.

...попадете в Калаверас — осторожнее там с лягушками!..— в рассказе упоминаются различные ярмарки и праздники США. В Калаверас-Каунти проводятся воспетые еще Марком Твеном состязания скачущих лягушек.

...здесь отмечали Тучный вторник...— Тучный (иногда Жирный) вторник, Марди Гра, католический праздник перед Великим постом, день перед Пепельной средой, во многих странах отмечается с карнавалами и маскарадами и на самом деле празднуется целую неделю.

Стр. 244. ...высокий пожилой Дядя Сэм...— карикатура, ставшая персонификацией США; седой джентльмен с острой бородкой в цилиндре, раскрашенном в цвета американского флага, и жилетке.

...индейская церемония пау-вау...— Пау-вау — церемония заклинания; также собрание племен (слово происходит от титула шамана у индейцев наррагансет (Род-Айленд) — «имеющий видения», в связи с важной ролью шамана в собрании).

...ехал Баффало Билл — Баффало Билл, или Уильям Ф. Коди (1846–1917), герой Гражданской войны в США, с четырнадцати лет служил гонцом только что организованной

почтовой службы «Пони-экспресс». Во время Гражданской войны был разведчиком и проводником армии северян. Известный участник «индейских войн», прозвище получил за то, что прославился как охотник на буйволов, чье мясо он поставлял для строителей железной дороги. Известен также как организатор выставки «Дикий Запад Баффало Билла» (с 1883 года), которая в течение более чем двадцати лет с большим успехом демонстрировалась в США и Европе.

Стр. 244. ...делегация с Гавайских островов, с королем Камехамеха...— Камехамеха I (ок. 1758–1819) — гавайский правитель, взошедший на престол в 1780 году, последующие десять лет вел кровавую войну за господство на Гавайских островах. К 1810 году ему удалось объединить племена, кроме обитателей островов Кауай и Ниихау. Стремился сохранить независимость Гавайев, одновременно выступая за развитие торговых связей с внешним миром.

Стр. 246. ...Джон Бэрримор...— Джон Бэрримор (1892–1942), американский актер и художник-иллюстратор, звезда Голливуда, один из самых многогранных актеров как немого, так и звукового кино, с одинаковым успехом исполнявший роли как героев-любовников, так и отъявленных злодеев. Этот его талант наиболее ярко проявился в экранизации Р. Л. Стивенсона «Доктор Джекилл и мистер Хайд», где ему удалось сыграть обоих персонажей без применения грима.

...узнал Эммета Келли...— Эммет Келли (1898–1978), американский комик, создатель образа «Бедняги Уилли», настойчивого неудачника. Выступал с цирками Барнума и Бейли и братьев Ринглинг. Выражение «Бедняга Уилли» приобрело значение «бродяга», «босяк», «бездельник».

...от крошки Морщинки до гиганта Джамбо...— Морщинка и Джамбо — прославленные слоны цирка Барнума; энциклопедия «Американа» называет Джамбо «самым знаменитым слоном Америки», этот гигант весом в шесть с половиной тонн был куплен в 1881 г. в лондонском зоопарке и получил свое имя от поймавших его в Западной Африке охотников. На языке суахили оно означает «вождь» («юмбо»). Барнум писал в рекламе: «...Джамбо, универсальный синоним всего исполинского...» и тем самым ввел это слово в английский язык в значении «гигантский, огромный».

...а с ними... Уолли Бири...— У. Бири (1886–1949) — американский актер.

Стр. 247. ...как половинки гранатовых яблок...— аллюзия на «Песнь Песней»: «Ты учил бы меня, а я поила бы тебя ароматным вином, соком моих гранатовых яблоков».

К РАССКАЗУ «АКВАРИУМ»

Стр. 322. ...забавный стишок Роланда Янга о блохе...— «Забавные создания — эти блошки,/ Тебе не отличить его от нее./ Но каждая из блошек знает, каков ее пол».

Стр. 328. ...представитель вида Homo piscis...— игра слов, homo в переводе с латыни означает «человек», piscis — «рыба».

К РАССКАЗУ «ИНОЗДЕСЬ»

Стр. 344. ...с точки зрения христианского фундаментализма библейского пояса...— то есть южных и центральных районов США, где наиболее распространена протестантская религия.

Стр. 366. ...когда я вернулся с Ультимы Туле...— в древнеримской литературе Ультимой Туле называли самую северную часть обитаемого мира. Нечто, находящееся за пределами привычного мира.

К РАССКАЗУ «УРОБОРОС»

(Все вы, зомби...)

Стр. 380. Уроборос — иногда ороборос, от греческих слов «ора» — «хвост» и «бора» — «пища»; букв. «пожирающий свой хвост», мировой змей, обвивающий кольцом Землю, ухватив себя за хвост. Символ бесконечного возрождения, один из первых символов бесконечности в истории человечества. Уроборос воплощает циклическую и преходящую природу вещей, а в применении к философии истории — учение о вечном возврате.

Стр. 383. ...приходилось слышать о Кристине Йоргенсон?..— в 1953 году в медицинской клинике Копенгагена моряка британского флота Кристиана Йоргенсона превратили в женщину Кристину Йоргенсон.

...Или о Роберте Коуэлл?..— имеется в виду Роберта Клоз, одна из первых, проведших операцию по изменению пола.

Стр. 384. ...словами «станция обслуживания» когда-то обозначалось место продажи нефтяных фракций...— «service station» («станция обслуживания») означает заправочная станция, но одно из значений слова «service» — «случка».

К РАССКАЗУ «ГОД ОКОНЧАНИЯ ИГРЫ»

Стр. 450. ...пока миллионы... леммингов не потонут в водах океана...— под общим названием лемминги известно

несколько родов мелких грызунов из подсемейства полевок. Наиболее примечательная черта в их жизни — это массовые миграции. В некоторые годы расплодившиеся лемминги спускаются с гор, переплывают реки, морские заливы и сотнями тысяч тонут.

Стр. 453. ...Если Потти...— Потти *(жарг.)* — толстячок, пузанчик.

Стр. 461. ...процедура идентична танцам верховных жриц в храме Карнака...— деревня Карнак в Египте дала название группе храмов, которые были возведены на правом берегу Нила в северо-восточной части древних Фив. С незапамятных времен это было одно из центральных святилищ бога Амона.

Стр. 462. ...партия «агностиков»...— агностицизмом называется философское учение, отрицающее возможность познания истинной сущности окружающего мира, но не отрицающее самого процесса познания.

Стр. 467. ...тикеры, не выдержав, сломались...— тикеры — биржевые аппараты, передающие котировку ценных бумаг.

Стр. 471. ...твоя старушка оборудована шноркелем...— шноркель — устройство для работы двигателя под водой.

Стр. 482. ...через полюс, когда там стояла самая лютая стужа со времен коммодора Пири...— Роберт Пири (1856–1920), американский морской офицер, исследователь Арктики. В 1909 году побывал на Северном полюсе.

К РАССКАЗУ «УТРАЧЕННОЕ НАСЛЕДИЕ»

Стр. 488. ...официально мы считаемся бихевиористами...— Бихевиоризм — одно из ведущих направлений в

американской психологии в первой половине XX века. Основным предметом психологии считает не сознание, а поведение, то есть реакции на внешние раздражители.

Стр. 492. ...«Три слепые мышки»... — название детской английской песенки, которую часто упоминают в художественных произведениях, например в пьесе Агаты Кристи «Мышеловка».

Стр. 496. ...они понимают, как Падеревский... — Игнацы Ян Падеревский (1860–1941), польский пианист и композитор.

Стр. 497. ...бритва Уильяма Оккама — бритва Оккама — тезис, сформулированный английским философом-схоластом, логиком, известным церковно-политическим писателем, францисканским монахом Вильямом Оккамом (ок. 1285–1349) и гласящий: «Лишние сущности должны быть отсечены», то есть в расчет следует принимать лишь то, что может быть выведено из опыта или интуитивного знания.

Стр. 498. ...начинает напоминать фантазии Руба Голдберга... — американский карикатурист Руб Голдберг (1883–1970) особенно прославился «Сумасшедшими изобретениями», где всякие причудливые и сложные механизмы приспосабливались для выполнения простейших операций. Его имя стало нарицательным для обозначения ненужного усложнения простых по сути вещей.

Стр. 503. ...лучше уж я послушаю о Безумном Ученом и его Трильби — «Трильби» — роман английского писателя Жоржа Дюморье (1834–1896), впервые опубликованный в 1894 г. и очень популярный в свое время. Героиню романа по имени Трильби под гипнозом научили петь и сдела-

ли великой певицей. Когда ее учитель умер, дар у Трильби пропал.

Стр. 505. ...разложи пасьянс Кэнфилда...— Ричард Кэнфилд (1855–1914), американский коллекционер, игрок и владелец игорных клубов. В его честь была названа одна из разновидностей пасьянса.

Стр. 509. ...не включила свои рентгеновские глаза, мисс Гудини...— Гарри Гудини (1874–1926), знаменитый американский иллюзионист, поражавший воображение современников фокусами и мастерски освобождавшийся из оков, закрытых помещений и т.п.

Стр. 522. ...просвистел несколько тактов из «Реки Саванны»...— имеется в виду песня американского композитора XIX в. Стивена Фостера о реке на юге штата Джорджия.

Стр. 528. ...что он тот самый Эмброуз Бирс?..— Эмброуз (Амброз) Бирс (1842–1914?), американский писатель, который прославился произведениями в духе Эдгара По. Его неожиданное и таинственное исчезновение в 1914 г. вызвало немало пересудов.

Стр. 542. ...когда фра Хуниперо Серра...— Мигуэль Хосе Хуниперо Серра (1713–1784), испанский католический священник и миссионер, который немало сделал для обращения в христианство американских индейцев в Мексике, и в частности в Калифорнии, входившей тогда в состав Мексики.

Стр. 548. ...Джозеф Смит... Джозеф Смит (1805–1844), основатель мормонской церкви, который опубликовал «Книгу Мормона», историю якобы существовавшей в Америке колонии «иерусалимских израильтян», которым Христос будто бы заповедал свое учение, записанное

пророком Мормоном на медных скрижалях. «Книга Мормона» содержит больше трехсот прямых библейских цитат и представляет собой сокращенный и модифицированный пересказ обеих книг Библии — Ветхого и Нового заветов. В 1843 году, основываясь на одном из собственных откровений, Смит провозгласил многоженство (сорок семь лет спустя отмененное), а также теократический характер общины. Первоначально преследуемые в восточных штатах, мормоны двинулись на Запад и на территории, впоследствии получившей название штата Юта, основали город Солт-Лейк-Сити, ставший их Иерусалимом и Меккой вместе; там и расположен главный мормонский храм.

Стр. 552. ...Оливер Уэнделл Холмс был одним из нас. Уолт Уитмен был... нашим братом...— американский писатель О.У. Холмс (1890–1965) прославился критикой религиозной нетерпимости.

Уолт Уитмен (1819–1892), американский поэт, воспевавший позитивные науки, «мировую демократию» и всемирное братство народов.

Стр. 573. ...как мог бы одеться Дэви Крокетт...— Дэвид Крокет (1786–1836) — одна из самых популярных личностей в истории молодой Америки, герой фронтира, родился и вырос в штате Теннесси, во время Крикской войны (1813–1814) был разведчиком. Приобрел славу незаурядного охотника, участвовал в войне за независимость Техаса, куда уехал, проиграв выборы в Палату представителей в 1835 г. Погиб в крепости Аламо. Стал героем североамериканского фольклора.

Стр. 581. ...«Сыны семьдесят шестого»...— аллюзия на патриотическую организацию «Сыны революции». Независимость США была провозглашена 4 июля 1776 года.

К РАССКАЗУ «ЕЕ СОБСТВЕННАЯ ВАННАЯ»

Стр. 619. ...*Ксантиппа*...— легендарная жена древнегреческого философа Сократа. В переносном смысле — властная, сварливая баба.

К РАССКАЗУ «ОПЕРАЦИЯ "КОШМАР"»

Стр. 687. ...*вдруг получил «змеиные глаза»*...— две единицы.

Стр. 699. ...*они ее в Саунд запихали*...— Пьюджет-Саунд — залив, на берегу которого стоит Сиэтл.

Стр. 703. ...*она в Лупе*...— Луп (от английского loop — «петля»), район в центре Чикаго, охватываемый петлей железной дороги.

К ПОВЕСТИ «НИКУДЫШНОЕ РЕШЕНИЕ»

Стр. 732. ...*Мы можем объявить Pax Americana*...— то есть Американский мир, американская эра *(лат.)*.

Стр. 733. ...*об испано-американской войне*...— испано-американская война началась в 1898 году. Поводом послужил взрыв на рейде в Сантьяго американского броненосца «Мейн» от невыясненных причин. Соединенные Штаты заявили, что его потопили испанцы, и объявили Испании войну, после чего начали военные действия на Кубе и Филлипинах, формально поддержав освободительную борьбу этих колоний против испанского гнета, а на деле произведя оккупацию Кубы.

Стр. 744. ...очередной «Лорд Гав-Гав»...— такую кличку во время войны дали англичане обозревателям, выступавшим по немецкому радио с передачами на английском языке.

Стр. 756. ...отмена «хабеас корпус»...— то есть Закона о неприкосновенности личности (1679 г.).

Стр. 758. ...после неожиданной смерти Сталина в 1941 году...— рассказ написан до 1941 года.

СОДЕРЖАНИЕ

НЕПРИЯТНАЯ ПРОФЕССИЯ ДЖОНАТАНА ХОГА 9
ОНИ 157
НАШ ПРЕКРАСНЫЙ ГОРОД 175
И ПОСТРОИЛ ОН СЕБЕ СКРЮЧЕННЫЙ ДОМИШКО 200
ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ТОРГОВАЛ СЛОНАМИ 227
ЧТО ВЫТВОРЯЮТ С ЗЕРКАЛАМИ 248
(Криминальная история, рассказанная Эдисоном Хиллом) 248
КЛИФФ И КАЛОРИИ 276
АКВАРИУМ 290
ИНОЗДЕСЬ 335
УРОБОРОС (Все вы, зомби...) 380
ПО СОБСТВЕННЫМ СЛЕДАМ 398
ГОД ОКОНЧАНИЯ ИГРЫ 438

УТРАЧЕННОЕ НАСЛЕДИЕ 487
ВНЕ ВСЯКИХ СОМНЕНИЙ 589
ОРКЕСТР МОЛЧАЛ, И ФЛАГИ НЕ ВЗЛЕТАЛИ... 603
ЕЕ СОБСТВЕННАЯ ВАННАЯ 609
ДА БУДЕТ СВЕТ! 635
НА СКЛОНАХ ВЕЗУВИЯ 656
ВОДА ПРЕДНАЗНАЧАЕТСЯ ДЛЯ КУПАНИЯ 666
ОПЕРАЦИЯ «КОШМАР» 682
НИКУДЫШНОЕ РЕШЕНИЕ 714
УСПЕШНАЯ ОПЕРАЦИЯ 773
СВОБОДНЫЕ ЛЮДИ 779

КОММЕНТАРИИ 811

Литературно-художественное издание

Роберт Хайнлайн

ВНЕ ВСЯКИХ СОМНЕНИЙ

Ответственный редактор *Я. Ашмарина*
Выпускающий редактор *Н. Краюшкина*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *М. Белякова*
Корректор *Е. Шестакова*

В оформлении переплета использована
иллюстрация художника *Донато Джаколо*

Издательство «Terra Fantastica» Издательского дома «Корвус».
Лицензия ЛР № 066477.
190121, г. Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д.1 «Б»
Сайт издательства: www.tf.ru. Электронный адрес издательства: terrafan@tf.ru

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Подписано в печать 19.09.2007.
Формат 84x108$^{1}/_{32}$. Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 43,68.
Тираж 6000 экз. Заказ № 3995.

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс (4822)44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru